

История инквизиции Испании со времени ее основания до правления Фердинанда VII

Хуан Антонио Льоренте

**The History of the Inquisition of Spain from
the Time of its Establishment to the Reign
of Ferdinand VII.**

Juan Antonio Llorente

Электронная книга проекта Гутенберга по Истории инквизиции Испании со времени ее основания до правления Фердинанда VII.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История инквизиции Испании со времени ее основания до правления Фердинанда VII.

Автор: Хуан Антонио Льоренте

Дата выхода: 20 декабря 2011 [Электронная книга № 38354]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Чаком Грейфом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Print project.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ ИСПАНИИ СО ВРЕМЕНИ ЕЕ ОСНОВАНИЯ ДО ПРАВЛЕНИЯ ФЕРДИНАНДА VII". ***

Хотя некоторые типографские ошибки были исправлены (см. Список в конце текста), было предпринято мало попыток исправить или нормализовать ударение в испанском или написание английского текста, которые напечатал автор. (например, вести переговоры; Aragon / Арагон; de Alpizcueta / d'Alpizcueta / д'Альпизкуэта; Escorial / Эскориал.)

"

ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ" ЛЬОРЕНТЕ.

ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ ИСПАНИИ, СО ВРЕМЕНИ ЕЕ ОСНОВАНИЯ ДО ПРАВЛЕНИЯ ФЕРДИНАНДА VII

СОСТАВЛЕНО НА ОСНОВЕ

ОРИГИНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ АРХИВОВ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА И ПОДЧИНЕННЫХ

Трибуналов Святой Канцелярии.

СОКРАЩЕНО И ПЕРЕВЕДЕНО С ОРИГИНАЛЬНЫХ РАБОТ Д. ХУАНА АНТОНИО ЛЬОРЕНТЕ,
БЫВШЕГО СЕКРЕТАРЯ ИНКВИЗИЦИИ, РЕКТОРА ТОЛЕДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, КАВАЛЕРА
ОРДЕНА КАРЛА III.,
& с. & с. & с.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

ЛОНДОН:
НАПЕЧАТАНО ДЛЯ ГЕО. Б. УИТТАКЕР,
АВЕ-МАРИЯ-пер.
MDCCCXXVII.

ЛОНДОН:
Напечатано УИЛЬЯМОМ КЛАУЗОМ,
Стэмфорд-стрит.

Содержание.

	Страницы
Глава I. Первая эпоха церкви до обращения императора Константина	1
Глава II.—Создание общего инквизиции против еретиков в XIII веке	12
Глава III.—Древней инквизиции в Испании	16
Главу IV.—Правительства старая инквизиция	20
Глава XII в.—создание современной инквизиции в Испании	30
Глава VI.—Создание Великий Инквизитор-генерал—Королевского Совета инквизиции—от подчиненных трибуналов и органических законов—создание Святая инквизиция в Арагоне	39
Глава VII.—Дополнительные акты, чтобы первая Конституция Святой управления, и последствия их, и апелляции в Рим против них	46

Глава VIII вида.—Изгнание евреев—дело против епископов—смерть Торквемады	53
Глава IX.—Процедуры современной инквизиции	59
Глава X. В—главных событий, во время служения инквизиторов деза и Сиснерос	71
глава XI.—Покушение на кортесах Кастилии и Арагона, чтобы реформировать инквизицию—главных событий, по словам Адриана, четвертый Инквизитор-генерал -	84
глава XII.—Поведение инквизиторов в отношении Morescoes	94
глава XIII.—О запрете книг и прочих изделий	100
глава XIV.—Особенно по делам, по подозрению в лютеранстве, и ряда других преступлений	113
глава XV.—Преследования колдунов, магов, волшебников, некромантов и др	129
глава XVI.—Суда ложных нунций в Португалии и других важных событий, во время кардинал Tabera, шестой Инквизитор-генерал	142
глава XVII.—В суды инквизиции Неаполя, Сицилии и Мальты и события эпохи кардинала Loaisa, седьмой Инквизитор-генерал	157
глава XVIII.—Важные события в первые годы администрации восьмой Инквизитор-генерал—религия Карла V в последние годы его жизни	164
глава XIX.—Из-за возбужденного против Карла V и Филиппа II. как Раскольников и любителей ересь—прогресс инквизиции под последней из этих князей—последствия частности, за который он показал в сторону его	179
глава XX.—Инквизиция литургию в Вальядолиде в 1559 году два аутодафе-да-Фе против лютеран, в присутствии некоторых членов королевской семьи	196
глава XXI.—История двух аутодафе-да-Фе, отмечали против лютеран в Севилье	212
глава XXII.—Таинства 1561, которые были выполнены в трудах Святая инквизиция, до настоящего времени	227
глава XXIII.—Некоторые авто-да-Фе отмечается в Мурсия	253
глава XXIV.—В авто-да-Фе отмечается инквизиция Толедо, Сарагосы, Валенсии, Логроньо, Гренада, Суенса, и Сардиния во времена правления Филиппа II.	269
ГЛАВА XXV.—Из ученых людей, которые подвергались преследованиям со стороны инквизиции	277
глава XXVI.—Преступления, совершенные инквизиторами против королевской власти и судей	323
глава XXVII.—Испытания нескольких государей и князей, предпринятые инквизицией	347
глава XXVIII.—Поведения Святого престола в отношении тех священников, которые злоупотребляли таинством исповеди	355
глава XXIX.—Испытания, возбужденные инквизицией против прелатов и испанские врачи Тридентского собора	357
глава XXX.—Обвинения нескольких святых и святых людей инквизицией	371
глава XXXI.—Знаменитый судебный процесс Дона Карлоса, Принца Астурийского	377
глава XXXII.—Судебный процесс архиепископа Толедо	409

глава XXXIII.—Продолжение судебного разбирательства, до тех пор, пока архиепископ отправился в Рим	442
глава XXXIV.—Конец испытания Карранса—его смерть	459
глава XXXV.—Судебный процесс Антонио Переса, министра и первого государственного секретаря Филиппа II.	472
ГЛАВА XXXVI.—Несколько судебных процессов, обусловленных что Антонио Перес.	488
ГЛАВА XXXVII.—Основные события инквизиции в царствование Филиппа III.	500
ГЛАВА XXXVIII.—Испытания и авто-да-Фе во время правления Филиппа IV.	502
ГЛАВА XXXIX.—Об инквизиции в царствование Карла II.	512
ГЛАВА XL.—Об инквизиции в царствование Филиппа V.	518
глава XLI.—Об инквизиции в царствование Фердинанда VI.	524
ГЛАВА XLII.—Инквизиции в период правления Карла III.	539
ГЛАВА XLIII.—Испанской инквизиции при Карле IV.	546
ГЛАВА XLIV.—Об инквизиции в царствование Фердинанда VII.	565
число жертв инквизиции.	575
расширенной переписчик Примечание	
сноски	

Реклама.

Составитель следующих страниц лишь попытался дать сжатый перевод сложной и объемистой истории в надежде, что она может оказаться более полезной в ее нынешнем виде, чем в оригинальных работах. Те части, которые не рассчитаны на то, чтобы заинтересовать или проинструктировать широкого читателя, и не содержат иллюстраций по данному предмету, были опущены. Были отобраны те судебные процессы, которые служат примерами различных законов инквизиции и ее состояния в разные эпохи и которые включают преследования самых выдающихся людей.

Любопытный будет в полной мере удовлетворен чтением истории тайного трибунала; досужий человек не преминет найти занятие и развлечение на страницах Льюоренте; а философ обнаружит в них достаточный простор для размышлений об отклонениях человеческого разума и о способности нашей природы, находясь под влиянием фанатизма, с систематическим безразличием причинять смерть, пытки, страдания, тревогу и бесчестие виновным и невиновным.

Все свидетельства о фантастических жестокостях языческого мира не дают такой ужасающей картины человеческой слабости и порочности, как подлинные документы о законах и действиях этой Святой Канцелярии, которая заявляла, что действует под влиянием доктрин Искупителя Мира!

Я со смирением предлагаю это сокращенное издание работы широкой публике и, хотя я надеюсь, что оно будет доброжелательно воспринято, верю, что оно может оказаться интересным и полезным для всех категорий читателей.

Июнь 1826 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ХОТЯ трибунал в Испании существует уже более трехсот лет и наделен полномочиями по судебному преследованию еретиков, точной истории его возникновения, учреждения и прогресса написано не было.

Писатели многих стран говорили об инквизициях, учрежденных в разных частях света, где римско-католическая вера является государственной религией, и все же ни одна из них не заслуживает доверия. Работа М. Лавалле, озаглавленная "История инквизиций Италии, Испании и Португалии" и опубликованная в 1809 году, только добавила исторических ошибок предшествовавшим ему авторам. Испанские и португальские авторы на ту же тему заслуживают не большей похвалы; они не описали с точностью обстоятельства, которые привели к учреждению этого ужасного трибунала. Эти авторы даже расходятся в своих утверждениях о периоде его возникновения и помещают его между 1477 и 1484 годами. Один с уверенностью утверждает, что последняя дата является истинной, потому что в том году были введены в действие правила трибунала; другой решает, что она возникла в 1483 году, потому что в том году папа назначил Томаса Торквемаду генеральным инквизитором.

Инквизиция Испании не была новым трибуналом, созданным Фердинандом V и королевой Кастилии Изабеллой, а лишь реформой и расширением древнего трибунала, существовавшего с XIII века.

Никто не смог бы написать полную и достоверную историю инквизиции, если бы не был ни инквизитором, ни секретарем святой канцелярии. Лицам, занимающим только эти должности, могло быть разрешено делать записи папских булл, постановлений монархов, решений "Верховного совета", оригиналов предварительных процессов по подозрению в ереси или выписок из тех, что были сданы на хранение в архивы. Будучи сам секретарем инквизиции в Мадриде в течение 1789, 1790 и 1791 годов, я твердо уверен в том, что смогу дать миру истинный свод тайных законов, которыми управляла Инквизиция, тех законов, которые были покрыты тайной от всего человечества, за исключением тех людей, которым было известно исключительно об их политическом значении. Твердое убеждение, основанное на знании глубинных целей этого трибунала, что он был порочен в принципе, в своей конституции и в своих законах, несмотря на все, что было сказано в его поддержку, побудило меня воспользоваться преимуществом, которое давало мне мое положение, и собрать все документы, которые я мог раздобыть, касающиеся его истории. Мое упорство увенчалось успехом, превзошедшим все мои надежды, ибо в дополнение к обилию материалов, добытых трудом и затратами, состоящих из неопубликованных рукописей и бумаг, упомянутых в описях умерших инквизиторов и других должностных лиц учреждения, в 1809, 1810 и 1811 годах, когда инквизиция в Испании была подавлена, все архивы были предоставлены в мое распоряжение; а с 1809 по 1812 год я собирал все, что, по моему мнению, имело значение, в реестрах совета инквизиции и в других архивных документах. провинциальные трибуналы, с целью составления этой истории.

Никогда еще узник инквизиции не видел ни обвинения против себя, ни против кого-либо другого. Никому никогда не разрешалось знать о своем деле больше, чем он мог узнать о нем из

допросов и обвинений, на которые он был вынужден отвечать, и из выдержек из заявлений свидетелей, которые были сообщены ему, хотя не только их имена были тщательно скрыты, но и все обстоятельства, относящиеся ко времени, месту и личности, благодаря которым он мог получить ключ к разоблачению своих обвинителей, даже если в показаниях содержалось что-либо благоприятное для защиты подсудимого. Принцип, на котором это было основано, состоит в том, что обвиняемый должен заниматься не чем иным, как ответами на основные пункты своего обвинения, и что впоследствии судья должен был сравнить ответы, которые он дал, с теми, которые были даны в пользу его оправдания. Филип Лимборч и многие другие правдивцы допустили ошибку в своих историях из-за незнания метода проведения инквизиционного процесса. Эти авторы полностью полагались на рассказы заключенных, которые ничего не знали об основах своего собственного дела; а подробности у Эймерика, Парамо, Пеньи, Карены и некоторых других инквизиторов слишком ограничены, чтобы дать необходимую информацию.

Эти факты заставляют меня надеяться, что я не нарушу границ приличия, когда скажу, что могу рассказать только правдивую историю инквизиции, поскольку располагаю лишь материалами, необходимыми для этого предприятия.

Я читал о самых знаменитых процессах современной инквизиции, и приведенные мной подробности существенно отличаются от тех, что приводят другие историки, не исключая и те, что приводит Лимборх, который является наиболее точным из них. Судебные процессы над доном Карлосом Австрийским, принцем Астурийским, доном Бартоломью Каррансой, архиепископом Толедским, и Антониом Пересом, первым министром и секретарем Филиппа II, были прекрасно проиллюстрированы многими важными деталями.

Я установил истинность того, что касается императора Карла V; Жанны де Альбре, королевы Наваррской; Генриха IV, короля Франции, ее сына и Маргариты Бурбонской, суверенной герцогини Барской, ее дочери; дона Джеймса Наваррского, сына дона Карлоса, принца Бианского, прозванного Инфантом Тудельским; Джона Пика де Мирандолы; дона Джона Австрийского, сына Филиппа IV; Александра Фарнеза, герцога Пармского и внука Карла V; дона Филиппа Арагонского, сына императора Марокко; Сезара Борджиа, сына папы Александра VI и родственника короля Наварры; Жана Альбре, герцога Валентинуа, пэра Франции; дона Питера Луиса Борджиа, последнего великого магистра военного ордена Монтессы, и многих других князей, против которых инквизиция применила свою власть. Любитель истории найдет подробности судебных процессов над семью архиепископами, двадцатью епископами и большим количеством ученых мужей, среди которых многие члены Тридентского собора, которых, к сожалению, подозревали в том, что они придерживались лютеранских доктрин или одобряли их. К этому списку я добавил иски, возбужденные *святой канцелярией* против многих *святых* других персонажей, почитаемых Испанской церковью, а также многих литераторов, преследуемых этим трибуналом. Ради наглядности я разделил их на два класса; к первому классу относятся те ученые богословы, которых обвиняли в лютеранстве за то, что они в своем рвении исправляли тексты уже опубликованных Библий или латинские переводы с греческого и еврейского изданий. Второй класс состоит из тех ученых мужей, которых святая канцелярия причислила к ложным философам и которые подвергались преследованиям за то, что проявляли желание уничтожить в Испании суеверия и фанатизм.

Из этой истории станут известны бесчисленные покушения, совершенные инквизиторами против магистратов, защищавших права суверенной власти, в противовес

предприятиям *святой канцелярии* и Римского суда; и это позволяет мне привести судебные процессы над многими знаменитыми людьми и министрами, которые защищали прерогативы короны, и единственными преступлениями которых были публикации работ о праве короны в соответствии с истинными принципами юриспруденции. Эти судебные процессы покажут, что советники инквизиции довели свою дерзость до такой степени, что отрицают, что их светская юрисдикция была получена с согласия их суверена, и фактически преследуют всех членов совета Кастилии как опрометчивых людей, подозреваемых в ереси, за то, что они обнародовали и осудили королю эту систему узурпации. В дополнение к этим невыносимым действиям будут найдены свидетельства их утверждения о превосходстве над вице-королями и другими великими государственными деятелями. Я также показал, что эти служители преследования были главными причинами упадка литературы и практически уничтожили почти все, что могло просветить людей, своим невежеством, слепым подчинением монахам, которые были квалифицированными специалистами, и преследованиями должностных лиц и ученых, которые стремились распространять информацию. Эти монахи были презренными богословами-схоластами, слишком невежественными и предубежденными, чтобы быть способными установить истину между доктринами Лютера и Римского католицизма, и поэтому осуждали, как лютеране, неоспоримо истинные положения.

Ужасное поведение этой *святой канцелярии* ослабило власть и уменьшило численность населения Испании, остановив прогресс искусств, наук, промышленности и торговли и вынудив множество семей покинуть королевство; спровоцировав изгнание евреев и мавров; и предав огню более *трехсот тысяч жертв*!! Система генеральных инквизиторов и совета этой *святой канцелярии* была настолько пропитана двуличием, что, если папская булла могла ограничить их власть или сдержать их месть, они отказывались подчиняться под предлогом того, что она противоречит законам королевства и приказам испанского правительства. Аналогичным образом они обошли постановления короля, утверждая, что папские буллы не позволяли им подчиняться под страхом отлучения от церкви.

Секретность, враг истины и правосудия, была душой трибунала инквизиции; она придавала ему новую жизнь и энергию, поддерживала и укрепляла его произвольную власть и настолько придавала ему смелости арестовывать самых высокопоставленных и благородных людей в стране и позволяла ему обманывать, скрывая факты, пап, королей, вице-королей и всех, облеченных властью их сувереном. Эта *святая канцелярия*, завуалированная секретностью, без колебаний скрывала, фальсифицировала или подделывала отчеты о судебных процессах, когда была вынуждена открыть свои архивы папам или королям. Инквизиторы постоянно преуспевали с помощью этого отвратительного плутовства в сокрытии правды и облегчали свою задачу тем, что старались не нумеровать отчеты. Это в значительной степени практиковалось на процессах над архиепископом Толедским, Протонотарием и другими.

Факты неопровержимо доказывают, что искоренение иудаизма было не настоящей причиной, а простым предлогом для учреждения инквизиции Фердинандом V. Истинным мотивом было применение мощной системы конфискаций против евреев и таким образом передача их богатств в руки правительства. Сикст IV санкционировал эту меру, чтобы добиться самого дорогого для римского двора - степени господства. Карл V. защищал это из политических соображений, будучи убежден, что это единственное средство предотвратить проникновение ереси Лютера в Испанию. Филипп II. был движим суевериями и тиранией, чтобы поддержать его; и даже распространил свою юрисдикцию на акцизы и сделал экспортеров лошадей во

Францию подлежащими аресту должностными лицами трибунала как лиц, подозреваемых в ереси! Филипп III, Филипп IV и Карл II придерживались того же курса, побуждаемые подобным фанатизмом и идиотизмом, когда воссоединение Португалии с Испанией привело к обнаружению многих евреев. Филипп V поддерживал инквизицию из соображений ошибочной политики, унаследованной от Людовика XIV, который заставил его поверить, что такая строгость обеспечит спокойствие королевства, которое всегда было в опасности, когда терпимо относились ко многим религиям. Фердинанд VI. и Карл III. подружились с этой *священной канцелярией*, потому что они не хотели отклоняться от курса, которого придерживался их отец, и потому что последний ненавидел масонов. Наконец, Карл IV. поддерживал трибунал, потому что Французская революция, казалось, оправдывала систему надзора, и он нашел твердую поддержку в рвении генеральных инквизиторов, всегда внимательных к сохранению и расширению своей власти, как будто суверенная власть не могла найти более надежного средства укрепления трона, чем террор, вдохновляемый инквизицией.

Пока я оставался в Лондоне, я слышал, как некоторые католики утверждали, что инквизиция была полезна в Испании для сохранения католической веры и что подобное учреждение было бы полезно во Франции.

Эти люди были обмануты, полагая, что людям достаточно быть добрыми католиками, чтобы не испытывать никакого страха перед *святой канцелярией*. Они не знали, что девять десятых заключенных были признаны виновными, хотя и верными своей вере, потому что невежество или злоба обвинителей преследовали их за пункты доктрины, которые не поддавались еретическому толкованию, но, по мнению неграмотного монаха, мир считает его эрудитом, потому что говорят, что он изучал теологию школ. Инквизиция поощряла лицемерие и наказывала тех, кто либо не умел, либо не хотел надевать маску. Этот трибунал не привел к обращению. Евреи и мореско, которые были крещены, не будучи по-настоящему обращенными, просто для того, чтобы остаться в Испании, являются примерами, подтверждающими истинность этого утверждения. Первые погибли на кострах инквизиции, вторые переправились в Африку вместе с маврами, такими же магометанами, какими были их предки до крещения.

В заключение я заявляю, что содержание этой истории оригинально; и что я точно почерпнул факты из самых достоверных источников и, возможно, значительно расширил их^[1].

ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ.

ГЛАВА I.

ПЕРВАЯ ЭПОХА ЦЕРКВИ ДО ОБРАЩЕНИЯ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА.

Едва успела утвердиться христианская религия, как среди ее последователей возникли ереси. Апостол Святой Павел наставляет Тита, епископа Критского, в его долге по отношению к еретикам, говоря, что человек, упорствующий в своей ереси, после первого и второго

предостережения должен быть отвергнут; но Святой Павел не говорит, что еретик должен быть лишен жизни; и наш Спаситель, обращаясь к святому Петру, повелевает, чтобы грешник был прощен не только семь раз, но и семьдесят раз по семь, из чего следует, что он никогда не должен быть наказан смертью по решению церкви. Таково было учение церкви в течение трех первых столетий, до Константиновского мира. Еретиков никогда не отлучали от церкви, пока увещания не оказывались напрасными. Поскольку эта система была принята, было естественно, что некоторые люди писали против ереси, чтобы предотвратить ее распространение. Это делали святой Игнатий, Кастор Агриппа, святой Ириней, святой Климент Александрийский, святой Юстин, святой Денис Коринфский, Тертуллиан, Ориген и многие другие.

Эти верные подражатели благожелательности своего Божественного Учителя питали отвращение к репрессивным мерам. Хотя зло, порожденное религией нечестивого Манеса, было настолько велико, что Архелай, епископ Кашкары в Месопотамии, счел необходимым заключить его в тюрьму, все же он отказался от этого замысла, когда Марцелл (которому Манес написал) предложил провести с ним еще одно совещание. Архелаю удалось обратить еретика в свою веру, и он не только отказался от своего намерения задержать его, но и спас ему жизнь, когда люди хотели забить его камнями до смерти.

Возможно, что церковь была в определенной степени вынуждена действовать таким образом из-за невозможности применения принудительных мер светской власти против еретиков во время правления языческих князей; но это был не единственный мотив ее терпимости, поскольку несомненно, что, когда не существовало эдиктов о преследовании христиан, императоры принимали обращения епископов таким же образом, как и обращения других их подданных: это доказывается историей еретика Павла Самосатского, епископа Антиохийского.

Совет этого города, собравшийся в 272 году, осознав, что Павел снова впал в ересь после отречения, которое он совершил перед собором 266 года, низложил его и избрал на его место Домнуса. Поскольку епископальный дом все еще занимал свергнутый епископ, ему было приказано покинуть его, чтобы его преемник мог вступить во владение. Павел отказался повиноваться, и епископы обратились к императору Аврелиану, который тогда еще не начал преследовать христиан; он выслушал их жалобу и ответил, что, поскольку он не знает, какая из двух сторон права, они должны подчиниться решению римского епископа и его церкви. Святой престол тогда занимал Феликс I. Он подтвердил решение собора, и император Аврелиан привел его в исполнение.

Поскольку веротерпимость была всеобщей в христианской церкви, не следует предполагать, что испанская церковь следовала иным принципам. Василид и Марциал, епископы Асторги и Мерида, отступили; они примирились с церковью без какого-либо наказания, кроме унижения, которому они подверглись до 253 года, когда обратились к папе Стефану.

Эльвирский собор 303 года постановил, что если еретик требует повторного принятия в лоно церкви, он должен быть примирен, не понеся никакого наказания, кроме канонической епитимьи сроком на десять лет, что было тем более примечательно, что этот собор установил более суровые наказания за многие преступления, которые кажутся менее отвратительными. Это, по-видимому, доказывает, что испанские епископы, составлявшие этот собор, среди которых были великие Осий Кордовский, Сабин Севильский, Валерий Сарагосский и Мелантий

Толедский, были убеждены, подобно Оригену, что снисхождение было средством обращения еретиков, чтобы не дать им впасть в упрямство и нераскаянность.

ВТОРАЯ ЭПОХА.—С четвертого по Восьмой век.

Если бы первоначальная система церкви по отношению к еретикам неукоснительно соблюдалась, как это и должно было быть после Константиновского мира, инквизиционного трибунала никогда бы не существовало и, возможно, число и продолжительность ересей были бы меньше; но папы и епископы четвертого века, воспользовавшись тем обстоятельством, что императоры приняли христианство, начали в известной степени подражать поведению, которое они осуждали в языческих священниках.

Эти понтифики, хотя и пользовавшиеся уважением из-за святости своей жизни, иногда доводили свое рвение к торжеству католической веры и искоренению ереси до слишком большой высоты; и чтобы обеспечить успех, поручили Константину и его преемникам установить гражданские законы против всех еретиков.

Этот первый шаг, который папы и епископы предприняли вопреки учению святого Павла, был принципом и источником инквизиции; ибо, когда однажды установился обычай наказывать еретика телесной болью, хотя он и был добропорядочным подданным, возникла необходимость варьировать наказания, увеличивать их количество, делать их более или менее суровыми, в зависимости от характера каждого монарха, и регулировать способ судебного преследования виновного.

Император Феодосий издал в 382 году эдикт против манихеев, постановив, что они должны быть наказаны смертью, а их имущество конфисковано в пользу государства, и поручив префекту (Préfet du Prétoire) назначить инквизиторов и шпионов для обнаружения тех, кто должен скрываться.

Именно здесь инквизиция и обвинение впервые упоминаются в связи с ересью, поскольку до этого времени публичному осуждению разрешалось подвергать только те великие преступления, которые угрожали безопасности империи. Преемники Феодосия изменили эти эдикты, некоторые из которых угрожали еретикам судебным преследованием беспристрастных судей, если они добровольно не отрекутся от своих ошибок. Известным еретикам, которые не отреклись от престола после опубликования эдиктов, были разосланы уведомления о том, что, если они обратятся в христианство в определенное время, они будут допущены к примирению и понесут только каноническую епитимью.

Когда эти примирительные меры оказались безрезультатными, были приняты различные наказания. Те врачи, которые, пренебрегая законами, распространяли свои ложные заключения, подвергались значительным штрафам, изгнанию из городов и даже высылке. В некоторых случаях их имущество конфисковывалось; в других они были обязаны заплатить штраф в размере десяти фунтов золота, или их били кожаными ремнями и отправляли на острова, откуда они не могли сбежать. Помимо этих наказаний, им запрещалось проводить собрания, а нарушители подлежали проскрипции, изгнанию, ссылке и даже смертной казни в некоторых случаях. Исполнение этих указов было поручено губернаторам провинций, магистратам, отвечавшим за отправление правосудия, комендантам городов и их высшим должностным лицам, которые все подлежали различным наказаниям в случае халатности.

Принятия большинства из этих законов добивались известные своей святостью папы и епископы, и следует признать, что в их намерения не входило приводить в исполнение те, которые предписывали смертную казнь; они лишь хотели запугать новаторов их публикацией.

Испанская церковь оставалась верной общей дисциплине под властью римских императоров; впоследствии, при готах, среди них утвердилась арианская ересь; но с тех пор, как их князья приняли католическую веру, законы и соборы Испании сообщают нам об их обращении с еретиками.

Четвертый Толедский собор, собравшийся в 633 году, на котором присутствовал святой Исидор, архиепископ Севильи, был посвящен иудейской ереси: с согласия короля Сисинанда было постановлено, что они должны быть предоставлены в распоряжение епископов, подвергнуты наказанию и принуждены страхом вернуться к христианству во второй раз: они должны быть лишены своих детей, а их рабы отпущены на свободу.

В 655 году девятый Толедский собор постановил, что крещенные евреи должны быть обязаны отмечать христианские праздники со своими епископами, и что те, кто откажется соблюдать эту дисциплину, должны быть приговорены либо к наказанию бичеванием, либо к воздержанию, в зависимости от возраста нарушителя.

Мы обнаруживаем, что большая суровость была проявлена по отношению к тем, кто вернулся от христианства к идолопоклонству. Король Рекаред I предложил третьему собору в Толедо в 589 году поручить священникам и гражданским судьям искоренять этот вид ереси путем наказания виновных в степени, пропорциональной преступлению, но без применения смертной казни.

Этих строгих мер оказалось недостаточно, и двенадцатый Толедский собор в 681 году, на котором присутствовал король Эрбигиус, постановил, что, если преступник благороден, он должен быть подвергнут отлучению от церкви и ссылке; если он раб, его следует выпороть и доставить своему хозяину, закованному в цепи, а если владелец не может отвечать за него, то он должен быть предоставлен в распоряжение короля.

В 693 году шестнадцатый Толедский собор, собравшийся в присутствии короля Эгики, добавил к уже принятым мерам закон, по которому все, кто противодействовал усилиям епископов и судей уничтожить идолопоклонство, приговаривались, если они благородны, к отлучению от церкви и уплате штрафа в размере трех фунтов золота; а если низкого положения, то к сотне ударов кнутом и конфискации половины своего имущества.

Рекесунте, правивший с 663 по 672 год, установил особый закон против еретиков: он без разбора лишал их богатства и почестей, которыми они могли бы обладать, если бы были священниками, и добавлял к этим наказаниям вечное изгнание для мирян, если они упорствовали в ереси.

ТРЕТЬЯ ЭПОХА.—С восьмого века до понтификата Григория VII.

В четвертом, пятом, шестом и седьмом веках духовенство получило множество привилегий от королей и императоров, а судебная власть стала, в некоторых случаях, правом епископства. Эти приобретения и всеобщее невежество, последовавшее за вторжением варваров, были причинами влияния, которое римские понтифики приобрели на христианский народ, который

был убежден, что власть папы должна быть безграничной и что он обладает высшей властью как в церковных, так и в светских делах.

В 726 году, когда римляне свергли своего последнего герцога Василия, папа Григорий II. узурпировал гражданское правительство Рима и прибегнул к защите Карла Мартелла, мэра дворца, против короля Ломбардии, который претендовал на командование в этой столице. Его преемник, Григорий III, предложил Карлу Мартеллу звание патриция, как будто он имел право распоряжаться им. Захарий, избранный папой в 741 году, действовал как временный суверен Рима и позволил Пипину, сыну Карла Мартелла, принять титул короля Франции после низложения Хильдерика III, который был законным сувереном. Пипин был коронован во Франции Стефаном II, который стал папой в 752 году.

Наконец, Лев III. короновал Карла Великого императором запада на Рождество 800 года. На этой церемонии, которая состоялась в Риме, Карл Великий был провозглашен первым императором эпохи реставрации.

Папы использовали огромное влияние, которое они приобрели на общественное мнение, чтобы расширить и сохранить свое владычество. Пипин и Карл Великий не предвидели, насколько пагубным окажется их пример для их преемников, когда они просили Стефана II. освободить французов от присяги на верность Хильдерiku III. Когда доктрина о том, что папа обладает властью освобождать подданных от их клятвы верности, была однажды утверждена, стало необходимым, чтобы короли попытались примирить пап. Последующие события показывают, что эта доктрина способствовала подъему инквизиции.

Идея о том, что отлучение от церкви производило все последствия, связанные с бесчестьем, не только для христианина, на которого оно обрушивалось, но и для всех, кто имел с ним какое-либо общение, была еще одной причиной огромного влияния пап и прогресса инквизиции. Варвары сохранили учение друидов, запрещавшее галлу помогать тому, кого жрецы объявили нечестивым и ненавидящим богов, под страхом того, что его сочтут виновным перед богами и недостойным общества людей. Священники, находя это мнение устоявшимся, не боролись с ним, потому что оно придавало силу анафемам церкви. К счастью, средневековым папам еще не приходило в голову поручать людям выяснять, являются ли христиане ортодоксальными, и древняя церковная дисциплина все еще применялась к еретикам.

Феликс, епископ Уржельский в Испании, придерживался ошибочного мнения, что Иисус Христос был Сыном Божьим только через усыновление. Он вернулся к вере церкви, но некоторое время спустя впал в ту же ошибку, хотя и отрекся от нее перед Ратисбонским собором в 792 году и перед папой Адрианом в Риме. Поведение Феликса было очень предосудительным, тем не менее Лев III. не отлучил бы его от церкви простым способом, а только наложил бы на него анафему в случае, если бы он отказался отречься от престола во второй раз. Впоследствии Феликс отрекся от престола и не понес никакого наказания, кроме лишения своего достоинства.

Император Мишель в 811 году обновил все законы, приговаривавшие еретиков-манихеев к смертной казни. Патриарх Никифор объяснил ему, что лучше обратиться к их мягкими средствами; но дух церкви в то время был так далек от умеренности, что аббат Феофан, известный своим благочестием, без колебаний отзывался о Никифоре и других советниках князя как о

невежественных и неблагоразумных; и добавляет, что принципы Священного Писания оправдывают обычай сжигания еретиков, потому что их никогда нельзя привести к покаянию.

Феодор Критин, глава иконоборцев, был вызван на седьмой генеральный собор, собравшийся в Константинополе в 869 году. Он был осужден за то, что придерживался мнений, противоречащих доктринам церкви: он отрекся от своей ереси вместе с несколькими членами своей секты и примирился, не подвергаясь никакому покаянию. Император Василий, присутствовавший на соборе, почтил его поцелуем мира. Из этого мы можем заключить, что если бы поведение церкви всегда было столь же снисходительным, ересь не была бы так часта среди христиан.

В 1022 году в Орлеане и нескольких других городах были обнаружены некоторые еретики, которые, по-видимому, исповедовали доктрины манихеев; среди них был Стефан, духовник королевы Констанции, жены Роберта. Этот принц собрал совет в Орлеане: Стефан был вызван предстать перед ним, и были предприняты попытки, но тщетные, вернуть его к истинной вере. Епископы решили наказать этих еретиков, и те, кто были священнослужителями, были унижены и отлучены от церкви вместе с другими. Король немедленно после этого приговорил их к сожжению. Некоторые, почувствовав пламя, воскликнули, что готовы подчиниться церкви; но было слишком поздно, все сердца были закрыты от них. Эти примеры показывают разницу, которая проводилась между манихейской и другими ересями.

Необходимо упомянуть несколько правил, которые были введены в церковное управление и которые считались в то время неоспоримыми истинами. Первое из этих мнений состояло в том, что необходимо не только наказывать упрямых еретиков отлучением от церкви, но и применять его против всех видов преступлений, злоупотребление которыми было доведено до такой степени, что кардинал святой Петр Дамиан упрекал в этом папу Александра. Согласно второму правилу, если отлученный от церкви христианин более года упорствовал в отказе подчиниться и требовать отпущения грехов, после того как был подвергнут канонической епитимье, он считался еретиком. Третья максима гласила, что преследование еретиков является достойным поступком, и апостольские индульгенции были предоставлены в качестве компенсации за это служение делу религии.

Эти принципы и некоторые другие, господствовавшие в четвертую эпоху, подготовили умы людей к учреждению инквизиции, которой было предназначено преследовать еретиков и отступников.

ЧЕТВЕРТАЯ ЭПОХА.

Знаменитый Гильдебранд вззошел на папский престол в 1073 году под именем Григория VII, вскоре после того, как его предшественник Александр II вызвал императора Генриха III. в Рим, где его будет судить собор. Этот принц был осужден саксами, которые восстали против него, как еретик. Поскольку он не явился, папа отлучил его от церкви, освободил его подданных от клятвы верности и заставил их избрать вместо него Рудольфа, герцога Швабии.

Власть, которую этот папа приобрел над христианскими князьями, значительно превзошла власть его предшественников, и хотя это прямо противоречило духу Нового Завета, его преемники использовали все средства, чтобы сохранить ее.

Знаменитый французский монах Герберт, избранный папой римским в 999 году под именем Сильвестра II, обратился с письмом ко всем христианам, в котором он предполагает, что Иерусалимская церковь восстает из своих руин и призывает их взяться за оружие и смело сражаться, чтобы избавить ее от угнетения. Григорий VII. также предпринял в 1074 году крестовый поход против турок в пользу Михаила, императора Востока; но поскольку он умер, не успев привести свой план в исполнение, его преемник Урбан II добился, чтобы он был провозглашен на соборе в Клермоне в 1095 году. Усилия папы увенчались невероятным успехом; вскоре после этого многочисленная армия покинула Европу, которая сначала взяла город Антиохию, а затем Иерусалим в 1099 году. Несправедливость этой войны и других экспедиций того же рода, следовавших за ней, вызвала бы отвращение у всей Европы, если бы люди не были одержимы абсурдной идеей, что вести войну ради возвышения и славы христианства - дело достойное: последствия системы, столь пагубной для светской власти, ощущались во Франции во времена патарианцев, катаров, и других сект Манеса. Александр III., отправив Петра, епископа Мо, к графу Раймонду V. Тулузскому, этот легат заставил его и всю его знать принести клятву, что они не будут поддерживать еретиков, взявшихся за оружие для защиты своей партии; и на Латеранском соборе в следующем году отцы церкви заявили, что, хотя церковь не одобряет кровавых мер, все же она не откажется от помощи, предложенной христианскими князьями: вследствие этого Александр не только отлучил еретиков и их приверженцев, но пообещал всем тем, кто погибнет в войне против них, отпущение грехов и освобождение от них. спасение, а пока даровал индульгенции на два года всем, кто должен был взяться за оружие.

В 1181 году кардинал Генрих, епископ Альвы, был отправлен во Францию для продолжения войны против альбигойцев; но эта экспедиция не полностью уничтожила эту партию, и был созван новый собор, в постановлениях которого кардинал Флери предполагает, что он раскрыл происхождение инквизиции. Он не ошибся в этом мнении, но в то время оно фактически не было учреждено, поскольку только епископам, как и всегда, было поручено сохранять веру. Совет рекомендовал епископам или их архидиаконам посещать епархии один или два раза в год и заставлять жителей приносить клятву, что они донесут епископу или архидиакону на всех еретиков или лиц, проводящих собрания. Совет также постановил, что графы, бароны и другая знать должны принести клятву выявлять еретиков и наказывать их под страхом отлучения от церкви и лишения их поместий и должностей.

В 1194 году кардинал Грегори Сент-Анджело подтолкнул Альфонсо II, короля Арагона, опубликовать указ, изгоняющий еретиков всех сект без разбора из его государств; а Петр II, сын Альфонсо, опубликовал другой в 1197 году, с почти такими же предписаниями, что доказывает, что первый указ не имел большого эффекта.

ГЛАВА II.

УЧРЕЖДЕНИЕ ВСЕОБЩЕЙ ИНКВИЗИЦИИ ПРОТИВ ЕРЕТИКОВ В ТРИНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

В 1203 году папа Иннокентий III. поручил Питеру де Кастельно и Ральфу, двум монахам ордена цистерцианцев, в монастыре Фонфруа в Нарбоннской Галлии проповедовать против альбигойцев. Их увещевания не были напрасными, и успех их миссии стал благоприятным

началом плана, разработанного папой Иннокентием по учреждению независимых от епископов инквизиторов с привилегией судебного преследования еретиков в качестве делегатов святого престола.

4 июня, на седьмой год своего понтификата, он назначил аббата цистерцианцев, а Петра и Ральфа - апостольскими легатами. Он дал им все полномочия преследовать всех еретиков; и чтобы облегчить исполнение приказов святого престола, они должны были от имени папы Филиппа II, короля Франции, его сына и всей его знати преследовать еретиков и обещать им полную индульгенцию в награду за их рвение. Папа наделил этих монахов необходимыми полномочиями, чтобы они могли разрушать или устанавливать все, что, по их мнению, благоприятствовало их замыслам, в церковных провинциях Экс, Арль, Нарбонна и других епископствах, где могли быть обнаружены еретики, лишь порекомендовав им обращаться к святому престолу во всех сложных случаях; в то же время он написал Филиппу, прося его оказать помощь его уполномоченным и даже, если это будет необходимо, направить предполагаемого наследника его престола с армией против еретиков.

Легаты столкнулись со многими трудностями, потому что их миссия вызывала недовольство епископов. Король Франции не принимал участия в этом деле, но графы Тулузы, Фуа, Безье, Коминга и Каркассона, а также другие дворяне этих провинций, видя, что альбигойцев необычайно прибавилось, и убедившись, что очень небольшое число обратится в христианство, отказались изгнать их из своих государств, поскольку это уменьшило бы численность населения и, следовательно, противоречило их интересам: дополнительным мотивом этого отказа было то, что все эти еретики были мирными и покорными подданными.

Питер и Ральф начали проповедовать против еретиков; они проводили конференции с этими фанатиками, но число обращенных было очень невелико. Арно, аббат цистерцианцев, призвал на помощь двенадцать настоятелей своего ордена; и (во время их пребывания в Монпелье) они допустили к своим трудам двух испанцев, которые были известны под именами Диего Асебеса, епископа Осмы, возвращавшегося в свою епархию, и святого Доминика де Гусмана, постоянного каноника ордена Св. Августин. Они оба обратили в свою веру нескольких альбигойцев, и когда испанский епископ вернулся в свою епархию, он разрешил святому Доминику остаться во Франции.

Крупные феодальные вожди Прованса и Нарбонны отказались выполнять приказы легатов преследовать еретиков в своих государствах, утверждая, что они всегда находились в состоянии войны друг с другом; но легаты пригрозили отлучить их от церкви и освободить их подданных от клятв верности. Эти угрозы встревожили знать, и они согласились подписать мир.

Самым могущественным из этих принцев был Раймонд VI, граф Тулузский. Его поведение по отношению к Питеру де Кастельно, который несколько раз угрожал ему за невыполнение своих обещаний, побудило альбигойцев, которые были его подданными, убить легата, который был причислен к лику блаженных в 1208 году. Папа написал всем дворянам провинций Нарбонна, Арль, Эмбрун, Экс и Вьенна в Дофини, призывая их объединиться и выступить против еретиков и обещая им те же послабления, которые были предоставлены крестоносцам.

Убийство Питера де Кастельно вызвало среди католиков величайшее негодование против его убийц. Арно воспользовался этим моментом, чтобы выполнить приказ, который он получил от папы римского. Он поручил двенадцати монахам и другим людям, с которыми он был связан,

проповедовать крестовый поход против еретиков, даровать индульгенции, отмечать тех, кто отказывался участвовать в войне, знакомиться с их вероучением, примирять обращенных и предоставлять всех упрямых еретиков в распоряжение Симона де Монфора, командующего крестоносцами. Это было началом инквизиции в 1208 году.

Папа Иннокентий III. умер 16 июля 1216 года, прежде чем ему удалось придать постоянную форму делегированной инквизиции: продолжение войны против альбигойцев и противодействие, с которым он столкнулся со стороны епископов на Латеранском соборе, возможно, были причинами его неудачи. Сменивший его Гонорий III готовился завершить свое начинание.

Иннокентий послал святого Доминика де Гусмана в Тулузу, чтобы тот мог выбрать один из религиозных орденов, одобренных церковью, для учреждения, которое он намеревался создать. Он предпочел имя святого Августина; и по возвращении в Рим со своими спутниками Гонорий одобрил его выбор 22 декабря 1216 года.

Святой Доминик также учредил орден для мирян. Этот орден был обозначен как *Третий орден покаяния*, но чаще всего как *Ополчение Христа*, потому что те, кто были его членами, сражались против еретиков и помогали инквизиторам в выполнении их функций; они считались частью инквизиторской семьи и по этой причине носили название *Фамильяров*. Это объединение впоследствии дало начало тому, что было названо *Конгрегацией святого мученика Петра*; оно было одобрено Гонорием и подтверждено его преемником Григорием IX. В Нарбонне была образована еще одна ассоциация, которая также носила название *Ополчение Христа*; вскоре после этого она была объединена с третьим орденом Святого Доминика. Гонорий составил конституцию против еретиков, и император Фридрих II при своей коронации закрепил ее гражданским правом. В 1224 году инквизиция уже существовала в Италии под руководством монахов-доминиканцев, что подтверждается эдиктом императора Фредерика против еретиков в Падуе. Усилия инквизиции в Нарбонне не увенчались успехом, как ожидал папа, который приписал ее провал халатности кардинала Конрада, которого он отозвал и послал вместо него кардинала Романа. Настойчивость этого легата побудила Людовика VIII, короля Франции, встать во главе армии, чтобы выступить против дворян, защищавших альбигойцев. Но Людовик умер в том же году, и папа последовал за ним, так и не сумев придать постоянную форму новому трибуналу, который был введен во Франции.

Григорий IX, взойшедший на папский престол в 1227 году, окончательно учредил инквизицию: он был ревностным защитником святого Доминика и близким другом святого Франциска д'Ассиса. Кардиналу Роману повезло больше, чем предшествовавшим ему легатам: дворяне, уставшие от войн, длившейся двадцать лет, желали мира. Граф Тулузы Раймунд VII после смерти своего отца, начавшего войну, примирился со святым Людовиком и церковью на соборе в Нарбонне и пообещал изгнать еретиков из своих владений.

В 1229 году в Тулузе состоялся еще один собор. Постановления были почти такими же, как те, что были приняты на соборах в Латеране и Вероне, за исключением того, что тогда мирянам впервые было запрещено читать Священное Писание на вульгарном языке. В следующем году было опубликовано множество других эдиктов, ужесточавшихся; но, по-видимому, эти строгие меры не возымели действия, поскольку ересь альбигойцев проникла даже в столицу христианского мира.

ГЛАВА III.

О ДРЕВНЕЙ ИНКВИЗИЦИИ ИСПАНИИ.

В 1233 году, когда инквизиция во Франции приобрела установленную форму, дарованную ей Людовиком Святым, Испания была разделена на четыре христианских королевства, помимо магометанских государств. Кастилия находилась под властью Святого Фердинанда, который присоединил к ней королевства Севилья, Кордова и Хаэн. Яков I правил Арагоном и завоевал королевства Валенсия и Майорка; Наваррой владел Санчо VIII, который умер в течение следующего года и оставил свою корону Теобальду I., графу де Шампань и де Бри. Санчо II. правил Португалией.

После основания ордена в этих королевствах существовало множество монастырей доминиканцев, но нет достоверных записей, подтверждающих, что инквизиция была введена до 1232 года, когда папа Григорий IX обратился с кратким посланием к дону Эспарраго, архиепископу Тарагонскому, и его епископам-суфражистам, в котором он самым серьезным образом призывал их противодействовать распространению ереси всеми доступными им средствами.

Архиепископ отправил буллу Хил Родригесу де Вальядаресу, первому провинциалу испанских доминиканцев; он также отправил ее дону Бертрану, епископу Лериды, в епархии которого была основана первая испанская инквизиция. Папа Иннокентий VI. предоставил множество привилегий монахам-доминиканцам, а в 1254 году расширил права инквизиторов и в том же кратком постановлении постановил, что показания свидетелей должны считаться действительными, хотя их имена неизвестны. Урбан VI. и Климент VI. также расширили свои привилегии.

Короли Арагона продолжали защищать инквизицию, и Яков II в 1292 году издал указ, предписывающий трибуналам оказывать помощь доминиканцам, заключать в тюрьму всех, на кого можно было бы донести, приводить в исполнение приговоры, вынесенные монахами, устранять все препятствия, с которыми они могли столкнуться, *и т. Д.* Ненависть, которую должность инквизитора повсюду внушала в первые века инквизиции, стала причиной смерти большого числа доминиканцев и некоторых кордельеров: им были присвоены почести мученичества, но святой Петр Веронский был единственным, кого папа причислил к лику святых. Ничего определенного не известно о состоянии Португалии в этот период: по-видимому, в XIII веке инквизиция была учреждена только в епархиях Тарагоны, Барселоны, Уржеля, Лериды и Жироны.

Поскольку монастыри доминиканцев в Испании умножились, генеральный капитул ордена в 1301 году постановил, что она должна быть разделена на две провинции; что первая по рангу должна называться провинцией Испании и включать Кастилию и Португалию; и что вторая должна носить титул Арагона и состоять из Валенсии, Каталонии, Руссильона, Сердани, Майорки, Менорки и Ивизы.

Провинция доминиканцев Кастилии, именуемая провинцией Испании, обладала правом назначать апостольского инквизитора в других провинциях. В 1302 году отец Бернард был инквизитором Арагона и отпраздновал несколько *аутодафе* в том же году.

В 1308 году папа Климент V. приказал королю Арагона и инквизиторам арестовать всех рыцарей-тамплиеров, которые не были привлечены к ответственности, и конфисковать их имущество для использования святым престолом; тамплиеры в Кастилии и Португалии также были арестованы.

В 1314 году в королевстве Арагон были обнаружены другие еретики; Бернард Пуччерос, генеральный инквизитор, приговорил нескольких к изгнанию, остальные были сожжены. Многие из тех, кто отрекся от престола, примирились.

В 1325 году Ф. Арнальдо Бургете, генеральный инквизитор королевства, арестовал Пьера Дюрана де Бальдака, который снова впал в ересь, и он был сожжен заживо в присутствии короля Якова, его сыновей и двух епископов.

В 1334 году Ф. Уильям да Коста приговорил Ф. Бонато к сожжению и примирил многих людей, которые были извращены этим монахом.

В 1350 году отец Николас Розелли обнаружил секту еретиков под названием *Бегарды*, вождя которой звали Якобус Юстис; все они примирились, и Якобус был приговорен к вечному тюремному заключению. Кости трех из этих еретиков, умерших нераскаявшимися, были извлечены из земли и сожжены. Розелли был избран кардиналом в 1356 году, его преемником стал Николас Эймерих. Эймерих написал книгу под названием "Руководство инквизиторов", в которой приведены мельчайшие подробности его суждений и суждений других инквизиторов Арагона.

Неизвестно, воспользовался ли провинциал Кастилии своей привилегией назначать инквизиторов; возможно, ересь не проникла в штаты Кастилии.

Папа Григорий IX. Умерев в 1378 году, римляне называли Урбана VI. как его преемник; но несколько кардиналов собрались из Рима и избрали другого папу под именем Климента VII.

Затем начался великий раскол на Западе, который продолжался до избрания Мартина V. на генеральном совете Констанца в 1417 году, когда дон Хиль Муньос, избранный Климентом VIII, отрекся от папства. Эта революция повлияла на состояние инквизиции так же сильно, как на другие аспекты церковной дисциплины. Кастилия следовала партии Климента VII, а Португалия - Урбану VI. Орден доминиканцев разделился поровну и избрал разных генеральных викариев. Урбан VI. умер в 1389 году, и его партия избрала Бонифация IX, который назначил Ф. Родриго де Синтру апостольским генеральным инквизитором Португалии. Впоследствии он назначил Ф. Висенте де Лиссабона генеральным инквизитором Испании. Кастилия, Наварра и Арагон находились под властью Бенедикта XIII, который был избран папой после смерти Климента VII. Таково было состояние инквизиции в Испании к концу четырнадцатого века.

Неизвестно, существовала ли инквизиция в Кастилии в начале пятнадцатого века; ибо, хотя Бонифаций IX назначил Ф. Висенте де Лиссабона генеральным инквизитором, его власть не была признана, поскольку это королевство принадлежало партии Бенедикта XIII, который после Констанцского собора был назначен антипапой Питером де Луна. Город Перпиньян был резиденцией одной из провинциальных инквизиций Арагона, юрисдикция которой распространялась на графства Руссильон и Сердань, а также на острова Майорка, Менорка и Ивиза. Бенедикт XIII, признанный в этой части Испании, разделил эту провинцию и назначил

двух инквизиторов, которые провели несколько *аутодафе* и сожгли значительное количество людей.

Избрание Мартина V. Положив конец великому расколу на Западе, португальские монахи должны были подчиниться власти провинциала Испании, который в то время был монахом их страны по имени Ф. Хуан де Санта Хуста; но доминиканцы, находившиеся в Констанце, убедили папу, что его юрисдикция слишком обширна, что побудило понтифика разделить провинцию Испания на три части: первая часть называлась провинцией Испания и включала Кастилию, Толедо, Мурсию, Эстремадуру, Андалусию, Бискайю и Южную Африку. Астурия де Сантьяго; второй, Сантьяго, состоял из королевства Леон, Галисии, и Астурии Овьедо; и третий, Португальский, простирался на все владения монарха.

Мартин V. учредил провинциальную инквизицию в Валенсии в 1420 году по просьбе Альфонсо V., короля Арагона; до сих пор уполномоченные направлялись только туда.

Инквизитором Арагона в 1441 году был Ф. Майкл Ферриц, а инквизитором Валенсии Ф. Мартин Триллес, которые примирили в своих округах нескольких уиклифитов и приговорили многих других к сожжению. Несколько инквизиторов сменили их до 1474 года, когда Изабелла, жена Фердинанда Арагонского, короля Сицилии, взошла на трон Кастилии после смерти Генриха IV. ее брат. Иоанн II, король Арагона, умер в 1479 году, его сын Фердинанд объединил это королевство с Сицилией; вскоре после этого он завоевал королевство Гренада, принадлежавшее маврам, и, наконец, королевство Наварра, которое досталось ему благодаря капитуляции жителей.

ГЛАВА IV.

О ПРАВИТЕЛЬСТВЕ СТАРОЙ ИНКВИЗИЦИИ.

ХОТЯ папы, учреждая инквизицию, предполагали лишь наказывать за преступление ереси, все же инквизиторам было поручено преследовать тех христиан, которые только подозревались, потому что это был единственный способ выявить тех, кто действительно был виновен. Было много преступлений, подпадавших под юрисдикцию гражданского судьи, в которых, по мнению пап, никто не мог быть виновен, не будучи запятанным ложным учением; и хотя они преследовались светскими судами, инквизиторам было предписано рассматривать обвиняемых как подозреваемых в ереси и возбуждать против них дело, чтобы установить, совершили ли они эти преступления из-за естественной для человека порочности или из идеи, что они не были преступниками; это мнение вызывало подозрение, что их учение было ошибочным. Разновидность богохульства, которая называлась еретической, относилась к этому классу преступлений; оно совершалось против Бога или его святых и демонстрировало у преступника ошибочные мнения о всеведении или других атрибутах Божества. Это делало богохульника подозреваемым в ереси, поскольку инквизитор мог счесть это доказательством того, что его обычные мысли противоречат вере.

Вторым видом преступлений, вызывавшим подозрение в ереси, были колдовство и гадание. Если преступники использовали только естественные и простые средства предсказания будущего, такие как подсчет линий на ладони, они попадали под юрисдикцию гражданского

судьи; но все колдуны подлежали наказанию инквизицией за ересь, если они крестили мертвеца, перекрещивали младенца, использовали святую воду, освященный воинствующий хризантем, масло для помазания или другие вещи, которые доказывали неуважение или злоупотребление таинствами и мистериями религии.

Такое же подозрение охватывало тех, кто обращался к демонам в своих суеверных практиках. Третьим видом преступлений было обращение к демонам. Николас Эймерих сообщает нам, что в своей должности инквизитора он раздобыл и сжег, прочитав их, две книги, в которых рассматривалась эта тема; они обе содержали описание силы демонов и способа поклонения им. Тот же автор добавляет, что в его время в Каталонии состоялось множество судебных процессов по этому преступлению и что многие из обвиняемых зашли так далеко, что стали поклоняться сатане со всеми знаками, церемониями и словами католической религии.

Четвертым видом преступлений, вызывавшим подозрение в ереси, было пребывание в течение года или дольше в отлучении от церкви без получения отпущения грехов или исполнения наложенной епитимьи. Папы утверждали, что ни один католик, безупречный в своей вере, не мог бы жить с таким безразличием под порицанием церкви.

Раскол был шестым случаем, когда подозревалась ересь. Он может существовать как без ереси, так и с ней. К первому классу принадлежат все раскольники, которые признают догматы веры, но отрицают власть Папы Римского как главы Католической церкви и наместника Иисуса Христа. Вторая состоит из тех, кто придерживается тех же мнений, что и первая, а также отказывается верить в некоторые статьи; например, греки, которые считают, что Святой Дух исходит только от Отца, а не от Сына.

Инквизиция также действовала против укрывателей, покровителей и приверженцев еретиков, как подозреваемых в исповедании тех же взглядов. Седьмой класс состоял из всех тех, кто выступал против инквизиции и мешал инквизиторам выполнять свои функции.

К восьмому классу относились те дворяне, которые отказались дать клятву изгнать еретиков из своих государств. Девятый класс состоял из губернаторов королевств, провинций и городов, которые не защищали Церковь от еретиков, когда от них требовала инквизиция. К десятому классу относились те, кто отказывался отменять законы, действовавшие в городах, когда они противоречили мерам, предписанным священной канцелярией. Одиннадцатым классом подозреваемых лиц были все адвокаты, нотариусы и другие лица, принадлежащие к закону, которые помогали еретикам своими советами; или скрывали бумаги, отчеты и другие письма, которые могли сделать известными их ошибки, местожительство или положение. В двенадцатый класс подозреваемых попали те лица, которые устроили церковное погребение известным еретикам. Те, кто отказывался приносить присягу на процессах над еретиками, когда от них требовали этого, также подвергались подозрению. Четырнадцатым классом были умершие люди, которые были объявлены еретиками. Папы, чтобы сделать ересь еще более одиозной, постановили, что тела умерших еретиков должны быть извлечены из земли и сожжены, их имущество конфисковано, а их память объявлена позорной. Такое же подозрение пало на труды, которые содержали еретические доктрины или которые могли привести к ним. Наконец, евреи и мавры считались подчиненными святой канцелярии, когда они призывали католиков принять их веру либо своими писаниями, либо беседами.

Хотя все лица, виновные в вышеупомянутых преступлениях, находились под юрисдикцией святой канцелярии, все же папа, его легаты, его нунции, его офицеры и приближенные были освобождены от ответственности; и если кто-либо из них был объявлен еретиком, инквизитор мог только получить секретную информацию и передать ее папе. Епископы также были освобождены от ответственности, но короли такой привилегией не обладали.

Поскольку епископы были обычными инквизиторами по божественному праву, кажется справедливым, что они должны были иметь право получать информацию и возбуждать дела против апостольских инквизиторов в вопросах веры; но папа предоставил своим делегатам независимость, постановив, что никто, кроме апостольского инквизитора, не может возбуждать дела против другого. Инквизитор и епископ действовали сообща, но каждый имел право преследовать еретиков по отдельности: приказы о тюремном заключении могли издавать только оба вместе, и если они не соглашались, то ссылались на папу римского. Инквизиторам могла потребоваться помощь светской власти в осуществлении своих полномочий, и в ней нельзя было отказать, не навлекая на себя наказания в виде отлучения от церкви и подозрения в ереси. Епископ был вынужден предоставить свой дом для заключенных; кроме того, у инквизиторов была особая тюрьма для содержания обвиняемых.

У первых инквизиторов не было фиксированного жалованья: святая канцелярия была основана на преданности и рвении к вере; почти все ее члены были монахами, давшими обет бедности, и священники, участвовавшие в их трудах, как правило, были канониками или получали пособия. Но когда инквизиторы начали совершать путешествия в сопровождении регистраторов, альгвазилов и вооруженных сил, папа постановил, что все их расходы должны покрываться епископами под предлогом того, что инквизиторы трудились над уничтожением ереси в своих епархиях. Эта мера вызвала недовольство епископов еще больше, поскольку они были лишены части своей власти. Расходы инквизиции впоследствии покрывались за счет штрафов и конфискаций осужденных еретиков: эти средства были единственными фондами святой канцелярии; у нее никогда не было фиксированного дохода.

О порядке судопроизводства в трибуналах Старой инквизиции.

Когда священник назначался инквизитором папой римским или представителем святого престола, он писал королю, который издавал королевский мандат всем трибуналам городов, где инквизитор проходил для исполнения своих обязанностей, приказывая им, под страхом самых суровых наказаний, арестовывать всех лиц, которых он пометит как еретиков или заподозрит в ереси, и приводить в исполнение вынесенные им приговоры. Тот же приказ обязывал магистратов предоставить инквизитору и его помощникам жилье и защищать их от оскорблений и любых неудобств. Когда инквизитор прибывал в город, где он намеревался приступить к своим обязанностям, он официально уведомлял магистрата и требовал его присутствия, назначая время и место.

Комендант города предстал перед делегатом и принес клятву ввести в действие все законы против еретиков. Если офицер или магистрат отказывался повиноваться, инквизитор отлучал его от церкви; если он не создавал трудностей, инквизитор назначал день, когда люди собирались в церкви, когда он проповедовал, и зачитывал указ, который предписывал, что вся информация должна быть предоставлена в течение определенного периода. Впоследствии инквизитор объявил, что все, кто добровольно признает себя еретиками, должны получить

отпущение грехов и быть подвергнуты небольшой епитимье, но что к тем, кто был разоблачен, следует применять суровые меры.

Если во время перерыва выдвигались какие-либо обвинения, они регистрировались, но не вступали в силу до тех пор, пока не становилось известно, что обвиняемый добровольно не предстанет перед трибуналом. По истечении отведенного срока был вызван информатор; ему сказали, что существует три способа установления истины — обвинение, информация и дознание, и спросили, какому из них он отдает предпочтение. Если он выбирал первое, ему предлагалось обвинить разоблачаемого человека, но в то же время учесть, что на него распространяется действие закона о возмездии, если он будет уличен в клевете. Этот способ действий был принят очень немногими людьми: большинство заявило, что причиной их появления был страх перед наказаниями, которыми святая канцелярия угрожала тем, кто не доносил на еретиков; и они желали, чтобы их информация хранилась в секрете из-за опасности, которой они подвергались, быть убитыми, если о них узнают.

Инквизитор допросил свидетелей с помощью протоколиста и двух священников, которым было поручено наблюдать за тем, были ли заявления точно записаны, и присутствовать при их зачитывании свидетелям, которых затем спросили, признают ли они все, что им было зачитано. Если в полученной информации было доказано преступление или подозрение в ереси, преступник арестовывался и доставлялся в церковную тюрьму. После ареста его допросили, и его ответы сравнили с показаниями свидетелей. Если обвиняемый признавал себя виновным в одной ереси, ему напрасно было утверждать, что он невиновен в других; ему не разрешалось защищаться, потому что его преступление было доказано. Его спросили, отречется ли он от ереси, в которой он признает себя виновным. Если он соглашался, с ним мирились и на него налагалась каноническая епитимья с каким-либо другим наказанием; если он отказывался, его объявляли упрямым еретиком и передавали светскому правосудию с копией приговора.

Если обвиняемый отрицал обвинение и брался защищать себя, ему выдавалась копия протокола процесса, но без указания имен обвинителя или свидетелей и с опущением всех обстоятельств, которые могли привести к их раскрытию.

Обвиняемого спросили, были ли у него враги и знает ли он мотивы их ненависти к нему. Ему также было разрешено заявить, что он подозревает какого-либо конкретного человека в желании погубить его. В любом случае доказательство было признано, и инквизитор рассмотрел его при вынесении приговора. Инквизитор иногда спрашивал обвиняемого, знает ли он определенных людей; эти люди были обвинителями и свидетелями; если он отвечал отрицательно, он не мог впоследствии вызвать их на поединок как врагов: со временем все пришли к выводу, что эти люди были обвинителем и свидетелями, и от этого обычая отказались. Обвиняемому также было разрешено подать апелляцию к папе римскому, который отклонил или принял его апелляцию в соответствии с правилами правосудия. В инквизиции не было регулярного разбирательства, и судьи не назначили время для установления доказательств фактов. После ответов и защиты обвиняемого инквизитор и епископ епархии или их делегаты приступили к вынесению приговора без каких-либо других формальностей. Если обвиняемый отрицал обвинения, хотя он был осужден и находился под сильным подозрением, его подвергали пыткам, чтобы заставить признаться в своем преступлении; или если считалось, что в этом не было необходимости, судьи выносили окончательный приговор.

Если преступление, вменяемое обвиняемому, не было доказано, он оправдывался и ему выдавалась копия заявления, но имя его обвинителя не сообщалось. Если на него клеветали, он был обязан публично очиститься каноническим методом в городе, где это произошло; впоследствии он отрекся от всякой ереси и получил отпущение грехов *ad cautelam*^[2] за все порицания, которые он навлек на себя. Чтобы соразмерить наказание с подозрением, оно было разделено на три степени, названные *незначительными*, *серьезными* и *насильственными*.

Человек, которому было объявлено о подозрении, хотя и в наименьшей степени, был призван отречься от всех ересей, и особенно от той, в которой его подозревали. Если он соглашался, его примиряли и подвергали наказаниям и епитимьям; если он отказывался, его отлучали от церкви; и если он не требовал отпущения грехов или не обещал отречься по истечении одного года, его считали упрямым еретиком и преследовали как такового. Если обвиняемый был *формальным* еретиком, готовым отречься от престола и не виновным в рецидиве, с ним примирялись епитимьями.

Человек считался рецидивистом, если он уже был осужден или *жестоко* подозревался в тех же ошибках. Отречения совершались в том месте, где проживал инквизитор, иногда в епископском дворце, в монастыре доминиканцев или в доме инквизитора, но чаще всего в церквях. В воскресенье перед этой церемонией во всех церквях города было объявлено о дне, в который она должна была состояться, и жителей попросили присутствовать на проповеди, которую инквизитор произнесет против ереси. В назначенный день духовенство и народ собрались вокруг эшафота, где человек, *слегка подозреваемый*, стоял с непокрытой головой, чтобы его могли видеть все. Месса была отслужена, и инквизитор произнес проповедь против конкретной ереси, послужившей причиной церемонии; он объявил, что человек на эшафоте был *слегка заподозрен* в том, что он впал в нее, и зачитал народу процесс: в заключение он сказал, что преступник готов отречься от престола. Преступнику вручали крест и Библию, который зачитывал свое отречение и подписывал его, если умел писать; затем инквизитор отпускал ему грехи и налагал на него те епитимьи, которые считал наиболее полезными.

Когда подозрения в ереси были *сильными*, *аутодафе* проводилось в воскресенье, или в праздничный день, и все другие церкви закрывались, чтобы в той, где должна была проводиться церемония, было больше народу. Преступника предупредили не только о том, чтобы он в будущем был добрым католиком, но и о том, чтобы он вел себя так, чтобы его не обвинили во второй раз; поскольку, в случае рецидива, его ждет смертная казнь, хотя он может отречься от престола и примириться. Если преступник подозревался в высшей степени, с ним обращались как с еретиком, и во время церемонии он носил одеяние кающегося грешника; оно было сшито из коричневой материи, с наплечником, на котором были прикреплены два желтых креста.

Если подозреваемый должен был очиститься от клеветы каноническим методом, церемония также объявлялась до ее проведения, и он был обязан принести клятву, что он не еретик, и привести двенадцать свидетелей, которые знали его последние десять лет, чтобы поклясться, что они верили в правдивость его слов. Затем он отрекся от всех ересей.

Если обвиняемый раскаивался и требовал примирения после рецидива, он должен был быть передан светскому правосудию и обречен на смертную казнь. Инквизиторы, вынеся над ним приговор, наняли нескольких священников, пользовавшихся их доверием, чтобы сообщить ему о его положении и побудить его потребовать таинства покаяния и причастия. Когда эти

служители проводили с заключенным два или три дня, объявлялось *аутодафе*; зачитывался приговор, который передавал виновного светскому правосудию и рекомендовал судьям обращаться с ним гуманно.

Если обвиняемый был нераскаявшимся еретиком, его осуждали, но *аутодафе* не проводилось до тех пор, пока не были испробованы все средства для его обращения; если он был упрям, его отдавали в руки королевского правосудия и сжигали. Если несчастный еретик впадал в рецидив, то ему было напрасно возвращаться к истинной вере; он не мог избежать смерти, и единственной оказанной ему милостью было то, что его сначала задушили, а затем сожгли. Те, кто сбежал из тюрем или бежал, чтобы избежать ареста, были сожжены как чучела.

Поскольку трибунал инквизиции был церковным, первоначально он имел право налагать только духовные наказания; но законы императоров четвертого и последующих веков и другие обстоятельства вынудили инквизиторов тринадцатого века присвоить себе право налагать наказания исключительно мирского характера, за исключением смертной казни. Приговор инквизиции предусматривал различные штрафы и личные наказания; такие как полная или частичная конфискация; бессрочное или ограниченное тюремное заключение; изгнание или транспортировка; позор и потерю работы, почестей и достоинства. Те лица, которые отреклись от себя, поскольку *серьезно подозревались* в ереси, были приговорены к тюремному заключению на определенный срок, пропорциональный степени подозрения. Если обвиняемый был *сильно заподозрен*, он приговаривался к пожизненному заключению, но инквизитор имел право смягчить приговор, если он считал, что заключенный искренне раскаялся. Если отрекшийся был *формальным* еретиком, он подвергался пожизненному заключению, и инквизитор не имел права сократить срок наказания.

Среди наказаний, к которым приговаривались еретики, следует перечислить ношение рясы кающегося грешника, известной в Испании под именем *Сан-Бенито*, что является искажением *отсако бендито*.... Его настоящее название на испанском было *Zamarra*. Первое стало нарицательным, потому что в еврейской истории покаянная ряса называлась *сас*.

До тринадцатого века существовал обычай благословлять *мешочек* который носили во время публичного покаяния, и отсюда он получил эпитет *бендито* (благословенный). Это была облегающая туника, сшитая наподобие сутаны священника, с прикрепленными к груди крестами другого цвета. Святой Доминик и другие инквизиторы заставили *примирившихся еретиков* носить эти кресты в качестве защиты от католиков, которые убивали всех известных еретиков, хотя они могли быть безоружны. *Примирившиеся еретики* носили два креста, чтобы отличать их от чистокровных католиков, которые, будучи крестоносцами, носили только один.

ГЛАВА V.

УЧРЕЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ИНКВИЗИЦИИ В ИСПАНИИ.

Состояние инквизиции в королевстве Арагон при восшествии на престол Фердинанда и Изабеллы было показано в предыдущей главе. Затем этот трибунал был введен в королевстве Кастилия после того, как был реформирован статутами и постановлениями, настолько суровыми, что жители Арагона яростно сопротивлялись новым тяготам, которые были возложены на них.

Это инквизиция, правившая в Испании с 1481 года, которая была уничтожена, к удовлетворению всей Европы, и которая с тех пор была восстановлена, к горю всех просвещенных испанцев.

Война против альбигойцев была первой причиной учреждения инквизиции; а мнимая необходимость наказания за вероотступничество новообращенных испанских евреев была причиной ее введения в реформированном государстве. Важно отметить, что огромная торговля, которую вели испанские евреи, передала в их руки большую часть богатств полуострова; и что они приобрели огромную власть и влияние в Кастилии при Альфонсо IX, Петре I и Генрихе II; и в Арагоне при Петре IV. и Иоанн I. Христиане, которые не могли соперничать с ними в трудолюбии, почти все стали их должниками, и зависть вскоре сделала их врагами своих кредиторов. Такое расположение духа поощрялось злонамеренными людьми, и следствием этого стали народные волнения почти во всех городах двух королевств. В 1391 году пять тысяч евреев были принесены в жертву ярости народа в разных городах. Известно, что некоторые избежали смерти, став христианами; многие другие пытались спастись, следуя их примеру; и за короткое время более миллиона человек отреклись от закона Моисея, чтобы принять христианскую веру. Число обращенных значительно возросло в течение первых десяти лет пятнадцатого века благодаря усердию святого Винсента Ферье и нескольких других миссионеров; им оказали поддержку знаменитые конференции, состоявшиеся в 1413 году между несколькими раввинами и обращенным евреем Жеромом де Сантафе. Обращенные евреи были названы *Новыми христианами*; их также называли марранос, или проклятая раса, из-за клятвы, которую евреи имели обыкновение использовать между собой. Поскольку страх смерти был причиной большинства этих обращений, многие раскаялись и тайно вернулись в иудаизм, хотя внешне они соответствовали христианству. Ограничения, которым они были вынуждены подчиняться, иногда были слишком болезненными, и некоторые из них были обнаружены. Это было мнимой причиной учреждения трибунала, который дал Фердинанду возможность конфисковать огромные богатства и который Секст IV. не мог не одобрить, поскольку это способствовало повышению авторитета принципов римского двора; именно этим проектам, скрытым под маской религиозного рвения, инквизиция Испании обязана своим возникновением.

В 1477 году Филипп де Барбарис, инквизитор королевства Сицилия, отправился в Севилью, чтобы получить от Фердинанда и Изабеллы подтверждение привилегии, предоставленной в 1233 году императором Фредериком, которая давала инквизиции Сицилии право конфисковывать третью часть имущества осужденных еретиков. Барбарис, ревностно защищая интересы папы, пытался убедить короля, что христианская религия извлекает величайшие выгоды из страха, который внушают суды инквизиции. Его горячо поддержали Альфонсо де Ходжида, настоятель монастыря доминиканцев в Севилье, и Николас Франко, нунций папы Римского при испанском дворе. Затем в разных частях королевства распространился слух о том, что *Новые христиане* вместе с некрещеными евреями оскорбляли изображения Иисуса Христа и даже распинали христианских детей в насмешку над его крестными страданиями. Фердинанд был готов принять инквизицию в своих государствах: единственным препятствием был отказ Изабеллы; эта превосходная королева не могла одобрить меры, столь противоречащие мягкости ее характера, но ее согласие было получено, встревожив ее совесть: ей сказали, что принять их в нынешних обстоятельствах стало религиозным долгом.

Изабелла позволила увести себя в сторону представлений своего совета и поручила своему послу в Риме дону Франсису де Сантильяну, епископу Осмы, испросить от ее имени буллу об учреждении инквизиции в Кастилии, которая была дарована в 1478 году. Он уполномочил Фердинанда и Изабеллу назвать священников, которым было поручено выявить в их государствах всех еретиков, отступников и пособников этих преступлений. Поскольку эта мера не понравилась Изабелле, ее совет по ее приказу приостановил приведение в исполнение буллы до тех пор, пока не будут испробованы менее суровые меры.

Королева поручила Д. Диего Альфонсо де Солису, епископу Кадиса, Диего де Мерло и Альфонсо де Ходжиде, настоятелю монастыря доминиканцев, понаблюдать за эффектом, произведенным мягкими средствами, и дать достоверный отчет о них. Их отчеты были такими, каких можно было ожидать от положения дел; и отцы-доминиканцы, нунций и даже король желали, чтобы меры, предпочитаемые Изабеллой, были признаны недостаточными.

События этого года показали, насколько неприятным был этот институт для кастильцев. В начале 1480 года кортесы собрались в Толедо. Он был занят предоставлением средств для предотвращения зла, к которому могло привести общение евреев с христианами: были обновлены древние правила; и среди прочего, те, которые обязывали некрещеных евреев носить какой-либо отличительный знак и проживать в отдельных помещениях, в которые они были вынуждены удаляться до наступления ночи; им также было запрещено заниматься профессиями врачей, хирургов, торговцев, цирюльников и трактирщиков; однако кортесы не собирались ни одобрять, ни требовать учреждения инквизиции в королевстве.

Согласие королевы было получено; и пока два монарха находились в Медина-дель-Кампо 17 ноября 1480 года, они назначили первыми инквизиторами Майкла Морильо и Джона де Сан-Мартина, обоих доминиканцев, советником и помощником этих двух монахов, доктора Джона Руиса де Медины, советника королевы; и в качестве (прокурорско-финансового) поверенного Джона Лопеса дель Барко, капеллана королевы.

9 октября король и королева разослали приказ всем губернаторам провинций снабдить инквизиторов и их свиту всем, что им может потребоваться в их путешествии в Севилью; чрезвычайное обстоятельство для того времени, доказывающее влияние, которое доминиканцы уже приобрели. Их привилегии были такими же, как те, которые были предоставлены в 1223 году императором Фредериком. Кастильцы были настолько далеки от удовлетворения введением инквизиции, что инквизиторы по прибытии в Севилью сочли невозможным собрать небольшое количество лиц, необходимое для выполнения их функций, хотя они и продемонстрировали свои полномочия; и Совет Испании был вынужден издать другой приказ, согласно которому префект и другие власти Севильи и епархии Кадиса должны были помочь инквизиторам в их назначении; этот приказ также был истолкован таким образом, что он исполнялся только в тех городах, которые принадлежали королеве. *Новые христиане* затем немедленно эмигрировали в государства герцога де Медина Сидония, маркиза Кадисского, графа Д'Арк и других дворян; и новый трибунал объявил, что их ересь была доказана их эмиграцией.

Инквизиторы учредили свой трибунал в доминиканском монастыре Святого Павла в Севилье; и 2 января 1481 года они издали свой первый эдикт, который предписывал маркизу Кадисскому, графу Д'Арку и всем гранд Испании арестовать лиц эмигрантов в течение пятнадцати дней; и отправить их под конвоем в Севилью и наложить арест на их имущество под страхом отлучения

от церкви, помимо других наказаний, которым они будут подвергнуты как сторонники ереси. Вскоре число заключенных стало настолько значительным, что монастырь, выделенный инквизиторам, оказался недостаточно большим, чтобы вместить их, и трибунал был переведен в замок де Триана, расположенный недалеко от Севильи.

Инквизиторы вскоре опубликовали второй эдикт, названный Эдиктом благодати, призывающий отступников добровольно сдаться: в нем обещалось, что, если они придут с истинным раскаянием, их имущество не будет конфисковано, и они получают отпущение грехов; но если, напротив, они потерпят истечение срока *благодати* или будут осуждены другими, они будут привлечены к ответственности со всей суровостью трибунала. Некоторые дали себя уговорить; но инквизиторы даровали им отпущение грехов только тогда, когда они под присягой называли имена, состояние и место жительства всех отступников, которых они знали или о которых слышали. Они также были обязаны хранить эти откровения в секрете; и благодаря этому огромное количество *новых христиан* попало в руки инквизиторов. Когда срок отсрочки истек, был опубликован новый эдикт, который предписывал всем людям осуждать тех, кто принял иудейскую ересь, под страхом смертной казни и отлучения от церкви. Следствием этого эдикта было то, что еретика сообщали о том, что он обвиняется, только в тот момент, когда его арестовывали и тащили в застенки инквизиции.

Та же участь ожидала *обращенного* еврея, который, возможно, в младенчестве приобрел определенные привычки, которые, хотя и не противоречили христианству, могли быть представлены как определенные признаки вероотступничества. Инквизиторы упомянули в своем эдикте несколько случаев, когда было выдвинуто обвинение. Следующие случаи настолько двусмысленны, что в совокупности они вряд ли могли бы служить простой презумпцией в настоящее время. Конвертировать считалась впало в ересь, если он соблюдал субботу из уважения к закону, который он отказался; это было в достаточной степени доказали, что если он надел лучшее белье и одежда в этот день, чем те, которых он обычно использует, или не пожар в своем доме с предыдущего вечера; если бы он взял сало и жир от животных, которые предназначались для его питания, и смыл кровь с его; если он осмотрел лезвие ножа, перед тем как убить животных, и покрытый кровью с Землей; если он благословил стол по обычаю евреев; если он выпил вина названием Касер, (слово произошло от сахер, что означает *законный*.) и который подготовлен евреев; если он произносит *bahara*, или благословение, когда он берет сосуд с вином в руках и произносит некоторые слова, прежде чем он дает его другому лицу; если он ест животного убит евреями; если он читал псалмы Давида, не повторяя Глория Патри в конце; если он дает своему сыну еврейское имя выбран среди тех, которые используются евреев; если он погружает его через семь дней после его рождения в тазик с водой, золото, серебро, семена жемчуга, пшеницы, ячменя и другие вещества, произнося при этом определенные слова, по обычаю евреев; если он обращает гороскоп своих детей при их рождении; если он выполняет *гуауа*, церемония, которая заключается в приглашении своих родственников и друзей на трапезу накануне он предпринимает путешествие; если же он повернулся лицом к стене на момент его смерти, или был размещен в этой позе, прежде чем он истек срок действия; если он был вымыт, или причиненный быть вымыты в горячей воде тело мертвого человека, и похоронили его в новый саван, с шланга, рубашку и мантию, и положил кусочек деньги в рот; если он и произносил речи в честь умерших, или декламировал стихи меланхолия; если он опустошил кувшины и другие сосуды для воды в доме умершего человека, либо в те из его соседей, по обычаю евреев; если он сидит за дверью умерших в знак скорби, или ест рыбу и маслины, а не мясо, чтобы почтить его память, если он остается в своем доме,

спустя год после смерти любого, чтобы доказать свое горе. Все эти статьи показывают уловку, использованную инквизиторами для того, чтобы доказать Изабелле, что в епархиях Кадиса и Севильи существовало большое количество еретиков-иудеев. Эти меры, столь хорошо приспособленные для увеличения числа жертв, не могли не возыметь действия, и вскоре трибунал приступил к своим жестоким казням. 6 января 1481 года шесть человек были сожжены, семнадцать - 26 марта следующего года и еще большее число - месяцем позже; 4 ноября того же года двести девяносто *восемьновых христиан* были приговорены к сожжению, и семьдесят девять были приговорены к ужасам вечного заключения в одном только городе Севилья. В других частях провинции и в диоцезе Кадиса были сожжены две тысячи этих несчастных созданий; по словам Марианы, еще большее число было сожжено как чучело, и тысяча семьсот человек подверглись различным каноническим наказаниям.

Огромное количество людей, приговоренных к сожжению, вынудило префекта Севильи построить каменный помост в поле недалеко от города Таблада; он назывался Кемадеро и существует до сих пор. На нем были установлены четыре гипсовые статуи, носившие имена *Четырех Пророков*; осужденные были заживо заключены в эти фигуры и погибли медленной и ужасной смертью[3].

Ужас, который эти казни внушили *Новым христианам*, заставил большое количество людей эмигрировать во Францию, Португалию и даже в Африку. Многие из тех, кто был осужден за неповиновение, бежали в Рим и требовали от папы справедливости в отношении своих судей. Суверенный понтифик написал Фердинанду и Изабелле 29 января и пожаловался, что инквизиторы не следовали правилу справедливости, объявляя еретиками тех, кто не был виновен. Его Святейшество добавил, что он объявил бы об их лишении свободы, если бы не уважение к королевскому указу, который ввел их в должность, но он отменил данное им разрешение. 11 числа следующего месяца папа отправил новое донесение, в котором, не упоминая первое, он говорит, что генерал доминиканцев Альфонсо де Сент-Кебриан, доказав ему необходимость увеличения числа инквизиторов, назначил на эту должность Альфонсо де Сент-Кебриана и семерых монахов его ордена. Именно в это время королева Изабелла обратилась к папе с просьбой придать инквизиции постоянную форму, которая должна была удовлетворять все стороны; она требовала, чтобы судебные решения, вынесенные в Испании, были окончательными и не подлежали обжалованию в Риме, и в то же время жаловалась, что многие люди обвиняли ее во всем, что она делала для трибунала, под влиянием желания завладеть богатством осужденных.

Когда Сикст IV. получив это письмо, он только что узнал, что его буллы встретили некоторое сопротивление на Сицилии со стороны вице-короля и других магистратов, и искусно воспользовался просьбой Изабеллы подтвердить его власть в этом королевстве. Он ответил королеве и похвалил ее рвение к инквизиции; успокоил ее угрызения совести в связи с конфискациями; и заверил ее, что выполнил бы все ее требования, если бы кардиналы и лица, ответственные за управление делами, не столкнулись с непреодолимыми трудностями при этом. Он призвал ее сохранить инквизицию в своих штатах и, прежде всего, принять надлежащие меры для того, чтобы апостольские буллы были приняты и приведены в исполнение на Сицилии.

Советники, которым папа передал требования Изабеллы, одобрили создание апостольского апелляционного судьи в Испании; и в то же время предложили, чтобы ни одно лицо, происходящее от евреев, ни по мужской, ни по женской линии, не допускалось в число судей

инквизиции. Дон Иниго Манрике был назначен единоличным апелляционным судьей по всем вопросам веры.

ГЛАВА VI.

УЧРЕЖДЕНИЕ ВЕРХОВНОГО ИНКВИЗИТОРА; КОРОЛЕВСКОГО СОВЕТА ИНКВИЗИЦИИ; НИЗШИХ ТРИБУНАЛОВ И ОРГАНИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ: УЧРЕЖДЕНИЕ СВЯТОЙ КАНЦЕЛЯРИИ В АРАГОНЕ.

В 1483 году отец Томас де Торквемада был назначен генеральным инквизитором Арагона, и огромные полномочия его должности были подтверждены в 1486 году Иннокентием VIII. и двумя преемниками этого понтифика. Было бы невозможно найти человека, более подходящего для осуществления намерений Фердинанда по увеличению числа конфискаций, чем Торквемада. Сначала он создал четыре низших трибунала в Севилье, Кордове, Хаэне и Вилья-Реале (ныне Сьюдад-Реаль); последний вскоре после этого был переведен в Толедо. Затем он разрешил отцам-доминиканцам выполнять свои функции в королевстве Кастилия: эти монахи, получившие поручение от святого престола, подчинились власти Торквемады не без некоторого сопротивления; они заявили, что не являются его делегатами. Торквемада не объявил об их низложении, так как опасался, что это повредит осуществлению предприятия, которое он начинал, но приготовился принять законы, которые счел очень необходимыми. Он выбрал в качестве помощников и советников двух гражданских лиц по имени Джон Гутьеррес де Шабес и Тристан де Медина. В это время Фердинанд, понимая, насколько важно для интересов государства организовать трибунал, создал королевский совет инквизиции и назначил президентом Торквемаду, а членами совета - дона Альфонсо Карильо, епископа Мазары на Сицилии, Санчо Веласкеса де Куэльяра и Понсе де Валенсию, докторов права. Торквемада поручил двум своим помощникам подготовить законы для нового совета и созвал хунту, в состав которой вошли инквизиторы четырех учрежденных им трибуналов, два помощника и члены королевского совета. Это собрание состоялось в Севилье и опубликовало первые законы испанского трибунала под названием "инструкции" в 1484 году. Эти инструкции были разделены на двадцать восемь статей.

1-я статья регулировала порядок объявления об учреждении инквизиции в стране, где она должна была быть введена.

2-я статья предписывала опубликовать указ, сопровождаемый порицаниями против тех, кто не обвинил себя добровольно в течение срока отсрочки.

К 3-му была назначена тридцатидневная отсрочка для того, чтобы еретики заявили о себе.

4-й закон предписывал, что все добровольные признания должны быть записаны в присутствии инквизиторов и протоколиста.

5-е, что отпущение грехов не должно даваться тайно ни одному человеку, добровольно признавшемуся, если только никто не был осведомлен о его преступлении.

6-й предписывал, что часть епитимьи *примирившегося еретика* должна состоять в лишении всех почетных занятий и пользования золотом, серебром, жемчугом, шелком и тонкой шерстью.

По 7-й статье денежные штрафы налагались на всех, кто давал добровольное признание.

К 8-му числу лицо, обвинившее себя по истечении срока отсрочки, не могло быть освобождено от наказания в виде конфискации.

9-я статья постановляла, что если лица моложе двадцати лет обвиняют себя по истечении срока отсрочки и будет доказано, что они были втянуты в ошибку своими родителями, должно быть назначено легкое наказание.

10-е правило обязывало инквизиторов объявить в своем акте примирения точное время, когда преступник впал в ересь, чтобы можно было установить часть имущества, подлежащую конфискации.

11-я статья гласила, что если еретик, содержащийся в тюрьмах святой канцелярии, требует отпущения грехов и, по-видимому, искренне раскаивается, то оно может быть ему даровано с одновременным назначением пожизненного заключения.

К 12-му, если инквизиторы считали, что раскаяние заключенного было притворным, в случае, указанном в предыдущей статье, им разрешалось отказать в отпущении грехов, объявить его ложным кающимся и, таким образом, приговорить его к сожжению.

К 13-му, если человек, получивший отпущение грехов после своего признания, хвастался тем, что скрыл несколько преступлений, или если была получена информация о том, что он совершил больше, чем признался, он должен был быть арестован и судим как ложно раскаявшийся.

Согласно 14-й статье, обвиняемый должен был быть осужден как нераскаявшийся, если он упорствовал в своих отрицаниях даже после публикации показаний.

К 15-му, если против человека, отрицающего свое преступление, имелись хоть какие-то доказательства, он должен был быть подвергнут пыткам; если он признавался в своем преступлении во время пыток и впоследствии подтверждал свое признание, он наказывался как осужденный; если он отказывался, его снова пытали или приговаривали к чрезвычайному наказанию.

16-я статья запрещала сообщать обвиняемому все показания свидетелей.

17-я статья обязывала инквизиторов допрашивать свидетелей самостоятельно, если это не было невозможно.

18-я статья предписывает, что один или два инквизитора должны присутствовать при пытке заключенного или назначить комиссара, если они были заняты в другом месте, для получения его заявлений.

Согласно 19-й статье, если обвиняемый не являлся по вызову в соответствии с установленной формой, он осуждался как еретик.

20-я статья гласит, что если будет доказано, что какой-либо человек умер еретиком из-за своих писаний или поведения, то он должен быть судим как таковой, его тело извлечено из могилы и сожжено, а имущество конфисковано.

К 21-му числу инквизиторам было приказано распространить свою юрисдикцию на вассалов знати; если они отказывались разрешить это, они подлежали порицанию.

22-й декрет гласил, что если мужчина, сожженный как еретик, оставляет детей, не достигших совершеннолетия, часть имущества их отца должна быть передана им под видом милостыни, а инквизиторы должны быть обязаны доверить их образование соответствующим лицам.

К 23-му, если еретик, примирившийся в течение срока отсрочки, не понес наказания в виде конфискации, обладал имуществом, принадлежащим осужденному, это имущество не подлежало включению в помилование.

24-й закон обязывал примиренного освободить своих рабов-христиан, если его имущество не было конфисковано, если король даровал помилование на этом условии.

25-е запретило инквизиторам и другим лицам, прикомандированным к трибуналу, получать подарки под страхом отлучения от церкви, лишения работы, возмещения ущерба и штрафа в размере двойной стоимости полученных подарков.

26-е рекомендует офицерам инквизиции жить в мире друг с другом.

27-й приказывает им тщательно следить за поведением своих нижестоящих офицеров.

28-я и последняя статья возлагает на благоразумие инквизиторов обсуждение всех вопросов, не упомянутых в предыдущих статьях.

Фердинанд, созвав в Таразоне кортесы своего королевства Арагон, постановил, что инквизиция должна быть преобразована в тайный совет. После принятия этого решения Торквемада назначил Гаспара Юглара, доминиканца, и Питера Арбуэса д'Эпила инквизиторами архиепископства Сарагосы. Королевский указ предписывал всем властям оказывать им помощь в их исполнении служебных обязанностей, и магистрат, известный под именем Верховного судьи Арагона, принес присягу вместе с несколькими другими. Это обстоятельство не предотвратило сопротивления, которое арагонцы оказывали трибуналу; напротив, оно усилилось и достигло такой высоты, что его можно было бы назвать национальным.

Главные лица, служившие при дворе Арагона, происходили от *новых христиан*: среди них были Луис Гонсалес, королевский секретарь по делам королевства; Филипп де Кlemente, протонотарий; Альфонсо де ла Кабальерия, вице-канцлер; и Габриэль Санчес, главный казначей; все они происходили от евреев, осужденных в свое время инквизицией. Эти люди и многие другие, служившие при дворе, вступили в союз с главными вельможами королевства и использовали влияние, которое они получили благодаря этому обстоятельству, чтобы побудить представителей нации обратиться к Папе и королю с апелляцией против кодекса инквизиции. Уполномоченные были направлены в Рим и Суд Испании, чтобы потребовать приостановления действия статей, касающихся конфискации, как противоречащих законам королевства Арагон. Они были убеждены, что инквизиция не удержится, если эта мера будет отменена. Пока депутаты арагонских кортесов находились в Риме вместе с королем, инквизиторы осудили нескольких *новых христиан* как иудейских еретиков. Эти казни усилили раздражение арагонцев; и когда депутаты написали от Испанского двора, что они недовольны положением дел, они решили пожертвовать одним или двумя инквизиторами в надежде, что никто не осмелится занять этот пост и что король откажется от своего замысла. После того как план

убийства был одобрен заговорщиками, среди всех арагонцев еврейской расы был собран добровольный взнос; и судебными процессами над Санчо де Патерно и другими было доказано, что дон Бласко д'Алагон получил десять тысяч реалов, которые предназначались для вознаграждения убийц инквизитора Арбуэса. Иоанн де ла Абадиа, дворянин Арагона, но происходивший от еврейских предков по женской линии, взял на себя руководство предприятием. Об убийстве было сообщено Джону д'Эспераиндео, его слуге Видалю д'Урансо, Мэтью Рэму, Тристану де Леонису, Энтони Грану и Бернарду Леофанте. Несколько раз их попытки терпели неудачу, поскольку Питер Арбуэс, будучи проинформирован об их замысле, принимал необходимые меры предосторожности, чтобы обезопасить свою жизнь.

Из допроса некоторых убийц следует, что инквизитор носил под жилетом кольчугу и что-то вроде шлема, прикрытого шапочкой. В конце концов он был убит в столичной церкви во время служения заутрени 15 ноября 1485 года. Видаль д'Урансо так серьезно ранил его в затылок, что через два дня он скончался. На следующий день об убийстве стало известно в городе, но его последствия отличались от ожидаемых, поскольку *всестарые христиане* или те, кто не был еврейского происхождения, убежденные, что преступление совершили *Новые христиане*, собрались, чтобы преследовать их и отомстить за смерть инквизитора. Беспорядки были жестокими, и их последствия были бы ужасны, если бы молодой архиепископ дон Альфонсо Арагонский не явился и не заверил толпу, что преступник должен быть наказан. Политика вдохновила Фердинанда и Изабеллу на идею почтить память Арбуэса с торжественностью, которая способствовала тому, что он прослыл святым, и вызвала особое поклонение, обращенное к нему. Это произошло много позже, при папе Александре VII. причислил его к лику блаженных как мученика в 1664 году. В его память Фердинандом и Изабеллой был воздвигнут великолепный памятник. В то время как монархи были заняты почитанием останков Питера Арбуэса, инквизиторы Сарагосы неустанно трудились над выявлением авторов и соучастников его убийства и наказанием их как иудейских еретиков и врагов святой канцелярии. Было бы трудно сосчитать количество семей, ввергнутых в нищету из-за их мести; вскоре было принесено в жертву двести человек. Видаль д'Урансо, один из убийц, рассказал все, что ему было известно о заговоре, что и стало причиной разоблачения его авторов. Едва ли была хоть одна семья в трех первых слоях дворянства, которая не была бы опозорена тем, что хотя бы один из ее членов участвовал в *аутодафев* одежде кающегося грешника.

Дон Джеймс Диас д'О Армендарикс, сеньор города Кадрейта, рыцарь Наварры и предок герцогов Альбукерке, был приговорен к публичной епитимье за то, что на одну ночь спрятал в своем доме нескольких человек, бежавших из Сарагосы. Такое же наказание было применено к нескольким другим прославленным рыцарям города Тудела в Наварре, за то, что они приняли и укрыли других беглецов. Дон Джеймс де Наварра (сын Элеоноры, королевы Наварры, и Гастона де Фуа) был заключен в темницы инквизиции и подвергнут публичной епитимье за то, что помог нескольким заговорщикам в их бегстве. Инквизиторы знали, когда у них хватило наглости заключить его в тюрьму, что Фердинанд не любил его, который всегда боялся его, хотя он и не был законнорожденным.

Дон Лопе Хименес де Урреа, первый граф Аранды; дон Луис Гонсалес, секретарь короля; дон Альфонсо де ла Кабальерия, вице-канцлер королевства; и многие другие лица равного ранга были приговорены к такому же наказанию. Джон де Эспераиндео и другие убийцы Арбуэса были повешены после того, как им отрубили руки. Их тела были четвертованы, а конечности выставлены напоказ на дорогах. Джон де ла Абадиа покончил с собой в тюрьме за день до казни,

но с его трупом обращались так же, как с другими. Руки Видалю д'Урансо не отрубали до тех пор, пока он не испустил дух, потому что ему было обещано помилование, если он раскроет заговорщиков.

Все остальные провинции Арагона оказали равное сопротивление введению новой инквизиции. Мятежи в Теруэле были подавлены исключительно сурово только в 1485 году. Город и епископство Лерида, а также другие города Каталонии упорно сопротивлялись проведению реформы и не были приведены к повиновению до 1487 года. Барселона отказалась признать Торквемаду или кого-либо из его делегатов из-за привилегии, которой она обладала, имея инквизитора с особым титулом. Король обратился к папе римскому, который назначил Торквемаду специальным инквизитором города и епископства Барселоны, наделив его полномочиями назначать на эту должность других лиц. Король был вынужден применить тот же метод к жителям Майорки и Сардинии, которые не подвергались инквизиции до 1490 и 1492 годов. Неоспоримым фактом в истории испанской инквизиции является то, что она была введена полностью против согласия провинций и только под влиянием доминиканских монахов.

ГЛАВА VII.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ АКТЫ К ПЕРВОЙ КОНСТИТУЦИИ СВЯТОЙ КАНЦЕЛЯРИИ; ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ И АПЕЛЛЯЦИИ Против НИХ В РИМ.

Генеральный инквизитор счел необходимым дополнить законы святой канцелярии; и добавил к ним одиннадцать новых статей; суть их такова:

1. Чтобы каждый низший трибунал состоял из двух гражданских инквизиторов, адвоката, альгвасила, регистратора и других лиц, при необходимости, которые должны были получать фиксированное жалованье. Та же статья запрещает допуск слуг или созданий инквизиторов в трибунал.
2. Что, если кто-либо из нанятых лиц получит подарки от обвиняемого или его семьи, он должен быть немедленно лишен своей должности.
3. Что святая канцелярия должна нанять способного гражданского лица в Риме под названием агента и что эти расходы должны быть покрыты за счет денег, полученных от конфискации.
4. Что контракты, подписанные до 1479 года лицами, имущество которых с тех пор было конфисковано, следует считать действительными; но если будет доказано, что в сделках использовался какой-либо обман, что виновные должны быть наказаны сотней ударов кнутом и выжжены на лице раскаленным железом.
5. Что дворяне, которые должны принимать беглецов в своих поместьях, должны быть вынуждены передать правительству имущество, вверенное их попечению; и если они требовали выполнения контрактов, подписанных обвиняемым для своей выгоды, что поверенный должен подать иск о возврате имущества, принадлежащего к доходам.
6. Что нотариусы инквизиции должны вести учет имущества осужденных лиц.

7. Чтобы управляющие святой канцелярии могли продавать конфискованное имущество и получать ренту с поместий, которые могут быть сданы в аренду.

8. Чтобы каждый управляющий осматривал имущество, принадлежащее его трибуналу.

9. Что управляющий не может наложить арест на имущество осужденного без приказа инквизиции; и даже в этом случае его должен сопровождать альгвасил и передать вещи и их опись в руки третьего лица.

10-е. Что управляющий должен выплачивать жалование инквизиторам ежеквартально, чтобы им не приходилось получать подарки.

11-е число. Что во всех обстоятельствах, не предусмотренных новыми правилами, инквизиторы должны вести себя осмотрительно и обращаться к правительству во всех сложных случаях.

Характер этих предметов доказывает, что количество конфискаций было значительным. Фердинанд и Изабелла часто передавали имущество осужденных своим женам и детям, назначали им пенсии за счет имущества или определенную сумму, подлежащую выплате генеральным распорядителем.

Эти суммы и забота, с которой люди скрывали их имущество, уменьшили фонды инквизиции; кроме того, большинство *новых христиан* были купцами или ремесленниками, и часто случалось, что получатели королевских даров были не в состоянии выплачивать жалование инквизиторам. В 1488 году Торквемада постановил, что королевские подарки не должны выплачиваться до тех пор, пока не будут оплачены жалование и другие расходы инквизиции, и написал письмо с просьбой одобрить это Фердинанду, который отказал в нем. Затем генеральный инквизитор был обязан разрешить инквизиторам налагать денежные штрафы на примирившихся лиц (впоследствии это разрешение было отозвано). Поскольку опыт показал, что доходов инквизиции никогда не было достаточно из-за большого количества заключенных, которых она была обязана содержать, и расходов, понесенных агентом в Риме, Фердинанд и Изабелла попросили папу предоставить в распоряжение святой канцелярии пребендария в каждом соборе в их владениях; на что он согласился в 1501 году. Получатели, обнаружив, что они не в состоянии покрыть расходы администрации, потребовали возмещения ущерба многим лицам, которых они обвиняли в удержании поместий, принадлежащих инквизиции. Такое поведение вызвало столько жалоб, что совет инквизиции был вынужден запретить приемщикам приставать к владельцам поместий, которые были проданы до 1479 года. Неудивительно, что получатели должны применять такие меры для увеличения доходов, когда инквизиторы сами способствовали их обеднению, распоряжаясь ими по своему капризу и без разрешения суверенов. Это злоупотребление достигло такой степени, что Фердинанд и Изабелла пожаловались папе римскому, который под страхом отлучения запретил инквизиторам распоряжаться своими доходами без приказа короля. Впоследствии инквизиторы были вынуждены вернуть изъятые ими суммы.

В 1488 году генеральный инквизитор при содействии верховного совета составил новый указ, состоявший из пятнадцати статей.

Первый постановил, что правила 1484 года должны соблюдаться во всем, за исключением конфискаций, которые должны были регулироваться правилами справедливости.

2-й Приказ предписывает инквизиторам действовать единообразно из-за злоупотреблений, производимых противоположной системой.

3-я статья запрещает инквизиторам откладывать вынесение приговора под предлогом ожидания полных доказательств преступления.

4-й пункт гласит, что, поскольку не во всех трибуналах есть гражданские лица, обладающие достаточными способностями, с которыми можно консультироваться при подготовке окончательных приговоров, инквизиторы должны направлять материалы судебных процессов генеральному инквизитору, чтобы с ними ознакомились гражданские лица верховного совета.

5-й декрет гласит, что никому не должно быть разрешено поддерживать какое-либо общение с заключенными, за исключением священников, которые были обязаны посещать тюрьмы раз в две недели.

6-я статья предписывает, чтобы показания свидетелей принимались в присутствии как можно меньшего числа лиц, чтобы не нарушалась тайна.

7-е, что писания и бумаги, принадлежащие инквизиции, должны храниться по месту жительства инквизиторов и запираются в сундук; ключ от которого должен храниться у нотариуса трибунала, который не должен выдавать его под страхом потери своего места.

8-я статья гласит, что если окружные следователи арестовывают человека, уже преследуемого другим трибуналом, все документы, относящиеся к его суду, должны быть переданы в руки первого.

9-я статья гласит, что если в архивах трибунала есть документы, которые могут быть полезны другому, расходы, понесенные при их отправке, оплачиваются им.

10-я статья гласит, что, поскольку тюрем недостаточно для всех, кто приговорен к пожизненному заключению, им разрешается оставаться в своих домах, но не выходить на улицу под страхом самого сурового наказания.

В 11-м разделе инквизиторам рекомендуется строго выполнять все те законы, которые запрещают детям и внукам осужденных лиц занимать какие-либо почетные должности и носить любую одежду из шелка или тонкой шерсти, а также любые украшения из золота, серебра или драгоценных камней.

12-я статья гласит, что мужчины не могут быть допущены к примирению и отречению до достижения четырнадцатилетнего возраста, а женщины - до достижения двенадцати лет; если они отреклись до достижения этого возраста, необходима ратификация.

13-й запретил получателям выплачивать королевские подарки до тех пор, пока не будут оплачены расходы инквизиции.

14-е провозглашает, что священная канцелярия должна обратиться к суверенам с просьбой построить тюрьму в каждом городе, где она была основана, для приема тех, кто может быть приговорен к этому наказанию. Он также рекомендует, чтобы камеры были устроены таким образом, чтобы заключенные могли заниматься своей соответствующей профессией и, таким образом, обеспечивать себя.

15-я и последняя статья обязывала нотариусов, фискалов, альгвасилов и других должностных лиц инквизиции выполнять свои функции лично.

Генеральный инквизитор считал, что этих правил недостаточно для предотвращения злоупотреблений; поэтому он созвал хунту инквизиторов в Толедо. Постановления этого собрания были опубликованы в Авиле в 1498 году и заключались в следующем:—

Во-первых, каждый трибунал должен состоять из двух инквизиторов, одного гражданского, другого теолога. Им было запрещено подвергать свидетелей тюремному заключению или пыткам, а также сообщать об обвинениях, выдвинутых свидетелями, без согласия обоих.

Во-вторых, инквизиторы не должны позволять своим подчиненным носить какое-либо защитное оружие, за исключением случаев, когда их должность обязывает их делать это.

В-третьих, ни одно лицо не должно быть заключено в тюрьму, если его преступление не было в достаточной степени доказано; и что после ареста приговор должен быть вынесен немедленно, не дожидаясь новых доказательств.

В-четвертых, инквизиция должна оправдывать умерших, если не было представлено достаточных доказательств, и не откладывать судебный процесс в ожидании новых обвинений, поскольку неопределенность результата судебного процесса вредит детям, чьему устройству в семью помешали.

В-пятых, полная растрата средств святой канцелярии не должна приводить к наложению большего числа денежных взысканий.

В-шестых, инквизиторам следует заменять тюремное заключение или любое другое телесное наказание не денежным штрафом, а постом, подаянием, паломничеством или другими подобными наказаниями.

В-седьмых, инквизиторам следует тщательно изучить целесообразность признания к примирению тех, кто признался в своих преступлениях после ареста, поскольку они могут быть сочтены непокорными, поскольку инквизиция существовала много лет.

В-восьмых, инквизиторы должны публично наказывать лжесвидетелей.

В-девятых, что два человека, родственные в какой бы то ни было степени, не должны быть наняты в священной канцелярии, равно как и господин и его слуга, даже в том случае, если их функции должны быть полностью различны.

В-десятых, архивы каждого трибунала должны быть заперты на три замка, ключи от которых должны находиться в руках двух нотариусов и фискала.

В-одиннадцатых, нотариус должен получать показания свидетелей только в присутствии инквизитора и что два священника, которым поручено доказать истинность показаний, не должны принадлежать к трибуналу.

В-двенадцатых, инквизитор должен учредить инквизицию во всех городах, где ее еще не существовало.

Тринадцатый: во всех сложных случаях инквизиторы должны консультироваться с советом.

Четырнадцатый - чтобы тюрьма для женщин была отделена от тюрьмы для мужчин.

В-пятнадцатых, офицеры трибунала должны выполнять свои функции по шесть часов в день и посещать инквизиторов всякий раз, когда это требуется.

Шестнадцатый: после того, как инквизиторы принесут присягу свидетелей в присутствии фискала, он должен быть вынужден удалиться.

Помимо этих постановлений, Торквемада установил несколько особых правил для каждого члена трибунала: все нанятые лица были обязаны принести клятву, что они не расскажут ничего, что они могут увидеть или услышать; инквизитору не разрешалось оставаться наедине с заключенным; тюремщик не мог позволить никому разговаривать с ним и был обязан проверить, не были ли какие-либо письма спрятаны в пищу, которую ему давали. Это были последние правила, сформулированные Торквемадой, но Диего Деза, его преемник, опубликовал *пятиую инструкцию* в Севилье в 1500 году.

Таковы были законы святой канцелярии в Испании. Этот кодекс вызвал эмиграцию более ста тысяч семей, полезных государству, и потерю многих миллионов франков, которые были потрачены при римском дворе либо на буллы, которые он ускорил, либо теми, кто отправился туда просить отпущения грехов у пап. Святой престол был далек от того, чтобы жаловаться на эту практику, поскольку она приносила казне огромные суммы, и ни один человек, который представлялся со своими деньгами в апостольскую тюрьму, не получал отпущения грехов, которого он просил, или приказа об отпущении грехов в другом месте.

Такое поведение вызвало недовольство инквизиторов: полагаясь на защиту Фердинанда и Изабеллы, они обратились с упреками к папе, который аннулировал уже дарованные отпущения грехов, обманув тем самым тех, кто потратил большую часть своего состояния, пытаясь их получить. Затем он пообещал новое помилование на новых условиях, противоречащих соглашению, которое он заключил с Фердинандом, и отменить все способы обжалования в Римском суде. Такова была постоянная практика святого престола в течение тридцати лет после учреждения инквизиции в Испании.

ГЛАВА VIII.

ИЗГНАНИЕ ЕВРЕЕВ.—СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ПРОТИВ ЕПИСКОПОВ.—СМЕРТЬ ТОРКВЕМАДЫ.

В 1492 году Фердинанд и Изабелла завоевали королевство Гренада. Это событие принесло множество жертв святой канцелярии в лице мавров, которые были обращены просто в надежде получить вознаграждение, а после крещения вернулись в магометанство. Джон де Наваджеро в своих путешествиях по Испании утверждает, что Фердинанд пообещал мореско (так назывались те мавры, которые стали христианами), что инквизиция не будет вмешиваться в их дела в течение сорока лет, но что инквизиция была учреждена в королевстве Гренада под предлогом того, что там нашли убежище многие евреи. Это утверждение не является точным; монархи лишь пообещали, что мавританские христиане не должны подвергаться судебному преследованию, за исключением серьезных преступлений, и инквизиция среди них не была введена до 1526 года.

Это было в 1492 году, когда некрещенные евреи были изгнаны из Испании. Их обвиняли в том, что они склоняли тех представителей своего народа, которые стали христианами, к вероотступничеству, и в распятии детей в Страстную пятницу, в насмешку над Спасителем мира, и во многих других преступлениях того же характера. Еврейских врачей, хирургов и аптекарей также обвиняли в том, что они воспользовались своей профессией, чтобы вызвать смерть большого числа христиан, и среди прочих смерть Генриха III., которая была приписана его врачу, дону Маиру.

Евреи, чтобы предотвратить угрожавшую им опасность, предложили Фердинанду тридцать тысяч сребреников для продолжения войны против Гренады; они обещали жить мирно, соблюдать установленные для них правила, удалиться до наступления ночи в свои дома в отведенных им помещениях и отказаться от всех профессий, которые были предназначены для христиан. Фердинанд и Изабелла были готовы выслушать эти предложения; но Торквемада, будучи осведомлен об их склонностях, имел смелость появиться перед ними с распятием в руке и обратиться к ним в таких словах:

"Иуда продал своего господина за тридцать сребреников, ваши высочества собираются сделать то же самое за тридцать тысяч; вот он, возьмите его и поспешите забрать".

Фанатизм доминиканца вызвал внезапную перемену в сознании монархов, и 31 марта 1492 года они издали указ, по которому все евреи были вынуждены покинуть Испанию до 31 июля следующего года под страхом смертной казни и конфискации их имущества; указ также запрещал христианам принимать их в своих домах после этого срока. Им разрешалось продавать свои запасы, забирать мебель и другие пожитки, *за исключением золота и серебра, за которые они должны были принимать разменные письма или любые товары, которые не были запрещены.*

Торквемада поручил всем проповедникам увещевать их принять крещение и остаться в королевстве. Небольшое число поддалось на уговоры; остальные продавали свои товары по такой низкой цене, что Эндрю Бернальдес (современный историк) заявляет в своей "Истории католических королей", что он видел, как *евреи отдавали дом за осла и виноградник за небольшое количество ткани или льна.*

По словам Марианы, восемьсот тысяч евреев покинули Испанию, и если прибавить к этому числу мавров, эмигрировавших в Африку, и христиан, поселившихся в Новом Свете, мы обнаружим, что Фердинанд и Изабелла потеряли из-за этих жестоких мер два миллиона подданных. Бернальдес утверждает, что евреи носили с собой некоторое количество золота, спрятанного в их одежде и седлах, и даже в их кишках, поскольку они измельчали дукаты на мелкие кусочки и проглатывали их. Впоследствии многие вернулись в Испанию и приняли крещение. Некоторые вернулись из королевства Фес, где мавры отобрали у них деньги и имущество и даже убили женщин, чтобы забрать золото, которое они ожидали найти в них. Эти жестокости можно отнести только к фанатизму Торквемады, к алчности и суевериям Фердинанда и к необдуманному рвению Изабеллы, которая, тем не менее, обладала большой мягкостью характера и просвещенным умом.

Другие европейские дворы не находились под таким влиянием фанатизма и не обратили внимания на буллу Иннокентия VIII, которая предписывала всем правительствам арестовывать,

по желанию Торквемады, беглецов, которых он укажет, под страхом отлучения от церкви; монарх был единственным человеком, освобожденным от наказания.

Дерзкий фанатик Торквемада, хотя и делал вид, что отказывается от чести епископства из скромности, был первым, кто подал роковой пример предания епископов суду. Не удовлетворен тем, что получил от Сикста IV. протоколы, запрещавшие епископам еврейского происхождения вмешиваться в дела инквизиции, он даже хотел привлечь к суду двоих из них, а именно дону Хуана Ариаса Давилу, епископа Сеговии; и дону Педро де Аранда, епископа Калаорры. Он сообщил о своем решении папе, который сообщил ему, что его предшественник Бонифаций VIII запретил инквизиции возбуждать дела против епископов, архиепископов или кардиналов без апостольского поручения; но если какой-либо прелат обвинялся в ереси, он поручал Торквемаде прислать ему копию информации, чтобы тот мог принять решение о методе расследования.

Торквемада немедленно начал получать секретную информацию о поведении епископов, и папа отправил Антонио Палавичини, епископа Турнейского, в Испанию с титулом апостольского нунция, когда тот получил информацию от Торквемады, и вернулся в Рим, где оба епископа были вызваны для явки и самозащиты. Дон Хуан Ариас Давила был сыном Диего Ариаса Давилы, который имел еврейское происхождение и был крещен после проповеди святого Винсента Ферье; впоследствии он стал главным финансистом королей Иоанна II и Генриха IV. Генрих IV. облагородил его и дал ему титул лорда замка Пуньонростро и нескольких других мест, составляющих графство Пуньонростро, а также титул гранда Испании, которым обладали его потомки со времен Педро Ариаса Давилы, первого графа и брата епископа, который также был главным финансистом Генриха IV. и Фердинанд V. Сан епископа не пугал Торквемаду; информация была получена по его приказу, и результатом стало то, что Диего Ариас Давила умер как иудейский еретик: целью, которую имел в виду генеральный инквизитор, было осудить его память, конфисковать его имущество и расчленить его тело, чтобы сжечь его вместе с его изображением. Поскольку во всех делах подобного рода упоминаются дети, дон Хуан Ариас Давила был вынужден отправиться в Рим в 1490 году, чтобы защитить своего отца и самого себя, хотя он достиг преклонного возраста и был епископом Сеговии тридцать лет. Он был хорошо принят Александром VI, который назначил его сопровождать своего племянника, кардинала Монреала, в Неаполь, когда тот отправлялся короновать Фердинанда II. Давила вернулся в Рим и умер там в 1497 году, очистив память о своем отце.

Дону Педро Аранде, епископу Калаорры, повезло меньше. Он был сыном Гонсалеса Алонсо, еврея, который также был крещен во времена святого Винсента Ферье и который впоследствии был хозяином часовни. Гонсалес имел удовольствие видеть, как оба его сына достигли епископского сана: старший был архиепископом Монреала на Сицилии, второй стал епископом Калахорры в 1478 году и президентом Совета Кастилии в 1482 году; однако в 1488 году он стал объектом секретного распоряжения Торквемады, которое, однако, не помешало ему созвать синод в городе Логронья в 1492 году. В тот период Торквемада и другие инквизиторы Вальядолида устроили суд над Гонсалесом Алонсо, чтобы доказать, что он умер иудейским еретиком. Инквизиторы Вальядолида и епископ епархии не смогли договориться о приговоре, который должен быть вынесен обвиняемому; и его сын, дон Педро Аранда, получил от Александра VI справку, согласно которой это дело было передано дону Иниго Манрике, епископу Кордовы, и Джону де Сент-Джону, приору бенедиктинцев в Вальядолиде. Им было

поручено вынести решение и привести приговор в исполнение без какого-либо вмешательства со стороны инквизиции. Их решение было благоприятным для Гонсалеса.

Епископ, его сын, завоевал уважение папы, который назначил его главным мажордомом папского дворца и отправил послом в Венецию в 1494 году. Эти знаки благосклонности не заставили инквизиторов ослабить свое рвение: они продолжили судебный процесс против дон Педро по обвинению в ереси; его судьями были архиепископ, губернатор Рима, и два епископа, аудиторы апостольского дворца. Дон Педро вызвал сто одного свидетеля в свою защиту; но, к сожалению, у каждого из них было что выдвинуть против него по разным пунктам. Судьи представили свой доклад папе на тайной консистории в 1498 году, который вместе с кардиналами осудил епископа на лишение его должностей и бенефиций, на лишение епископского сана и низведение до ранга простого мирянина. Его заключили в замок Сант-Анджело, где он и умер некоторое время спустя.

Томас де Торквемада, первый генеральный инквизитор Испании, умер 16 ноября 1498 года. Страдания, которые были последствиями системы, которую он принял и рекомендовал своим преемникам, оправдывают всеобщую ненависть, которая последовала за ним в могилу и вынудила его принять меры предосторожности для своей личной безопасности. Фердинанд и Изабелла разрешили ему пользоваться эскортом из пятидесяти *приближенных* инквизиции верхом и двухсот других пеших, когда бы он ни путешествовал. Он также держал на своем столе рог единорога, который должен был обнаруживать и нейтрализовывать яды. Неудивительно, что многие составили заговор против его жизни, если учесть его жестокое правление: сам папа был встревожен его варварством и жалобами, которые были выдвинуты против него; и Торквемада был вынужден трижды посылать своего коллегу Антонио Бадоху в Рим, чтобы защитить его от обвинений его врагов.

Наконец Александр VI, устав от постоянных придирок, объектом которых он был, решил лишить его сана, но был удержан от этого решением Испанского двора. Поэтому в 1494 году он ускорил составление сводки, в которой говорилось, что, поскольку Торквемада достиг преклонного возраста и страдал от многих недугов, он назначил четырех генеральных инквизиторов, наделенных теми же полномочиями, что и он.

Фамильяры святой канцелярии, которые служили телохранителями генерального инквизитора, были преемниками фамильяров Старой инквизиции. Им было поручено преследовать еретиков и лиц, подозреваемых в ереси, помогать офицерам трибунала заключать их в тюрьму и делать все, что могли потребовать инквизиторы.

Было показано, что испанцы приняли инквизицию с неохотой; но поскольку они были вынуждены терпеть ее, когда она была учреждена, некоторые благоразумные люди посчитали, что они будут в большей безопасности от опасности навлечь на себя подозрения, если будут казаться преданными делу, что и послужило причиной, по которой несколько выдающихся джентльменов предложили стать *приближенными святой канцелярии* и были приняты в конгрегацию Святого Петра. Их примеру последовали низшие классы, поощряемые Фердинандом и Изабеллой, которые даровали им ряд иммунитетов и привилегий.

ГЛАВА IX.

О ПРОЦЕДУРЕ СОВРЕМЕННОЙ ИНКВИЗИЦИИ.

ПОСЛЕ смерти генерального инквизитора Торквемады Фердинанд и Изабелла предложили папе в качестве его преемника доминиканца дона Диего Дезу. Деза был епископом Хаэна, а впоследствии стал архиепископом Севильи. Папа подписал свои буллы о конфирмации 1 декабря 1498 года, но ограничил свои полномочия делами королевства Кастилия. Деза был недоволен ограничением, которого не было в буллах двух его коллег, и отказывался принять кандидатуру, пока папа римский не наделил его такой же властью над Арагоном в булле 1499 года. Новый генеральный инквизитор проявил не меньшую строгость при исполнении своих обязанностей, чем его предшественник; но, прежде чем я перейду к этой части истории, необходимо дать некоторый отчет о порядке работы святой канцелярии, поскольку это была работа Торквемады, о действии законов, которые он разработал, и которые по праву принадлежат его истории.

Процессы в инквизиции начинались с доноса или какой-либо другой информации, такой как открытие, случайно сделанное трибуналом в ходе другого судебного процесса. Когда донос подписан, он принимает форму заявления, в котором информатор, поклявшись в правдивости своих показаний, называет тех лиц, которые, по его предположению, могут что-либо предъявить против обвиняемого. Затем эти лица заслушиваются, и их показания вместе с показаниями первого свидетеля образуют *краткое изложение информации или подготовительную инструкцию*.

Дознание.

Когда трибунал постановил, что действия или слова, которые были осуждены, были достаточными для проведения расследования с целью установления доказательств, были допрошены лица, которые, как было указано, знали цель заявления, и их обязали дать клятву не разглашать вопросы, которые были им заданы. Ни один из свидетелей не был проинформирован о предмете, по которому они должны были давать свои показания; их спросили только в общих чертах, *видели ли они когда-либо или слышали что-либо, что противоречило католической вере или правам инквизиции*.

Личный опыт показал мне, что свидетели, которые не знали о причине, по которой их цитировали, часто вспоминали обстоятельства, совершенно не относящиеся к предмету, которые они сделали известными, а затем подвергались допросу, как будто у их допроса не было другой цели; это случайное показание послужило вместо доноса, и был начат новый процесс.

Заявления записывались комиссаром или нотариусом, которые обычно усугубляли обвинение настолько, насколько позволяло произвольное толкование неподобающих или двусмысленных выражений, используемых несведущими людьми. Заявление было дважды зачитано свидетелям, *которые не преминули одобрить все, что было написано*.

Осуждение отборочных.

Когда инквизиторы изучают предварительную *инструкцию*, если они находят достаточные основания для продолжения расследования, они рассылают циркуляр всем трибуналам

провинции с просьбой выяснить, имеются ли в их реестрах какие-либо обвинения против обвиняемых. Эта процедура называется *проверкой реестров*. Делаются выдержки из утверждений против обвиняемого, и если каждое из них выражено в разных терминах, что имеет место почти всегда, они направляются как обвинения, выдвинутые по разным поводам. Затем это письмо было передано теологам, *квалификаторам святой канцелярии*, которые пишут внизу страницы, заслуживают ли утверждения *теологического порицания* как еретические, если они дают повод предположить, что человек, произнесший их, одобрял какую-либо ересь, или если он только подозревается в этом преступлении.

Объявление *квалификаторов* определяет порядок судебного разбирательства в отношении обвиняемого до тех пор, пока не будет подготовлен судебный процесс для вынесения окончательного приговора. *Квалификаторы*, как правило, были монахами-схоластами, почти полностью незнакомыми с истинным догматическим богословием и доведшими фанатизм и суеверия до такой степени, что находили ересь во всем, что они не изучали: этот настрой часто заставлял их осуждать некоторые доктрины отцов церкви.

Тюрьмы.

После того, как квалификация была сделана, прокуратор-налоговик требует, чтобы осужденное лицо было отправлено в *секретные тюрьмы святой канцелярии*. В трибунале есть три вида тюрем: государственные, промежуточные и секретные. Первые - это те, где заключены в тюрьму лица, которые не виновны в ереси, но в каком-либо преступлении, за которое инквизиция имеет привилегию наказывать; вторые предназначены для тех служащих святой канцелярии, которые совершили какое-либо преступление при исполнении своих функций, не навлекая на себя подозрений в ереси. Тем, кто содержится в этих тюрьмах, разрешается общаться с другими, за исключением случаев, когда они приговорены к одиночному заключению. Тайные тюрьмы - это те, где содержатся все еретики или лица, подозреваемые в ереси; они могут общаться только с судьями трибунала.

Эти тюрьмы не такие, как их представляли, сырые, грязные и вредные для здоровья; это сводчатые камеры, хорошо освещенные, не сырые и достаточно большие, чтобы человек мог в них немного потренироваться. Настоящие ужасы тюрем заключаются в том, что никто не может войти в них, не приобретя дурную славу в общественном мнении; а также в одиночестве и темноте, к которым заключенный зимой приговорен на пятнадцать часов в день, поскольку ему не разрешают зажигать свет до семи часов утра или после четырех вечера. Некоторые авторы заявляли, что заключенные были закованы в цепи; эти средства использовались только в исключительных случаях и для предотвращения их саморазрушения.

Первые аудиенции.

В течение трех первых дней после заключения преступника в тюрьму у него было три *аудиенции* на которых ему *выносили* предупреждение, или предостережение, рекомендуя ему говорить правду, не скрывая ничего из того, что он сделал или сказал, или что он может приписать другим вопреки вере. Ему сказали, что, если он последует этой рекомендации, к нему будут относиться снисходительно; но в противном случае к нему будут применены суровые меры. До тех пор заключенный ничего не знает о причине своего ареста; ему только говорят, что ни один человек не попадает в тюрьму святой канцелярии без достаточных доказательств того, что он говорил против католической веры, и, следовательно, в его интересах добровольно признаться

в своих преступлениях. Некоторые заключенные признавали себя виновными в преступлениях, указанных в подготовительной инструкции; другие признавали больше, другие меньше; в целом заключенные заявляли, что их совесть их не упрекает, но что они постараются вспомнить совершенные ими проступки, если им будут зачитаны обвинения свидетелей.

Преимущества признания заключались в том, что оно сокращало продолжительность судебного разбирательства и делало наказания, назначенные обвиняемому, менее суровыми, когда происходило примирение. Какие бы обещания ни были даны заключенным, они не смогли бы избежать позорасан-бенито и аутодафе или сохранить свою честь или имущество, если бы они признали себя *формальными* еретиками.

Другим обычаем инквизиции было проверять заключенного на предмет его генеалогии и происхождения, чтобы выяснить по реестрам трибунала, был ли кто-либо из его семьи наказан за ересь, предполагая, что он мог унаследовать ошибочные доктрины своих предков. Он также был обязан декламировать *Отца*, *Кредо* и другие формы христианской доктрины, потому что предположение о том, что он ошибся в своей вере, было сильнее, если он их не знал, забыл или допускал ошибки при повторении. Короче говоря, инквизиция использовала все средства и ничем не пренебрегала при суде над заключенными, чтобы выставить их виновными в ереси, и все это делалось с видимостью милосердия и сострадания и во имя Иисуса Христа.

Обвинения.

Когда церемония трех первых аудиенций завершена, фискальный прокурор составляет обвинительный акт против заключенного на основе предварительной инструкции. Хотя существует только полудоказательство, он сообщает факты в показаниях так, как если бы они были доказаны; и что еще более незаконно, он не сводит статьи своего *требования* к количеству фактов, но, следуя практике составления выдержек из положений акта *квалификации*, он умножает их в соответствии с вариациями в заявлениях; так что обвинение, которое следовало бы свести к одному пункту, содержит пять или шесть обвинений, которые, по-видимому, указывают на то, что обвиняемый в разных случаях выдвигал так много еретических мнений без какого-либо основания. но каждый свидетель рассказывает о разговоре по-разному.

Такой способ ведения дела производит наихудшие последствия; он сбивает заключенного с толку там, где ему зачитывают обвинения, и, если у него нет хладнокровия и разума, он воображает, что ему вменяют несколько преступлений, и отвечает, например, на третью статью, излагая факты словами, отличными от тех, которые он использовал при ответе на вторую; это изменение имеет место в каждой статье, он иногда противоречит сам себе и, таким образом, предъявляет фискалу новые обвинения против себя, поскольку его обвиняют в том, что он не придерживался истины в своих ответах.

Пытка.

Хотя подсудимый сознался во всем, что свидетели показали против него на первых аудиенциях, все же фискал прекращает свое *требование*, говоря, что он виновен в сокрытии и отрицании, что он, следовательно, нераскаявшийся и упрямый, и требует, чтобы вопрос был применен к обвиняемому.

Это правда, что инквизиторы так давно не применяли пыток, что этот обычай можно считать отмененным, и фискал предъявляет требования только по примеру своих предшественников, но не менее жестоко заставлял заключенных бояться этого.

В прежние времена, если инквизиторы считали, что заключенный не сделал полного признания, они приказывали подвергнуть его пыткам: цель состояла в том, чтобы заставить его признаться во всем, что составляло суть процесса. Я не буду описывать различные способы пыток, применявшиеся инквизицией, как это уже делали многие историки: я только скажу, что ни один из них нельзя обвинить в преувеличении. Когда обвиняемые признавали вменяемые им преступления во время пыток, их обязывали на следующий день подтвердить или отказаться от своего признания под присягой. Почти все подтвердили свои первые показания, потому что их подвергали пыткам во второй раз, если они осмеливались отказаться.

Заявка.

Требование или обвинение прокурора-фискала никогда не вручалось заключенному в письменной форме, чтобы он не мог обдумать обвинения в тюрьме и подготовить свои ответы. Подсудимого ведут в зал для аудиенций, где секретарь зачитывает обвинения в присутствии инквизиторов и фискала: между каждой статьей он призывает подсудимого немедленно ответить на нее и заявить, правда это или ложь.

Очевидно, что эта процедура направлена на то, чтобы поставить заключенного в неловкое положение, вынудив его ответить без предварительного обдумывания. Подобные уловки допускаются в других судах, где заключенные виновны в убийстве, краже или других преступлениях против общества; но следует признать, что их применение противоречит духу христианства, когда мотивами действий, по-видимому, являются религиозное рвение и спасение других.

Защита.

Когда обвинения и *обвинение* зачитаны, инквизиторы спрашивают заключенного, желает ли он выступить в свою защиту; если он отвечает утвердительно, забирается копия *обвинения* и ответов. Затем он должен выбрать адвоката, которого он желает нанять для своей защиты, из списка тех, кто принадлежит к священной канцелярии. Некоторым заключенным требовалось разрешение искать защитника вне трибунала, что не противоречило никакому закону, особенно если адвокат дал клятву хранить тайну; однако инквизиторы редко предоставляли это простое и естественное право.

Для обвиняемого не имеет большого значения, если его защищает квалифицированный специалист, поскольку адвокату не разрешается видеть первоначальный процесс или общаться со своим клиентом. Один из нотариусов составляет копию результата *предварительной инструкции*, в которой он сообщает о даче показаний свидетелями, не упоминая их имен или обстоятельств времени или места и (что еще более необычно) не указывая, что было сказано в защиту заключенного. Он полностью опускает заявления лиц, которые, будучи вызваны и допрошены трибуналом, упорно утверждали, что они ничего не знали о предмете, по которому их допрашивали. Этот отрывок сопровождается порицанием *квалификаторов*, и требованием фискала провести экспертизу, и обвинением, и ответами обвиняемого. Это все, что предоставляется защитнику в зале для аудиенций, куда инквизиторы приказали ему явиться.

Затем он обязан пообещать защищать заключенного, если сочтет это справедливым; но в противном случае он использует все средства, которые в его силах, чтобы убедить его просить трибунал о помиловании путем искреннего признания своих грехов и требования примирения с церковью.

Те, кто приобрел какой-либо опыт в уголовном судопроизводстве, знают о больших преимуществах, которые могут быть получены из сравнения показаний свидетелей в защиту обвиняемого; но направление, данное процессу инквизицией, таково, что адвокат редко может найти какие-либо средства защиты, кроме тех, которые вытекают из различий в показаниях относительно действий и слов, вменяемых заключенному.

Поскольку этого недостаточно (поскольку существуют полудоказательства), защитник обычно требует встречи с заключенным, чтобы тот мог поинтересоваться, намеревается ли он вызвать свидетелей, уничтожить, частично или полностью, доказательства, установленные против него. Если он отвечает утвердительно, инквизиторы назначают судебное разбирательство для доказательства неправомерности показаний свидетелей.

Доказательство.

Затем необходимо отделить все первоначальные заявления свидетелей от процесса и разослать их по местам их проживания для получения *ратификации*. Это происходит без ведома заключенного, и поскольку он не представлен каким-либо лицом во время этой формальности, невозможно, чтобы вызов свидетеля увенчался успехом, даже если он был злейшим врагом заключенного. Если свидетель находился в Мадриде во время инструктажа, а затем отправлялся на Филиппинские острова, ход судебного разбирательства приостанавливался, и подсудимый был вынужден ждать, пока ратификационная грамота не придет из Азии. Если он требовал аудиенции, чтобы пожаловаться на задержку, ему отвечали двусмысленно, что трибунал не может действовать с большей поспешностью, поскольку он занят особыми мерами.

Заключенный бросил вызов свидетелям, назвав тех, кого он считал своими врагами, изложив причины недоверия к ним и написав на полях каждой статьи имена тех людей, которые могли бы подтвердить факты, послужившие причиной отвода. Инквизиторы постановляют, что они должны быть допрошены, если этому не помешают какие-либо мотивы.

Поскольку заключенный не знаком с ходом судебного разбирательства, он часто обвиняет лиц, которые не были вызваны в качестве свидетелей. Статья, в которой они упоминаются, не распространяется на тех свидетелей, которые не дали показаний против него или которые высказались в его пользу. Таким образом, он лишь случайно сталкивается со своими обвинителями.

Иногда случается, что прокурор-фискал тайно добивается доказательств нравственности свидетелей, чтобы разрушить эффект вызова; и поскольку этого легче добиться, чем мер, принимаемых заключенным, они обычно оказываются бесполезными, потому что в сомнительных случаях инквизиторы всегда склонны полагаться на свидетеля, если не известно, что он объявленный враг обвиняемого.

Публикация корректур.

Когда доказательства установлены, трибунал публикует информацию о ходе судебного разбирательства, свидетельские показания и акт судебного решения. Но эти термины не следует понимать в общепринятом смысле, поскольку публикация была всего лишь недостоверной копией заявлений и других фактов, содержащихся в выписке, подготовленной для использования защитником. Секретарь зачитывает это заключенному в присутствии инквизиторов; после каждой статьи он спрашивает его, признает ли он правдивость того, что он только что услышал; затем он зачитывает заявления, и если заключенный еще не выдвинул никаких обвинений против свидетелей, ему предоставляется эта привилегия, потому что после заслушивания показаний он, как правило, может назвать лицо, сделавшее это.

Это прочтение - всего лишь очередная ловушка; ибо, если будет замечено малейшее противоречие, он может быть признан виновным в двуличии, сокрытии или ложном признании, и трибунал может отказать в примирении, хотя он этого требует, и даже приговорить его к *смягчению наказания*.

Категорическое порицание Отборочных.

После этой церемонии вызываются *квалификаторы*, которые получают оригинал текста приговора, вынесенного в *краткой* инструкции, с выдержками из ответов заключенного на его последнем допросе и заявлениями свидетелей, которые были ему сообщены. Им поручено вторично квалифицировать утверждения, изучить его объяснение и решить, развеяли ли его ответы подозрения в ереси, которые он навлек на себя, или же он подтвердил их, и на него следует смотреть как на *формального* еретика.

Каждый должен осознавать важность этого порицания, поскольку оно привело к вынесению определенного приговора; тем не менее, *определители* едва ли потрудились выслушать краткое изложение процесса; они поспешно высказали свое мнение, и это было последним важным действием в процессе, поскольку остальное было простой формальностью.

Приговор.

На этом судебное разбирательство было сочтено законченным. Был созван обычный епархиальный совет, который вместе с инквизиторами мог принять решение о надлежащем приговоре. В первые века существования святой канцелярии эти функции были возложены на *консультантов*: это были доктора права, но поскольку они могли только высказать свое мнение, а поскольку инквизиторы выносили окончательный приговор, последний всегда одерживал верх, если им случалось расходиться во мнениях. Обвиняемый имел право подать апелляцию в *Верховный* совет, но апелляции в Рим были более частыми. Впоследствии инквизиторы провинций были обязаны представить свое мнение совету, прежде чем они вынесут окончательный приговор; совет изменил и реформировал его; их решение было направлено инквизиторам, которые затем вынесли решение от своего имени, хотя оно могло противоречить их предыдущему мнению. Это разбирательство сделало офис консультантов бесполезным, и оно было прекращено.

Хотя подсудимый был оправдан, он не был знаком с именами своих обвинителей и свидетелей. Он редко получал более публичное возмещение ущерба, чем свободу вернуться в свой дом со свидетельством об отпущении грехов.

Приведение приговора в исполнение.

Характер наказаний, налагаемых инквизицией, был уже описан; поэтому необходимо лишь отметить, что приговоры не сообщались жертвам до начала казни, поскольку осужденных отправляли *ваутодафе* либо для примирения, либо для передачи светскому правосудию; по выходе из тюрьмы *приближенные* облачали их в *сан-бенито*, надевали им на голову бумажную митру, повязывали на шею веревку и держали в руках восковую свечу.

Когда заключенный прибывает на место казни, ему зачитывают приговор, и затем он примиряется или *смягчается*, что означает, что королевское правосудие приговаривает его к сожжению.

Сан-бенито.

The *Сан-бенито* представлял собой разновидность *наплечника*, который доходил только до колен, чтобы его нельзя было спутать с теми, которые носили некоторые монахи: этот мотив также заставил инквизиторов предпочесть для *Сан-бенито* обычную шерстяную ткань желтого цвета с красными крестами..... Таковы были покаянные обычаи в 1514 году, когда кардинал Хименес де Сиснерос заменил обычные кресты на кресты святого Андрея Первозванного. Впоследствии у инквизиторов были разные привычки для каждого класса кающихся.

Те, кто отрекались, поскольку их *слегка* подозревали в ереси, носили наплечник из желтого материала без креста. Если он отрекался, как *сильно подозревали*, он носил половину креста; если он был *формальным еретиком*, он носил его целиком. Существовало также три различных вида одежды для тех, кто был приговорен к смерти. Первая предназначалась для тех, кто раскаялся до вынесения приговора. Это был простой желтый наплечник с красным крестом и коническим колпаком, получившим название *Кароза*, который был сделан из того же материала, что и *Сан-бенито*, и украшен похожими крестами.

Второй был предназначен для тех, кто был приговорен к сожжению, но раскаялся после вынесения приговора и до того, как их повели на *аутодафе*. *Сан-Бенито* и *Кароза* были сделаны из одного и того же материала. В нижней части лопатки был нарисован бюст посреди костра, пламя которого было обращено вспять, чтобы показать, что преступник не должен быть сожжен до тех пор, пока он не будет задушен. *Сагоза* была раскрашена в той же манере.

Третье предназначалось для тех, кто не раскаялся. Он был похож на другие, с бюстом и пламенем в естественном направлении, чтобы показать, что человек, который носил его, должен был быть сожжен заживо; гротескные фигуры дьяволов также были нарисованы на *Сан-Бенито* и *Карозе*.

ГЛАВА X.

ОБ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЯХ ВО ВРЕМЯ СЛУЖЕНИЯ ИНКВИЗИТОРОВ ДЕЗЫ И СИСНЕРОСА.

Едва новый генеральный инквизитор вступил в должность, как начал устанавливать правила, направленные на активизацию деятельности инквизиции. В 1500 году он опубликовал конституцию из семи статей, а в 1504 году - четыре новые статьи, касающиеся конфискаций.

Чтобы доказать свое рвение, Деза предложил Фердинанду, чтобы инквизиция была введена на Сицилии и в Неаполе в ее нынешнем виде и чтобы она находилась под властью испанского генерального инквизитора, а не зависела от Римского двора. Король обязался ввести его на Сицилии указом в 1500 году; но жители оказали сильное сопротивление, и он был вынужден следовать плану, который увенчался успехом в Арагоне, приказав вице-королю и другим магистратам помогать инквизиторам. Было подавлено несколько мятежей, прежде чем делегированный генеральный инквизитор дон Педро Велорад, архиепископ Мессины, смог приступить к исполнению своих обязанностей.

В 1516 году сицилийцы, устав от действий инквизиции, подняли восстание и выпустили всех заключенных на свободу. Мельхиор де Сервера, инквизитор, избежал смерти только благодаря стечению чрезвычайных обстоятельств; вице-король также находился в величайшей опасности. Таким образом, островитяне были освобождены от ига этого ненавистного трибунала; но они недолго наслаждались свободой, ибо не смогли противостоять власти Карла V, который вынудил их принять ее во второй раз. Неаполю повезло больше. Фердинанд в 1504 году приказал вице-королю Гонсалесу Фернандесу де Кордова, прозванному *Великим капитаном*, всеми силами помогать архиепископу Мессины в учреждении инквизиции; но неаполитанцы так упорно сопротивлялись этому, что вице-король счел благоразумным воздержаться и сообщил королю, что было бы чрезвычайно опасно оказывать столь решительное сопротивление.

В 1510 году Фердинанд снова попытался ввести новую инквизицию; но его усилия оказались тщетными, и он был вынужден заявить, что был бы удовлетворен, если бы неаполитанцы изгнали *всех новых христиан*, которые нашли убежище в своих городах, когда их изгнали из Испании.

Деза убедил Фердинанда и Изабеллу ввести инквизицию в королевстве Гренада, хотя крещеным маврам было дано обещание обратного. Королева отклонила это предложение, но одобрила то, которое мало чем отличалось от него, а именно, что юрисдикция инквизиторов Кордовы должна распространяться на Гренаду, но разрешать им преследовать в судебном порядке только в случаях фактического отступничества. С этого периода мавры вошли в историю под названием *Мореско*.

Главным инквизитором Кордовы был дон Диего де Лусеро; суровость его характера причинила огромные страдания всему королевству Кордова.

Умеренность и увещевания Хименеса де Сиснероса, архиепископа Толедского, и дона Фердинанда де Талавера обратили в христианство более 50 000 мавров, и число обращенных

было бы еще больше, если бы некоторые священники не обращались с маврами сурово и не возбудили всеобщее восстание.

В 1501 году монархи объявили в эдикте, что милостью Божьей в королевстве Гренада нет неверных, и, чтобы сделать обращение более безопасным, они запретили любым маврам въезжать на территорию; они также запретили рабам этой нации поддерживать какие-либо отношения с другими, чтобы их обращение не замедлилось, или с теми, кто был крещен, поскольку они могли склонить их к вероотступничеству. Все, кто не подчинялся этим законам, подвергались смертной казни.

В феврале 1502 года Фердинанд и Изабелла приказали всем свободным маврам обоего пола старше четырнадцати и двенадцати лет покинуть королевство Испания до мая следующего месяца: им было разрешено продавать свои товары, как евреям; но им было запрещено отправляться в Африку, которая в то время находилась в состоянии войны с Испанией. Государства Великого сеньора и другие страны были предоставлены им в качестве мест убежища: поскольку несколько крещеных мавров продали свое имущество и уехали в Африку, был опубликован королевский указ, согласно которому в течение двух лет никто не мог продать свое имущество или покинуть королевство Кастилия, за исключением поездки в Арагон или Португалию без разрешения, которое будет предоставлено только тем, кто предоставит гарантию своего возвращения после завершения своих дел.

Деза не удовлетворился возбуждением рвения Фердинанда и Изабеллы против мавров; он также предложил меры против евреев по случаю прибытия в Испанию различных иностранцев, но которые не были из числа изгнанных в 1492 году. В 1499 году он получил королевский указ, который применял к ним те меры, которые были приняты против первых евреев. Совет инквизиции уже постановил, что обращенные евреи должны быть обязаны подтвердить свое крещение и что они живут с другими христианами; что те, кто был раввинами или блюстителями закона, должны быть обязаны сменить место жительства; что они должны появляться каждое воскресенье и в праздничные дни в церквях и тщательно обучаться христианскому учению. Фердинанд разрешил инквизиторам Арагона заниматься ростовщичеством и другими преступлениями, не входящими в их юрисдикцию, вопреки данной им клятве соблюдать законы этого королевства, которые предписывали, что они должны быть наказаны светским судьей.

Деза возглавлял инквизицию восемь лет. Если подсчитать число его жертв после надписи в Севилье, мы обнаружим, что за это время было наказано 38 440 человек, из которых 2592 были сожжены лично, 896 - в виде чучела и 34 952 приговорены к различным наказаниям. Среди этой толпы людей, преследуемых инквизицией, были многие, отличавшиеся своим происхождением, ученостью, состоянием и должностями. Кроважидный инквизитор Лусеро сделал достопочтенного дона Фердинанда де Талаверу, первого архиепископа Гренады, объектом позорного преследования. Он стал ревновать к репутации святости и милосердия, которую приобрел этот прелат, и усомнился в его вере, напомнив Изабелле, что он выступал против учреждения инквизиции в 1478 году и в последующие годы; и опубликовав, что, хотя его отец был благородным и происходил из прославленной семьи Контерас, все же он был евреем по происхождению со стороны матери. Исходя из этих обстоятельств, инквизитор заключил, что он может начать *тайное обучение* против святого прелата. Деза поручил архиепископу Толедо Хименесу де Сиснеросу получить подготовительную информацию о вере архиепископа Гренады; Сиснерос проинформировал папу о полученном им поручении, и понтифик приказал

своему апостольскому нунцию, епископу Бристольскому, взять это дело под свое руководство и запретил Дезе и инквизиторам заниматься им. Папа на Совете кардиналов и епископов оправдал архиепископа Гренады, который умер в 1507 году, через несколько месяцев после этого судебного решения, после трех лет величайших тревог, поскольку инквизитор Лусеро арестовал многих его родственников, хотя все они были невиновны.

Гонения, которым подвергся ученый Антонио Лебриха, были не менее жестокими. Он был наставником Изабеллы и пользовался дружбой и покровительством Хименеса де Сиснероса: он был хорошо знаком с греческим и ивритом, а также обнаружил и исправил в латинском тексте Вульгаты некоторые ошибки, которые были допущены переписчиками до изобретения книгопечатания. Некоторые богословы-схоласты обвинили его; его бумаги были изъяты, и после того, как с ним обошлись с величайшей жестокостью, он с горечью увидел, что против него выдвинули подозрение в ереси, и был вынужден жить в таком позоре, пока не смог написать свое извинение под защитой Хименеса де Сиснероса.

Бесчеловечность инквизитора Лусеро имела еще более серьезные последствия: поскольку он объявил почти всех обвиняемых виновными в укрывательстве и осудил их как *ложных кающихся*, некоторые лица добавили вымышленные обстоятельства к своим признаниям и заявили, что синагоги проводились в разных домах Кордовы, Гренады и других городов; они добавили, что даже монахи и монахини посещали их и шли процессиями со всех концов Кастилии; они также подтвердили, что многие испанские семьи *старых христиан*, которых они называли, помогали на еврейских праздниках. В результате этих заявлений Лусеро арестовал такое огромное количество людей, что Кордова была на грани восстания против инквизиции. Муниципалитет, епископ, капитул кафедрального собора и вся знать послали депутатов к генеральному инквизитору с требованием отозвать Лусеро. Деза отказалась выслушать их претензии до тех пор, пока не будут доказаны жестокости, в которых обвиняли Лусеро. Затем Лусеро имел наглость записать в число сторонников иудаизма рыцарей, дам, каноников, монахов, монахинь и уважаемых людей всех сословий.

В этот период, в 1506 году, на трон Кастилии взошел Филипп I. епископ Кордовы сообщил ему о происходящем, и родственники заключенных потребовали, чтобы их судил другой трибунал. Филипп приказал Дезе удалиться в свою архиепископию Севильи и наделить дона Диего Рамиреса де Гусмана, епископа Катании, полномочиями генерального инквизитора; в то же время все бумаги, касающиеся этого дела, были представлены Верховному совету Кастилии. Рамирес де Гусман отстранил Лусеро и других инквизиторов Кордовы от их обязанностей. Роман закончился бы счастливо, если бы в том же году не смерть короля.

Как только Дезе сообщили об этом событии, он снова занял свой пост генерального инквизитора и аннулировал все, что было сделано во время его отставки. Фердинанд V. возобновил управление королевством как отец королевы Джоанны, вдовы Филиппа I., поскольку ее рассудок был помрачен. Однако прошло некоторое время, прежде чем он начал править, поскольку в момент смерти короля Испании он находился в Неаполе. В этот период все жители Кордовы и некоторые члены Совета Кастилии выступили против Дезы и опубликовали, что он принадлежал к расе *мarrано*, то есть потомок евреев.

Маркиз де Приего поднял кордовцев на восстание; они захватили тюрьмы святой канцелярии и освободили огромное количество заключенных. Они схватили фискала-прокурора, одного из нотариусов и нескольких других должностных лиц трибунала; Приего хотел арестовать и Лусеро,

но тот сбежал с помощью превосходного мула. Эти события встревожили генерального инквизитора до такой степени, что он сложил с себя полномочия и с величайшими предосторожностями удалился в свою епархию. Это разбирательство восстановило спокойствие в Кордове, но не положило конец судебным процессам.

Когда регент Испании прибыл в это королевство, он назначил дону Франсиско Хименеса де Сиснероса генеральным инквизитором короны Кастилии, а дону Хуана Энгуэру, епископа Вика, - короной Арагона. Папа ускорил исполнение своих булл в 1507 году и сделал Сиснероса кардиналом.

Хименес де Сиснерос приступил к исполнению своих новых обязанностей 1 октября, когда заговор против святой канцелярии приобрел почти повсеместный характер из-за событий в Кордове, о которых стало известно Совету Кастилии. Все его члены, принадлежавшие к партии Филиппа I. обозначили себя своей ненавистью к инквизиции. Это отвращение заставило Хименеса де Сиснероса почувствовать необходимость вести себя с особой осторожностью, чтобы не дать повода для общего созыва кортесов, что лишило бы его высокого поста губернатора королевства, которым он тогда обладал.

События в Кордове вынудили множество людей обратиться в Рим. Папа назначил двух прелатов для рассмотрения судебных процессов и назначил кардинала Сиснероса апелляционным судьей, наделив его полномочиями передавать ему все судебные процессы, начатые апостольскими уполномоченными.

Кардинал немедленно отстранил инквизитора Лусеро и отправил его в плен в Бургос; он также заключил под стражу всех тех свидетелей, которые подозревались в даче ложных показаний, потому что некоторые обвинения были настолько абсурдны, что никто не мог им поверить. Изучение судебных процессов заставило кардинала понять, что к делу, в котором были замешаны некоторые из самых знатных семей Испании, нельзя относиться слишком деликатно. — поэтому он получил разрешение короля сформировать хунту, которую он назвал *Католической конгрегацией*: в ее состав вошли двадцать два уважаемых человека, а именно: генеральный инквизитор (который был президентом); генеральный инквизитор Арагона; епископ Сьюдад-Родриго; епископы Калаорры и Барселоны; митрофорный аббат бенедиктинцев в Вальядолиде; президент Совета Кастилии и восемь его членов; вице-канцлер и президент канцелярии Арагона; два *Верховного* советника; два провинциальных инквизитора и аудитор канцелярии Вальядолида.

Их первое собрание состоялось в Бургосе в день Вознесения Господня в 1508 году, и 9 июля они постановили, что характер свидетелей был мерзким, презренным и недостойным доверия; что их заявления были полны противоречий; что в них содержались вещи, недостойные веры и противоречащие здравому смыслу; что заключенные, следовательно, были освобождены; что их честь и честь умерших заключенных была восстановлена; что разрушенные дома, которые использовались для синагог, должны быть восстановлены; и что решение суда и примечания в реестре должно быть стерто.

Это решение *католической хунты* было провозглашено в Вальядолиде 1 августа того же года в присутствии короля, множества дворян и других жителей всех классов.

Кардинал Хименес де Сиснерос обладал гением, знаниями и был справедлив, что он доказал в Кордовском деле и в защите, которую он оказывал Лебрии и другим ученым мужам в различных

случаях. Здесь я отмечу ошибку, в которую впали несколько авторов, обвиняя Сиснероса в том, что он принимал большое участие в учреждении святой канцелярии, хотя несомненно, что совместно с кардиналом Мендосой и Талаверой он пытался предотвратить это. Когда его выбрали главой учреждения, которое обладало большей властью и которому подчинялись лучше, чем многим монархам, обстоятельства обязали поддерживать и защищать его, и он был вынужден противодействовать нововведениям в порядке судопроизводства, хотя события в Кордове показали ему неудобства секретности, сохраняемой трибуналом.

Разделение королевств Арагон и Кастилия, произошедшее в это время, и идея о том, что больше нет необходимости иметь столько инквизиторских трибуналов, сколько епископств, были причинами, побудившими Сиснероса распределить их по провинциям. Он учредил святую канцелярию в Севилье, Кордове, Хаэне, Толедо, в Эстремадуре, в Мурсии, Вальядолиде и Калахорре и определил пределы территории юрисдикции каждого трибунала: в это время он также посылал инквизиторов на Канарские острова. В 1513 году инквизиция была введена в Куэнсе; в 1524 году - в Гренаде; при Филиппе II - в Сантьяго-де-Галисия; и при Филиппе IV - в Мадриде. Сиснерос также счел необходимым в 1516 году учредить трибунал в Орране, а вскоре после этого и в Америке.

Генеральный инквизитор Арагона принял ту же систему и послал инквизиторов в Сарагосу, Барселону, Валенсию, Майорку, Сардинию и Сицилию; и, в более поздний период, в Пампелуну, после завоевания Наварры: но поскольку это королевство было объединено в 1515 году с королевством Кастилия, его трибунал был подчинен генеральному инквизитору этого королевства, который некоторое время спустя подавил его и передал территорию Калахорре.

За одиннадцать лет своего служения (которое закончилось его смертью в 1517 году) Сиснерос допустил осуждение 52 855 человек, 3564 были сожжены лично, 1232 - в виде чучела и 4832 подверглись различным наказаниям. Хотя это количество казней огромно, все же следует признать, что Сиснерос принял меры, чтобы ослабить активность инквизиции; наиболее важным было то, что он выделил определенные церкви для *новых христиан* поручил vicaribus усилить их рвение в обучении их и часто навещать их в их собственных домах.

Предложение, сделанное королю с целью добиться огласки Судебного разбирательства.

В 1512 году, когда среди *Новых христиан* распространился слух о том, что Фердинанд намеревается начать войну против своего племянника, короля Наварры, они предложили ему 600 000 дукатов золотом на военные расходы, если он согласится издать закон о том, что суды инквизиции должны быть публичными: король собирался договориться с *Новыми христианами*, когда Сиснерос предоставил в его распоряжение крупную сумму денег; король принял ее, хотя она была меньше первой, и отказался от идеи реформы.

После смерти этого принца, когда Карл V находился во Фландрии, в 1517 году, *Новые христиане* снова предложили, на тех же условиях, 800 000 дукатов на расходы по его поездке в Испанию. Уильям де Крой, герцог д'Ариско, любимый губернатор молодого монарха, убедил его проконсультироваться с колледжами, университетами и учеными людьми Испании и Фландрии; все они ответили, что сообщение имен и полные показания свидетелей соответствуют всем правам естественным, человеческим и божественным. Когда кардиналу-инквизитору сообщили об этом решении, он послал депутатов и написал королю, чтобы оспорить его; он напомнил ему,

что его дед отклонил аналогичное предложение; но он не сообщил ему самого важного обстоятельства, что отказался от него из-за определенной суммы денег. Карл V. оставлял это дело нерешенным до своего прибытия в Испанию, но он прекратил его в соответствии с общими надеждами после смерти Сиснероса в 1518 году.

Особая милость, которую Фердинанд оказал инквизиции, не помешала ему сохранить права своей короны. В 1509 году он опубликовал закон, который запрещал под страхом смерти любому лицу представлять инквизиторам любую буллу или письмена подобного рода, полученные от папы или его легатов, без предварительного обращения к королю с просьбой рассмотреть их в его совете.

Это право короны Испании на решения папы было недавно возобновлено законом Карла III.; однако закон часто оказывался бессильным против предприятий, решений и распоряжений пап.

Фердинанд назначил дона Луиса Меркадера генеральным инквизитором королевства Арагон после смерти епископа Вик. Меркадер умер в 1516 году, когда правительство находилось в руках Карла Австрийского, внука Фердинанда, который умер в том же году, не оставив детей от второго брака.

Карл, его внук, проживал во Фландрии, но он послал в Испанию нескольких человек, которые пользовались его доверием: среди них были его губернатор, герцог д'Ариско, и Адриан де Флоренсио, который был настоятелем Лувена и родился в Утрехте. Поскольку два суверенных государства Кастилия и Арагон теперь были объединены, казалось естественным, что в монархии должен быть только один генеральный инквизитор, но Сиснерос обладал слишком большой проницательностью, чтобы упустить эту возможность рекомендовать себя фавориту и, следовательно, принцу. Вместо того чтобы требовать этого союза, он написал королю, чтобы сообщить, что ему представляется целесообразным передать епископство Тортоса и должность генерального инквизитора Арагона декану Лувена, и было легко устранить трудности, связанные с тем, что он иностранец, выдав ему письма о натурализации. Этот план был приведен в исполнение; двойная номинация была отправлена в Рим, и папа удовлетворил буллы. Адриан вступил во владение Майоркой 7 февраля 1517 года: за этим назначением последовало назначение Сиснероса, который умер 6 ноября следующего года. Хотя он был избран папой 9 января 1522 года, он оставался на своем посту до 10 сентября следующего года, когда подписал буллы своего преемника, дона Альфонсо Манрике де Лара, архиепископа Севильи.

В течение периода, когда инквизиция оставалась отдельной от кастильской, она часто подвергалась жестоким нападкам и не раз была на грани упразднения или, по крайней мере, подвергалась реформе, которая лишила бы ее силы возбуждать террор. Фердинанд собрал королевские кортесы в Монзоне в 1510 году, депутаты от городов громко жаловались на то, что инквизиторы злоупотребляли своими полномочиями не только в вопросах веры, но и в ряде пунктов, которые не входили в их юрисдикцию. Депутаты также заявляли, что они вмешивались в регулирование взносов и что налоги были постыдно уменьшены из-за сокращений, которые они сделали в списках; что их власть сделала их настолько смелыми и наглыми, что они назначили себя судьями во всех сомнительных делах; и там, где в их компетентности было отказано, они прибегли к отлучению от церкви; что они притесняли магистратов, которые боялись, что им придется нести публичную епитимию во время *аутодафе*; что это несчастье уже

случилось с вице-королями и губернаторами Барселоны, Валенсии, Майорка, Сардиния и Сицилия, а также нескольким лицам высокого ранга; вследствие этого они умоляли его Величество поддерживать исполнение законов и статуты королевства Арагон и обязать сотрудников инквизиции ограничиться вопросами веры и преследовать их в соответствии с нормами общего права, придав им публичность уголовного разбирательства.

Это представление кортесов ознакомило короля с настроением публики; однако он уклонился от прямого ответа и сказал, что невозможно принять решение по столь важному делу, не обладая глубоким знанием фактов; что он просит их собрать все, что им стало известно, и представить их ему на первом собрании. Это произошло в том же городе, в 1512 году. Принятые затем резолюции образуют договор между сувереном и его народом: он содержит двадцать пять статей, каждая из которых направлена на ограничение юрисдикции инквизиторов.

Там было указано, что они не могут вмешиваться в судебные процессы по обвинению в двоеженстве и ростовщичестве, если только виновные не совершили преступление ереси, утверждая, что эти преступления не были греховными; ни в судебные разбирательства, возбужденные против богохульников другими трибуналами, если только богохульство не было еретическим: им также было запрещено участвовать в судебном разбирательстве без согласия *ординария епархии*: генеральному инквизитору также было запрещено выносить решения по апелляционным делам без согласия его советников; и что исполнение приговора против богохульников может быть прекращено. вынесение приговора, послужившего причиной этого, должно быть отложено. Не было принято никаких мер для придания гласности разбирательству или в отношении конфискаций; но было решено, что контракты и другие обязательства, подписанные лицом, имеющим репутацию доброго католика, должны быть действительными, хотя впоследствии должно быть доказано, что на момент заключения сделки оно было еретиком.

Король вскоре раскаялся в том, что дал свое слово кортесам; и, поддерживаемый интригами инквизиторов, он попросил и получил освобождение от своего обещания 30 апреля 1513 года. Один из пунктов диспенсации восстанавливает трибуналы святой канцелярии во всех привилегиях, которыми они обладали ранее. Такое поведение короля вызвало всеобщий бунт, и он был вынужден просить папу утвердить постановления кортесов и подвергнуть церковному порицанию тех, кто им не подчинялся. Папа увидел необходимость подчинения и даровал буллу в 1515 году.

ГЛАВА XI.

ПОПЫТКА КОРТЕСОВ КАСТИЛИИ И АРАГОНА РЕФОРМИРОВАТЬ ИНКВИЗИЦИЮ.—ИЗ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ ПРИ АДРИАНЕ, ЧЕТВЕРТОМ ГЕНЕРАЛЬНОМ ИНКВИЗИТОРЕ.

Инквизиция никогда не подвергалась такой большой опасности, как в первый год правления Карла V. Когда молодой монарх прибыл в Испанию, он был склонен упразднить инквизицию или, по крайней мере, упорядочить судопроизводство в соответствии с процедурами других трибуналов. В 1518 году в Вальядолиде состоялось общее собрание кортесов, на котором представители потребовали, чтобы его высочество приказал управлению святой инквизиции

соответствовать правилам канонов и общего права. Кортесы также послали десять тысяч золотых канцлеру Сельваджио и пообещали ту же сумму, когда указ, которого они добивались, будет приведен в исполнение. Король ответил, что примет надлежащие меры для исправления зла, на которое они жаловались: в результате он поручил кортесам обнародовать допущенные злоупотребления и указать средства их устранения.

Когда ассамблея в Вальядолиде завершила свою работу, Карл созвал кортесы Арагона в Сарагосе, где его сопровождал канцлер Сельваджио, который подготовил королевский указ, который должен был быть опубликован в соответствии с требованием кортесов Кастилии. Он состоял из тридцати девяти статей: в нем регулировались процедуры трибунала, а также возраст, звание и жалование судей и младших офицеров.

Результатом этого нового кодекса стало то, что инквизиторы не могли допрашивать свидетеля, чтобы получить информацию по какому-либо вопросу, кроме того, для чего он был вызван.

Что каждый обвинитель должен быть подвергнут строгому допросу, чтобы выяснить его мотивы для обвинения.

Что приказ о тюремном заключении не может быть отдан без согласия епархиального настоятеля в обычном порядке или до тех пор, пока они не допросят каждого свидетеля во второй раз.

Что тюрьмы должны быть общественными, опрятными и удобными.

Что заключенным следует разрешить видеться со своими родственниками, друзьями и адвокатом.

Чтобы они могли выбрать адвоката или прокурора, которому они доверяют.

Что обвинение должно быть немедленно доведено до их сведения с указанием места и времени, когда свидетели заявили о совершении преступления.

Что, если обвиняемый потребует копию обвинительного заключения и результатов экспертизы, она должна быть ему предоставлена.

Что, когда все доказательства и показания будут получены, они должны быть полностью сообщены подсудимому, *поскольку в настоящее время нет лиц, достаточно могущественных, чтобы внушать свидетелям страх, за исключением случаев, когда подсудимый является герцогом, маркизом, графом, епископом или обладает каким-либо другим достоинством церкви.*

Что в этом случае, чтобы скрыть имена свидетелей, судья должен составить письменное заявление под присягой, в котором он заявляет, что считает эту меру необходимой для сохранения жизни свидетелей; что этот акт лишает заключенного права обжаловать его.

Что, если будет сочтено абсолютно необходимым применить пытку, она должна применяться только в умеренных количествах и без повторения жестоких изобретений, применявшихся до сих пор.

Что оно должно применяться только один раз для того, что касается лично обвиняемого; никогда не для получения от него информации о других лицах; и только в случае лиц, упомянутых в законе.

Что окончательные приговоры и даже промежуточные постановления подлежат обжалованию в силу их двойного действия.

Что, когда начнется предварительное рассмотрение судебного решения, стороны и их защитники могут присутствовать при этом пересмотре процесса и потребовать, чтобы оглашение было произведено в их присутствии.

Что, если доказательства преступления затем не будут установлены, заключенный должен быть оправдан без привлечения к ответственности за то, что он все еще находится под подозрением.

Что, если обвиняемый желает оправдаться под присягой, ему должно быть разрешено искать свидетелей и беседовать с ними наедине; и что то, что они потомки евреев, не должно препятствовать их допуску.

Что вызов свидетелей разрешен; и если кто-либо из вызванных прокурором-фискалом будет признан виновным в даче ложных показаний, он будет подвергнут возмездному наказанию в соответствии с законом Фердинанда и Изабеллы в начале их правления.

Что, когда обвиняемый примирился, он не должен быть арестован за то, в чем он не сознавался, поскольку следует предположить, что он забыл об этом.

Что никто не должен подвергаться насилию или тюремному заключению за простое предположение о ереси, вытекающее из того, что он вырос среди евреев или еретиков.

Что Сан-бенитос должны быть изъяты из церквей и что их больше нельзя носить на улицах.

Что наказание в виде пожизненного заключения должно быть отменено, *потому что заключенные умирают от голода и не могут служить Богу.*

Что уставы, недавно установленные для предотвращения приема *новых христиан* в женские монастыри, должны рассматриваться как недействительные, поскольку они противоречат всем законам, человеческим и божественным.

Что в тех случаях, когда лицо приговаривается к тюремному заключению, должна быть проведена инвентаризация его имущества, и оно не должно быть конфисковано или продано.

Что он, его жена и дети будут владеть его доходами во время содержания под стражей, и им будет разрешено использовать их для подготовки средств защиты от инквизиции.

Что, когда человек будет осужден, его дети унаследуют его имущество.

Что никакие пожертвования на их имущество не должны делаться до тех пор, пока оно не будет окончательно конфисковано.

Что дух и буква канонов должны соблюдаться во всем, независимо от какого-либо конкретного ранее использовавшегося обычая.

Что королю будет предложено получить буллу от папы Римского, ратифицирующую эти меры.

Что до получения этой буллы королю будет предложено приказать инквизиторам соблюдать эти правила на уже начатых судебных процессах и на тех, которые могут начаться с этого времени.

Этот превосходный свод законов так и не был приведен в исполнение, потому что канцлер Сельваджио, составивший его, умер до его опубликования; а кардинал Адриан настолько полностью изменил идеи и склонности Карла V, что стал ярым защитником инквизиции.

Карл V поклялся в Сарагосе в 1518 году уважать привилегии и обычаи арагонцев, особенно решения кортесов в Сарагосе, Таразоне и Монзоне, и, следовательно, что он не допустит, чтобы инквизиторы начинали какие-либо судебные процессы по обвинению в ростовщичестве.

Но после того, как в конце 1518 года в Сарагосе было созвано новое собрание кортесов, депутаты Арагона представили королю, что соглашения кортесов в Монзоне в 1512 году было недостаточно для устранения злоупотреблений, допущенных инквизиторами; поэтому они умоляли его Величество дополнить его тридцатью одной статьей, которую они приняли. Эти статьи мало чем отличались от статей кортесов Кастилии.

Король, посоветовавшись со своим советом, ответил: *"что ему угодно, чтобы святыя каноны и указы святого престола соблюдались в отношении всех статей, которые были ему представлены. Что, если возникнут трудности или сомнения, требующие объяснения, они должны быть обращены к папе; что если кто-либо пожелает обвинить инквизитора в злоупотреблениях при исполнении им своих обязанностей, он может сделать это, обратившись к генеральному инквизитору, который вынесет приговор в соответствии со справедливостью; и что король приведет их к наказанию в качестве примера; что он поклялся соблюдать сам и заставлять других соблюдать приказ и декларацию, с которыми он обратился к ассамблее, а также статьи, которые папа может добавить к статьям кортесов; что он также пообещал под присягой никогда не требовать освобождения от своего обещания; и что, если к нему обратятся, он никогда им не воспользуется, поскольку в то время он отказался от всех прав, которые могли бы из этого вытекать "*.

Этот ответ убедил кортесы в том, что король удовлетворил все их просьбы; они считали, что судебные процессы будут проводиться там так же, как в других церковных трибуналах. Убежденные в том, что таково было намерение короля, кортесы решили выразить свою благодарность добровольным денежным взносом.

Прошло некоторое время, прежде чем соглашение было одобрено папой римским. Император написал следующее письмо из Кельна в 1520 году своему послу в Риме: *"Что касается действий кортесов, будет достаточно, если его Святейшество одобрит акт, направленный дону Луису Каррозу, а затем дону Херомону Вичу, который написан рукой почтенного кардинала Тортозы и великого канцлера, без каких-либо расширений или толкований, чего я часто настоятельно требовал"*.

Арагонцы, которые даже не верили, что возможно добиться этого последнего пункта, умоляли генерального инквизитора приказывать инквизиторам Сарагосы немедленно подчиниться положениям соглашения, не дожидаясь подтверждения папы, потому что почти все статьи были такими же, как в конвенции 1512 года, которую одобрил папа.

Кардинал Адриан выполнил просьбу и написал инквизиторам. Они ответили, что считают себя обязанными выполнять приказы короля, прежде чем подчиняться ему. Карл обратился к ним с указом, в котором повелевал им выполнить все, что он обещал и клялся в предыдущем году.

Наконец папа подтвердил эти решения буллой, которая была провозглашена с большой торжественностью. Однако вскоре выяснилось, что эта публикация не возымеет никакого эффекта, потому что обещание короля заключалось в том, что каноны и апостольские постановления должны строго соблюдаться в отношении статей; и в соответствии с этим они привели в исполнение только буллу 1515 года.

21 января 1521 года император приказал освободить секретаря кортесов; ибо, хотя генеральный инквизитор в 1520 году издал указ о том, что ему следует быть *смягченным*, и заключенный был проинформирован об этом, все же он отказался покинуть тюрьму, утверждая, что указ, который освободил его, скорее выставлял его виновным, чем невиновным, используя слово "*смягченный*".

Аналогичные дебаты имели место в Каталонии, где король созвал кортесы в Барселоне в 1519 году, чтобы принести присягу на сохранение привилегий провинции. Каталонцы, проинформированные о эффекте, произведенном представлениями кортесов Арагона, также потребовали пересмотра ряда злоупотреблений их инквизиции в отношении налогов, а также ростовщичества, двоеженства и других преступлений этого класса. Король, выслушав их возражения, дал почти тот же ответ, что и кортесам Сарагосы, и написал папе с требованием ратификации статей. Папа утвердил их буллой в 1520 году; но Карл не стал дожидаться ее прибытия, чтобы привести в исполнение свое обещание, что подтверждается его приказом дону Диего де Мендосе, своему генерал-лейтенанту в Каталонии. Тем не менее, он заявляет в своем письме своему заместителю, что дал эти обещания только *из-за настойчивости некоторых представителей городов и некоторых мужчин, которые были среди членов кортесов*.

Вследствие некоторых событий в Арагоне, в период, прошедший до издания буллы о конфирмации, Лев X. был готов уничтожить инквизицию; но, напуганный политикой Карла V, он оставил гидру в том же состоянии.

Джон Прат, секретарь кортесов Арагона, составил предложение представителей и ответ короля для обращения к папе; королевский канцлер сделал то же самое. Это особенно не понравилось инквизиторам Сарагосы; и, чтобы избежать опасности, в которой, по их мнению, они находились, они начали интриговать при дворе, и вскоре им удалось вызвать у короля отвращение к делу депутатов Арагона. Они намекнули, что Прат составил акт, который должен был быть отправлен в Рим, таким образом, чтобы представить ответ короля как обязательный не только в буквальном смысле слов, но и в предположении, что он признал статьи соответствующими общему праву; и что они, следовательно, хотели только ратификации папой, в получении которой не было сомнений, поскольку было известно, что депутатов Арагона поддерживали несколько кардиналов и они прислали им значительные суммы денег.

Бумаги, содержащие эти подробности, были отправлены кардиналу Адриану, который передал их королю и получил разрешение приказать инквизиторам Сарагосы провести расследование, соответствует ли этот рассказ действительности, когда им будет разрешено арестовать Прата. Все произошло в соответствии с надеждами инквизиторов.

Прат был арестован 5 мая 1509 года, и на следующий день король написал папе римскому с просьбой не ускорять принятие буллы. Предполагалось, что заключенного переведут в Барселону, *нопостоянная депутация* (которая тогда представляла арагонцев в перерывах между заседаниями кортесов) написала королю, что это противоречит статутам, которые он поклялся соблюдать. Депутация также сочла необходимым созвать новый кортес, который представил королю опасные последствия смещения секретаря Прата, чья верность была особенно отмечена во время правления Фердинанда; и умолял его освободить Прата не только потому, что они считали его справедливым, верным и преданным, но и потому, что было невозможно взимать плату, которая была предложена королю, если эта просьба не будет удовлетворена. Король воспрепятствовал вывозу пленника, но не захотел его освобождать.

Депутация кортесов направила уполномоченных в Барселону, чтобы сказать, что денежная сумма, предложенная королю, была условной, и в то же время созвала *государственный совет*. Карл, узнав об этом, приказал распустить ассамблею, которая ответила, что короли Арагона не имеют права применять столь жестокие меры без согласия народа; он постановил, что налог не должен повышаться, и обратился в Римский суд за ратификацией статей Сарагосы.

Лев X. в то время был недоволен испанской инквизицией из-за ее отказа признать некоторые постановления о запрете в трибуналах Толедо, Севильи, Валенсии и Сицилии; и, забыв о том уважении, которым он был обязан Карлу (который тогда был императором Германии), он решил реформировать святую канцелярию и заставить ее подчиняться нормам общего права.

В соответствии с этим решением он ускорил подготовку трех записок, адресованных королю, кардиналу-генеральному инквизитору и инквизиторам Сарагосы, в которых, объяснив свое намерение, он постановляет, что инквизиторы должны быть лишены своих должностей и что епископы и их капитулы должны представить двух каноников генеральному инквизитору, который должен назначить одного: он добавил, что этот выбор должен быть утвержден святым престолом и что эти новые инквизиторы должны каждые два года подвергаться судебному порицанию.

Помощники шерифа получили эти сводки и немедленно потребовали от инквизиторов подчиниться им; они ответили, что будут ждать приказов своего непосредственного начальника. Король написал своему дяде дону Альфонсо Арагонскому, архиепископу Сарагосы, чтобы тот заключил соглашение с депутатами, и в то же время направил чрезвычайного посла в Рим с требованием отозвать записки. Затем арагонцы пообещали ввести снабжение, если секретарь Прат будет освобожден, но возразили, что они не допустят никаких предложений, противоречащих обещанию, данному королем.

Этот принц поручил своему послу информировать папу обо всем, что произошло в кортесах Кастилии, но хранить молчание о наиболее важных обстоятельствах и заверить его Святейшество, что никаких жалоб на инквизицию не поступало с тех пор, как кардинал Адриан был генеральным инквизитором. Чарльз также потребовал, чтобы не было ускорено принятие решения о том, что *Сан-бенитос* должны быть сняты с церкви или запретить их ношение на улицах.

Папа, видя важность, которую Карл придавал этим событиям, написал кардиналу Адриану, что, хотя он был прекрасно осведомлен обо всем происходящем и что он решил отдать должное требованиям кортесов, все же он не будет продолжать это дело без согласия короля, которому

он обещал не вносить никаких нововведений; но он просил его уделять большое внимание происходящему, поскольку он каждый день слышал серьезные жалобы со всех концов королевства на алчность и несправедливость инквизиторов.

Это заявление оскорбило депутатов, но они продолжали настаивать при Римском дворе с таким рвением, что их авторитет уравновесил власть Карла V. и хотя они не добились продления действия статей, они предотвратили отмену документов о реформе, и Карлу пришлось удовлетвориться письмом, адресованным кардиналу Адриану.

Лев X. умер 1 декабря 1521 года, и кардинал Адриан сменил его 9 января 1522 года: он не покидал свой пост генерального инквизитора до 10 сентября 1523 года, когда передал его дону Альфонсо Манрике, архиепископу Севильи.

Согласно самым скромным подсчетам, сделанным на основе надписи в Севилье, получается, что за пять лет служения Адриана инквизицией было осуждено 240 025 человек; 1620 были сожжены лично; 560 - в виде чучела; и 21 845 были подвергнуты различным покаяниям. Если к этому добавить 1523 год, который можно рассматривать как междуцарствие до появления севильской надписи, относящейся к 1524 году, то число жертв, принесенных инквизицией, можно оценить в 234 526 человек, что является огромным числом, хотя и намного ниже истины.

ГЛАВА XII.

ПОВЕДЕНИЕ ИНКВИЗИТОРОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К МОРЕСКО.

В начале служения дона Альфонсо Манрике новые христиане еврейского происхождения льстили себя надеждой добиться опубликования имен и обвинений свидетелей, поскольку он поддержал их просьбу в 1516 году: но инквизиторы убедили его, что такое разбирательство ведет к разрушению святой канцелярии и торжеству врагов веры; и что появление двух новых сект - *мораско* и *лютеран* - делает необходимой большую степень суровости.

Уже говорилось, что приказ Фердинанда и Изабеллы в 1502 году вынудил всех мавров, отказавшихся стать христианами, покинуть Испанию. Хотя этот закон был приведен в исполнение в Кастилии, он не затронул мавров Арагона, поскольку король уступил просьбам знати, которая представляла огромный вред, который это нанесло бы им, уничтожив население их владений, где почти не было крещеных жителей.

Два монарха возобновили свое обещание в 1510 году, и Карл V. принес аналогичную клятву на кортесах Сарагосы в 1519 году.

Вскоре после этого в Арагоне вспыхнула гражданская война, похожая на ту, что была в Кастилии, примерно в то же время. Мятежниками были почти все простые люди, ненавидевшие знать: они старались причинить им как можно больше вреда; и зная, что мавры, которые были их вассалами, были вынуждены служить им более усердно из-за разницы их вероисповедания, они крестили всех мавров, которые попадались им в руки. Таким образом, свыше шестнадцати тысяч приняли крещение; но поскольку их к этому принуждали, многие впоследствии вернулись к своему прежнему вероучению. Император наказал руководителей восстания, и многие мавры,

опасаясь той же участи, покинули Испанию и удалились в королевство Алжир; так что в 1523 году более пяти тысяч домов остались без жителей.

Карл V, раздраженный таким поведением, убедил себя, что ему не следует допускать, чтобы мавры оставались в его владениях, и потребовал отмены своей присяги кортесам Сарагосы. Папа сначала отказался из-за скандала, связанного с таким разбирательством; но император настоял, и это было удовлетворено в 1524 году: папа, однако, в то же время поручил ему поручить инквизиторам ускорить обращение мавров, объявив, что, если они не станут христианами в течение определенного периода, они будут вынуждены покинуть Испанию под страхом обращения в рабство. Впоследствии были высказаны сомнения в действительности крещения, совершенного мятежниками мавров в Валенсии; но Карл созвал совет, который после долгих дебатов 23 марта 1525 года постановил, что оно действительно, поскольку неверные не оказали никакого сопротивления.

Большая часть мавританского народа бежала в горы и Сьерра-де-Берния и сопротивлялась войскам Карла вплоть до августа месяца, когда они сдались, получив амнистию. Мавры Альмонакида отказались от крещения и взяли за оружие; их город был взят, несколько человек преданы смерти, а остальные стали христианами.

В городке Корреа мавры убили правителя округа и семнадцать христиан, которые пытались принудить их принять христианство. Наконец восстание приобрело всеобщий характер по всему королевству Валенсия, где они объединились почти в двадцать шесть тысяч семей; они укрепились в городе Сьерра-д'Эспадан, и прошло значительное время, прежде чем они были разбиты королевской армией. Затем они обратились за защитой к Жермен де Фуа, второй жене Фердинанда V., которая тогда была замужем за доном Фердинандом Арагонским, герцогом Калабрийским. Эта принцесса выдала паспорта двенадцати их заместителям, которых они отправили ко двору, чтобы узнать истинные намерения императора. Они потребовали отсрочки на пять лет, прежде чем они станут христианами или покинут Испанию через порт Аликант. Получив отказ в удовлетворении этих требований, они предложили стать христианами при условии, что инквизиторам не будет позволено преследовать их в судебном порядке в течение сорока лет; в этом им также было жестоко отказано.

Затем они обратились к генеральному инквизитору Манрике, который принял их милостиво, и, предположив, что они добровольно согласятся принять крещение, предложил использовать свое влияние на императора. 16 января 1526 года они направили ему памятную записку, в которой требовали, во-первых, чтобы в течение сорока лет они не подвергались судебному преследованию со стороны святой канцелярии; во-вторых, чтобы им самим было позволено сохранить свой язык и манеру одеваться; в-третьих, чтобы у них было кладбище отдельно от кладбища старых христиан; в-четвертых, чтобы они могли вступать в брак со своими родственниками в течение сорока лет и чтобы в уже заключенные браки никто не вмешивался; в-пятых, чтобы служители их религии продолжали получать похоронные знаки, доходы мечетей, преобразованных в церкви; 6, в-четвертых, чтобы им было разрешено пользоваться оружием, как другим христианам; 7, в-четвертых, чтобы сборы и арендная плата, которые они платили своим господам, не были более обременительными, чем у других христиан; 8, в-четвертых, чтобы они не были обязаны оплачивать муниципальные расходы королевских городов, если только им не будет разрешено занимать должности и пользоваться полагающимися им почестями.

Эти статьи были представлены императору, и они были предоставлены с некоторыми ограничениями, и все мавры были крещены, за исключением нескольких тысяч, которые бежали в горы и сопротивлялись королевским войскам в течение 1526 года. Когда они были обращены в рабство, они приняли крещение, и наказание в виде рабства, которому они подверглись, было заменено штрафом в двенадцать тысяч дукатов.

Арагонцы, опасаясь, что рассеянные среди них мавры будут подчинены тем же законам, что и в Валенсии, представили императору через своего родственника графа де Рибаторса, что они никогда не причиняли никаких неприятностей ни в политике, ни в религии; что они не могли иметь никакого сообщения с Африкой из-за удаленности стран; и что многие из них были превосходными мастерами по изготовлению оружия, и, следовательно, их изгнание нанесет большой ущерб королевству Арагон. Представления арагонцев оказались тщетными: император приказал инквизиторам подчинить мавров Арагона тем же законам, что и в Валенсии, и они были крещены без сопротивления в 1526 году.

В 1530 году папа наделил генерального инквизитора необходимыми полномочиями отпускать грехи всем маврам Арагона всякий раз, когда они впадают в ересь и каются, без наложения каких-либо публичных епитимий или позорных наказаний. Мотивы, выраженные в булле для такого поведения, заключались в том, что они гораздо скорее были обращены мягкими средствами, чем суровыми. Естественно задаться вопросом, почему в отношении евреев была принята иная политика; все они были богатыми торговцами, в то время как среди мавров был едва ли один из пяти тысяч. Занятые обработкой земли и уходом за своими стадами, они всегда были бедны; иногда среди них попадались работники исключительного ума, таланта и сообразительности.

Морески Гренады также привлекали внимание императора, хотя события, происходившие среди них, были менее важными.

Когда император находился на Гренаде в 1526 году, дон Фердинанд Бенегас, дон Майкл д'Арагон и Диего Лопес Бенаксара подарили ему мемориал от Мореско; все они были членами муниципалитета и выдающимися дворянами, поскольку происходили по прямой мужской линии от мавританских королей Гренады. Они свидетельствовали о том, что мавры сильно страдали от священников, судей, нотариусов, альгвасилов и других старых христиан. Император, казалось, был тронут этим рассказом и поручил епископу отправиться в страны, населенные маврами, и изучить состояние религии. Епископ посетил королевство Гренада и обнаружил, что у мавров были причины жаловаться; но он также обнаружил, что среди всех этих людей едва ли было семь католиков; все остальные вернулись в магометанство либо потому, что их не проинструктировали должным образом, либо потому, что им разрешалось публично исповедовать свою старую религию.

Император созвал совет, который постановил, что инквизиционный трибунал Хаэна должен быть переведен на Гренаду. Император принял и одобрил несколько других мер; самой важной было обещание помилования маврам за все, что произошло, и уведомление о том, что с ними будут обращаться со всей строгостью, если они снова впадут в ересь. Мореско подчинились и получили за восемьдесят тысяч дукатов привилегии носить костюм своей нации, а также то, что инквизиции не должно быть позволено конфисковывать их имущество, если они совершат рецидив.

Инквизиторы Гренады отпраздновали *аутодафе* в 1528 году с величайшей церемонией, чтобы внушить маврам больше уважения и страха. Однако сожжены были не мавры, а только крещеные евреи, вернувшиеся в иудаизм.

Мавры все еще продолжали эмигрировать в Африку, хотя отношение к ним было умеренным. Филипп II получил от Павла IV распоряжение, согласно которому исповедникам разрешалось тайно отпустить грехи маврам, без наложения какой-либо епитимьи или денежного штрафа, при условии, что они потребуют отпущения грехов добровольно. Принятая система индульгенций не помешала Луи Альбозену быть приговоренным к сожжению. После эмиграции в Африку он вернулся в Валенсию с несколькими другими ренегатами с намерением поднять Мореско на восстание; заговор был раскрыт, заговорщики разоружены, а Людовик был сожжен в 1562 году.

В 1567 году папа ускорил процесс в пользу мораско Валенсии, но жители Гренады восстали и избрали своим королем дона Фердинанда Валора, потомка своих бывших правителей из династии Абенумеяс. Это восстание продолжалось некоторое время, и Филипп II попытался подавить его, издав эдикты о помиловании даже за те преступления, которые подпадали под юрисдикцию инквизиции. Маврам была объявлена амнистия при условии, что они придут просить об этом, и многие воспользовались этим разрешением. Чтобы предотвратить эмиграцию, король отменил наказание в виде конфискации, но инквизиторы, благодаря непроницаемой секретности, которую они всегда сохраняли, не смогли помешать благожелательным намерениям государя. Они не публиковали сводки об индульгенциях, выданных Римским судом, зная, что ими воспользуется большое число *рецидивистов*; эти люди, не зная о своих привилегиях, были осуждены и сожжены. Эти примеры жестокости усилили ненависть мавров к этому кровавому трибуналу и были причиной многих мятежей, которые в 1609 году привели к полному изгнанию мавров числом в миллион душ; так что в течение ста тридцати девяти лет инквизиция лишила королевство Испания трех миллионов жителей, евреев, мореско и мавров.

ГЛАВА XIII.

О ЗАПРЕЩЕНИИ КНИГ И ДРУГИХ ПРЕДМЕТОВ.

Мнения Лютера, Карольштадта, Зингле, Колампадия, Меланхтона, Мансера и Кальвина были впервые обнародованы во время служения дона Альфонсо Манрике, пятого генерального инквизитора. Этих реформаторов называли *протестантами* после имперского сейма в Шпиле в 1529 году.

Лев X уже осудил взгляды Лютера как еретические, что побудило Манрике ввести суровые наказания для тех, кто открыто поддерживал их или писал в их пользу.

В 1490 году в Севилье было сожжено несколько еврейских библий и книг, написанных евреями; в Саламанке более шести тысяч томов магии и колдовства были преданы огню. В 1502 году Фердинанд и Изабелла назначили президентов канцелярий Вальядолида и Сьюдад-Реаля, архиепископов Севильи, Толедо, Гренады, епископов Бургоса, Саламанки и Саморы для принятия решений по всем вопросам, связанным с проверкой, цензурой, печатанием, внедрением или продажей книг. В 1521 году папа написал губернаторам провинций Кастилия во время отсутствия Карла V., рекомендуя им воспрепятствовать распространению трудов Лютера

в королевстве; и кардинал Адриан в том же году приказал инквизиторам изъять все книги такого рода: этот приказ был повторен в 1523 году.

В 1530 году *Верховный Совет* во время отсутствия кардинала Манрике написал инквизиторам письмо о необходимости выполнения предписанных мер; добавив, что была получена информация о том, что труды Лютера были ввезены в Королевство под вымышленными названиями или как произведения, полностью составленные католическими авторами; и чтобы пресечь это невыносимое злоупотребление, им было приказано посетить все публичные библиотеки в поисках этих книг и добавить к эдикту о денонсации особую статью, обязывающую всех католиков денонсировать эти книги. любой человек, который мог бы прочитать их или хранить у себя дома. В 1535 году кардинал Манрике направил инквизиторам приказ, а в том же году другой, запрещающий университетам королевства объяснять, читать или даже продавать *Сборники Эразма*. В 1528 году он предал анафеме некоторые другие произведения того же автора, хотя защищал его в 1527 году на собрании, собравшемся для рассмотрения его трудов.

Эразм считался в Испании сторонником католической веры против учения Лютера, а его врагами были всего лишь несколько богословов-схоластов, которые не были знакомы с греческим и древнееврейским языками. Испанскими богословами, которые писали против него, были Диего Лопес де Суньига, Санчо де Карранса, профессор богословия в университете Алькала-де-Энарес, брат Луис де Каржаваль, францисканец, Эдвард Ли, английский посол, и Педро Виттория, богослов из Саламанки.

После этого первого нападения, в Великий пост 1527 года, два монаха осудили несколько положений в трудах Эразма как еретические. Альфонсо Манрике (хотя в то время он был другом Эразма) был вынужден представить эти положения на рассмотрение квалификаторов; но он назначил на эту должность самых образованных людей королевства.

Это собрание врачей продолжалось два месяца, когда чума, опустошившая тогда некоторые части королевства, вынудила их разойтись, прежде чем они приняли решение о вынесении приговора; из нескольких писем, написанных Эразмом примерно в то время, явствует, что он надеялся, что оно будет благоприятным для него.^[4]

Но Верховный совет квалифицировал его *Выступления*, его *Панегирик безумию* и его *пересказы* запретил их чтение. В более поздние времена этот запрет был распространен на несколько других книг того же автора, и инквизиция рекомендовала в своих эдиктах читать работы Эразма с осторожностью.

Император Карл V. поручил Лувенскому университету составить список опасных книг, а в 1539 году получил одобрительную буллу от папы римского. Указатель был опубликован в 1546 году университетами всех штатов Фландрии, через шесть лет после того, как был издан указ, запрещающий читать или покупать труды Лютера под страхом смерти.^[5]

Эта суровая мера вызвала недовольство всех чинов. Принцы Германии открыто жаловались на это и предлагали помочь Карлу в его войне против турок, если он предоставит народу свободу в вопросах религии. Карл не обращал внимания на их протесты, и эта плохая политика ускорила развитие лютеранства.

В 1549 году генеральный инквизитор с одобрения Верховного Совета добавил несколько новых произведений к списку тех, которые были запрещены, и направил инквизиторам два указа, предписывающих им в первом не позволять никому владеть ими, а во втором - предписывающих консультантам святой канцелярии не читать и не хранить их, хотя исполнение указов может привести к их попаданию в их руки.

В 1546 году император приказал Лувенскому университету опубликовать указатель с дополнениями. Этот труд появился в 1550 году, и принц передал его генеральному инквизитору, и он был напечатан по приказу Верховного совета с приложением, состоящим из книг, запрещенных в Испании; некоторое время спустя совет составил еще один указатель, который был заверен секретарем.

Все инквизиции получили копии и буллу Юлия III, которая возобновила запреты и отменила разрешения, противоречащие новым буллам: он поручил инквизиторам конфисковывать столько книг, сколько они смогут; публиковать запрещающие эдикты, сопровождаемые порицаниями; преследовать тех, кто им не подчинялся, как подозреваемых в ереси; и давать отчет о книгах, которые они прочитали и сохранили.

Папа добавил, что ему сообщили, что многие из них находятся во владении библиотекарей и частных лиц, особенно испанские Библии, упомянутые в каталоге, а также Молитвенник и Ежедневник в приложении.

Тридентский собор, признав необходимость относиться к писаниям еретиков с большой строгостью, поручил знаменитому Каррансе составить каталог. Изучив огромное количество книг, представленных совету, он отправил все те, которые не содержали ничего предосудительного, в доминиканский монастырь в городе Трент, а остальные приказал сжечь или порвать и бросить в Адидже.^[6] Карранса вскоре после этого сопровождал Филипп II. в Англию, где он не только обратил многих лютеран, но и стал причиной сожжения многих переведенных Библий.

Некоторые библии, которые были ввезены в Испанию и которых не было в списке, также были запрещены; инквизиторам было приказано опубликовать интердикт и применять суровые меры против тех, кто отказывался ему подчиняться. Постановления Совета Кастилии, составленные по приказу короля и одобренные им, были опубликованы в том же году; они давали совету привилегию разрешать печатание книг при условии, что они будут предварительно изучены, если предмет, который они затрагивают, важен.

Карл V и Филипп II. регулировали распространение книг в своих американских штатах. В 1543 году вице-королям и другим властям было приказано не допускать появления или печатания сказок и романсов.

В 1550 году новый указ обязал торговый трибунал Севильи регистрировать все книги, предназначенные для колоний, чтобы подтвердить, что они не были запрещены.

В 1556 году правительство постановило, что ни одна работа, касающаяся дел Америки, не должна публиковаться без разрешения совета Индии, и что уже напечатанные работы не должны продаваться, пока они не будут проверены и одобрены, что обязывало всех, у кого они были, представить их совету. Таможенники в Америке также были обязаны изымать все запрещенные книги, которые могли быть ввезены, и передавать их архиепископам и

епископатам, которые в данном случае обладали теми же полномочиями, что и инквизиторы Испании.

Наконец, Филипп II в 1560 году издал указ о новых мерах, и впоследствии *надзор* за колониями Нового Света соблюдался так же строго, как и на полуострове.

Хотя Карл V и Филипп II. не пренебрегали ничем, что могло бы помешать распространению запрещенных книг в Испании, некоторые из них, благоприятствующие лютеранской ереси, проникли в королевство. В 1558 году генеральный инквизитор опубликовал указ, более суровый, чем любой из предыдущих; а также составил инструкцию для использования инквизиторами; в ней говорилось, что все книги, упомянутые в печатном каталоге, должны быть изъяты; что следует провести публичное *аутодафе* склоняющихся к ереси; что комментарии и примечания, приписываемые Меланхтону, должны быть изъяты из всех трактатов по грамматике, где они были представлены; что Библии, отмеченные как подозрительные, должны быть проверены; что не должны изыматься книги, кроме тех, которые упомянуты в списке; что все книги, напечатанные в Германии с 1519 года без имени автора, должны быть проверены; что перевод *Феофилакта Колампадия* должен быть изъят; также некоторые тома творений святого Иоанна Златоуста, которые были переведены этим архиеретиком и *Вольфангом Нускулусом*; что комментарии еретиков к произведениям, составленным католиками, должны быть изъяты; и что может быть изъята книга по медицине, хотя она и не была упомянута в указателе.

Когда этот указ был опубликован, Фрэнсис Санчес, профессор теологии в университете Саламанки, уведомил Верховный совет письмом, что он в течение нескольких лет занимался изучением опасных книг и высказал свое мнение о том, какого курса следует придерживаться.

Вследствие этого совет постановил, что те университетские богословы, которые изучали восточные языки, должны быть обязаны, а также другие лица, сдать свои Библии на иврите и греческом комиссарам святой канцелярии под страхом отлучения от церкви; что владельцы греческих, арабских и древнееврейских книг, не упомянутых в списке, не должны подвергаться преследованиям; что приказ о книгах, напечатанных без имени автора, относится только к современным произведениям; что просьба некоторых лиц разрешить сохранить *Помпония Мелу* была отклонена., с комментарием *Надикано*, должно быть отклонено; что эти книги должны быть переданы совету для рассмотрения; что приказ об изъятии всех работ, содержащих ошибки, должен применяться только к современным книгам; и что *Сумма Арматы* Дюрана, Каэтана, Питера Ломбарда, Оригена, Феофилакта, Тертуллиана, Лактанция, Лукиана, Аристотеля, Платона, Сенеки и других авторов этого класса должен быть разрешен к распространению; что совет, будучи проинформирован о том, что несколько каталоги запрещенных книг существовали, они должны были объединить их и составить один общий каталог.

В 1558 году был принят ужасный закон Филиппа II. был опубликован указ, предусматривающий смертную казнь и конфискацию для всех тех, кто будет продавать, покупать, хранить или читать книги, запрещенные святой канцелярией; и, чтобы обеспечить исполнение этого кровавого закона, был напечатан указатель, чтобы люди не могли сослаться на невежество в свою защиту.

Булла 1559 года предписывает исповедникам допрашивать своих кающихся на эту тему и напоминать им, что они были обязаны выдать виновных под страхом отлучения от церкви.

Особая статья предусматривает такое же наказание для исповедников, если они пренебрегали этой обязанностью, даже если их кающиеся были самого высокого ранга.

Однако этот суровый закон был смягчен в 1561 году, когда кардинал Александрийский, генеральный инквизитор Рима, опубликовал указ, объявляющий от имени Пия. IV., что некоторые запреты на книги были сняты. Этот указ также разрешал читать и владеть некоторыми книгами, которые были запрещены только потому, что они были написаны еретиками.

Вальдес, генеральный инквизитор Испании, немедленно написал инквизиторам провинций с просьбой приостановить исполнение эдикта до тех пор, пока он не получит приказа короля, которому он представлял опасность, возникающую в связи с мерой, отменяющей наказание в виде отлучения от церкви; но у Вальдеса был другой мотив в этом процессе.

В 1559 году этот инквизитор опубликовал печатный каталог запрещенных книг, который был намного более обширным, чем каталог 1558 года, и в который, по совету Фрэнсиса Санчеса, он включил все произведения, упомянутые в каталогах Рима, Лиссабона, Лувена и Испании более раннего периода. Он разделил их на шесть классов. Первая состояла из латинских книг; вторая - из книг, написанных на кастильском; третья - на тевтонском языке; четвертая - из немецких книг; пятая - на французском; и шестая - на португальском. Вальдес в примечании в конце своего указателя уведомил, что есть много книг, подпадающих под запрет, которые не упомянуты в списке, но что они будут добавлены. Он назначил наказание в виде отлучения от церкви и штрафа в двести дукатов для тех лиц, которые прочтут какую-либо из этих книг, и в это число были включены некоторые из тех, которые были разрешены к прочтению последним эдиктом папы.

Вальдес включил в свой каталог несколько книг, которые не только считались католическими, но и были у всех в руках и были полны истинного благочестия, особенно некоторые произведения дона Эрнанда де Талаверы, почтенного Хуана д'Авилы, Бартоломею Каррансы де Миранды, архиепископа Толедского; Эрнанда де Вильегаса, доминиканца Луиса де Гранада; и святого Франциска Борджиа.

Каталог Вальдеса содержал и другие общие запреты. Это запрещение включало все книги на иврите и на других языках, в которых говорилось о еврейских обычаях; книги арабов или тех, которые каким-либо образом касались магометанской религии; все произведения, составленные или переведенные еретиком или лицом, осужденным святой канцелярией; все трактаты на испанском языке с предисловием, письмом, прологом, резюме, примечаниями, дополнениями, пересказом, объяснением, глоссарием или письменами такого рода, добавленными еретиком; все проповеди, сочинения, письма, беседы о христианской религии, ее тайнах, таинствах. , или Священное Писание, если эти произведения были неотредактированными рукописями.

Наконец, тот же запрет был распространен на множество переводов Библии и других книг, которые были написаны людьми большого благочестия и всегда считались надлежащими руководствами к добродетели: в это число входили труды Дени, *картезианца*; автора, известного под тем же именем *Идиота*; епископа Роффенса и многих других писателей.

На восемнадцатой сессии Тридентского собора (которая началась 26 февраля 1562 г.) епископы сочли необходимым изучить книги, которые были признаны подозрительными, в связи с

жалобами, которые были поданы на запрещение большого количества произведений, несправедливо включенных в указ Павла IV. Совет назначил уполномоченных для их проверки, и они представили отчет о своей работе на последней сессии в 1563 году: они составили каталог произведений, которые, по их мнению, необходимо было запретить. Он был представлен Пию V., который опубликовал его в 1564 году вместе с десятью общими правилами для решения любых трудностей, которые могли бы возникнуть. Большое количество книг, которые были несправедливо осуждены Вальдесом, были опущены в этом указателе, а собрание теологов, назначенных для его изучения, объявило Катехизис Каррансы ортодоксальным.

В 1565 году доктор Гонсалес Иллескас опубликовал первую часть своей *Папской истории*. Она была немедленно изъята святой канцелярией, и вторая часть, напечатанная в Вальядолиде в 1567 году, постигла та же участь. Вскоре после этого Иллескас подвергся преследованиям со стороны инквизиторов Вальядолида; и, чтобы не стать их жертвой, был вынужден закрыть свою работу и написать другую, опустив статьи против некоторых пап: эта работа появилась в 1574 году. Хотя святая канцелярия так тщательно скрывала первое издание, оно было включено в указатель 1583 года, как будто некоторые экземпляры все еще существовали.

В 1567 году совет постановил изъять богословские труды брата Джона Феро, францисканца из Италии, с примечаниями и исправлениями брата Майкла де Медины и некоторые другие произведения того же автора, который закончил свои дни в застенках инквизиции в 1578 году, до того, как был вынесен его приговор. После его смерти его *извинения за Джона Феро* были внесены в указатель исправительных работ.

В 1568 году Верховный совет поручил офицерам инквизиции с величайшей бдительностью следить за границами Гипускоа, Наварры, Арагона и Каталонии, чтобы предотвратить ввоз запрещенных книг. Эта резолюция была принята, поскольку была получена информация о том, что большое количество лютеранских книг на кастильском языке было упаковано и отправлено в бочках с винами Шампани и Бургундии с таким искусством, что таможенники не смогли обнаружить обман.

В 1570 году совет запретил работу над Пятикнижием брата Жерома де Холкастро; и *Малый кабинет*, напечатанный в Париже в 1556 году. Мотив этого запрета был необычным: фронтиспис был украшен крестом и лебедем с девизом "IN HOC CIGNO VINCES". Очевидно, что *Petit Office* был запрещен, потому что в слове *signo* вместо буквы S использовалась буква "C". Такая же строгость проявлялась во всех случаях, когда в книгах встречался этот символ или какие-либо аллегории подобного рода.

В 1571 году инквизиторы арестовали испанскую Библию, напечатанную в Басте, и Филиппа II. написал герцогу Альва, губернатору Нидерландов, с просьбой составить указатель для использования фламандцами с помощью ученого Ария Монтануса. Он председательствовал на собрании теологов, которые рассудили, что новый указатель должен состоять только из латыни, запрещенной инквизицией, или которую необходимо исправить. Эта мера была применена только к некоторым хорошо известным авторам, которые были мертвы, и к некоторым другим, все еще живущим; но более конкретно к работам Эразма, и при обстоятельствах, которые могли бы навести на предположение, что его книги были основными объектами запрета, а книги других авторов - всего лишь предлогом для сокрытия нанесенного ему ущерба. Этот каталог был напечатан в Антверпене в 1571 году с предисловием Ариаса Монтануса, королевским указом и

прокламацией герцога Альвы, обязывающей к его исполнению. Этот список известен под названием *Очистительный указатель герцога Алвы*. Святая канцелярия не имела никакого отношения к этому делу, поскольку фламандцы отказались признать их власть.

В 1582 году генеральный инквизитор дон Гаспар де Кирога опубликовал новый *Запретительный указатель*. Примечательно, что в этом списке упоминается индекс его предшественника Вальдеса.

То, что было опубликовано в 1584 году, было составлено Хуаном де Марианой, который вскоре после этого запретил некоторые из своих собственных работ. В 1611 году при генеральном инквизиторе доне Бернарде де Роксасе де Сандовале был составлен новый указатель.

Кардинал Сапата, сменивший Роксаса, принял еще один расширенный в 1620 году, и им воспользовался его преемник, дон Антонио де Сотомайер, в 1630 году. Этот каталог был первым, который инквизиторы осмелились опубликовать самостоятельно, без заказа правительства. Дон Диего Сармьенто Вальядарес, генеральный инквизитор, в 1681 году начал перепечатывать ее с дополнениями, и она была закончена доном Видалем Марином, который опубликовал ее в 1707 году.

Дон Фрэнсис Перес дель Прадо, другой генеральный инквизитор, поручил иезуитам Казани и Карраско составить новый каталог. Хотя эти монахи не были уполномочены Верховным советом, они включили в список все книги, которые, по их мнению, были полезны янсенистам, Байусу и отцу Кенелю. Доминиканец Конкина и некоторые другие монахи донесли на их поведение Верховному совету; иезуиты подверглись допросу и защитили себя: совет, хотя и не мог одобрить, не продвинул дело дальше; у него не было достаточной власти, чтобы уравновесить влияние иезуита Фрэнсиса Рабаго, который был духовником Фердинанда VI.

Среди книг, которые они запретили, были труды кардинала *Норриса*, которые высоко ценились учеными всего христианского мира. Бенедикт XIV в 1748 году обратился к генеральному инквизитору с просьбой отменить запрет; поскольку этот приказ не был выполнен, папа пожаловался королю, но не смог удовлетворить его просьбу до тех пор, пока десять лет спустя иезуит Рабаго больше не руководил совестью монарха.

"Указатель иезуитов" также содержал несколько трактатов почтенного дона Хуана де Палафокса-и-Мендосы, архиепископа и вице-короля Мексики. Конгрегация обрядов впоследствии заявила, что в них не было ничего, заслуживающего порицания, и генеральный инквизитор был вынужден отменить запрет эдиктом, копии которого были немедленно раскуплены некоторыми друзьями иезуитов. Чтобы дать представление о критике Переса дель Прадо, достаточно сказать, что он горько сетовал на несчастья эпохи, в которую жил, говоря: *"Что некоторые люди дошли в своей дерзости до отвратительной крайности, требуя разрешения читать Священное Писание на вульгарном языке, не опасаясь столкнуться со смертельным ядом, содержащимся в нем"*.

В 1792 году генеральный инквизитор Дон Августин Рубин де Севальос опубликовал новый указатель без согласия и даже вопреки решению Верховного совета. Именно этот индекс все еще действует, но с тех пор количество запретов и ограничительных мер увеличилось.

Запретительным указам предшествует *оговорка*. Процесс возбуждается в верховном совете; но поскольку информация обычно доводится до сведения судебных инквизиторов, они назначают

квалификаторов, которые порицают книгу. Копия работы и денонсация направляется первому квалификатору, а затем второму, без подписи с мнением первого; если они не согласны, копии отправляются в третий раз, прежде чем они будут представлены в Верховный Совет. Провинциальные инквизиторы также имеют привилегию получать информацию: они действуют таким же образом; но совет всегда поручал придворным инквизиторам порицать книги, потому что они были более уверены в их квалификации.

Если какой-либо человек осмеливался покупать, хранить или читать запрещенные книги, инквизиторы подозревали его в ереси, хотя могло и не быть доказано, что он стал еретиком из-за такого чтения; он подвергался наказанию в виде серьезного отлучения от церкви, и против него возбуждался трибунал: результатом этого действия было отпущение грехов *ad cautelam*.

В последние годы восемнадцатого века ни один человек не был заключен в тюрьму за чтение запрещенных книг, если только он не был осужден за выдвижение еретических положений. Назначенное наказание было всего лишь денежным штрафом и заявлением о том, что человек слегка подозревался в ереси; следует признать, что это уточнение было опущено, если были какие-либо основания предполагать, что обвиняемый допустил ошибку из мотивов любопытства, а не из склонности к ложному учению. Тем не менее, все эти разбирательства являются произвольными, и инквизиторы имеют право преследовать нарушителей этого закона, как если бы они были еретиками.

Разрешение читать запрещенные книги сделало безрезультатными все действия, возбужденные против тех, кто нарушил закон. Папа предоставил это за определенную сумму денег, не поинтересовавшись, способен ли человек, потребовавший этого, злоупотребить разрешением. Генеральный инквизитор Испании действовал более осмотрительно; он получил секретную информацию о поведении поверенного и потребовал, чтобы тот изложил в письменной форме цель своего требования и предмет, по которому он хотел бы ознакомиться с запрещенными книгами. Там, где разрешение было общим, книги, упомянутые в эдиктах, были исключены. В этом смысле работы Руссо, Монтескье, Мирабо, Дидро, д'Аламбера, Вольтера и нескольких других современных философов, среди которых был Филанджиери, были исключены из этой привилегии. В последние годы инквизиции разрешения, выданные Римским судом, не защищали лиц, которые их получали, от инквизиторских действий; они подлежали пересмотру, и генеральный инквизитор разрешал их использование не без больших трудностей, и как будто Римский суд никогда их не выдавал.

Инквизиция также запретила картины, медали, гравюры и ряд других вещей с такой же строгостью, как и книги. Таким образом, веера, табакерки, зеркала и другие предметы мебели часто были причиной больших неприятностей и затруднений для тех, кто ими владел, если они были украшены мифологической фигурой, которая могла быть сочтена неприличной.

ГЛАВА XIV.

ОСОБЫЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПО ПОДОЗРЕНИЮ В ЛЮТЕРАНСТВЕ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ.

Указы против лютеран, иллюминатов и т.д.

Генеральный инквизитор, осознавший необходимость приостановления распространения лютеранства в Испании, совместно с Советом инквизиции издал несколько новых статей в дополнение к ежегодному эдикту. Эти статьи обязывают каждого христианина, чтобы объявить, если он знает или слышал любой человек, который сказал, или подумал, что в секте Лютера-это хорошо, или что его партизаны будут сохранены, и одобрил, не верил в его осудили предположения: например, что не надо исповедовать грехи перед священником, и, что достаточно исповедоваться Богу; что ни папа, ни священники имеют власть прощать грехи; что тело Иисуса на самом деле не присутствует в Святом Причастии, что это не дозволено молиться в святых, и не подвергать изображений в храмах; что вера и крещение достаточно для спасения, и что добрые дела не нужны; что каждый христианин может, хотя и не из священства, получить исповедании христианской, и причастить его; что папа не имеет власти о предоставлении индульгенции; что священники и монахи могут вступить в законный брак; что Бог не наладить регулярное религий заказы; что государство брака лучше и совершеннее, чем безбрачия; что должно быть никаких праздников, но день субботний, и что не грех есть мясо в пятницу, в Великий пост или в другие посты.

Альфонсо Манрике также разрешил инквизиторам провинций принимать любые меры, которые они сочтут необходимыми, для обнаружения тех лиц, которые приняли ересь *иллюминатов* (*алюмбрадос*.) Эти люди, которых также называли *dejados* (*квуетисты*), образовали секту, главой которой, как говорят, был тот *Мансер*, который уже основал секту анабаптистов. Некоторое время спустя Совет инквизиции добавил несколько статей, касающихся *иллюминатов*, к уже упомянутым.

Я придерживаюсь мнения, что первыми испанцами, последовавшими доктринам Лютера, были монахи-францисканцы; ибо Климент VII в 1526 году уполномочил генерала и провинциалов ордена младших братьев Святого Франциска д'Ассиса отпускать грехи тем членам общины, которые впали в эту ересь, после того, как они дали клятву навсегда отречься от нее. Несколько монахов того же ордена уже заявили папе, что по привилегиям, предоставленным им в буллет *mare magni* подтвержденным другими указами святого престола, ни один посторонний человек не имеет права вмешиваться в их дела, и что они не признают никакого судьи, кроме судьи их учреждения, даже в случаях отступничества.

Манрике, смущенный в своем служении притязаниями францисканцев, написал папе римскому, который в 1525 году ускорил составление инструкции, в соответствии с которой генеральный инквизитор был уполномочен заниматься этими делами при содействии монаха, назначенного прелатом ордена, и что в случаях обжалования судебного решения следует обращаться к Папе римскому: но впоследствии было приказано подавать эти апелляции генеральному инквизитору.

Судебные процессы над несколькими лицами.

Во время служения генерального инквизитора Манрике история указывает на нескольких выдающихся и невинных жертв трибунала, которых подозревали в лютеранстве: таковым был преподобный Хуан д'Авила, который был бы причислен к лику блаженных, если бы был монахом, но он был всего лишь светским священником: в Испании его называли *Апостолом Андалусии* из-за его образцовой жизни и благотворительных действий. Святая Тереза де Хесус сообщает нам в своих трудах, что она получила большую помощь от его советов и учения. Он проповедовал Евангелие с простотой и никогда не вставлял в свои речи тех вопросов, которые в то время так позорно волновали богословов-схоластов. Несколько завистливых монахов, раздраженных его отвращением к спорам, объединились, чтобы спланировать его гибель. Они осудили некоторые из его предложений инквизиции как тяготеющие к лютеранству и доктринам *иллюминатов*. В 1534 году Хуан д'Авила был заключен в секретную тюрьму святой канцелярии по приказу инквизиторов; они не довели свое решение до сведения Верховного совета или ординарцев под предлогом того, что эта мера была предписана только в случае расхождения во мнениях. Хотя это разбирательство противоречило законам инквизиции, королевским постановлениям и постановлениям Верховного Совета, тем не менее они презирали эти нарушения и даже молчаливо одобряли их, поскольку нарушителям не было вынесено никакого выговора. Этот акт инквизиции, имевший место в Севилье, сильно повлиял на генерального инквизитора: он занял престол этого города и питал величайшее уважение к Хуану д'Авиле, которого считал святым, что было для него счастливым обстоятельством, поскольку защита Манрике, как главы инквизиции, во многом способствовала доказательству его невиновности; д'Авила был оправдан и продолжал проповедовать с тем же рвением и милосердием до самой своей смерти.

Этот год стал еще более роковым для двух людей, прославившихся в истории литературы Испании, — Хуана де Вергара и Бернардина де Тобара, его брата: они были арестованы инквизицией Толедо и не были выпущены из ее застенков, пока они не были подвергнуты отречению (*де леви*) от лютеранской ереси, чтобы получить отпущение грехов *ad cautelam*) и нескольким епитимьям. Хуан де Вергара был каноником Толедо и был секретарем кардинала Хименеса де Сиснероса и дон Альфонсо де Фонсеки, его преемника на престоле этого города. Николас Антонио поместил в своей библиотеке заметку о литературных произведениях этого испанца и отдает должное его добродетели и заслугам. Его глубокое знание греческого и древнееврейского языков было причиной его несчастья; он заметил некоторые ошибки в переводе Вульгаты и таким образом дал сигнал к преследованию некоторых монахов, которые изучали только латынь и школьный жаргон. Капитул Толедо почтил его память, поместив на его могиле эпитафию, которая сохранилась у автора, которого я цитировал. Вергара претендовал на благодарность этой общины за то, что сочинил надписи, украшающие хоры их церкви.

Бернардин де Тобар менее известен, но Питер Мартин д'Англере упоминает его среди ученых людей шестнадцатого века, а Джон Луи Вивес, ученый человек того времени, пишет в письме Эразму: "Мы живем в трудное время; опасно либо говорить, либо молчать; Вергара, его брат Бернардин де Тобар и несколько других ученых людей были арестованы в Испании[7]."

Среди этого числа был один, о ком Вивес не смог дать конкретного отчета. Я говорю об Альфонсо Вируесе, бенедиктинце, родившемся в Ольмедо, и одном из лучших теологов своего времени. Он обладал глубокими знаниями восточных языков и написал несколько

произведений. Он был членом комиссии, оценивавшей труды Эразма в 1527 году, и проповедником Карла V. Тот слушал его речи с таким удовольствием, что взял его с собой в Германию, а по возвращении в Испанию не захотел слушать никого другого. Эти отличия возбудили зависть монахов, и они преуспели бы в своих попытках погубить его, если бы не твердость и постоянство императора в его защите.

Вируеса заподозрили в симпатии к взглядам Лютера и бросили в тайные тюрьмы святой канцелярии в Севилье. Император, который хорошо знал его как по его проповедям, так и по общению, имевшему место во время их путешествий по Германии, остро ощутил этот удар и, не сомневаясь, что Вируес стал жертвой интриги, которую генеральный инквизитор должен был предотвратить, сослал Манрике, который был вынужден удалиться в свою севильскую архиепископию, где и умер в 1538 году. Не удовлетворившись этим, Карл приказал Верховному совету направить постановление всем трибуналам инквизиции, в котором указывалось, что в случае предварительного распоряжения, достаточно серьезного, чтобы вызвать арест монаха, вынесение постановления о тюремном заключении должно быть отложено, и что инквизиторы должны отправить полную и достоверную копию постановления о начале разбирательства в Верховный совет и ждать распоряжений, которые будут отправлены им после изучения писаний.

Несчастные Вирусы, тем не менее, в течение четырех лет испытывали все ужасы тайного заключения. В течение этого периода, как он пишет Карлу V., "ему едва позволялось дышать или заниматься чем-либо, кроме обвинений, ответов, свидетельских показаний, защиты, клеветы, средств, действий (*nomina quæ et ipso pœne timendo sono ... слова, которые невозможно слышать без ужаса*), или с ересями, богохульствами, ошибками, анафемами, расколами и другими чудовищами, которых с трудом, который можно сравнить с трудом Геркулеса, я, наконец, победил с помощью Иисуса Христа, так что теперь я оправдан защитой вашего величества[8]."

Одним из средств, использованных Вируэсом для своей защиты, было требование, чтобы трибунал обратил внимание на положения доктрины, которые он установил, и приготовился атаковать Меланхтона и других лютеран перед ратисбонским сеймом; но это требование не достигло цели, которую он имел в виду, а именно полного отпущения грехов, потому что его враги осудили предложения, выдвинутые публично. Хотя он доказал, что они были крайне католическими, когда ознакомился с текстом, все же он не смог предотвратить их от теологической цензуры в форме, данной доносом: он был вынужден подчиниться отречению от всех ересей, особенно от Лютера и его приверженцев. Окончательный приговор был вынесен в 1537 году: он был объявлен подозреваемым в исповедании ошибок Лютера и приговорен к освобождению от порицаний *ad cautelam*; к заключению в монастыре на два года и запрету проповедовать слово Божье в течение двух лет после освобождения.

Император, когда ему сообщили об этих сделках, пожаловался папе, который в 1538 году направил Вируэсу краткое послание, в котором содержалось освобождение от различных епитимий, к которым он был приговорен: оно также восстановило его в должности проповедника; и заявило, что произошедшее не может лишить его какой-либо должности, даже епископства.

Удивительно, что дело Вируеса и многие другие не заставили Карла V. осознать природу инквизиции и что он все еще продолжал защищать этот институт. Однако суд над его

проповедником и несколько других испытаний, которые он пережил примерно в то время, были причинами, по которым он лишил святую канцелярию королевской юрисдикции в 1535 году, и она была восстановлена только в 1545 году. Эта благосклонность к Вируэсу была настолько постоянной, что вскоре после этого он представил его папе на соискание епископства на Канарских островах; но папа отказал ему, заявив, что подозрения, высказанные против чистоты его веры, делают его неподходящим для возведения в сан епископа, хотя булла и признала его годным на это. Император настаивал, и папа, наконец, уступил его настоятельным просьбам. Вируес был назначен епископом Канарских островов в 1540 году.

В 1527 году инквизиция Вальядолида была занята делом, о котором необходимо рассказать, чтобы по достоинству оценить сострадание и снисходительность, которые инквизиторы всегда проявляли в своих действиях, и другие формы правосудия.

Некто Диего Вальехо из деревни Паласиос-де-Менесес в епархии Паленсии, будучи арестован инквизицией за богохульство, заявил, среди прочего, что за два месяца до этого, 24 апреля 1526 года, два врача по имени Альфонсо Гарсия и Хуан де Салас вели диспут на тему медицины перед ним и Фердинандом Рамиресом, его зятем: первый придерживался своего мнения, опираясь на авторитет определенных авторов; Салас подтвердил, что эти авторы были обмануты; Гарсия ответил, что его мнение было опровергнуто. Это было доказано текстом евангелистов, который заставил Саласа сказать, *что они солгали так же, как и другие*. Фердинанд Рамирес (который также был арестован по подозрению в иудаизме) был допрошен в тот же день; его показания были такими же, как у Вальехо, но он добавил, что Салас вернулся к себе домой несколько часов спустя и, рассказывая о том, что произошло, сказал: *"Какую глупость я утверждал!"* Когда трибунал завершил рассмотрение дела Рамиреса и Вальехо, они арестовали Хуана де Саласа.

Инквизиторы (без согласия епархиального управления, без консультантов или квалификаторов и без связи с Верховным советом) постановили арестовать Хуана де Саласа 14 февраля 1527 года, как будто заявлений Рамиреса и Вальехо было достаточно. Аудиенции для *увещевания* были предоставлены, и показания были сообщены без указания имен лиц или места. Он ответил, что обстоятельства были указаны неверно. Затем был вызван другой врач, который заявил, что, беседуя с Саласом о евангелистах, он слышал, как тот сказал, *что некоторые из них солгали*. Его спросили, упрекал ли кто-нибудь Саласа за это выражение; Гарсия ответил, что часом позже он посоветовал ему сдаться инквизиции и что он обещал это сделать. Затем инквизитор спросил, был ли он враждебно настроен по отношению к обвиняемому; свидетель ответил отрицательно. 16 апреля состоялась ратификация соглашения Рамиреса и Гарсии. 6 мая заключенный предъявил два требования или средства защиты: в первом он протестовал против всего, что было сказано вопреки его заявлению, и указал на различия в показаниях свидетелей; второе было *допросом*, состоящим из тринадцати вопросов, два из которых имели целью доказать его ортодоксальность, а остальные - обосновать мотивы отвода, который он подал против определенных лиц, которые должны были дать показания на его процессе. На полях этой статьи указаны свидетели, с которыми следует проконсультироваться по каждому вопросу. Будет видно, что подсудимый воспользовался законами святой канцелярии в свою защиту; но инквизиторы, вместо того чтобы подчиниться своим собственным правилам, вычеркнули имена нескольких человек, указанных в списке свидетелей обвинения с его стороны, и не захотели их слушать. Тем не менее факты, упомянутые в ходе допроса, были

подтверждены четырнадцатью свидетелями, и 25 мая налоговый инспектор представил свои выводы.

Факт, изложенный Рамиресом, противоречия в показаниях свидетелей; разница в показаниях обоих и обвинителя; важные преимущества, полученные заключенным при обосновании своего отвода, при наличии только двух свидетелей против него (которые оба были привлечены к ответственности, один за богохульство, другой за иудаизм) и при обвинении только по одному пункту; наконец, возможность того, что обвиняемый многое забыл в течение года, - это обстоятельства, которые заставили бы любого предположить, что Хуан де Салас был бы оправдан или что они, по крайней мере, (если бы предположили, что он отрицал правду) удовлетворились бы наложением на него епитимьи за подозрение в *де леви*; но вместо этого инквизитор Морис без согласия своего коллеги Альварадо постановил подвергнуть Саласа пыткам как виновного в сокрытии информации. В этом акте содержится следующее заявление: "Мы предписываем, чтобы упомянутые пытки применялись таким образом и в течение того времени, которые мы сочтем надлежащими, после того, как мы заявили протест, как мы все еще протестуем, что в случае ранения, смерти или перелома конечностей вина может быть возложена только на упомянутого лиценциата Саласа". Указ Морица вступил в силу: я присоединяюсь к устному изложению процесса казни.

"В Вальядолиде 21 июня 1527 года лиценциат Морис, инквизитор, вызвал к себе лиценциата Хуана де Саласа, приговор был зачитан и доведен до его сведения. После оглашения упомянутый лиценциат Салас заявил, что *он не говорил того, в чем его обвиняли*; и упомянутый лиценциат Морис немедленно приказал отвести его в камеру пыток, где, раздев до рубашки, Саласа за плечи посадили в *шевалет*, где палач Педро Поррас привязал его за руки и ноги пеньковыми веревками, из которых он сделал *одиннадцать оборотов* вокруг каждой конечности; Салас, в течение того времени, пока упомянутый Педро связывал его таким образом, был вынужден покинуть помещение. его несколько раз предупреждали говорить правду, на что он всегда отвечал, *что он никогда не говорил того, в чем его обвиняют*. Он прочитал символ веры "Quicumque vult" и несколько раз возблагодарил Бога и Пресвятую Богородицу; и упомянутый Салас был все еще завязан, как упоминалось ранее, на его лицо была наложена тонкая влажная ткань, и в рот и ноздри ему было влито около пинты воды из глиняного сосуда с отверстием на дне, вмещавшего около двух кварт: тем не менее, Салас все еще упорствовал в *отрицании обвинения*. Затем Педро де Поррас *затянул веревки* на правой ноге и вылил вторую порцию воды на лицо; веревки *затянули во второй раз* на той же ноге, но Хуан де Салас все еще упорствовал в *отрицании того, что он когда-либо говорил что-либо подобное*; и хотя его несколько раз принуждали сказать правду, *он все еще отрицал обвинение*. Затем упомянутый лиценциат Мориц, заявив, что *пытка была* начата, **НО НЕ ЗАКОНЧЕНА**, приказал прекратить ее. Обвиняемый был снят с помоста, или дыбы, при казни которой я, Генри Паз, присутствовал от начала до конца.—Генри Паз, нотариус."

Если эта казнь была лишь началом пыток, то как она должна была закончиться? Смертью страдальца? Чтобы понять это утверждение, необходимо знать, что инструмент, который по-кастильски называется *escalera* (и который также имеет название *burro* и переводится на французский словом *chevalet*), представляет собой деревянную машину, изобретенную для пыток обвиняемых. Она имеет форму канавки, достаточно большой, чтобы вместить тело человека, без дна, но ее пересекает палка, на которую тело падает в таком положении, что ступни оказываются намного выше головы; следовательно, возникает сильное и болезненное

дыхание с невыносимыми болями в боках, руках и ногах, где давление веревок настолько велико, даже до того, как был использован *гаро*, что они проникают до костей.

Если мы понаблюдаем за тем, как люди, перевозящие товары на мулах или в повозках, затягивают веревки с помощью палок, мы легко представим себе муки, которые, должно быть, претерпел несчастный Джон де Салас. Введение жидкости с не меньшей вероятностью убьет тех, кого инквизиторы пытаются, и это случалось не раз. Рот во время пытки находится в самом неблагоприятном положении для дыхания, настолько неблагоприятном, что человек умер бы, если бы оставался в нем несколько часов; в горло вводится кусок тонкой влажной ткани, на который вода из сосуда льется так медленно, что требуется час, чтобы выпить пинту, хотя она стекает без перерыва. В этом состоянии пациент не может дышать, так как вода одновременно попадает в ноздри, и результатом часто является разрыв кровеносного сосуда в легких.

Раймонд Гонсалес де Монтес (которому в 1558 году посчастливилось сбежать из тюрем святой канцелярии в Севилье) написал книгу на латыни об инквизиции под именем *Реджинальдус Гонсалвиус Монтанус*^[9]. Он сообщает нам, что веревка была обмотана вокруг ног восемь или десять раз. Было совершено одиннадцать оборотов вокруг ветвей Саласа, не считая ветвей *гаро*. Мы можем составить представление о гуманности инквизиции Вальядолида из окончательного приговора, вынесенного лицензиатом Морисом и его коллегой доктором Альварадо без каких-либо других формальностей, после того, как они последовали (если мы можем им верить) совету людей, известных своей образованностью и добродетелью, но без отсрочки, которая должна была предшествовать этому, и без согласия епархиального ординарца. Они заявили, что фискал не полностью доказал обвинение и что подсудимому удалось опровергнуть некоторые из обвинений; но что из-за подозрений, возникших в ходе судебного разбирательства, Хуан де Салас был приговорен к публичному *аутодафе* в рубашке, без плаща, с непокрытой головой и с факелом в руке; что он должен публично отречься от ереси, заплатить десять дукатов золотом инквизиции и отбыть епитимью в назначенной церкви. Из приведенного впоследствии свидетельства видно, что Хуан де Салас совершил свое *аутодафе* 24 июня 1528 года и что его отец заплатил штраф: других особенностей в судебном процессе нет. Это дело и несколько других подобного характера побудили Верховный совет опубликовать в 1558 году указ, предписывающий не применять пытки без приказа совета.

Письма-поручения, касающиеся Судебного разбирательства.

Нарушение тайны судебного разбирательства вызвало ряд жалоб, направленных генеральному инквизитору. Обычно он передавал их в Верховный совет, который во время правления Манрике направил несколько циркуляров провинциальным трибуналам: необходимо довести до сведения наиболее важных.

В одном из этих сочинений, датированном 14 марта 1528 года, говорится, что если обвиняемый (когда ему задают общий вопрос) сначала заявляет, что он ничего не знает по этому вопросу, а затем, когда его допрашивают по конкретному факту, признается, что он знаком с ним (на случай, если инквизиторы сочтут уместным снять второе заявление, чтобы использовать его против третьего), они должны включить первый вопрос и ответ обвиняемого в один и тот же устный процесс, потому что это может помочь определить степень доверия, которой следует доверять его заявлениям.

16 марта 1530 года появилось еще одно распоряжение собора. Суд постановил, что факты, рассказанные свидетелями в пользу заключенного, должны быть упомянуты так же, как и факты, свидетельствующие против него. Это направление, каким бы справедливым оно ни было, не было строго соблюдено, поскольку оно никогда не соблюдалось в выдержке из опубликованных показаний, данных обвиняемому и его защитнику; следовательно, заключенный не мог извлечь никакой выгоды из заявлений в свою пользу.

В другом циркуляре от 13 мая того же года говорится, что, если обвиняемый вызывает свидетеля, он должен быть допрошен на основании судебного разбирательства, поскольку у него могут быть факты, свидетельствующие против обвиняемого.

16 июня 1531 года совет написал трибуналам, что, если обвиняемый бросил вызов нескольким лицам, предполагая, что они дадут показания против него, свидетели, которых он вызывает для доказательства фактов, послуживших причиной отвода, должны быть допрошены по каждому отдельному лицу, хотя они и не давали никаких показаний, чтобы обвиняемый не мог предположить на момент публикации показаний, из-за упущения (если таковое должно быть), что некоторые дали показания против него, а другие не упомянуты или ничего не сказали.

Другая инструкция от 13 мая 1532 г. предписывает, что родственники обвиняемого не должны допускаться в качестве свидетелей при доказательстве отвода.

В другом указе от 5 марта 1535 года предписывается спрашивать свидетеля, есть ли какая-либо вражда между ним и обвиняемым.

20 июля совет обязал трибуналы включить в выдержку из опубликованных показаний день, месяц и час, когда каждый свидетель давал свои показания.

В марте 1525 года было постановлено, что при передаче выписки обвиняемому его не следует информировать о том, что какой-либо свидетель заявил, что этот факт известен другим, потому что, если они ничего не сказали против него, не подобает сообщать об этом обвиняемому, поскольку из этого обстоятельства он узнал бы, что некоторые лица высказались в его пользу или, по крайней мере, заявили, что ничего против него не знали.

Другое постановление от 8 апреля 1533 года запрещало инквизиторам сообщать обвиняемому отрывок из опубликованных показаний до ратификации заявлений.

Совет постановил 22 декабря 1536 года, что при ведении любого дела, связанного с обстоятельствами, имевшими место в доме умершего, так что труп все еще был на виду, и что его положение, фигура или другие обстоятельства могут способствовать выяснению, умер ли он еретиком или нет, имя умершего, его дом и другие детали должны быть сообщены свидетелям, чтобы они могли вспомнить событие и помочь им сделать свое заявление.

Тем не менее, совет 30 августа 1537 года постановил, что время и место событий должны быть включены в выдержку из публикации показаний, поскольку это имело значение для интересов обвиняемого; это было бы сделано даже в предположении, что он узнает из нее имена свидетелей.

Это правило слишком противоречит инквизиционной системе, чтобы не вызывать желания искать принцип и причину; это можно найти в дурной репутации, которую инквизиция приобрела в результате судебного разбирательства против Альфонсо Вируеса, что

побудило Карла V. лишить ее королевской юрисдикции: но хотя совет зарегистрировал приказ государя, он постановил 15 декабря этого года и 22 февраля 1538 года, что выписка не должна содержать никакой статьи, которая могла бы ознакомить свидетелей; таким образом, отменяется приказ, установленный законом. предыдущий год. В последние годы инквизиции ни время, ни место не были указаны в акте об опубликовании показаний.

В июне 1537 года совет, с которым консультировалась инквизиция Толедо, постановил в качестве общих правил: во—первых, все, кто *спокойно* произносил богохульства: *я отрицаю Бога, я отрекаюсь от Бога*, должны быть строго наказаны; но те, кто произносил эти слова в гневе, не должны подвергаться судебному преследованию; во—вторых, наказывать всех христиан, обвиняемых в двоеженстве, если виновный считал это допустимым; и в противном случае воздерживаться от судебного преследования; 3. наконец, установить, в случаях колдовства, что они были обвинены в двоеженстве. если с дьяволом был заключен какой-либо договор; если договор существовал, инквизиции было поручено судить обвиняемых - если нет, они должны были предоставить дело светским трибуналам.

Второе и третье из этих постановлений противоречат системе святой канцелярии, что заставляет меня предположить, что временная опала и изгнание Манрике способствовали этой умеренности, которая не могла длиться долго: инквизиторы всегда преследовали лиц, виновных в этих преступлениях, под предлогом изучения того, могут ли какие-либо обстоятельства вызвать подозрение в ереси. Тот же дух прослеживается в другом приказе от 19 февраля 1533 года: он обязывает инквизиторов получать все бумаги, которые родственники обвиняемого желают им передать. Совет установил это правило, потому что эти труды (хотя и бесполезные в судебном процессе) все же могут быть полезны для доказательства невинности или вины обвиняемого.

10 мая 1531 года совет постановил, что, если инквизиции будут представлены буллы об освобождении от использования *Сан-бенито*, тюремного заключения или других наказаний, прокуратор-фискал должен потребовать, чтобы они были отменены, а также те, которые были получены детьми и внуками лиц, признанных святой канцелярией позорными: совет поддержал это правило, утверждая, что дети всегда следуют примеру своих предков-еретиков и что видеть их занимающими почетные должности - скандал.

22 марта того же года совет написал трибуналу провинций, что на одном из судебных процессов он отметил, что некоторые тексты не были переработаны в тех местах, где произошли упомянутые факты; из чего они пришли к выводу, что эти формальности были выполнены не в надлежащее время, а в тот момент, когда должно было начаться разбирательство: затем совет рекомендовал им избегать этих злоупотреблений, как противоречащих инструкциям. Но приказы совета не были выполнены: те же нарушения были возобновлены и повлекли за собой другие, еще более опасные, которые в мое время имели самые серьезные последствия. Чтобы указать то, что могло быть опущено в ходе судебного разбирательства, инквизиторы приняли обычай записывать каждый акт, декларацию и показания на отдельных листах бумаги. Поскольку в этих трибуналах не использовалась гербовая бумага, и поскольку части процесса не были пронумерованы, часто случалось, что те из них, которые они хотели скрыть от совета, епархиального ординарца или других заинтересованных сторон, были изменены или скрыты. Этот маневр был использован инквизиторами в деле архиепископа Толедо Каррансы, и я сам

видел, как несколько свидетельств секретаря были изменены по просьбе мадридских инквизиторов.

Циркуляр от 11 июля того же года более примечателен и имел больший успех, чем предыдущий. Инквизиторам провинций было приказано передавать в Верховный совет все приговоры, вынесенные без единодушия инквизиторов, епархиальных чиновников и консультантов, даже при условии, что был только один несогласный голос. Впоследствии инквизиторы были вынуждены консультироваться с советом по всем вынесенным ими решениям; и я должен признать, что эта мера была чрезвычайно полезной, потому что, при расхождении во мнениях, решения *верховного* суда были гораздо более справедливыми, чем решения провинциальных трибуналов, поскольку в их состав входило большее число просвещенных судей.

Совет проявил ту же любовь к справедливости в 1536 году, когда постановил, что лица, уличенные в использовании золота, серебра, шелка или драгоценных камней, должны быть наказаны денежными штрафами, а не костром, хотя им было запрещено делать это под страхом *смягчения ответственности*.

Указом, наиболее противоречащим мудрости, которая должна была воодушевлять совет, был указ от 7 декабря 1532 года, в котором было предписано, чтобы каждая провинциальная инквизиция указывала количество и ранг лиц, осужденных к различным наказаниям в пределах своей юрисдикции с момента их учреждения, и помещала в церкви те *Сан-бенитос*, которые не были туда помещены, даже не исключая тех лиц, которые сознались и понесли свое наказание в течение срока отсрочки. Это распоряжение было исполнено со строгостью, достойной инквизиции; в Толедо были восстановлены те Сан-бенитос, которые были разрушены временем, и они также были отправлены в приходы осужденных. Последствиями этих разбирательств стали разорение и вымирание многих семей, поскольку дети не могли утвердиться в соответствии с тем званием, которым они обладали; в то время как осуждение их предков инквизицией оставалось неизвестным. Совет слишком поздно обнаружил несправедливость, которую он совершил по отношению к *Сан-Бенито*, поскольку отменил указ семь лет спустя, в 1539 году.

Нет необходимости приводить историю ссор, которые происходили между инквизицией и различными гражданскими властями во время правления Манрике. Тем не менее следует упомянуть о скандальном предприятии Верховного Совета. В 1531 году предполагалось осудить председателя королевского апелляционного суда на Майорке, попросить прощения у святой канцелярии, посетить мессу (как кающийся грешник) с восковой свечой в руке и получить отпущение грехов за то, что он защищал юрисдикцию уголовного трибунала в деле, в котором участвовали несколько человек, среди которых был некто Габриэль Небель, слуга распорядителя святой канцелярии.

ГЛАВА XV.

СУДЕБНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КОЛДУНОВ, ВОЛШЕБНИЦ, ЧАРОДЕЕК, НЕКРОМАНТОВ И ДРУГИХ.

ПОД руководством генерального инквизитора Манрике инквизиция была особенно занята сектой колдунов.

Папа Адриан VI. (который был генеральным инквизитором в Испании), опубликовал буллу 20 июля 1523 года, в которой он говорит, что во времена его предшественника Юлия II. в Ломбардии была обнаружена многочисленная секта, которая отреклась от христианской веры и злоупотребляла религиозными обрядами и евхаристией. Эти сектанты признавали дьявола своим покровителем и обещали повиноваться ему.

Они насылали болезни на животных и уничтожали плоды земли своими чарами. Инквизитор попытался арестовать и предать их наказанию, церковные и светские судьи выступили против него, что возглавил Юлий II. объявить, что эти преступления подпадали под юрисдикцию инквизиции, равно как и все другие ереси. Вследствие этого Адриан VI. напомнил различным инквизициям об их долге в этом отношении.

В Испании в этой булле не было необходимости, поскольку инквизиция Арагона была осведомлена о магии и колдовстве со времен понтификата Иоанна XXII.

Похоже, что инквизиция Калахорры сожгла более тридцати женщин как колдуний и волшебниц в 1507 году. В 1527 году в Наварре было обнаружено огромное количество женщин, практиковавших магию.

Эти преступления настолько возросли в провинции Бискайя, что Карл V счел необходимым обратить на это внимание. Убежденный, что невежество, в котором пребывали люди из-за священников, было причиной этих суеверий, он написал в декабре 1527 года епископу Калахорры и жителям провинций доминиканцев и францисканцев письмо с просьбой выбрать из их общин несколько способных проповедников для преподавания доктрины христианской религии по этому вопросу. Но эти служители Евангелия, даже те, кто приобрел репутацию образованных людей, верили в эти иллюзии так же, как и чародеи.

Тем не менее, отец Мартин де Кастаньяга, францисканский монах, написал в то время книгу на испанском языке, озаглавленную "*Трактат о суевериях и колдовстве*". Я прочитал эту работу и признаю (за исключением нескольких статей, в которых автор кажется слишком легковерным), что даже в настоящее время было бы трудно писать с большей умеренностью или разборчивостью. Епископ Калахорры дон Альфонсо де Кастилья, прочитав этот трактат, приказал напечатать его в кварто и разослал священникам своей епархии с пастырским письмом в 1529 году.

Инквизиция Сарагосы осудила нескольких колдуний, которые входили в ассоциацию в Наварре или были отправлены в Арагон набирать учеников. Инквизиторы, ординарцы и консультанты были иного мнения; наибольшее число проголосовало за казнь колдуний, остальные - за примирение и вечное заключение. Меньшинство отказалось от своего мнения в знак уважения к большому числу, и, таким образом, смягчение было объявлено единогласно, без каких-либо

предписанных формальностей, и несчастные женщины погибли в огне. *Верховный Совет*, который был проинформирован об этом событии одним из своих членов, узнавшим об этом от инквизитора Сарагосы, 23 марта 1536 года направил циркуляр всем трибуналам, в котором заявил, что инквизиция Сарагосы не выполнила свой долг, не проконсультировавшись с советом, после того как обнаружила, что мнения его членов расходятся.

Генеральный инквизитор Манрике, узнав, что секта колдунов добилась больших успехов в разных частях полуострова, добавил несколько статей к эдикту об осуждении: суть их заключалась в том, что все христиане были обязаны заявить инквизиции:

Во-первых, если бы они слышали, что у какого-либо человека были знакомые духи, и что он вызывал демонов по кругу, задавая им вопросы и ожидая их ответа, как маг или в силу явного или молчаливого соглашения; что он смешивал святыни с мирскими предметами и поклонялся в творении тому, что принадлежит только Создателю.

Во-вторых, если бы он изучал судебную астрологию, чтобы узнать будущее, наблюдая за соединением звезд при рождении людей.

В-третьих, если бы какой-либо человек, чтобы узнать будущее, использовал *геомантию*, *гидромантию*, *аэромантию*, *пиромантию*, *ономантию*, *некромантию* или колдовство с помощью бобов, игральных костей или пшеницы.

В-четвертых, если христианин заключил прямое соглашение с дьяволом, практиковал колдовство с помощью магии, инструментов, кругов, символов или дьявольских знаков; вызывая демонов и консультируясь с ними в надежде на ответ и доверяя им; предлагая им благоволения или *дым* хороших или плохих веществ; принося им жертвы; злоупотребляя таинствами или святынями; обещая им послушание и поклоняясь им любым способом.

В-пятых, если кто-либо сконструировал или приобрел зеркала, кольца, фиалы или другие сосуды с целью привлечения, заключения и сохранения демона, который отвечает на его вопросы и помогает ему в исполнении его желаний; или кто пытался узнать будущее, допрашивая демонов в одержимых людях; или пытался произвести тот же эффект, вызывая дьявола под именем *святого ангела* или *белого ангела*, и прося у него чего-либо с молитвами и смирением; практикуя другие суеверные церемонии с вазами, склянки с водой или освященные свечи; путем осмотра ногтей и ладони, натертой уксусом; или путем попыток получить изображения предметов с помощью фантомов, чтобы узнать тайные вещи или то, чего тогда не было.

В-шестых, если кто-либо читал или обладал, или читал или обладает в настоящее время какой-либо рукописью или книгой по этим вопросам или относительно всех других видов гадания, которые не осуществляются с помощью естественных и физических эффектов.

Хотя эдикты и наказания за колдовство были чрезвычайно суровыми, время от времени они появлялись в разных частях Испании. История колдуний долины Бастан в Наварре получила особую известность. Эти женщины предстали перед инквизицией Логроньо и признались в величайших сумасбродствах. Они были приговорены к *аутодафев* 1610 году; их история была опубликована в Мадриде в 1810 году с очень приятными замечаниями испанского Мольера дона Леандро де Моратина, который заслуживает лучшей участи, чем та, которую он переживает.

История знаменитого фокусника.

История доктора Эжена Торральбы, врача из Куэнсы, не должна быть обойдена вниманием, поскольку в ней рассказывается о нескольких замечательных событиях и упоминается в *Истории знаменитого рыцаря Дон Кихота Ламанчского*. Этот человек также представлен в разных частях стихотворения, озаглавленного *Карлос Фамосо*^[10], составленного Луисом Сапато, посвященного Филиппу II. и напечатанного в Валенсии в 1556 году.

Автор "*Дон Кихота*" в "Приключениях графини Трифальди" изображает этого знаменитого рыцаря верхом на *Клавилено*, а позади него Санчо Панса с закрытыми глазами; оруженосец хочет открыть глаза, чтобы посмотреть, прибыли ли они в зону пожара. Дон Кихот говорит: "Будь осторожен, не делай этого, и вспомни подлинную историю лиценциата Торральбы, который, будучи верхом на трости, с завязанными глазами, был перенесен дьяволами по воздуху и прибыл в Рим за двенадцать часов, и спустился на башню Нона, которая находится на улице этого города, где он видел беспорядки, нападение и смерть констебля де Бурбона, и вернулся в Мадрид до наступления утра, где он рассказал о том, что видел. Он также рассказал, что, когда он был в воздухе, дьявол велел ему открыть глаза, и что он увидел себя так близко от Луны, что мог бы коснуться ее рукой, и что он не осмеливался взглянуть на землю из страха упасть в обморок".

Доктор Юджин Торральба родился в городе Куэнса. На экзамене он заявил, что в возрасте пятнадцати лет отправился в Рим, где был сделан пажом дона Фрэнсиса Содерини, епископа Вольтерры, который стал кардиналом в 1503 году. Он изучал медицину у нескольких мастеров, которые в своих спорах нападали на бессмертие души, и хотя им не удалось убедить его, они склонили его к пирронизму. Торральба стал врачом в 1501 году, и в этот период он близко познакомился с римским магистром Альфонсо, который отрекся от закона Моисея ради закона Магомета, от которого отказался ради христианского учения и в конце концов предпочел естественную религию. Альфонсо сказал ему, что Иисус Христос был всего лишь человеком, и подкрепил свое мнение несколькими аргументами: это учение не полностью искореняло веру Торральбы, но он больше не знал, на чьей стороне правда.

Среди друзей, которых он приобрел в Риме, был монах святого Доминика по имени брат Питер. Однажды этот человек сказал ему, что у него на службе один из добрых ангелов, которого звали *Зекиэль*, настолько могущественный в знании будущего, что никто другой не мог сравниться с ним; но что он ненавидит практику принуждения людей заключать с ним договор; что он всегда свободен и служит только тому человеку, который доверяет ему по дружбе, и что он позволяет ему раскрывать секреты, которые тот сообщает, но что любое принуждение, применяемое для того, чтобы заставить его отвечать на вопросы, заставляет его навсегда покинуть общество человека, к которому он привязался. Брат Питер спросил его, не хотел бы он иметь *Зекиэля* своим другом, добавив, что он мог бы добиться этой милости благодаря дружбе, которая существовала между ними; Торральба выразил величайшее желание познакомиться с духом брата Питера.

Зекиль вскоре появился в облике молодого человека, светловолосого, с льняными волосами, одетого в телесный цвет и черный сюртук; он сказал Торральбе: *я буду принадлежать тебе, пока ты жив, и последую за тобой, куда бы ты ни пошел*. После этого обещания *Зекиэль* являлся Торральбе в разные стороны луны и всякий раз, когда ему хотелось перейти с одного места на другое, иногда в образе путешественника, иногда как отшельник. *Зекиль* никогда не

выступал против христианской религии и не советовал ему совершить какой-либо дурной поступок; напротив, он упрекал его, когда тот совершал проступок, и посещал с ним церковную службу: он всегда говорил по-латыни или по-итальянски, хотя был с Торральбой в Испании, Франции и Турции: он продолжал навещать его во время заключения, но редко, и не открывал ему никаких секретов, и Торральба желал, чтобы дух покинул его, потому что он вызывал волнение и мешал ему спать; но это не помешало ему возвращаться и рассказывать о вещах, которые утомили его. он.

Торральба отправился в Испанию в 1502 году. Некоторое время спустя он объехал всю Италию и поселился в Риме под покровительством кардинала Вольтерры; там он приобрел репутацию хорошего врача и снискал расположение нескольких кардиналов. Он изучал хиромантию и приобрел некоторые познания в этом искусстве. *Зекиль* раскрыл Торральбе тайные свойства нескольких растений при лечении определенных болезней; воспользовавшись этой информацией для получения денег, *Зекиль* упрекнул его за это, сказав, что, поскольку эти средства не стоили ему труда, он должен раздавать их безвозмездно.

Торральба иногда казался грустным из-за нехватки денег, и ангел сказал ему: *Почему ты грустишь из-за нехватки денег?* Некоторое время спустя Торральба нашел в своей комнате шесть дукатов, и то же самое повторилось несколько раз, что заставило его предположить, что *Зекиэль* положил их туда, хотя он и не признался в этом на допросе.

Большая часть информации, которую *Зекиль* сообщал Торральбе, касалась политических событий. Таким образом, когда Торральба вернулся в Испанию в 1510 году, находясь при дворе Фердинанда Католика, *Зекиэль* сказал ему, что этот принц вскоре получит неприятные известия. Торральба поспешил известить архиепископа Толедо Хименеса де Сиснероса и великого полководца Гонсалеса Фернандеса де Кордовы; и в тот же день курьер привез письма из Африки, в которых сообщалось о провале экспедиции против мавров и смерти дона Гарсии де Толедо, сына герцога Альвы, командовавшего ею.

Хименес де Сиснерос, узнав, что кардинал де Вольтерра видел *Зекьяля*, выразил желание также увидеть его и познакомиться с природой и качествами этого духа. Торральба, чтобы угодить архиепископу, умолял ангела явиться ему в любом человеческом обличье: *Зекиэль* не считал нужным этого делать; но чтобы смягчить суровость своего отказа, он поручил Торральбе сообщить Хименесу де Сиснеросу, что он будет королем, что было подтверждено определенным образом, поскольку он стал абсолютным правителем Испании и Индии.

В другой раз, когда он был в Риме, ангел сказал ему, что Питер Маргано лишится жизни, если покинет город. У Торральбы не было времени сообщить об этом своему другу; он вышел и был убит.

Зекиэль сказал ему, что кардинала Сиену ждет трагический конец, что подтвердилось в 1517 году, после приговора, который вынес ему Лев X.

Вернувшись в Рим в 1513 году, Торральба очень хотел повидаться со своим близким другом Томасом де Бекара, который тогда находился в Венеции. *Секиль*, зная о его желании, отвез его в этот город и привез обратно в Рим за такое короткое время, что человек, с которым он привык общаться, не заметил его отсутствия.

Кардинал де Санта-Крус в 1516 году поручил Торральбе провести ночь со своим лечащим врачом доктором Моралесом в доме испанки по имени *Росалес*, чтобы выяснить, следует ли верить тому, что эта женщина рассказала о призраке, которого она видела каждую ночь в виде убитого мужчины; доктор Моралес оставался в доме целую ночь и ничего не видел, когда испанская леди объявила о присутствии призрака, и кардинал надеялся что-нибудь обнаружить с помощью Торральбы. В час ночи женщина издала тревожный крик; Моралес ничего не увидел, но Торральба различил фигуру мертвеца; позади него появился еще один призрак с чертами женщины. Торральба сказал ему громким голосом: *Что ты здесь ищешь?* Призрак ответил: "*Сокровище*" - и исчез. *Зекиль*на допрос ответил, что под домом находится тело человека, который был убит кинжалом.

В 1519 году Торральба вернулся в Испанию в сопровождении дона Диего де Суньи, родственника герцога де Бежара и брата дона Антонио, великого приора Кастилии, который был его близким другом. В Барселонетте, недалеко от Турина, когда они прогуливались с секретарем Асебедо (который был маршалом лагеря в Италии и Савойе), Асебедо и Суньиге показалось, что мимо Торральбы прошло что-то, что они не смогли определить; он сообщил им, что это был его ангел *Зекиэль*, который подошел поговорить с ним. Зуньига очень хотел его увидеть, но *Зекиэль* не появлялся.

В Барселоне Торральба увидел в доме каноника Хуана Гарсии книгу по хиромантии, а в некоторых заметках описан процесс выигрыша денег в игре. Зуньига пожелал выучить ее, и Торральба скопировал персонажей и велел своему другу самому написать их на бумаге кровью летучей мыши и носить при себе, пока он играет.

Находясь в Вальядолиде в 1520 году, Торральба сказал дону Диего, что вернется в Рим, потому что у него есть возможность добраться туда за короткое время, сев верхом на палку и направляемый по воздуху облаком огня. Торральба действительно отправился в этот город, где кардинал Вольтерра и великий приор попросили его передать им свой *знакомый дух*. Торральба предложил это *Зекиэлю* и даже умолял его согласиться, но безуспешно.

В 1525 году ангел сказал ему, что он поступит хорошо, если вернется в Испанию, потому что получит место врача инфанты Элеоноры, вдовствующей королевы Португалии, а затем выйдет замуж за Франциска I., короля Франции. Доктор сообщил об этом герцогу де Бежару и дону Стефану-Мануэлю Мерино, архиепископу Бари; они ходатайствовали и добились для него места, к которому он стремился.

Наконец, 5 мая того же года *Зекиэль* сказал доктору, что Рим будет взят императорскими войсками на следующий день. Торральба умолял своего ангела отвезти его в Рим, чтобы он стал свидетелем этого важного события; он подчинился, и они покинули Вальядолид в одиннадцать часов вечера: когда они были недалеко от города, ангел дал Торральбе суковатую палку и сказал ему: *Закрой глаза, не бойся, возьми это в руки, и никакое зло не постигнет тебя*. Когда настал момент открыть глаза, он обнаружил, что находится так близко от моря, что мог бы дотронуться до него рукой; черное облако, окружавшее их, сменилось ярким светом, который заставил Торральбу испугаться, что он погибнет. *Зекиэль*, почувствовав его страх, сказал: *Успокойся, дурак!* Торральба снова закрыл глаза, и когда *Зекиэль* велел ему открыть их, он обнаружил себя в башне Ноны в Риме. Затем они услышали, как часы на замке Святого Ангела пробили пятый час ночи, что соответствует полуночи по испанскому способу исчисления времени, так что они ехали уже час. Торральба обошел весь Рим с *Зекьелеми* впоследствии стал

свидетелем разграбления города: он вошел в дом епископа Кописа, немца, жившего в башне Святой Джинии; он видел, как скончался коннетабль де Бурбон, как папа заперся в замке Святого Анджело, и все другие события того ужасного дня. Через полтора часа они вернулись в Вальядолид, где *Зекиэль* расстался с ним, сказав: *В другой раз ты согласишься тому, что я тебе скажу*. Торральба опубликовал все, что он видел; и поскольку двор вскоре получил те же новости, о Торральбе (который в то время был врачом адмирала Кастилии) говорили как о великом волшебнике.

Эти слухи послужили причиной его доноса; он был арестован инквизицией в Куэнсе в начале 1508 года. На него донес его близкий друг Диего де Суньига, который, будучи так же глупо очарован, как Торральба, чудесами доброго ангела, стал фанатичным и суеверным. Торральба сначала признался во всем, что было рассказано о *Зекиэле*, полагая, что его не следует судить за высказанные им сомнения в бессмертии души и божественности нашего Спасителя. Когда судьи собрали достаточно доказательств, они собрались, чтобы отдать свои *голоса*, но поскольку они не пришли к согласию, они обратились к совету, который постановил подвергнуть Торральбу пыткам, *насколько позволяли его возраст и звание*, чтобы выяснить мотивы, побудившие его принять и удерживать рядом с собой дух *Зекиэля*; и если он считал его злым ангелом, как заявил свидетель, он так и сказал; заключил ли он с ним соглашение; что произошло при первом допросе; использовал ли он тогда или позже заклинания? вызвать его; сразу же после этого трибунал должен был вынести окончательный приговор.

До этого времени Торральба никогда не менялся в своих рассказах о своем знакомом духе, которого он всегда считал принадлежащим к разряду добрых ангелов, но пытка заставила его сказать, что теперь он считает его плохим ангелом, поскольку тот был причиной его несчастья. Его спросили, говорил ли *Зекиэль* ему, что он будет арестован инквизицией; он ответил, что говорил ему об этом несколько раз, желая, чтобы он не ехал в Куэнсу, потому что там его ждет несчастье, но что он думал, что может пренебречь этим советом. Он также заявил, что между ними не было никакого соглашения и что все обстоятельства сложились так, как он рассказал.

Инквизиторы сочли все эти подробности правдой; и, получив новое заявление от Торральбы, они приостановили суд над ним сроком на один год из соображений сострадания и в надежде увидеть, обратится ли этот знаменитый некромант и признается ли в заключении договора и колдовстве, которые он постоянно отрицал.

Новый свидетель напомнил о своем споре и своих сомнениях в бессмертии души и божественности Иисуса Христа, что вызвало еще одно заявление Доктора в январе 1530 года. Совет, будучи проинформирован об этом, приказал инквизиции поручить нескольким благочестивым и образованным людям попытаться обратить обвиняемого. Франсиско Антонио Барраган, настоятель Доминиканского монастыря в Куэнсе, и Диего Манрике, каноник собора, взялись за эту задачу и горячо увещевали его. Заключенный ответил, что он искренне раскаивается в своих проступках, но что для него невозможно признаться в том, чего он не совершал, и что он не может последовать данному ему совету отказаться от всякого общения с *Зекиэлем*, потому что дух сильнее его; но он пообещал, что не будет желать его присутствия или соглашаться ни на одно из его предложений.

6 марта 1531 года Торральба был приговорен к обычному отречению от всех ересей и к наказанию в виде тюремного заключения и *Сан-бенито*, пока будет угодно генеральному инквизитору; к отказу от дальнейшего общения с духом *Зекиэля* никогда не прислушиваться

ни к одному из его предложений: эти условия были наложены на него для безопасности его совести и блага его души.

Инквизитор вскоре отменил наказание Торральбы, принимая во внимание, как он сказал, все, что он перенес за четыре года тюремного заключения: но истинным мотивом помилования, дарованного Торральбе, был интерес, который адмирал Кастилии проявил к его судьбе; он нанял его в качестве своего врача на несколько лет после вынесения приговора.

Истинность удивительных фактов, рассказанных Торральбой, основывается исключительно на его признании и показаниях свидетелей, которых он заставил поверить всему, что он им рассказал. В восьми сделанных им заявлениях Торральба не упоминал никого, кроме умерших, за исключением дона Диего де Суньи. Необходимо было отметить это, чтобы показать степень доверия к некоторым частям его повествования. Можно предположить, что было распространено множество различных рассказов об этом деле, к которым я отношу некоторые дополнения и изменения, внесенные Луисом Сапатай в его поэму о *Карлосе Фамосо* через тридцать лет после приговора Торральбе, и те подробности, которые Сервантес восемьдесят лет спустя счел уместным вложить в уста Дон Кихота.

Этим рассказом доктора Торральбы я заканчиваю историю правления кардинала Дона Альфонсо Манрике, архиепископа Севильи, который скончался в этом городе 28 сентября 1538 года, имея репутацию друга и благодетеля бедных. Его благотворительность и некоторые другие качества, достойные его рождения, обеспечили ему место среди выдающихся людей своего времени. У него было несколько внебрачных детей, прежде чем он вступил в орден: дон Хером Манрике упоминается как наиболее достойный своего отца; он последовательно достиг званий провинциального инквизитора, *верховного советника*, епископа Карфагенского и Авильского, президента канцелярии Вальядолида и, наконец, генерального инквизитора.

На момент смерти дона Альфонсо Манрике существовало девятнадцать провинциальных трибуналов; они были учреждены в Севилье, Кордове, Толедо, Вальядолиде, Мурсии, Калаорре, Эстремадуре, Сарагосе, Валенсии, Барселоне, на Майорке, на Канарских островах, в Куэнсе, в Наварре, Гренаде, Сицилии, Сардинии, на Твердой земле и островах Американского океана. Инквизиция Хаэна была объединена с инквизицией Гренады.

Впоследствии у инквизиции было три трибунала в Америке: в Мексике, Лиме и Карфагене. В Индии они были предписаны, но не организованы.

Опустив трибуналы Америки, Сардинии и Сицилии, мы обнаружим, что в Испании их было пятнадцать, которые, соответственно, ежегодно сжигали около десяти человек лично, пять - в виде изображений и подвергали пятьдесят различным епитимьям: так что во всей Испании ежегодно сжигалось сто пятьдесят человек; шестьдесят пять - в виде изображений и семьсот пятьдесят подвергались различным каноническим епитимьям, что, умноженное на пятнадцать лет правления Манрике, показывает, что было сожжено две тысячи двести пятьдесят человек, тысяча сто двадцать пять - в виде изображений, и одиннадцать тысяч двести пятьдесят осужденных на епитимьи; всего четырнадцать тысяч шестьсот двадцать пять приговоров. Это число едва ли заслуживает упоминания по сравнению с предыдущими временами; но все же оно кажется огромным, особенно если учесть чрезмерное злоупотребление тайной судопроизводства.

ГЛАВА XVI.

О СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ НАД ФАЛЬШИВЫМ НУНЦИЕМ ПОРТУГАЛИИ И ДРУГИХ ВАЖНЫХ СОБЫТИЯХ ВРЕМЕН КАРДИНАЛА ТАБЕРЫ, ШЕСТОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ИНКВИЗИТОРА.

Ссоры инквизиции с Римским судом.

Карл V назначил кардинала Дона Хуана Пардо де Табера, архиепископа Толедского, преемником кардинала Манрике на посту генерального инквизитора; его учредительные буллы были изданы в сентябре 1539 года и через месяц после того, как он вступил в должность, так что *Верховный Совет* управлял инквизицией в течение одного года.

Именно при инквизиторе Табере 1 апреля 1543 года в Риме была основана конгрегация святой канцелярии. Это дало титул и привилегии генеральных инквизиторов веры для всего христианского мира нескольким кардиналам; двое из них были испанцами, дон Хуан Альварес де Толедо, епископ Бургоса, сын герцога Альвы, и дон Томас Бадиа, кардинал-священник с титулом Святого Сильвестра и магистр священного дворца. Эти два кардинала были из ордена Святого Доминика.

Это новое творение встревожило инквизицию Испании из-за ее превосходства; но папа официально заявил, что в его намерения не входило изменять что-либо из того, что было установлено, и институт генеральных инквизиторов не будет нарушать привилегии других инквизиторов. Тем не менее, генеральная инквизиция несколько раз пыталась ввести законы в Испании, особенно в отношении запрета некоторых произведений, которые были запрещены в Риме. Генеральные инквизиторы написали властям Испании, чтобы выразить порицание богословам, потому что на них следовало смотреть как на наиболее образованных представителей католической церкви, и потому что их мнение было поддержано утверждением верховного главы церкви, которого кардиналы считали непогрешимым, когда он действовал (как в данном случае) как суверенный понтифик. Он одобрял указы конгрегации кардиналов и приказывал им приниматься и исполняться с покорностью.

Эти претензии Римского суда не внушали инквизиторам Испании никакого благоговения; они всегда защищали свои привилегии с такой энергией, что часто отказывались исполнять апостольские записки, когда они противоречили решениям, которые они принимали совместно с *Верховным Советом*. Мы находим примеры такого сопротивления при Урбане VIII в осуждении трудов иезуита Иоанна Баптиста Позы, которое было произнесено в Риме; и при Бенедикте XIV, когда генеральный инквизитор дон Франсис Перездел Прадо, епископ Теруэльский, отказался внести в *запретительный индекс* труды кардинала Нориса вопреки просьбе и даже формальному требованию этого великого папы.

Хотя инквизиторы Испании делали вид, что их власть была канонической и духовной и была делегирована им суверенным понтификом, который непогрешим, когда произносит *ex cathedr*, тем не менее, они всегда выступали против этой непогрешимости на самом деле и отказывались подчиняться его указам, когда они противоречили их конкретной системе. Инквизиторы действовали бы иначе, если бы не были уверены, что, обратившись к королю и заинтересовав его политику, они вынудят королевскую власть принять участие в их ссорах и

выступить против мер понтифика, который, если бы у них не было такой мощной поддержки, обошелся бы с ними как с мятежниками и низвел бы их до ранга простых священников, лишив их работы.

История вице-королей Сицилии и Каталонии.

В 1535 году Карл V. лишил инквизицию права осуществлять королевскую юрисдикцию, и оно не было восстановлено до 1545 года; следовательно, в 1543 году у них не было привилегии судить своих офицеров, приближенных или других светских служащих святой канцелярии по вопросам, не имеющим отношения к религии. Этот королевский указ был известен генерал-капитану Каталонии дону Педро Кардоне, когда он возбудил дело против тюремщика, знакомого и слуги великого сержанта инквизиции Барселоны, за ношение оружия, что было запрещено его правительством.

Инквизиторы Барселоны обнаглели, поскольку всегда одерживали верх в делах подобного рода, и они возбудили дело против дона Педро Кардоны как мятежника против святой канцелярии, не уважая его высокое положение генерал-капитана и военного губернатора провинции, а также ранг и имя его прославленной семьи. Узнав, что император находится всего в девяти лье от Барселоны, они донесли на него за поступок его помощника и через кардинала Таберу заявили, что, если Кардона не будет приговорен к публичному возмещению ущерба, народ потеряет всякое уважение к инквизиции и католической религии по всему королевству будет нанесен неисчислимый ущерб.

Император, ослепленный фанатизмом, не только благоволил инквизиторам вопреки всякому правосудию и в нарушение своего собственного указа 1535 года; но он написал Кардоне, что интересы веры требуют, чтобы он подчинился, чтобы получить отпущение грехов *ad cautelam*. Этот приказ глубоко огорчил дона Педро, но он решил повиноваться своему господину и потребовал отпущения грехов. Инквизиторы, чтобы усилить свой триумф, устроили *аутодафев* кафедральном соборе Барселоны, где Кардона был вынужден присутствовать, стоя без меча и со свечой в руке, во время проведения мессы и церемонии своего отпущения грехов.

Карл V также лишил инквизицию Сицилии королевской юрисдикции сроком на пять лет, а затем продлил ее действие до десяти; но инквизиторы через кардинала Таберу заявили, что неудобства, связанные с этой мерой, были настолько велики, что дон Фердинанд Гонзага, принц де Мальфета, вице-король и генерал-капитан острова, был проинформирован о том, что приостановление должно быть отменено по истечении десятого года без особого распоряжения. Маркиз де Терранова был вице-королем и генерал-губернатором; он был констеблем и адмиралом Неаполя, первоклассным грандом Испании и состоял в родстве с императором через арагонский дом. Двое приближенных инквизиции предстали по его приказу перед гражданским трибуналом за некоторые совершенные ими преступления. Филипп Австрийский, принц Астурийский, старший сын Карла V. В то время ему было шестнадцать лет, он управлял испанскими владениями в отсутствие своего отца; и поскольку он был не менее суеверен, его поведение по отношению к маркизу де Терранова было таким же, как поведение императора по отношению к дону Педро Кардоне. Я считаю необходимым передать письмо принца маркизу де Терранова; оно было следующего содержания:

"Я, принц, почтенный маркиз, адмирал и констебль, наш дорогой советник: вы знаете, что произошло, когда вы приказали выпороть двух приближенных святой канцелярии (в то время,

каквы были губернатором этого королевства и недостаточно хорошо осведомлены об этом деле). Результатом стало столь великое презрение к этому святому трибуналу, что для него стало невозможным командовать чем-либо с тем успехом, которого он добивался ранее. Напротив, согласно жалобам и информации, которые мы получили по этому делу, несколько человек в этом королевстве осмелились оскорблять и применять насилие по отношению к сотрудникам инквизиции, а также препятствовать им и мешать им при исполнении ими своих обязанностей. Преподобный кардинал Толедо, генеральный инквизитор, и члены совета генеральной инквизиции обсудили с его величеством, и было признано правильным и удобным, чтобы вы наложили епитимью за совершенную вами ошибку; заявив, что она должна быть мягкой и умеренной, учитывая услуги, которые вы оказали его величеству. Вследствие этого генеральный инквизитор и совет, руководствуясь своим уважением к вашей личности, приказали инквизитору Гонгоре поговорить с вами и изложить вашу вину, чтобы вы могли исполнить наложенную епитимью, которая (в соответствии с характером факта и зла, ставшего результатом) должна была быть гораздо более суровой, как вы узнаете из того, что инквизиторам было приказано сказать вам. Что касается остального, то это было решено только во славу Божию, для чести священной канцелярии и для блага вашей совести. Мы требуем и поручаем вам, ради хорошего примера, которым вы обязаны другим, принять и исполнить эту епитимью с покорностью, подобающей церкви, и не дожидаясь, пока вас принудят к этому посредством отлучения от церкви и церковных порицаний; покорность, о которой мы просим вас, не затронет вашу честь, но будет полезна вам, поскольку освободит вас от всякого беспокойства и досады; она одобрена его величеством, доставит нам удовольствие, и мы обязуемся относиться к вам во всем, что вас касается, с той благосклонностью, которую мы использовали по отношению к вам, и которые мы будем показывать всякий раз, когда будет возможность. Дано в Вальядолиде 15 декабря 1543 года. Я, принц". Это письмо помечено несколькими членами совета и подписано *Хуаном Гарсией, заместителем секретаря*.

Молчание, которое соблюдается по поводу характера епитимьи, наложенной на вице-короля, примечательно; но какая бы мягкость и умеренность ни была проявлена, она была такой же, как у дона Педро Кордоны. Единственное различие, на которое следовало обратить внимание, заключалось в том, что это происходило не в кафедральном соборе, а в церкви доминиканского монастыря; также было сочтено необходимым в качестве компенсации запретить маркизу преклонять колени, кроме как во время возвышения хозяина, чтобы он мог быть более виден народу, и обязать его выплатить сто дукатов приближенным, которых он наказал.

История ложного нунция папы Римского в Португалии.

История распрей инквизиции с королевской властью свидетельствует о другом конфликте юрисдикции. Я говорю о деле знаменитого Хуана Переса де Сааведры, упоминаемого в исторических произведениях, романах и драматических пьесах под именем *Фальшивого нунция Португалии*, и который обычно считается основателем инквизиции в этом королевстве. Критик Фейхуо предположил, что история этого дела была сказочной. Повествование Сааведры, которое цитирует Фейхуо, содержит басни, но в нем также содержатся истины, относящиеся к истории инквизиции. Необходимо углубиться в детали этой истории: сначала я изложу факты в соответствии с повествованием, которое Сааведра написал для кардинала Эспинозы в 1567 году; впоследствии я установлю истину по некоторым пунктам, которые этот самозванец ухитрился затемнить.

Хуан Перес де Сааведра родился в Кордове. Его отец был капитаном пехотного полка и постоянным членом муниципалитета этого города благодаря привилегии, приобретенной его семьей; его мать, Анна де Гусман, происходила из такой же знатной семьи, как и ее муж. Сааведра, обладавший большими талантами и информацией, некоторое время занимался подделкой апостольских булл, королевских указов, постановлений советов и трибуналов, писем о переменах и подписей большого числа лиц: он имитировал их настолько в совершенстве, что пользовался ими, не вызывая никаких сомнений в их подлинности, и выдавал себя за рыцаря-командора военного ордена Святого Яго, получая жалованье в размере трех тысяч дукатов в течение полутора лет. За короткое время с помощью королевских ордеров, которые он подделал, он приобрел триста шестьдесят тысяч дукатов, и секрет этого огромного состояния никогда бы не был раскрыт (как он сам выражается в своем признании), *если бы он не облачился в багряницу*, то есть если бы ему не взбрело в голову выдать себя за кардинала, чтобы исполнять функции легата *a latere*.

Он говорит, что, находясь в королевстве Алгарве вскоре после утверждения института иезуитов Павлом III, священник этого общества прибыл в страну, снабженный апостольской грамотой, которая уполномочивала его основать колледж ордена в королевстве Португалия; что, услышав его проповедь в День Святого Андрея, он был так доволен им, что пригласил его на обед и продержал его несколько дней в своем доме. Иезуит, обнаруживший свой талант в этот период, выразил желание иметь *фактическое* сравнение своего краткого изложения, содержащего хвалебную речь Обществу Иисуса. Он выполнил эту задачу с таким успехом, что краткое изложение можно было бы принять за оригинал; и в конце концов они согласились, что для завершения блага, которое принесет Португалии создание Общества Иисуса, было бы уместно ввести инквизицию по тому же плану, что и в Испании. Затем Сааведра отправился в Табилью, город в той же провинции, где с помощью иезуита изготовил апостольскую буллу, необходимую для их цели, и подделал письма Карла V и его сына принца Филиппа королю Португалии Иоанну III. Предполагалось, что эта булла была отправлена Сааведре в качестве легата для учреждения инквизиции в Португалии, если король даст на это согласие.

Впоследствии Сааведра перешел границу и направился в Айямонте, в королевстве Севилья. Провинциальные монахи и францисканцы Андалусии недавно прибыли туда из Рима. Сааведра решил попробовать, сойдет ли булла за подлинную: он сказал провинциалу, что какой-то человек, направлявшийся в Португалию, уронил на дороге пергамент, который он ему показал, и попросил узнать, имеет ли это значение, поскольку в этом случае он, не теряя времени, вернет его тому, кто его уронил. Провинциал принял пергамент за оригинальный текст и настоящую буллу; он ознакомил Сааведру с содержанием и подробно рассказал о преимуществах, которые Португалия извлечет из этого.

Сааведра отправился в Севилью и взял к себе на службу двух приближенных, один из которых должен был стать его секретарем, другой - мажордомом; он купил носилки и серебряную посуду и переоделся в платье римского кардинала; он послал своих приближенных в Кордову и Гренаду нанимать слуг и приказал им отправиться с его свитой в Бадахос, где они выдали себя за приближенных кардинала из Рима, который проедет через город по пути в Португалию, чтобы учредить инквизицию по приказу папы; они также объявили, что он вскоре отправится в Рим. прибывает, когда он отправится на почту.

В назначенное время Сааведра появился в Бадахосе, где его слуги публично поцеловали ему руку как папскому легату. Он уехал из Бадахоса в Севилью, где был принят в архиепископском дворце кардинала Лоаисы, который проживал в Мадриде в качестве генерального апостольского комиссара святого крестового похода. Он получил величайшие знаки уважения и преданности от дона Хуана Фернандеса де Теминьо, главного викария. Он пробыл в этом городе восемнадцать дней и за это время получил подложными обязательствами сумму в тысячу сто тридцать дукатов от наследников маркиза де Тарифы. Затем он отправился в Льерену (где была основана инквизиция Эстремадуры), посетив разные города провинции; его поселили в части зданий инквизиции, которые в то время занимали инквизиторы Дон Педро Альварес Бесерра и дон Луис де Карденас, которым он сказал, что намеревается посетить инквизицию Льерены в качестве легата; и, выполнив эту часть своей миссии, он должен отправиться в Португалию, где он должен основать святую канцелярию по плану испанской. .

Затем Сааведра вернулся в Бадахос, откуда отправил своего секретаря в Лиссабон со своими буллами и бумагами, чтобы суд, проинформированный о его прибытии, мог подготовиться к его приему. Миссия этого агента вызвала большие сомнения и волнение при дворе, где такого новшества мало ожидали: тем не менее, король отправил дворянина на границу для встречи кардинала-легата, который прибыл в Лиссабон, где провел три месяца, и к нему относились со всем уважением: затем он предпринял долгое путешествие по разным частям королевства, объезжая епархии и составляя подробный отчет о них; было бы трудно выяснить цель его апостольской заботы, если бы некоторые непредвиденные обстоятельства не положили конец его самозванству.

Инквизиция Испании раскрыла эту интригу благодаря обращению кардинала Таберы, который разделял государственные заботы с принцем Астурийским в то время, когда Карл V. отсутствовал во Франции. В результате мер, согласованных кардиналом и маркизом де Вильянува де Баркаррота, губернатором Бадахоса, Сааведра был арестован в Ньева-де-Гвадиана на португальской территории 23 января 1541 года, когда он сидел за столом с деревенским викарием, который умолял оказать ему честь посетить его приход, как и другие в епархии. Эта просьба была всего лишь ловушкой, чтобы арестовать самозванца с большей безопасностью.

Сааведра говорит, что при аресте у него были изъяты три сокровища, которые были при нем: одно из двадцати тысяч дукатов, полученных в виде штрафов осужденных, предназначавшихся для святой канцелярии; второе из ста пятидесяти тысяч дукатов, которые, по его словам, он намеревался употребить на нужды церкви и другие добрые дела; третье из девяноста тысяч дукатов, принадлежавшее ему самому. Сааведра был доставлен в Мадрид по приказу генерального прокурора королевства и заключен там в тюрьму. Придворные алькальды отправились к нему и получили его заявление, которое было необходимо для судебного разбирательства. Трибунал инквизиции тогда еще не был учрежден в Мадриде, который подчинялся трибуналу Толедо. Инквизиторы сделали вид, что это дело должно быть рассмотрено ими, потому что предполагалось, что заключенный отрекся от католической религии, от фикций, которые он придумал, чтобы добыть деньги; как будто католики не совершают каждый день все более тяжких преступлений!

Поскольку генеральный инквизитор был заместителем принца, святая канцелярия, несомненно, одержала победу. Табера, желая удовлетворить обе стороны, постановил, что алькальды

должны оставаться во владении личности Сааведры и возбуждать против него дело за его поборы, подлоги и другие политические преступления, и что святая канцелярия должна рассмотреть преступления против веры, в которых он был виновен, будучи кардиналом.

Инквизитор подумал, что Сааведра был человеком большого таланта и что поэтому к нему следует относиться умеренно; кроме того, он всегда вел себя как настоящий судья, за исключением того, что он только приговорил обвиняемого к уплате штрафов.

Сааведра заявил, что эти факторы инквизитор-генерал хотел бы быть лично знаком с ним; что он заставил его предстать перед ним, слушал его с интересом, и предложили, чтобы защитить его, обещая дать ему за это осуждать любого, что он им: что он тогда выразил желание быть судимым доктор Ариас, инквизитор в Льерене; это было предоставлено, и вызвал большой ропот против кардинала и суда в Мадриде, где он прошептал, что Tabera выделила девяносто тысяч дукатов, которые были взяты из Сааведра: доктор Ариас приговорил его к десяти годам в царские галеры; что после задержания двух лет, алькальдов Мадрида вынес окончательный приговор, одной из основных частей которого было то, что после выполнения инквизиторский приговор, он не мог быть отпущен на свободу, или уволиться с галеры без разрешения Его Величества, под страхом смерти; что он был отправлен на галеры в 1544 году; что в 1554 году, хотя срок его наказания истек, он мог не получить свою свободу: тогда, убежден, что роман в большей степени зависела от инквизиции, чем алькальдов суда, он стремился заинтересовать папу в его судьбе, представляя, что он сделал несколько вещей, которые чрезвычайно полезны для религии и государства, при осуществлении своих ложных посольства; то Павла IV. послал ему записку, адресованную генеральному инквизитору дону Фердинанду Вальдесу, которому его святейшество поручил добиться освобождения Сааведры; что он получил эту записку, когда королевские галеры находились в порту Святой Марии; что он немедленно переслал ее епископу-коадьютору Севильи, а тот отправил ее генеральному инквизитору, который был его архиепископом. Вальдес сообщил о случившемся Филиппу II, и этот принц отдал приказ освободить Сааведру, чтобы он мог немедленно отправиться ко двору. Сааведра прибыл туда в 1562 году, проведя девятнадцать лет на галерах. Он был представлен королю, который пожелал услышать его историю из его собственных уст и получить ее в письменном виде; пока Сааведра рассказывал ее королю, Антонио Перес записывал необычные события своей жизни: наконец, сам Сааведра написал ее в 1567 году для генерального инквизитора дона Диего Эспиносы.

История Сааведры послужила сюжетом для испанской комедии под названием *"Ложный нунций Португалии"*, в которой не только отсутствует единство времени, места и действия, но и нарушается правило, допускающее только вероятные события; но это не должно удивлять поэтов, поскольку сам герой позволил себе ту же вольность в повествовании, которое он сочинил для развлечения кардинала Эспинозы. Несомненно, что он был заключен в тюрьму 25 января 1541 года, как он утверждает в своей истории. Но этот момент, столь хорошо установленный, доказывает, что он действовал при других обстоятельствах; например, если то, что он рассказывает об иезуитах в Алгарве, верно, это не могло произойти до 1540 года, потому что Павел III. только ускорила его буллу об одобрении *Общества Иисуса* 27 сентября 1540 года; теперь проповедь, произнесенная иезуитом в день Святого Андрея, соответствует 30 ноября того же года, то есть за пятьдесят второй день до его заключения; этого промежутка времени было бы недостаточно для его поездок в Айямонте, Льерену, Севилью, Бадахос и в Португалию. Таким образом, Сааведра не говорил правды ни в описании периода своего появления перед миром в качестве кардинала, ни в мотивах, которые побудили его вступить в интригу с иезуитом;

ни когда он сказал, что выполнял свою роль в течение трех месяцев в Лиссабоне и в течение трех месяцев, которые он потратил на посещение разных городов королевства.

Кроме того, число и имена учеников св. Игнатий был известен в тот период; и несомненно, что до получения буллы об одобрении основатель ордена назначил святого Франциска Ксаверия и португальца Симона Родригеса проповедовать в Португалии; и что эти монахи покинули Рим 15 марта 1540 года вместе с португальским послом; что по прибытии в Лиссабон Иоанн III. пожелал принять их в своем дворце; что они отказались от этой чести и поселились в госпитале; что святой Франциск Ксаверий отплыл в Ост-Индию с новым губернатором 8 апреля 1541 года и что Родригес остался в Португалии, чтобы проповедовать, как он уже делал, к великому удовлетворению жителей, которые были высокого мнения о его добродетелях: эти обстоятельства делают маловероятным, чтобы иезуит попросил поддельный диплом и вступил в интригу с мирянином.

Сааведра говорит, что лиссабонский двор был встревожен известием о прибытии нунция в Португалию. В этом не было бы ничего экстраординарного, поскольку ни папа, ни какое-либо другое лицо не писали суду по этому вопросу, и поскольку папа назначил дону Генри, архиепископа Браги, брата короля, генеральным инквизитором в предыдущем году. Но если прибытие легата вызвало такое большое удивление, то было естественно, что король написал папе, ответ которого пришел бы через два месяца, и Сааведра был бы обнаружен до конца третьего месяца, и, таким образом, королю Испании не было бы необходимости арестовывать его.

Нет большей уверенности в том, что Сааведра учредил инквизицию в Португалии. Изгнание евреев произошло в 1492 году; многие из них удалились в Португалию: среди них были те, кто принял крещение, и Иоанн II согласился принять их в свои государства, если они будут вести себя как верные христиане. Король Мануэль приказал им покинуть королевство и оставить всех своих детей моложе четырнадцати лет, которые должны были стать христианами; они предложили принять крещение, если король пообещает не учреждать инквизицию в течение двадцати лет; король удовлетворил их просьбу, а также сообщил им имена свидетелей, если они будут обвинены в ереси по истечении этого срока, помимо права завещать свое имущество, если они будут осуждены. В 1507 году Мануэль подтвердил эти привилегии, продлив первые двадцать лет и сделав остальные бессрочными: в 1520 году Иоанн продлил первую концессию еще на двадцать лет.

Климент VII, узнав, что крещеные евреи в Португалии не проявляют особой привязанности к христианской религии и что протестантская и лютеранская ереси добились большого прогресса в королевстве, назначил брата Диего де Сильву инквизитором в этой стране. Он пытался выполнять свои функции, но новые христиане заявили о своих правах, которые должны были действовать в течение нескольких лет; результатом этого противодействия стал судебный процесс. Климент VII. умер, и его преемник Павел III даровал новым христианам привилегию, которую они не могли получить в Португалии; чтобы они могли доверить избранным ими лицами свою защиту перед князем того смысла, который следует придать распоряжению их привилегиями, которое было истолковано в их ущерб. В том же году папа даровал им прощение за все, что произошло.

Впоследствии король заявил, что обращенные евреи злоупотребляли своими привилегиями, одни возвращались в иудаизм, а другие перенимали ошибки протестантов. Это обстоятельство

побудило понтифика 25 марта 1536 года издать еще одну буллу, которая считается основанием инквизиции в Португалии. Папа назначил инквизиторами епископов Коимбры, Ламего и Сеуты; и в то же время постановил, что другой епископ или священник, назначенный королем, должен быть связан с ними. Папа предоставил каждому инквизитору право возбуждать дела против еретиков и их приверженцев совместно с обычным диоцезом или самостоятельно, если он отказывался помогать; они также были обязаны в течение первых трех лет при разбирательстве дел против еретиков соблюдать порядок судопроизводства по делам о краже или убийстве, а по истечении этого периода - нормы общего права; практика конфискации была отменена, и наследники осужденного могли наследовать так, как если бы он умер без завещания. Наконец, папа повелел учредить достаточное количество трибуналов для исполнения этих мер^[11]. Король назначил дона Диего де Сильву, епископа Сеуты, первым генеральным инквизитором.

Таково было происхождение инквизиции в Португалии за четыре года до прибытия Сааведры в эту страну. В 1539 году папа назначил дона Генри, архиепископа Браги, преемником первого генерального инквизитора. Третьим великим инквизитором был дон Джордж де Алмейда, архиепископ Лиссабона.

Все, что я сейчас изложил, взято из подлинных документов. Из них я заключаю, что Хуан Перес де Сааведра подделал свое донесение кардиналу *позднее*, представил его в декабре 1540 года и преуспел в сокрытии своей подделки; что то, что он рассказал об иезуите, не соответствовало действительности или произошло иначе; что, видя, что инквизиция учреждена способом, противоречащим его мнению, он намекнул, что было бы лучше взять за образец Испанию, которая была хорошо известна инквизиторам Льерены, и что он посетит разные части королевства, чтобы способствовать этому замыслу; что он путешествовал по части Испании. королевство в декабре месяце и продолжил свои путешествия в январе следующего года, когда он был арестован, прежде чем лиссабонский суд получил информацию о его самозванстве. Я не сомневаюсь, что Сааведра накопил большие суммы, но я далек от мысли, что они были такими значительными, как он утверждал.

Кардинал Табера, шестой генеральный инквизитор, умер 1 августа 1545 года: после его смерти количество трибуналов было таким же, как и тогда, когда он был поставлен во главе инквизиции: он восстановил трибунал Хаэна, но трибунал Наварры был объединен с трибуналом Калаорры.

Число жертв, подсчитанное для времен Манрике, дает представление о том, что за семь лет служения кардинала Таберы было осуждено и наказано семь тысяч семьсот двадцать человек; восемьсот сорок были сожжены лично, четыреста двадцать - в виде чучела; остальные, в количестве пяти тысяч четырехсот шестидесяти, были подвергнуты различным покаяниям. Я твердо убежден, что это число было гораздо более значительным; но, верный своей системе беспристрастности, я привел самые скромные подсчеты.

ГЛАВА XVII.

ОБ ИНКВИЗИЦИЯХ НЕАПОЛЯ, СИЦИЛИИ И МАЛЬТЫ И О СОБЫТИЯХ ВРЕМЕН КАРДИНАЛА ЛОАИСЫ, СЕДЬМОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ИНКВИЗИТОРА.

Неаполь.

Карл V назначил преемником кардинала Пардо де Табера кардинала дона Гарсию де Лоайса, архиепископа Севильи, который был седьмым генеральным инквизитором. Этот прелат достиг преклонного возраста с тех пор, как в 1517 году подписал различные постановления Верховного Совета. Он был духовником Карла V., генеральным приором ордена Святого Доминика, епископом Осмы и Сигуэнцы и апостольским комиссаром Святого Крестового похода. Римский суд ускорил его буллы о конфирмации 18 февраля 1546 года, и он умер 22 апреля того же года.

В 1546 году Карл V. решил учредить инквизицию в Неаполе, хотя его дед потерпел неудачу в этой попытке в 1504 и 1510 годах. Он поручил своему вице-королю дону Педро де Толедо, маркизу Вилья-Франка-дель-Бьерцо, отобрать инквизиторов и должностных лиц из числа жителей, направить правительству список выбранных лиц и все необходимые документы, чтобы генеральный инквизитор мог делегировать необходимые полномочия новым инквизиторам: когда эти меры будут приняты, должен был быть учрежден трибунал со всеми формами инквизиторской юрисдикции.

Фредерик Мюнтер, профессор теологии литературной академии в Копенгагене, предположил, что интриги дона Педро де Толедо были причинами введения инквизиции; но он не смог ознакомиться с подлинными документами, которые сейчас находятся в моих руках, и эта невозможность стала причиной его ошибок в "истории сицилийской инквизиции".

Усилия Карла V учредить инквизицию в Неаполе были вызваны прогрессом, которого достигло лютеранство в Германии, и его опасением, что оно проникнет в другие страны. Его склонности поощрялись кардиналом Лоаисой и советниками инквизиции: единственная роль, которую дон Педро сыграл в этом деле, заключалась в том, что он был первым человеком, которому император доверил свои намерения, и единственным, у кого хватило мудрости посоветовать своему господину отказаться от своих замыслов, когда он обнаружил, какое зло они могут причинить. Приказы императора выполнялись, не встречая никакого сопротивления; но едва стало известно, что некоторые лица были арестованы новой инквизицией, как народ взбунтовался, крича: *"Да здравствует император! Да сгинет инквизиция!"* Неаполитанцы взяли за оружие, они вынудили испанские войска отступить в крепости, и Карл V был вынужден отказаться от своего предприятия.

Следует отметить, что Павел III открыто защищал неаполитанских повстанцев; будучи недоволен тем, что инквизиция Неаполя зависит от инквизиции Испании, он жаловался, что его предшественники, Иннокентий VIII, Александр VI и Юлий II, совершили много зла, не поставив инквизиторов в полную зависимость от пап и допустив промежуточную власть, которая лишила святого престола силы.

Павел III, не сообщая неаполитанцам об этих мотивах, сказал им, что они были правы, сопротивляясь воле своего учителя, поскольку испанская инквизиция была чрезвычайно суровой и не следовала примеру римской, которая существовала три года и на которую не поступало жалоб.

В 1563 году Филипп II попытался учредить в Неаполе свой любимый трибунал, но жители прибегли к своему обычному методу, и деспоту пришлось уступить.

Сицилия и Мальта.

Священная канцелярия Сицилии одержала в том же году победу еще более полную, чем в 1543 году. В 1500 году Фердинанд V попытался учредить испанскую инквизицию в этом королевстве, после того как подавил инквизицию папы римского, которая была доверена монахам Святого Доминика; но все его усилия не увенчались успехом вплоть до 1503 года. В 1520 году Карл V. написал папе римскому письмо с просьбой не принимать никаких апелляций от лиц, осужденных Сицилийской инквизицией, поскольку они могут обратиться с этой целью к генеральному инквизитору Испании в силу апостольских уступок, предоставленных его предшественниками и подтвержденных им самим.

Это судебное разбирательство и особая милость, оказанная императором святой канцелярии, необычайно усилили гордыню инквизиторов и их дерзость в злоупотреблении тайной своих судебных процессов. Но ненависть народа к инквизиции и их восстание в 1535 году вынудили Карла V. отменить предоставленные им привилегии и лишить ее королевской юрисдикции на пять лет.

Эта мера унизила инквизиторов, но они ухитрились восстановить свою власть в 1538 году, когда инквизитор дон Арнольд Альбертиус был вице-королем временно: его присутствие придало им смелости преследовать всех, кто их оскорблял; но их деспотизм длился недолго. Вице-король вернулся на Сицилию и, обнаружив, что отвращение жителей к инквизиции все еще остается прежним, сообщил об этом императору, который в качестве необходимой меры продлил приостановление их привилегий на новый пятилетний срок. Отвращение, вызванное святой канцелярией, было небезосновательным, как будет видно из следующего дела, произошедшего в 1532 году.

Антонио Наполес, богатый житель острова, был брошен в тайные тюрьмы инквизиции: Фрэнсис Наполес, его сын, обратился к папе римскому и описал этот акт власти как результат жалкой интриги нескольких людей из низшего класса, которых инквизиторы одурачили и оказали им степень доверия, которую ничто не могло оправдать, поскольку его отец с детства вел себя как добрый католик. Он утверждал, что декан инквизиции вступил в союз с врагами его отца и продержал его в тюрьме пять месяцев, к скандалу и недовольству жителей Палермо, не предоставив ему никаких средств защиты; Франциск умолял его святейшество не позволять инквизитору судить его отца. Папа передал это дело своим уполномоченным на Сицилии дону Томасу Герреро и дону Себастьяну Мартинесу. Едва мадридские инквизиторы получили информацию об этом событии, как они настояли на том, чтобы император и кардинал Манрике написали папе римскому и сообщили ему, что существование этой комиссии уничтожает привилегии испанской инквизиции, от которых зависели привилегии Сицилии. Слабый Климент VII. поспешил распустить комиссию и заставил Герреро отправить все материалы процесса генеральному инквизитору Испании. Он назначил доктора дона Августина Камарго,

инквизитора Сицилии, для продолжения судебного процесса или на его место любого другого инквизитора, так что Антонио Наполес попал в руки своего врага. Он был осужден как еретик, его имущество конфисковано (хотя он был допущен к примирению) и приговорен к пожизненному заключению. Чем можно оправдать поведение папы, кардинала и судей?

Инквизиторы Сицилии зависели от защиты мадридского двора и полагали, что, когда исчезнут все опасения восстания, их привилегии будут восстановлены: так оно и было на самом деле; император в 1543 году подписал королевский указ, который аннулировал приостановление полномочий в конце десятого года. Это событие придало инквизиторам смелости указать маркизу де Терранова, что он должен понести епитимью, к которой был приговорен.

16 июня 1546 года появился закон, возобновляющий прежние концессии и предоставляющий новые. Инквизиция решила отпраздновать свою победу; было проведено торжественное *аутодафе*, в ходе которого были сожжены чучела четырех непокорных. Аналогичные церемонии проводились в 1549 и 1551 годах. Инквизиторы теперь стали такими же наглыми, как и прежде, и обращались с сицилийцами всех классов с такой суровостью, что в Палермо была поднята новая крамола против святой канцелярии в то время, когда эдикт *о вере* должен был вот-вот быть опубликован. Вице-королю удалось восстановить спокойствие, и инквизиторы казались более умеренными, по крайней мере, пока они находились под влиянием страха, и вместо торжественного *аутодафе*, которое вызвало столько негодования, удовлетворились тем, что время от времени устраивали их в частном порядке в зале трибунала; но в 1569 году они назначили всеобщее, что привело к обстоятельству, заслуживающему упоминания.

Среди узников инквизиции было несчастное создание, которое вызвало некоторый интерес у маркизы Пескари, жены вице-короля. Инквизиторы, сочтя необходимым примириться с первым магистратом острова, смягчили его наказание по просьбе маркизы, но в то же время проинформировали генерального инквизитора об этом обстоятельстве, чтобы избежать каких-либо упреков. Верховный совет, обсудив это дело, сделал строгий выговор инквизиторам за то, что они воспользовались правом, которым они не обладали, *поскольку в делах такого рода заступничество не могло быть допущено*.

Когда остров Мальта принадлежал испанской монархии, он был подчинен сицилийской инквизиции; но когда он был передан рыцарям ордена Святого Иоанна Иерусалимского, было бы противно достоинству великого магистра разрешать осуществление на нем иностранной юрисдикции после получения церковной власти от папы римского.

На острове был арестован человек как еретик, и инквизиция Сицилии собрала информацию по этому делу. Великий магистр написал, чтобы потребовать их; инквизиторы проконсультировались с советом, который в 1575 году предписал им не только отказать им, но и потребовать пленника. Великий магистр, решив отстоять свои привилегии, отдал этого человека под суд на острове, и он был оправдан. Этот поступок вызвал недовольство инквизиторов, которые, чтобы отомстить, воспользовались происшествием, произошедшим в следующем году.

Дон Педро де ла Рока, испанец и мальтийский рыцарь, убил первого альгвасила Сицилийской инквизиции в городе Мессина. Он был арестован и препровожден в секретные тюрьмы святой канцелярии. Великий магистр потребовал своего рыцаря, поскольку только он имел право

судить его. Совет, с которым были проведены консультации, приказал инквизиторам осудить и наказать обвиняемого как виновного в убийстве. Генеральный инквизитор сообщил об этом решении Филиппу II, который написал великому магистру, чтобы тот прекратил спор.

Ссоры между светскими властями и инквизицией на Сицилии были не менее ожесточенными: в 1580 и 1597 годах предпринимались попытки умиротворить их, но безуспешно; а в 1606 году сицилийцы испытали унижение, увидев, как их вице-король, герцог де Фриас, констебль Кастилии, был привлечен к ответственности и подвергнут их порицанию.

В 1592 году герцог Альва, который в то время был вице-королем, попытался косвенными средствами подавить наглость инквизиторов. Понимая, что дворянство всех классов было зачислено в число *приближенных* святой канцелярии, чтобы пользоваться ее привилегиями и поддерживать народ в большем порядке, он представил королю, что власть суверена и авторитет его наместника почти равны нулю и со временем станут полностью такими, если эти различные классы будут продолжать пользоваться привилегиями, которые нейтрализуют меры правительства. Карл II признал, что такое положение вещей противоречит достоинству его короны; и он постановил, что ни одно лицо, нанятое королем, не должно обладать этими прерогативами, даже если он был *знакомым* или офицером инквизиции. Затем люди стали испытывать меньше уважения к трибуналу; и это было началом его упадка.

В 1713 году Сицилия больше не входила в состав испанских владений, и Шарль де Бурбон в 1739 году получил буллу, которая учреждала должность генерального инквизитора для этой страны, независимую от Испании; а в 1782 году Фердинанд IV, сменивший Карла, упразднил этот одиозный трибунал. В течение двухсот семидесяти девяти лет его существования отмечались торжественные и всеобщие *аутодафе*, о которых говорит Мунтер, и несколько других, которые исполнялись в зале трибунала.

В 1546 году, который соответствует правлению кардинала Лоайсы, число осужденных пятнадцатью испанскими трибуналами составило семьсот восемьдесят человек.

ГЛАВА XVIII.

О ВАЖНЫХ СОБЫТИЯХ ПЕРВЫХ ЛЕТ ПРАВЛЕНИЯ ВОСЬМОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ИНКВИЗИТОРА; О РЕЛИГИИ КАРЛА V. В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЕГО ЖИЗНИ.

Судебные процессы в первые годы служения Вальдеса.

Дон Фердинанд Вальдес был преемником кардинала Лоайсы на посту архиепископа Севильи и генерального инквизитора. На момент своего назначения он был епископом Сигуэнсы и президентом королевского совета Кастилии, после того как последовательно был членом большой коллегии Святого Варфоломея Саламанки, Административного совета архиепископства Толедо, кардинала Хименеса де Сиснероса, посетителя инквизиции Куэнсы и Королевского совета Наварры, члена Государственного совета, каноника митрополии Сантьяго-де-Галисия, советника Верховной инквизиции, епископа Эльны, Оренсы, Овьедо и Леон, а также президент королевской канцелярии Вальядолида. Столь многочисленные почести не

могли сделать его нечувствительным к чувству унижения оттого, что он не был кардиналом, как его предшественники, и оттого, что Бартоломью Карранса был возведен на толедский престол. Это было истинной причиной его жестокого преследования Каррансы.

Папа одобрил кандидатуру Вальдеса в январе 1547 года, и он вступил в должность в следующем месяце. Вальдес проявил почти кровожадный характер во время своего правления. Это побудило его потребовать от папы права приговаривать лютеран к сожжению, даже несмотря на то, что они не впали в рецидив и желали примирения. Здесь я расскажу о самых выдающихся жертвах, принесенных в жертву перед отречением Карла V. Необходимо написать отдельную статью о событиях такого рода в правление Филиппа II.

Среди осужденных, участвовавших в *аутодафе* в Севилье в 1552 году, был Хуан Хиль, уроженец Ольверы в Арагоне и каноник столичной церкви этого города; он более известен под именем доктор *Эгидиус*. Сначала он был осужден, как жестоко подозреваемый, за отречение от лютеранской ереси и наложение епитимьи; но через четыре года после его смерти, в 1556 году, он был осужден и, как рецидивирующий, его тело было извлечено из могилы и сожжено вместе с его изображением; его память была объявлена позорной, а имущество конфисковано за то, что он умер как лютеранин. Раймонд Гонсалес де Монтес был его товарищем по заключению, но ему удалось сбежать, и его чучело было сожжено. В работе, написанной об испанской инквизиции, он представил несколько подробностей, относящихся к жизни *Хуана Хилья*. Он сообщает нам, что Эгидиус изучал теологию в Алькала-де-Энарес и там получил звание доктора. Он приобрел такую громкую репутацию, что его сравнивали с Питером Ломбардом, святым Фомой Аквинским, Джоном Скоттом и другими богословами величайших заслуг. Его таланты побудили севильский капитул единогласно предложить ему должность проповедника в кафедральном соборе. У Эгидия было очень мало способностей к проповедничеству, и каноники вскоре раскаялись в том, что назначили его.

Родриго де Валеро сказал Эгидиусу, что книги, из которых он черпал свои знания, ничего не стоят и что его проповедью никогда бы не восхищались, если бы он не изучал Библию. Эгидий последовал его совету и со временем приобрел стиль проповеди, чрезвычайно приятный народу, но его успех нажил ему много врагов.

Император даровал ему епископство Тортоса в 1550 году, что усилило зависть и ненависть его врагов, они донесли на него севильской инквизиции как на еретика-лютеране за некоторые положения, которые он выдвигал в своих проповедях и которые они отделили от других частей, чтобы придать им смысл, отличный от того, который они имели бы в противном случае; они воспользовались благосклонностью, которую он проявил к Родриго Валеро в 1540 году во время суда над ним, и некоторыми другими обстоятельствами, чтобы навредить ему.

Эгидиус был заключен в тайные тюрьмы святой канцелярии в 1550 году: он воспользовался этой возможностью, чтобы сочинить свое извинение, которое сделало бурю, поднятую его врагами, еще более яростной. Его простота заставила его в своей апологии установить в качестве определенных принципов некоторые положения, которые теологи-схоласты считали ошибочными и склоняющимися к ереси. Поведение и мораль Эгидия были настолько чисты, что император написал в его пользу, севильский капитул последовал его примеру, и (что еще более примечательно) лицензиат Корреа, декан инквизиции, был тронут его невиновностью и взялся защищать его от своего коллеги Педро Диаса, который питал величайшую ненависть к

обвиняемому. Это обстоятельство особенно огорчило Эгидиуса, поскольку его враг раньше придерживался тех же взглядов и точно так же учился в школе Родриго Валеро.

Интерес, который вызвал Эгидиус, побудил инквизиторов согласиться на его предложение провести дискуссию между ним и некоторыми учеными богословами. Брат Гарсия де Ариас из монастыря Св. Был выбран Исидор Севильский; но его мнение сочли недостаточным, и Хуан Хиль потребовал, чтобы на конференцию был вызван монах-доминиканец Доминик Сото. Этот инцидент задержал судебное разбирательство, но Сото наконец прибыл в Севилью.

По словам Гонсалеса де Монтеса, этот богослов придерживался тех же взглядов, что и Эгидиус; но чтобы предотвратить подозрения, которые могли возникнуть из-за этого обстоятельства, он убедил Эгидиуса составить своего рода исповедание веры. Они согласились, что оба должны изложить свое мнение и сообщать его друг другу только публично. Этот автор утверждает, что эти признания веры были сопоставлены и были признаны полностью совпадающими.

Инквизиторы, проинформированные об этом соглашении, заявили, что, поскольку речь идет о репутации епископа, необходимо созвать публичное собрание, на котором Доминик Сото должен объяснить цель собрания в проповеди и зачитать свое исповедание веры; что Эгидиус должен затем зачитать свое, чтобы собрание могло судить о соответствии их мнений. Инквизиторы приказали подготовить две кафедры, но то ли случайно, то ли по частному приказу они находились так далеко друг от друга, что Эгидиус не мог слышать, что говорил Сото.

Сото^[12] прочитал изложение своих принципов, совершенно отличное от того, о котором они договорились на своих частных совещаниях; и поскольку Эгидиус не слышал его и предположил, что он читает то же признание, которое он одобрил, он, следовательно, делал знаки головой и руками, которые соответствовали его предложениям. Затем Эгидиус начал читать свое исповедание веры, но те, кто разбирался в предмете, вскоре поняли, что между ними нет ни малейшего сходства и что Эгидиус придерживался нескольких мнений, полностью противоположных некоторым положениям, выдвинутым Домиником Сото, и признанным *трибуналом веры* догматическими: это обстоятельство стерло благоприятное впечатление, произведенное жестами Эгидиуса. Инквизиторы приобщили эти записи к материалам судебного процесса и вынесли приговор Эгидиусу в соответствии с советом Сото. Он был объявлен жестоко заподозренным в лютеранской ереси и приговорен к трем годам тюремного заключения; ему было запрещено проповедовать, писать или объяснять теологию в течение десяти лет и никогда не покидать королевство под страхом того, что его сочтут формальным еретиком и понесут наказание.

Эгидиус оставался в тюрьме до 1555 года; поначалу он был крайне удивлен своим положением, после того как полностью согласился с доминиканцем по всем рассматриваемым пунктам. Он не был сбит с толку, пока кто-то из его товарищей по заключению не сообщил ему о разнице в его одежде с одеждой Сото и о предательстве этого монаха.

Эгидиус воспользовался коротким промежутком свободы, последовавшим за его тюремным заключением, чтобы отправиться в Вальядолид, где у него состоялась беседа с доктором Касаллой и другими лютеранами этого города: по возвращении в Севилью он заболел и умер в 1556 году. Трибунал, узнав о его связях с еретиками, возбудил новое судебное разбирательство и объявил, что он умер еретиком; его тело было извлечено из могилы и сожжено вместе с его

изображением на торжественном *аутодафе*, его память была объявлена позорной, а имущество конфисковано: этот приговор был приведен в исполнение в 1560 году.

Здесь необходимо будет процитировать письмо дона Бартоломею Каррансы брату Луису де ла Крузу, доминиканцу, и его ученику. Архиепископ упоминает в качестве хорошо известного обстоятельства, что его катехизис был представлен святой канцелярии; брату Мельхиору Кано и Доминику Сото было поручено осудить его, и что они негативно оценили его работу. Он много жаловался на такое поведение в Сото; он сказал, что не может понять подобной щепетильности в человеке, который был так снисходителен к доктору Эгидиусу, которого считали еретиком, в то время как, напротив, автор Катехизиса боролся с мнениями еретиков Англии и Фландрии; что Сото оценил книгу доминиканского монаха не менее благосклонно, в то время как он относился к архиепископу, которого он обязан был уважать, без оглядки; что он, следовательно, напишет в Рим и Фландрию, где он надеется, что его предложения будут приняты более благосклонно, чем в Вальядолиде; но, во всяком случае, Педро де Сото, духовник императора, напишет Доминику, и он надеется, что Всемогущий утихомирит бурю, поднявшуюся вокруг него.

Брат Педро написал Доминику Сото, и между ним и архиепископом Каррансой завязалась переписка по поводу порицания катехизиса и других работ. Эти письма были найдены среди бумаг Каррансы, когда он был арестован инквизицией. Они доказали, что Доминик Сото нарушил тайну, которую он поклялся соблюдать перед инквизицией: в них были обнаружены некоторые подробности, касающиеся насилия, которое было применено, чтобы заставить его осудить катехизис Каррансы; он был арестован инквизицией Вальядолида из-за этих выражений.

Из письма архиепископа следует, что порицание брата Доминика Эгидиусу было мягким и примирительным, что не согласуется с заменой его принципов ложным изложением, упомянутым Гонсалесом де Монтесом. Я должен заметить, что этот автор пишет как человек, ослепленный ненавистью к своим врагам, которых он называет папистами, лицемерами и идолопоклонниками; он даже заходит в своем фанатизме настолько далеко, что рассматривает смерть трех судей Эгидия при его жизни как особое следствие божественного правосудия.

Поскольку дело Хуана Хилья связано с историей Родриго Валеро, я расскажу об этом здесь. Он родился в хорошей семье в Лебрии. В юности он был крайне нерегулярен и рассеян, но внезапно он покинул общество и заперся, чтобы изучать Священные Писания с таким рвением, что его разговорчивость и пренебрежение к еде и одежде сделали его похожим на сумасшедшего.

Он пытался убедить священников и монахов, что римская церковь далека от чистого учения евангелистов, и стал одним из последователей Лютера. Его привязанность к их учению была настолько велика, что, когда его спросили, от кого он получил свою миссию, он ответил, что от самого Бога по вдохновению Святого Духа.

На этого фанатика донесли в святую канцелярию, которая не обратила на это внимания, будучи убежденной, что Родриго сошел с ума. Но поскольку он продолжал проповедовать на улицах в пользу лютеранства, и поскольку ничто в его поведении не указывало на то, что он был невменяем, он был арестован и был бы осужден для передачи светскому правосудию, если бы инквизиторы не настаивали на том, что он сумасшедший, и если бы его ученик Эгидиус, мнения

которого тогда не были известны, не взялся за его защиту. Тем не менее, в 1540 году он был осужден как еретик и *лжеапостол*; он был допущен к примирению, лишен своего имущества, приговорен к *Сан-бенито*, к вечному заключению и к тому, чтобы каждое воскресенье присутствовать на великой мессе святого Спасителя Севильского.

Несколько раз, когда он слышал, как проповедник выдвигает положения, противоречащие его собственным, он повышал голос и упрекал его за его учение: эта дерзость утвердила инквизиторов во мнении, что он был лишен рассудка: его заточили в монастырь в городе Сан-Лукар-де-Баррамеда, где он и умер в возрасте пятидесяти лет. Гонсалес де Монтеес считает его человеком, чудесным образом посланным Богом проповедовать истину: он добавляет, что его *Сан-Бенито* был подвешен в столичной церкви Севильи, где это вызвало большое любопытство, поскольку он был первым человеком, осужденным как *лжеапостол*.

Хотя в период, о котором я рассказал историю, иудейских еретиков было меньше, чем в прежние времена, все же их было гораздо больше, чем можно было предположить. Среди них была *Мария де Бургунд*, родившаяся в Сарагосе: ее свекор был уроженцем Бургундии еврейского происхождения. *Новый христианский* раб (который отрекся от закона Моисея, чтобы получить свободу, и впоследствии был сожжен за рецидив) в 1552 году донес на Марию де Бургонь, которая проживала в городе Мурсия и которой исполнилось восемьдесят пять лет. Этот человек показал, что перед его обращением какой-то человек спросил его, христианин ли он; он ответил, что еврей, и что тогда Мария сказала ему: *ты прав, ибо у христиан нет ни веры, ни закона*. Это, без сомнения, покажется невероятным, но судебный процесс доказывает, что в 1557 году она все еще находилась в тюрьме, ожидая, пока не будет найдено достаточных доказательств для ее осуждения. Напрасно прождав, инквизиторы приказали *подвергнуть Марию пыткам, хотя ей тогда было девяносто лет*, и совет постановил, что в таких случаях преступника следует запугивать только приготовлениями. Инквизитор Кано говорит, что была применена *умеренная* пытка; но последствия этого мягкого применения были таковы, что несчастная Мария перестала жить и страдать через несколько дней после этого.

Инквизиторы воспользовались некоторыми выражениями, вырвавшимися у несчастной женщины во время пыток, чтобы осудить ее как иудейскую еретичку, чтобы конфисковать ее имущество, которое было значительным. Ее память, ее дети и ее потомки по мужской линии были объявлены позорными, ее кости и чучело были сожжены, а имущество конфисковано.

Верховный совет проявил определенную степень сдержанности в другом деле, рассматривавшемся трибуналом Толедо. Майкл Санчес умер в тюрьме до того, как ему был объявлен приговор, который представлял собой денежное взыскание: инквизиторы не были уверены, подпадает ли под это наказание его имущество; они обратились в совет, который ответил отрицательно.

На этом я заканчиваю историю замечательных событий правления Карла V. После сорокалетнего правления этот принц отрекся от короны в пользу своего сына Филиппа II 16 января 1556 года. Он недолго пережил свое отречение; он умер в монастыре иеронимитов в Юсте в провинции Эстремадура 21 сентября 1558 года в возрасте пятидесяти семи лет и двадцати одного дня. Он составил свое завещание в Брюсселе 16 июня 1554 года и дополнение к нему в монастыре Юсте за двенадцать дней до своей смерти.

Религия Карла V.

Некоторые историки утверждают, что Чарльз V. принял в свое убежище, мнения немецких протестантов; что перед смертью он признал себя Константина Понсе де ла Фуэнте, его проповедник, который был впоследствии известно, лютеранин; что после его смерти Филиппа II. по заказу инквизиторов, чтобы изучить дело, и, что святая инквизиция овладела воля государя, чтобы проверить, если он содержит что-либо противное истинной вере. Эти заявления вынуждают меня остановиться на некоторых деталях, которые проясняют этот исторический момент.

Чтобы убедиться, что отчет о религии Карла V. является всего лишь выдумкой протестантов и врагов Филиппа II, достаточно прочитать жизнеописание этого принца и его отца, составленное Грегорио Лети. Хотя этот историк использовал наименее достоверные документы, в своей работе он полностью умалчивает об этом моменте. Он подробно описывает жизнь и занятия Карла V в его уединении и приводит множество убедительных доказательств его приверженности католической вере и его рвения в желании восторжествовать над лютеранской ересью; и хотя нельзя полагаться на то, что он говорит о беседах императора с архиепископом Каррансой (поскольку в его судебном процессе, который я читал, ничего о них не говорится), все же следует признать, что в остальном его рассказ очень точен.

Неправда, что Константин Понсе де ла Фуэнте присутствовал при последних минутах жизни императора либо как его проповедник (эту должность он исполнял в Германии), либо как епископ, поскольку он не обладал этим достоинством, как безосновательно утверждают иностранные авторы, либо как его духовник, поскольку он никогда не руководил своей совестью, хотя император всегда считал его одним из самых образованных и уважаемых священников в своем королевстве. Наконец, Понсе де ла Фуэнте не смог помочь Карлу V. в его последние минуты, поскольку из процесса над ним в севильской инквизиции явствует, что он находился в тайных тюрьмах святой канцелярии задолго до болезни императора. Дон Прудент де Сандовал, епископ Туи и Пампелуны, говоря о последних обстоятельствах жизни Карла V. Рассказывает, что, когда этот принц услышал о заключении Понсе в тюрьму, он сказал: *О! если Константин еретик, то он великий еретик*: выражение, сильно отличающееся от того, которое он употребил, услышав, что в том же городе был арестован монах по имени Доминик де Гусман: *они скорее могли бы посадить его в тюрьму как дурака, чем как еретика*.

В своем дополнении, написанном за двенадцать дней до своей смерти, Карл V. так выражает себя: "Когда мне сообщили, что в некоторых провинциях арестовано много людей и что другие будут арестованы по обвинению в лютеранстве, я написал принцессе, моей дочери, чтобы сообщить ей, каким образом они должны быть наказаны и зло устранено. Я также писал впоследствии Луи Куиксада, и уполномочил его действовать во имя Мое же дело; и хотя я убежден, что король, мой сын, принцесса моя дочь, и министры, уже и всегда, сделает все возможное, чтобы уничтожить это зло, со всей суровостью и оперативность которых она требует; и все же, учитывая то, что я должен служению Господу нашему, торжеству его веры, о сохранении своей церкви и христианской религии, (по защите, которые я совершаю таких болезненных трудов, рискуя своей жизнью, как каждый знает;) и особенно желая, прежде всего, внушить сыну, которого католические настроения я знаю, с желанием подражать в своих действиях, и я надеюсь, что он будет делать, зная его добродетель и благочестие, я прошу и рекомендую его очень, столько, сколько я могу и просто обязан это делать, и командовать ему

тем более в моем качества отца, и послушание-вот что он мне должен, чтобы работать с усердием, как в точку, которая особенно его интересует, что еретики должны быть привлечены к ответственности и наказан со всей строгостью, что их преступления заслуживают, *не допуская уголовного чтобы быть освобожденным, без какого-либо уважения к уговоры, или звание, или качества людей*: и что мои намерения, возможно, их полное и весь эффект, я желаю ему, чтобы защитить святая инквизиция, в большом количестве преступлений, которые он запрещает или наказывает, *помня о том, что я поручил ему это сделать в своем завещании*, что он может выполнять свой долг, как принца, и сделать себя достойным того, что Господь должен сделать его правления процветающего, вести свои дела и защищать его против своих врагов, чтобы мое утешение[13]."

Я уже заявлял, что нельзя полагаться на рассказ Грегорио Лети о беседах императора с доном Бартоломью Каррансой де Мирандой, архиепископом Толедо. Несомненно, что император питал большое уважение к Каррансе, что побудило его дать ему епископство Куско в Америке в 1542 году и Канарских островов в 1549 году; послать его в качестве теолога императора на Тридентский собор в 1545 и 1551 годах; и в Лондон со своим сыном Филиппом II, королем Неаполя и Англии, в 1554 году проповедовать против лютеран. Тем не менее, когда в его убежище в Юсте ему сообщили, что Карранса принял архиепископство Толедо, на которое его назначил король Филипп, он начал испытывать к нему меньшее уважение, потому что не знал, что Карранса отказался от этого сана, и назвал трех человек, которых считал более достойными занять его. Филипп был не только недоволен этим отказом, но и приказал ему подчиниться воле своего государя и написал папе римскому, который поддержал его приказ особым письмом, адресованным Бр. Бартоломью.

Карл V в этот период имел своим духовником бр. Хуана де Регла, иеронимита и ученого богослова. Он помогал на Тридентском соборе Каррансе, к которому всегда относился как к врагу, потому что завидовал его высокой репутации. Впоследствии я докажу расположение Хуана де Регла к Каррансе; сейчас я только покажу, что он сыграл большую роль в его немилости у императора за то, что его заподозрили в исповедании тех же доктрин, что и Эгидий, Константин, Касалья и другие. Регла стал скорее фанатиком, чем милосердным, во время преследований, которым он подвергался со стороны инквизиции Сарагосы, когда был настоятелем монастыря Санта-Фе; он был приговорен отречься от восемнадцати лютеранских догматов, в которых инквизиторы объявили его подозреваемым. Императору также сообщили из частной переписки его детей, что инквизиция была занята подготовкой суда над архиепископом по обвинению в ереси, когда он пришел навестить его во время его последней болезни; и его присутствие было настолько неприятным, что вместо того, чтобы поговорить с ним, как утверждает Лети, он не произнес ни слова. Сандовал, с большей вероятностью, выражается таким образом: "Этим вечером прибыл архиепископ Толедо Карранса, но он не смог увидеть императора. Этот принц ждал его с большим нетерпением с тех пор, как тот покинул Англию, потому что хотел получить объяснение некоторых вещей, которые были о нем сообщены, и, казалось, показывали, что его вера вызывала подозрения; ибо принц был чрезвычайно жив, и все, что казалось противоречащим здравому учению, причиняло ему сильную боль. Архиепископ вернулся на другой день; император, который очень хотел его услышать, впустил его к себе и велел сесть, но не разговаривал с ним, и в ту ночь ему стало намного хуже.[14]"

Враждебность Хуана де Реглы к архиепископу Толедскому вскоре проявилась в двух добровольных доносах перед генеральным инквизитором Вальдесом, сделанных 9 и 23 декабря 1558 года в Вальядолиде. Позже я объясню все пункты обвинения Хуана де Реглы, но необходимо предвосхитить ход событий во времени, чтобы доказать, что Карл V не был расположен благоволить Каррансе в последние годы его жизни.

Первое доношение произошло 9 декабря: из него следовало, что за день до смерти императора архиепископ Толедский поцеловал руку его величеству и вышел из комнаты; что вскоре после этого он вернулся; и что он делал это несколько раз, *хотя император не выказывал особого желания видеть его*, и что он дал ему отпущение грехов перед исповедью; что Хуан да Регла вменил архиепископу в знак презрения или пренебрежения к причастию; что во время одного из этих визитов он сказал императору: *"Ваше величество, возможно, ошибается". полный уверенности, ибо нет и никогда не было никакого греха, поскольку смерти Иисуса было достаточно, чтобы стереть его*; что эта речь показалась ему плохой, и что присутствовали Бр. Педро де Сотомайор и бр. Диего Хименес, доминиканцы; бр. Маркос Ориолс де Кардона и бр. Франциск Вильяльба, монахи Святого Иеронима: последний был проповедником его величества; граф де Оропеса и дон Диего де Толедо, его брат; дон Луис д'Авила Суньига, великий командор военного ордена Алькантара, и дон Луис де Кихада, мажордом императора.

Генеральный инквизитор не допустил доминиканских монахов в качестве свидетелей, потому что считал их подчиненными архиепископу: показания графа Оропесы и его брата также были отвергнуты, потому что они были его друзьями. Монах из Святого Иеронима заявил, что архиепископ прибыл в Юсте в воскресенье, за два дня до смерти императора; что этот принц *захотел его видеть и не позволил ему войти*, но его мажордом, дон Луис де Кихада, взялся представить его; что Карранса бросился на колени в комнате, и что император, *не сказав ему ни слова*, устремил на него взгляд, как человек, который хочет выразить себя взглядом; что присутствовавшие удалились; что когда архиепископ вышел из комнаты. в зале заседаний он казался недовольным, и он, свидетель, полагал, что был таковым, услышав от Вильгельма, императорского цирюльника, что в тот день, когда пришло известие о назначении Каррансы архиепископом Толедским, его величество сказал: *Когда я дал ему епископство Канарских островов, он отказался от него; теперь он принимает архиепископство Толедское; посмотрим, что нам следует думать о его добродетели*; их личная беседа длилась четверть часа, и архиепископ позвал слуг. Когда они вошли, архиепископ бросился на колени, и его величество сделал ему знак сесть и повторить несколько слов утешения; на что прелат снова бросился на колени и повторил четыре первых стиха псалма *De profundis*, не буквально, а перефразируя текст. Его величество сделал ему знак остановиться, и Карранса удалился с другими слугами; что на другой день, около десяти часов вечера, незадолго до того, как император скончался, Карранса навел на него, поскольку ему сообщили об опасности, и дал ему поцеловать распятие, а заодно обратился к нему со словами утешения, которые возмутили монахов Хуана де Регла, Франциска де Вильяльба, Франциска Ангуло, приора, и Луи де Сент-Грегориа. Эти люди впоследствии беседовали друг с другом и сказали, что прелату не следовало так говорить; но свидетель не смог вспомнить, что это были за слова. Ему их повторили, и он ответил, что, по его мнению, это одно и то же, но он не может быть уверен, поскольку в то время читал "Страсти Спасителя", *согласно святому Луке*; он только заметил, что монахи смотрели друг на друга с какой-то таинственностью.

Ни Фрэнсиса Ангуло, ни Луи де Сент-Грегориа не обследовали, возможно, они были мертвы. Франциск де Вильяльба, проповедник императора, заявил, что он не слышал в апартаментах императора ничего такого, о чем стоило бы сообщить инквизиции. Когда его спросили, что он думает о речи, с которой архиепископ обратился к императору, он ответил, что присутствовал только один раз, когда прелат декламировал несколько стихов из *De profundis*; что дон Луис д'Авила впоследствии попросил его поговорить с императором и что он обратился к нему с увещанием. Когда его спросили об этих словах и скандале, он ответил, что не слышал и не видел ничего, что могло бы его оскорбить.

Дон Луис д'Авила-и-Зуныга процитировал появление прелата; и что он взял распятие и, преклонив колени, сказал громким голосом: *узрите того, кто отвечает за всех; больше нет никакого греха, все прощено*. Свидетель не помнит, сказал ли архиепископ, что, *и какими бы многочисленными ни были грехи, все они прощены*, что эти слова показались ему неподходящими, и он попросил императорского проповедника обратиться к нему с увещанием, который впоследствии сказал ему, что его величество, по-видимому, доволен.

Дон Луис де Кихада показал, что архиепископ был с императором три раза перед его смертью, что он видел, как тот брал распятие, и что он произнес несколько слов об Иисусе Христе, умирающем за наши грехи, но он не мог их вспомнить, потому что в то время его занимала должность мажордома.

Эти обстоятельства показывают, что Карл V после своей смерти был далек от склонности к лютеранству. Столь же неверно и то, что инквизиторы изъяли его завещание, чтобы проверить, не содержалось ли в нем каких-либо чувств, склоняющихся к ереси. Я прочитал или обратился к множеству книг и бумаг в архивах инквизиции и не смог обнаружить ничего, подтверждающего мое мнение; так что теперь ничего не остается, кроме как искать происхождение этой басни.

Возможно, ряд обстоятельств послужил причиной упоминания инквизиции при описании смерти Карла V. Первое состоит в том, что Карранса, который присутствовал при его смерти, вскоре после этого был арестован святой канцелярией; второе, что два его проповедника, Константин Понсе и Августин Касалья, были осуждены этим трибуналом; третье, что его духовник Хуан де Регла был вынужден отказаться от определенных положений; четвертое, что сам император за три года до этого подвергся угрозе отлучения от церкви как покровитель еретиков со стороны Павла IV.; пятое, что Филипп II. использовал инквизицию при различных обстоятельствах исключительно политический.

Карл V умер католиком; и остается только сожалеть, что со своим католицизмом он связывал так много суеверий и при жизни проявлял такую сильную привязанность к инквизиции.

ГЛАВА XIX.

О СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ПРОТИВ КАРЛА V И ФИЛИППА II.: КАК РАСКОЛЬНИКОВ И СТОРОННИКОВ ЕРЕСИ.—ПРОГРЕСС ИНКВИЗИЦИИ При ПОСЛЕДНЕМ ИЗ ЭТИХ ГОСУДАРЕЙ.— ПОСЛЕДСТВИЯ ОСОБОЙ БЛАГОСКЛОННОСТИ, КОТОРУЮ ОН ПРОЯВИЛ К НЕЙ.

Судебные процессы над Карлом V, Филиппом II и герцогом Альва.

В 1555 году Джон Питер Карафа, знатный неаполитанец и, как таковой, подданный Карла V. и Филиппа II, был возведен на святой престол под именем Павла IV в возрасте семидесяти девяти лет. Карл V тогда отрекся от короны Сицилии в пользу принца Филиппа, который собирался жениться на английской королеве. Новый папа смертельно ненавидел императора не только потому, что тот не мог вынести быть подданным австрийского дома, но и потому, что этот принц и его сын благоволили семьям *Колонна* и *Сфорца*, которых он считал соперниками своего дома. Неаполитанское королевство считалось в то время феодальным владением святого престола. Павел IV обязался лишить Карла императорского престола, а его сына - сицилийской короны и распорядиться ею в пользу одного из своих племянников при содействии короля Франции или передать королевство какому-нибудь французскому принцу. Он начал судебное разбирательство против Карла V. и Филиппа с подготовительной инструкции, чтобы показать, что они были врагами святого престола, особенно в защите семей *Сфорца* и *Колонна*, ненависть которых к понтифику была хорошо известна.

По этим причинам следовало утверждать, что Карл V был сторонником еретиков и подозревался в лютеранстве с момента опубликования императорских указов на сейме Аугсбурга в 1554 году. Затем фискалы апостольской палаты потребовали, чтобы папа объявил Карла V лишенным императорской короны, Испании и ее зависимостей, а Филиппа - неаполитанского престола; чтобы против них были изданы буллы об отлучении от церкви, а народы Германии, Испании, Италии и особенно Неаполя были освобождены от своей клятвы верности. Павел IV. приостановил судебный процесс на этой стадии разбирательства, чтобы продолжить его, когда сочтет это удобным. В то же время он отменил все буллы, которые его предшественники ускорили издать в пользу испанских монархов, о взыскании ежегодных субсидий, налагаемых на духовенство, и о средствах, предназначенных для *священного крестового похода*. Папа не удовлетворился этой враждебной мерой; он заключил союз с Генрихом II, королем Франции, чтобы вести войну против австрийского дома до тех пор, пока его князья не будут лишены своих королевств.

Карл V находился тогда в Брюсселе, занятый передачей Германской империи своему брату Фердинанду, королю Венгрии и Богемии, и передачей короны Испании и графства Фландрия своему сыну. Эта политика была полезна Карлу V, поскольку она взвалила тяжесть затруднения на Филиппа, который только что прибыл из Англии, чтобы получить инструкции своего отца о том, как управлять Испанией. Обстоятельства, в которых они оказались, требовали величайшей осмотрительности, поскольку им приходилось опасаться не только злоупотреблений, которые

папа мог бы совершить с своей апостольской и светской властью, но и последствий союзов, которые его святейшество только что подписал с королем Франции.

Помимо Государственного совета (с которым Карл и Филипп всегда консультировались, прежде чем принимать решение по какому-либо вопросу), они считали необходимым иметь суждения *совести*, чтобы уравновесить авторитет верховного главы католической церкви. 15 ноября 1555 года в Вальядолиде была оформлена знаменитая консультация брата Мельхиора Кано, которая была опубликована в Мадриде в 1809 году в моем *собрании различных документов, древних и современных, о брачных диспенсациях и других церковных диспенсациях*. Решение Кано заключалось в том, что во всех подобных случаях единственным и надлежащим средством правовой защиты является не только лишение временного правителя Рима права причинять вред, но и доведение его до необходимости принять разумные условия и действовать с большей осмотрительностью в будущем. Другие богословы решили, что уступки, сделанные Римским двором, были бесповоротными и имели силу настоящего договора, переданного в пользу империи или королевства.

Папа, проинформированный об этих решениях, приказал генеральному инквизитору наказать их авторов; его поддержало большинство прелатов королевства, во главе которых стоял кардинал Силичео, архиепископ Толедо, который был наставником короля. Филипп, бывший королем Испании с января 1556 года, написал из Лондона в июле следующего месяца письмо своей сестре, правительнице королевства, которое я включил в свою дипломатическую коллекцию. Это выглядит следующим образом:—

"С тех пор как я проинформировал вас о поведении папы и о новостях, полученных из Рима, я узнал, что его святейшество предлагает отлучить императора и меня от церкви, наложить интердикт на мои штаты и запретить богослужение. Проконсультировавшись с учеными людьми по этому вопросу, выясняется, что это не только злоупотребление властью суверенного понтифика, основанное только на ненависти и страсти, которые, безусловно, не были спровоцированы нашим поведением, но и то, что мы не обязаны подчиняться тому, что он предписал в отношении наших личностей, из-за большого скандала, который был бы вызван нашим признанием себя виновными, поскольку мы таковыми не являемся, и большого греха, который мы совершили бы, поступая таким образом. Вследствие этого было решено, что, если мне запрещают определенные вещи, я не обязан лишать себя их, как это делают отлученные от церкви, хотя мне может быть направлено порицание из Рима, согласно распоряжению его святейшества. Ибо после уничтожения сект в Англии, приведения этой страны под влияние церкви, неустанного преследования и наказания еретиков и достижения успеха, который всегда был постоянным, я вижу, что его святейшество явно желает разрушить мое королевство, не принимая во внимание, чем он обязан своему достоинству; и я не сомневаюсь, что он добился бы успеха, если бы мы согласились с его требованиями, поскольку он уже отозвал все дипломатические миссии, которые кардинал Поул получил для этого королевства и которые принесли столько пользы. Эти причины, другие важные соображения, необходимость подготовки ко всем событиям и защиты наших людей от неожиданностей побудили нас составить от имени его величества и от нашего собственного имени акт об отводе по форме, копию которого я намеревался послать вам; но поскольку этот документ очень длинный, а курьер отправляется во Францию, это невозможно, и я отправлю его морским курьером, который вскоре отправится в путь. Когда вы получите это, вы должны написать прелатам, вельможам, в города, университеты и главам орденов и сообщить им обо всем, что произошло:

вы должны направить их рассматривать порицания и интердикты, присланные из Рима, как несуществующие, потому что они недействительны, несправедливы и не имеют основания, поскольку я посоветовался с ними о том, что разрешено в данных обстоятельствах. Если за это время поступит какой-либо акт папы, будет достаточно предотвратить его получение, принятие или исполнение; но чтобы исключить необходимость дойти до такой крайности, вы должны обеспечить строгую охрану границ, как мы сделали в Англии, чтобы ни одно из этих произведений не было уведомлено или доставлено, и *очень строго наказать любого человека, который осмелится их распространять, потому что нельзя допустить, чтобы мы продолжали скрывать*. Если невозможно предотвратить их введение, и если кто-либо попытается ввести их в действие, вы должны воспротивиться их исполнению, поскольку у нас есть веские мотивы для этого приказа; и этот запрет должен распространяться на королевство Арагон, куда вы должны написать, если это необходимо. С тех пор стало известно, что в булле, опубликованной в Страстной четверг, папа отлучил от церкви всех тех, кто присвоил или собирается присвоить имущество церкви, *будь то короли или императоры*, и что в Страстную пятницу он повелел не произносить молитву за его величество, хотя в этот день молятся за евреев, мавров, еретиков и раскольников. Это доказывает, что зло становится серьезным, и побуждает нас более конкретно рекомендовать выполнение предписанных нами мер, о которых мы дадим отчет его величеству[15]."

Филипп какое-то время препятствовал генеральному инквизитору судить кого-либо из тех лиц, которые были отмечены как подозреваемые в ереси, среди которых были не только теологи и канонисты, с которыми консультировались, но и многие государственные советники, которые поддерживали их мнение против кардинала Силичео и его приверженцев[16].

Папа был упрям в своих решениях и, обманутый спокойствием, которым Филипп позволял ему наслаждаться в Риме, поставил себя на край пропасти. Герцог Альва, который был вице-королем Неаполя (и характер которого был по меньшей мере таким же суровым, как у папы римского), в сентябре 1556 года покинул свое правительство и оккупировал земли святого престола вплоть до ворот Рима; а Павел IV, обнаружив, что Венецианская республика покинула его, и под давлением кардиналов и народа потребовал перемирия, которое было предоставлено. Вместо того чтобы воспользоваться этой милостью для заключения мира на разумных условиях, папа подтвердил свой союз с Генрихом II и развязал войну между этим монархом и королем Испании, хотя Карл V. в 1555 году подписал с этим принцем пятилетнее перемирие. Генрих, проиграв знаменитую битву при Сен-Кантене 10 августа 1557 года, так встревожил папу, что потребовал мира в то время, когда герцог Альва готовился вступить в Рим во главе своей армии. Вице-король отказался от своего замысла, но у него хватило смелости сказать папе, что он не заключит мира до тех пор, пока не попросит прощения у короля, своего повелителя, за то, что относился к нему с таким неуважением. Это сообщение усилило тревогу старого понтифика, который прибегнул к посредничеству Венеции. Папа отказался вести переговоры с герцогом Альва, но сказал, что согласится на любое предложение короля Испании, поскольку он убежден, что тот не будет предъявлять ему никаких условий, противоречащих его чести или достоинству святого престола.

Герцог Алва написал Филиппу с просьбой, чтобы в данном случае он проявил суровость, необходимую для предотвращения новых расколов. Но у этого принца (подписавшего 10 июля 1556 года уже цитированное превосходное письмо) в следующем году не было человека, который придал бы ему достаточной энергии, чтобы последовать совету своего вице-короля. Он

написал, чтобы приказать ему немедленно заключить мир, "поскольку он скорее потеряет привилегии своей короны, чем хотя бы в малейшей степени нарушит привилегии святого престола".

Герцог Альва был крайне недоволен этим решением, но он немедленно подчинился своему господину, и этот необычный мир был подписан 14 сентября 1557 года герцогом Альва и кардиналом Карафа, племянником и полномочным представителем папы римского. Посланник не возместил ущерба Филиппу II., и следующая уникальная статья является частью договора: "Его святейшество получит от католического короля через своего полномочного представителя, герцога Альвы, все необходимые представления для получения прощения за свои проступки, без ущерба для обязательства короля направить чрезвычайного посла для конкретной цели прощения, которого он требует, при том понимании, что его святейшество вернет ему расположение как покорному сыну, достойному разделить блага, которыми святой престол привык одаривать своих детей и других христианских принцев".

Надменный понтифик признал, что получил больше, чем надеялся, и, чтобы показать свое удовлетворение, оказал герцогу Альва самые высокие почести; он пригласил его отобедать за своим столом и принял во дворце Ватикана.

Грегорио Лети прав, приписывая такому поведению Филиппа II все зло, возникшее с тех пор из-за чрезмерной власти священников над мирянами. Павел IV вскоре продемонстрировал свое презрение к Филиппу II и его отцу, поскольку через пять месяцев после заключения договора, 13 февраля 1558 года, он направил генеральному инквизитору Вальдесу докладную записку, в которой восстановил все постановления соборов и понтификов против еретиков и раскольников. Он приказал ему преследовать их в судебном порядке и наказать в соответствии с конституциями, и, прежде всего, лишить всех таких лиц их сана и должностей, будь то епископы, архиепископы, патриархи, кардиналы или легаты, *бароны, графы, маркизы, герцоги, принцы, короли или императоры*. К счастью, ни Карл V, ни его сын не разделяли взглядов Лютера, однако в намерения папы определенно входило подчинить их положениям своей буллы.

Об инквизициях Сардинии, Фландрии, Милана, Неаполя, Галисии, Америки и Море́й.

В 1562 году Филипп II приказал инквизиции Сардинии строго соблюдать правила святой канцелярии Испании при судебном преследовании обвиняемых, хотя ему было заявлено, что до сих пор им были известны только правила Фердинанда V. Которые были менее суровыми.

Филипп не стал относиться к своим фламандским подданным с меньшей строгостью. В 1522 году Карл V. назначил Франциска де Хульта, советника-мирянина из Брабанта, генеральным инквизитором штатов Фландрия; а Адриан VI наделил его апостольской юрисдикцией при условии, что у него будут священники и богословы в качестве ассессоров. Вскоре после этого были назначены три провинциальных инквизитора: надзиратель за регулярными канониками Ипра во Фландрии и ее зависимостях; надзиратель за духовенством Монса в Эно и настоятель Лувена в Брабанте, Голландии и других провинциях. Генеральными инквизиторами, назначенными Климентом VII. были кардинал Эверард де ла Марш, епископ Льежский, и Франциск де Хульт, упомянутый ранее. Эта мера не лишила других инквизиторов их привилегий; инквизиторы Лувена в 1527 году отпраздновали несколько *аутодафеи* и приговорили шестьдесят

человек к различным наказаниям. В 1529 году были изданы ужасные эдикты против еретиков, которые были возобновлены в 1531 году, но с некоторыми смягчениями.

После смерти настоятеля Лувена Павла III в 1537 году назначен генеральным инквизитором Нидерландов, преемником в деканате, и каноником Дусе; они были утверждены Карлом V. В 1555 году Юлием III. уполномочил заместителей декана и каноника; Павел IV. сделал то же самое в 1560 году для надзирателя Валькане и доктора богословия из Лувена Майкла Байо. Все эти люди носили титул *церковных служителей* с 1550 года, когда Карл V. запретил им когда-либо носить имя *инквизиторов*, потому что это было неприятно народу. Фламандская инквизиция была чрезвычайно суровой в первый период своего существования; она применяла те же наказания, что и в Испании, но в большем количестве случаев. Филипп II своим эдиктом в 1556 году смягчил действия этого трибунала.

Таково было состояние фламандской инквизиции в 1559 году, когда была издана булла Павла IV. был получен из Рима, которым были созданы три церковные провинции, епископства которых были подчинены юрисдикции архиепископов Малина, Камбре и Утрехта: для каждого собора было учреждено двенадцать каноников, трое из которых должны были быть пожизненными инквизиторами. Эта мера вызвала первые признаки восстания, которое бушевало в Голландии и Соединенных провинциях в 1562 году. Народ утверждал, что они терпели инквизиторов только с 1522 года, потому что считали их временными агентами; но что они никогда не допустили бы постоянного учреждения института, столь неприятного для провинций. Это противодействие усилилось, когда стало известно, что Филипп II намеревался организовать восемнадцать инквизиций Фландрии по плану инквизиции Испании, которая долгое время считалась кровавым трибуналом.

Этот проект вызывал еще больший страх, поскольку многие испанцы бежали от инквизиции в Голландию. Эти эмиграции стали наиболее многочисленными после 1550 года, когда несколько Библий, которые были напечатаны на испанском языке в Нидерландах, были запрещены как содержащие мнения новых еретиков. Несмотря на упорство, с которым король Испании добивался учреждения инквизиции во Фландрии, он потерпел неудачу в своем предприятии, а также в своей попытке заставить Нидерланды принять обычный трибунал. Фламандцы упорно сопротивлялись всему, что напоминало инквизицию, и их сопротивление стало причиной долгих и кровопролитных войн, которые истощили сокровища и армии Испании в течение полувека.

В следующем, 1563 году, Филипп II издал указ о необходимых мерах по учреждению инквизиции в Милане. Он сообщил о своем замысле папе, который, казалось, одобрил его, но на самом деле был недоволен, потому что это имело тенденцию уменьшать власть святого престола. Миланцы немедленно запротестовали против введения трибунала, о котором у них сложилось самое неблагоприятное мнение. Епископы Ломбардии были не менее против этого, поскольку знали, что в Испании епископы были не только лишены всякой власти, но и попали в неуважение к деспотизму инквизиторов, которые завладели епископскими привилегиями и спокойно пользовались ими под защитой суверена, у которого не было советника в этих делах, кроме генерального инквизитора.

Город Милан направил депутатов к папе римскому (который был уроженцем тех мест), чтобы умолять его уберечь свою страну от угрожавшей ей опасности. Они также послали депутатов в Мадрид, чтобы потребовать, чтобы все оставалось в прежнем состоянии, и одновременно

обратились к миланским епископам на Тридентском соборе с просьбой поддержать их дело перед этим знаменитым собранием. Пий IV. сказал депутатам, что он никогда не допустит учреждения испанской инквизиции в Милане, *поскольку ему известна ее крайняя суровость*, и пообещал, что их трибунал должен зависеть от Римского суда, постановления которого были чрезвычайно мягкими и предоставляли обвиняемым все возможности для их защиты.

В ходе этих переговоров герцог де Сеса, желая выполнить частные приказы своего господина, учредил трибунал инквизиции в городе Милан, губернатором которого он был, и опубликовал имена делегированных инквизиторов. Это заявление вызвало недовольство миланцев, которые начали возбуждать народные волнения и кричали *Да здравствует король! да сгинет инквизиция!*

Миланские епископы на Тридентском соборе отговорили всех итальянских прелатов от испанской инквизиции; легаты папы, председательствовавшие на соборе, выступили в пользу миланцев, а кардинал С. Чарльз Борromeо выступил в защиту своих соотечественников в коллегии кардиналов и взял их под свою защиту. Герцог де Сеса, наблюдавший за всем происходящим, предвидел, что результат будет неприятен его хозяину, и написал Филиппу, который отказался от своего замысла^[17].

Эти события не помешали Филиппу II. от попытки ввести инквизицию в Неаполе, хотя и Фердинанд V., и Карл V. потерпели неудачу в этом предприятии; но его усилия привели только к тому, что он опозорился и подорвал его авторитет в Неаполе, как это было ранее во Фландрии и Милане.

Можно предположить, что Филипп не забывал о своих американских владениях. Фердинанд V. решив учредить инквизицию в Новом Свете, поручил кардиналу Хименесу де Сиснеросу вести это дело, и в 1516 году он назначил дону Хуана Кеведо, епископа Кубы, *делегированным* генеральным инквизитором испанских колоний, известных тогда под названием *королевство Терра Фирма*, и наделил его полномочиями назначать судей и должностных лиц трибунала. Карл V. пожелал расширить преимущества этого *благочестивого* учреждения, и кардинал Адриан своим приказом назначил 7 января 1519 года дону Альфонсо Мансо, епископа Порто-Рико, и брата Педро де Кордова инквизиторами *Индии и островов океана* и наделил их необходимыми полномочиями для учреждения трибунала.

Новые инквизиторы начали преследовать крещеных индейцев, которые все еще сохраняли некоторые идолопоклоннические обычаи. Вице-короли сообщили королю Испании о зле, порожденном этой системой: фактически индейцы бежали в глубь страны и присоединились к диким племенам, что значительно замедлило рост населения в этих обширных странах. Карл V. в 1538 году запретил инквизиторам преследовать индейцев, которые должны были находиться под юрисдикцией епископов. Инквизиторы Америки были не более покорны, чем инквизиторы Испании, которые вынудили принца возобновить свои приказы в 1549 году. Филипп II взялся организовать трибунал по плану Испании. В 1553 и 1565 годах он возобновил предписания своего отца оставить индейцев под юрисдикцией епископов; а в 1569 году он опубликовал королевский указ, в котором говорилось, что генеральный инквизитор назначил инквизиторов, и приказал вице-королям и губернаторам оказывать им всяческое содействие в их создании. Эти инквизиторы были приняты с большой церемонией в Панаме и Лиме, когда они впервые сформировали трибунал.

В 1570 году Филипп II назначил инквизицию в Мексике, а в 1571 году учредил три трибунала для всей Америки; один в Лиме, другой в Мехико, а третий в Картахене, назначив каждому территорию, которой они должны были владеть, и подчинив их власти генерального инквизитора и Верховного совета.

Первое *аутодафе* в Мексике состоялось в 1574 году; оно было отпраздновано с такой помпой и великолепием, что очевидцы заявляли, что его можно сравнить только с праздником в Вальядолиде в 1559 году, на котором присутствовали Филипп II и королевская семья. Француз и англичанин были сожжены как нераскаявшиеся лютеране; восемьдесят человек были помилованы и подвергнуты различным епитимьям. Карфагенская инквизиция не была учреждена в этот период; она была основана в 1610 году Филиппом III.

Огромный флот католической лиги против константинопольского императора, выигравший знаменитую битву при Лепанто, вдохновил Филиппа II. с проектом создания инквизиции для еретиков, которых можно было бы найти на кораблях. Поскольку полномочия генерального инквизитора не распространялись за пределы владений короля Испании, было сочтено необходимым обратиться к папе Римскому, который в 1571 году выдал требуемую справку, уполномочивающую генерального инквизитора создать новый трибунал и назначить судей и должностных лиц. Сначала она была известна под названием *Инквизиции на галерах*, но впоследствии ее называли *Инквизицией флотов и армий*; она просуществовала недолго, поскольку было установлено, что она препятствует прогрессу мореплавания.

Инквизиция была неизвестна в Галиции более века до этого периода. Эта провинция входила в состав округа, подчинявшегося святой канцелярии старой Кастилии и королевства Леон; она избежала этого бедствия, но, наконец, при Филиппе II. постановлено, что оно должно учредить инквизицию для надзора за морскими портами, чтобы предотвратить распространение вредных книг и въезд лиц, которые будут преподавать доктрины протестантов. Королевский указ, учредивший инквизицию в Галисии, был ускорен в 1574 году, и трибунал был организован в том же году.

Споры с инквизицией Португалии.

Установление власти Филиппа II. в Португалии после смерти кардинала король Дон Генрих, занимавший трон до 1580 года, предоставил этому принцу еще одну возможность продемонстрировать свое рвение к инквизиции. Я уже указал период его учреждения и сопутствующие обстоятельства[18]. Дон Генрих был генеральным инквизитором с 1539 по 1578 год, когда он унаследовал корону Португалии после смерти своего племянника дон Себастьяна. Он даровал архиепископство Лиссабона, которое занимал на момент своего восшествия на престол, дону Джорджу Алмейде, а также назначил его третьим генеральным инквизитором королевства.

В 1544 году дон Генри (который тогда занимал кафедру Эворы) и кардинал Дон Хуан Пардо де Табера, генеральный инквизитор Испании, с согласия своих соответствующих суверенов опубликовали циркуляр, в котором они объявили, что, поскольку два государства находятся так близко друг к другу, а протяженность границы благоприятствует бегству лиц, преследуемых инквизицией, они согласились, во-первых, сообщать взаимно все, что может заинтересовать инквизицию; во-вторых, арестовывать в своих юрисдикциях тех подданных, которые были

указаны; 3. содержать их под стражей. заключенные и требовать материалов судебного процесса, потому что эта мера была менее неудобной, чем обмен пленными.

Это соглашение соблюдалось некоторое время; но в 1588 году инквизиторы Лиссабона направили запрос инквизиторам Вальядолида с требованием выдать им Гонсалеса Баэса, который был арестован в Медина-дель-Кампо: они ответили, что это требование не может быть удовлетворено, поскольку оно противоречит конвенции. Португальские инквизиторы признали справедливость этого требования; но испанские, которые в 1568 году оказались в такой же ситуации, отказались подчиниться этой мере, потому что во главе их стоял кардинал Эспиноза, который был всемогущ при Филиппе. Кардинал сообщил дону Генри, что он не ратифицировал конвенцию и что он считает более правильным, чтобы заключенный был передан трибуналу, который возбудил судебное разбирательство. Он попросил кардинала Генриха обратиться к обоим их суверенам и пообещал предложить королю Испании меру, которая в будущем должна стать общим правилом для всех случаев.

Дон Генри поручил Франсису Перейре, послу Португалии в Мадриде, прекратить этот спор с кардиналом Эспинозой. Пока велись переговоры по этому делу, несколько испанцев, которые были приговорены трибуналом Льерены к сожжению в виде чучела как непокорные, были арестованы в Португалии инквизиторами Эворы, которые немедленно потребовали протоколы судебного процесса в соответствии с конвенцией 1544 года. Трибунал Льерены ответил, что невозможно не последовать примеру кардинала Эспинозы. Почти в то же время эти инквизиторы арестовали нескольких португальцев, бежавших из своей страны. Епископ Порталегре, инквизитор Эворы, вернул заключенных, но трибунал отказался выдать их, если жители Альбукерке, арестованные инквизицией Эворы, не будут возвращены. Кардинал Генри уступил испанской инквизиции, но 5 декабря написал им письмо с просьбой направить официальный запрос по этому вопросу, в то время как инквизиция Эворы сделает то же самое с кардиналом Эспинозой. Верховный совет согласился с этим соглашением, и пленные были обменены.

Генеральный инквизитор дон Генри умер в 1580 году. Затем корона Португалии перешла к Филиппу II, как сыну императрицы Изабеллы, сестры Иоанна III, короля Португалии. Поскольку должность великого инквизитора была вакантна, он хотел упразднить ее и передать Португалию под власть Испании. Он заверил папу, что в процессе будет больше единства, но эта попытка не увенчалась успехом, поскольку он был признан королем только при условии, что корона будет оставаться независимой от короны Испании.

Когда герцог Браганса был провозглашен королем Португалии в правление Филиппа IV, дон Франсис де Кастро великий инквизитор и дон Джон де Васконселлас, член совета инквизиции, остались верны королю Испании. Новый государь (принявший имя Иоанн IV) желал увеличить свою партию. Под влиянием советов Англии, которая поддерживала восстание, он решил восстановить евреям свободу, которой они пользовались до учреждения инквизиции; но ему воспротивились два вышеупомянутых инквизитора. Собор даже осудил решение Парижского университета, в котором говорилось, что король может назначать и хиротонизировать епископов без булл из Рима, если папа Иннокентий X. откажется их даровать. Иоанн IV. угрожал инквизиторам тюремным заключением и даже смертью, но они были готовы скорее вытерпеть что угодно, чем согласиться на освобождение евреев. Дон Франсис де Кастро умер, и пришлось назначить другого генерального инквизитора; но получить буллы об конфирмации было не

менее трудно, чем буллы для епископов, поскольку папы Урбан VIII, Иннокентий X и Александр VII избегали высказываться в пользу либо короля Испании, либо герцога Браганса. В конце концов Португалия одержала победу над усилиями Испании, и инквизиции двух королевств редко поддерживали какие-либо контакты.

Что я не могу обойти стороной ни одно событие, имеющее тенденцию доказывать привязанность Филиппа II. что касается инквизиции, то здесь я упомяну проект военного ордена святой канцелярии, который никогда бы не был задуман, если бы пристрастие монарха к этому трибуналу не было общеизвестно.

Некоторые фанатики думали угодить ему, основав новый военный орден под названием *Святой Марии Белого Меча*. Целью этого учреждения была защита католической религии, королевства Испания, его границ и фортов от любого вторжения; предотвращение проникновения евреев, мавров и еретиков; и выполнение любых мер, которые мог приказать инквизитор. Чтобы быть членом этого ордена, необходимо было представить доказательства и свидетелей того, что они не происходили ни от евреев, ни от мавров, ни от какого-либо испанца, осужденного и наказанного святой канцелярией; дворянство не было необходимым. Члены этого объединения были независимы от юрисдикции епископов и гражданских властей; все они должны были выходить на поле боя и сражаться, защищая приграничные города, но они не признавали никакого вождя, кроме генерального инквизитора.

Эта схема была принята провинциями Кастилия, Леон, Астурия, Арагон, Наварра, Галисия, Гипускоа, Алава, Бискайя, Валенсия и Каталония. Устав ордена получил одобрение генерального инквизитора и Верховного совета; основатели и представители столичных церквей Толедо, Севильи, Сантьяго, Гренады, Таррагоны, Сарагосы, Валенсии и сорока восьми благородных семей, известных тем, что никогда не смешивали свою кровь с кровью Новых христиан, обратились к королю со смиренной мольбой получить их подтверждение. Они утверждали, что орден *Белого меча* предлагает Испании величайшие преимущества; что он увеличит армию без каких-либо затрат государственных средств; что его услуги реформируют и улучшат мораль народа; наконец, что он прольет новый блеск на дворянство королевства.

Филипп поручил своему Суверенному совету изучить план этого учреждения, который также обсуждался на нескольких собраниях, назначенных его величеством. Мнения были разными, но я сообщу мнение испанского джентльмена, поскольку оно заслуживает того, чтобы быть записанным.

Дон Педро Венегас из Кордовы заявил королю, что в новом ордене нет необходимости, поскольку инквизиция не обнаружила в нем недостатка в самых трудных обстоятельствах; что епископы реформировали мораль народа настолько, насколько можно было ожидать от человеческой природы; что Испания никогда не нуждалась в войсках, даже когда часть полуострова была оккупирована врагами; что существовали другие военные ордена, которые были обязаны подчиняться своим соответствующим великим магистрам; что этими достоинствами теперь обладает монарх в силу апостольских булл; что новое учреждение может однажды напасть на власть о государе, если генеральный инквизитор плохо использовал войска, находящиеся в его распоряжении; что известно несколько подобных случаев о великих магистрах вышеупомянутых орденов; что этот институт создаст в королевстве две партии, старых христиан и новых, и что отличие, оказанное первым, вызовет убийства и гражданские войны и будет угрожать монархии гибелью.

Филипп II. серьезно размышляя о том, что сделали великие магистры военных орденов, и ревнуя к своей власти, он не был расположен отдавать армию во власть генерального инквизитора, который мог последовать их примеру; поэтому он приказал приостановить разбирательство, а заинтересованным лицам сообщить, что не было сочтено необходимым создавать новый орден.

ГЛАВА XX.

ИНКВИЗИЦИЯ ПРАЗДНУЕТ В ВАЛЬЯДОЛИДЕ В 1559 ГОДУ ДВА АУТОДАФЕ ПРОТИВ ЛЮТЕРАН В ПРИСУТСТВИИ НЕКОТОРЫХ ЧЛЕНОВ КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬИ.

Первое аутодафе.

Суд над Хуаном Хил, епископом Тортосы, так сильно встревожил многих лютеран, что они покинули королевство. Из этого числа были Кассиодор де Бейна, Хуан Перес де Пинеда, Киприан де Валера и Хулиан Эрнандес; три первых опубликованных катехизиса, переводы Библии и другие произведения, написанные на кастильском языке, в зарубежных странах^[19]. Хуан Перес опубликовал свои работы в Венеции в 1556 году, и вскоре после этого они были представлены в Испании Эрнандесом, который был арестован инквизицией. Ссылки и расследования, сделанные в связи с судебным процессом над Эрнандесом с целью выяснить религиозные взгляды людей, с которыми он был связан, привели к тому, что в течение последующих пятнадцати лет было возбуждено бесконечное количество судебных процессов во всех трибуналах Испании, особенно в трибуналах Севильи и Вальядолида. В 1557 и 1558 годах инквизиция арестовала огромное количество людей, отличавшихся своим рождением, должностями или доктриной. Некоторые указания, обнаруженные в протоколах судебных процессов, на обширную схему, направленную на распространение взглядов Лютера, убедили Филиппа II и инквизитора Вальдеса в необходимости обращаться со всеми осужденными со всей строгостью. Филипп написал в Рим по этому поводу 4 января 1559 года. Папа направил Вальдесу краткое послание, в котором уполномочил его передать светскому правосудию всех догматизирующих лютеран, даже тех, кто не впал в рецидив и кто, чтобы избежать смертной казни, подавал двусмысленные признаки раскаяния. Если бы в истории не было ничего, что можно было бы предъявить Филиппу II и инквизитору Вальдесу, кроме подстрекательства к этой булле, этого было бы достаточно, чтобы опозорить их имена.

5 января 1559 года вторая булла отменила все разрешения, выданные на чтение запрещенных книг, и обязала генерального инквизитора преследовать в судебном порядке всех, кто будет читать или хранить их в своих домах; и поскольку его Святейшеству сообщили, что в Испании циркулирует большое количество сочинений, направленных на пропаганду лютеранских доктрин, булла повелела исповедникам спросить своих кающихся, знают ли они или слышали о каких-либо лицах, владеющих ими, читающих или распространяющих их; что они также должны возложить на них обязанность сообщать о таких обстоятельствах в святую канцелярию под страхом наказания. отлучение от церкви; и что исповедники, пренебрегшие этой обязанностью, должны быть наказаны как виновные, даже если лицами, которым они отпустили грехи, были епископы, архиепископы, патриархи, кардиналы, *короли или императоры*. Легко понять, насколько эти меры, должно быть, увеличили количество обвинений; и чтобы поощрить доносчиков, Филипп возобновил действие эдикта Фердинанда V., опубликованного в Торо в

1505 году, согласно которому они имели право на четвертую часть конфискованного имущества.

Множество обвинений, вызванных этими буллами, побудили генерального инквизитора делегировать свои полномочия дону Педро де ла Гаске, епископу Паленсии, который обосновался в Вальядолиде, и дону Хуану Гонсалесу де Мунебреге, епископу Таррагоны, который отправился в Севилью. Вальдес в то же время исполнил распоряжения другой буллы, которая предоставляла святой канцелярии, в связи с возросшими расходами на поездки и содержание такого большого количества заключенных, доходы от канонизации в каждой столичной церкви, кафедральном соборе и колледже королевства. Другой судебный приказ предоставил им субсидию в размере ста тысяч золотых дукатов, которая должна была быть наложена на церковные доходы королевства для уплаты долгов, возникших по той же причине. Удивительно, что после восьмидесяти лет конфискации истеблишмент жалуется на бедственное положение. Однако этих булл оказалось недостаточно для получения денег из-за сопротивления нескольких отделений, особенно отделения на Майорке. В 1574 году они все еще оставались неисполненными, когда Григорий XIII. подтвердил их, и король Испании был вынужден принудить мятежных каноников подчиниться.

Арест и суд над таким большим количеством испанцев неизбежно привели к тому, что во многих трибуналах было проведено *аутодафе*; но поскольку жертвы в тех, что были в Вальядолиде и Севилье, были людьми выдающимися, некоторые из-за их благородства, другие из-за их доктрины, и все из-за чистоты их жизни, церемонии в этих городах были более известными, чем в других; и я без колебаний утверждаю, что все, что было написано против испанской инквизиции в Германии и Франции, было вызвано только обращением с лютеранами в Севилье и Вальядолиде. (ибо до тех пор на эту тему почти ничего не было написано), хотя число погибших лютеран было невелико по сравнению с огромным и почти невероятным числом тех, кто пострадал как евреи или магометане.

Первое торжественное *аутодафе* в Вальядолиде было отпраздновано 21 мая 1559 года на большой площади в присутствии принца Дона Карлоса и принцессы Хуаны, представителей гражданских властей и значительного числа испанских грандов, помимо огромного множества людей. Расположение подмостей и сидений уже было описано в нескольких работах и представлено на гравюрах. Четырнадцать человек были освобождены, кости и изображение женщины сожжены, а шестнадцать человек были допущены к примирению с наложением епитимий. Некоторые подробности об основных лицах могут показаться интересными.

Донна Элеонора де Вибера (жена Педро Касальи, занимавшего должность в казначействе), дочь Хуана де Вибера, занимавшего аналогичную должность, и Констанс Ортис, владелицы часовни в бенедиктинском монастыре Вальядолида. Она была похоронена без каких-либо сомнений в своей ортодоксальности; но фискал инквизиции обвинил ее в лютеранстве, хотя он и сказал, что она скрыла свои взгляды, приняв таинства и евхаристию после своей смерти. Он подкрепил свое обвинение показаниями нескольких свидетелей, которые подвергались пыткам или угрозам, в результате чего дом Элеоноры де Вибера использовался лютеранами в качестве храма. Ее память и ее потомство были обречены на позор, ее имущество конфисковано, ее тело извлечено из могилы и сожжено вместе с ее изображением, а ее дом снесен до основания и ему запрещено восстанавливаться; на этом месте был установлен памятник с надписью,

относящейся к этому событию. Я видел колонну и надпись; я слышал, что она была разрушена в 1809 году.

Другими главными лицами, погибшими в этом *аутодафе*, были доктор Огюстен Касалья, священник и каноник Саламанки, раздавал милостыню и проповедовал при короле и императоре; он был сыном Педро Касальи и Элеоноры де Вибера и происходил от евреев как по отцу, так и по матери. Его обвинили в исповедании лютеранской ереси, в том, что он был догматиком в лютеранском собрании Вальядолида и переписывался с еретиками Севильи. Касалья отрицал факты, вмененные ему в нескольких заявлениях под присягой, и в других, которые он представил, когда *состоялась публикация доказательств*. Было объявлено о пытке: 4 марта Касаллу отвели в темницу, где ему должны были подвергнуть пытку, но она не состоялась, поскольку заключенный пообещал сделать признание. Он изложил это в письменной форме и утвердил 16-го числа, признав, что он был лютеранином, но отрицал, что преподавал это учение. Он объяснил мотивы, которые помешали ему сделать это заявление раньше; и пообещал быть добрым католиком в будущем, если ему будет даровано примирение; но инквизиторы не сочли уместным избавить его от смертной казни, поскольку свидетели подтвердили, что он догматизировал. Касалья, однако, продолжал приводить все возможные доказательства обращения вплоть до своей казни: когда он увидел, что смерть неизбежна, он начал проповедовать своим товарищам по несчастью. За два дня до своей смерти он рассказал некоторые подробности своей жизни. Он родился в 1510 году: в возрасте семнадцати лет его духовником был Бартоломью Карранса де Миранда в колледже Святого Григория в Вальядолиде; он продолжил учебу в Алькала-де-Энарес, где оставался до 1536 года. В 1545 году Карл V сделал его своим проповедником; в следующем году он сопровождал этого принца в Германию и оставался там до 1552 года, проповедуя против лютеран; в том же году он вернулся в Испанию и удалился в Саламанку, где прожил три года, иногда отправляясь в Вальядолид. Однажды он присутствовал по приказу императора на собрании, где председательствовал дон Антонио Фонсека, президент Королевского совета Кастилии, и на котором помогали лицензиат Оталора, доктора Рибера и Веласко, аудиторы совета и канцелярии, а также братья Альфонсо де Кастро и Бартоломью Карранса. Целью собрания было принять решение о ходе судебного разбирательства, которое Римский суд ускорил в отношении тех, кто одобрял постановления Тридентского собора, который продолжал собираться в этом городе, хотя папа распорядился перенести его в Болонью. Касалья заявил, что все члены хунты признали, что папа действовал только из личных интересов; и что Бартоломью Карранса особенно отличился, выступив против злоупотреблений Римского двора. 20 мая, за день до его смерти, его посетил брат Антонио де ла Каррера, монах Святого Иеронима, которого инквизиторы послали к нему, чтобы сообщить ему, что они не удовлетворены его заявлениями, и увещевать его, для блага его совести, признаться во всем, что он знал о себе и других. Касалья ответил, что не может сказать больше, не лжесвидетельствуя. Монах ответил, что он всегда отрицал догматизацию, хотя свидетели доказали обратное. Он сказал, что это преступление было несправедливо вменено ему; что он виновен в том, что не разуверил тех, кто придерживался плохих доктрин; но что он говорил о своем мнении только людям, которые думали так же, как он; затем брат Антонио увещевал его готовиться к смерти на следующий день. Эта информация стала ударом молнии для Касальи, который ожидал, что его допустят к примирению. Он потребовал, не смягчат ли ему наказание: Каррера сказал ему, что если он признается в том, что до сих пор скрывал, то может надеяться на помилование. *Что ж, тогда, сказал Касалья, я должен приготовиться умереть с Божьей милостью; ибо я не могу ничего добавить к тому, что уже сказал, если только я не лгу, - если*

только я не лгу, - сказал Касалья. Затем он начал подбивать себя на смертные муки; он признался несколько раз в ту же ночь и на следующий день Антонио де ла Каррере. Когда он прибыл на место *аутодафе*, он попросил разрешения проповедовать тем, кто должен был пострадать вместе с ним; он не смог этого получить, но обратился к ним с несколькими словами: поскольку он был кающимся грешником, его задушили раньше, его сожгли. Когда его привязали к столбу, он исповедался в последний раз, и его духовник был так тронут всем, что он увидел и услышал за последние двадцать четыре часа, что впоследствии написал: "у него не было сомнений, что доктор Касалья на Небесах".

Фрэнсис де Виберио Касалья, брат Августина, священника и викария Хормигоса в епархии Паленсии, сначала отрицал обвинения, признался в них под пытками, подтвердил свое признание и потребовал, чтобы его допустили к примирению. В этом ему было отказано, так как предполагалось, что он признался только из страха смерти. На самом деле он высмеял увещания своего брата на эшафоте и испустил дух в огне, не выказав никаких признаков раскаяния. Он был лишен сана священника, как и его брат, еще до того, как взойшел на эшафот.

Донна Беатрис де Касалья, сестра вышеупомянутых лиц, и Альфонсо Перес сначала отрицали обвинения, сознались во время пыток, требовали примирения, но были задушены и сожжены.

Дон Кристобаль де Окампо из Севильи, рыцарь ордена Святого Иоанна и раздававший милостыню великому приору Кастилии и Леона, и дон Кристобаль де Падилья, рыцарь и житель Саморы, были приговорены к такому же наказанию за лютеранство.

Лицензиат Антонио Херресуэло, юрист из города Торо, осужденный как лютеранин, скончался без каких-либо признаков раскаяния. Доктор Касалья обратился, в частности, к нему с некоторыми словами; Антонио высмеял его речь, хотя он уже был привязан к столбу. Один из лучников, взбешенный такой отвагой, вонзил свое копье в тело Эрресуэло; он умер, не произнеся ни слова.

Хуан Гарсия, ювелир из Вальядолида, и лицензиат Перес де Эррера, судья суда по борьбе с контрабандистами в Логроньо, пострадали как лютеране. Гонсалес Баэз, португалец, упомянутый в предыдущей главе, пострадал как иудейский еретик.

Донна Катрин де Ортега, вдова командующего Лоайсы и дочь Эрнанда Диаса, фискала Королевского совета Кастилии, была осуждена как лютеранка и сделала свое признание. Ее постигла та же участь, что и Кэтрин Роман де Педраса, Изабелла д'Эстрада и Джейн Бласкье, служанка маркизы д'Альканизес. Никто из этих людей не был догматизирован, ни у кого не было рецидива, но они были осуждены, потому что признались только во время пыток.

Среди примирившихся лиц выделялись дон Педро Сармьенто де Рохас, кавалер ордена Святого Яго, командующий Кинтана и сын первого маркиза Посы. Он был осужден как лютеранин, лишен ордена, облачен в бессрочный *Сан-бенито*, пожизненно заключен в тюрьму, предан позору, а его имущество конфисковано.

Дону Луису де Рохасу, племяннику вышеупомянутого, было предъявлено обвинение в том же преступлении; он был изгнан из Мадрида, Вальядолида и Паленсии и ему было запрещено

покидать Испанию; его имущество было конфисковано, и он был объявлен неспособным наследовать маркизат Позы, который перешел к его младшему брату.

Донна Менсия де Фигероа, жена дон Педро Сармьенто де Роксаса и приближенная королевы Испании, была осуждена за лютеранство носить *Сан-Бенито*, к пожизненному заключению и конфискации ее имущества.

Донна Анна Энрикес де Рохас, дочь маркиза д'Альканизеса и жена дон Хуана Альфонсо де Фонсека Мехиа, была осуждена как лютеранка. Она участвовала в *аутодафе* с *Сан-бенито*, а затем была заключена в монастырь. Ей было двадцать четыре года, она в совершенстве владела латинским языком и читала труды Кальвина и Константина Понсе де ла Фуэнте.

Донна Мария де Рохас, монахиня монастыря Святой Екатерины Вальядолидской и дочь первого маркиза де Позы. Она была осуждена как лютеранка, отправлена на *аутодафе* с *Сан-Бенито* и пожизненно заточена в своем монастыре. Инквизиция приказала обращаться с ней как с самой низкой в обществе на хорах и в трапезной и лишить права голоса.

Дон Хуан де Ульоа Перейра, рыцарь-командор ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Он был сыном и братом сеньоров де ла Мота, которые вскоре после этого стали маркизами, и жителем Торо. За лютеранство он был осужден носить *Сан-бенито*, пожизненно заключен в тюрьму и лишен своего имущества. Он был объявлен позорным, неспособным к получению санов, лишен ряссы и креста своего ордена и изгнан из Мадрида, Вальядолида и Торо, но ему было запрещено покидать королевство. В 1565 году Уллоа представил свою ситуацию папе римскому, напомнив ему о его заслугах в борьбе с турками, особенно когда он захватил пять кораблей пирата Карамани Арраэса; он добавил, что генеральный инквизитор снял с него епитимью более чем на год, но что он хотел бы восстановить свое звание рыцаря, поскольку он все еще способен служить. Папа удовлетворил ходатайство в пользу Уллоа, восстановив его в рыцарских привилегиях, с особым пунктом, в котором говорилось, что произошедшее не может помешать ему достичь высших званий своего ордена, при условии, что генеральный инквизитор и великий магистр Мальты одобряют этот указ. Затем Уллоа был восстановлен в должности командира.

Хуан де Вибера Касалья, брат Августина, и донна Хуана Сильва де Рибера, его жена, были осуждены как лютеране к лишению свободы и имущества и ношению *ордена Сан-Бенито*.

Донна Констанс де Вибера Касалья, сестра Августина и вдова Эрнанда Ортиса, была приговорена к ношению *ордена Сан-Бенито*, к пожизненному заключению и конфискации ее имущества. Когда Огюстен увидел, что его сестра проходит мимо, он повернулся к гувернантке принцессы и сказал ей: *Принцесса, я умоляю ваше высочество сжалиться над этой несчастной женщиной, которая оставит тринадцать сирот.*

Элеонора де Сиснерос, двадцати четырех лет, жена Антонио Эрресуэло, и донна Франциска Суньига де Баэса были приговорены к *тюрьме Сан-Бенито*, тюремному заключению и конфискации.

Марина де Сааведра, вдова Хуана Сиснероса де Сото, знатного джентльмена, Изабелла Мингес, служанка донны Беатриче Касалья, и Антонио Мингес, брат Изабеллы, понесли такое же наказание.

Энтони Вазор, англичанин, слуга дона Луиса де Роксаса, был приговорен носить *Сан-бенито*, потерять свое имущество и быть заключенным в монастырь на один год.

Даниэль де ла Квадра потерял свободу и имущество и принял бессрочный *Сан-бенито* как лютеранин.

Проповедь о вере была произнесена знаменитым Мельхиором Кано после того, как все собравшиеся стали свидетелями скандальной сделки. Когда суд и все остальные присутствующие заняли свои места, дон Франсис Бака, инквизитор Вальядолида, подошел к принцу Астурийскому дону Карлосу и его тете, принцессе Хуане, чтобы потребовать и получить от них клятву поддерживать и защищать инквизицию и сообщать ей все, что могло быть сказано против веры любым известным им лицом. При учреждении инквизиции было постановлено, что магистрат, председательствовавший на *аутодафе*, должен принести аналогичную присягу, но монархи не могут рассматриваться в качестве магистратов. Дон Карлос и его тетя принесли присягу, но последующие события показывают, насколько он был недоволен смелостью этого инквизитора: ему тогда было четырнадцать лет.

Второе аутодафе.

Второе *аутодафе* в Вальядолиде состоялось 8 октября того же 1559 года; оно было еще более великолепным, чем первое, из-за присутствия Филиппа II. Инквизиторы ждали его возвращения из Нидерландов, чтобы оказать ему почести на этом грандиозном празднестве.

Тринадцать человек вместе с трупом и чучелом были сожжены, а шестнадцать признались в примирении. Короля сопровождали его сын, его сестра, принц Пармский, три посла Франции, архиепископ Севильи, епископы Паленсии и Саморы и другие избранные епископы; присутствовали также констебль и адмирал, герцоги де Наксара и д'Аркуос, маркиз де Дения, впоследствии герцог Лерма, маркиз д'Асторга и граф де Уренья, впоследствии герцог Оссуна, граф де Бенавенте, граф де Буэндия, последний великий магистр военного ордена Монтеса, а также другие избранные епископы. Дон Луис Борджиа, великий приор Кастилии и Леона, кавалер ордена Святого Иоанна Иерусалимского, дон Антонио де Толедо, сын и брат герцогов Альва; несколько других грандов Испании, не названных в устном процессе этой казни, и множество лиц более низкого ранга: графиня де Рибдабия и другие знатные дамы, помимо советов, трибуналов и других властей.

Проповедь о вере была произнесена епископом Куэнсы; епископы Паленсии и Саморы низложили осужденных священников; а генеральный инквизитор, архиепископ Севильи, потребовал и получил от короля ту же клятву, которая была принесена дону Карлосу. Осужденными были:—

Дон Карлос де Сесо, веронский дворянин, сын епископа Пласенцы в Италии и представитель одной из самых знатных семей страны; ему было сорок три года, он считался образованным человеком, оказал большие услуги императору и занимал должность корректора Торо. Он женился на донне Изабелле де Кастилья, дочери дона Франциска де Кастилья, которые происходили от короля Дона Педро Жестокого. После женитьбы он поселился в Вильямедиане, недалеко от Логроньо. Там он открыто проповедовал ересь и был главным инициатором распространения лютеранства в Вальядолиде, Паленсии, Саморе и районах, зависящих от этих городов. Он был арестован в Логроньо и доставлен в секретные тюрьмы Вальядолида. Он

ответил на запрос фискала 28 июня 1558 года. Его приговор был сообщен ему 7 октября 1559 года, и ему было велено готовиться к смертной казни на следующий день. Де Сесо попросил чернил и бумаги и написал свое исповедание, которое было полностью лютеранским; он сказал, что это учение, а не то, которому учит Римская церковь, которая была искажена в течение нескольких столетий, является истинной верой в Евангелие; что он умрет в этой вере и что он принес себя в жертву Богу в память о страстях Иисуса Христа. Было бы трудно выразить всю силу и напористость его письма, которое занимало два листа бумаги. Де Сесо увещевали всю ночь и утром 8-го, но безуспешно; ему заткнули рот кляпом, чтобы он не мог проповедовать свое учение. Когда его привязали к столбу, вынули кляп изо рта и снова призвали его признаться; он ответил громким голосом и с большой твердостью: "Если бы у меня было достаточно времени, я бы убедил вас, что вы погибли, если бы не последовали моему примеру. Поспешите зажечь дрова, которые поглотят меня". Палачи подчинились, и Де Сесо умер нераскаявшимся.

Педро де Касалья, викарий прихода Педроса; он был братом Огюстена Касальи, и ему было тридцать три года. Он был арестован 23 апреля 1558 года и признался, что он лютеранин. Он требовал примирения, но был приговорен к *смягчению наказания* за то, что проповедовал еретическое учение. 7 октября ему сообщили о вынесенном приговоре, но он отказался признаться; когда его привязали к столбу, он попросил позвать исповедника, а затем был задушен, а затем сожжен.

Доминик Санчес, священник Вильямедианы, принял лютеранскую ересь после того, как услышал Де Сесо и прочитал его книги. Он был приговорен к сожжению и последовал примеру Педро де Касальи.

Доминик де Рохас, доминиканский священник; он был учеником Бартоломью Каррансы. Его отцом был маркиз де Поса, у которого двое детей были наказаны во время первого *аутодафе*. Брату Доминику было сорок лет. Он был схвачен в Калаорре, переодетый мирянином; у него вошло в привычку скрываться от агентов инквизиции до тех пор, пока он не сможет бежать во Фландрию после свидания, которое он хотел иметь с доном Карлосом де Сесо. Он сделал свое первое заявление перед Святой Канцелярией 13 мая 1558 года; он был вынужден сделать несколько других, потому что в одном он отказался от того, что выдвинул в другом; он был приговорен к пыткам за эти отречения. Брат Доминик пожелал, чтобы его избавили от ужасов этого вопроса, поскольку он боялся этого больше, чем смерти. Эта просьба была удовлетворена при условии, что он пообещает раскрыть то, что до сих пор скрывал; он согласился и добавил несколько новых заявлений к первому; впоследствии он потребовал примирения. 7 октября его призвали готовиться к смерти; затем он сделал некоторые открытия в пользу лиц, против которых он выступал на предыдущих допросах; но он отказался признаться, и когда он спустился с эшафота во время *аутодафе*, он повернулся к королю и воскликнул, что собирается умереть за истинную веру, которой был Лютер. Филипп II приказал заткнуть ему рот кляпом. Он все еще находился в том положении, когда его привязали к столбу; но когда они начали разжигать костер, его мужество покинуло его, он потребовал исповеди, получил отпущение грехов и был задушен.

Хуан Санчес, слуга Педро де Касальи и донны Катрин Хортеги; ему было тридцать три года. Страх быть арестованным инквизицией побудил его отправиться в Вальядолид, чтобы бежать в Нидерланды под вымышленным именем Хуан де Вибар. Инквизиторы были проинформированы

о его намерении из его писем, написанных в Кастрордиалесе и адресованных донне Екатерине Хортега, когда она находилась в тюрьме. Инквизиторы передали информацию королю, который поручил придворному дону Франсису де Кастилья Алькальду арестовать его. Санчеса схватили в Терлингене и перевели в Вальядолид, где он был приговорен к *послаблению* как догматизирующий и нераскаявшийся лютеранин. Ему затыкали рот кляпом до тех пор, пока он не был привязан к столбу. Поскольку он не просил позвать исповедника, костер был подожжен, и когда веревки, удерживавшие его, сгорели, он бросился на вершину эшафота, откуда мог видеть, что несколько осужденных исповедовались, чтобы избежать пламени. Священники снова призвали его исповедаться, но, видя, что Де Сесо непоколебим в своем решении, он вернулся и велел им подбросить еще дров, потому что в этом случае он умрет, как дон Карлос де Сесо. Лучники и палачи подчинились его указаниям, и он погиб в пламени.

Донна Ефросинья Риос, монахиня ордена Санта-Клары Вальядолидской, была осуждена за лютеранство двадцатью двумя свидетелями; она продолжала нераскаявшаяся, пока ее не привязали к столбу, когда она призналась, была задушена и сожжена.

Донна Марина де Гевара, монахиня монастыря Белен в Вальядолиде, ордена цистерцианцев; она была в родстве с семьей Поза. Марина призналась во всем, но не смогла избежать осуждения, хотя и требовала примирения. Это было тем более удивительно, что генеральный инквизитор приложил немало усилий, чтобы спасти ей жизнь; он был близким другом нескольких ее родственников, и, получив информацию о том, что инквизиторы Вальядолида намеревались осудить ее, он уполномочил дону Альфонсо Теллеса Хирона, сеньора Монтальбана и двоюродного брата Марины, и герцога Оссуны посетить обвиняемую и заставить ее признаться в том, что она отрицала, а свидетели подтвердили; но Марина сказала, что ничего не может добавить к тому, что она уже заявила.

Она была приговорена к *смягчению наказания*, но приговор не был немедленно опубликован, поскольку это было принято делать только за день до *аутодафе*; и поскольку правила 1541 года позволяют отменить смертный приговор, если преступники раскаются до того, как их передадут светскому правосудию, генеральный инквизитор вторично отправил дону Альфонсо Хирона к своей кухне, чтобы увещевать ее признаться во всем и избежать смерти. Такое поведение Вальдеса вызвало недовольство инквизиторов Вальядолида, которые отзывались о нем как о странном и скандальном предпочтении. Вальдес обратился в Верховный совет, который постановил, что визит должен быть совершен в присутствии одного или двух инквизиторов. Эта последняя попытка удалась не лучше первой; Марина настаивала на своем заявлении и была сожжена.

Донна Катрин де Рейносо, монахиня того же монастыря, донна Маргарет де Сантистебан и донна Мария де Миранда, монахини Санта-Клары в Вальядолиде, также были задушены и сожжены как лютеранки.

Педро де Сотело и Франсис д'Альмарсо понесли такое же наказание за лютеранство, как и Фрэнсис Бланко, новый христианин, который отрекся от магометанства и впоследствии впал в заблуждение.

Джейн Санчес, представительница класса женщин по имени Беатс, была осуждена как лютеранка: когда ей сообщили о вынесенном приговоре, она перерезала себе горло

ножницами и умерла нераскаявшейся через несколько дней в тюрьме. Ее труп был доставлен на *аутодафе* на носилках и сожжен вместе с ее изображением.

Шестнадцать человек были приговорены к епитимье. Я упомяну только тех, кто отличался своим рангом или характером судебных процессов.

Донна Изабелла де Кастилья, жена дон Карлоса де Сесо, добровольно призналась, что она приняла некоторые взгляды своего мужа; ее приговорили носить *сан-Бенито*, пожизненно заключить в тюрьму и лишить ее имущества.

Донна Катрин де Кастилья, племянница вышеупомянутого, понесла такое же наказание.

Донна Франциска де Суньига Рейносо, сестра донны Екатерины, которая была сожжена на том же *аутодафе*, и монахиня из того же монастыря были приговорены вместе с донной Филиппиной де Эредиа и донной Катариной д'Алькарас, двумя ее спутницами, к лишению права голоса в своей общине и запрету выходить за пределы монастыря.

Антонио Санчес, житель Саламанки, был наказан как лжесвидетель; было доказано, что он дал ложные показания с целью предания сожжению еврея: он был приговорен к получению двухсот ударов плетью; был лишен половины своего имущества и отправлен на галеры на пять лет. Сострадание инквизиторов к такого рода преступникам является неоспоримым фактом, хотя они без колебаний приговаривали еретиков к смерти, если бы у них было только сокрытие или неискреннее раскаяние, в котором их можно было бы упрекнуть.

Педро д'Агвилар, стригальщик, родившийся в Тордесильясе, выдавал себя за альгвасила инквизиции и появился в Вальядолиде с *жезлом* Святой Канцелярии в день празднования первого *аутодафе*; впоследствии он отправился в город в провинции Кампос, где, по его словам, ему было поручено вскрыть могилу епископа и взять кости для сожжения на *аутодафе*, как принадлежащие человеку, погибшему в иудейской войне. ересь. Педро был приговорен к получению четырехсот ударов плетью, конфискации имущества и пожизненному отправлению на галеры. Это дело доказывает, что инквизиторы считали гораздо большим преступлением выдавать себя за альгвасила Святой Канцелярии, чем давать ложные показания и вызывать смерть человека, конфискацию его имущества и обречь его потомство на позор!

Такова история двух знаменитых *авто-да-фе* в Вальядолиде, о которых так много говорилось, хотя о них не было известно ничего определенного. Интересным обстоятельством является то, что инквизиция одновременно вела дело против сорока пяти человек, отличавшихся своим рангом или личными качествами; из этих сорока пяти человек десять были арестованы. Не следует предполагать, что инквизиторы преследовали только этих людей: судебный процесс над Каррансой, архиепископом Севильи, послужил источником множества обвинений против епископов и других выдающихся личностей. Я ограничился теми документами, с которыми мог ознакомиться; прочитав все, что накопилось в архивах, было бы задачей, превышающей силы одного человека.

ГЛАВА XXI.

ИСТОРИЯ ДВУХ АУТОДАФЕ, УСТРОЕННЫХ ПРОТИВ ЛЮТЕРАН В ГОРОДЕ СЕВИЛЬЯ.

АН *аутодафе* было отпраздновано 24 сентября 1559 года на площади Святого Франциска в Севилье, что примечательно не столько рангом осужденных, сколько характером их судебных процессов. На нем присутствовали четыре епископа: коадьютор Севильи, епископы Ларго и Канарских островов, случайно оказавшиеся в городе, и епископ Тарразоны, которому король разрешил проживать в Севилье в качестве заместителя генерального инквизитора.

Инквизиторами севильского округа были дон Мишель дель Карпио, дон Андрес Гаско и дон Фрэнсис Гальдо; дон Хуан де Обандо представлял архиепископа. Я делаю это замечание, чтобы показать, что ни один из судей не был назван по имени *Варгас*, как утверждал автор романа под названием *Корнелия Бороркия*.

Это *аутодафе* проходило в присутствии королевского суда, капитула кафедрального собора, некоторых испанских грандов и множества титулованных особ и джентльменов; герцогиня Бежар присутствовала с несколькими дамами и огромным скоплением людей. Двадцать один человек был *смягчен* помощью изображения непокорного человека, а восемьдесят человек были приговорены к епитимье, наибольшее число из которых были лютеранами; я упомяну наиболее примечательные примеры.

Это было изображение Фрэнсиса Зафры, священника прихода Святого Винсента Севильского, который был осужден как лютеранин, но совершил побег. Гонсалес де Монтеc приводит длинный отчет об этом человеке, который я счел правильным, изучив бумаги святой канцелярии. Он говорит, что Фрэнсис Зафра был хорошо сведущ в Священном Писании; в течение некоторого времени ему удавалось скрывать свою склонность к лютеранству, и инквизиторы нанимали его для уточнения разоблаченных положений, и что таким образом он смог спасти многих людей от осуждения. Он принял в своем доме одну из женщин по имени *Беатес*, которая (после упрямой поддержки новых доктрин) настолько обезумела, что он был вынужден заключить ее в тюрьму и выпороть, чтобы утихомирить ее буйство. В 1555 году эта женщина сбежала и донесла инквизиции на триста человек как на лютеран: инквизиторы составили их список; Фрэнсис Зафра был вызван, и, хотя он упоминался как один из главных еретиков, доказал, что они не могли получить показания человека, разум которого был настолько сильно расстроен[20]. Поскольку святая канцелярия никогда не пренебрегала ничем, что могло помочь в выявлении ереси, этот список заставил строго следить за поведением многих людей, и более восьмисот были арестованы; Фрэнсис Зафра был одним из заключенных, но ему удалось сбежать, и его чучело было сожжено как непокорное.

Первым человеком, которого я упомяну как обреченного на расслабление, была донна Изабелла де Баэна, богатая дама из Севильи. Ее дом был стерт с лица земли за то, что служил храмом лютеранам.

Я нахожу среди других жертв в Севилье дона Хуана Понсе де Леона, младшего сына графа де Байлена; он был двоюродным братом-немцем герцога д'Арк и родственником герцогини де Бежар, которые оба присутствовали при его *аутодафе*. Он был осужден как нераскаившийся

лютеранин: сначала он отрицал обвинения, но признался во время пыток: инквизиторы послали священника, с которым он был хорошо знаком, убедить его, что ему будет выгодно, если он признается правду. Понсе был обманут и исповедался, как они требовали; но, обнаружив свою ошибку, за день до *аутодафе*, он принял истинно лютеранский обряд и с презрением обошелся со священником, который его посещал. Гонсалес де Монтес делает вид, что он упорствовал в своих чувствах, но он ошибается, потому что Понсе признался, когда его привязали к столбу и задушили перед сожжением.

Дон Хуан Гонсалес, сеvilьский священник и знаменитый проповедник Андалусии, принял магометанство в двенадцать лет, потому что его родители были маврами, но инквизиция примирила его. Некоторое время спустя он был заключен в тюрьму как лютеранин, но упрямо отказывался признаться, даже под пытками; утверждая, что его взгляды были основаны на Священном Писании и что, следовательно, он не мог быть еретиком. Этому примеру подражали две его сестры, которые пострадали во время того же *аутодафе*: когда кляпы были вынуты у них изо ртов, Дон Хуан велел им спеть 106-й псалом. Они умерли (говорят протестанты) в вере в Иисуса Христа и с отвращением относились к заблуждениям *папистов*.

Брат Гарсия де Ариас (прозванный *Белым доктором* из-за чрезвычайной белизны его волос) был иеронимитом монастыря Св. Исидор в Севилье; он был осужден как нераскаявшийся лютеранин и погиб в огне. Он исповедовал доктрины Лютера в течение нескольких лет, но о его чувствах знали только главные приверженцы ереси, такие как Варгас, Эгидий и Константин: его благоразумие было настолько велико, что на него смотрели как на ортодоксального богослова и человека величайшего благочестия: он даже зашел в своем притворстве так далеко, что объявил себя врагом лютеран. Его несколько раз нанимали, чтобы квалифицировать еретические утверждения, и, казалось, он был настолько предан системе инквизиции, что, хотя на него несколько раз доносили, инквизиторы заявляли, что доносчики действовали из ненависти к нему. Однако ему была сообщена информация, чтобы он был более осторожен в своих разговорах с подозрительными лицами.

Его поведение по отношению к Грегорио Риусу должно быть зафиксировано. Риуса осудили за некоторые разъяснения доктрины в проповеди; будучи вынужденным предстать и защитить свою доктрину перед богословами, он обратился к своему другу, Белому Доктору, который пожелал услышать его изложение принципов, которые он намеревался использовать для своей защиты, и решений, которые он подготовил для преодоления трудностей, с которыми он мог столкнуться. Когда собрание состоялось, инквизиторы поручили Ариасу выступить против Риуса, который был очень удивлен, увидев его на этой конференции, и еще больше, когда услышал, что он говорит в такой манере, что подготовленные им ответы были совершенно бесполезны. Риуз пал под этой атакой, а доктор Ариас подвергся суровому упреку за свое предательство со стороны лютеранских врачей Варгаса, Эгидиуса и Константина.

Ариас преподавал лютеранское учение некоторым монахам своего монастыря: один из них (брат Кассиодор) настолько преуспел в нем, что обратил в свою веру почти всех монахов общины, так что монашеские упражнения больше не практиковались. Двенадцать из этих людей, встревоженные таким положением вещей, бежали в Германию; остальные, оставшиеся в Севилье, были осуждены инквизицией. Та же участь ожидала Гарсию д'Ариаса; свидетельские показания против него продолжали множиться, и в конце концов он был арестован. Предвидя результат своего судебного разбирательства, он исповедал свою веру и взялся доказать, что

взгляды Лютера были основаны на Евангелии. Он упорствовал в своем нераскаянности, и ни один католик не мог обратить его в свою веру, потому что он понимал доктрину лучше, чем те, кто спорил с ним.

Донна Мария де Вируес, донна Мария Корнель и донна Мария Бохоркес также погибли в этом *аутодафе*. Все они были молоды и принадлежали к высшему классу знати. История последней из этих дам должна быть обнародована в связи с некоторыми обстоятельствами ее судебного процесса, а также потому, что испанец сочинил роман под названием "*Корнелия Бороркия*", который, по его утверждению, является скорее историей, чем романом, хотя это ни то, ни другое, а собрание сцен и событий, плохо продуманных, в которых он даже не назвал действующих лиц их настоящими именами, поскольку не понимал Истории инквизиции Лимборча. Этот историк упомянул двух дам по именам *Корнелия* и *Бохоркия*, что означает *донна Мария Корнель* и *донна Мария Бохоркия*. Испанский автор объединил эти имена, чтобы обозначить *Корнелию Бороркия* как вымышленную личность. Он предположил любовную интригу между ней и генеральным инквизитором, что абсурдно, поскольку он был в Мадриде. Он также ввел экзамены, которые никогда не проводились в трибунале; короче говоря, намерением автора было критиковать и высмеивать инквизицию, и страх быть наказанным за это побудил его бежать в Байонну. Доброе дело становится плохим, когда в его защиту используется ложь: подлинной истории инквизиции достаточно, чтобы показать, насколько она заслуживает отвращения всего человечества, и поэтому бесполезно прибегать к вымыслу или сатире. То же самое можно сказать о *Гусмане*, французской поэме, содержащей утверждения, ложные и наносящие ущерб памяти святого Доминика де Гусмана, чье личное поведение было очень чистым, хотя его можно обвинить в его поведении по отношению к альбигойцам.

Донна Мария де Бохоркес была внебрачной дочерью Педро Гарсии де Хереса Бохоркеса из одной из первых семей Севильи, от которой произошли маркизы де Ручена, вельможи первого класса. Ей не было и двадцати одного года, когда ее арестовали как лютеранку. Ее проинструктировал врач Хуан Хиль (или Эгидиус), она была в совершенстве знакома с латинским языком и понимала греческий; у нее было много лютеранских книг, и она выучила наизусть Евангелия и некоторые из основных работ, объясняющих текст в лютеранском смысле. Ее отвели в секретные тюрьмы, где она признала свое мнение и защищала его как католичка. Она сказала, что некоторые факты и предположения, содержащиеся в показаниях, были правдой, но отрицала другие, либо потому, что забыла их, либо боялась скомпрометировать других. Затем ее пытали, и она призналась, что ее сестра, Джейн Бохоркс, была осведомлена о ее чувствах и не осуждала их. Роковые последствия этого признания будут показаны ниже. Окончательный приговор был вынесен, и Мария Бохоркес была приговорена к *ослаблению*. Поскольку приговор был сообщен заключенной только за день до *аутодафе*, инквизиторы пожелали, чтобы Марию увещевали во время перерыва. К ней были последовательно посланы два иезуита и два доминиканца. Они вернулись, полные восхищения ученостью заключенной, но недовольные ее упорством в объяснении предложенных ими текстов Священного Писания в лютеранском смысле. За день до *аутодафа* двое других доминиканцев отправились вместе с первым, чтобы предпринять последнюю попытку обратить Марию, а за ними последовали еще несколько богословов разных религиозных орденов. Мария приняла их с таким же удовольствием, как и вежливо, но сказала им, что они могут избавить себя от необходимости рассказывать ей о своих доктринах, поскольку они не могут быть более обеспокоены ее спасением, чем она сама; что она откажется от своего мнения, если почувствует хоть малейшую

неуверенность; но что она еще больше убеждена в своей правоте, поскольку так много *папистских* богословов не смогли выдвинуть никаких аргументов, на которые она не подготовила твердого и убедительного ответа. На месте казни дон Хуан Понсе де Леон, отрекшийся от ереси, призвал Марию сделать то же самое. Она очень плохо восприняла его совет и назвала его *невеждой, идиотом и болтуном*; она добавила, что сейчас больше не время для споров и что те несколько мгновений, которые им осталось прожить, следует потратить на размышления о страданиях и смерти их Искупителя, чтобы возродить веру, которой они должны быть оправданы и спасены. Хотя она была такой упрямой, несколько священников и большое количество монахов искренне умоляли пощадить ее, принимая во внимание ее чрезвычайную молодость и удивительные заслуги, если она согласится повторить *Credo*. Инквизиторы удовлетворили их просьбу; но едва Мария закончила ее, как начала толковать статьи о католической вере и суде живых и мертвых в соответствии с мнениями Лютера: они не дали ей времени закончить; палач задушил ее, а затем она была сожжена. Такова истинная история Марии Бохоркес, согласно трудам инквизиции.

Павел IV. умер в Риме 18 августа 1559 года, за несколько дней до *аутодафе* в Севилье. Когда римляне узнали об этом событии, они толпами отправились в инквизицию, освободили всех заключенных и сожгли дом и архивы трибунала. Стоило больших денег и хлопот помешать разъяренному населению сжечь монастырь доминиканцев *Де ла Сапиенца*, который вел все дела римской инквизиции. Главный комиссар был ранен, а его дом сожжен. Статуя Павла IV. был вывезен из капитолия и уничтожен; герб дома Карафа был повсюду изуродован, и даже бранные останки папы подверглись бы надругательству, если бы каноны Ватикана не похоронили его тайно и если бы охрана не защитила папскую резиденцию[21]. Это восстание римлян не встревожило инквизиторов Испании, где монахи воспитывали людей в принципах, отличных от тех, которые исповедовали их предки во времена правления Фердинанда и первых десяти лет правления Карла V.

Аутодафе 1560 года.

Инквизиторы Севильи, которые, возможно, зависели от присутствия Филиппа II, подготовили для него еще одно *аутодафе*, подобное тому, что было в Вальядолиде. Когда они потеряли всякую надежду на эту честь, церемония была совершена: она состоялась 22 декабря 1560 года. Четырнадцать человек были сожжены лично (*т. е.* расслабленными), а трое - в виде чучела; тридцать четыре были подвергнуты епитимье, а примирение трех других лиц было зачитано перед *аутодафе*. Это были изображения докторов Эгидиуса, Константина и Хуана Переса.

Константин Понсе де ла Фуэнте родился в *Сан-Клементе-де-ла-Манча*, в епархии Куэнсы; он закончил учебу в Алькала-де-Энарес у доктора Хуана Хиля, или *Эгидиуса*; и у Варгаса, который умер во время судебного процесса над ним. Эти три богослова были главными вождями лютеран в Севилье, которыми они тайно руководили, пользуясь в то же время репутацией добрых католиков и добродетельных священников. Эгидиус много проповедовал в столичной церкви; Константин был менее пылок в своем рвении, но ему аплодировали не меньше; Варгас объяснял Священные Писания с кафедры муниципалитета. Константин отказался от звания каноника-арбитра, которое было предложено ему как капитулом Куэнсы, так и капитулом Толедо. Карл V назначил его своим раздащиком милостыни и проповедником; в этом качестве он увез его в Германию, где тот надолго задержался. По возвращении в Севилью он руководил колледжем *Доктрины* и установил там кафедру для проповеди Священного Писания, за

которую назначил жалование: он взялся занять эту должность, и в течение этого периода корпорация каноников предложила ему место каноника-арбитра, освободив его от обычного конкурса. Некоторые каноники, вспоминая печальные последствия избрания Хуана Хилья (который был назначен таким же образом), пожелали, чтобы конкурс состоялся. Константину было предложено подчиниться этому, и его заверили, что он одержит победу над конкурентами. Это, по сути, произошло в 1556 году, вопреки призывам и интригам единственного человека, у которого хватило смелости соперничать с ним. В то время как Константин продолжал пользоваться всеобщим уважением, заявления большого числа заключенных, арестованных за лютеранство, стали причиной его ареста в 1558 году, за несколько месяцев до смерти Карла V. Пока он готовил свою защиту, произошел несчастный случай, который сделал ее бесполезной.

Изабелла Мартинес, вдова из Севильи, была арестована как лютеранка. Ее имущество было конфисковано, но вскоре выяснилось, что Фрэнсис Белтран, ее сын, спрятал несколько сундуков с ценными вещами до того, как была проведена инвентаризация. Константин передал несколько запрещенных книг на попечение этой женщины, которая спрятала их в своем подвале. Инквизиторы послали Луиса Сотело, альгвасила святой канцелярии, к Фрэнсису Бельтрану, чтобы потребовать спрятанные им вещи. Франциск, увидев альгвасила, не усомнился, что его мать заявила о сокрытии книг, переданных Константином на ее попечение, и, не дожидаясь, пока Сотело сообщит ему причину своего визита, сказал: *Сеньор Сотело, я полагаю, вы пришли за вещами, хранящимися в доме моей матери. Если вы пообещаете, что я не буду наказан за то, что не сообщил о них, я покажу вам, что там спрятано.* Затем Бельтран отвел альгвасила в дом его матери и снес часть стены, за которой были спрятаны лютеранские книги Константина; Сотело, пораженный этим зрелищем, сказал ему, что он должен завладеть книгами, но что он не считает себя связанным своим обещанием, поскольку пришел только за тем, чтобы забрать спрятанные им вещи. Это заявление усилило тревогу Бельтрана, и он отдал все альгуазилю при условии, что тот останется свободным в своем доме. Этот донос был сделан слугой, который надеялся извлечь выгоду из акта Фердинанда V., согласно которому четвертая часть сокрытого имущества достается доносчику.

Среди запрещенных книг были найдены несколько сочинений Константина Понсе де Фуэнте, в которых говорилось об истинной церкви в соответствии с принципами лютеран и в своей манере доказывалось, что эта церковь не принадлежала *папистам*: он также обсуждал в них несколько других пунктов, по которым лютеране отличались от католиков. Константин не мог отрицать эти документы, поскольку они были написаны его собственной рукой; он признался, что в них содержалось исповедание его веры, но отказался назвать своих сообщников и учеников. Инквизиторы, вместо того чтобы назначить пытку, погрузили его в глубокую, влажную и темную темницу, где воздух, пропитанный самыми опасными миазмами, вскоре подорвал его здоровье. Подавленный этим преследованием, он воскликнул: *"Боже мой, если бы не было скифов или каннибалов, в чьи руки можно было бы отдать меня, а не позволить мне попасть во власть этих варваров!"* Такое положение не могло продолжаться долго; Константин заболел и умер от дизентерии: во время *аутодафе* сообщалось, что он покончил с собой, чтобы избежать наказания. Его судебный процесс был так же знаменит, как и его личность. Инквизиторы приказали зачитать *достойнства* или обвинения против него с кафедры рядом с их местами, где люди не могли их слышать; коррехидор Кальдерон дважды упомянул об этом обстоятельстве, и они были вынуждены начать его снова там, где зачитывались материалы других процессов. Константин опубликовал первую часть катехизиса; вторая не была напечатана. Следующие работы Константина были включены в запретительный указатель,

опубликованный в 1559 году доном Фердинандом Вальдесом: — Краткое изложение христианской доктрины; диалог на ту же тему между Учителем и его учеником; Исповедь грешника Иисусу Христу; Христианский катехизис; Изложение псалма, *Beatus qui non abiit in concilio impiorum*. Альфонсо де Ульоа в своей книге "Жизнь Карла V" дает высочайшую оценку трудам Константина, в частности его трактату о христианском учении, который был переведен на итальянский[22]. Изображение Контантины не было похоже на изображения других осужденных (которые представляли собой бесформенную массу, увенчанную головой); это была цельная фигура с раскинутыми руками, как привык делать Константин во время проповеди, и облаченная в одежду, которая, по-видимому, принадлежала ему. После *аутодафе*эта фигура была возвращена в Святую Канцелярию, а обычное изображение было сожжено вместе с костями осужденного.

Еще один заключенный умер в застенках инквизиции; он был (по словам Гонсалеса де Монтиса) монахом монастыря Святого Исидора по имени Фердинанд. Тот же автор утверждает, что некто Ольмедо, лютеранин, также был унесен эпидемической болезнью, опустошившей тюрьмы, и что он издавал стоны, подобные стонам Константина, когда тот умирал. Я не обнаружил, чтобы какая-либо инквизиция в Испании за последние годы приговорила кого-либо к такого рода тюремному заключению, если только не было предписано применение пыток; инквизиторам того времени нельзя простить то, что они превратили их в обычную тюрьму.

Доктор Хуан Перес де Пинеда, чье изображение было третьим на *аутодафе*, родился в Монтилье в Андалусии; его поставили во главе колледжа *Доктрины*, в котором обучалась севильская молодежь.

Он сбежал, когда ему сообщили, что инквизиторы собираются арестовать его по подозрению в лютеранстве. Против него было возбуждено уголовное дело как за упрямство, и он был осужден как формальный еретик-лютеране. Он написал несколько работ: в Указателе запрещены следующие: Святая Библия, переведенная на кастильский язык; катехизис, напечатанный в Венеции в 1556 году Педро Даниэлем; Псалмы Давида на испанском; и Краткое изложение христианского учения. Хуан Перес достиг преклонного возраста, когда его осудили. Из четырнадцати человек, которые примирились во время второго *аутодафе*, наиболее примечательными были:-

Хулиан Эрнандес по прозвищу *Маленький*, уроженец Вильяверде. Желание распространять лютеранские книги в Севилье побудило его отправиться в Германию. Он передал книги дону Хуану Понсе де Леону, который взялся их распространять. Он провел более трех лет в тюрьмах Святой Канцелярии и несколько раз подвергался пыткам, чтобы заставить его раскрыть своих сообщников. Он перенес пытку с силой духа, намного превышающей его физические силы, и остался верен своему вероучению. Подойдя к костру, он разложил вокруг себя дрова, чтобы они быстро сгорели; врач Фердинанд Родригес, который его лечил, потребовал вынуть кляп из его горла, чтобы он мог сделать признание, но Джулиан воспротивился этому, и его сожгли.

Николас Бертон, родившийся в Англии, был осужден как нераскаявшийся еретик-лютеране. Невозможно оправдать поведение инквизиторов перед этим англичанином и несколькими другими иностранцами, которые не обосновались в Испании, а просто возвращались в свои соответствующие страны после завершения своих коммерческих дел. Этот человек прибыл в Испанию на судне, груженном товарами, которые, по его словам, были полностью его собственностью, но часть которых принадлежала Джону Фронтону, который примирился с этим

аутодафе. Бертон отказался отречься от престола и был сожжен заживо; инквизиторы конфисковали его судно и его груз, доказав таким образом, что алчность была главным мотивом инквизиции. Инквизиторы были виновны в большой жестокости в этом случае, и торговля Испании, возможно, была бы разрушена, если бы насилие, совершенное против Бертона и некоторых других, не вызвало протеста со стороны различных держав, которые побудили Филиппа IV. запретить инквизиторам приставать к иностранным купцам и путешественникам, если они не пытались распространять еретические мнения; но инквизиторы ускользнули от этого приказа, притворившись, что они привезли в королевство запрещенные книги или высказались в пользу ереси.

Гонсалес де Монтеc рассказывает о прибытии в Испанию очень богатого иностранца по имени Рехукин, чье судно было прекраснее и лучше построено, чем любое, когда-либо появлявшееся в Сан-Лукар-де-Баррамеда. Инквизиция арестовала его как еретика и конфисковала его имущество; купец доказал, что судно ему не принадлежало и что оно не могло быть включено в конфискацию; но его попытки вернуть его были бесполезны.

Судьбу Бертона разделили еще два иностранца. Одним из них был англичанин по имени Уильям Брук, уроженец Сарума, моряк; другим был француз из Байонны по имени Фабиан, чье ремесло требовало его присутствия в Испании.

The Беата, находившаяся под защитой Фрэнсиса Зафры, которая пришла в себя, но упорствовала в своей ереси, была сожжена на этом *аутодафе* вместе с пятью женщинами из ее семьи. Тридцать четыре человека были приговорены к епитимье. Наиболее примечательными примерами были:—

Джон Фронтон, англичанин из города Бристоль, приехавший в Севилью, где ему сообщили об аресте Николаса Бертона. Он был владельцем значительной части товаров, вывезенных из Бертона, и, доказав этот факт документами, которые он привез из Англии, потребовал возмещения ущерба. Он был подвергнут большим задержкам и расходам, но поскольку отрицать его права было невозможно, инквизиторы пообещали вернуть товар: тем временем они добились появления свидетелей, которые подтвердили, что Джон Фронтон выдвигал еретические положения, и его поместили в секретные тюрьмы. Страх смерти побудил Фронтонa сказать все, что требовали инквизиторы, и он потребовал примирения. Было объявлено, что он жестоко *подозревается* в лютеранской ереси. Этого было достаточно, чтобы инквизиторы разрешили наложить арест на его имущество, и он был примирен, приговорен к конфискации своих товаров и ношению *сан-бенито* в течение одного года. Это замечательное доказательство вреда, причиняемого секретностью инквизиционных разбирательств. Если бы дело Джона Фронтонa было предано огласке, любой юрист доказал бы недействительность инструкции. Тем не менее, есть англичане, которые защищают трибунал святой канцелярии как полезный институт, и я слышал, как *английский католический священник* выступал в его защиту. Я заявил, что он не понимал природы трибунала; что я был не менее привязан к католической религии, чем он или любой другой инквизитор; но что если дух мира и милосердия, смирения и бескорыстия, прививаемый Священным Писанием, сравнить с системой строгости, коварства и злонамеренности, продиктованной законами святой канцелярии, и властью, которой обладают инквизиторы (из-за секретности их действий) злоупотреблять своей властью вопреки естественным и божественным законам, то приказы пап

и королевские указы могут быть нарушены. , невозможно будет не испытывать отвращения к трибуналу только за то, что он порождает лицемерие.

Гаспар де Бенавидес был алькальдом тюрьмы инквизиции и участвовал в *аутодафе* с факелом; он был пожизненно изгнан из Севильи и потерял свое место за то, что *проявил недостаточное рвение и внимание при исполнении служебных обязанностей*. Пусть эта квалификация и вынесенный приговор будут сопоставлены с преступлением, в котором его обвиняли. Он присвоил часть скудных пайков заключенных, еда, которую он им давал, была плохого качества, и он заставлял их платить за нее, как будто она была высшего качества; он не позаботился о том, чтобы приготовить ее должным образом, она была плохо прожарена и приправлена; он обманул их в цене на древесину и составил фальшивые расходные ведомости. Если кто-нибудь из заключенных жаловался, он отводил их в темную и сырую темницу, где оставлял на две недели или даже дольше, чтобы наказать за ропот; он не преминул сказать им, что он сделал это по приказу инквизиторов, и что они были освобождены по его заступничеству. Когда какой-либо заключенный требовал аудиенции, Гаспар (опасаясь, что они донесут на него) не сообщал инквизиторам об этой просьбе, а на следующий день сказал заключенному, что инквизиторы были настолько заняты, что не могли предоставить аудиенцию. Короче говоря, не было такой несправедливости, которой бы он не совершил, до того момента, когда его поведение было случайно обнаружено.

Мария Гонсалес, служанка этого человека, была приговорена к получению двухсот ударов плетью и изгнанию на десять лет. Ее преступление состояло в том, что она получила деньги от некоторых заключенных и позволила им видаться и беседовать друг с другом.

Донна Джейн Бохоркес была признана невиновной. Она была законной дочерью дона Педро Гарсии де Херес-и-Бохоркеса и сестрой донны Марии Бохоркес, погибшей во время бывшего *аутодафе*. Она вышла замуж за дона Франсиса де Варгаса, сеньора городка Игера. Ее поместили в тайную тюрьму, когда ее несчастная сестра заявила, что была знакома с ее взглядами и не выступала против них; как будто молчание могло доказать, что она признала это учение истинным. Джейн Бохоркес уже шесть месяцев была беременна; но это не помешало инквизиторам провести над ней судебный процесс - жестокость, которая не удивит, если учесть, что она была арестована до того, как были получены какие-либо доказательства ее преступления. Она родила в тюрьме; по истечении восьми дней у нее забрали ребенка вопреки самым священным законам природы, и она была заключена в одну из общих темниц святой канцелярии. Инквизиторы думали, что сделали все, что требовало человечество, предоставив ей менее неудобную камеру, чем обычная тюрьма. К счастью, случилось так, что в ее камере была компаньонкой молодая девушка, которая впоследствии была сожжена как лютеранка и которая, жалея ее положение, относилась к ней с величайшей нежностью во время ее выздоровления. Вскоре ей потребовался такой же уход; ее пытали, и все ее конечности были в синяках и почти вывихнуты. Джейн Бохоркес ухаживала за ней в этом ужасном состоянии. Джейн Бохоркес еще не совсем пришла в себя, когда ее пытали таким же образом. Веревки, которыми были связаны ее все еще слабые конечности, прорвались до костей, и несколько кровеносных сосудов в ее теле лопнули, изо рта потекли потоки крови. Ее отвезли обратно в ее темницу в предсмертном состоянии, и через несколько дней она скончалась. Инквизиторы думали, что они искупили это жестокое убийство, объявив Джейн Бохоркес невиновной на *аутодафе* этого дня. С какой непосильной ответственностью эти чудовища предстанут перед судом Всемогущего!

ГЛАВА XXII.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЙ 1561 ГОДА, КОТОРЫМ СЛЕДОВАЛА СВЯТАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ.

Древние законы святой канцелярии были почти полностью забыты, и инквизиторы просто следовали некоему распорядку в ведении своих дел. Генеральный инквизитор Вальдес счел необходимым исправить это зло; и поскольку со времени публикации Кодексов Торквемады и его преемника Дезы произошло множество экстраординарных случаев, которые вынудили инквизиторов опубликовать дополнения и новые декларации, он решил составить новый кодекс, состоящий из тех законов, которые, как показал опыт, оказались полезными. Этот эдикт был опубликован в Мадриде 2 сентября 1561 года; он состоял из восьмидесяти одной статьи, которые до настоящего времени являются законами, регулирующими деятельность инквизиции.

Преамбула. "Мы, дон Фердинанд Вальдес, милостью Божьей, архиепископ Севильи, генеральный апостольский инквизитор по борьбе с ересью и вероотступничеством во всех королевствах и владениях его величества и т.д.; сообщаем вам, достопочтенные апостольские инквизиторы, что мы понимаем, что, хотя постановлениями святой канцелярии предусмотрено, что во всех Инквизициях следует в точности придерживаться одного и того же порядка судопроизводства, тем не менее, существуют некоторые суды, где эта мера не соблюдалась и не соблюдается должным образом. Чтобы предотвратить какие-либо различия в поведении трибуналов в будущем и формах, которым следует следовать, после общения и консультаций с советом генеральной инквизиции было решено, что трибуналы святой канцелярии должны соблюдать следующий порядок:

первое. Когда инквизиторы допускают информацию, которая показывает, что были выдвинуты положения, которые должны быть переданы святой канцелярии, они должны проконсультироваться с образованными и честными теологами, способными квалифицировать указанные положения; они должны изложить свое мнение в письменной форме, сопроводив его своей подписью.

2-й. Если, по мнению теологов, несомненно, что объект их исследования является вопросом веры, или если это очевидно без консультации с ними, и указанный факт достаточно доказан, прокурор-налоговик должен осудить его автора и причастных к нему лиц, если таковые имеются, и потребовать их ареста[23].

3-й. Инквизиторы должны быть собраны, чтобы решить, следует ли назначить тюремное заключение; в сомнительных случаях они должны вызвать консультантов, если сочтут это необходимым[24].

4-й. Когда доказательств недостаточно для ареста обвиняемого, инквизитор не должен вызывать его на явку или подвергать какому-либо допросу, потому что опыт показал, что еретик, находящийся на свободе, не признается, и эта мера только делает его более сдержанным и внимательным в избегании всего, что может усилить подозрения или доказательства, выдвинутые против него.

5-й. Если инквизиторы не единодушны в постановлении об аресте, материалы судебного разбирательства должны быть направлены в совет, и это также должно иметь место, даже если они единодушны в своих решениях, если подлежащие аресту лица являются качественными и уважаемыми.

6-е число. Инквизиторы должны подписать указ об аресте и направить его *великому альгвасилу* святой канцелярии. Когда речь идет о формальной ереси, за этой мерой немедленно следует наложение ареста на имущество разоблаченного лица. Если несколько человек должны быть заключены в тюрьму, постановление об аресте должно быть вынесено в ускоренном порядке для каждого отдельного и независимого друг от друга лица, подлежащего раздельному исполнению: эта мера предосторожности необходима для обеспечения секретности на случай, если один *альгвасил* не сможет арестовать всех преступников. В протокол судебного заседания вносится отметка с указанием дня, когда было вынесено постановление об аресте, и лица, которое его получило.

7-й. *Альгуазиль* при исполнении постановления о лишении свободы должен сопровождаться регистратором арестов и распорядителями. Он должен назначить депозитария, и если управляющий не одобряет упомянутое лицо, он должен сам назначить другого, поскольку он несет ответственность за имущество.

8-е число. Регистратор наложенных арестов должен отметить все вещи отдельно, с указанием дня, месяца и года наложения ареста; он должен подписать это *уальгвасила*, управляющего, депозитария и свидетелей; он должен передать копию этого письменного документа депозитарию; но если другие потребуют копии, ему разрешается потребовать за них оплату.

9-е число. *Альгуазиль* должен вычесть из конфискованного имущества достаточную часть для покрытия расходов на питание, проживание и проезд заключенного; он должен дать отчет о том, что он получил, когда прибудет в инквизицию. Если остались какие-то деньги, он должен отдать их кассиру, чтобы тот использовал их на содержание заключенного.

10-е число. *Альгвасил* должен потребовать от заключенного сдать свои деньги, документы, оружие и все, что может быть опасным для него; он не должен позволять ему иметь какие-либо сношения устно или письменно с другими заключенными без получения разрешения инквизиторов. Он должен передать все вещи, обнаруженные при личности заключенного, охраннику и получить квитанцию с датой дня, в который был произведен перевод. Тюремщик должен сообщить инквизиторам о прибытии заключенного, и он должен поместить его таким образом, чтобы в его распоряжении не было ничего, что могло бы представлять опасность, если бы это не было доверено ему, и он обязан нести ответственность. Один из нотариусов священной канцелярии должен присутствовать и составить устный протокол постановления о тюремном заключении и его исполнении; должен быть указан даже час, когда заключенный поступил в тюрьму, поскольку этот момент важен в счетах кассира.

11-е число. Тюремщик не должен содержать нескольких заключенных вместе; он не должен разрешать им общаться друг с другом, если только инквизиторы не разрешат это.

12-го. Тюремщику должен быть предоставлен реестр, в котором должны быть отмечены все вещи в камере заключенного, включая одежду и пищу, которые он получает от каждого заключенного; он должен подписать заявление у регистратора конфискаций и уведомить об этом инквизиторов; он не должен передавать заключенным еду или одежду, не осмотрев их с

большим вниманием, чтобы убедиться, нет ли в них писем, оружия или чего-либо, что они могли бы использовать не по назначению.

13-е число. Когда инквизиторы сочтут нужным, они прикажут привести заключенного в аудиенц-зал; они усадят его на скамью или небольшое сиденье и принесут клятву говорить правду в это время и на всех последующих аудиенциях; они спросят у него его имя, фамилию, возраст, страну, место, где он проживает, его профессию и звание, а также время его ареста; они будут обращаться с ним гуманно и уважать его звание, но без умаления авторитета судей, чтобы обвиняемый не мог нарушить должное к ним уважение. , или совершить какой-либо предосудительный поступок по отношению к их личности. Обвиняемый должен стоять во время оглашения акта о доносе фискалом.

14-е. Впоследствии обвиняемый будет допрошен на предмет его генеалогии. Его должны спросить, женат ли он: если более одного раза, на какой женщине он был женат: сколько у него было детей от каждого брака, их возраст, а также их звание и место жительства. Регистратор должен записать эти данные, обращая внимание на то, чтобы поместить каждое имя в начале строки, потому что эта практика полезна при просмотре реестров, чтобы выяснить, не являются ли обвиняемые потомками евреев, мавров, еретиков или других лиц, наказанных святой канцелярией.

15-е число. По окончании предшествующей церемонии обвиняемый должен будет изложить сокращенную историю своей жизни, упомянув те города, где он провел значительное время, мотивы своего пребывания, лиц, с которыми он общался, друзей, которых он приобрел, свои исследования, мастеров, у которых он учился, период, когда он их начал, и время, когда он их продолжил; был ли он за пределами Испании, в какое время и с кем он покинул страну, и как долго он отсутствовал. Его спросят, знаком ли он с истинами христианской религии, и потребуют повторить *Pater-noster*, *Ave Maria* и *Credo*. Его спросят, исповедовался ли он сам и каким исповедникам. Когда он даст отчет обо всем этом, его спросят, знает ли он или подозревает причину своего ареста, и его ответ будет регулировать вопросы, заданные ему впоследствии. Следователи не должны прерывать обвиняемого во время его выступления и должны позволять ему свободно выражать свои мысли, пока протоколист записывает его заявления, если только они не противоречат процессу. Они должны задавать все необходимые вопросы, но не должны утомлять его допросами на темы, не относящиеся к судебному разбирательству, если только он не даст повода для этого своими ответами.

16-е число. Правильно, что инквизиторы всегда должны подозревать, что они были обмануты свидетелями и что они будут обмануты обвиняемым, и что они не должны принимать ни ту, ни другую сторону; ибо, если они слишком рано примут мнение, они не смогут действовать с той беспристрастностью, которая соответствует их положению, и, наоборот, будут склонны впадать в ошибку.

17-е. Инквизиторы не должны говорить с обвиняемым во время аудиенции или в другое время о каких-либо делах, не относящихся к его собственным. Протоколист должен записать вопросы и ответы, а после аудиенции он должен зачитать их обвиняемому, чтобы тот мог подписать. Если он желает дополнить, сократить, изменить или разъяснить какую-либо статью, регистратор должен писать под его диктовку, не удаляя и не заверяя уже написанные статьи.

18-е число. Фискал должен представить свой обвинительный акт в срок, установленный ордонасами; он должен в общих чертах обвинить заключенного в том, что он еретик, а затем упомянуть, в частности, факты и утверждения, в которых его обвиняют. Инквизиторы не имеют права наказывать обвиняемого за преступления, которые не имеют отношения к вопросам веры; но если в подготовительной инструкции что-либо упоминается, фискал должен выдвинуть против него обвинение, потому что это обстоятельство, а также его общее хорошее или дурное поведение помогают определить степень доверия к его ответам и служат для других целей судебного разбирательства.

19-го. Хотя обвиняемый может признаться во всех обвинениях, выдвинутых против него на первых слушаниях *увещевания*, тем не менее фискал должен составить и представить свой обвинительный акт, поскольку опыт показал, что лучше, чтобы судебное разбирательство, вызванное *доносом* лица, участвующего в деле, было продолжено и судилось при судебном преследовании *обвинителя*; что инквизиторы могут быть вольны обсуждать применение наказаний и епитимий, чего не было бы, если бы они действовали *официально*.

20-е число. Всякий раз, когда обвиняемый будет допущен к аудиенции, ему следует напомнить о данной им клятве говорить правду.

21-го. В конце своего ходатайства фискал должен внести пункт, заключающийся в том, что, если инквизиторы не сочтут его обвинение достаточно доказанным, им предлагается назначить пытку для обвиняемого, потому что, поскольку она не может быть применена без предварительного уведомления, обвиняемому следует сообщить, что это было необходимо; и этот момент представляется наиболее удобным, потому что заключенный не подготовлен к этому, и он получит уведомление с меньшим волнением.

22-е число. Фискал должен сам предъявить инквизиторам свое требование или требование обвинения; протоколист должен зачитать его в присутствии заключенного, фискал должен принести присягу, что он действует не из дурных намерений, и удалиться; затем обвиняемый должен ответить последовательно на все статьи закона, и протоколист должен записать его ответы в том же порядке, даже если это всего лишь отрицания.

23-е. Инквизиторы должны дать заключенному понять, что для него очень важно говорить правду. Для его защиты назначается один из адвокатов святой канцелярии, который общается с ним в присутствии инквизитора, чтобы подготовиться к письменному ответу на обвинение, поклявшись в верности обвиняемому и сохранении тайны трибуналу, хотя он уже принес эту клятву в то время, когда был назначен *адвокатом заключенных святой канцелярии*. Он должен попытаться убедить обвиняемого в том, что самое важное - быть искренним, просить прощения и понести епитимью, если он признает свою вину. Его ответ должен быть доведен до сведения фискала, который вместе с подсудимым и его адвокатом должен присутствовать на аудиенции и потребовать доказательств. Инквизиторы должны признать требование, но без указания дня или уведомления об этом сторон, поскольку ни обвиняемый, ни любое другое лицо от его имени не имеет права присутствовать при принесении свидетелями присяги.

24-е число. Протоколист должен зачитать адвокату все, что обвиняемый заявил относительно себя, но должен опустить все, что он сказал относительно других; это сообщение необходимо адвокату, чтобы он мог организовать защиту своего клиента. Если адвокат желает внести какие-либо дополнения в свое заявление, он должен быть вынужден уйти в отставку.

25. Если обвиняемый достиг возраста двадцати пяти лет, для него должен быть назначен опекун до оглашения обвинения. Эту должность может занимать адвокат или любое другое лицо, известное своей честью и неподкупностью. Заключение, с одобрения своего опекуна, должен подтвердить все, что он заявил на предыдущих аудиенциях; и впоследствии его должно сопровождать одно и то же лицо при всех обстоятельствах судебного разбирательства.

26-е число. Если доказательство признано, фискал объявляет в присутствии обвиняемого, что он воспроизводит и представляет свидетелей и доказательства, которые существовали в письменных источниках и реестрах святой канцелярии; он требует, чтобы они приступили к *утверждению* показаний свидетелей, которые были допрошены в подготовительной инструкции, что свидетели должны быть опрошены, а показания опубликованы. Если обвиняемый или его защитник выступают в это время, регистратор должен записать все, что они скажут.

27-е число. Если обвиняемый признает себя виновным в другом преступлении, то после того, как будут представлены доказательства, налоговый орган обвиняет его в этом, и он подлежит судебному преследованию в соответствии с обычными формами. Если доказательства первого преступления будут увеличены, будет достаточно проинформировать заключенного об этом обстоятельстве.

28-е число. В промежутке между доказательством и публикацией заключенный может потребовать аудиенции через тюремщика. Инквизиторы должны предоставить их без промедления, чтобы воспользоваться склонностями обвиняемого, которые могут меняться со дня на день.

29-е число. Инквизиторы не должны пренебрегать *подтверждением* показаний свидетелей или принимать какие-либо меры для установления истины.

30-е число. *Утверждение* свидетельств должно происходить в присутствии ответственных лиц, таких как два священника, христиане древней расы, с чистой жизнью и репутацией. Свидетелей должны спросить в их присутствии, помнят ли они, что давали показания на каком-либо процессе инквизиции: если они ответят утвердительно, их должны допросить об обстоятельствах и лицах, заинтересованных в этом. Когда они удовлетворяют требования по этой статье, они должны быть проинформированы о том, что налоговый орган представил их в качестве свидетелей на суде над заключенным. Им должно быть зачитано их первое заявление, и если они скажут, что подтвердили эти факты, от них потребуются подтвердить их, внося любые дополнения, умолчания, пояснения и изменения, которые они сочтут необходимыми. Все это должно быть упомянуто в устном процессе: также должно быть указано, находится ли свидетель в это время на свободе или задержан в зале аудиенций или в своем кабинете, и почему он не явился в обычное место.

31-е число. Когда утверждение показаний свидетелей завершено, должна быть подготовлена публикация с копией каждого показания; она должна быть дословной, за исключением всего, что может привести к раскрытию показаний обвиняемого. Если заявление слишком длинное, оно должно быть разделено на несколько глав. При публикации показаний обвиняемому не следует зачитывать их все сразу или все статьи длинного заявления. Ему зачитывается первая глава показаний первого свидетеля, чтобы он мог ответить на нее более точно и непринужденно; затем они переходят ко второй главе, затем к третьей, следуя тому же порядку

во всех показаниях. Следователи должны, насколько это возможно, ускорить публикацию показаний, чтобы избавить обвиняемого от беспокойства из-за длительной задержки; они должны избегать всего, что может навести его на мысль, что против него выдвинуты новые обвинения или что уже выдвинутые обвинения более пространны, чем в их собственных заявлениях; и хотя такие обстоятельства могли иметь место, и обвиняемый отрицал обвинения, они должны привести к задержке формальностей и завершения судебного разбирательства.

32-й. Следователи должны соблюдать форму *публикации*, диктуя протоколисту все, что должно быть написано в присутствии обвиняемого, или они должны написать это сами и подписать. Этот документ должен быть датирован годом, месяцем и днем, когда свидетель дал показания, при условии, что это неудобно делать; было бы неправильно, если бы свидетель находился в тюрьме. В них также должны быть указаны время и место, когда произошли факты, поскольку это полезно обвиняемому в его защите; но место должно быть указано только в общих чертах. В копии показаний должно использоваться *третье лицо*, хотя свидетель обращался к *первому*. Таким образом, необходимо сказать: свидетель видел или слышал, как обвиняемый разговаривал с физическим лицом, и т.д.[\[25\]](#)

33-й. Если обвиняемый, давший показания на нескольких заседаниях, раскрывает преступления, совершенные лицами, которых он назвал, и впоследствии делает новые заявления, называет этих лиц только в расплывчатой и общей форме, используя, например, слова "*все те, кого я назвал*" или подобное выражение; эти обвинения не могут быть выдвинуты против какого-либо обвиняемого, поскольку они не применимы непосредственно; это должно обязать инквизиторов обратить внимание на заключенного, который говорит о разных лицах, и заставить его называть их одного за другим, а затем излагать факты или слова, которые он назвал. вменяется им в вину.

34-й. Хотя обвиняемый отрицает обвинения, ему должна быть зачитана публикация показаний, чтобы он не мог поставить под сомнение регулярность разбирательства суда, который его арестовал, и чтобы судьи могли с большей уверенностью полагаться на закон при вынесении приговора; поскольку это дискреционное право существует только в том случае, если обвиняемый признан виновным; в противном случае обвинения, выдвинутые против него свидетелями, чьи заявления ему не были упомянуты, не могут иметь никакой ценности, особенно в судебном процессе такого рода, когда обвиняемый не присутствует при принесении присяги свидетелями.

35-й. Когда обвиняемый ответит на публикацию показаний, ему будет разрешено проконсультироваться со своим адвокатом в присутствии следователя и протоколиста, чтобы он мог подготовить свою защиту. Протолист должен записать подробности совещания, которые он сочтет заслуживающими внимания. Ни инквизитор, ни протолист, тем более адвокат, не должны оставаться наедине с обвиняемым. То же самое должно быть со всеми другими лицами, за исключением тюремщика или его заместителя. Иногда допустимо, чтобы ученые и благочестивые люди посещали обвиняемых, чтобы убедить их признаться в том, что они упорно отрицают, хотя и были осуждены. Эти допросы могут проводиться только в присутствии протолиста или инквизитора. Не разрешается назначать прокуроров для заключенного, хотя *старые инструкции* установили эту меру, поскольку опыт показал, что из-за этого возникают большие неудобства[\[26\]](#); кроме того, обвиняемый получает от этого мало пользы[\[27\]](#).

Если какие-либо непредвиденные обстоятельства делают эту меру необходимой, адвокат может быть назначен на эту должность.

36-й. Если обвиняемый желает писать, чтобы зафиксировать пункты своей защиты, ему должна быть предоставлена бумага; но листы должны быть подсчитаны и пронумерованы протоколистом, чтобы обвиняемый мог вернуть их обратно либо исписанными, либо чистыми. Когда его работа будет закончена, ему будет разрешено побеседовать со своим адвокатом, которому он может передать написанное им, при условии, что его защитник восстановит оригинал, не снимая копии, когда он представит свое обращение в суд. Когда проводится допрос в защиту заключенного, от него требуется назвать на полях каждой статьи свидетелей, которых он желает вызвать, чтобы те из них, которые заслуживают наибольшего доверия, могли быть допрошены. От него также должны потребовать назвать в качестве свидетелей не кого иного, как христиан древней расы, которые не являются ни его слугами, ни родственниками, за исключением случаев, когда на вопросы могут ответить только они[28]. Перед тем, как адвокат представит свое выступление, если обвиняемый потребует этого, оно должно быть сообщено ему, и следователи должны пожелать, чтобы адвокат ограничился защитой обвиняемого в том, что он должен сказать, и соблюдал строгое молчание по поводу всего, что говорится в мире, поскольку опыт показал неудобство такого рода разоблачений даже в отношении обвиняемых; они должны заставить его восстановить все бумаги, не снимая копий с них или даже с адреса, записи о котором он должен оставить, если таковые имеются.

37-й. Всякий раз, когда подсудимого допускают к аудиенции, фискал должен изучить ход судебного разбирательства, чтобы убедиться, заявил ли он что-либо новое о себе или других; он должен получить свое заявление в судебном порядке и отметить на полях имени лиц, о которых он что-либо сказал, и все другие моменты, которые могли бы прояснить дело.

38-й. Следователи должны получать информацию, касающуюся защиты обвиняемого, показаний в его пользу, косвенных доказательств и отводов свидетелей, с такой же тщательностью и вниманием, с какими они получают информацию от фискала; чтобы содержание заключенного под стражей, которое мешает ему действовать самостоятельно, не могло быть препятствием для установления истины.

39-й. Когда инквизиторы получают важную информацию в защиту заключенного, он должен предстать перед трибуналом в сопровождении своего адвоката; они должны сообщить ему, что доказательства всех обстоятельств, которые могли бы смягчить его преступление, были получены, и что они могут завершить судебный процесс, если с их стороны не поступит какого-либо другого требования, и в этом случае они сделают все, что может быть разрешено для заключенного. Если он заявляет, что ему больше нечего сказать, налоговый инспектор может изложить свои выводы. Однако будет уместно, если он не сделает этого немедленно, а воспользуется каждым обстоятельством, которое может иметь место. Если обвиняемый требует публикации показаний в свою защиту, в этом должно быть отказано, поскольку это может привести к выявлению лиц, давших показания против него[29].

40-й. Когда судебное разбирательство пойдет настолько далеко, что может быть вынесен приговор, инквизиторы должны созвать ординарцев и консультантов. Поскольку репортера нет, декан инквизиторов должен сообщить о судебном процессе, не высказывая никакого мнения, и протоколист должен зачитать его в присутствии инквизиторов и фискала, который должен сидеть рядом с консультантами и удалиться, выслушав отчет, прежде чем судьи отдадут свои

голоса. Первыми голосуют консультанты, затем ординарий, за ним инквизиторы, а декан - последним. Каждый избиратель имеет право высказывать любые замечания, которые он сочтет необходимыми при голосовании, без того, чтобы его прерывали или препятствовали этому. Если инквизиторы проголосовали по-разному, они должны объяснить свои мотивы, доказать, что в их поведении нет ничего произвольного. Регистратор должен занести каждое мнение в подготовленный для этой цели журнал и впоследствии приобщить его к судебному разбирательству для дачи показаний.

41-й. Когда обвиняемый признает себя виновным и его признания соответствуют требуемым условиям, если у него нет рецидива, он должен быть допущен к примирению; его имущество должно быть арестовано; он должен быть одет в одеяние кающегося или *сан-бенито* (который представляет собой наплечник из льняной или желтой ткани с двумя андреевскими крестами другого цвета), и он должен быть заключен в тюрьму для тех, кто приговорен к бессрочному заключению, а именно в тюрьму *Милосердия*. Что касается цвета одежды, которую он должен носить, и конфискации его имущества, то в некоторых провинциях Арагона существуют *Fueros* и привилегии, а также другие правила и обычаи, которым необходимо соответствовать при оправдании преступника и возвращении ему его обычной одежды в соответствии с приговором. Если будет правильным, чтобы он оставался в тюрьме неограниченное время, в его приговоре должно быть указано, что его наказание будет длиться столько, сколько инквизиторы сочтут нужным. Если обвиняемый действительно впал в рецидив после отречения от *формальной* ереси или является *ложно раскаявшимся*, когда он отрекся от *насильственно* подозреваемого, и признан виновным в настоящем судебном процессе в той же ереси, он должен быть передан общему судье в соответствии с гражданским законодательством, и его наказание не отменяется, хотя он может заявить, что его раскаяние было искренним, а его признание правдивым в данном случае.

42-й. Отречение должно быть составлено после приговора и подписано обвиняемым: если он не в состоянии подписать его, эту церемонию должны провести инквизитор и протоколист: если осужденный отрекается от себя на публичном *аутодафе*, отречение должно быть подписано на следующий день в зале аудиенций.

43-й. Если обвиняемый признан виновным в ереси, недобросовестности и упрямстве, он должен быть *освобожден*, но инквизиторы не должны пренебрегать попытками обратить его, чтобы он мог умереть в вере церкви.

44-й. Если обвиняемый, который был осужден и которому сообщили о его приговоре за день до *аутодафе*, раскаивается ночью и исповедует свои грехи или часть из них способом, демонстрирующим истинное раскаяние, его не следует вести на *аутодафе*, но его казнь должна быть приостановлена, поскольку было бы неуместно давать ему возможность услышать имена лиц, приговоренных к смертной казни, и тех, кто приговорен к другим наказаниям, поскольку это знание и сообщение о преступлении могли бы помочь ему в подготовке судебного признания. Если обвиняемый обращается на эшафоте во время *аутодафе* до того, как он услышит свой приговор, инквизиторы должны предположить, что страх смерти оказывает большее влияние на это обращение, чем истинное раскаяние; но если в силу других обстоятельств и характера признания они желают приостановить казнь, им разрешается это сделать, учитывая в то же время, что признания, сделанные при таких обстоятельствах, не заслуживают доверия, особенно те, которые обвиняют других лиц.

45-й. Инквизиторы должны зрело рассмотреть мотивы и обстоятельства, прежде чем они вынесут постановление о пытке; и когда они решат прибегнуть к ней, они должны указать мотив: они должны заявить, должна ли пытка применяться *in caput proprium*, потому что обвиняемый подвергается ей как упорствующий в своих отрицаниях и не полностью осужденный на своем собственном судебном процессе; или если он подвергается ей *in caput alienum*, как свидетель, отрицающий на судебном процессе над другим обвиняемым факты, которым он был совместным свидетелем. Если он признан виновным в недобросовестности в своем собственном деле и, следовательно, может быть *смягчен*, или если он в равной степени виновен в любом другом деле, его могут подвергнуть пыткам, хотя он должен быть передан светскому судье в связи с тем, что касается его лично. Если он ничего не покажет, подвергаясь пыткам в качестве свидетеля, он, тем не менее, будет осужден как обвиняемый; но если допрос вынудит его признаться в своем преступлении и в преступлении другого лица и он попросит снисхождения своих судей, инквизиторы должны подчиниться правилам права.

46-й. Если только полу-доказательства преступления не существует, или если выступления будут не допускает оправдания подсудимого, он выносит отречения как *сильно* или *слегка* подозревали. Поскольку эта мера является не наказанием за прошлое, а мерой предосторожности на будущее, должны быть назначены денежные штрафы; но он должен быть проинформирован о том, что, если он снова совершит преступление, за которое его обвинили, он будет считаться *рецидивистом* и будет передан светскому судье: для этого он должен подписать акт отречения.

47-й. В случаях, когда существуют только полудоказательства или некоторые признаки преступления, обвиняемому иногда разрешалось канонически оправдаться перед числом лиц, назначенных древними инструкциями; поэтому инквизиторы, ординарцы и консультанты могут разрешить это, если сочтут нужным, но они должны учитывать, что это процедура очень опасная, используется нечасто и может применяться только с большой осторожностью[30].

48-й. Третий способ рассмотрения дела в этом случае заключается в использовании *вопроса*. Эта мера считается опасной и ненадежной, поскольку ее действие зависит от физической силы субъекта; следовательно, по этому вопросу не может быть предписано никаких правил, но это остается на усмотрение благоразумия и справедливости судей. Тем не менее, вопрос должен решаться только ординарцем, консультантами и инквизиторами или применяться без их согласия, в зависимости от обстоятельств, когда их присутствие будет необходимо[31].

49-й. Когда необходимо вынести постановление о применении пыток, обвиняемый должен быть проинформирован о мотивах их применения и преступлениях, за которые он должен понести наказание; но после вынесения решения он не должен допрашиваться по какому-либо конкретному факту, ему должно быть разрешено говорить все, что ему заблагорассудится. Опыт показал, что если его допрашивают по какому-либо вопросу, когда боль довела его до последней крайности, он скажет все, что от него требуется, что может нанести вред другим людям, сделать их заинтересованными сторонами и причинить другие неудобства.

50-й. Вопрос не может быть постановлен до тех пор, пока процесс не будет завершен и защита обвиняемого не будет заслушана. Поскольку приговор о повторном рассмотрении вопроса допускает апелляцию, инквизиторы должны проконсультироваться с советом, если дело

вызывает сомнения; если обвиняемый может настаивать на своей апелляции, она должна быть принята. Но если пункт закона ясен, инквизиторы не обязаны консультироваться с советом или принимать ходатайство обвиняемого; они вольны немедленно приступить к казни, как если бы ее не было.

51-й. Если инквизиторы сочтут, что апелляцию следует принять, они должны направить материалы процесса в Верховный Совет, не уведомляя об этом стороны или какое-либо лицо, не принадлежащее к трибуналу, потому что совет направит инквизиторам соответствующий приказ, если сочтет целесообразным ознакомить их с ним.

52-й. Если инквизитору брошен вызов, и в составе трибунала есть другой, первый должен воздержаться от исполнения своих обязанностей, а второй должен занять его место после того, как совет будет проинформирован об обстоятельствах. Если в трибунале только один инквизитор, разбирательство приостанавливается до получения решения Верховного Совета; то же самое должно быть предпринято, если инквизиторов несколько и всем им предъявлен отвод.

53-е. Через двадцать четыре часа после допроса обвиняемого ему должен быть задан вопрос, настаивает ли он на своих заявлениях и подтвердит ли он их. Нотариус трибунала назначает время для выполнения этой формальности, а также время для рассмотрения данного вопроса. Если в этот момент обвиняемый признается в своих преступлениях, а затем подтвердит свои заявления таким образом, чтобы инквизиторы поверили в его обращение, раскаяние и искренность в своих признаниях, он может быть допущен к примирению, несмотря на статью севильского ордонанса 1484 года. Если обвиняемый отказывается от своих показаний, инквизиторы должны действовать в соответствии с правилом.

54-й. Когда инквизиторы, ординарии и консультанты выносят решение по этому вопросу, они не должны решать, что следует делать после того, как оно было принято, поскольку результат неопределенен, и по этому вопросу ничего не регулируется. Если обвиняемый сопротивляется пыткам, судьи должны принять во внимание характер, форму и качество пыток, которым он подвергся; степень интенсивности, с которой они были применены; возраст, силу, здоровье и энергичность пациента: они должны сравнить все эти обстоятельства с количеством, серьезностью признаков, которые приводят к предположению о его вине, и они должны решить, оправдан ли он уже после того, что он перенес; в утвердительном случае они должны объявить его свободным от судебного преследования, в другом случае он должен отказаться от ответственности в соответствии с характером подозрения.

55-й. Судьи, нотариус и палачи должны присутствовать при пытке; когда она закончится, инквизиторы должны оказать надлежащую помощь раненому лицу, не позволяя никому из подозреваемых приближаться к нему, пока он не подтвердит свои заявления.

56-й. Инквизиторы должны принять все меры предосторожности, чтобы тюремщик не намекал обвиняемому ни на что, касающееся его защиты, чтобы он мог только следовать своим наклонностям во всем, что он говорит. Эта мера не позволяет тюремщику выполнять функции опекуна или защитника заключенного или даже представителя налоговой службы; однако он может выполнять функции писца для обвиняемого, если он не умеет писать: в этом случае ему запрещается заменять своими собственными идеями идеи обвиняемого.

57-й. Поскольку дело во второй раз рассматривается в штате для вынесения приговора, состоится новая аудиенция в составе инквизиторов, ординарцев, консультантов, фискалов и нотариусов. Фискал заслушивает отчет о последних инцидентах, чтобы убедиться, содержит ли он что-либо важное, касающееся его должности; после его зачитывания он удаляется, чтобы судьи могли остаться одни, когда они приступят к голосованию.

58-й. Когда инквизиторы освобождают обвиняемого из тайных тюрем, его проводят в зал аудиенций; там они должны спросить его, хорошо или плохо ли тюремщик обращался с ним и другими заключенными; общался ли он с ним или другими лицами на темы, не относящиеся к судебному разбирательству; видел ли он или знал, что другие заключенные беседовали с лицами, не содержащимися в тюрьме, или давал ли тюремщик им какие-либо советы. Они прикажут ему хранить в секрете эти подробности и все, что произошло с момента его задержания, и заставят его подписать соответствующее обещание, если он умеет писать, чтобы он не боялся нарушить его.

59-й. Если заключенный умирает до окончания судебного разбирательства по его делу, и его заявления не смягчили обвинения свидетелей, чтобы дать достаточный повод для примирения, инквизиторы должны уведомить о его смерти его детей, его наследников или других лиц, которые имеют право защищать его память и имущество; и, если есть основания для продолжения судебного разбирательства над покойным, им должна быть направлена копия показаний и обвинительного акта, и все, что они выдвинут в защиту обвиняемого, должно быть получено.

60-й. Если рассудок обвиняемого становится невменяемым до завершения судебного разбирательства, ему должен быть назначен опекун или защитник; если дети или родственники обвиняемого представляют трибуналу какие-либо средства защиты в его пользу, когда он в здравом уме, инквизиторы не должны разрешать приобщать их к другим материалам процесса, поскольку ни дети, ни родственники обвиняемого не являются законными сторонами; тем не менее, в отдельном письменном виде они могут постановить то, что сочтут нужным, и принять меры для установления истины, не связываясь с заключенным или лицами, которые его представляют.

61-й. При наличии достаточных доказательств для разрешения судебного разбирательства против памяти и имущества умершего человека, согласно *древней инструкции*, обвинение фискала должно быть доведено до сведения детей, наследников или других заинтересованных лиц, каждое из которых получит копию уведомления. Если никто не явится, чтобы защитить память обвиняемого или обжаловать конфискацию его имущества, инквизиторы должны назначить защитника и продолжить процесс, рассматривая его как сторону. Если появится кто-либо, заинтересованный в этом деле, его права будут признаны, хотя в то время он должен был бы находиться в заключении в святой канцелярии; но он будет обязан выбрать свободное лицо, которое будет действовать от его имени. До тех пор, пока дело не будет прекращено, наложение ареста на имущество не может иметь места, поскольку оно перешло в другие руки; однако владельцы должны быть лишены его, если умерший будет признан виновным.

62-й. Если лицо признано не подлежащим судебному преследованию, это решение трибунала должно быть оглашено во время *аутодафе* публичным актом любым способом, наиболее подходящим для заинтересованной стороны; ошибки, в которых его обвиняли, не должны быть указаны, если обвинение не доказано. Если умершее лицо объявляется свободным от

судебного преследования, судебное решение должно быть официально опубликовано, поскольку действие было публичным и печально известным.

63-й. Когда защитник назначается в память о человеке, обвиняемом после его смерти, при отсутствии заинтересованных лиц, которые могли бы взять на себя его защиту, выбор должен пасть только на человека, не принадлежащего к инквизиции; но от него должны потребовать хранить все судебные разбирательства в тайне и не передавать *показания* и обвинения никому, кроме адвокатов заключенных, если только решение инквизиторов не уполномочивает его доводить их до сведения других лиц.

64-й. Когда дело касается отсутствующих лиц, они должны быть вызваны для явки тремя публичными актами с разными интервалами в соответствии с известным или предполагаемым местом их проживания. Налоговый орган должен объявить их непокорными в конце каждой цитаты.

65-й. Инквизиторы могут привлечь к ответственности за несколько преступлений, которые вызывают подозрение в ереси, хотя они и не считают обвиняемого еретиком из-за определенных обстоятельств; таких как двоеженство, богохульство и подозрительные высказывания. В этих случаях применение наказаний зависит от благоразумия судей, которые должны следовать правилам справедливости и учитывать тяжесть преступления. Однако, если они приговаривают обвиняемого к телесному наказанию, такому как порка или галеры, они не должны говорить, что оно может быть заменено денежными штрафами; поскольку эта мера была бы вымогательством и нарушением уважения, приличествующего трибуналу.

66-й. Если инквизиторы и ординарцы расходятся во мнениях, когда они собираются, чтобы проголосовать за окончательный приговор, судебное разбирательство должно быть передано на рассмотрение Верховного Совета; но если разногласия вызваны способом голосования консультантов, инквизиторы могут пропустить их (хотя их может быть больше) и вынести окончательный приговор на основе своих собственных голосов и голосов ординарцев, если важность дела не вынуждает их обратиться в совет, даже если инквизиторы, консультанты и ординарцы единодушны^[32].

67-й. *Тайные нотариусы* должны составить столько буквальных и заверенных копий заявлений свидетелей и признаний обвиняемых, сколько имеется лиц, признанных виновными или подозреваемых в преступлении ереси, что против каждого из них может быть возбуждено отдельное судебное разбирательство; поскольку документов, содержащих первоначальные обвинения, недостаточно, поскольку опыт показал, что это всегда вызывает путаницу, и предписанный метод применялся несколько раз, хотя и увеличивает труд нотариусов.

68-й. Когда инквизиторам сообщают, что кто-либо из заключенных общался с другими содержащимися под стражей лицами, они должны установить истинность этого факта, узнать имена и качества разоблаченных лиц, а также обвиняются ли они в преступлениях того же рода. Эти детали должны быть упомянуты в процессе по каждому заключенному. В этих случаях нельзя придавать большого значения любым последующим заявлениям, сделанным этими лицами либо в их собственном деле, либо в ходе судебного разбирательства над другим лицом.

69-й. Если судебное разбирательство было приостановлено инквизиторами, если начинается другое, хотя и за другое преступление, обвинения по первому делу должны быть добавлены ко

второму, и фискал должен подтвердить их в своем обвинительном акте, поскольку они усугубляют новое преступление, в котором обвиняется заключенный.

70-й. Когда двое или более заключенных помещены в одну тюрьму, они не должны впоследствии разлучаться или представляться другим заключенным; если чрезвычайные обстоятельства делают невозможным выполнение этого приказа, они должны быть изложены в процессе каждого человека, и этот инцидент должен уменьшить вес их заявлений после замены; поскольку несомненно, что каждый заключенный расскажет своим товарищам все, что он знает и видел, и что эти сообщения повлияют на других заключенных в отречении, которое они иногда противопоставляют своим первым признаниям.

71-й. Если заключенный заболевает, инквизиторы должны тщательно оказывать ему всяческую помощь и особенно уделять внимание всему, что касается его души. Если он попросит духовника, инквизиторы должны вызвать ученого человека, достойного их доверия; они должны рекомендовать, чтобы он не брал на себя никаких поручений для кого-либо во время таинственной исповеди; и если обвиняемый даст ему одно из поручений вне трибунала покаяния, он должен сообщить инквизиции все, что касается его судебного разбирательства. Духовник обязан сообщить обвиняемому, что он не может быть освобожден в таинстве покаяния, если только он не признается в преступлении, в котором его обвиняют. Если больному человеку угрожает смерть или у женщины вот-вот начнутся роды, должны соблюдаться правила, установленные для таких случаев. Если обвиняемый не просит о вызове исповедника, а врач заявляет, что он в опасности, его следует побудить обратиться с просьбой и признаться самому. Если обвиняемый признается в суде в своем преступлении, соглашаясь с предъявленными обвинениями, он должен быть примирен, и когда трибунал оправдает его, духовник должен дать ему отпущение грехов. В случае смерти должно быть совершено церковное погребение, но тайно, если только это не является неудобным. Если обвиняемый требует исповеди, когда он в добром здравии, может быть полезно отказаться от нее, поскольку он не может быть освобожден от грехов до тех пор, пока не достигнет примирения; если только он уже не признался в судебном порядке в достаточной степени, чтобы оправдать обвинения: в этом случае духовник может призвать его к терпению.

72-й. Свидетели в ходе судебного разбирательства не должны подвергаться очной ставке, поскольку опыт показал, что эта мера бесполезна и неудобна, независимо от нарушения закона о тайне, которое является результатом.

73-й. Когда инквизитор посещает города округа своего трибунала, он не должен проводить никакого судебного разбирательства по обвинению в ереси или арестовывать кого-либо из разоблаченных лиц, но он должен получить заявления и отправить их в трибунал. Тем не менее, если речь идет о человеке, чье бегство может быть задержано, он может быть арестован и отправлен в тюрьмы святой канцелярии; инквизитор также может выносить решения по делам, имеющим незначительные последствия, таким как еретические богохульства, которые могут быть рассмотрены без ареста сторон. Инквизитор не должен осуществлять эти полномочия без разрешения ординарца.

74-й. В окончательном приговоре, вынесенном против лица, признанного виновным в ереси и приговоренного к лишению своего имущества, должен быть указан период, когда оно впервые впало в ересь, поскольку это знание может быть полезно распорядителю конфискаций; оно также должно быть указано, если это заявление основано на признании обвиняемого,

показаниях свидетелей или на том и другом. Если эта формальность опущена, и управляющий требует, чтобы она была выполнена, инквизиторы должны подчиниться; если это не может быть сделано всеми вместе, это должно быть выполнено, по крайней мере, одним из них или консультантами.

75-й. Тюремщик должен отчитываться об общем и ежедневном питании каждого заключенного в соответствии со стоимостью съестных припасов; если в тюрьме находится высокопоставленное лицо или кто богат и имеет нескольких слуг, ему должно быть предоставлено необходимое количество пищи, но только при условии, что остатки будут распределены среди бедных, а не отданы тюремщику.

76-й. Если у заключенного есть жена или дети, и они нуждаются в содержании за счет его конфискованного имущества, им должна выдаваться определенная сумма за каждый день, пропорциональная их количеству, возрасту, качеству и состоянию их здоровья, а также размеру и стоимости этого имущества. Если кто-либо из детей занимается какой-либо профессией и может таким образом обеспечить себя, он не будет получать никакой части пособия.

77-й. Когда все судебные процессы завершены и вынесены приговоры, инквизиторы назначают день для проведения *аутодафе*. Они уведомляют об этом церковный капитул и муниципалитет города, а также президента и судей королевского суда, если таковой имеется, чтобы они могли собраться вместе с трибуналом и сопровождать его на церемонию в соответствии с обычаем. Они должны использовать надлежащие средства, чтобы казнь тех, кто должен быть *расслаблен*, состоялась до наступления ночи, чтобы предотвратить несчастные случаи.

78-й. Инквизиторы не должны допускать никого в тюрьмы за день до *аутодафе*, за исключением исповедников и *приближенных* святой канцелярии, когда это необходимо по их должности. *Приближенные* должны принять заключенного и нести за него ответственность после того, как нотариус засвидетельствует это в письменной форме, и должны быть обязаны доставить его обратно в тюрьму после церемонии *аутодафе*, если он не будет передан светскому судье; они не должны позволять никому разговаривать с ним по дороге или сообщать ему о чем-либо происходящем.

79-й. На следующий день после *аутодафе* инквизиторы должны привести к себе всех примирившихся лиц. Они должны разъяснить каждому приговор, который был зачитан накануне, и сообщить ему, к какому наказанию он был бы приговорен, если бы не признался в своем преступлении; они должны допросить их всех, особенно о том, что происходит в тюрьмах, и впоследствии они должны передать их на попечение тюремщика *бессрочных* тюрем, которому будет поручено наблюдать за тем, чтобы они исполняли свои епитимьи, и сообщать им, когда они не справятся. Он также будет обязан снабжать заключенных всем, что они пожелают, и обеспечивать работой тех, кто может занять себя сам, чтобы они могли вносить свой вклад в их существование и иметь возможность облегчить их страдания.

80-й. Инквизиторы должны время от времени посещать *бессрочные* тюрьмы, чтобы наблюдать за поведением заключенных, и за тем, хорошо ли с ними обращаются. В тех местах, где нет *постоянной* тюрьмы, вместо нее должен быть предусмотрен дом; ибо без этой меры предосторожности невозможно назначить наказание в виде тюремного заключения тем, кто приговорен к нему, или убедиться, добросовестно ли они исполняют свои епитимьи.

81-й. *Сан-бенитосы* всех тех лиц, которые были приговорены к *послаблению*, должны быть выставлены на всеобщее обозрение в их соответствующих приходах после того, как они будут сожжены лично или в виде изображения; то же самое должно быть сделано с *Сан-бенитосами* примиренных лиц после того, как они их снимут: никакие *Сан-бенитосы* не должны быть подвешены в церквях для тех лиц, которые были примирены до истечения срока отсрочки, поскольку они не были осуждены их носить. Надпись для *Сан-бенито* должна состоять из имен осужденных, указания на ереси, за которые они были наказаны, и времени, когда они понесли епитимью, чтобы увековечить позор еретиков и их потомков.

Поскольку этот формуляр все еще действует в трибуналах святой канцелярии, мне показалось бесполезным детально следить за событиями правления каждого генерального инквизитора, поскольку природу этого учреждения можно понять по описанному мною описанию его законов и постановлений, а также по наблюдениям, которые у меня будет возможность сделать в оставшейся части истории.

Я только добавлю, что дона Фердинанда Вальдеса в 1566 году сменил дон Диего Эспиноса, епископ Сигуэнсы и президент Совета Кастилии. Эспиноза умер 5 сентября 1572 года. Дон Педро Понсе де Леон, епископ Плацентии и Эстремадуры, был следующим генеральным инквизитором, но он умер, не вступив в должность.

Король назначил кардинала Гаспара де Кирога, архиепископа Толедо, одиннадцатым генеральным инквизитором: он умер 20 ноября 1594 года.

Кирогу сменил дон Хером Манрике де Лара; он был епископом Авилы и сыном кардинала Манрике, который занимал ту же должность при Карле V.

Дон Жером умер в сентябре 1595 года, и после него инквизицию возглавил дон Педро Портокарреро, епископ Кордовы.

Четырнадцатым генеральным инквизитором был кардинал дон Фердинанд Ниньо де Гевара, архиепископ Севильи, вступивший во владение в декабре 1599 года, во время правления Филиппа III.

Это было при Филиппе II. что инквизиция совершала величайшие жестокости; и правление этого князя - самый замечательный период в истории святой канцелярии.

ГЛАВА XXIII.

О НЕКОТОРЫХ АУТОДАФЕ, ОТМЕЧАЕМЫХ В МУРСИИ.

Мнения Лютера, Кальвина и других протестантских реформаторов не распространялись в других городах Испании с такой быстротой, как в Севилье и Вальядолиде; но есть основания полагать, что вся Испания вскоре была бы заражена ересью, если бы не чрезвычайная суровость, проявленная по отношению к лютеранам. С 1560 по 1570 год во всех инквизициях королевства ежегодно проводилось по крайней мере одно *аутодафе*, и среди осужденных всегда появлялись еретики новой секты. Однако прогресс лютеранства нельзя сравнить с прогрессом иудаизма и магометанства, потому что эти религии были давно установлены, и предки большого числа испанских семей исповедовали их. О том, что происходило в других

трибуналах, можно составить мнение из некоторых уведомлений о разбирательствах в суде Мурсии.

7 июня 1557 года в Мурсии состоялось торжественное *аутодафе*, на котором одиннадцать человек были сожжены, а сорок три были примирены. 12 февраля 1559 года тридцать жертв были сожжены вместе с пятью чучелами, а сорок три были примирены. 14 февраля, в том же 1560 году, были сожжены четырнадцать человек и двадцать чучел: двадцать девять человек были подвергнуты епитимье.

8 сентября того же года шестнадцать человек погибли в огне, а сорок восемь были приговорены к покаянию.

15 марта 1562 года состоялось еще одно *аутодафе*, в котором приняли участие двадцать три человека, которые были сожжены, и шестьдесят три человека, приговоренных к епитимьям. Все они были наказаны как иудейские еретики: среди первых можно отметить отца Луиса де Вальдеканьяна, францисканца, происходившего от древних евреев; он был осужден за то, что проповедовал закон Моисея; Хуан де Санта-Фе, Альварес Суарес и Поль д'Айлон, олдермены или шерифы; Педро Гутьеррес, член муниципалитета; и Хуан де Леон, городской синдик.

Ан *аутодафе* было отпраздновано в том же городе 20 мая 1563 года; семнадцать человек были сожжены лично и четыре - в виде чучела; сорок семь других были подвергнуты епитимье. Я упомяну тех, кто отличился своим рангом или какими-то особенностями в ходе испытаний.

Дон Филипп Арагонский, сын императора Феса и Марокко, приехал в Испанию совсем молодым и стал христианином; его крестным отцом был Фердинанд Арагонский, вице-король Валенсии, герцог Калабрии и старший сын короля Неаполя Фредерика III. Ни его ранг сына императора, ни преимущество наличия принца в качестве его крестного отца не были достаточными, чтобы помешать инквизиторам подвергнуть его позору за участие в торжественном *аутодафе*; он был представлен на церемонии с бумажной митрой на голове, увенчанной длинными рогами и покрытой фигурами дьяволов. В таком состоянии он был допущен к публичному примирению, после чего его должны были заключить на три года в монастырь, а затем навсегда изгнать из города Эльче, где он поселился, и из королевств Валенсия, Арагон, Мурсия и Гранада. Инквизиторы много хвастались мягкостью этого приговора и сообщили общественности, что это было вызвано тем, что дон Филипп сдался, вместо того чтобы обратиться в бегство, как он мог бы сделать. По-видимому, после своего крещения он проявил некоторый интерес и склонность к секте Магомета; он также оказывал помощь некоторым отступникам и показал себя покровителем еретиков. Его также обвинили в том, что он заключил договор с дьяволом и практиковал колдовство.

Лицензиат Антонио де Вильена, уроженец Альбасете, священник и проповедник, пользующийся большим уважением при дворе, появился на *аутодафе* в рубашке, с непокрытой головой и факелом в руке; он отрекся от ереси при малейших подозрениях. Он примирился и был приговорен к одному году тюремного заключения без права причащения святых тайн; навсегда лишен права проповедовать, изгнан из Мадрида на два года и обязан выплатить пятьсот дукатов на расходы святой канцелярии. Его преступление заключалось в том, что он плохо отзывался об инквизиции и о генеральном инквизиторе Вальдесе, говоря, что тот преследовал его и что он найдет возможность пожаловаться королю. Ему также не повезло

предать систему тюрем святой канцелярии после того, как он дважды содержался там под стражей за подозрительные предложения.

Хуан де Сотомайор, еврейского происхождения и уроженец города Мурсия, появился на *аутодафе* как кающийся грешник с кляпом во рту и веревкой на шее. Его приговорили к получению двухсот нашивок, ношению *Ордена Сан-Бенито* и пожизненному заключению в *Доме милосердия* с угрозой, что с ним будут обращаться еще более сурово, если он осмелится беседовать с кем-либо о делах инквизиции. Хуан де Сотомайор уже был арестован и приговорен к епитимье по подозрению в иудаизме. Когда его выпустили на свободу, он беседовал на эту тему с несколькими лицами, повторил сделанное им признание и некоторые другие обстоятельства. Это было преступление, за которое он был приговорен к получению двухсот ударов ножом и пожизненному заключению!

Франсис Гильен, торговец еврейского происхождения, присутствовал на *аутодафе* вместе с несколькими лицами, приговоренными к *смягчению* наказания в силу окончательного приговора, утвержденного Верховным советом, который должен был быть зачитан во время церемонии с выдвинутыми против него обвинениями. В разгар *аутодафе* Франциск объявил, что ему предстоит сделать новые заявления. Немедленно дон Херон Манрике (сын кардинала с таким именем, впоследствии ставший генеральным инквизитором) спустился с трибуны, снял знаки *послабления* и вручил Франциску знаки, принадлежащие человеку, который намеревался примириться.

История этого судебного процесса доказывает произвол и беспорядок, с которыми инквизиторы преследовали и судили виновных и приводили в исполнение свои приговоры.

Более двадцати свидетелей подтвердили, что Фрэнсис Гильен посещал собрания евреев в 1551 году и в последующие годы. Он был отправлен в секретные тюрьмы, и в декабре 1561 года ему был вынесен приговор *опослаблению*. Поскольку процесс был направлен в Верховный совет, Совет отметил, что, поскольку до окончания судебного разбирательства были заслушаны два новых свидетеля, их показания не были доведены до сведения осужденного; в результате они распорядились, чтобы эта формальность была соблюдена и чтобы после этого были поданы голоса в соответствии с законом. Инквизиторы повиновались, но они не пришли к согласию относительно приговора; одни проголосовали за смягчение наказания, другие за то, чтобы судебный процесс был приостановлен и чтобы обвиняемого побудили признать то, что было признано правдой, исходя из состояния показаний. У Франциска было три аудиенции, на которых он признался в нескольких других фактах, которые имели отношение к нему самому или касались других лиц; затем инквизиторы во второй раз проголосовали за окончательный приговор. Фрэнсиса единогласно объявили ложно раскаявшимся, поскольку он признался лишь в части своих преступлений, и приговорили к *смягчению наказания*; но было решено, что, поскольку он скрыл факты, касающиеся уважаемых лиц, его следует побудить сделать более развернутое заявление.

27 апреля Гильен назвал двенадцать сообщников в своей ереси и ратифицировал свое заявление. 9 мая было постановлено, что ему следует сказать, чтобы он готовился умереть на следующий день. Франциск спросил, сохранят ли ему жизнь, предполагая, что он расскажет все, что знает; они ответили, что он может рассчитывать на милосердие своих судей. Он потребовал еще одной аудиенции, назвал множество людей своими сообщниками и назначил брата Луиса де Вальдеканаса главным проповедником партии. Некоторое время спустя он

обвинил других лиц. Ночью 19-го инквизиторы собрались вместе с ординарцами и консультантами и решили, что Франциск должен появиться на *аутодафе* в одежде *расслабленных* людей, чтобы заставить его предположить, что он приговорен к смерти; но что он должен примириться с наказанием в *сан-бенито*, вечным заключением в тюрьму и конфискацией.

Когда его поместили в число тех, кому суждено было сгореть на костре, Франциск потребовал аудиенции. Затем инквизитор Маринке сообщил ему о вынесенном приговоре; и когда его отвезли обратно в тюрьму, он сделал новое заявление против девяти человек, утверждая, что забыл о них в своих других показаниях: он утвердил их 22 числа того же месяца.

Через несколько дней после того, как генеральный инквизитор приказал посетить трибунал, посетитель заявил, что судьи действовали вопреки законам, проводя Франциска на *аутодафе* по привычке *расслабленного* человека, когда они принимали решение о его примирении. Инквизиторы пытались оправдать себя, говоря, что они думали, что это напугает обвиняемых и вынудит их сделать новые заявления. Посетитель приказал примирить Франциска и отвести его в тюрьму для *кающихся*, также называемую тюрьмой *Милосердия*.

Франциск, который, вероятно, был немного не в себе, несколько раз заявлял, что он обманул инквизиторов, обвинив некоторых невиновных людей в еретичестве, потому что надеялся таким образом избежать смерти. Эти слова были доложены инквизиторам, и Франциск был доставлен в тайные тюрьмы. Против него было выдвинуто обвинение; он признал все статьи налогового кодекса и подтвердил под присягой, что все его заявления были правдивы; он утвердил их и просил о помиловании. 19 января 1564 года он был приговорен явиться на *аутодафе* с кляпом во рту, получить двести ударов и провести три года в доме *покаяния*. Фрэнсис получил побои, но они не сделали его более благоразумным, ибо даже в тюрьме он заявил, что с ним обошлись несправедливо, поскольку все, что он сказал, было ложью и продиктовано страхом.

В 1565 году инквизицию Мурсии посетил новый комиссар, который вынудил Франциска предстать перед ним в качестве свидетеля, чтобы утвердить заявление, которое он сделал против своей жены Кэтрин Перес за иудаизм. Между посетителем и свидетелем состоялся следующий диалог: —

Вы помните, как давали показания против Кэтрин Перес, вашей жены? — Да.

Что это было за заявление? — Его можно найти в материалах судебного процесса. (Заявление было здесь зачитано Фрэнсису.)

То, что вы только что услышали, правда? — Нет.

Почему тогда вы утверждаете, что это так? — Потому что я слышал, как это сказал инквизитор.

Соответствуют ли действительности заявления против других лиц? — Нет.

Зачем ты их сделал? — Потому что я понял во время *аутодафе*, на котором я присутствовал, что содержание было зачитано при публикации показаний, и я подумал, что если я заявлю, что это правда, я избежу смерти как хороший *кающийся*.

Почему вы подписали заявление после *аутодафе*, когда фискал представил вас в качестве свидетеля против вашей жены и других лиц? — По той же причине.

После этого разговора Фрэнсиса отправили обратно в тюрьму, где он написал своего рода мемориал, в котором сказал, что ни один из свидетелей не был допущен против него, потому что они расходились и противоречили друг другу в своих показаниях.

Когда посетитель ушел, инквизиторы возобновили свое преследование; фискал обвинил Фрэнсиса Гильена в преступлении, заключающемся в *вотзыве* лицензии, заявив, что он навязался им из страха, невежества или по каким-либо другим мотивам. Когда Фрэнсис снова оказался в опасности, он, как и следовало ожидать, заявил, что его первые показания были правдивы и что причиной его отказа было психическое расстройство, которым он страдал. 10 ноября 1565 года Фрэнсиса приговорили к участию в *аутодафе*, к получению трехсот ударов ножом и к тому, чтобы провести остаток своей жизни в тюрьме. Наказание в виде тюремного заключения было заменено отбыванием на галерах, пока это позволяли силы и здоровье Франциска. Судьи оставили за собой право решать этот вопрос самостоятельно. Заключенный был доставлен на *аутодафе* 9 декабря и понес наказание в виде порки; затем его перевели в общую королевскую тюрьму.

После того, как он прибыл туда, он написал своим судьям, объявляя себя неспособным служить на галерах. Трибунал пересмотрел решение и отправил его в дом *милосердия*. Это решение вызвало недовольство фискала, который запротестовал против него, заявив, что полномочия судей не выходят за рамки приговора и что они не имеют права смягчать наказание без согласия генерального инквизитора; на этом дело прекратилось, и Франциск был достаточно наказан за свою неосторожность, чтобы быть более осторожным в будущем.

Неправильность и беспорядок в разбирательствах этого трибунала можно увидеть еще яснее на другом процессе инквизиции Мурсии, примерно в то же время, который был проведен после показаний Гильена. Дело было возбуждено против *Мельхиора Эрнандеса*, купца из Толедо, который впоследствии покинул, чтобы обосноваться в Мурсии. Поскольку он происходил от евреев, его подозревали в приверженности религии его предков. После того, как по показаниям семи свидетелей он был доставлен в секретные тюрьмы, у него была первая аудиенция для *увещевания* 5 июня 1564 года; его обвинили в том, что он часто посещал подпольную синагогу в Мурсии с 1551 по 1557 год, когда собрание было обнаружено; и в том, что он действовал и рассуждал таким образом, который доказывал его отступничество. Впоследствии появились два свидетеля, и обвиняемый отверг все обвинения, ему была предоставлена публикация девяти показаний: он настаивал на своем отрицании и по совету своего защитника утверждал, что показания свидетелей не могут быть приняты, поскольку они противоречат друг другу, а некоторые из них, как известно, были его врагами.

Чтобы доказать это и бросить вызов некоторым другим лицам, он представил меморандум, который был принят, хотя впоследствии считалось, что он не опроверг обвинения.

Был заслушан новый свидетель, когда Мельхиор опасно заболел. 25 января 1565 года он совершил таинственную исповедь, а 29-го потребовал аудиенции, сказав, что у него плохая память, но он помнит, что был в доме в 1553 году, где собралось несколько человек, которых он назвал по имени; он отрицал, что произносил что-либо относительно закона Моисея, и что единственное, в чем он мог себя упрекнуть, так это в том, что не заявил, что другие сделали это предметом разговора.

Четыре дня спустя он заявил, что все, что было сказано на собрании, было сказано в шутку. Через несколько дней после этого он сказал, что не слышал, что говорили эти люди; и что он утверждал обратное, потому что свидетели дали показания на этот счет.

Был вызван другой свидетель, находившийся в тюрьме, который показал, что после того, как Мельхиор написал свою записку, он составил план побега и пытался уговорить своих товарищей сопровождать его. Фискальный прокурор зачитал ему обвинительный акт, и он отрицал все, что в нем содержалось.

В это время прибыл посетитель дон Мартин де Коскохалес и осмотрел заключенного, который подтвердил, что если он что-то и сказал, то сделал это из страха смерти. Адвокат выступил в свою защиту; Мельхиор написал памятную записку, которую зачитал своим судьям, в которой он бросил вызов нескольким лицам, как если бы они выступили против него.

24 сентября 1565 года Мельхиор подвергся *допросу в caput alienum*с целью заставить его признаться в том, что он знал о некоторых подозреваемых лицах, но он перенес это молча. 18 октября он был объявлен еврейским еретиком, виновным в сокрытии своего судебного признания и приговорен к *смягчению наказания* как ложно раскаявшийся и упрямый еретик.

Хотя приговор был вынесен, было решено еще раз надавить на Мельхиора, чтобы он раскрыл правду. *Аутодафе* должно было состояться 9 декабря 1565 года; 7-го его увещевали; он ответил, что признался во всем, что знал; однако, когда 8-го ему сказали готовиться к смерти, он потребовал аудиенции и заявил, что видел и слышал подозреваемых и нескольких других лиц, и что они говорили о законе Моисея, но что он считает эти разговоры не имеющими значения и простым времяпрепровождением.

9-го числа, перед рассветом, Мельхиор был облачен в одежду *расслабленных* людей, когда, поняв, что его признаний недостаточно для спасения, он потребовал аудиенции и упомянул лиц, указанных в сообщении, как составляющих часть собрания, помимо двенадцати других лиц, которые не были названы ему по имени; но он добавил, что не одобряет их доктрину.

Несколько минут спустя, обнаружив, что с него не сняли клейма осуждения, он добавил имена двух или трех сообщников, назвал имя человека, проповедовавшего Закон Моисея, и даже признался, что одобряет кое-что из того, что услышал.

Наконец, когда его признания не произвели желаемого эффекта, он сказал, что действительно верил в то, что проповедовалось в синагоге, и упорствовал в этой вере в течение года; но что он не исповедовался, потому что считал, что в показаниях свидетелей нет доказательств его ереси. Инквизиторы постановили, что Мельхиор не должен появляться на *аутодафе* этого дня, и что они посоветуются о надлежащих мерах, которые следует предпринять.

14 декабря Мельхиор утвердил свои предложения от 9-го, но при условии, что все произошедшее не должно отделять его от католического сообщества или приводить к тому, что его будут считать иудейским еретиком. 18-го числа он пожелал еще одной аудиенции и снова признался, что верит в Закон Моисея. Тем не менее, 29 июня 1566 года он заявил, что на собрании было зачитано Священное Писание, что он отчасти поверил услышанному и консультировался по этому вопросу со священником; что священник сказал ему, что это следует расценивать как неуважение к суду, и что это решение регулировало его последующее поведение.

6 мая 1566 года трибунал собрался, чтобы решить, следует ли приводить в исполнение окончательный приговор, вынесенный Мельхиору. Двое из советников проголосовали "за"; инквизиторы, ординарий и другие советники согласились с тем, что Мельхиор признался в достаточной степени, чтобы дать ему право на примирение. На аудиенции 28 мая обвиняемый снова попросил прощения, утверждая, что он верил только тому, что слышал, до тех пор, пока священник не вывел его из заблуждения. 30-го числа он заявил, что считает все, что услышал, необходимым для спасения.

В октябре следующего года его снова допустили на аудиенцию, где он выступил против инквизитора, который получил его признание в день *аутодафе* (это был дон Джером Манрике); он пожаловался на жестокое обращение, которому подвергся, чтобы получить новые показания. Он признал, что его признания в тот день были правдой, но добавил, что присутствие двух инквизиторов было необходимо для предотвращения злоупотребления властью, которое имело место в его деле.

Фискал протестовал против акта примирения, дарованного Мельхиору 6 мая 1566 года, и потребовал, чтобы приговор *осмягчению наказания*, вынесенный 8 октября 1565 года, был приведен в исполнение, поскольку обвиняемый не выказал никаких признаков истинного раскаяния и не преминул бы совратить других в ересь, если бы был помилован. Инквизиторы проконсультировались с Верховным советом, который постановил, что заключенный должен быть повторно допрошен в присутствии ординарцев и консультантов, и дело было передано на рассмотрение Совета. Приговор был вынесен 9 мая 1567 года; трое судей проголосовали за *смягчение приговора*, а двое - за *примирение* обвиняемых.

6 мая Верховный совет постановил, что Мельхиор должен быть *освобожден от ответственности*, и трибунал Мурсии вынес второй окончательный приговор в соответствии с полученными приказами. Казнь должна была состояться 8 числа следующего месяца.

В нарушение норм общего права Мельхиора вызывали 5, 6 и 7 июня и призывали найти его сообщников; поскольку он не знал, что уже приговорен, он сослался на то, в чем признался ранее. Но когда он обнаружил, что его должны одеть в одежду *расслабленного* человека, он заявил, что может назвать других сообщников. Инквизитор отправился в тюрьму, и Мельхиор указал другой дом, где собирались евреи, и назвал семь человек, которых, по его словам, он там видел; он также написал список семи синагог и четырнадцати человек, которые их посещали. Впоследствии он назвал еще один дом иудейских еретиков.

Его повели на *аутодафе* вместе с другими лицами, приговоренными к сожжению. Прибыв на место казни, он потребовал еще одной аудиенции, на которой назвал имена двух других домов и двенадцати еретиков; когда ему сказали, что этого заявления недостаточно для подтверждения результатов судебного разбирательства, он сказал, что постарается вспомнить других, и через несколько минут он осудил семерых человек. Перед завершением *аутодафе* он пожелал сделать третье признание и назвал два дома и шесть человек; затем инквизиторы согласились приостановить казнь и отправить Мельхиора обратно в тюрьму. Это было то, чего он хотел, и 12 июня он подписал свою ратификационную грамоту; но когда ему сказали, что у него подозреваются другие сообщники, он ответил, что других не помнит.

13-го числа Мельхиор заявил, что ошибся, назвав определенного человека среди своих сообщников, но притворился, что помнит другой дом и двух человек, которых он назвал.

Фискальный прокурор снова высказался за *смягчение* наказания обвиняемого, утверждая, что он был виновен в сокрытии информации; Мельхиор, полагая, что вопрос о его смерти решен, потребовал аудиенции 23 июня и попытался вызвать сострадание своих судей. "Что еще я мог сделать, - воскликнул он, - кроме как ложно обвинить самого себя? Знайте, что меня никогда не вызывали ни на какие собрания, что я посещал их только с коммерческими целями".

Мельхиора вызывали на пятнадцать аудиенций в июле, августе и сентябре; его ответы всегда были одними и теми же. 16 октября появился еще один свидетель, но Мельхиор опроверг свои показания, а также показания свидетеля, который был допрошен 30 декабря. Мельхиор написал свою защиту и потребовал, чтобы были заслушаны его собственные свидетели, чтобы доказать, что он был не в Мурсии, а в Толедо в указанное его обвинителями время; но инквизиторы не сочли доказательства, представленные обвиняемым, достаточными, чтобы опровергнуть показания свидетелей против него.

Мельхиор был, наконец, приговорен к *послаблению* в третий раз, 20 марта; он, однако, не забыл средства, которые ранее использовал для своего спасения, и вернулся с *аутодафе*. На пяти последующих аудиенциях он сделал длинное заявление против самого себя и осудил большое количество людей. Затем ему сказали, что он все еще виновен в сокрытии информации, поскольку не упомянул нескольких лиц, не менее выдающихся и хорошо известных, чем те, которых он уже осудил, и что нельзя предполагать, что он забыл их.

Этот процесс разрушил спокойствие, которое до сих пор демонстрировал Мельхиор; и после долгой брани в адрес инквизиторов и всех, кто присутствовал на процессе, он сказал: "Что вы можете со мной сделать? сжечь меня? что ж, тогда пусть будет так: я не могу признаться в том, чего не знаю. Тем не менее знайте, что все, что я сказал о себе, верно, но то, что я заявлял о других, полностью ложно. Я выдумал это только потому, что понял, что вы хотите, чтобы я изобличил невинных людей; и, не будучи знаком с именами и качествами этих несчастных, я назвал всех, о ком мог вспомнить, в надежде положить конец своим страданиям. Теперь я понимаю, что мое положение не сулит облегчения, и поэтому я отказываюсь от всех своих показаний; и теперь, когда я выполнил свой долг, сожгите меня, как только вам будет угодно".

Судебное разбирательство было направлено в Верховный совет, который в третий раз подтвердил приговор о *смягчении* наказания и сделал выговор трибуналу за то, что он *вызвал* к себе обвиняемого после вынесения приговора, поскольку аудиенция должна проводиться только по просьбе обвиняемого.

Вместо того, чтобы согласиться с этим мнением, инквизиторы вызвали Мельхиора к себе 31 мая и спросили его, не хочет ли он сообщить что-нибудь еще; он ответил отрицательно; затем они объяснили ему, что его заявления содержат много противоречий и что для блага его души необходимо, чтобы он, наконец, признался в правде, уважая себя и всех виновных, с которыми он был знаком.

Эти слова показывают хитрость инквизиторов; их целью было побудить обвиняемого отказаться от своего последнего заявления; но Мельхиор, зная характер инквизиторов, ответил, что если они хотят знать правду, то найдут ее в заявлении, которое он сделал перед сеньором *Айорой*, когда тот посетил трибунал. Этот текст был изучен, и было обнаружено, что Мельхиор сказал, *что он ничего не знает о предмете, по которому его допрашивали*. Затем состоялся следующий разговор: —

"Как это заявление может быть правдой, когда вы несколько раз заявляли, что посещали еврейские собрания, верили в их доктрины и упорствовали в этой вере в течение одного года, пока священник не развеял ваш обман?" — "Я говорил неправду, когда заявлял против самого себя".

"Но как получилось, что то, в чем вы признались сами, и многое другое, что вы сейчас отрицаете, являются результатом показаний очень многих свидетелей?" — "Я не знаю, правда это или ложь, поскольку я не видел протоколов судебного процесса; но если свидетели сказали то, что им вменяется, то это потому, что они были поставлены в ту же ситуацию, что и я. Они любят меня не больше, чем я сам себя люблю; и я, конечно, заявил против себя как правду, так и ложь".

"Какой мотив был у вас объявлять вещи вредными для себя, если они были ложными?" — "Я не думал, что это повредит мне; напротив, я ожидал извлечь из этого большую выгоду, потому что видел, что если я ни в чем не признаюсь, меня сочтут нераскаявшимся, и правда приведет меня на эшафот. Я подумал, что ложь была бы мне наиболее полезна, и обнаружил это в *двухавтода-фе*.

6 июня Мельхиору Эрнандесу сообщили, что он должен подготовиться к смерти на следующий день. На него надели одеяние приговоренных к сожжению, и к нему был назначен духовник. В два часа ночи он потребовал аудиенции, заявив, что желает оправдать свою совесть. Инквизитор в сопровождении секретаря удалился в свою камеру; затем Мельхиор заявил, "что перед тем, как предстать перед судом Всемогущего, и без всякой надежды избежать смерти из-за новых отсрочек, он счел себя обязанным заявить, что он никогда ни с кем не беседовал о Законе Моисея; что все, что он сказал по этому вопросу, было основано на желании сохранить жизнь и вере, что его признания были приятны инквизиторам; что он просил прощения у замешанных в этом лиц, чтобы Бог простил его и чтобы ему не было причинено никакого вреда". их честь и доброе имя".

Инквизитор заявил, что он не должен говорить ложь, даже из сострадания к обвиняемым; что заявления свидетелей имеют все признаки правды, и поэтому он умолял его, во имя Бога, не умножать его грехи в смертный час. Мельхиор лишь повторил, что все его прежние заявления были ложью. Королевский судья приговорил его к удушению, а его тело впоследствии было сожжено.

Могут возникнуть некоторые сомнения в искренности последних заявлений Мельхиора Эрнандеса, но крайняя неправильность работы трибунала должна быть очевидна каждому. Вмешательство Верховного Совета доказывает, что та же система применялась и в других трибуналах, поскольку он одобрял их работу и осуществлял право отзыва и порицания.

В 1564 году в Мурсии произошло еще одно *аутодафе*, был сожжен один человек и одиннадцать чучел; также было сорок восемь кающихся, но следующее обстоятельство стало причиной того, что эта церемония запомнилась особенно. Педро Эрнандес был помирен в 1561 году по подозрению в иудаизме. В 1564 году он заболел и при посредничестве своего духовника потребовал аудиенции у инквизиторов. Один из них пришел к нему домой, и Педро сказал ему, что он отрицал преступление, в котором его обвиняли, и впоследствии сделал признание, утверждая в качестве оправдания своего поведения, что французский священник даровал ему отпущение грехов. Теперь он признался, что это неправда, и что он хотел облегчить свою

совесть, признав это перед смертью. Инквизиторы представили это заявление трибуналу, который немедленно поднял Педро с постели и препроводил в их тюрьму, где он умер через три дня.

Три других *аутодафе* произошли в Мурсии в 1565, 1567 и 1568 годах, в ходе которых тридцать пять человек были сожжены и значительное число приговорено к покаянию.

ГЛАВА XXIV.

ОБ АУТОДАФЕ, СОВЕРШЕННОМ ИНКВИЗИЦИЯМИ ТОЛЕДО, САРАГОСЫ, ВАЛЕНСИИ, ЛОГРОНЬО, ГРЕНАДЫ, КУЭНКИ И САРДИНИИ ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ФИЛИППА II.

Инквизиция Толедо.

25 февраля 1560 года инквизиторы Толедо провели *аутодафе*, в ходе которого несколько человек были сожжены вместе с некоторыми изображениями, а большое количество подвергнуто епитимьям. Это *аутодафе* было устроено для развлечения новой королевы Елизаветы де Валуа, дочери Генриха II, короля Франции. Довольно удивительно, что эта меланхоличная церемония была выбрана для развлечения тринадцатилетней принцессы, которая в своей родной стране привыкла к блестящим празднествам, соответствующим ее рангу и возрасту. Генеральные кортесы королевств также собрались в Толедо в то же время, чтобы присягнуть на верность предполагаемому наследнику, дону Карлосу, так что это *аутодафе*, за исключением количества жертв, было таким же торжественным, как любое из тех, что проводились в Вальядолиде.

В 1561 году в том же городе произошло еще одно *аутодафе*; четверо нераскаявшихся лютеран были сожжены, а восемнадцать примирились. Среди приговоренных к епитимье был один из королевских пажей, уроженец Брюсселя, по имени Дон *Чарльз Эстрек*, но молодая королева Елизавета добилась его помилования.

17 июня 1565 года (это было Троицкое воскресенье) было совершено *аутодафе* сорока пяти человек; одиннадцать были сожжены, а тридцать четыре приговорены к покаянию. Некоторые из них были лютеранами, но большее число составляли евреи. Среди тех, кого причисляли к протестантам, некоторых называли *лютеранами*, других - *верующими*; был и третий, названный *гугенаос*, в честь *гугенотов*.

Хотя инквизиция Толедо провела столько же *аутодафе*, сколько и другие трибуналы, я не нахожу среди жертв ни одного выдающегося человека до *аутодафе* 4 июня 1571 года, когда двое мужчин были сожжены лично, а трое - в виде чучел за лютеранство, и тридцать один человек был приговорен к епитимье. Следует особо упомянуть одного из сожженных мужчин. Его звали *доктор Сигизмунд Архель* из Кальяри на Сардинии. Он был арестован в Мадриде в 1562 году как догматизирующий лютеранин и, пробыв долгое время в тюрьмах Толедо, сумел совершить побег. У него не было времени покинуть королевство; описания его личности были разосланы во все приграничные районы, и он снова был арестован и попал в руки своих судей. Он упорно отрицал вменяемые ему факты до *публикации показаний*, когда он признался и утверждал не только, что он не еретик, но и что он лучший католик, чем *паписты*. Он был

приговорен к сожжению, но упорствовал в своей системе и объявил себя мучеником; он оскорблял священников, когда они увещевали его, а затем ему заткнули рот кляпом, пока он не был привязан к столбу. Лучники, заметив, что он изображает из себя мученика, пронзили его своими копьями, в то время как палачи поджигали хворост.

Инквизиция Сарагосы

Инквизиция Сарагосы также ежегодно проводила *аутодафе*, когда несколько человек были сожжены и около двадцати примирились. Большинство из них были *гугенотами*, покинувшими Беарн, чтобы обосноваться в качестве торговцев в Сарагосе, Уэске, Барбастро и других городах. Прогресс, которого достигли кальвинистские доктрины в Испании, подтверждается постановлением Верховного совета, в котором мы читаем, что "дон Луис де Бенегас, посол Испании в Вене, сообщил генеральному инквизитору 14 апреля 1568 года, что он узнал из отдельных сообщений, что кальвинисты поздравляют друг друга с миром, подписанным между Францией и Испанией, и что они надеются, что их религия добьется такого же прогресса в Испании, как в Англии, Фландрии и других странах, потому что огромное количество испанцев, тайно принявших христианство, были вынуждены покинуть страну". он мог бы легко поддерживать связь с протестантами Беарна через Арагон. Эти и другие сообщения побудили совет рекомендовать инквизиторам проявлять дополнительную бдительность.

Следующее обстоятельство в ярком свете показывает несправедливость и жестокость инквизиции. В 1578 году один человек был приговорен по подозрению в ереси к получению двухсот ударов плетью, отправке на пять лет на галеры и выплате ста дукатов. Его преступлением была отправка испанских лошадей во Францию. Со времен правления Альфонсо XI., в четырнадцатом веке, ввоз испанских лошадей во Францию был запрещен под страхом смертной казни и конфискации; конкретные обстоятельства, повлекшие за собой столь несоразмерное преступлению наказание, неизвестны; однако оно было возобновлено в 1499 году Фердинандом католиком. Никто не будет отрицать, что таможенники были подходящими лицами для ареста этих контрабандистов; но когда во Франции вспыхнули гражданские войны между католиками и протестантами, Филипп счел уместным использовать инквизицию для пресечения этой практики, делая вид, согласно папской булле, что те, кто снабжал протестантов оружием, амуницией и т. Д., Были покровителями еретиков и подлежали подозрению в ереси. Филипп II поручил инквизиции Логроньо, Сарагосы и Барселоны расследовать все преступления, связанные с ввозом испанских лошадей во Францию.

Совет инквизиции добавил пункт к ежегодному эдикту о доносах, который обязывал каждого испанского христианина-католика выдавать лиц, которые, как известно, покупали лошадей для отправки во Францию протестантам. Помимо этих религиозных мотивов, рвение жителей было возбуждено обещанием награды.

В 1575 году за это преступление было установлено наказание в виде порки; но хотя закон изложен в общих чертах, следующее событие показывает, что оно применялось только к тем, чья власть и кредит были невелики. В 1576 году комиссар инквизиции встретил слугу вице-короля Арагона, направлявшегося во Францию с двумя лошадьми; он схватил лошадей, но позволил слуге уйти. Он рассказал о своих действиях инквизиторам, которые одобрили его поведение, не арестовав слугу; их мнение было подтверждено Верховным советом. Инквизиторы собирались написать вице-королю, чтобы потребовать объяснений поведения его

слуги и назначения лошадей, когда совет приказал им воздержаться, если они считают, что это будет неприятно вице-королю.

Впоследствии этот закон был применен к тем, кого подозревали в контрабанде, и к тем, кто одобрял эту практику. В 1607 году Филипп II приказал инквизиторам предложить вознаграждение тем, кто пресекал эту торговлю, и народ, наконец, проникся к ней таким ужасом, а те, кто ею занимался, стали настолько отвратительными, что правительство было вынуждено объявить, что несчастье быть осужденным и наказанным за это преступление не лишает человека возможности пользоваться почестями и должностями.

Инквизиторы, всегда стремившиеся расширить свою юрисдикцию, хотели получить право проводить судебные процессы за контрабанду селитры, серы и пороха; эта попытка не увенчалась успехом и фактически стала причиной того, что они были лишены полномочий, данных им Филиппом в отношении ввоза лошадей во Францию.

Инквизиция Гренады.

На ежегодном *аутодафе* инквизиции Гренады обычно появлялось около двадцати осужденных; ибо, хотя с Морско, давшими на себя показания, обращались с большим милосердием, все же было много тех, кто отказывался обвинять себя, либо из страха, который внушала суровость инквизиции, либо потому, что они были убеждены, что те, кто заявлял, что с ними обращались с большой мягкостью, не осмеливались утверждать обратное; а другие, эмигрировав в Африку, вернулись в Испанию, не задумываясь об опасности, в которой они находились. о том, что был арестован инквизицией.

27 мая 1593 года в Гренаде состоялось грандиозное *аутодафе*; пять человек были сожжены лично и пять - в виде чучел; восемьдесят семь были приговорены к епитимьям. Единственным значительным человеком среди них была донна Инес Альварес, жена Томаса Мартинеса, альгвасила королевской канцелярии. Ее приговорили к сожжению, но, сделав признание на эшафоте, она примирилась.

То же самое происходило и в инквизиции Валенсии. Число мореско, вернувшихся в магометанство и отказавшихся признавать себя виновными, было настолько велико, что многие из них появлялись на каждом *аутодафе*, чтобы быть сожженными как *нераскаившиеся* или понести различные епитимьи.

Инквизиция Логроньо.

Инквизиция Логроньо была не менее активна в судебном преследовании еретиков. Каждый год проводилось *аутодафе*, в котором участвовало около двадцати человек, осужденных за иудаизм, и еще несколько человек за различные ереси, в частности за лютеранство; ибо со времен дон Карлоса де Сесо, коррехидора Торо (который был арестован в Логроньо в 1558 году и сожжен в следующем году в Вальядолиде), всегда можно было найти людей, которые разделяли его взгляды и преуспевали в получении лютеранских книг. Совет, которому сообщили об этом обстоятельстве, написал инквизиторам в 1568 году, предписывая им удвоить бдительность в предотвращении распространения еретических книг, и сообщил им, что дон Диего де Гусман, посол в Англии, написал, что протестанты этой страны хвастались, что их доктрина была хорошо принята в Испании, особенно в Наварре, и что она даже проповедовалась там.

В то время как инквизиторы Логроньо готовились к *аутодафе* 1570 года, они испытали унижение от того, что Верховный совет в двух случаях обвинил их в своем поведении. Одно было по делу Лопе де Аргинараса, а другое - по делу Хуана Флористана Маэстуза, которых обвинили в иудаизме. Аргинараз отрицал этот факт, подвергся пыткам, а затем признался в совершении этих действий, но утверждал, что совершал их не с теми чувствами и верой, в которых его обвиняли. Через несколько дней он подтвердил свое признание и потребовал примирения. Судьи, собравшиеся для голосования за окончательный приговор, решили передать дело в Верховный совет, который постановил, что они недостаточно изучили обвиняемого относительно чувств и намерений, которые он имел при совершении действий, в которых он признался, и приказал им вернуться к этой стадии судебного разбирательства и проголосовать в соответствии с результатом. Инквизиторы прислали отчет о мотивах своего поведения и уведомили, что им следует подождать, пока совет рассмотрит их замечания, прежде чем они продолжат. В ответе на это послание инквизиторам предписывалось немедленно выполнить полученные ими приказы и содержался резкий упрек в том, что они не подчинились им молча и не выполнили свой долг при допросе, когда они должны были изучить обвиняемого с точки зрения его учения.

В другом деле Хуана Флористана Маэстуза совет выразил свое удивление тем, что инквизиторы не допросили обвиняемого по некоторым еретическим пунктам, которые были доказаны против него, хотя он отказался признаться даже во время пыток; и, прежде всего, тем, что инквизитор, который квалифицировал обвиняемого как *отрицательно* давшего ложные показания, проголосовал за его примирение, поскольку конституции святой канцелярии запрещали примирение тех, кто упорно отрицал выдвинутые против него обвинения. Примирение двух заключенных состоялось во время *аутодафе*.

Ап *Аутодафе* состоялось в Логроньо 14 ноября 1593 года, на котором присутствовали сорок девять человек; пятеро были сожжены лично, семеро - в виде чучел; остальные были подвергнуты епитимье.

Обычай ежегодно отмечать одно *всеобщее аутодафе* был настолько прочно укоренившимся, что, когда инквизиторы Куэнсы в 1558 году передали человека светскому правосудию на *особом аутодафе*, возникли сомнения в том, что это разрешено правилами святой канцелярии; и хотя совет принял положительное решение, обычай оставлять всех осужденных для *общего аутодафе* возобладал, если только какие-либо особые обстоятельства не заставили отступить от него.

Инквизиция на Сардинии.

Я уже говорил, что Филипп II ввел испанскую конституцию на Сардинии в 1562 году. Дон Диего Кальво первым начал приводить это в исполнение, но новшество произвело на жителей такое сильное впечатление, что они потребовали посещения трибунала. Это поручение было поручено генеральным инквизитором лиценциату Мартинесу дель Вильяру, который выполнил его в 1567 году. Он получил так много жалоб на инквизитора Кальво, что его отозвали, и Мартинес занял его место; он, однако, пробыл там недолго, его сменил дон Альфонсо де Лорка.

В 1575 году в Рим была подана апелляция на трибунал Сардинии, и Филипп II выступил в ее защиту. Дон Франсис Минута, сардинский дворянин, был подвергнут епитимье за двоеженство и приговорен к трем годам службы простым солдатом на галерах Испании без права выхода за

пределы Голетты на Мальте. Не пробыв он там и месяца, как ему удалось бежать и он вернулся на Сардинию; тогда генеральный инквизитор приказал снова арестовать его и удвоил наказание; Минута был доставлен обратно в Голетту, откуда он сбежал во второй раз и бежал в Рим. Он заявил папе, что не виновен в двоеженстве и что обращение генерального инквизитора с ним было несправедливым, поскольку он покинул форт с разрешения губернатора. Дон Франциск потребовал и получил от папы два поручения: первое - для рассмотрения главного вопроса, вопроса о двоеженстве; другое - для выяснения причин, которые он выдвинул против приговора, продлившего его содержание под стражей. Тем временем инквизитор Сардинии объявил его злостным беглецом и приговорил к восьми годам каторги. Апостольский судья потребовал от инквизитора приостановить разбирательство; он проинформировал генерального инквизитора, который обратился к королю, вмешательства которого они никогда не просили напрасно. Филипп II. написал дону Хуану де Суньиге, своему послу в Риме, с требованием отозвать протоколы судебного разбирательства и получить разрешение инквизитору острова продолжить судебное преследование или, по крайней мере, передать его генеральному инквизитору, которому принадлежит право судить дело. Папа отменил свои буллы, чтобы угодить королю Испании, и несчастного дона Франциска Минуту постигла участь, которую он мог ожидать; ибо в делах такого рода генеральный инквизитор всегда назначает одного из членов трибунала обвиняемых в качестве следственного судьи под предлогом того, что у них в распоряжении материалы судебного процесса.

Дон Андреа Минута, брат дона Франциска, также был приговорен к такому же наказанию сроком на три года. Он бежал в Рим и, обратившись к папе, получил разрешение на назначение епископом Сардинии. Филипп II обратился с той же просьбой к папе римскому, и с Андреа обошлись так же, как с его братом.

Дон Педро Гиза, барон де Кастели на Сардинии, был привлечен к ответственности и осужден за то же преступление двоеженства; но, узнав, что случилось с двумя братьями Минутой, он прибегнул к мольбам и унижениям, чтобы умиловить генерального инквизитора и добиться смягчения своего наказания.

ГЛАВА XXV.

ОБ УЧЕНЫХ МУЖАХ, ПРЕСЛЕДУЕМЫХ ИНКВИЗИЦИЕЙ.

СРЕДИ множества зол, которые инквизиция причинила Испании, препятствия, которые она противопоставляет прогрессу искусств, наук и литературы, не в последнюю очередь прискорбны. Сторонники святой канцелярии никогда не допускали этого, и все же это определенная правда. Апологеты, о которых я говорю, утверждают, что инквизиция противостоит только вторжению еретических мнений и оставляет тех, кто не нападает на доктрины веры, в полной свободе, следовательно, она не влияет на искусства и науки. Если бы это утверждение было справедливым, то существовало бы множество превосходных работ, которые можно было бы прочитать и которые запрещены только потому, что содержат доктрины, противоположные мнениям теологов-схоластов.

Святой Августин, безусловно, был очень ревностным приверженцем религии в ее величайшей чистоте, однако он проводил большое различие между догматическим положением и тем, которое не определено. Он признал, что во втором случае католик волен приводить доводы "за" или "против" в соответствии с требованиями своего разума. Святой Августин не предполагал, что свободе мнений будут противостоять такие богословские порицания, какие были установлены в наше время определителями священной канцелярии. Они оказали большое влияние на запрет книг и даже на осуждение их авторов. Их используют против первых под предлогом того, что они содержат положения, *благоприятные для ереси, дурно звучащие, отдающие ересью, разжигающие ересь или склоняющие к ереси*; против авторов, объявляя их подозреваемыми в принятии ереси в своих сердцах.

В настоящее время определители расширили запреты, заявив, что книги содержат положения, *оскорбительные для лиц высокого ранга, подстрекательские, имеющие тенденцию нарушать общественное спокойствие, противоречащие управлению государством и противоречащие послушанию, которому учили Иисус Христос и его апостолы*.

Эти порицания обычно выносятся теологами-схоластами. Работа *Филанджиери*, озаглавленная "*Наука законодательства*", подверглась критике со стороны отца Жозефа де Карденаса, капуцина, который считал себя компетентным в этом, хотя он прочитал только первый том испанского перевода, который содержал лишь половину объема оригинала.

Запрет в наибольшей степени распространяется на те книги, которые касаются теологии и канонических законов, особенно если они хорошо написаны и содержат доктрины, которым учили отцы церкви, соборы и даже папы, правившие в первых семи веках, но которые были забыты или воспротивились богословам варварских времен, которые хотели установить систему союза двух властей в лице суверенного понтифика.

Богословские порицания также направлены против работ по философии, гражданскому и естественному праву, а также против людей. Те книги, которые были опубликованы по математике, астрономии, физике и другим предметам, зависящим от них, не пользовались большей популярностью. Следовательно, испанцы были лишены преимуществ, которые другие нации извлекли из всех недавних открытий.

С момента основания святой канцелярии едва ли был хоть один человек, прославившийся своей ученостью, который не подвергался бы судебному преследованию как еретик. В нижеследующий список я не буду (если только особые обстоятельства не сделают это необходимым) включать ни одного ученого человека, который подвергался судебному преследованию за принятие иудаизма, магометанства или любой другой секты, в равной степени запрещенной католической религией. Будут упомянуты только те, кто пострадал в своей свободе, чести и судьбе из-за того, что не принял ошибочных схоластических мнений.

Названия расположены в алфавитном порядке, чтобы читатель мог быстрее найти статью, с которой он хочет ознакомиться.

Абади-ла-Сьерра (ум. Августин), епископ Барбастро. Смотри главу 29.

Абади-ла-Сьерра (Д. Мануэль), архиепископ Селимбрии, там же.

Альмодобар (герцог). См. Следующую главу.

Аранда (граф д'). Там же.

Арельяно (ум. Джозеф Ксавье Родригес д"), архиепископ Бургоса. См. Главу 29.

Авила (достопочтенный Хуан д"), светский священник, уроженец Альмодовар-дель-Кампо, прозванный Апостолом Андалусии. См. Главы 13 и 14.

Азара (доктор Николас д'). См. Следующую главу.

Бальвоа (доктор Хуан де), каноник кафедрального собора Саламанки и профессор права в университете этого города. Он был одним из самых выдающихся литераторов своего времени. Николас Антонио упоминает только одно из его произведений, озаглавленное *Уроки Сальмантини*. Он сочинил несколько других, одно из которых привело бы к его аресту инквизицией, если бы он не был защищен генеральным инквизитором кардиналом доном Антонио Сапато и некоторыми советниками трибунала. Это были мемуары, которые он составил и представил в 1627 году Филиппу IV от имени университетов Саламанки, Вальядолида и Алькалы. Целью этих мемуаров было побудить короля отказаться от разрешения, о котором просили иезуиты, преобразовать *Императорский* Мадридский колледж в университет.

Иезуиты осудили эту работу и квалифицировали некоторые положения как *ошибочные, оскорбительные для благочестивых ушей, скандальные и наносящие вред правительству и обычным священнослужителям Общества Иисуса*.

Собор передал мемуары на рассмотрение *квалификаторов*, которые заявили, что они не заслуживают богословского порицания, и собор отказался от этого дела. Затем иезуиты воспользовались влиянием графа д'Оливареса на короля, но попытка оказалась безуспешной. Другая работа, приписываемая Бальвоа, возможно, была напечатана в Риме в 1636 году, в типографии апостольской палаты. Она написана на латыни, in quarto, и носит имя Альфонсо де Варгаса де Толедо, с таким названием: *Изложение, сделанное Альфонсо де Варгасом христианским королям и принцам, Стратagem и политических ухищрений, к которым прибегают члены Общества Иисуса, чтобы установить всемирную Монархию в свою пользу, работа, которая доказывает коварство иезуитов по отношению к королям и народам, которые благосклонно приняли их; их вероломство и непослушание даже Папе римскому и неумеренное Стремление к инновациям, которое они всегда проявляли в вопросах религии. Религия*. Было сказано, что эта работа была напечатана во Франкфурте, за исключением оправдательных статей. Автор выдвигает и доказывает тяжкие обвинения против иезуитов.

Бейлс (Д. Бенито), профессор математики в Мадриде и автор работы по этой науке, используемой в школах. Инквизиция возбудила над ним судебный процесс ближе к концу правления Карла III как подозреваемого в атеизме и материализме. Бейлс был лишен возможности пользоваться своими конечностями и не мог заниматься своими делами; тем не менее он был арестован и доставлен в тюрьмы святой канцелярии вместе с одной из своих племянниц, которая получила разрешение разделить с ним заключение, чтобы она могла продолжать оказывать ему помощь, которая была необходима в его положении. Он подготовил свою защиту наилучшим образом, на какой был способен; и перед публикацией показаний он признал достаточно, чтобы показать, что был искренен в своем признании и раскаянии. Когда

его проверили на предмет его внутренней веры, он заявил, что у него были некоторые сомнения в существовании Бога и бессмертии души, но что на самом деле он никогда не был атеистом или материалистом; что во время своего одиночества в тюрьме он размышлял на эту тему и был готов отречься от всех ересей, и особенно от тех, в которых его подозревали. Он потребовал примирения и епитимьи, которую пообещал исполнить настолько хорошо, насколько позволит ему здоровье. Его положение было рассмотрено; и вместо того, чтобы отправить его в монастырь, куда его племянница не смогла бы последовать за ним, его продержали некоторое время в тайных тюрьмах святой канцелярии: впоследствии его перевели в его собственный дом, который служил ему тюрьмой, и он был обязан платить за питание во время своего заключения и подвергнут нескольким другим епитимьям, одной из которых была обязанность исповедоваться священнику, который назначался три раза в год — на Рождество, Пасху и Пятидесятницу.

Бальза (Франциск), францисканец и знаменитый проповедник в царствование Карла III. Когда иезуитов изгнали из Испании, он открыто проповедовал против распущенных нравов того времени; он поносил авторов, которые ввели и пропагандировали их, и пытался внушить людям ужас при чтении их произведений. Поскольку некоторые из этих авторов были иезуитами, он яростно выступал против тех людей, которые обвиняли короля в мерах, принятых им для изгнания их из королевства. Бальза был осужден в Логроньо, и инквизиторы дали ему понять, что с ним будут обращаться сурово, если он не изменит свой тон.

Барриоверо (доктор Фердинанд де), теолог церкви Толедо и профессор университета. Его судили в 1558 году за одобрение доктрины Катехизиса дона Бартоломео Каррансы. Он успокоил бурю, отказавшись от своих слов, когда получил приказ короля сделать это, и отправив свое отречение папе римскому, когда архиепископы Гранады и Сантьяго и епископ Хаэна приняли эту меру.

Беландо (брат Николас де Хесус), францисканец: против него было возбуждено уголовное дело из-за его *Гражданской истории Испании*. В этой работе он дает отчет обо всех событиях с момента восшествия на престол Филиппа IV до 1733 года. Инквизиторы полностью запретили эту книгу по политическим мотивам, а не из-за чего-либо, связанного с доктриной; их приговор Беландо был вынесен 6 декабря 1774 года. Инквизиторы не проявили уважения ни к лицензии в начале книги, посвященной Филиппу V. Ни к благоприятному мнению просвещенного члена Совета Кастилии, которому его величество поручил изучить ее, прежде чем он разрешил посвятить ее ему. Автор обжаловал приговор и потребовал, чтобы его выслушали: он предложил ответить на все замечания и внести любые изменения или умолчания в свою работу, которые предложит трибунал. Эта попытка Беландо защитить свою книгу была расценена как преступление, и он был заключен в темницы святой канцелярии, где подвергся самому суровому обращению. Он оставил их только для того, чтобы они были пожизненно заключены в монастырь, и ему было запрещено когда-либо сочинять другие произведения. Он был лишен почестей, которыми отличался в своем ордене, и на него были наложены более суровые епитимьи, чем если бы он был еретиком.

Коммерческий (Клемент Санчес дель), священник, архидьякон Вальдераса и сановник церкви Леона. Он был привлечен к ответственности и наказан во времена Карла V. за лютеранство. Он был осужден за некоторые положения в работе под названием *Сакраментальный*. В 1559 году генеральный инквизитор Вальдес поместил эту книгу в *Указатель*.

Беррососа (Фрай Мануэль Сантос), автор работы под названием *Очерки Римского театра*. Он был заключен в тюрьму инквизицией Толедо за то, что в своих Эссе отзывался о римском дворе в манере, неугодной иезуитам и инквизиторам. Разбирательство в этом судебном процессе было настолько произвольным, что рассматриваемая работа не рассматривалась до тех пор, пока дело не было почти закончено. Материалы этого судебного процесса были взяты из архивов инквизиции по какой-то неизвестной причине. В 1768 году по приказу короля они были представлены чрезвычайному собору епископов, который был собран для рассмотрения дел иезуитов.

Бланко (дон Франциск), архиепископ Сантьяго. См. Главу 29.

Брозас (Фрэнсис Санчес де Лас), обычно называемый *эль Бросенсе*; он родился в деревне Лас Брозас, откуда и взял свое имя. Он был одним из величайших гуманистов своего времени и самым выдающимся испанцем из этой партии во времена Филиппа II. Во время этого правления он опубликовал несколько работ, которые упоминает Николас Антонио в своем каталоге. Суровый *Юстус Липсе* называет его *Меркурием и Аполлоном Испании*, а Гаспара Сципиуса - божественным человеком. Он несколько раз подвергался судебному преследованию инквизицией Вальядолида за некоторые положения, содержащиеся в его работах, но в основном в книге на английском языке, озаглавленной "*Escolias à las quatro Sylvas escritas en verso heroico por Angelo Policiano, intituladas Nutricia, Rustico, Manto y Ambra*"; а именно. "Комментарии к "четырем сільвам", написанные героическими стихами Анджело Политиано, называются "*Нутриция*, "*Рустико*, "*Манто*" и "*Амбра*". *Эль Броченсе* полностью удовлетворил требованиям, и его работа не была включена в Индекс.

Баруага (дон Томас Саенс), архиепископ Сарагосы. См. Главу 29.

Кадена (Луис де ла), второй ректор университета Алькала-де-Энарес и племянник доктора Педро де Лерма, который был первым, кто обладал этим достоинством. Кадена был одним из самых образованных людей своего времени; он понимал иврит, греческий, арабский и другие восточные языки; он писал по-латыни с величайшим изяществом и пользовался высокой репутацией среди литераторов. Ученый Альваро Гомес де Кастро говорит в своей *Истории кардинала Хименеса де Сиснероса*, что он задумал уничтожить дурной схоластический вкус, царивший в университетах. Это предприятие дорого обошлось Кадене: те, кто разделял взгляды школ, донесли на него инквизиции Толедо как на подозреваемого в лютеранстве; архиепископов Хименеса де Сиснероса и Фонсеки, которые защищали преследуемых сотрудников университета Алькала, больше не было; и Кадене пришлось последовать примеру своего дяди и бежать в Париж, чтобы избежать темниц святой канцелярии. Он был принят как доктор в Сорбонне и умер профессором в этом знаменитом доме.

Кампоманес. См. Следующую главу.

Кано (Мельхиор), епископ Канарский. См. Главу 29.

Кануэло (дон Луи), адвокат королевского совета во время правления Карла III. Он был подвергнут епитимье и отрекся от *де левиза* то, что вставил определенные положения в некоторые номера периодического издания под названием "*Цензор*", которое выходило без указания имени автора. Кануэло часто публиковал декламации против суеверий в "*Цензоре*", в которых он доказывал зло, к которому может привести слепая и тщеславная вера в индульгенции и помилования, получаемые теми, кто носит наплечник Богоматери с горы

Кармель, в декламировании *иневайнови* в других внешних проявлениях благочестия, которые, по его словам, наносят ущерб чистоте религии. Он также осмелился высмеять помпезные титулы, которые монахи присваивали святым своих орденов: так, св. Августина называли *Орлом врачей*; Святого Бернарда - *Почитаемым*; Святого Фому - *Ангельским*; Святого Буонавентуру - *серафимом*; святого Иоанна де ла Круза - *мистиком*; Святого Франциска - *Херувимом*; и Святого Доминика - *Горящим*. Однажды он предложил вознаграждение любому, кто применит имя *кардинала* к святому Иерониму, а *доктора* - к святому св. Тереза де Хесус. Монахи, которых он высмеивал, не могли простить ему дерзости и яростно преследовали его. Номера его работ были запрещены, хотя они уже были опубликованы; и ему было запрещено писать на любые темы, которые имели хоть малейшее отношение к доктрине, морали или общепринятым мнениям о благочестии и набожности.

Канталапьедра (Мартин Мартинес де), профессор теологии, очень сведущий в восточных языках. Он был привлечен к уголовной ответственности во время правления Филиппа II. за публикацию книги под названием *Hippotiposeon* и др.; она была запрещена и включена в *Указатель* кардинала Кироги в 1583 году. Этого автора подозревали в лютеранстве из-за того, что он слишком настаивал на необходимости обращаться к оригинальным книгам Священного Писания, отдавая предпочтение толкованиям: он отрекся от *де леви*, наложил епитимью, и ему запретили писать снова. Этот пример дает нам представление о суждениях и дискриминации судей и отборочных.

Карранса (Дон Варфоломей), архиепископ Толедский. См. Главы 32, 33 и 34.

Касас (дон Фрай Бартоломью де Лас), доминиканец, епископ Чьяпы, а затем и Куско, оставил свой престол, чтобы жить в Испании; он был защитником прав и свобод коренных индейцев. Он написал несколько превосходных работ, о которых упоминает Николас Антонио. В одном из них он пытается доказать, что короли не имеют права распоряжаться собственностью и свободой своих американских подданных и передавать их другим хозяевам либо на основании феодального владения, либо по праву завоевания. Эта работа была передана инквизиции в противовес заявлениям святых Павла и Петра о подчинении крепостных и вассалов своим господам. Автор был очень огорчен, когда услышал, что его намеревались привлечь к ответственности; но совет лишь в официальном порядке потребовал от него перевода произведения и рукописи. Впоследствии она несколько раз печаталась в других странах, о чем упоминает М. Пеньо в своем *"Критическом словаре и библиографии заметок о жизни брьюле", исключениях и цензуре*. Касас умер в Мадриде в 1566 году в возрасте девяти лет. Он имел удовольствие видеть, что еще одна его работа в пользу американцев была одобрена цензурой, хотя и подверглась критике со стороны Хуана Гинеса де Сепульведы. Карл V приказал уничтожить это письмо, хотя оно было выгодно королевской власти: он также издал несколько указов в пользу американцев, и если бы они были исполнены, меньше упреков было бы адресовано испанцам, правившим новым светом.

Кастильо (брат Фердинанд дель), доминиканец и один из самых выдающихся людей своего ордена. Он был замешан в судебном процессе против лютеран в Вальядолиде в 1559 году. Братья Доминик де Рохас, Педро Касалья и дон Карлос де Сесо, желая доказать, что их взгляды на *оправдание* были ортодоксальными, заявили, что они совпадают с мнениями брата Фердинанда дель Кастильо, который, по всеобщему признанию, отличался добродетелью и мудростью; он был членом Колледжа Святого Григория в Вальядолиде; впоследствии

профессором философии и теологии в Гренаде; в то время он был выдающимся проповедником в Мадриде. Трое свидетелей подтвердили свои заявления 3, 4 и 5 октября 1559 года; они должны были быть сожжены 8 числа того же месяца. К счастью для брата Фердинанда, три свидетеля не утверждали положительно, что он придерживался доктрины *оправдания* так, как это делали они, или в том же смысле, но что он выражался таким образом, что это можно было предположить. Брату Фердинанду было приказано отправиться в Вальядолид, где он был заключен в Колледж Святого Григория и вызван предстать перед трибуналом. Он снял с себя выдвинутые против него обвинения и даже получил справку о своем оправдательном приговоре, чтобы его честь и репутация не были затронуты. Он вернулся в Мадрид, где стал приором, а затем с тем же достоинством был отправлен в Медину; наконец, он был назначен проповедником при Филиппе II. Этот принц часто советовался с ним по трудным вопросам и назначил его сопровождать герцога Оссуны в его посольстве в Лиссабоне. Кастильо был одним из тех, кто сыграл наибольшую роль в том, чтобы склонить короля-кардинала дона Генриха призвать Филиппа II. чтобы стать его преемником на троне Португалии, и впоследствии он был назначен наставником младенца дона Фердинанда. Он написал историю ордена Святого Доминика, труд, который высоко ценится учеными наших дней. Кастильо умер 29 марта 1593 года: его жизнь была образцом аскетизма, и он постился на хлебе и воде три раза в неделю.

Сентено (Фрай Педро), монах-августинец. Он был одним из самых образованных людей своего ордена и одним из самых выдающихся литераторов Испании во времена правления Карла III. и Карла IV. Сентено навлек на себя ненависть всех монахов, священников и светских людей своей периодической работой, озаглавленной "*Универсальный апологет всех несчастных авторов*". Сентено нападал на дурной вкус, господствовавший в литературе, с самой тонкой иронией, так что теологи-схоласты, ничего не знавшие о хорошем вкусе, боялись подвергаться его допросу. Иронических похвал, которыми он расточал их, следовало опасаться больше, чем его самой острой сатиры: все его статьи читались с удовольствием, а его решения обычно принимались читателями. Предубеждения, царившие в Испании, не преминули создать ему множество врагов. Он полагался на чистоту своих религиозных убеждений и обширность своих знаний; но он был осужден в святой канцелярии, и обвинения были такими же разными, как положение и характеры тех, кто нападал на него. Его обвинили *внечестии* (преступление, которое тогда считалось в Испании равным *атеизму*, или *материализму*), в то время как другие обвиняли его в том, что он лютеранин и янсенист. Высокая репутация, которой пользовался обвиняемый, защита, которую ему предоставил граф де Флорида Бланка, первый государственный секретарь, опасение, что ненависть, зависть и негодование побудили обвинителей выдумывать клевету, и невозможность того, что Сентено мог быть одновременно атеистом и лютеранином, помешали трибуналу отправить его в свои подземелья; поэтому они заключили его в монастырь Святого Филиппа, где он проживал, приказав ему явиться в трибунал по вызову. Его обширные познания в доктрине позволяли ему с выгодой защищать себя: если бы его речь была напечатана, его слава, должно быть, значительно возросла бы благодаря этому; и все же он был осужден как жестоко заподозренный в ереси, и был вынужден отречься от престола и понести различные епитимьи. Такое обращение повергло Сентено в глубокую меланхолию, которая лишила его рассудка; в таком состоянии он умер в монастыре Арена, где был заключен.

Основными обвинениями против него были, во-первых. Что он не одобрял *Новенны*, четки, процессии, станции и другие благочестивые упражнения. Это обвинение подкреплялось цитатой из надгробной речи одного дворянина, в которой он сказал, что благотворительность была любимой добродетелью покойного; что именно в постоянном практиковании этого

заклучалась истинная набожность, а не во внешних религиозных упражнениях, которые не требовали ни забот, ни хлопот, ни каких-либо денежных жертвоприношений или других вещей.

2. Что он отрицал существование *лимбов*, мест, предназначенных для приема душ тех, кто умирает до достижения разумного возраста, без принятия крещения: аргументом, приведенным в поддержку этого обвинения, было замалчивание вопроса и ответ по статье *Limbo*, которую он вынудил составить автора Катехизиса. Это произведение было напечатано для благотворительных школ Мадрида, цензором которых он был назначен; обвиняемый ответил на первое обвинение, дав ясные и совершенные объяснения, основанные на текстах Священного Писания и Святых Отцов, а также на принципах истинной набожности: он доказал совершенную связь своей защиты с выражениями, которые он использовал в проповеди, оригинал которой он предъявил в качестве доказательства своей невинности. По второму обвинению он сказал, что существование *Лимба* не было определено как символ веры; что это не должно упоминаться в катехизисе, где, по его мнению, не следует рассматривать ничего, кроме *доктрины*; и что он скрыл этот вопрос, чтобы христиане не могли смешивать этот вопрос, который все еще был предметом обсуждения среди католиков, с теми, которые уже были решены Церковью. Его официально вызвали, чтобы заявить, верит ли он в существование *Лимба*; он ответил, что не обязан отвечать, поскольку это не относится к символу веры; но что, поскольку у него нет причин скрывать свое мнение, он признается, что не верит в его существование. Он потребовал разрешения составить богословский трактат, в котором предложил продемонстрировать истинность того, что он выдвигал, смиренно подчиняясь решениям Церкви: получив это разрешение, он написал сто двадцать страниц in folio, мелкими строчками, так что получился объем в октаво. Мне было любопытно прочитать это, и я был поражен его огромной и глубокой эрудицией: в этом сочинении содержится все, что говорили Отцы Церкви и великие богословы со времен Иисуса Христа, особенно со времен св. Августин, о будущей участи тех, кто умирает, не приняв крещения, и прежде, чем они совершат какой-либо смертный грех. Его защита не могла спасти его. Босоногий кармелит и Миним были главными претендентами, которые осудили Сентено за то, что он жестоко *подозревался в ереси*.

Сеспедес (доктор Поль де), родился в Кордове, пребендарий кафедрального собора этого города и проживающий в Риме. Инквизиция Вальядолида судила его в 1560 году за несколько писем, которые он написал дону Бартоломею Каррансе, архиепископу Толедо, и которые были найдены среди бумаг этого прелата вместе с копиями его ответов. В одном из этих писем, датированном из Рима 17 февраля 1559 года, он дает ему отчет о своих действиях в его пользу и позволяет себе плохо отзываться о генеральном инквизиторе и инквизиции Испании. Сеспедес был великим литератором, великим художником и поэтом, а также очень искусным лепщиком из воска: он сочинил стихотворение в восьми строфах о *Покаянии*. Хуан де Верзоса и Фрэнсис Пачеко (оба упомянуты с одобрением Николасом Антонио) высоко оценили это стихотворение. Сеспедес продолжал проживать в Риме, и, таким образом, инквизиторы Вальядолида не могли осуществить свои планы мести.

Chumacero (Don Juan de). Смотрите следующую главу.

Клавихо-и-Факсардо (дон Джозеф де), главный директор музея естественной истории в Мадриде, ученый человек, у которого был большой вкус к науке. Инквизиция Суда судила его по подозрению в том, что он принял антихристианские принципы современной философии. Он был заключен в город Мадрид, что было для него удачей, поскольку таким образом он сохранил свою честь и свой пост; он предстал перед трибуналом частным образом и был приговорен

лишь к частной епитимье; он также отрекся от престола, *де леви*, при закрытых дверях, в зале трибунала. Это правда, что доказательства против него были слабыми, и он придавал своим утверждениям оттенок католицизма. Некоторое время он жил в Париже, где был близок с Бюффоном и Вольтером. Он редактировал журнал под названием *Мыслитель*. М. Лангле в своих *путешествиях по Испании* говорит, что эта работа не имеет достоинств; если бы этот автор судил правдиво, это, возможно, было бы единственной правдой в его книге. Правительство назначило Клавихо редактором *Mercury*, он также опубликовал перевод "Естественной истории Бюффона" с примечаниями. Поскольку эта книга написана с большой чистотой стиля и без галлицизмов, она является важным приобретением для тех, кто ищет произведение, богатое красотами испанского языка. Граф д'Аранда также поручил ему руководить труппой трагических актеров: Клавихо пытался осуществить намерение министра, но религиозный фанатизм помешал осуществлению замысла.

Климент (дон Жозеф), епископ Барселоны. См. Следующую главу.

Корпус Кристи (Фрай Мансио де), доминиканец, доктор и профессор теологии в университете Алькала-де-Энарес. Его судила инквизиция Вальядолида за то, что он положительно отозвался о Катехизисе Каррансы. 21 февраля 1559 года он отпустил тех докторов своего университета, которые тщательно изучили некоторые положения сомнительного характера и признали ортодоксальность которых. Он сбежал из темницы, отрекшись от должности по просьбе Филиппа II. Краткое изложение Григория XIII. вынудил его восстановить окончательный приговор, который он вынес по поводу Катехизиса и других работ Каррансы и в котором он осудил сто тридцать одно положение этого прелата. 17 октября 1559 года он направил письмо генеральному инквизитору, в котором просил прощения и соглашался на любую епитимью, которая могла быть наложена на него.

Крус (отец Луис де ла), доминиканец, ученик дона Бартоломео Карранса де Миранда, член колледжа Святого Григория в Вальядолиде, чрезвычайно хорошо разбирающийся в доктрине и теологии. Он был заключен в темницы инквизиции в Вальядолиде за то, что был замешан в деле Касальи и его товарищей. Цитаты, сделанные друзьями Касальи из его работ, вызвали подозрение, что он был лютеранином: это правда, что он поддерживал регулярную переписку с Каррансой и высказал ему свое мнение о его Катехизисе. Его обвинили в том, что он подкупил министра святой канцелярии, чтобы получить информацию о своем старом учителе; но он оправдал себя, доказав, что получил некоторые сведения об этом деле в своих беседах с Мельхиором Кано и с одним из осужденных лютеран, которых он увещевал. Брат Луи был арестован в июне 1559 года, а 7 августа он составил протокол на шести страницах, в котором сделал множество признаний. Вскоре он стал подвержен приступам безумия из-за своих тревожных мыслей во время судебного процесса. В июне 1560 года он был переведен в церковную тюрьму епископа, чтобы о нем позаботились. Доказать ни одно из выдвинутых против него обвинений было невозможно, тем не менее инквизиция держала его в тюрьме до тех пор, пока Карранса не был освобожден. Наконец, после пяти лет плена, он отрекся от *де леви* и был приговорен к затворничеству на несколько лет в качестве епитимьи.

Cuesta (Don Andres de la). См. Главу 29.

Куэста (дон Антонио де ла), архидьякон кафедрального собора Авилы. Инквизиция Вальядолида приказала арестовать его в 1801 году по подозрению в янсенизме и ереси; но он

бежал в Париж, где прожил пять лет судебного процесса над ним: это продолжалось бы гораздо дольше, если бы правительство не вмешалось, как будет видно из следующей статьи.

Куэста (дон Жером де ла), тюремный каноник кафедрального собора Авилы. Он был арестован за янсенизм и ересь, в то время как преследовался его брат Антонио, которому он предоставил средства для побега в ущерб собственной безопасности. Он провел пять лет в тюрьмах инквизиции, и его держали бы под стражей гораздо дольше, если бы не просьбы, адресованные Карлу IV лицами самого высокого ранга, которые получили разрешение представить оригиналы материалов судебного процесса его величеству. Дон Жером доказал, что судебное преследование его самого и его брата возникло в результате интриг дон Рафаэля де Мускиса, епископа Авильского, бывшего духовника королевы и архиепископа Сантьяго, и дон Винсента Сото де Валькарсе, епископа Вальядолидского. Когда дону Джерому были зачитаны показания свидетелей, его большая проницательность позволила ему распознать их, и он ясно доказал их несправедливость. Архиепископ Сантьяго неоднократно подавал королю представления против двух братьев, инквизиторов Вальядолида и некоторых членов Верховного совета; он не пощадил даже дон Рамона Джозефа де Арсе, архиепископа Сарагосы, патриарха Индии и генерального инквизитора: он обвинил их всех в пристрастии к двум братьям, которые, к тому же, были соотечественниками главы святой канцелярии. Трибунал Вальядолида признал дон Жерома невиновным; голоса в совете разделились; затем король изучил письменные свидетельства и объявил, что, судя по полученным им сведениям, оба брата невиновны в преступлениях, в которых их обвиняли. Он разрешил дону Антонио вернуться в Испанию, посвятил его и его братьев в рыцари ордена Карла III и приказал генеральному инквизитору назначить их почетными инквизиторами. Дон Франсиско де Салазар, епископ Авильский (который в качестве инквизитора Вальядолида и члена совета принимал большое участие в этой интриге), получил приказ от его величества восстановить братьев в их стойлах. Это один из очень редких случаев, когда король Испании принимал активное участие в делах инквизиции, и один из еще более редких случаев, когда невиновность восторжествовала.

Дельгадо (дон Франциск), архиепископ Сантьяго. См. Главу 29.

Фейджу (Бенедикт), бенедиктинец, родился в Астурии и выдающийся литератор. Он был одним из первых, кто восстановил хороший вкус в Испании: сочиненные им произведения были перечислены доном Хуаном Семпере-и-Гуариносом в *Каталоге авторов, процветавших во времена правления Карла III*. Этот ученый человек был осужден различными трибуналами инквизиции как подозреваемый в различных ересьх пятнадцатого века и древних иконоборцев; большинство его обвинителей были невежественными и предубежденными монахами, среди которых он нашёл врагов аргументами в своем *Критическом театре* против ложной набожности, ложных чудес и некоторых суеверных обычаев. Автору повезло, что совет инквизиции был хорошо знаком с чистотой его принципов и католицизма. Хотя прогресс знаний в Испании был чрезвычайно медленным, следует признать, что в последней половине восемнадцатого века они проникли даже во внутренние помещения *Святого Дома*.

Фернандес (Хуан), доктор богословия, настоятель кафедрального собора Паленсии. Он подвергся судебному преследованию на основании заявлений некоторых лютеран, казненных в 1559 году, в частности брата Доминика де Роксаса, который процитировал несколько положений Фернандеса, в которых он якобы нашел, особенно по вопросу оправдания, те же мнения, что и его собственные. Фискал представил брата Доминика в качестве свидетеля на

процессе Фернандеса: он настаивал на своем заявлении (он уже был приговорен к *смягчению наказания*, но не знал об этом) и ожидал примирения как раскаивающийся. Фернандес, однако, получил всего лишь выговор за то, что не проявил в своей речи благоразумия, подобающего доктору теологии в период, когда ересь была так распространена в королевстве.

Фраго (дон Педро), епископ Хаки. См. Главу 29.

Гонсало (Дон Виториан Лопес), епископ Мурсии. *Там же*.

Горрионерео (дон Антонио), епископ Альмерии. *Там же*.

Герреро (Дон Педро), архиепископ Гренады. *Там же*.

Гренада (брат Луи де). *Там же*.

Грасиан (брат Джером), кармелит, уроженец Вальядолида, сын Диего Грасиана, секретаря Карла V. и Джейн Дантиски, дочери посла Польши при дворе императора. Он был доктором богословия и профессором философии в университете Алькалы. Он написал несколько работ мистического характера и некоторые другие на литературные темы, о которых упоминает Николас Антонио. Он был настоятелем монастыря босоногих кармелиток в Севилье, который он основал, когда святая Тереза и ее община, директором которой он был, подверглись нападению инквизиции. Трибунал Севильи привлек его к ответственности как еретика из секты *иллюминатов*; но суд над ним провалился из-за отсутствия доказательств. Отец Иероним пережил много превратностей судьбы, но поскольку о них рассказывают историки, нет необходимости упоминать о них здесь.

Gudiel de Peralta. Смотрите следующую главу.

Гонсалес (Хиль), иезуит, родился в Толедо в 1532 году. В 1559 году инквизиция Вальядолида привлекла его к ответственности за то, что он начал перевод Катехизиса Каррансы на латынь. Когда этому прелату сообщили, что его работа должна быть переведена на язык богословов, он внес в нее некоторые исправления, сочтя ее недостаточно ясной, и в июле попросил Хила Гонсалеса взяться за эту задачу. Святой Франциск де Борджиа, услышав о суде над архиепископом, приказал Гонсалесу сообщить инквизиции все, о чем его просили. Он подчинился; и в августе сообщил генеральному инквизитору о полученном им приказе и о своей готовности подчиниться ему. В сентябре он возобновил свои заявления, отказался от кастильского экземпляра Катехизиса с исправлениями Каррансы и от всего, что он написал о переводе. Таким образом, он избежал преследований и мирно скончался в Мадриде в 1596 году.

Illescas (Gonsalvo de). См. Главу 13.

Ириарте (Дон Томас), уроженец острова Канары, заведующий архивом министра иностранных дел и первого государственного секретаря, автор стихотворения о *музыке*, сборника *басен* и других поэтических произведений. В последние годы правления Карла III он подвергался судебному преследованию мадридской инквизицией по подозрению в исповедании антихристианской философии. Он был заключен в город и получил приказ явиться, когда его вызовут: разбирательство было закрытым, и он удовлетворительно ответил на обвинения, но инквизиторы не сочли нужным оправдать его; они объявили его *слегка подозреваемым*: он отрекся от престола и получил отпущение грехов в частном порядке, наложенная епитимья

также была частной, и мало кто знал, что его судили. У дон Томаса Ириарте было два брата, одного звали Дон Доминик, который заключил мирный договор с Французской Республикой в Базеле; а другой, дон Бернارد, советник Индии и кавалер ордена Карла III.

Исла (Фрэнсис де), иезуит. Он был автором нескольких работ во время правления Карла III.; а также опубликовал под вымышленным именем *Историю знаменитого проповедника Фрая Герунда де Кампасаса, иначе называемую Зотес, написанную в Мадриде в 1750 и 1770 годах лицензиатом доном Франсисом Лобоном де Салазаром*. Эта работа представляет собой прекрасную сатиру в двух томах против проповедников, которые неправильно используют тексты, цитируя их в неправильном месте и искажая их смысл в поддержку экстравагантного утверждения. Эта работа произвела очень благотворное воздействие в Испании; все проповедники боялись эпитета *Святой герундий*. Этого вымышленного героя можно было бы назвать дон Кихотом с кафедры, поскольку действие этого романа было таким же, как и "Дон Кихот Ламанчский", который должен был излечить испанцев от их нелепой мании читать рыцарские книги. Монахи объединились против этого произведения; они объявили его нечестивым, наносящим ущерб церковному государству, а автора заподозрили во всех ересь тех, кто с презрением отзывается о нищенствующих монахах. Святая канцелярия получила бесконечное количество доносов на эту работу. Определители придерживались мнения, что это должно быть запрещено, потому что автор, высмеивая тех, кто плохо использовал священный текст, впал в ту же ошибку при составлении проповедей, которые произносил его герой. Впоследствии эти тома были запрещены, но издатель в Байонне перепечатал их третьим томом, составленным из различных эссе, появившихся в Испании, либо за, либо против истории Фрай Герунд. Истинный автор не указал своего имени в произведении, но он был известен, и инквизиция, арестовав его, упрекнула его в том, что он сделал. Исла заявил о своем похвальном намерении исправить недостатки, которые были допущены за кафедрой плохими проповедниками, и на этом дело закончилось. Иезуиты в то время все еще обладали некоторой властью в Мадриде, и многие из их общества были судьями святой канцелярии.

Иисус (святая Тереза де). См. главу 27.

Ховельянос. См. главу 43.

Ховен де Салас (дон Джозеф Игнасио), уроженец одного из городов Пиренеев, адвокат королевских советов и очень образованный человек. Он был выбран несколькими гранд Испании для защиты права своих семей на наследование старших ветвей и для других интересных судебных процессов. На него донесли инквизиции за то, что он читал запрещенные книги: следствие не представило достаточных доказательств, чтобы санкционировать тюремное заключение. Его отвращение к народным волнениям, любовь к общественному порядку, отсутствие всей королевской семьи и невозможность сопротивляться вторжению побудили его в 1808 году покориться завоевателю. Великие заслуги Жовена обеспечили ему должность государственного советника при короле Жозефе: по этой причине политические инквизиторы, окружающие трон Фердинанда VII, побудили его изгнать этого почтенного старика, который живет в Бордо, преисполненный лет и добродетелей.

Лайнез (Диего). См. главу 29.

Лаплана (дон Джозеф), епископ Тарразоны. Там же.

Lara (Don Juan Perez de). Смотрите следующую главу.

Lebrija (Antonio de). См. Главу 10.

Ледесма (Фрай Хуан де), доминиканец, профессор теологии в колледже Святого мученика Петра в Толедо. В 1559 году он предстал перед инквизицией Вальядолида за то, что выразил положительное мнение о Катехизисе Каррансы; разбирательство было передано в трибунал Толедо, который продолжил судебный процесс, не заключив брата Хуана в тюрьму, который был ограничен только своим колледжем. Брат Хуан заявил, что он не заметил ереси в работе Каррансы, поскольку, полагаясь на ученость, добродетель и рвение автора, он прочитал ее, не изучая особо; он добавил, что, поскольку он сознательно не впадал в какую-либо ошибку, которую он признал таковой, он подчинился порицаниям квалификаторов. Он отрекся от *де леви*; на него была наложена небольшая частная каноническая епитимья, которую он должен был исполнить тайно, и он получил отпущение грехов *ad cautelam*.

Леон (брат Луи де), августинец. Он родился в 1527 году в семье Лопе де Бельмонте, судьи и члена канцелярии Гренады, и донны Инес де Валера, его жены. Он отличался чистотой своего языка и красотой своих стихов, которые считаются образцами элегантности. Он принял монашество в Саламанке в 1544 году. Его проникательность была очень велика, а познания в богословии настолько глубоки, что его не превзошел никто из его современников, и у него было очень мало соперников. Он понимал греческий и иврит в достаточной степени, чтобы читать на них, и писал по-латыни с особым изяществом. Он написал несколько произведений в стихах и прозе, о которых упоминает Николас Антонио. Опыт показал, что невозможно обладать выдающимися талантами, не вызывая зависти; поэтому неудивительно, что на него донесли в святую канцелярию Вальядолида по подозрению в лютеранстве в то время, когда он был профессором теологии в Саламанке. Хотя он был невиновен, его продержали в тюрьме пять лет. Одиночество, в котором он жил в этот период, было для него настолько тягостным, что он не мог не увековечить его в одном из своих произведений, взяв за текст 26-й псалом. Будучи оправданным, он возобновил свою профессорскую деятельность; но долгое пребывание в плену, бездействие, в котором он жил, и горе от того, что его обесчестили, значительно подорвали его здоровье. Однако у него все еще было достаточно сил, чтобы в 1558 году составить правила использования своего ордена. Он умер в Мадриде 23 августа 1591 года, на капитуле которого был назначен генеральным викарием.

Лерма (Педро де), доктор, профессор теологии и первый канцлер университета Алькала. Он был очень сведущ в восточных языках, которые изучал в Париже, где получил степень доктора богословия: он также был одним из членов хунты, созданной в Вальядолиде в 1527 году генеральным инквизитором Манрике для изучения трудов Эразма. Он пытался возродить хороший вкус к церковной литературе в университете Алкалы, призывая каждого черпать свое мнение из древних источников. Схоластические богословы, которые не понимали восточных языков и привыкли читать соборы и Святых Отцов только по цитатам других авторов, прибегли к обычному средству завистников: они донесли на него толедской инквизиции как на подозреваемого в лютеранстве. Педро, узнав, что его арестуют, бежал в Париж, где скончался деканом докторантуры Сорбонны и профессором теологии в этой школе.

Ludeña (Fray Juan). См. Главу 29.

Линасеро (дон Майкл Раймонд), каноник Толедо, наставник архиепископа этого города, кардинала Бурбонского. В 1768 году он получил предупреждение от святой канцелярии, когда был всего лишь кюре Уджены, потому что в его распоряжении была *Церковная история*,

написанная Расином. Это произведение еще не было запрещено, но приказ короля запрещал кому бы то ни было читать его, и инквизиторы вынудили Линасеро отказаться от него. После смерти короля трибунал запретил это произведение как зараженное янсенизмом.

Мелендес Вальдес (Дон Хуан), уроженец Эстремадуры; после того, как он был профессором в Саламанке, Карл III назначил его судьей королевского апелляционного суда в Вальядолиде. Карл IV назначил его на должность королевского прокурора в королевском совете Кастилии, палате алькадов королевского дома и Мадридском дворе. Он был испанским анакреоном девятнадцатого века, и слава его од будет длиться, пока создаются хорошие стихи. Одно из них послужило поводом для нескольких доносов в 1796 году, и Мелендеса обвинили в том, что он разговаривал как человек, читавший запрещенные книги, такие как Филанджиери, Пуффендорф, Гроций, Руссо, Монтескье и другие. Эта атака провалилась из-за отсутствия доказательств. В 1808 году с Мелендесом варварски обошлись наемные убийцы, похожие по описанию на тех, кто убил маркиза де Пералеса и интенданта Трухильо в Мадриде; маркиза дель Сокорро в Кадисе; графа дель Агила в Севилье; графа де Торре дель Фресно в Бадахосе и многих выдающихся испанцев в других местах. Мелендес выжил почти чудом и искал спасения во французской армии. Король Жозеф назначил его государственным советником. Мелендес согласился занять это место по тем же причинам, что и *Ховен де Салас*; впоследствии его постигла та же участь, и он умер в Монпелье в 1817 году. Французский *Mercury* и другие парижские журналы опубликовали его панегирик. Поэтому я только добавлю, что в Вальядолиде в 1788 году он дал мне прочесть небольшое стихотворение собственного сочинения; оно называлось "*Магистрат*". Когда вышло второе издание его стихотворений, это стихотворение было вставлено, и когда я поинтересовался причиной, он дал мне следующий отчет о нем. "Поскольку я всегда был много занят сочинением стихов, даже после того, как меня назначили судьей королевского апелляционного суда, некоторые из моих коллег резко осудили мое поведение, заявив, что сочинение лирических и любовных стихов очень не соответствует достоинству магистратуры: один из них ехидно заметил, что я, возможно, знаю, что такое трубадур, но не знаю, каким должен быть магистрат. Тогда я сочинил это стихотворение и намеревался опубликовать его, но потом передумал, чтобы оно не вызвало подозрений в том, что я хотел отомстить". Это стихотворение, на мой взгляд, имеет много достоинств, и я надеюсь, что оно будет включено в первое издание стихотворений Мелендеса.

Маканас, (дон Мельхиор де). См. Следующую главу.

Мариана (Хуан де), иезуитка. Он был побочным сыном Хуана Мартинеса де Марианы, впоследствии каноника и декана колледжа Талавера-де-ла-Рейна, где Мариана родилась в 1536 году. Когда он закончил учебу в Алькале и хорошо поднаторел в восточных языках и теологии, он покинул Испанию, чтобы путешествовать по зарубежным странам: он исповедовал теологию в Риме, на Сицилии и в Париже. Вернувшись, он написал свою историю Испании, и правительство часто консультировалось с ним по вопросам сложного и деликатного характера. Он был выбран арбитром в важном вопросе, касающемся королевской полиглотской Библии Антверпена, и, вопреки желаниям и интригам своих братьев, он принял решение в пользу бенедикта Ариаса Монтануса. В 1583 году ему было поручено составить Указатель, в котором он опустил труды святого Франциска Борджиа. Иезуиты, которые не привыкли прощать такое поведение, впоследствии не относились к нему с тем уважением, на которое он имел право. Он доказал пороки правительства их общества в работе под названием "*О болезнях общества Иисуса*". Это произведение было опубликовано только после смерти автора; но его собратья

были знакомы с некоторыми его частями, что усилило их ненависть к нему. В 1599 году он опубликовал его и посвятил Филиппу III. его трактату *праве и региональных институтах*, который был сожжен в Париже обычным палачом. Он также опубликовал в 1609 году семь трактатов в одном томе-фолианте, один из них посвящен *обмену денег*, а другой - *смерти и бессмертию*. Эти работы подвергли его судебному преследованию со стороны правительства и священной канцелярии. Я читал его защиту, и доктрина, которую он исповедовал, настолько чиста и основательна, что я убежден, что она была бы благосклонно принята, если бы ее напечатали. Приговор короля оказался более мягким, чем он мог ожидать, после того как в своей преданности этому монарху показал себя сторонником *цареубийства*, замаскированного под именем *тираноубийцы*. Ему не так уж хорошо удалось скрыться от инквизиторов: они сделали некоторые сокращения в его работе по *обмену денег*, и это было запрещено до тех пор, пока он не был наказан. На автора была наложена епитимья, и он долгое время находился взаперти в своем колледже. Он умер в Толедо в 1623 году в возрасте восьмидесяти семи лет. Николас Антонио упоминает другие работы того же автора. В *Словаре* Пеньо есть некоторые подробности, которые могли бы заинтересовать литератора.

Медина (брат Мишель де). См. Главу 29.

Менесес (брат Филипп де), доминиканец и профессор теологии в Алькала-де-Энарес; он положительно отзывался о Катехизисе Каррансы. Инквизиция Толедо получила от инквизиции Вальядолида материалы судебного процесса над ним, вызвала отца Филиппа и приговорила его к тому же наказанию, что и отца Хуана де Луденья.

Мерида (Педро де), каноник Паленсии: Карранса поручил ему вступить во владение Толедским престолом от его имени и управлять архиепископством. Он был упомянут Педро Касаллой и другими как разделяющий их мнение по поводу *оправдания*. Он переписывался с Каррансой, и во время суда над ним инквизиция воспользовалась несколькими письмами, в которых он плохо отзывался о святой канцелярии. Он был арестован в Вальядолиде, отрекся от *де леви*, был подвергнут епитимье и денежному взысканию.

Муњино (Дон Джозеф). См. Следующую главу.

Молина (дон Мишель де), епископ Альбарасинский. См. Главу 29.

Монтанус (Бенедикт Ариас). Там же.

Монтемайор (Пруденсио де), иезуит, родился в Сеньекросе, в Риохе, и профессор теологии в Саламанке. Он написал несколько произведений, о которых упоминает Николас Антонио. Инквизиция Вальядолида судила его по подозрению в пелагианстве, вытекающему из некоторых теологических выводов, которые он поддерживал и опубликовал в 1600 году. Он защищал себя и объяснил, что он выдвинул, как истинный католик. Инквизиторы перестали преследовать его лично, но они запретили его выводы. Иезуитов всегда упрекали в их приверженности системе ересиарха Пелагия по вопросу о благодати и свободе воли. Впоследствии Монтемайор попытался отстоять свою честь и честь своего ордена в речи, озаглавленной *"Ответ на пять клеветнических измышлений, выдуманных против Общества Иисуса и обнародованных в городе Саламанка"*. Он умер в этом городе в 1641 году, в очень преклонном возрасте.

Монтихо (донна Мария-Франсес Портокарреро, графиня), гранд Испании: она заслуживает выдающегося звания среди литераторов Испании. Ее претензии на известность подкрепляются не только ее переводом *христианских наставлений о таинстве брака* М. Ле Турне, но и ее большой любовью к хорошей литературе и ее усилиями привить вкус к ней более распространенному. Ее дружелюбный и доброжелательный характер сделал ее дом излюбленным пристанищем многих добродетельных и просвещенных священнослужителей: среди них можно выделить дона Антонио де Палафокса, епископа Куэнсы и шурина графини; дона Антонио де Табира, епископа Саламанки; дона Джозефа де Херегуи, наставника младенцев Испании; дона Хуана Антонио Родригальвареса, архидиакона Куэнсы; дона Хуакина Иварры и дона Антонио де Посады, каноника церкви Св. Шурин. Исидор в Мадриде. Все эти священнослужители и сама графиня стали жертвами клеветы фанатичных священников и монахов, которые были сторонниками иезуитов и их принципов дисциплины и морали; их обвинили в янсенизме. Ненависть их врагов была так велика, что дон Бальтазар Кальво, каноник церкви Св. Исидор и брат Антонио де Герреро, доминиканец, заявили с кафедры, что в одном из первых домов столицы существует собрание янсенистов, находящееся под покровительством знатной дамы: они позаботились говорить о ней таким образом, чтобы человек не мог ошибиться. Нунций Римского двора проинформировал Папу обо всех этих обстоятельствах, и его Святейшество немедленно направил благодарственные письма этим двум проповедникам и некоторым другим лицам за рвение, которое они проявили в защите веры. Эти письма были, в некотором роде, сигналом к доносу на всех лиц, подозреваемых в янсенизме, и не преминули произвести такой эффект. Помимо подозрения в янсенизме, графиню Монтихо обвинили в религиозной и литературной переписке с монсеньором Анри Грегуаром, тогдашним епископом Блуа, и одним из самых католических и образованных людей Франции, членом Института и автором нескольких работ, одной из которых было *Письмо генеральному инквизитору Испании*, в котором он приглашает его предложить подавление инквизиции, главой которой он является. Обвинители предполагали, что монсеньор Грегуар был главой янсенистов во Франции; но они скрыли тот факт, что этот епископ несколько раз подвергал себя смерти, чтобы оказать жертвам революции последнюю духовную помощь и сохранить католическую религию, когда Робеспьер пытался ее уничтожить. Обвинители, которые остановились на упоминании графини в национальном совете Франции, проводимом епископами, принесшими присягу, членом которого был монсеньор Грегуар. Инквизиторы получили секретную информацию об этом деле, но никакие факты или еретические утверждения не были доказаны, и у них не хватило смелости отдать приказ об аресте. Ранг и происхождение обвиняемой дали им возможность положить конец преследованию: однако своего рода придворная интрига привела к тому, что графиню выслали из Мадрида. Она удалилась в Логроньо, где и умерла в 1808 году, имея репутацию добродетельной и милосердной к бедным.

Mur (Don Joseph de). Смотрите следующую главу.

Олавиде (Дон Поль). Там же.

Palafox y Mendoza (Don Juan de). См. Главу 30.

Палафокс (Дон Антонио де), епископ Куэнсы. Мадридская инквизиция преследовала его по подозрению в янсенизме, но суд над ним не продвинулся дальше *подготовительной инструкции*, поскольку против него нельзя было выдвинуть ничего, кроме домыслов. Его судили одновременно с его невесткой, графиней де Монтихо. Этот прелат представил королю

ученое и энергичное представление, в котором доказал, что бывшие иезуиты, вернувшиеся в Испанию, были инициаторами судебных процессов против него и его друзей; и они не оставили ничего незавершенным, чтобы погубить тех, кто не принадлежал к их партии.

Педроче (Фрей Томас де), доминиканец и профессор в Толедо; он положительно отзывался о Катехизисе Каррансы и получил такое же обращение, как и фрей Хуан де Ледесма.

Пенья (Фрай Хуан де ла), доминиканец, заведующий учебной частью колледжа Святого Григория в Вальядолиде и профессор Саламанки. В 1558 году он положительно отзывался о Катехизисе Каррансы. Инквизиторы вызвали его 15 марта 1559 года, чтобы дать оценку двадцати предложениям автора, имя которого они от него скрыли; 5 апреля следующего года он дал свой ответ, содержащий девятнадцать страниц текста. Он заявил, что предложения были католическими; что некоторые из них были двусмысленными, что могло привести к тому, что их можно было бы рассматривать как тяготеющие к лютеранству, но что не похоже, чтобы автор выдвигал их с каким-либо дурным намерением. Архиепископ Карранса, брошенный в тюрьму 22 августа того же года, Де ла Пенья встревожился и написал инквизиции, сказав, что он был близок с этим прелатом, потому что считал его добрым католиком; что эта причина также помешала ему осудить благоприятное мнение, которое он высказал о некоем доне Карлосе де Сесо, одном из лютеран, которых судили в этом году; что Карранса не осудил его, потому что он не считал его еретиком, хотя он и выдвигал предложения которые были пропитаны лютеранством. Де ла Пенья добавил, что, увидев архиепископа арестованным, он признался в этом, чтобы его молчание не было истолковано как преступление. Его предосторожность оказалась напрасной. Де ла Пенья казался виновным, исходя из высказанного им мнения о Катехизисе, и против него были выдвинуты два других обвинения: первое заключалось в том, что он сказал, что нет оснований для осуждения предложения Каррансы, в котором говорится, *что еще не решено, была ли утрачена вера при совершении смертного греха*; второе, что он утверждал, когда архиепископа арестовали, *что, даже если он еретик, святая канцелярия должна закрыть на это глаза, чтобы лютеране Голландии не признали его мучеником, о чем они уже заявили. совершенно в отношении нескольких лиц, которые были наказаны*. Ответ де ла Пенья вызвал неудовольствие инквизиторов; они резко осудили его, приговорили к нескольким епитимьям и приказали ему быть более осторожным в будущем.

Перес (Антонио), государственный секретарь. См. Главу 35.

Кирос (дон Джозеф), священник, адвокат королевского совета в Мадриде. Узнав о преследовании Беландо инквизицией из-за его *Гражданской истории Испании*, он составил сочинение, в котором попытался доказать, что инквизиторам следовало изучить автора, прежде чем осуждать его работу. Эта свобода дорого ему обошлась; хотя ему было семьдесят лет, и у него постоянно опухали ноги, его отправили в секретные тюрьмы, и, как будто этого было недостаточно, его держали в течение февраля и марта в холодной, сырой камере, где он был вынужден переносить все суровые погодные условия и почти утонул в них. Филиппу V наконец сообщили о состоянии, до которого был доведен Кирос, и он получил свободу послесорока четырех дней страданий с условием никогда больше не писать о делах инквизиции, если только не захочет испытать на себе еще большую суровость.

Рамос дель Мансано (Дон Фрэнсис). См. Следующую главу.

Regla (Fray Juan de). См. Главу 29.

Рикардос (дон Антонио), граф де Трульяс в собственном праве и граф Торрепальмы в праве своей жены и кузины; генерал-капитан королевских войск и главнокомандующий войсками Руссильона против французской республики в 1793 и 1794 годах. Его подозревали в том, что он *сторонник* философии, и глава инквизиции пригласил его присутствовать на *аутодафе* дона Поля де Олавиде; они подумали, что он может счесть некоторые заявления относящимися к нему самому, хотя его имя не упоминалось, особенно потому, что он был очень близок с Олавиде, и их религиозные чувства были очень схожи по некоторым пунктам. Это было единственное унижение, которое инквизиция могла нанести Рикардосу, поскольку у них не было достаточных доказательств, чтобы санкционировать судебное преследование.

Рипальда (Жером де), иезуит, родился в Теруэле в Арагоне в конце шестнадцатого - начале семнадцатого века. Он был одним из самых образованных богословов своего ордена; он исповедовал богословие и написал два трактата, один мистический, а другой о *христианской доктрине*, которые использовались школами почти столетие, за исключением некоторых изменений, внесенных в новые издания его Катехизиса. Николас Антонио говорит, что он умер с репутацией святого в 1618 году в возрасте восьмидесяти четырех лет. Некоторое время он был настоятелем церкви святой Терезы де Хесус. Возможно, что последние сорок четыре года жизни Рипальды были образцовыми, но беспристрастность историка заставляет меня сказать, что инквизиция Вальядолида судила Джерома Рипальду как *иллюмината* или *квиегиста*, запятнавшего себя ересью *Молиноса*; что он признался в некоторых обвинениях, попросил прощения и умолял своих судей быть милосердными; и что в 1574 году на него была наложена епитимья как *наподозреваемого ярость*. Искреннее раскаяние, которое он проявил, побудило генерального инквизитора Кирогу сократить срок его епитимьи; я должен добавить, что чистота веры и нравственности Рипальды после этого события были таковы, что сделали его достойным уважения человечества.

Ribera (Don Juan de). См. Главу 30.

Рода (Дон Мануэль де). См. Следующую главу.

Родригальварес (дон Хуан Антонио), священник, каноник церкви св. Исидор из Мадрида, впоследствии архидиакон Куэнсы, провизор и генеральный викарий этой епархии; он написал несколько исторических трудов. Родригальварес был замешан в доносе дона Бальтазара Кальво, своего коллеги, который, уступив личным соображениям и подстрекаемый бывшими иезуитами, недавно прибывшими из Италии, нанес Родригальваресу и Посаде, своему коллеге, такое жестокое унижение, что они были вынуждены пожаловаться Князю Мира и умолять его о помощи. Судебный процесс, начатый инквизицией, не предоставил достаточных доказательств их вины, и он не был продолжен. Суды над доном Антонио Посадой и доном Хуакином Ибаррой, упомянутые в статье *Монтихо*, завершились таким же образом.

Роман (брат Джером), августинец, родился в Логроньо. Он был очень сведущ в восточных языках и направил свое внимание на изучение священной и светской истории. Преследуя этот замысел, он объездил большую часть Европы, изучая различные архивы и делая выписки из всего, что, по его мнению, могло способствовать успеху задуманных им великих работ. Будучи назначен историком своего ордена, он опубликовал его историю с 1569 года; в ней он дает отчет о жизни святых и выдающихся людей, которые принадлежали к нему, со многими интересными подробностями. Его желание опубликовать исторические факты, которые он собрал во время своих путешествий, побудило его написать книгу под названием "*Республики*

мира"; в этой работе он очень подробно рассказывает о древних и современных республиках: она была напечатана в Медина-дель-Кампо в 1575 году и снова в 1595 году в Саламанке. К несчастью для автора, в ней содержалось несколько истин, которые вызвали недовольство некоторых людей, достаточно влиятельных, чтобы навредить ему; он подвергся некоторым преследованиям, и инквизиция Вальядолида сделала ему выговор и приказала исправить его работу. Он умер в 1597 году, оставив несколько рукописей, о которых упоминает Николас Антонио.

Салазар (брат Амброз де), доминиканец, профессор теологии в Саламанке. Инквизиция Вальядолида судила его в 1559 году по двум обвинениям: первое было основано на заявлениях отца Доминика де Роксаса и отца Луиса де ла Круса во время их заключения: они вменяли брату Амбросию некоторые положения, которые склонялись к лютеранству; второе обвинение было основано на благоприятном мнении, которое он высказал о Катехизисе Каррансы. Судебный процесс не был продолжен из-за смерти отца Амброуза в 1560 году, на тридцать восьмом году его жизни: предполагалось, что страх и его заключение в святой канцелярии, где содержался Карранса, ускорили его смерть. Он оставил для печати несколько *комментариев к первой части "Сочинения святого Фомы"*.

Салас (Дон Рамон де), родившийся в Бельчите в Арагоне, был профессором в Саламанке и одним из ее величайших литераторов: в 1796 году мадридская инквизиция привлекла его к ответственности по подозрению в принятии принципов современных философов, Вольтера, Руссо и других, чьи работы он читал. Он признал, что был знаком с их работами, но добавил, что прочитал их только для того, чтобы опровергнуть, что он и сделал в нескольких публичных тезисах, подготовленных в Саламанке некоторыми из его учеников под его руководством. Все эти тезисы были представлены в ходе судебного разбирательства. Он удовлетворительно ответил на все обвинения, и эксперты не нашли в его трудах ничего, заслуживающего богословского порицания. Судьи не только оправдали его, но, узнав, что отец Поведа, доминиканец, интриговал против него, сочли, что он имеет право на публичное возмещение ущерба. 22 октября того же года они направили свой приговор и материалы судебного процесса вместе с соображениями и положениями доктрины, на которых они были основаны, в Верховный совет, одновременно выразив свое мнение о праве Саласа на возмещение ущерба.

Отец Поведа своими интригами добился того, что судебное разбирательство было возвращено инквизиторам с приказом провести новое расследование, что и было сделано, но квалификаторы и судьи настаивали на своем первом приговоре. В совете снова начались интриги, который во второй раз вернул процесс инквизиции, приказав провести еще одно экстраординарное расследование: результатом стали третья квалификация и третий приговор, подтвердившие невиновность Саласа. Это было не то, что предполагалось; у обвиняемого был могущественный враг в совете: им был дон Филипп Вальехо, архиепископ Сантьяго и губернатор Совета Кастилии; он враждебно относился к Саласу, поскольку вел с ним определенные литературные дискуссии в университете Саламанки, когда тот был епископом этого престола. Судебный процесс был приостановлен, чтобы дать архиепископу время раздобыть новые доносы в дополнение к тем, которые он уже получил. Салас просил смягчить условия его заключения и ограничить его пребывание только в городе Мадриде. Совет отказал ему в этой услуге; затем он потребовал разрешения обратиться к королю, но и в этом ему было отказано. В конце концов он был приговорен к отречению *от де леви*; получил отпущение грехов и порицания *по каутеламу*; и был изгнан из столицы. Он удалился в Гвадалаксару и там

пожаловался своему государю на несправедливость Совета инквизиции. Карл IV приказал отправить материалы судебного процесса своему министру юстиции. Кардинал де Лоренцана, генеральный инквизитор, пытался предотвратить это, но его усилия оказались безрезультатными. Когда дело было рассмотрено министром, интрига была раскрыта, и было принято решение ускорить принятие королевского указа, запрещающего инквизиторам арестовывать каких-либо лиц в будущем без предварительного уведомления короля о своем намерении. Указ был составлен доном Юджином Льягуно, министром юстиции, и он представил его его величеству на подпись; король сказал ему, что сначала его следует показать принцу Мира, поскольку он принимал участие в обсуждении и проследит, правильно ли он составлен. К несчастью для человечества, эта задержка на один день дала Вальехо время возобновить свои интриги, так что принц Мира передумал, и королевский указ настолько отличался от ожидаемого, что дело было оставлено в том же состоянии.

Сан-Амбросио (брат Фердинанд де), доминиканец; он был образованным человеком и хорошо разбирался в ведении дел. Инквизиция Вальядолида судила его в 1559 году: он был обвинен в том, что принял меры в пользу Каррансы; в том, что воспользовался его пребыванием в Риме в том же году, чтобы настроить его Святейшество против трибунала, заставить его перенести процесс в Рим и не допустить ареста архиепископа. Судебное преследование вскоре прекратилось, поскольку обвиняемый остался в Риме.

Салоздо. См. Следующую главу.

Сальгадо. Там же.

Саманьего (дон Феликс-Мария де), сеньор города Аррайя и житель Ла Гуардии в провинции Алава. Он сочинил несколько басен и лирических стихотворений большого достоинства и был одним из величайших испанских литераторов во времена правления Карла IV. Инквизиция Логроньо возбудила против него уголовное дело по подозрению в том, что он воспринял ошибки современных философов и читал запрещенные книги. Он был на грани ареста, когда, случайно узнав об этом, немедленно отправился в Мадрид, где дон Эухен Льягуно, министр юстиции, и его друг и соотечественник, в частном порядке уладили его дела с генеральным инквизитором.

Саманьего (Дон Филипп). См. Следующую главу.

Санто-Доминго (Фрай Антонио де), доминиканец, ректор колледжа Святого Григория в Вальядолиде, подвергался судебному преследованию инквизицией этого города в 1559 и 1560 годах. Судебное разбирательство было основано на нескольких обвинениях; в 1558 году он одобрил некоторые предосудительные положения в Катехизисе Каррансы: его также обвинили в том, что в 1559 году он сказал, *что арест этого прелата был таким же несправедливым, как арест Иисуса Христа*; что судебные преследования трибунала носили тот же характер; что брат Мельхиор Кано должен умереть первым, потому что он был самым виновным; и что его смерть была бы так же приятна Богу, как жертвоприношение во время мессы. Обвиняемый был заключен в тюрьму, и на него была наложена епитимья.

Санта Мария (Фрай Хуан де), босоногий францисканец и духовник инфанты Марии-Анны Австрийской, императрицы Германии и дочери Филиппа IV. В 1616 году он опубликовал работу под названием *Христианские республики и политика*, которую посвятил Филиппу III. Имея возможность сказать в этой работе, что папа Захария сверг Хильдерика, короля Франции, и

короновал вместо него Пипина, он добавил; *"Именно с этого времени мы датируем право, которое папы присвоили себе, - низлагать и устанавливать королей"*. Инквизиция, получив информацию об этом, сделала автору выговор и изменила предложение следующим образом: *"Именно с этого времени папы стали пользоваться своим правом низложения и утверждения королей"*.

Сесе (Дон Джозеф де). См. Следующую главу.

Сигуэнса (отец Джозеф де), иеронимит Эскуриальского монастыря; он родился в городе с таким названием. Он был одним из самых образованных людей времен правления Филиппа II и Филиппа III и хорошо разбирался в истории и восточных языках. В 1595 году он опубликовал *"Жизнь святого Иеронима"*, а в 1600 году - *"историю его ордена"*. Он пережил много преследований, потому что был одним из лучших проповедников своего времени и самым почитаемым королем. Другие монахи (чьи проповеди были приняты не так хорошо) донесли на него инквизиции Толедо, как на подозреваемого в лютеранстве. Почти год он оставался в уединении в монастыре *Ла-Сисла*, принадлежащем его ордену, и был обязан предстать перед трибуналом всякий раз, когда его вызывали. Он оправдал себя, был оправдан и умер настоятелем Эскуриальского монастыря.

Собанос. См. Главу 26.

Solorzano. Смотрите следующую главу.

Сото (брат Доминик). См. Главу 29.

Сото (Фрай Педро). Там же.

Сотомайор (Фрай Педро), доминиканец; он был одним из тех, кто в 1558 году одобрил Катехизис Каррансы. Инквизиция Вальядолида судила его в 1559 году по подозрению в том, что он был пропитан какими-то еретическими чувствами, приписываемыми архиепископу; он был заключен в монастырь Святого Павла, а впоследствии получил строгий выговор. Он не понес никакого другого наказания, потому что заявил (как и все остальные), что его уверенность в добродетели и большой образованности автора Катехизиса побудила его действовать без каких-либо дурных намерений.

Табура (Дон Антонио), епископ Саламанки, кавалер ордена Святого Иакова, раздавал милостыню и был королевским проповедником, а также автором нескольких неопубликованных работ: его великая добродетель, литературный талант и утонченное суждение сделали его украшением церкви во времена правления Карла III. и Карл IV. Правительство несколько раз консультировалось с ним по вопросам величайшей важности, и его мнения заслуживали одобрения просвещенных людей: его проповеди считались в Испании лучшими из тех, что были созданы эпохой. В 1809 году я опубликовал ответ этого прелата на консультацию, адресованную ему в 1799 году, относительно действительности браков, заключенных гражданскими властями, как во Франции. Благочестие и эрудиция Табуры отражены в этом письме. Было невозможно, чтобы бывшие иезуиты не использовали влияние своей партии для преследования прелата, который отдавал предпочтение решению, принятому церковью, законно собранной на генеральном соборе, булле, одобренной ее главой. Кальво, Герреро и другие *иезуиты в коротких рясах* напали на Табуру как на янсениста; они донесли на него в святую канцелярию,

но их попытка не увенчалась успехом, поскольку они не смогли приписать ему ни одного факта, склоняющего к ереси.

Талавера (дон Фердинанд де), первый архиепископ Гренады. См. Главу 10.

Тобар (Бернардин де). См. Главу 14.

Тордесильяс (брат Франциск де), доминиканец, член коллегии Святого Григория Вальядолидского и ученик Каррансы: он был ученым богословом. Тордесильяс был заключен в тюрьму вскоре после своего хозяина по подозрению в том, что он придерживался тех же взглядов. Он, по-видимому, оправдал это подозрение тем тщанием, с которым он переписывал все свои трактаты по теологии и другие работы. Он отрекся от *де леви*, наложил епитимью и был вынужден прекратить давать уроки теологии.

Тормо (Дон Габриэль де), епископ Ориуэлы. См. Главу 26.

Уркихо (дон Марианно Луис де), государственный секретарь при Карле IV. См. Главу 43.

Вальдес (Хуан де), автор нескольких работ, которые упоминает Николас Антонио; одна из них, *Комментарий к Первому посланию Святого Павла к Коринфянам*, запрещена в Указателе. Его судили из-за этого трактата и другого, который был найден среди бумаг Каррансы и который сначала предполагался как его сочинение; этот труд называется "*Мысли о толкованиях Священного Писания*". Вальдес также сочинил еще одно произведение под названием *Ачаро*; все эти произведения были отмечены как лютеранские, а автор был объявлен *формальным еретиком*. Вальдес покинул Испанию и таким образом избежал тюремного заключения. В 1559 году брат Луис де ла Крус, заключенный инквизиции Вальядолида, заявил, что Вальдес жил в Неаполе; что его *Мысли* и т. Д. Были отправлены Каррансе двадцать лет назад в виде письма, но что оно возникло в *христианских учреждениях* Таулера. Брат Доминик де Рохас (еще один заключенный инквизиции) говорил об этом Вальдесе так, как будто он был секретарем Карла V. Если это было так, то его следовало звать *Хуан Алонсо де Вальдес*. Николас Антонио упоминает его как другого человека в своей *библиотеке*.

Vergara (Juan de). См. Главу 14.

Висенте (доктор дон Грегори де), священник и профессор философии в Вальядолиде. Трибунал этого города судил и заключил его в тюрьму в 1801 году за некоторые тезисы, которые были поддержаны и напечатаны на испанском языке, о способах изучения, проверки и защиты истинной религии. Он отрекся от *натурализма* публично в ходе меньшего *аутодафе*, и на него было наложено несколько епитимий. Его тезисы кажутся ортодоксальными, если понимать их буквально. Магистры схоластического богословия выступили против Висенте, потому что он нападал на манеру преподавания и изучения религии, практиковавшуюся в его время; его также обвинили в том, что он проповедовал против благочестивых упражнений в набожности. Проповедь, послужившая источником этого обвинения, была подвергнута строгой проверке, и было установлено, что он сказал, что истинная набожность заключается в действительной практике добродетели, а не во внешних церемониях; его тезисы были публично осуждены, и он был заключен в тюрьму на восемь лет. Он был племянником инквизитора Сантьяго, что побудило жителей Вальядолида объявить его сумасшедшим, чтобы спасти его; но когда он

вернулся домой, он дал такие недвусмысленные доказательства того, что находится в здравом уме, что инквизиторы подумали, что честь трибунала не позволит оставить дело в таком состоянии, и снова арестовали его. Он пробыл в тюрьме больше года, когда *было отпраздновано* аутодафе.

Виллагарсия (Фрай Хуан), доминиканец, ученик Каррансы и его спутник во время его путешествий по Германии, Англии и Фландрии. Он был одним из величайших богословов своего времени. Его арест произошел в Медеблике, во Фландрии, в то же время, что и арест архиепископа Торрелагуны, в Испании. Он был заключен в тюрьму в Вальядолиде 19 сентября 1559 года. Среди его бумаг и бумаг архиепископа было найдено несколько писем от отца Луиса де ла Круса и отца Франсиса де Тордесильяса, в которых они сообщали все, что им удалось узнать о судебном процессе над архиепископом. Виллагарсии были вменены те же ошибки, что и Каррансе, главным образом потому, что он скопировал часть рукописей прелата. Какой-то человек сказал ему, что Катехизис Каррансы лучше был бы написан на латыни, чем на вульгарном языке, и он занялся его переводом во время своего пребывания в Англии. Это послужило источником другого обвинения, и была проведена консультация, чтобы решить, не следует ли ему ответить на вопрос *in caput alienum*, чтобы заставить его признаться в определенных фактах, выдвинутых против архиепископа, но без каких-либо доказательств относительно того, что он читал труды *Николампадия* и другие запрещенные книги. Мнения разошлись, и совет постановил, что сначала Виллагарсия должна быть официально рассмотрена по некоторым другим предложениям. Его ответы были настолько благоприятны для архиепископа, что он сам не мог бы ответить более определенно. Виллагарсия провел четыре года в тюрьме; он отрекся от престола и был подвергнут нескольким епитимьям, одной из которых было никогда больше не преподавать и не писать по теологии.

Villalba (Fray Francis de). См. Главу 29.

Вильегас (Альфонсо де). См. Главу 13.

Вирусы (Дон Альфонсо де). См. Главу 14.

Ерегуи (дон Джозеф де), светский священник, доктор богословия и канонического права, родился в Вергара-де-Гипускоа: он был наставником младенцев Дона Габриэля и дона Антонио де Бурбон и кавалером королевского ордена Карла III. Он опубликовал хороший катехизис и трижды подвергался доносам мадридской инквизиции по подозрению в янсенистской ориентации. В 1792 году ему было приказано не покидать пределы Мадрида. Он прожил в таком заточении шесть месяцев, а затем был оправдан инквизиторами суда. К сожалению, у него были враги в Верховном совете, которые хотели приостановить судебный процесс, и им бы это удалось, если бы генеральный инквизитор Рубин де Севальос не умер в то время. Его преемник, дон Мануэль Абади-ла-Сьерра, архиепископ Селимбрии, придерживался тех же взглядов, что и Ерегуи, который наконец получил свидетельство об отпущении грехов и вновь обрел свободу; затем король назначил его почетным инквизитором. Ерегуи на своем новом посту столкнулся с другими неудобствами, потому что он рассказал своим друзьям об обстоятельствах своего судебного процесса, что было истолковано как знак неуважения к священной канцелярии, которая всегда предписывает хранить тайну тем, кто предстает перед ней. Однако Ерегуи извинился и опроверг все, что было опубликовано относительно его взглядов на инквизицию.

Себальос (Джером де), уроженец Эскалоны; он был профессором университета Саламанки и членом муниципалитета Толедо. В 1609 году он опубликовал в Риме том in folio, содержащий несколько трактатов по юриспруденции; первый - это *Рассуждение об основных причинах, по которым король Испании и его Совет принимают во внимание церковные процессы или судебные разбирательства между священнослужителями, когда выносятся Постановления об ошибке*. Среди вопросов, которые он обсуждает, есть следующий: "Разрешено ли церковному судье арестовывать и сажать в тюрьму мирян в ходе судебного разбирательства по каноническим делам без вмешательства королевского судьи?" Тот же автор опубликовал в Саламанке в 1613 году другой том in folio, озаглавленный "*О подсудности церковных процессов между церковниками при подаче апелляции одной из Сторон к королевской власти*". Он написал несколько других работ, записанных Николасом Антонио. Некоторые священники, которые считали ересью защищать привилегии короля от власти духовенства, донесли на Себальоса инквизиции Толедо. Члены этого трибунала не арестовали его, но направили ему главы обвинений против двух уже упомянутых произведений; он полностью оправдал себя, и им было разрешено находиться в обращении. Некоторое время спустя римская инквизиция внесла их в свой Указатель, а инквизиция Испании удалила некоторые отрывки, которых нет в современных изданиях.

Этот список можно было бы дополнить именами многих менее выдающихся людей, и я не счел нужным включать в него тех испанцев, чьи работы были запрещены, но которые лично не подвергались нападкам со стороны святой канцелярии. Уже упомянутых достаточно, чтобы показать опасность попыток привить вкус к хорошей литературе в Испании.

Карл III, желая ознакомиться с делами иезуитов и некоторыми другими обстоятельствами, связанными с ними, собрал в 1768 году собор в составе пяти архиепископов и епископов; они были заняты консультациями по поводу трибунала инквизиции, и в частности по поводу запрета книг. Дон Джозеф Муньино, граф де Флорида-Бланка, и дон Педро Родригес де Кампоманес, граф де Кампоманес, королевские прокуроры в Совете Кастилии, выступили с докладом перед ассамблеей. Некоторые выдержки из него будут интересны в этой части истории.

Говоря о тайном представлении краткой записки, касающейся иезуитов, 16 апреля 1767 года, и другой записки, касающейся дел герцога Пармского, 30 января 1768 года, эти министры выражаются следующим образом: "Совет не в неведении об интригах, которые нунции затевают с инквизицией для достижения своих целей тайными средствами. В течение первых пятнадцати столетий в Испании не существовало трибуналов инквизиции. Только епископы были знакомы с положениями доктрины, а еретики и богохульники карались по гражданскому закону. Злоупотребление запретами на книги, введенными инквизицией, является одной из причин невежества, преобладающего над большей частью этой нации.... Согласно буллам, учредившим святую канцелярию, епископы являются совместными судьями с инквизиторами, а иногда и главными судьями в делах, которые зависят от трибунала. Эта власть епископов была приобретена благодаря их рангу и уважаемой должности пасторов. Почему же тогда эти естественные судьи всех дискуссий, которые могут возникать по вопросам веры и морали верующих, не участвуют и не влияют на запрет книг и выбор определителей? Именно из-за этого обстоятельства к предмету отнеслись с небрежностью, которая возбуждает и увековечивает жалобы ученых людей.... Предположим, что правила Бенедикта XIV. если они были недостаточно ясны, то этого нельзя сказать о записке Иннокентия VIII, которая предписывает инквизиции следовать правилам правосудия в своих разбирательствах: может ли

быть что-либо более справедливое, чем то, что стороны должны быть заслушаны? Разве это не противоречит общественным интересам, что книги, которые могли бы быть полезны в обучении предметам, должны быть запрещены из страсти или для достижения какой-то определенной цели? Фискал сказал бы слишком много, если бы остановился на этом предмете, чтобы доказать, насколько трибунал всегда злоупотреблял своей властью, предписывая запретить доктрины, которые даже Рим не осмеливался осудить, такие как четыре положения французского духовенства, поддерживая косвенную власть Римского двора против власти королей; и, наконец, санкционируя мнения, столь же предосудительные. Можно было бы доказать, что трибунал постоянно одобрял злодеяния, совершенные некоторыми священнослужителями, которые остаются невредимыми, вопреки уважению, подобающему королю и его должностным лицам. *Обычные священники Общества Иисуса* имели наибольшее влияние в святой канцелярии со времен несовершеннолетия Карла II, когда генеральным инквизитором был иезуит Хуан Эверард Нитардо, духовник королевы-матери.... Последний общий очистительный указатель, опубликованный в 1747 году, до сих пор помнят. *Казани и Карраско* (оба иезуиты) настолько сфальсифицировали и перепутали дело, что это стало позором для трибунала: факт настолько хорошо известен и имел такие важные последствия, что одно это обстоятельство послужило достаточным мотивом для полного подавления инквизиции или, по крайней мере, для ее реформирования, поскольку она использует свою власть только для нанесения ущерба государству, чистоте нравов и христианской религии.... Можно сказать, что индекс изъятий, составленный в Испании, более вреден для прав суверена и обучения его подданных, чем римский. В этом суде хорошо подобраны критерии отбора, запреты умеренны, и интересы отдельных лиц никогда не принимаются во внимание.... Мы не можем не упомянуть мемуары, представленные монсеньором Боссюэ Людовику XIV против генерального инквизитора Рокаберти по поводу декрета инквизиции Толедо, в котором доктрина, отказывающая папе в прямой или косвенной власти лишать государей их королевств, объявляется ошибочной и раскольнической.... Прокураторы не могут скрыть от самих себя, что трибуналы инквизиции составляют самый фанатичный орган в государстве и наиболее привязанный к иезуитам, которые были изгнаны из королевства; что инквизиторы исповедуют те же доктрины и те же принципы; наконец, что необходимо провести реформу инквизиции".

В своем заключении прокураторы предложили, чтобы с учетом эдикта 1762 года и для обеспечения его исполнения святая канцелярия была вынуждена заслушать защиту авторов произведений до того, как они будут запрещены, в соответствии с положением буллы *Sollicita et Provida* Бенедикта XIV.; что трибунал должен осуждать только те книги, которые содержат ошибки в доктрине, суеверия или смягченные моральные взгляды; что ему следует особенно избегать запрета произведений, написанных в защиту прерогатив короны; что это не должно быть разрешено конфисковать или сохранить любую запрещенную книгу под предлогом ее исправления или уточнения, но оставить ее владельцу; что издание должно быть обязано представить королю протоколы указов о запрете перед публикацией и Совету Кастилии все присланные ему сводки, с тем чтобы они могли быть представлены его величеству для утверждения.

Совет Кастилии вместе с чрезвычайным Советом архиепископов и епископов одобрил мнение королевских прокураторов. Они представили его Карлу III, который пожелал узнать мнение дон-Мануэля де Рода, маркиза де Рода, министра юстиции. Этот дворянин (один из самых выдающихся ученых Испании за последнее столетие) передал свое мнение его величеству 16 марта того же года: оно полностью совпадало с мнением фискалов; он добавил: "5 сентября

1761 года король Неаполя, будучи проинформированным о том, что происходило в Риме относительно осуждения работы Мазенгуи, приказал, чтобы инквизиция Сицилии и церковное начальство во всех его государствах никоим образом не печатали и не публиковали какие-либо прокламации без разрешения его величества.... Я был тогда в Риме и от имени вашего величества потребовал от его Святейшества некоторого возмещения ущерба за преступление, совершенное его нунцием в Мадриде, побудившим генерального инквизитора опубликовать материалы о запрете работы Мазенгуи без его ведома.... Его Святейшество одобрил действия нунция, но убедился в справедливости нашей жалобы, когда я подкрепил ее фактами и аргументами. Папа, однако, не осмеливался открыто выражать свое мнение, поскольку им полностью управлял кардинал Торреджани, который руководил всеми интригами под влиянием иезуитов.... Торреджани знал, что дело не будет рассмотрено ни в одном суде ни в Италии, ни во Франции, ни даже в Венеции. Папа написал в эту республику, чтобы помешать перепечатке этого труда; но, тем не менее, он был опубликован не только тогда вопреки приказу папы, но и впоследствии с посвящением его Святейшеству.... Я видел в библиотеке Ватикана печатное воззвание инквизиции Испании от 1693 года: этот трибунал осуждает двух авторов, называемых *Барклайос*, потому что в их книгах содержались два положения, которые римляне считают еретическими: первое гласило, что *"папа не имеет власти над временными полномочиями королей и не может ни низложить их, ни освободить их подданных от присяги верности"*; другое, что *авторитет генерального совета выше, чем у папы"*.

Тот же министр в 1776 году написал письмо из Аранхуэса дону Филиппу Бертрону, генеральному инквизитору. Одобрив свое намерение исправить испанский указатель изъятий, он говорит: "В последнем указателе изъятий (доверенном в 1747 году епископом Теруэльским двум иезуитам) были допущены тысячи нелепостей, и их необходимо исправить; факт подтверждается доносами и печатными заметками брата Мартина Льебе. Но приложение, или каталог авторов, называемых *янсенистами*, является самым невыносимым; все имена взяты из *Библиотеки янсенистов* отца Колонии, иезуита, который был осужден в записке Бенедикта XIV. Вместо того чтобы поместить эту работу в Указатель, как это должно было быть, названия копируются из нее. Вам известна записка, адресованная этим папой епископу Теруэльскому 31 июля 1748 года, в которой он не одобряет включение трудов кардинала Нориса в Указатель. Его Святейшество также направил пять писем Фердинанду VI. по тому же поводу, но ни папы, ни король не могли добиться, чтобы имя *Нориса* было вычеркнуто из Списка в течение десяти лет: в то время епископ Теруэля (который наконец дал согласие) умер, и король уволил своего духовника, иезуита Рабаго, который больше всего возражал против этой меры. Я предпринял необходимые шаги, и приказ короля был отправлен монсеньору Кинтано, генеральному инквизитору и духовнику его величества, с которым у меня было долгое совещание по этому вопросу: я наконец получил указ, объявляющий, что *работы Нориса не были ни осуждены, ни подвергнуты цензуре, ни переданы святой канцелярии*.

ГЛАВА XXVI.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ ИНКВИЗИТОРАМИ Против КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ И МАГИСТРАТОВ.

В дополнение к препятствованию литературному прогрессу, магистраты так боялись инквизиции, что преступники часто оставались безнаказанными. Фердинанд и его преемники

предоставили этому трибуналу привилегии, которые посягательства инквизиторов вскоре сделали невыносимыми. Они даже пытались унижить трех суверенов: Климента VIII; принца Беарнского, короля Наварры; и великого магистра ордена Святого Иоанна Иерусалимского на Мальте. Они также атаковали и квалифицировали как подозреваемых в ереси весь Совет Кастилии; своими произвольными мерами возбудили мятежи в нескольких городах; и преследовали нескольких членов своего собственного *Верховного* Совета.

Эта система господства никогда не подавлялась ни общими законами Испании и Америки, ни конкретными резолюциями, принятыми в каждом из королевств Арагонской короны, ни королевскими рукоположениями, ни циркулярными письмами Совета инквизиции. Инквизиторы были наказаны (хотя и редко) лишением своих должностей; это, однако, не возымело никакого эффекта. Наконец, общие конвенции оказались не менее бессильны в сдерживании амбиций, которые побудили их стремиться установить свое господство во всем мире с помощью страха.

Инквизиция представляет собой, на наш взгляд, трибунал, судьи которого не подчинялись ни законам королевства, в котором она была учреждена, ни буллам пап, ни первым конституциям трибунала, ни особым приказам своих руководителей; который даже осмелился противостоять власти папы, от имени которого он действует, и одиннадцать раз отказывался от королевской власти; который допускал распространение книг, одобряющих цареубийства и власть пап свергать королей, и в то же время осуждал и запрещал произведения, содержащие противоположную доктрину и защищающие закон. права суверена; которые действовали таким образом при обстоятельствах, совершенно чуждых преступлению ереси, которое было единственным, которое они были компетентны судить. Будут приведены некоторые примеры споров за юрисдикцию, которые нанесли Испании такой серьезный ущерб.

В 1553 году инквизиторы Калаорры отлучили от церкви и арестовали лицензиата Искьердо, *алькальд-майора* Арнедо, за попытку судебного преследования Хуана Эскудеро, фамильяра святой канцелярии, убившего солдата. Они также приказали прекратить богослужение в Арнедо. Канцелярия Вальядолида потребовала протоколы судебного процесса, но инквизиторы ускользнули от исполнения двух своих постановлений. Тем временем преступник был оставлен на свободе в городе Калахорра, а затем совершил побег, так что преступление осталось безнаказанным.

В 1567 году инквизиторы Мурсии отлучили от церкви капитул Кафедрального собора и муниципалитет этого города; их компетенция была оспорена, и Верховный совет постановил, что некоторые члены капитула и муниципалитета должны публично возместить ущерб в столице королевства и получить отпущение грехов; они получили его публично и в качестве кающихся перед алтарем.

В 1568 году королевским указом было предписано выполнение Конвенции, известной как Конвенция *кардинала Эспинозы*. Он был издан в отношении инквизиторов Валенсии, претендующих на право судить по делам, касающимся полиции города, и многим другим, таким как пожертвования, контрабанда, торговля, и *т.д.* Они утверждали, что это право принадлежит им, особенно если один из лиц, замешанных в этом деле, состоял на службе инквизиции. Они не позволили бы арестовать ни одного преступника в домах инквизиторов ни в городе, ни в деревне, в то время как даже церкви больше не были убежищем для тех, кого они преследовали.

В 1569 году трибунал Барселоны отлучил от церкви и заключил в тюрьму военного заместителя и гражданского вице-губернатора города, а также нескольких их людей. Их преступление состояло в том, что они потребовали от пристава инквизиции определенной привилегии, называемой *la Merchandise*. Королевский совет Арагона оспаривал компетенцию Совета инквизиции, но Филипп II. положил конец спору, освободив заключенных: инквизиторы не были наказаны за неподчинение закону, который запрещает им отлучать от церкви магистрата.

В 1574 году инквизиция Сарагосы отлучила от церкви членов депутации, представлявшей королевство Арагон, во время перерыва в работе ассамблеи кортесов. Депутаты пожаловались Пию V., который не обратил на них внимания: после его смерти они обратились к его преемнику Григорию XIII. Папа поручил генеральному инквизитору уладить это дело; но, находясь под влиянием Верховного совета, он отклонил папское поручение и заявил, что рассмотрение жалобы принадлежит ему по праву. Филипп II, этот фанатичный защитник святой канцелярии, приказал своему послу в Риме защищать инквизицию перед папой; и он получил то, что требовал, в то время как депутаты все еще страдали от отлучения, которое длилось почти два года. Следует отметить, что эта депутация состояла из восьми человек: двое из них были духовными лицами, обычно епископами; двое представляли высший класс знати, которые были графами или грандами Испании; двое джентльменов знатного происхождения, представлявших второй класс знати; и двое представителей третьего класса, избранных из самых выдающихся граждан.

В 1588 году инквизиторы Толедо отлучили от церкви лиценциата Гудьеля, алькальда королевского дома и судью королевского суда в Мадриде: этот магистрат привлек к ответственности Иньиго Ордоньеса, секретаря святой канцелярии, за то, что он ранил Хуана де Берргоса, который вследствие этого скончался, и за то, что он умышленно выстрелил из пистолета в каноника дона Франсиса Монсальве. Совет инквизиции признал вину преступника перед королем и оправдал применение порицания, заявив, что *такова обычная процедура святой канцелярии*.

В 1591 году между инквизицией Сарагосы и верховным судьей Арагона произошли ожесточенные столкновения. Результатом стали два мятежа, и несколько грандов Испании, множество дворян и еще большее число частных лиц были приговорены к смертной казни. Отчет об интригах инквизиторов в этом деле будет дан на процессе Антонио Переса.

В 1598 году инквизиторы Севильи отправились в столичную церковь вместе с президентом и членами королевского суда, чтобы присутствовать на похоронах Филиппа II.; они притворились, что должны предшествовать судьям, которые сопротивлялись, и инквизиторы отлучили их от церкви. Королевский прокурор запротестовал против этого акта, и можно легко представить скандальную сцену, которая за этим последовала. Судьи, прибывшие на место, где они проводили свои заседания, заявили, что инквизиторы применили насилие в ходе судебного разбирательства, противоречащего закону, и издали указ, предписывающий инквизиторам снять отлучение от церкви. Инквизиторы не подчинились приказу, и судьи повторили его, пригрозив лишением их всех гражданских прав и приговором к изгнанию и конфискации. Филипп III. не одобрял поведения инквизиторов, приказал им снять отлучение от церкви и отправиться в Мадрид, где они были заключены в городе. В декабре следующего года король издал указ, согласно которому инквизиторы должны иметь преимущество только на церемонии

аутодафе. Генеральный инквизитор Портокарреро был лишен своего поста и сослан в свое епископство Куэнса.

В 1622 году город Лорка, находившийся под юрисдикцией инквизиции Мурсии, назначил фамильяра святой канцелярии сборщиком налога с продажи товаров под названием *Алькабала*. Мужчина отказался от работы, но его заявления не были приняты, после чего инквизиторы отлучили судью Лорки от церкви и потребовали помощи дона Педро Порреса, коррехидора Мурсии, чтобы доставить его в свои тюрьмы. Получив его отказ, они отлучили и его от церкви и постановили прекратить богослужение во всех церквях Мурсии. Эта мера повергла жителей в величайший ужас, и они умоляли своего епископа, дона Антонио Трехо, вмешаться своей властью. Этот прелат возразил инквизиторам; но безуспешно, и, чтобы успокоить народ, он опубликовал распоряжение, объявляющее, что он не обязан подчиняться интердикту или приказу *опрекращения богослужения*. Дон Андрес Пачеко, генеральный инквизитор, осудил этот мандат и приказал объявить об этой мере во всех церквях Мурсии. В то же время он наложил на епископа штраф в размере восьми тысяч дукатов и обязал его явиться в течение двадцати дней в Мадрид для ответа на жалобу, поданную против него фискалом Верховного совета, под страхом еще одного штрафа в размере четырех тысяч дукатов. Епископ и капитул его кафедрального собора отправили декана и каноника в Мадрид в качестве своих заместителей. Генеральный инквизитор отлучил их от церкви, не выслушав их защиты, и бросил в отдельные тюрьмы, и в то же время приказал объявить об этом отлучении с всех кафедр Мадрида. Инквизиторы также отлучили от церкви кюре церкви Святой Екатерины, который отказался подчиниться этому интердикту без приказа своего епископа. Король и папа были, наконец, вынуждены вмешаться, они восстановили епископа в его правах; но этот акт справедливости не уничтожил причину зла, на которое жаловались.

В том же году инквизиторы Толедо отлучили от церкви супрефекта этого города, который схватил и приговорил мясника как вора и признал его виновным в продаже испорченного мяса с фальшивым весом: инквизиторы притворились, что преступник подпадает под их юрисдикцию, потому что он снабжал мясом святую канцелярию, и, соответственно, они потребовали, чтобы заключенные и материалы судебного процесса были переданы им. Их требование было отклонено, поскольку преступление было совершено при исполнении служебных обязанностей. Затем инквизиторы объявили об отлучении от церкви во всех церквях Толедо; они заключили в тюрьму пристава и привратника субпрефекта за то, что они повиновались своему господину, и они оставались в тюрьме несколько дней; затем они были подвергнуты наказанию в виде бритья бород и волос, что в то время считалось позорным, и появления в зале аудиенций без обуви и поясов; их проверили на предмет их генеалогии, чтобы выяснить, происходят ли они от мавров или евреев; их заставили повторять катехизис, как если бы они были евреями. еретики, а затем были приговорены к вечному изгнанию; инквизиторы даже отказались выдать им свидетельство, чтобы показать, что они не были осуждены за ересь. Сострадание, возбужденное судьбой этих несчастных, было настолько всеобщим, что народ восстал против инквизиции; но некоторым лицам высокого ранга, преданным общественному благу, удалось унять волнения. Король, проинформированный о решении Совета Кастилии, назначил чрезвычайную комиссию из одиннадцати членов, выбранных из его советов; они приняли несколько резолюций против инквизиторов, которые имели целью лишь исправление нынешнего беспорядка, но не полное уничтожение зла.

В следующем году инквизиторы Гренады отлучили от церкви дону Луиса Гудьеля де Перальту и дону Матиаса Гонсалеса; первый был членом королевского гражданского суда, а другой - королевским прокурором в том же суде. Они осудили как еретические две работы этих превосходных юристов, в которых те защищали права королевской юрисдикции во всех случаях *компетенции*. Совет Кастилии почтительно выразил протест королю и показал, что инквизиторы действовали вопреки *Инструкциям священной канцелярии от 1485 года*, которые предписывали им консультироваться с королем в делах подобного рода. Чтобы исправить это злоупотребление, в 1625 году был назначен комитет для разрешения всех трудностей, которые могли возникнуть по этому вопросу. Этот комитет просуществовал недолго, но он был воссоздан в 1657 году.

В 1530 году инквизиторы Вальядолида вели себя с еще большей дерзостью. Епископ этого города (который в то же время был президентом королевской канцелярии) должен был отслужить папскую торжественную мессу. Инквизиторы выбрали этот день для опубликования эдикта *одоносах*; и утверждая, что их власть как инквизиторов превосходит власть епископа, они попытались убрать балдахин, который поднимался, когда прелат совершал богослужение. Каноники оказали сопротивление, и инквизиторы послали в церковь нескольких своих офицеров, которые арестовали дону Алонсо Ниньо, певчего, и дону Франциска Милана, каноника; они увезли их в их канонических одеждах и поместили в этих одеждах в тюрьмы святой канцелярии. Совет Кастилии сделал представление королю по поводу этого события, которое послужило началом съезда следующего года, известного как *съезд кардинала Сапаты*. Было принято несколько резолюций, и было решено, что порицания следует применять только в экстренных случаях; но это мало повлияло на инквизиторов. Было бы сделано гораздо больше, если бы король последовал совету Совета Кастилии, который (после рассказа о зле, проистекающем из системы инквизиторов) рекомендовал, чтобы он разрешил другим трибуналам возбудить против них дело за злоупотребление властью. Этот совет был адресован королю его советами в ходе консультаций года 1634, 1669, 1682, 1696, 1761, и в ряде других, когда инквизиция Испании запретила произведения, в которых защищались привилегии короны, особенно работы дону Джозефа де Мура, президента королевского двора на Майорке. Она была напечатана на этом острове в 1615 году и называлась "*Обвинения в пользу короля*" по поводу конфликтов за юрисдикцию, возникших между Королевским судом и Трибуналом инквизиции Майорки.

В 1634 году состоялось еще одно состязание на предмет компетентности, касающееся определенных налогов, которые были получены от жителя Викальборо, недалеко от Мадрида. Инквизиторы Толедо отлучили от церкви судью королевского суда и королевского придворного и совершили величайшие бесчинства против авторитета Совета Кастилии, который, преисполненный чувства собственного достоинства как Верховного сената нации, приказал декану-инквизитору Толедо отправиться в Мадрид, чтобы лично ответить на выдвинутые против него обвинения, и пригрозил, в случае отказа, лишить его собственности и светских прав. Суд также приговорил священника, секретаря святой канцелярии, к изгнанию и конфискации и обязал мадридского инквизитора передать заключенных и материалы судебного процесса в судейскую палату суда. Совет обратился к королю с просьбой запретить инквизиторам применять меры наказания и избавить свой народ от угнетения, от которого он страдал. Король просто возобновил запрет на применение отлучения от церкви без абсолютной необходимости и постановил, что оно никогда не должно применяться против судей без особого разрешения.

Это постановление показывает пренебрежение или презрение, в которое впал Конвент кардинала Сапаты всего через три года после его учреждения.

В 1640 году инквизиторы Вальядолида снова поссорились с епископом, который пожаловался королю, заявив, что разрешение, выданное королевским советом на печать без ограничения того, что пишут те авторы, которые зависят от инквизиции и пользуются привилегиями этого трибунала, будет иметь самые фатальные последствия. Это утверждение было доказано в 1641 году. Возникли некоторые споры по вопросу компетенции между инквизицией и канцелярией Вальядолида; Совет Кастилии был вынужден несколько раз консультироваться с королем в ходе рассмотрения дела и в одном из своих меморандумов заявил, *что юрисдикция, которую инквизиторы осуществляют от имени короля, является временной, светской и ненадежной и не может быть защищена с помощью порицаний*. Члены Совета инквизиции, в котором председательствовал генеральный инквизитор дон Антонио де Сотомайор, зашли в своей самонадеянности настолько далеко, что созвали собрание невежественных теологов-схоластов, избранных из монахов, чтобы *квалифицировать* предложение, выдвинутое Советом Кастилии. Эти отборочные, стремясь продемонстрировать свое проникновение, разделили его на три части.

"Первая часть. Юрисдикция, которую инквизиторы осуществляют от имени короля, носит временный и светский характер. Это предположение вероятно, если рассматривать его с самой справедливой стороны."

"Вторая часть. Указанная юрисдикция ненадежна.—КВАЛИФИКАЦИЯ. Это утверждение ложно, невероятно и противоречит благополучию его величества."

"Третья часть. Церковные порицания не могут быть использованы для защиты указанной юрисдикции.—КВАЛИФИКАЦИЯ. Это утверждение дерзко и граничит с ересью."

После этой меры фискал Совета инквизиции обвинил Совет Кастилии; он потребовал, чтобы трибунал раздобыл копии и протоколы консультации, адресованные королю; чтобы его осуждение было опубликовано, а против авторов было возбуждено уголовное дело. Совет святой канцелярии, намереваясь действовать в соответствии с обстоятельствами, представил все, что было передано королю, ссылаясь на суждение теологов. Король с присущей ему беспечностью просто сказал генеральному инквизитору, что он не выполнил свой долг, одобрив процедуру, столь противоречащую чести и достоинству национального сената. Последствия упрямства и жестокости инквизиторов ощущались еще некоторое время после этого. В 1643 году король вынудил дона Антонио де Сотомайора подать в отставку.

В Америке королевские указы и другие нормативные акты не могли предотвратить возникновения ожесточенных ссор между гражданскими судами и судами святой канцелярии. Но во всех этих делах вице-короли проявили больше твердости и подавили высокомерие инквизиторов с большим успехом, чем это было продемонстрировано на полуострове. Это неудивительно, потому что в отдаленных странах инквизиторы не пользуются поддержкой генерального инквизитора, который, пользуясь благосклонностью короля, может влиять на него в частных беседах. Кроме того, вице-короли, ревниво относящиеся к власти, которой они облечены, следят за тем, чтобы она не встретила никаких препятствий или противоречий.

В 1686 году возникла ссора между инквизиторами Картахены в Америке и епископом. Инквизитор дон Франсис Барела, отлучив прелата от церкви, приказал зачитать его указ во всех

церквях. Епископ ответил и показал инквизитору своим поведением свое презрение к отлучению. Дон Франциск (по согласованию со своими консультантами) арестовал и бросил в тюрьму епископа и многих уважаемых лиц собора и города, которые свободно высказывались на эту тему. Папа, которому сообщили об этом деле 13 февраля 1687 года, приказал генеральному инквизитору дону Диего Сармьенто де Вальядаресу доставить инквизитора Барелу и консулов в Мадрид и лишить их занимаемых должностей. Поскольку этот приказ не был выполнен, 15 декабря он ускорил проведение второго брифинга, который носил обвинительный характер. Тогда генеральный инквизитор обратился к королю и дал настолько неверный отчет об этой сделке, что ни его величество, ни совет Индии так и не были проинформированы об истине. Папа настаивал на своем решении и хотел решить это дело сам. Оно не было закончено при Клименте XI. взошел на папский престол; этот папа собрал кардиналов и, выслушав их мнения, официальным декретом подтвердил все, что сделал епископ, и отменил экстравагантные меры инквизитора. Булла, изданная в 1706 году, предписывала восстановить наложенные наказания и отменила карфагенский трибунал. Это подавление не было приведено в исполнение, потому что оно противоречило политике короля.

В 1713 году кардинал Фрэнсис Джудис, генеральный инквизитор, запретил работу дона Мельхиора Маканаса, королевского прокурора в Совете Кастилии: кардинал знал, что эта работа была напечатана по приказу Филиппа V. Который одобрил ее после прочтения. Король сначала был очень раздражен таким поведением; но кардиналу, привыкшему к интригам Рима и Парижа, удалось ускользнуть от приказов своего государя; хотя его и не было в королевстве, он продолжал исполнять свои обязанности и посылал своим приближенным приказы, которые были крайне неприятны Филиппу. Этот принц не мог добиться отстранения суда, пока кардинал Альберони не применил свое влияние в Риме и Париже, чтобы поддержать взгляды своего господина. Джудис вышла на пенсию в 1716 году.

Дон Мельхиор Маканас продолжал жить в изгнании. Его судебный процесс стал важным из-за большого количества обвинений, которые были выдвинуты против различных написанных им работ: в некоторых из них он выступал против злоупотреблений, которые совершались при Римском дворе, против иммунитетов духовенства и церковных трибуналов, и привлек внимание общественности к пагубным последствиям увеличения числа монахов и других обществ. Отборочные, оценивая его работы, ясно показали дух ненависти и мести, который ими двигал. В "Процессе Маканаса" упоминается одна из его работ, называемая *"Критическая защита инквизиции"*; инквизиторы квалифицировали ее как *ироничную*, потому что они нашли в ней некоторые вещи, которые не соответствовали действительности. Некоторое время спустя их мнение было подтверждено другой работой Маканаса, которая называлась *"Апология в защиту брата Николаса Хесуса де Беландо" в защиту гражданской истории Испании, несправедливо запрещенной инквизицией*.

Хотя инквизиторы обращались с ним очень сурово, Фердинанд VI и генеральный инквизитор Дон Мануэль Кинтано Бонифас разрешили Маканасу вернуться в Испанию, и король отправил его в Экс-ла-Шапель в качестве своего посла.

В 1768 году инквизиторы попытались добиться права судить лиц за многоженство: Карл III распорядился, чтобы ответственность за это преступление возлагалась на светского судью, за исключением случаев, когда преступники считали, что это разрешено. Ему доставляло удовольствие, чтобы инквизиторы "наказывали только за ересь и отступничество, и, прежде

всего, чтобы никто из его людей не подвергался позорному аресту, если они ранее не были осуждены за преступление".

В 1771 году Совет инквизиции представил королю, что простого факта вступления в брак с другим человеком, пока первая жена была жива, было достаточно, чтобы вызвать подозрение, что лица, виновные в этом, ошиблись в вере в брачный договор. По этой причине инквизиторы продолжали получать доносы на эту мнимую ересь и принимать к сведению ее.

В 1781 году генеральный инквизитор приказал, чтобы исповедальни в монастырях монахинь находились в пределах видимости людей, находящихся в церквях. Это было сделано инквизиторами, не посоветовавшись с архиепископами и епископами епархий; они были крайне оскорблены таким поведением, но скрыли свой гнев, чтобы не нарушать общественное спокойствие.

В 1797 году инквизиторы Гренады удалили исповедальню монастыря монахинь Святого Павла, находившегося под непосредственным руководством архиепископа: духовный управляющий архиепископства пожаловался королю. Министр юстиции дон Гаспар Мельхиор де Ховельянос решил воспользоваться этим событием; он обратился к архиепископу Бургоса, генеральному инквизитору, епископам Уэски, Туи, Плацентии, Осмы, Авилы и к дону Джозефу Эспиге, королевскому раздающему милостыню, и попросил их предложить "все, что они сочтут наиболее подходящим для исправления злоупотреблений, совершенных в святой канцелярии, и разрушить ложные принципы, на которых этот трибунал основывал все свои меры". Архиепископ (как можно предположить) прислал записки в пользу трибунала; записки всех остальных были совершенно противоположного характера. Эта попытка, однако, не привела ни к какому удовлетворительному результату: Джовельяноспокинул министерство раньше Карла IV. сменивший его министр придерживался других взглядов, и Ховельянос был осужден по подозрению в ереси.

О магистратах, которые подвергались преследованиям.

Приведенные примеры распрей между инквизицией и гражданскими трибуналами в достаточной степени доказывают постоянное внимание инквизиторов к расширению своего влияния и привилегий даже вопреки суверенной власти; тем не менее список преследуемых магистратов может быть полезным и интересным.

Альмодовар (дон Кристофер Хименес де Гонгора, герцог). Он был послом при Венском дворе и опубликовал труд *об учреждениях европейских народов по ту сторону моря*. Эта книга является всего лишь вольным переводом книги аббата Рейналя. Он скрыл свое имя под именем *Эдуардо Мало де Луке*, которое является анаграммой Эль Дуке де Альмодовара. Он подарил королю несколько экземпляров своей книги, но, хотя он предпринял эту предосторожность и удалил некоторые статьи, инквизиция обвинила его в том, что он разделяет мнения скептически настроенных философов. Инквизиторы пытались выяснить, как герцог общался в обществе с учеными людьми; но они узнали недостаточно, чтобы санкционировать обвинение, как это почти всегда случалось во времена правления Карла III. и Карл IV, когда они хотели напасть на литераторов.

Аранда (дон Педро-Поль Абарка де Болья-и-Хименес д'Урреа, граф д'Урреа), гранд Испании. Своими талантами и ученостью он прославил себя больше, чем своим происхождением и

высокими должностями. Как солдат он получил звание генерал-капитана, что эквивалентно званию фельдмаршала: его дипломатические таланты позволили ему занять должность посла в Париже; его знания государственного деятеля - премьер-министра, государственного секретаря при Карле IV.; а за его таланты политика он был назначен президентом Совета Кастилии. В этих четырех областях искусства управления он всегда был поистине велик. Он был президентом чрезвычайного королевского совета, созданного Карлом III. для рассмотрения дел иезуитов. Хотя члены этого собрания совещались тайно, общественность была проинформирована не только о его целях в целом, но и о конкретных мнениях каждого члена совета. Граф д'Аранда был обвинен святой канцелярией в том, что его подозревали в разделении взглядов философов восемнадцатого века, поскольку его политические взгляды были чрезвычайно либеральными. Указ, подписанный Карлом III в 1770 году (запрещающий инквизиторам привлекать к ответственности за любое преступление, кроме ереси), считался делом рук графа д'Аранда, и вследствие этого инквизиторы возненавидели его. Судебный процесс над доном Полем Олавиде, состоявшийся примерно в это же время, сообщил некоторые подробности, которые вызвали подозрение, что мнения графа д'Аранды по поводу чисто внешней преданности были такими же, как и у обвиняемого. Однако инквизиторы не смогли собрать достаточную массу доказательств, чтобы санкционировать судебное разбирательство против него, и он умер после того, как четыре раза был донесен святой канцелярии, но так и не предстал перед судом.

Арройо (дон Стефан д'), коррехидор Эсихи, города в Андалусии, и член королевского гражданского суда округа Гранада. Он был отлучен от церкви Кордовской инквизицией в 1664 году за то, что выступал против попыток инквизиторов расширить свою юрисдикцию за счет гражданских трибуналов.

Авалосу (дону Диего Лопесу д'), коррехидору города Кордова, в 1501 году пригрозили отлучением от церкви и заключением в тюрьму за то, что он отказался выдать двух лучников святой канцелярии, которые были доставлены в королевскую тюрьму, если от них не потребуют соответствующих документов.

Азара (дон Джозеф Николас д'), родившийся в Арагоне, последовательно был директором канцелярии министра иностранных дел, полномочным министром в Риме и чрезвычайным послом в Париже. Он опубликовал перевод *Жизни Цицерона* с примечаниями, иллюстрациями и таблицами. Он считался одним из самых образованных людей в Испании во времена правления Карла III. и его преемника. Хотя он почти всегда проживал в Италии или Франции, его имя было внесено в реестры святой канцелярии. В Сарагосе и Мадриде его осудили как философа-недоверчивца, но доказательств не было, и судебный процесс был приостановлен до предъявления ему новых обвинений.

Арагон (депутация). Смотрите предыдущую статью.

Арагон. Верховный судья Арагона был наделен верховной властью и поставлен между королем и нацией, чтобы принимать решения без апелляции, если министры короля нарушали законы, установленные в начале монархии. Даже король был обязан подчиняться решениям этого магистрата во всех конституционных делах. Чтобы предотвратить споры между двумя державами, главный судья и его трибунал были независимы от короля в уголовном судопроизводстве. Инквизиторы Сарагосы, невзирая на эти правила, возбудили дело против

верховного судьи и в 1591 году пригрозили отлучить его от церкви. Некоторый отчет об этом деле будет дан на процессе над Антонио Пересом.

Бануэлос (дон Винсент) был отлучен от церкви инквизицией Толедо за попытку защитить юрисдикцию гражданского трибунала в процессе по обвинению в убийстве.

Барселона. Смотрите предыдущую статью.

Баррьентос (комендант), рыцарь военного ордена Святого Яго, коррехидор и супрефект Логроньо, был вынужден в 1516 году отправиться в Мадрид и предстать перед генеральным инквизитором Верховного совета, чтобы просить прощения за то, что отказался оказать помощь лучникам святой канцелярии в аресте нескольких монахов. Он был подвергнут меньшему *аутодафе*, посетил мессу, стоя с факелом в руке, и получил несколько легких ударов кнутом от инквизитора; эта церемония завершилась торжественным освобождением от всех нареканий.

Беналькасар (граф де) был отлучен от церкви и подвергнут угрозе ареста инквизиторами Эстремадуры в 1500 году. Та же угроза была высказана губернатору крепости Беналькасар; их преступление заключалось в том, что они защищали свою светскую власть от притязаний святой канцелярии в случае с женщиной, которая была арестована за произнесение нескольких слов, направленных против веры.

Кампоманес (дон Педро Родригес де Кампоманес, граф де) был, пожалуй, самым выдающимся литератором Испании времен правления Карла III. и Карл IV. Он автор нескольких работ, упомянутых в *Испанской библиотеке времен Карла III*. опубликовано доном Хуаном де Семпере Гуариносом. Сначала он занимал должность королевского прокурора в Совете Кастилии и в королевской палате, губернатором которой впоследствии стал. Во всех своих работах он постоянно отстаивал независимость суверенов по отношению к Римскому суду, обязанность всех граждан государства оплачивать свою часть государственных расходов и невозможность того, чтобы спорная юрисдикция была частью церковной власти, если только это не будет предоставлено особой милостью суверена. Легко предположить, что у Кампоманеса было очень много врагов среди духовенства; святая канцелярия осудила его как антикатолического философа. Обвинений было множество, но они не доказывали, что он выдвигал какие-либо еретические положения; они лишь наводили на подозрение, что его работы противоречат духу христианства. Его пригласили присутствовать на *аутодафе* дона Пауля Олавиде, чтобы сообщить ему о наказании, которое он понесет, исповедуя те же взгляды; но хотя инквизиторы знали, что он их враг, они не осмелились пойти дальше.

Кардона (дон Педро де), генерал-капитан Каталонии. См. Главу 16.

Кастилия (Совет). См. Предыдущую статью.

Чавес (дон Грегорио Антонио де), коррехидор и субпрефект Кордовы, был отлучен от церкви и ему угрожали тюремным заключением инквизиторы Кордовы в 1660 году.

Чумасеро (Дон Хуан), граф де Гуаро, президент Совета Кастилии, посол в Риме, написал несколько работ, о которых упоминает Николас Антонио, и несколько бесед в защиту мирской власти от церковной и в пользу независимости монархов от злоупотреблений Римского двора. Инквизиторы Испании, по наущению папского нунция, обязались осудить его учение и

запретить его работы вместе с работами некоторых других авторов, писавших в том же духе, чтобы заставить их отказаться от них под страхом отлучения от церкви и тюремного заключения.

Кордова (дон Педро Фернандес де), маркиз де Приего, член муниципалитета Кордовы, подвергся преследованиям инквизиции в 1506 году. См. Главу 10.

Кордова (дон Диего Фернандес де), граф де Кабра, а также член муниципалитета Кордовы, подвергся такому же обращению. *Там же*.

Годой (Дон Мануэль), принц Мира, герцог Алькудийский, государственный секретарь Карла IV. См. Главу 43.

Гонсалес (Дон Матиас). Смотрите предыдущую статью.

Гудиэль (лицензиат). *Там же*.

Гудьель де Перальта (Дон Луис). *Там же*.

Гусман (Дон Гаспар де), граф-герцог д'Оливарес, премьер-министр Филиппа IV. См. Главу 37.

Искьердо (лицензиат). Смотрите предыдущую статью.

Ховельянос (дон Гаспар Мельхиор де), государственный секретарь департамента милосердия и правосудия при Карле IV, был одним из самых образованных людей Испании; он написал несколько брошюр о политике и различных областях литературы. В 1798 году он решил реформировать порядок судопроизводства в святой канцелярии и намеревался воспользоваться памятью, которую я сочинил в 1794 году по приказу генерального инквизитора Абад-и-ла-Сьерра; но из-за тайной придворной интриги он был объявлен инквизицией янсенистом и врагом трибунала. Карл IV. сначала его убедили сослать в его родной город Хихон в Астурии, а затем заключить в Шартрез на острове Майорка, где ему сообщили, что он должен изучать христианское учение. Такое обращение было крайне несправедливым, поскольку Ховельянос был не только добрым католиком, но и справедливым и безупречным человеком, память о котором сделает честь Испании.

Хуан (Д. габриэль де), председатель королевского апелляционного суда Майорки, был отлучен от церкви в 1531 году; он отстаивал права суверена против инквизиторов.

Лара (Дон Хуан Перес де), королевский прокурор и фискал королевского апелляционного суда в Севилье, подвергся крайне жестокому обращению со стороны инквизиторов в 1637 году, потому что он отстаивал права королевской юрисдикции в манифесте, который, как объявили инквизиторы, содержал предложения, оскорбительные для святой канцелярии.

Маканас (дон Мельхиор де). Смотрите предыдущую статью.

Муньоно (дон Джозеф), граф де Флорида-Бланка, первый государственный секретарь при Карле III и Карле IV. Он последовательно занимал должности адвоката в Мадриде, прокурора при короле и фискала Совета Кастилии, а также полномочного министра в Риме. Его известность как юриста стала причиной его возвышения, и его последующее поведение полностью оправдало сложившееся о нем благоприятное мнение. В качестве фискала он написал несколько работ. Дон Хуан Семпере Гуаринос в своем *Каталоге авторов периода правления Карла III*. включил примечания к тем, которые были напечатаны, и к тем, которые остались неопубликованными.

Среди первых есть несколько очень ценных: *совет фискала*, который он дал совету по поводу мемориала, подаренного Карлу III доном Исидро Карбахалем-и-Ланкастером, епископом Куэнсы, и по поводу *беспристрастного суждения* о записке, составленной Климентом XIII. против суверенного герцога Пармского, побудил некоторых невежественных и предубежденных священников донести на него инквизиции как на врага религии. Граф предоставил им дополнительное оружие против себя, когда высказал свое мнение в качестве прокурора-фискала о злоупотреблениях, совершенных инквизиторами при запрещении книг, и о принятой ими системе привлечения к ответственности за преступления, не связанные с доктриной. Однако инквизиторы, не найдя в его трудах ни одного утверждения, которое можно было бы квалифицировать как еретическое, побоялись продолжать судебный процесс над министром, к которому король проявлял величайшее уважение.

Мур (дон Джозеф де), председатель королевского апелляционного суда на Майорке, будучи обязанным отстаивать права трибунала против святой канцелярии, сочинил в 1615 году работу о компетентности, в которой он поддерживал королевскую юрисдикцию против церковной власти во всех спорах, не связанных с духовными проблемами. Святая канцелярия заставила автора сильно пострадать и включила его работу в *Указатель*. Филипп IV распорядился стереть его в 1641 году по просьбе Совета Кастилии.

Оссуна (герцог). См. Главу 37.

Олавиде (Дон Пауль), родившийся в Лиме, в Перу, *помощник*, то есть префекта Севильи, и управляющий городами и деревнями, недавно построенными в *Сьерра-Морене* и в Андалусии, был арестован в 1776 году и доставлен в секретные тюрьмы мадридской инквизиции; по подозрению в том, что он придерживался нечестивых взглядов, особенно Руссо и Вольтера, с которыми он поддерживал интимную переписку. Из судебного разбирательства явствовало, что Олавиде в новых городах, которыми он управлял, высказывал мнения этих философов о внешнем поклонении, которое оказывается Богу в этой стране. Обвиняемый отрицал многие вменяемые ему слова и действия; он объяснил другие, которые, возможно, были непонятны свидетелям, но он признался в достаточном, чтобы заставить инквизиторов поверить, что он втайне придерживался тех же взглядов, что и двое его друзей. Олавиде попросил прощения за свою неосторожность, но заявил, что не может этого сделать из-за преступления ереси, поскольку он никогда не терял своей внутренней веры. 24 ноября 1778 года *аутодафе* было совершено при закрытых дверях в зале мадридской инквизиции в присутствии шестидесяти высокопоставленных лиц: дон Пауль Олавиде предстал перед ними в одеянии кающегося грешника и с потушенным факелом в руке. По приговору он был признан виновным в *формальной ереси*; он должен был появиться в *церкви Сан-Бенито* с веревкой на шее, но от этого отказались, как и от обязанности носить *Сан-бенито* впоследствии. Он был приговорен провести восемь лет в монастыре и жить согласно приказам духовного наставника, выбранного инквизицией; быть изгнанным из Мадрида, Севильи, Кордовы и нового города в *Сьерра-Морене*. Его имущество было конфисковано; ему было запрещено занимать какие-либо должности или иметь почетный титул; ездить верхом или носить какие-либо драгоценности или украшения из золота, серебра, жемчуга, бриллиантов, драгоценных камней или одежду из шелка или тонкой шерсти, но только из грубой саржи или какой-либо другой ткани подобного рода. Оглашение секретарем *факта* судебного процесса над ним длилось четыре часа; фискал обвинил его в том, что он выдвинул семьдесят еретических положений, и были допрошены семьдесят два свидетеля. В заключение Олавиде воскликнул: *Что бы ни говорили фискалы, я*

никогда не терял своей веры. Ответа ему не последовало. Услышав свой приговор, он потерял сознание и упал со скамейки, на которой ему разрешили сидеть. Когда он пришел в себя и чтение приговора было закончено, он получил отпущение грехов на коленях, после того как прочитал и подписал свое исповедание веры; затем его отвезли обратно в тюрьму. Шестьдесят человек, приглашенных на эту церемонию, были герцогами, графами, маркизами, генералами, членами советов и рыцарями различных военных орденов; большинство из них были его друзьями. В силу некоторых обстоятельств судебного разбирательства эти лица были заподозрены в разделении его мнений, и приглашение было направлено на то, чтобы проинформировать их о том, чего они могут ожидать, и побудить их быть более сдержанными в разговоре. Олавиде отправился в монастырь, где его должны были заточить, но некоторое время спустя совершил побег и удалился во Францию. Он жил в Париже под именем *графа де Пило*, титула, который он никогда не носил в Испании. Через несколько лет после этого он опубликовал работу под названием "*Торжествующее Евангелие, или обращенный философ*". Это сочинение принесло ему помилование и разрешение вернуться в Испанию, где на него не было наложено никаких епитимий.

Perez (Antonio). См. Главу 35.

Рамос дель Мансано (дон Фрэнсис), граф де Франкос, наставник Карла II. и президент Суверенного совета Индии, написал несколько трактатов о политике, которые упоминает Николас Антонио. В этих трудах он отстаивает прерогативы и независимость суверенов от косвенной власти пап, злоупотреблений Римского суда и церковных судей святой канцелярии. Граф де Франкос подвергался сильным преследованиям, и его произведения были запрещены; если бы Филипп IV. не защитил его, он был бы арестован, а его книги сожжены.

Рикла (граф де), военный министр и генерал-лейтенант армии при Карле III, был обвинен святой канцелярией в том, что он принял мнения философов восемнадцатого века. Против него не было достаточных доказательств, и судебный процесс был приостановлен.

Рода (дон Мануэль де), маркиз де Рода, министр и государственный секретарь департамента милосердия и правосудия при Карле III. Он был знаменитым адвокатом в Мадриде и полномочным министром в Риме; его таланты и ученость сделали его наиболее полезным Карлу III. в важных делах, связанных с изгнанием иезуитов. Обвинение в янсенизме, выдвинутое архиепископами и епископами чрезвычайного собора, было также выдвинуто против этого министра, который нажил много врагов, консультируя Карла III. реформировать шесть великих колледжей, созданных в Саламанке, Алькале и Вальядолиде. Это разоблачение провалилось, поскольку в нем не содержалось *конкретного предложения*, заслуживающего порицания.

Сальседо (дон Педро Гонсалес де), королевский прокурор в Совете Кастилии, опубликовал трактат *О политическом праве* и некоторые другие работы, в которых он критиковал злоупотребления, совершенные судьями привилегированных трибуналов, и претензии инквизиторов и других духовных лиц на королевскую юрисдикцию. Он подвергался преследованиям, и его работы были осуждены, но Филипп IV. отменил запрет; однако некоторые отрывки впоследствии были сокращены, и они не встречаются в более поздних изданиях.

Сальгадо (дон Франсис де), член Совета Кастилии, опубликовал несколько работ в защиту королевской юрисдикции против церковной власти; о них упоминает Николас Антонио.

Римский суд осудил их; инквизиторы Испании преследовали автора, но когда они были готовы опубликовать запрещение его произведений, Филипп IV приказал им приостановить разбирательство.

Саманьего (дон Филипп де), священник, архидьякон Пампелуны, кавалер ордена Святого Иакова, советник короля, главный секретарь и переводчик иностранных языков. Его пригласили присутствовать на *аутодафе* дона Поля Олавиде, и он был так встревожен, что добровольно выдал себя. Он представил декларацию, в которой признался, что читал запрещенные книги, такие как Вольтера, Мирабо, Руссо, Гоббса, Спинозу, Монтескье, Байля, д'Аламбера, Дидро и других; что в результате такого чтения он впал в религиозный пирронизм; что, серьезно поразмыслив над этим вопросом, он решил оставаться твердо приверженным католической вере и что вследствие этого он решил потребовать освобождения его от порицаний *ad cautelam*. Трибунал постановил, что он должен подтвердить свое заявление принесением присяги. Затем они заставили его признаться, каким образом он раздобыл книги, от кого он их получил и где они находились в то время; с какими людьми он беседовал на религиозные темы и высказал свои мнения; какие люди опровергли или приняли их; кто, по-видимому, не знал об этом учении или был знаком с ним; и, наконец, как давно он знал это сам: эти заявления были условиями, на которых он должен был получить отпущение грехов. Саманьего написал заявление, в котором были замешаны почти все ученые мужи двора. Некоторые из этих людей были приглашены на *аутодафе* дона Поля Олавиде.

Сардиния (вице-король) была отлучена от церкви в 1498 году и наказана инквизиторами за то, что оказала помощь архиепископу Кальяри в переводе преступника из тюрем святой канцелярии в тюрьмы архиепископства.

Сесе (дон Джозеф де), председатель королевского апелляционного суда королевства Арагон. Этот судья написал работу, в которой собрал множество окончательных приговоров, вынесенных в ходе судебных разбирательств на предмет признания его правомочным; все они были благоприятны для светской власти. Автор стал жертвой своего рвения; он подвергся преследованиям, и его работа была запрещена, но Филипп IV добился ее отмены.

Солорзано (Дон Хуан де), член Суверенного совета Индии. Он был автором работы об *индийской политике* и нескольких других работ того же характера. Они были написаны в том же духе, что и работы Сальгадо; Солорзано и его произведения разделили его судьбу.

Сотомайор (дон Гитерре де), рыцарь-командор ордена Алькантары, брат графа де Беналькасара и губернатор одноименной крепости. Увидеть *Беналькасар*.

Терранова (маркиз де). См. Главу 16.

Толедо (королевский судья) был отлучен от церкви, заключен в тюрьму и подвергся жестокому обращению со стороны инквизиторов в 1622 году в ходе борьбы за юрисдикцию.

Вальдес (дон Антонио), член королевского совета Кастилии. Он был отлучен инквизиторами от церкви в 1639 году за то, что отказался освободить приближенных святой канцелярии, владеющих землей, от уплаты взноса.

Валенсия (вице-король), генерал-капитан, была вынуждена в 1488 году предстать перед Высшим советом инквизиции и просить прощения за освобождение солдата, содержавшегося

в тюрьмах святой канцелярии. Он испытал унижение оттого, что был вынужден участвовать в *меньшем аутодафе*.

Вера (Дон Хуан-Антонио де). Смотри главу 36.

Сарате (Диего Руис де), главный алькад Кордовы, был наказан Верховным советом в 1500 году и отстранен от должности на шесть месяцев, потому что он отказался позволить инквизиторам Кордовы присутствовать на суде над главным альгюасилем этого города.

Можно привести много других примеров, но и их достаточно, чтобы показать, что природа трибунала святой канцелярии будет противоречить независимости суверена, в то время как королевская юрисдикция смешивается с юрисдикцией инквизиторов, и в то время как члены святой канцелярии освобождены от гражданской и уголовной юрисдикции королевских трибуналов.

ГЛАВА XXVII.

О СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССАХ НАД НЕСКОЛЬКИМИ МОНАРХАМИ И ПРИНЦАМИ, ПРЕДПРИНЯТЫХ ИНКВИЗИЦИЕЙ.

Неудивительно, что инквизиция преследует магистратов и ученых мужей, когда она без колебаний нападает на королей, принцев и грандов. Некоторые авторы (особенно французские и фламандские) необычайно преувеличили описания этих процессов; некоторые из них имеют лишь смутное и слабое обоснование того, что они выдвигают, а другие наполнили свои рассказы оскорблениями и вымыслом. История взята из архивов и трудов о судебных процессах инквизиции, и я уделял больше внимания этим подлинным документам, чем рассказам тех, кто не имел таких же преимуществ. В этой главе будет содержаться *все, что, безусловно, известно* о судебных процессах инквизиции над принцами и другими властителями.

The *Святой трибунал* едва был учрежден в Арагоне, когда он напал на дона Джеймса де Наварру, которого иногда называют *Инфантом Туделы* и *Инфантом Наварры*. Его преступление было актом милосердия. Убийство Педро Арбуэса, первого инквизитора Арагона, произошедшее в 1485 году, вынудило многих знатных жителей Сарагосы обратиться в бегство. Один из этих людей отправился в Тудела-де-Наварра, где проживал Инфант Наваррский, попросил и получил убежище в его доме на несколько дней, пока не сможет совершить побег во Францию. Инквизиторы, узнав об этой гуманной акции, арестовали и отправили дона Джеймса в свои тюрьмы в 1487 году как врага святой канцелярии. Он был приговорен прослушать торжественную мессу стоя в присутствии большого стечения народа и своего двоюродного брата дона Альфонсо Арагонского (побочного сына Фердинанда V. и архиепископа Сарагосского) и получить отпущение грехов, которые, как предполагалось, он навлек на себя, после того, как подвергся *бичеванию* двумя священниками и прошел все церемонии, предписанные в таких случаях римским ритуалом.

В 1488 году инквизиция судила Джона Пика де ла Мирандолу и де Конкордию, принца, который с двадцати трех лет считался гением науки. Иннокентий VIII. побудил их к этой мере краткий отчет, адресованный Фердинанду и Изабелле, датированный 16 декабря 1487 года, в котором он сказал, что ему сообщили, что Джон Пик направляется в Испанию с намерением поддерживать в университетах и других школах королевства ошибочную доктрину нескольких

тезисов, которые он уже опубликовал в Риме и отрекся от них, что сделало его еще более виновным. Его Святейшество добавил, что он был очень огорчен, осознав, что молодость, приятные манеры и приятная беседа принца приобретут ему много сторонников; он сказал, что эти соображения побудили его просить двух суверенов арестовать принца, когда он прибудет в Испанию, поскольку страх перед телесным наказанием мог возыметь больший эффект, чем анафемы Церкви. Де ла Мирандола, несомненно, получил информацию о том, что его ожидало в Испании, поскольку он не предпринимал этого путешествия; по крайней мере, в архивах ничего об этом не найдено. Ученый историк Флери, должно быть, не знал о существовании этой буллы, поскольку он говорит, что дело принца де ла Мирандолы закончилось подавлением его тезисов в Риме в 1486 году. Этот принц опубликовал и защитил девятьсот положений по теологии, математике, физике, каббале и другим наукам. Тринадцать из них были рассмотрены и квалифицированы как еретические; автор опубликовал извинения, показывающие невежество его судей. Его противники, обнаружив, что они не могут спорить с ним, обвинили его в том, что он волшебник, и утверждали, что столько знаний у столь молодого человека может быть приобретено только путем заключения договора с дьяволом.

В 1507 году инквизиция, подстрекаемая Фердинандом V., предприняла судебное преследование и арест Сесара Борджиа, герцога де Валентинуа, шурина Джона д'Альбре, короля Наварры. Наиболее вероятно, что этот принц был бы схвачен, если бы он не был убит в том же году перед Вианой, недалеко от Логроньо, губернатором крепости Хуаном Гарсесом де лос Файосом. Сесар Борджиа был побочным сыном дон Родриго де Борджиа (впоследствии возведенного на папский престол под именем Александр VI.) и знаменитого *Ваночи*. Он был кардиналом, но в 1499 году его отец уступил ему по просьбе Людовика XII. Король Франции, усыновивший его, разрешил ему жениться на сестре короля Наварры; затем он получил титулы и поместья герцогства Валентинуа. Вскоре после смерти отца Сесара Борджиа, в 1503 году, он был арестован в Неаполе по приказу Гонсало де Кордовы, вице-короля этой монархии, под предлогом того, что он нарушил спокойствие в королевстве. Он был доставлен в Испанию и заключен в замок Медина-дель-Кампо, откуда совершил побег и бежал в Наварру. Фердинанд, обнаружив, что его племянница, королева Наварры, не отдаст ему этого принца, решил заполучить его с помощью инквизиции.

Уже говорилось, что инквизиторы не преследовали память Карла V. Но в 1565 году они были вовлечены в судебное разбирательство против Джейн д'Альбре, наследственной королевы Наварры, и против ее сына Генриха де Бурбона, впоследствии Генриха IV Французского, и его сестры Маргариты де Бурбон Альбре, которая вышла замуж за суверенного герцога Бара. Святая канцелярия, однако, не принимала активного участия в этом деле. После того, как Фердинанд V вступил во владение пятью округами королевства Наварра, называемыми *Мериндадами*, он отказался признавать ни Джейн, ни Генриха де Бурбона суверенами Наварры. Эти принцы были лишены всех своих владений, за исключением шестого *Мериндада* Наварры, папской буллой в 1512 году; Римский двор также отказывался даровать им титул королей Наварры до 1561 года. Первым, кому это было дано, был Энтони де Бурбон.

Карл V в своем завещании распорядился, чтобы право его наследников на корону Наварры было рассмотрено и чтобы она была возвращена своим законным владельцам, если она была незаконно конфискована. В 1561 году Филипп II, который еще не думал об исполнении намерений своего отца, заметив, что король Антоний де Бурбон склоняется к кальвинизму, вступил с ним в переговоры по этому вопросу. Чтобы присоединить его к католической партии,

Филипп пообещал добиться расторжения его брака с Джейн, которая была еретичкой, побудить его святейшество отлучить ее от церкви и передать ему ее владения с согласия королей Франции и Испании; восстановить Наварру или отдать остров Сардиния в обмен на это и договориться о браке между ним и Марией Стюарт, королевой Шотландии. Энтони принял это предложение, но умер прежде, чем оно успело быть исполнено. Затем Филипп, благодаря интригам своих агентов в Риме, добился отлучения от церкви Джейн д'Альбре и того, что ее владения должны быть предложены первому католическому принцу, который вступит во владение ими при условии изгнания еретиков. 28 сентября 1563 года Пий V. опубликовал буллу, отлучающую королеву Джейн от церкви за то, что она приняла ересь Кальвина и распространяла его доктрины в своих штатах; и согласно требованию прокурора-фискала инквизиции, его Святейшество вызвал ее в Рим в течение шести месяцев для ответа на эти обвинения.

Екатерина Медичи, регентша Франции, которая тогда примирилась с принцем Конде, братом покойного короля Наваррского, была недовольна римской инквизицией; и, чтобы прекратить разбирательство, отправила чрезвычайного посла к папе с очень ученым меморандумом, который был напечатан вместе с буллой в *Воспоминаниях принца де Конде*.

Карл IX и Екатерина Медичи, его мать, написали Филиппу II (который был женат на Елизавете Французской, дочери Екатерины) и сообщили ему о произошедшем, прося, чтобы он действовал заодно с ними. Филипп ответил, что он не только не одобряет поведение римского двора, но и предлагает защитить принцессу Джейн от любого, кто попытается лишить ее состояния. Однако из писем французского короля кардиналу д'Арманьяку было доказано, что Филипп в то же время предлагал помощь католическим подданным Джейн, чтобы побудить их восстать против нее, и что он тайно ввел испанские войска на ее территорию. Это событие положило начало конфедерации, известной под названием *Католическая лига*, которая является частью историй *месье де Варильяса* и секретных мемуаров *месье де Виллеруа*.

Испанский монарх пытался добиться с помощью испанской инквизиции того, в чем ему было отказано римской. Генеральный инквизитор кардинал Эспиноза совместно с кардиналом Лотарингским вызвал на допрос нескольких свидетелей, чтобы доказать, что Джейн д'Альбре и ее дети были гугенотами, и что, поскольку они поощряли эту ересь в своих штатах, она могла распространиться в Испании. Эспиноза (который притворился, что Филипп не знал о его действиях) сообщил совету, что необходимо сообщить об этом обстоятельстве его величеству и умолять его сделать все, что в его силах, чтобы помешать Джейн преследовать католиков.

Филипп тайно руководил делами *Лиги* во Франции посредством связи с главарями партии; и в соответствии с его приказами генеральный инквизитор организовал заговор с целью похитить королеву Наваррскую и двух ее детей и заключить их в темницы инквизиции Сарагосы. Он надеялся преуспеть в этом предприятии благодаря помощи, оказанной ему кардиналом де Лорреном и другими главарями *Лиги*.

Те французские историки, которые писали после этого периода (такие как аббат Сен-Реаль, Мерсье и другие), пытались свалить всю ненависть к этому заговору на Филиппа II и герцога Альва; но поскольку истина - первейший долг историков, я вынужден сказать, что его авторами были Де Гизы. Николя де Невиль, сеньор Виллеруа, министр и первый государственный секретарь в правление Карла IX, Генриха III, Генриха IV и Людовика XIII, оставил подробности этого дела в *Мемуарах*, которые были найдены после его смерти среди его бумаг и которые были

напечатаны вместе со многими другими под названием "*Секретные мемуары месье де Виллеруа*". Этот автор, который был современником и знаком с секретами правительства, кажется, заслуживает доверия больше, чем кто-либо другой.

Филипп II воспользовался этой попыткой, хотя она полностью провалилась; и написал папе, чтобы сообщить, что его подданные по соседству с Францией могут впитать ересь, и потребовал и получил приказ отделить от епископства Байонны деревни долины Бастан и деревни первосвященства Фонтарабии.

В 1563 году инквизиция Мурсии осудила другого принца, по имени дон Филипп Арагонский. См. Главу 23.

В 1589 году принц Александр Фарнезе, генерал-губернатор Нидерландов и Фландрии, дядя Филиппа II, был выдан инквизиции Испании по подозрению в лютеранстве и покровительстве еретикам; также говорилось, что он намеревался стать сувереном Фландрии, с этой целью он ухаживал за протестантами. Никаких доказательств ереси представлено не было, и генеральный инквизитор приостановил разбирательство. Хотя враги принца Фарнезе прилагали все усилия, чтобы погубить его, Филипп не лишил его поста, и он оставался губернатором Нидерландов до своей смерти в 1592 году. Говорили, что он был отравлен Филиппом II.

Кардинал Кирога и Совет инквизиции относились к Верховному понтифику Сексту Квинту без особого уважения. Этот папа опубликовал перевод Библии на итальянский язык и предварял его буллой, в которой рекомендовал всем прочесть ее, говоря, что верующие извлекут из нее наибольшую пользу. Такое поведение папы противоречило всем правилам со времен Льва X. Все доктринальные труды были запрещены к написанию на вульгарном языке в течение пятидесяти лет в соответствии с указателем обличения собора и инквизициями Рима и Мадрида. Кардиналы, Кирога в Мадриде, Толедо в Риме и другие, представляли Филиппу II, что из этого возникнет великое зло, если он не воспользуется своим влиянием, чтобы заставить папу отказаться от своего замысла. Филипп поручил графу д'Оливаресу переговорить с понтификом; граф подчинился, но с риском для своей жизни, поскольку Секст Квинт был готов лишить его этого права, не уважая права наций или привилегии Оливареса как посла.

Этот грозный папа умер в 1592 году, и Филиппа подозревали в том, что он сократил свои дни с помощью медленного яда. После этого события инквизиция Испании, получив свидетелей, доказывающих, что *непогрешимый* оракул закона был покровителем еретиков, осудила Секстинскую Библию, как они уже осудили Библию Кассиодора де Рейна и многих других.

Против дона Иоанна Австрийского, внебрачного сына Филиппа IV, было возбуждено подготовительное дело, но разбирательство было приостановлено королем. Это событие было вызвано интригами генерального инквизитора Джона Эверарда Нитардо, который был смертельным врагом дона Джона; и некоторые люди были признаны достаточно низменными, чтобы обвинить брата короля в лютеранстве, чтобы польстить ему.

Гранды Испании могут быть причислены к принцам, поскольку Карл V объявил, что они обладают этим титулом и что они равны по рангу правителям Кругов Германии; они также имели

привилегии сидеть и покрываться в присутствии короля, как, например, при коронации императора.

К числу принцев, униженных инквизицией, следует отнести следующих лиц. Маркиз де Приего, великий магистр военного ордена Монтеса, герцог де Гандия, святой Франциск де Борджиа, блаженный Хуан де Рибера, достопочтенный дон Хуан де Палафокс и многие другие, среди которых было несколько дам. Ни одно из этих судебных процессов не привело к каким-либо серьезным результатам; обвиняемые получили лишь строгий выговор, за исключением дела вдовствующей маркизы д'Альканьес, которая была заключена в монастырь Святой Екатерины в Вальядолиде. Все эти люди были невиновны; единственным основанием для обвинений была их близость с докторами Педро и Августином Касаллами, братом Домиником де Роксасом и доном Педро Самьенто де Роксасом: их также обвиняли в том, что они слышали разговоры об оправдании и не доносили на них.

ГЛАВА XXVIII.

О ПОВЕДЕНИИ СВЯЩЕННОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ТЕМ СВЯЩЕННИКАМ, КОТОРЫЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЯЛИ ТАИНСТВОМ ИСПОВЕДИ.

В то время как инквизиция была занята преследованием миролюбивых лютеран, они были вынуждены принять меры для наказания католических священников, которые злоупотребляли служением исповеди, соблазняя своих кающихся. Инквизиторы были вынуждены действовать в этом деле с большой сдержанностью и осторожностью, чтобы не снабдить лютеран новыми аргументами против исповеди через ухо, а католиков - поводом для того, чтобы реже прибегать к ней.

18 января 1556 года Павел IV. обратился с кратким посланием к инквизиторам Гранады, в котором его Святейшество приказал им преследовать в судебном порядке тех священников, которых *общественный голос* обвинил в совращении, и не помиловать *ни* из них. Он также рекомендовал им выяснить, является ли доктрина священников о таинстве покаяния ортодоксальной и необходимо ли следовать курсу, предписанному для судебного преследования еретиков. Инквизиторы передали эту сводку архиепископу Гранады и Совету инквизиции, который в ответ сообщил им, что публикация сводки в обычной форме создаст большие неудобства и что необходимо действовать осмотрительно и умеренно.

По этой причине архиепископ созвал кюре и других священнослужителей, в то время как инквизиторы сделали то же самое с прелатами регулярных общин, чтобы рекомендовать им уведомить о наказе папы всех исповедников, чтобы они могли быть более строгими в своем поведении в будущем и чтобы люди не были ознакомлены с приказом его Святейшества. В то же время была получена информация против тех, кто находился под подозрением, а некоторые виновные были наказаны частным образом под другими предлогами.

Эта мера убедила папу в том, что злоупотребления распространялись не только на королевство Гранада; и в 1561 году он направил генеральному инквизитору Вальдесу краткое послание, уполномочивающее его возбудить дело против исповедников, виновных в этом преступлении во владениях Филиппа, как если бы они были еретиками. Поскольку эта булла не затронула

генеральных инквизиторов, сменивших Вальдеса, несколько других были впоследствии отправлены в отставку.

Было принято зачитывать *Эдикт о доносах* в церквях каждый год, в одно из воскресений Великого поста, и по мере увеличения числа преступлений в Эдикт добавлялись новые статьи. Инквизиторы некоторых провинций ввели наказание священников, совращавших своих кающихся, и Райнальдус Гонсалвиус Монтанус, говоря о событиях в Севилье после опубликования этого эдикта, заявляет, что он был опубликован в 1563 году и что доносов было так много, что нотариусы святой канцелярии отказались их принимать, и что инквизиторы были вынуждены прекратить судебное преследование преступников.

Эдикт был опубликован только в 1564 году, и доносов было гораздо меньше, чем он утверждает. Доносы прекратились, потому что обязанность, возложенная на кающихся, доносить на преступников, была отменена Верховным советом. Впоследствии было опубликовано несколько других указов по этому вопросу, и они были составлены таким образом, чтобы охватить большое количество случаев.

Это преступление никогда не карается на публичном *аутодафе*, потому что это может помешать верующим исповедаться самим. *Аутодафе* проводилось в зале святой канцелярии; на него были вызваны светские исповедники, по двое от каждого заведения города и четверо от заведения осужденного, если таковые имелись. Никому из мирян не разрешалось присутствовать, кроме нотариусов. Когда приговор и мотивы его были зачитаны, глава инквизиции призвал преступника признать свое преступление и подготовил его к отречению от всех ересей в целом и от той, в которой его подозревали, в частности. Затем он встал на колени, произнес свое исповедание веры и подписал отречение от престола: инквизитор освободил его *ad cautelam* от всех порицаний, которые он навлек на себя: этот акт положил конец *аутодафе*, преступник был доставлен обратно в тюрьму, а на следующий день его перевели в монастырь, в который он должен был быть заключен в соответствии с его приговором. Исповедникам, присутствовавшим на этой церемонии, было приказано сообщить об этом другим, чтобы удержать их от совершения того же преступления.

ГЛАВА XXIX.

О СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССАХ, ВОЗБУЖДЕННЫХ ИНКВИЗИЦИЕЙ ПРОТИВ ПРЕЛАТОВ И ИСПАНСКИХ ВРАЧЕЙ ТРИДЕНТСКОГО СОБОРА.

Прелаты.

Восемь почтенных прелатов и девять докторов богословия, которые были направлены Испанией на Тридентский собор, подверглись тайному нападению инквизиции своей страны. По особым обстоятельствам, а не по воле инквизиторов, некоторые из этих процессов были приостановлены до того, как было предпринято какое-либо покушение на свободу врачей.

О судебном процессе над архиепископом Толедским следовало бы рассказать в этом месте, но его важность и интерес делают его достойным отдельной главы.

Дон Педро Герреро, уроженец Леза-де-рио-Леза, в Риоксе, архиепископ Гранады, был одним из тех прелатов, которые благодаря своей учености и добродетели имели наибольшее влияние на Тридентский собор. Он был привлечен к уголовной ответственности инквизицией Вальядолида за благоприятное мнение, высказанное им в 1558 году о Катехизисе Каррансы, и за письма, которые он написал ему в следующем году. Было также известно, что он голосовал за архиепископа в комиссии, нанятой Тридентским советом для изучения его книги, а также в особой конгрегации этого собрания, которая одобрила его поведение в 1563 году. Герреро предотвратил опасность, отказавшись от своего мнения в 1574 году, когда ему сообщили о склонностях Филиппа на этот счет. Затем он высказал новое мнение, полностью отличное от первого, убедив, что оно будет отправлено в Рим, что фактически и было сделано, чтобы усилить обвинения против Каррансы: это подтверждается письмом Верховного Совета Филиппу II., в котором сообщается, что порицания, которые его величество потребовал от архиепископа Гранады, были подготовлены, и что было абсолютно необходимо отправить их в Рим, потому что следовало опасаться, что дело скоро завершится, что судебный процесс продолжится быстро[33], и что было необходимо отправить этот документ из-за высокого уважения, которым пользовалось мнение архиепископа в Риме.

Было бы трудно составить точное представление об интригах, которые были пущены в ход, чтобы добиться от Герреро столь противоположного мнения. В особом кратком сообщении папа повелел, чтобы те цензоры, которые были благосклонны к Катехизису, снова изучили его и осудили, а затем высказали свое мнение о неотредактированных произведениях Каррансы. По прибытии этого отчета кардинал Кирога, пользовавшийся доверием короля, отправил людей, на которых он мог положиться, к архиепископу Гранады, чтобы побудить его возобновить свое порицание, не говоря, что он делал это раньше, чтобы соответствовать намерениям короля, но как будто он делал это только по приказу его Святейшества. Эта интрига подтверждается частными инструкциями, которые Кирога дал своим посыльным. Следует признать, что поведение архиепископа Гранады не делает чести его памяти, но следует также помнить, насколько грозной была политика Филиппа II. оказал ему, и что Герреро был преклонных лет.

Дон Франсиско Бланко, родившийся в Капильясе, в епископстве Леон, был епископом Оренсе и Малаги, когда на него было заведено уголовное дело по подозрению в лютеранстве по той же причине, что и на Герреро.

Арест Каррансы настолько встревожил Бланко, что он немедленно написал генеральному инквизитору и отправил ему несколько неотредактированных работ архиепископа Толедского. Он получил приказ отправиться в Вальядолид, где поступил в монастырь августинцев: он сделал свои заявления 14 сентября и 13 октября 1559 года, признал два своих одобрения, но заявил, что не может согласиться утвердить их, пока не пересмотрит книгу, поскольку он дал их без размышлений и находился только под влиянием высокой репутации Каррансы. Невозможно читать его заявления и письма, которые он писал генеральному инквизитору, не ощущая крайнего ужаса, охватившего его. Он прибегнул к тому же средству, что и Герреро, чтобы выпутаться из затруднительного положения. Этот прелат умер в 1581 году, написав несколько сочинений, о которых упоминает Николас Антонио.

Дон Франсиско Дельгадо, уроженец Вилья-де-Пен в Риоксе, основатель старейшинства графов де Берберана, епископ Луго, а затем Хаэна и один из отцов Тридентского собора, подозревался

в ереси по тем же причинам, что и два предыдущих прелата. Он избежал грозившего ему приговора, отказавшись от своего мнения в 1574 году.

Дон Андрес Куэста, епископ Леона, был привлечен к ответственности по той же причине. Генеральный инквизитор написал ему перед арестом Каррансы, чтобы узнать, положительно ли он отзывался о его Катехизисе. Епископ ответил утвердительно и прислал ему копию своего заключения. Вальдес сохранил этот документ, но не смог им воспользоваться. Поскольку архиепископ Толедский к тому времени был арестован, начался суд над епископом Леонским, и генеральный инквизитор решил вызвать его в Вальядолид. Вальдес сообщил королю об этом решении, и тот написал Куэсте, сказав, что все, что должно быть сделано, делается во имя дела Божьего и на службе его величеству. Епископ Леона подчинился без сопротивления, и 14 октября 1559 года он был допрошен Советом инквизиции в присутствии всех его членов. Ему показали мнение, которое он высказал о катехизисе в 1558 году, и он признал его своим, но сказал, что если он изучит его еще раз, то сможет иначе судить о доктрине Каррансы. Он вернулся в свою епархию и отправил генеральному инквизитору еще одно благоприятное заключение о катехизисе; оно было основано на многих доктринальных соображениях, которых он не высказал в том, что отправил Каррансе. Его письма, заявления и мнения демонстрируют смелый и сильный ум, что может привести к мысли, что его не заставляли отречься в 1574 году или что суд над ним возобновился в тот период; поскольку генеральный инквизитор и Верховный совет, придя к выводу в 1560 году, что суд над Каррансой причинил им много хлопот и замешательства, решили *приостановить* суды над другими епископами до тех пор, пока не станет известен результат первого.

Дон Антонио Горрионеро, епископ Альмерии, подвергся судебному преследованию за свое положительное мнение о Катехизисе и некоторых письмах, которые он написал по этому вопросу. Однако он присутствовал на третьем созыве Тридентского собора, который состоялся в 1560 году, и в последующие годы.

Дон Фрай Мельхиор Кано, родившийся в Таранконе, провинция Куэнса: он оставил епископство Канарских островов и присутствовал на второй сессии Тридентского собора в 1552 году. Он был членом ордена Святого Доминика, так же как и Карранса, и его соперником в правительстве и управлении делами своего ордена, особенно после того, как Карранса получил предпочтение, когда они оба были кандидатами на должность провинциала Кастилии. Когда Катехизис был передан инквизиции, Вальдес поручил Кано изучить его, делая вид, что благоволит к его автору, выбирая специалистов из числа монахов своего ордена, но в то же время не сомневаясь, что мнение отца Мельхиора будет неблагоприятным.

Фрей Мельхиор изучил катехизис и некоторые неотредактированные работы Каррансы; но, похоже, он не соблюдал строго секретность, рекомендованную инквизиторами, поскольку Карранса получил информацию о происходящем, когда был во Фландрии, и написал Фрей Мельхиору, который ответил ему из Вальядолида в 1559 году. Примерно в это же время отец Доминик де Роксас и некоторые другие лютеране, заключенные в секретные тюрьмы святой канцелярии, сообщили о некоторых фактах, которые вызвали некоторые подозрения в отношении отца Мельхиора.

Однако начатое против него судебное преследование не имело результата; ибо в то время, когда генеральный инквизитор собирался сделать Кано выговор, он предложил ему посвящение своего трактата "*О богословских локисах*", которое было принято; и поскольку у

него не было времени опубликовать его, он оставил его генеральному инквизитору в своем завещании незадолго до своей смерти, которая произошла в 1560 году. Его осуждение Катехизиса Каррансы и некоторых положений, которые он выдвигал против архиепископа и которые вызвали подозрения в вере этого прелата, способствовали тому, что он избежал наказания. Его клеветнические высказывания в адрес Каррансы, без сомнения, были причиной того, что его считали его разоблачителем.

Дон Педро дель Фраго, епископ Хаки, родился в 1490 году в Ункастильо, в епархии Хаки. Педро учился в Париже и стал доктором Сорбонны: он выучил иврит и греческий и считался одним из лучших латинских поэтов своего времени. Он был назначен богословом при Карле V. на первом созыве Тридентского собора; он помогал на нем в 1545 году, а когда в 1551 году состоялось второе собрание, он произнес латинскую проповедь отцам церкви в день Успения: эта речь является частью сборника документов, относящихся к собору. В 1561 году Филипп II назначил его епископом Алгера на Сардинии, и в этом качестве он присутствовал на третьем созыве собора. Сначала дон Педро был назначен епископом Хаки в 1572 году; а в следующем году, когда ему было шестьдесят четыре года, Совет инквизиции приказал инквизиторам Сарагосы собрать информацию против этого достойного прелата, подозреваемого в ереси, поскольку было объявлено, что он не исповедовался сам и что у него не было постоянного духовника; его также обвинили в том, что он недостаточно торжественно отслужил мессу. Удивительно, что собор признал эти обвинения, поскольку епископ не обязан иметь постоянного духовника, и никому не обязательно исповедоваться, чтобы общественность могла быть проинформирована об этом. Другое обвинение, выдвинутое против шестидесятичетырехлетнего старика, показывает, что не было ничего более серьезного, в чем его можно было бы обвинить. Филипп II в награду за его заслуги в 1577 году даровал дону Педро епископство Уэска, где тот основал епископальную семинарию. Он умер в 1584 году. Он провел синод в Уэске, на котором утвердил конституции, которые сам составил и распорядился напечатать; он также составлял Дневник самых замечательных событий Тридентского собора с 1542 по 1560 год и много латинской поэзии.

Среди докторов богословия Тридентского собора, подвергшихся преследованиям или наказанию инквизиции, самым знаменитым является *Бенедикт Ариас Монтано*, возможно, самый сведущий человек своего времени в восточных языках.

Несколько городов Испании оспаривали честь быть местом его рождения. Монтано понимал иврит, халдейский, сирийский, арабский, греческий, латынь, французский, итальянский, английский, голландский и немецкий языки: он раздавал милостыню королю, был кавалером ордена Святого Яго и доктором богословия в университете Алкалы.

Поскольку в продаже больше не было экземпляров *многоязычной* Библии кардинала Хименеса де Сиснероса, Филиппу II был представлен знаменитый Плантен, печатник из Антверпена. преимущества, которые могут возникнуть в результате выхода нового издания с исправлениями и дополнениями. Король одобрил этот план и в 1568 году назначил Ариаса Монтано директором предприятия; он отправился во Фландрию, чтобы осуществить намерения этого монарха и составить Очистительный указатель, известный как "Индекс герцога Алвы". Чтобы сделать повторное воспроизведение Библии Полиглотта как можно более совершенным, было приобретено большое количество неопубликованных экземпляров Библии на всех языках; этот великий труд состоит из восьми томов-фолиантов. Святые Пий V и Григорий XIII. выразили свое

одобрение выполнению этого обязательства, в частности, в записках, адресованных их нунциям во Фландрии. Ариас Монтано отправился в Рим и лично вручил копию Папе римскому: по этому случаю он произнес очень красноречивую речь на латыни, которая доставила большое удовольствие папе и кардиналам. Король Испании подарил эти Библии всем князьям христианского мира: она была названа *Королевской Библией*, потому что это было сделано по приказу короля; *Филиппинской*, от его имени; *Антверпенской*, потому что она была напечатана в том месте; *Плантинской*, от имени печатника; *Полиглотской*, потому что была написана на нескольких языках; и *Монтано*, потому что он руководил этим, хотя ему помогали многие ученые мужи из университетов Парижа, Лувен и Алькала-де-Энарес.

Ариас вернулся в Испанию, где приобретенная им репутация привела к тому, что многие люди стали его врагами, особенно среди иезуитов, потому что он не посоветовался с Диего Лайнесом, Альфонсо Сальмероном или другими иезуитами Тридентского собора: он нажил еще одного врага в лице Леона де Кастро, светского священника, профессора восточных языков в Саламанке, потому что он не посоветовался с университетом и не нанял его на работу. Уверенность в том, что он будет защищен иезуитами, побудила его донести на Ариаса Монтано римской инквизиции: это донесение было на латыни; другое, на испанском, он адресовал Верховному совету в Мадриде. Леон де Кастро обвинил его в том, что он привел еврейский текст Библии в соответствии с еврейскими рукописями и привел эту версию в соответствие с мнениями раввинов, не принимая во внимание мнения отцов церкви. Он также квалифицировал его как подозреваемого в иудаизме, потому что тот притворился, что носит титул раввина, *учителя*; это, однако, может быть расценено как клевета, поскольку в экземпляре этой Библии, который я видел, его заглавной буквой является *Талмуд*, что означает *ученик*. Другие обвинения были выдвинуты против него иезуитами. Леон де Кастро, которому не терпелось увидеть Ариаса арестованным, написал 9 ноября 1576 года дону Фернандо де ла Вега де Фонсека, *верховномусоветнику*, и возобновил свой донос, показывая своим письмом, что им двигало только негодование от того, что его притворное рвение было так плохо вознаграждено. Нет сомнений, что Ариас был бы арестован, если бы он не находился под защитой короля и если бы папа не выразил свое одобрение его Библии специальной запиской; однако он счел необходимым отправиться в Рим, чтобы оправдаться.

Леон де Кастро распространил копии своего доноса, и иезуиты сделали то же самое. Он подвергся нападкам со стороны брата Луиса Эстрады в речи, обращенной к Монтано, в 1574 году; и его донос был также опровергнут Педро Чаконом, другим ученым испанцем, который доказал, какой вред нанесет христианская религия, если будет признано, что еврейские рукописи были фальсифицированы. Де Кастро опубликовал ответ, который он назвал *извиняющимся*.

Ариас вернулся из Рима, и он мог рассчитывать на благосклонность короля; он не был арестован, но заключен в город Мадрид. Совет постановил, что копия доносов должна быть передана ему; Ариас ответил на обвинения и опроверг их, намекнув, что это нападение было заговором иезуитов.

Генеральный инквизитор по согласованию с советом назначил различных теологов в качестве квалификаторов на процессе над Ариасом и передал им донос де Кастро и его извинения, ответ обвиняемого и два сочинения Эстрады и Чакона. Главным цензором был Хуан де Мариана, иезуит, который считался очень сведущим в восточных языках и теологии. Этот выбор, на

который иезуиты оказали некоторое влияние, побудил их предположить, что Ариас будет осужден. Однако они были разочарованы, ибо, хотя Мариана заявила, что Многоязычная Библия полна ошибок и неточностей, он признал, что они не имеют значения и не заслуживают богословского порицания. Это решение побудило совет вынести решение в пользу Ария, которому вскоре после этого сообщили, что он добился своего в Риме. Иезуиты так и не простили Мариану его беспристрастности, и впоследствии они сделали его жертвой инквизиции.

Доктор Дон Диего Собаньос, ректор университета Алькала, богослов третьего созыва Тридентского собора, не только выразил положительное мнение о Катехизисе Каррансы, но главным образом своим влиянием на богословов своего университета побудил их одобрить этот труд. Он предстал перед инквизицией Вальядолида и был приговорен к денежному взысканию и освобождению *ad cautelam* от порицаний, которые он навлек на себя, одобряв Катехизис.

Диего Лайнес, уроженец Алмазана, епархии Сигуэнса, второй генеральный Общества Иисуса, был выдан инквизиции по подозрению в лютеранстве и ереси *иллюминатов*. Иезуиты не простили Вальдеса за то, что он преследовал их генерала, и они способствовали его отстранению от должности в 1566 году. Диего Лайнесу, находившемуся в Риме, удалось избежать юрисдикции инквизиции Испании.

Брат Хуан де Регла, иеронимит, который был духовником Карла V. и провинциалом его ордена в Испании, богослов Тридентского собора второго созыва, был арестован инквизицией Сарагосы по доносу иезуитов по подозрению в лютеранстве: он отрекся от восемнадцати положений, был освобожден и подвергнут епитимье.

Брат Франсиско Вильяльба, иероним из Монтамарты, родившийся в Саморе, был одним из богословов второго Тридентского собора и проповедником Карла V. и Филиппа II. Он присутствовал при смерти императора и произнес надгробную речь. Филипп II. часто советовался с ним. Инквизиция Толедо начала судебный процесс против него как лютеране и потомка евреев. Это произошло из-за зависти некоторых монахов его ордена, которые донесли на него. Генерал его ордена и его помощники навели справки о генеалогии Вильяльбы и обнаружили, что он не происходил ни от евреев, ни от каких-либо лиц, наказанных инквизицией. Защита короля помешала инквизиции получить свидетелей достаточно быстро, чтобы обосновать обвинения, и они не осмелились арестовать его без дополнительной информации. В этот период, в 1575 году, Вильяльба умер в Эскуриале, оставив среди честных испанцев репутацию доброго католика.

Отец Мишель де Медина, францисканец, был теологом Тридентского собора третьего созыва. Он родился в Беналькасаре и стал членом колледжа святых Петра и Павла при университете Алькалы и настоятелем монастыря францисканцев в Толедо; он умер в 1578 году в секретных тюрьмах этого города после того, как был приговорен по подозрению в исповедании взглядов Лютера. Это обвинение было вызвано его большим уважением к теологическим трудам брата Хуана де Феро, монаха его ордена. Он опубликовал некоторые из своих работ, которые были разоблачены инквизицией, и Медина написал за них апологию, которая была помещена в указатель кардиналом Кирогой в 1583 году. Николас Антонио упоминал о некоторых работах Медины и утверждает, что он оправдывал себя своим учением. Это утверждение неточно, поскольку Медине было объявлено о подозрении, и каким бы невиновным его ни считали, его

деяния были осуждены, и он был бы вынужден отречься от престола и получить отпущение грехов *ad cautelam*, если бы смерть не остановила ход его судебного процесса.

Брат Педро де Сото, доминиканец, духовник Карла V. и первый богослов папы Пия IV. в третьем созыве Тридентского собора. Он подвергся преследованию инквизицией Вальядолида в 1560 году по подозрению в лютеранстве: это подозрение было основано на заявлениях некоторых сообщников Касальи, на благоприятном мнении, высказанном братом Педро о Катехизисе Каррансы, на его письмах архиепископу, на его попытках побудить брата Доминика де Сото отказаться от своего первоначального мнения об этой работе и одобрить ее, а также на том, что он сказал на соборе. Педро де Сото не был арестован, поскольку он умер в Тренте в 1563 году, во время первых слушаний по его делу. Он был доставлен Филиппом II. в Англию, чтобы трудиться на благо религии. Николас Антонио упоминает о своих работах.

Брат Доминик де Сото, доминиканец, профессор в Саламанке, присутствовал на двух первых созывах Тридентского собора; он обладал большими познаниями в теологии, но проявил себя полным обманом и без всякой решимости, когда, желая одновременно поддержать две враждующие стороны, потерял уважение обеих. Отчет о его поведении по отношению к доктору Эгидиусу уже был дан. Он не проявил большей искренности в деле своего товарища по учебе, архиепископа Толедо. Инквизиторы Вальядолида поручили ему изучить Катехизис Каррансы и осудить его: он отметил двести положений как *еретические, плохо звучащие* или *благоклонные к еретикам*. Архиепископ, узнав о его поведении, в сентябре 1558 года написал Педро де Сото, чтобы пожаловаться на брата Доминика, и умолял его встать на его сторону и защитить его. Результатом этого письма стала эпистолярная переписка, и когда Карранса был арестован, письма были найдены среди его бумаг: среди них было одно, заслуживающее особого внимания; в нем брат Доминик рассказывает о судебных процессах, которым его подвергли инквизиторы Вальядолида, и о насилии, которое было применено, чтобы заставить его осудить Катехизис, как он это сделал, хотя он сказал, что считает его хорошим и соответствующим здоровой доктрине. Эти слова послужили поводом для суда над ним, и несомненно, что его арестовали бы и отправили в секретные тюрьмы; но он умер 17 декабря 1560 года, когда судебный процесс над ним начал приобретать опасный характер.

Брат Хуан де Луденья, доминиканец, родился в Мадриде, настоятель монастыря Святого Павла в Вальядолиде и автор нескольких противоречивых работ против лютеран. Он был привлечен к ответственности инквизицией Вальядолида в 1559 году за лютеранство, потому что он положительно отзывался о Катехизисе Каррансы. Его не доставили в тюрьму, но он появился на *слушаниях по предъявлению обвинений* в зале трибунала. Он оправдывал себя тем, что лишь бегло прочитал работу из-за своей большой уверенности в добродетели автора и потому, что не обнаружил никакой ошибки в доктрине: он был приговорен к личной епитимье, которая вовсе не была унижительной. Эта предосторожность, не позволившая суду над ним стать публичным, дала ему свободу присутствовать на третьем созыве Тридентского собора в качестве прокурора епископа Сигуэнцы и проповедовать перед отцами этого собрания в первое воскресенье Адвента 1563 года. Если бы у Луденьи хватило смелости отстоять свое порицание, он, несомненно, был бы сурово наказан.

К этому сообщению добавлен список других прелатов, преследуемых инквизицией, но те, кто упоминался в предыдущих главах, опущены.

Абад-и-ла-Сьерра (дон Августин), епископ Барбастро. В 1796 году в Мадриде его обвинили в янсенизме, потому что он переписывался с некоторыми французскими епископами, принявшими присягу. Этот донос не возымел никакого результата. Второй раз на него напали при Сарагосе в 1801 году. Его обвинители возобновили обвинение в переписке с французскими епископами, и то, что он разрешил брак в соответствии с королевским приказом, было вменено ему как преступление. Это обвинение провалилось так же, как и первое.

Абад-и-ла-Сьерра (дон Мануэль), архиепископ Селимбрии *in partibus infidelium*, генеральный инквизитор после дона Августина Рубина де Севальоса. В 1794 году Карл IV приказал ему оставить свой пост и удалиться в Сопетран, бенедиктинский монастырь недалеко от Мадрида. Дон Мануэль обладал большими талантами и глубокой образованностью; его мнения были просвещены в высшей степени. В 1793 году этот прелат приказал мне составить для него план учреждения ученых квалификаторов для осуждения книг и людей. Ознакомившись с принципами моей системы, он поручил мне написать работу, разоблачающую пороки процедуры священной канцелярии, и предложить еще одну, полезную для религии и государства. Когда этот прелат лишился поста генерального инквизитора, фанатичный монах обвинил его в янсенизме, но этой информацией пренебрегли.

Аррельяно (дон Джозеф Ксавьер Родригес д"), архиепископ Бургоса и член чрезвычайного совета Карла III. Этот прелат написал большое количество работ о богословских принципах *Краткого изложения святого Фомы*, которым учат доминиканцы и которые противоречат морали иезуитов. Сторонники иезуитов и некоторые друзья инквизиции осудили Аррельяно как янсениста, потому что он выражал мнения, благоприятные для светской власти, и защищал королевские и гражданские власти от святой канцелярии. Инквизиторы не могли извлечь никакой выгоды из этого доноса, потому что в нем не было выражено никакого конкретного предложения.

Буруага (Дон Томас Саенс де). Он был архиепископом Сарагосы и подвергался той же опасности, что и Аррельяно.

Музквис (Дон Рафаэль де), родился в Виане в Наварре. Он раздавал милостыню и был проповедником при Карле III. и Карле IV., духовником королевы Луизы, последовательно епископа Авильского и архиепископа Сантьяго. Он был замешан в делах дона Антонио де ла Куэсты и его брата, и этого было достаточно, чтобы побудить инквизиторов привлечь его к ответственности. Этот прелат был одним из гонителей двух братьев. Карл IV, приказав представить ему материалы судебного процесса, раскрыл интригу и приговорил архиепископа к уплате значительного штрафа и выговору.

Акунья (Дон Антонио), епископ Саморы, командующий одной из армий Кастилии, которые были подняты народом для войны *Общин* против угнетения фламандцев, правивших Испанией от имени Карла V. Этот принц пожелал, чтобы епископ и священники, участвовавшие в войне как солдаты, были наказаны инквизицией как подозреваемые в ереси, потому что они действовали вопреки духу мира, которому учили Иисус Христос и его Апостолы, и вопреки духу Католической церкви. Лев X, однако, притворился, что было бы скандалом, если бы епископ был наказан святой канцелярией; и что было бы достаточно, если бы его судили в Риме, а священников - их епархиальными прелатами.

Ла Плана-Кастильон (дон Джозеф де), епископ Таррагоны. Он был членом чрезвычайного совета, созданного Карлом III. Инквизиторы отметили его как янсениста по тем же причинам, что и *Арельяно*.

Мендоса (Дон Альварес де), епископ Авильский. Он был внесен в списки инквизиции как подозреваемый в ереси, судя по заявлениям некоторых свидетелей на процессе Каррансы.

ГЛАВА XXX.

О СУДЕБНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ НЕСКОЛЬКИХ СВЯТЫХ ИНКВИЗИЦИЕЙ.

Уже приводился отчет о преследованиях дона Фердинанда де Талаверы, первого архиепископа Гранады; Хуана Давилы, прозванного Апостолом Андалусии; и Сан-Хуана де Диоса, основателя конгрегации госпитальеров. Ниже приведен список других святых личностей, которые подверглись судебному преследованию со стороны святой канцелярии:—

ST. Инквизиция Вальядолида объявила Игнациуса де Лойолу *иллюминатами*; и когда инквизиторы собирались арестовать его, он отправился во Францию, затем в Италию и прибыл в Рим, где его судили и оправдали; после того, как он точно так же побывал в Испании по юридическому приговору генерального викария епископа Саламанки. Его настоящее имя было Иньиго.

Мельхиор Кано говорит в неопубликованной работе, написанной при жизни Иньиго, "что он бежал из Испании, когда инквизиция намеревалась арестовать его как еретика секты *иллюминатов*. Он отправился в Рим и пожелал, чтобы его судил папа. Поскольку никто не явился, чтобы обвинить его, он был освобожден от должности".

Несомненно, что св. Игнациус был арестован в Саламанке в 1527 году как *фанатик* и *иллюминат*, и что он восстановил свою свободу примерно через двадцать два дня; ему было запрещено в своей проповеди квалифицировать смертные или простительные грехи, пока он не изучит теологию четыре года. Верно также, что когда инквизиторы Вальядолида узнали, что святой находится в тюрьме, они написали, чтобы было проведено расследование слов и действий, которые вызвали подозрение, что он был одним из *иллюминатов*.

Но не доказано, что Игнациус покинул Испанию, спасаясь от наказания; похоже, что он всего лишь выполнил свое намерение изучать теологию в Париже. Смирение святого было так велико, что, когда в том городе на него во второй раз донесли апостольскому инквизитору Мэтью д'Ори, он сдался добровольно и без труда доказал свою ортодоксальность.

Нет большей уверенности в том, что в то время он ездил в Рим, поскольку в 1535 году он все еще был в Париже, а затем вернулся в Испанию, где прожил год, не подвергаясь преследованиям, хотя и проповедовал в нескольких провинциях. Затем он отправился в Италию, сначала в Болонью, а затем в Венецию, где был в третий раз объявлен еретиком, но оправдался перед папским нунцием и был принят в сан священника в этом городе. Игнациус прибыл в Рим в 1538 году.

Невозможно доказать, что он был оправдан в Риме, потому что у него не было обвинителя, поскольку любой преступник может быть привлечен к ответственности государственным министром и наказан. Это правда, что в то время в Риме не существовало особого трибунала инквизиции; но гражданские судьи могли наказывать еретиков, а прокуратор-фискал привлекал преступников к ответственности. Святой Игнаций снова был осужден испанцем по имени Наварро. Информатор сообщил, что Игнациус был обвинен и осужден за несколько ересей в Испании, Франции и Венеции, а также обвинил его в некоторых других преступлениях. К счастью, трое судей знали о его невиновности, и он был оправдан. Его обвинитель был сослан пожизненно, а трое испанцев, которые поддержали его показания, были приговорены отказаться от них.

Таким образом, похоже, что Мельхиор Кано был дезинформирован, когда десять лет спустя написал, что Иньиго был оправдан, поскольку обвинитель так и не появился.

Святой Франциск де Борджиа, ученик Лойолы и третий генерал его ордена, сменил Лайнца в 1565 году и умер в 1572 году. Он был герцогом де Гандиа и приходился королю кузеном третьей степени по матери, Джейн Арагонской.

В 1559 году инквизиция Вальядолида судила нескольких лютеран, которые были осуждены. Многие из этих еретиков, которые пытались оправдать себя, подкрепляя свое учение мнениями святого Франциска де Борджиа, чья добродетель была хорошо известна, приводили некоторые речи и поступки этого святого, чтобы доказать, что они думали так же, как и он, об оправдании душ верой, о страстях и смерти Иисуса Христа; и добавляли, для усиления своей защиты, авторитет некоторых мистических трактатов. Среди этих невольных преследователей был брат Доминик де Роксас, его ближайший родственник, и было использовано бывшее разоблачение его *Трактата о христианских трудах*, который он написал, когда был известен как герцог Гандийский.

Эта книга "рассуждения Мельхиора Кано и доминиканцев" привела к тому, что его обвинили в поддержке ереси *иллюминатов*. Ни его заслуги, ни близкое родство с королем не спасли бы его от тюрьмы Вальядолида, если бы он не поспешил в Рим, как только ему сообщили, что начался судебный процесс над ним и что его враги попытаются обезопасить его личность. Он сбежал от инквизиции, но испытал унижение, увидев, что его работа дважды попала в Указатель, в 1559 и в 1583 годах.

Хуан де Рибера был побочным сыном дона Педро Афана де Риберы, герцога Алькалы и вице-короля Неаполя и Каталонии. В 1568 году он перешел из епископства Бадахоса в архиепископство Валенсии. Его жизнь была безупречна, но его великое милосердие и горячее рвение в стремлении реформировать духовенство нажили ему много врагов.

В 1570 году Филипп II приказал ему посетить Университет Валенсии и изменить некоторые из его правил. Архиепископ приступил к выполнению своего поручения, но оскорбил некоторых врачей, которые составили против него заговор. Они распространяли клеветнические наветы на него в течение целого года, и дело зашло так далеко, что монах публично молился о его обращении в церкви Валенсии. Рибера был объявлен инквизицией еретиком, фанатиком и одним из *иллюминатов*.

Святой Хуан де Рибера не стал требовать наказания своих клеветников; но фискальный прокурор, которому сообщили, что Онуфрий Гасет, член коллегии, был главным инициатором

интриги, донес на него провизору и генеральному викарию архиепископа. Гасет был признан виновным и заключен в тюрьму. Архиепископ не считал уместным, чтобы судья, принадлежащий к его семье, занимался преступлениями, которые касались его лично; и чтобы устранить все подозрения в пристрастности, он пожелал, чтобы судебное разбирательство было передано инквизиции Валенсии, поскольку некоторые из клеветы и текстов Священного Писания использовались настолько скандальным образом, что попали под юрисдикцию трибунала.

Святой Хуан де Рибера сообщил о своем замысле кардиналу Эспиносе, генеральному инквизитору, который приказал инквизиторам Валенсии продолжить судебный процесс. Инквизиторы уже начали подготовительные действия против архиепископа в соответствии с доносами; были найдены свидетели, поддержавшие их, что неудивительно, поскольку каждый обвинитель заставлял людей, преданных его партии, подписывать его показания в качестве свидетелей. Судебный процесс, однако, принял неожиданный оборот; вместо того, чтобы проходить в обычных формах, инквизитор приказал зачитать во всех церквях Валенсии указ, обязывающий каждого человека осудить всех тех, кто использовал отрывки из Священного Писания скандальным образом, под страхом отлучения от церкви. Начались слухи, и инквизиторы арестовали как священников, так и мирян. Дело рассматривалось как вопрос веры; некоторые из обвиняемых уже были осуждены, а другие находились на грани этого, когда прокуратор святой канцелярии заявил, что существуют сомнения в компетентности инквизиторов, и посоветовал передать дело папе, который успокоит угрызения совести.

Трибунал одобрил это предложение, и в 1572 году Григорий XIII. составил краткий отчет, в котором содержалось все, о чем здесь говорилось, и уполномочил генерального инквизитора и провинциальных инквизиторов принимать решения в подобных случаях, и в то же время санкционировал все, что было сделано. Затем инквизиторы приговорили нескольких человек, одних к телесным наказаниям, других к денежным штрафам, заявив, что они должны были быть более суровыми, но из уважения к архиепископу, который просил о помиловании преступников, чтобы никто не пострадал от причиненного ему вреда.

Святая Тереза де Хесус, одна из самых знаменитых женщин Испании благодаря своим талантам, была обвинена севильской инквизицией. Она не была заключена в тюрьму, потому что судебный процесс был приостановлен после подготовительных инструкций. Она родилась в Авиле в 1515 году.

Святой Хуан де ла Крус, объединившийся со святой Терезой в реформировании монастырей кармелиток, родился в Онтиверосе, епархия Авилы, в 1542 году. Он был привлечен к уголовной ответственности инквизициями Севильи, Толедо и Вальядолида. Он был осужден как фанатик, принадлежащий *киллюминатам*: разбирательство не пошло дальше подготовительной инструкции. Святой Хуан де ла Крус умер в Убеде в 1591 году. Он написал несколько работ о мысленных молитвах.

Святой Джозеф де Каласанц, основатель института штатных клерков христианских школ. Он был заключен в темницы святой канцелярии как фанатик *киллюминатов*; но он оправдал себя и был оправдан. Он умер некоторое время спустя, в возрасте девяноста двух лет. Он родился в 1556 году.

Достопочтенные.

Достопочтенный Фрай Луи де Гренада, родившийся в 1504 году, был учеником Хуана д'Авилы; он принадлежал к ордену Святого Доминика и оставил несколько работ по религии. Он был замешан в судебном процессе над лютеранами в Вальядолиде; отец Доминик де Роксас защищал свои взгляды, говоря, что они совпадают с мнениями отца Луиса де Гренады, Каррансы и других добрых католиков. Фискальный прокурор заставил отца Доминика возобновить свое заявление с намерением представить его в качестве свидетеля на процессе над отцом Луи: отец Доминик был сожжен через пять дней после этого. Фраю Луи также был вынесен приговор, осуждающий некоторые из его работ.

Он был осужден в третий раз как один из *иллюминатов*, но был оправдан. Брат Луи умер в 1588 году. Его работы хорошо известны: примечательно, что Указатель, в котором было опубликовано его осуждение, впоследствии был запрещен генеральным инквизитором Кирогой.

Достопочтенный дон Хуан де Палафокс-и-Мендоса, внебрачный сын дона Джеймса Палафокса, впоследствии маркиза де Хариса, и донны Марии де Мендоса (которая вскоре после этого стала кармелиткой); он родился в 1600 году. Он был назначен епископом ла-Пуэбла-де-лос-Анджелос в Америке в 1639 году; затем архиепископом и вице-королем Мексики; и, наконец, епископом Осмы в Испании в 1653 году. Он умер в 1659 году, оставив несколько работ по истории, набожности и мистицизму, и с такой большой репутацией святости, что его канонизация находится на рассмотрении в Риме.

У дона Хуана были большие споры с иезуитами в Америке из-за привилегий его сана, которых Отцы хотели лишить его. Наиболее важным из его сочинений является его письмо папе Иннокентию X., который в определенной степени прекратил их споры кратким письмом в 1648 году. Иезуиты не считали себя побежденными; они осудили архиепископа как одного из *иллюминатов* и лжепоклонника в Риме, Мадриде и Мексике. Провинциальные инквизиторы последнего города обратились в Верховный совет, и достопочтенный Палафокс претерпел от них все, что они могли причинить, кроме тюремного заключения. Они осудили и запретили труды, которые архиепископ опубликовал в свою защиту, и распространили труды его противников, а также некоторые клеветнические материалы, которые они сфабриковали, чтобы погубить дона Антонио Габиолу, фискального прокурора инквизиции, который открыто не одобрял поведение иезуитов.

Этот офицер написал Палафоксу в 1647 году, призывая его приложить все усилия, чтобы судебные процессы в мексиканской инквизиции проходили регулярно, в соответствии с духом учреждения, и поощряя его выступить против своих грозных врагов.

Иезуитам своими интригами удалось добиться включения некоторых работ Палафокса в Индекс, но конгрегация кардиналов впоследствии заявила, что в них нет ничего предосудительного или что могло бы помешать его беатификации, и инквизиторы были вынуждены удалить их из каталога.

ГЛАВА XXXI.

О ЗНАМЕНИТОМ ПРОЦЕССЕ Над ДОНОМ КАРЛОСОМ, ПРИНЦЕМ АСТУРИЙСКИМ.

Вся Европа верила, что Филипп II возбудил дело инквизиции против своего единственного сына дона Карлоса; что инквизиторы приговорили принца к смерти и что они разошлись лишь в способе приведения приговора в исполнение. Некоторые авторы зашли так далеко, что записали беседы, имевшие место по этому поводу между Филиппом и генеральным инквизитором, доном Карлосом и другими лицами, с такой уверенностью, как если бы они присутствовали при них, и даже процитировали часть предложения, как если бы они его читали.

Поскольку моей главной целью было установить истину, я изучил архивы Совета инквизиции и других, и я, следовательно, утверждаю, что инквизиция никогда не судила и не осуждала дона Карлоса; мнение против принца было высказано только государственным советом, президентом которого был кардинал Эспиноза, который в то время был фаворитом короля. То обстоятельство, что кардинал был генеральным инквизитором, возможно, было причиной ошибки; смерть графа де Эгмона и других дворян, а также намерение учредить инквизицию в Нидерландах, возможно, имели тенденцию подтверждать общее мнение.

Дон Карлос лишился жизни в результате устного приговора, одобренного его отцом, и святая канцелярия не была в этом замешана. Поскольку я написал только историю инквизиции, этот факт делает излишним говорить больше на эту тему; но поскольку почти все историки Европы говорили, что инквизиторы осудили Дона Карлоса, лучший способ опровергнуть это - изложить факты так, как они происходили.

Дон Карлос родился в Вальядолиде 8 июля 1545 года и потерял свою мать, Марию Португальскую, через четыре дня после своего рождения. Карл V. почти не видел его до 1557 года, когда он отрекся от престола и удалился в монастырь Сен-Жюст в Эстремадуре. Он навестил своего внука, проезжая через Вальядолид. Неправда, что Карл V дал образование дону Карлосу и сформировал его ум; но во время его различных путешествий он дал ему хороших наставников. Юному принцу было девять лет, и его отец собирался отправиться в Англию, когда император написал письмо из Германии, датированное 3 июля 1554 года, в котором он говорит (среди других наставников, предназначенных для его внука) о доне Гонорато Хуанесе, одном из величайших гуманистов своего времени, а впоследствии епископе Осмы[34]. Очевидно, что дон Карлос не любил учиться, из письма своего отца, датированного Брюсселем 15 марта 1558 года, в котором он благодарит наставника за труд, который тот предпринял, чтобы привить своему ученику вкус к чтению и привить моральные принципы; он желает, чтобы тот следовал тому же плану, добавляя, что "хотя дон Карлос, возможно, не получит от этого столько пользы, сколько следовало бы, это не будет совсем бесполезно. Я также написал дону Гарсии, чтобы он уделял особое внимание отбору тех, кто встречается с принцем и посещает его; будет лучше привить ему вкус к учебе, чем ко многим другим вещам[35]". Филипп составил весьма неблагоприятное мнение о характере своего сына; ему сообщили, что принц развлекался тем, что перерезал глотки молодым кроликам, которых ему приносили, и что он, казалось, получал удовольствие, наблюдая, как они издыхают. Фабиан Эстрада рассказывает, что то же самое заметил венецианский посол[36].

Между Францией и Испанией была объявлена война, и две державы были готовы дать сражение в августе 1558 года, но в то же время вели переговоры о мире на секретном совещании, проходившем в аббатстве Корпанс. В одной из статей говорится, что дон Карлос, когда достигнет соответствующего возраста, должен жениться на Изабелле, дочери Генриха II, короля Франции: принцу было тринадцать лет, а принцессе двенадцать. Это обстоятельство и соблюдавшийся в то время обычай хранить предварительные условия заключения мира в тайне до его заключения полностью опровергают все, что говорилось о любви юной принцессы, что тем более невероятно, что она никогда даже не видела портрета принца и были получены весьма неблагоприятные отзывы о его воспитании. Карл V, выйдя на пенсию, как слышали, сказал, что, по его мнению, его внук проявил очень порочный нрав. Это можно объяснить образованием, полученным им от дяди и тети Максимилиана, короля Богемии, впоследствии императора, и Джейн Австрийской. Они уделяли величайшее внимание здоровью дона Карлоса, но пренебрегали подавлением его буйных наклонностей и доверили заботу о формировании его характера его губернатору, его хозяину и его главному капеллану.

Тайные предварительные переговоры лишь предшествовали окончательному мирному договору, который был заключен в Камбре 8 апреля 1559 года. Мария, королева Англии, умерла в этот промежуток времени, а Филипп II, будучи тогда вдовцом и имея всего тридцать два года от роду, в то время как дону Карлосу едва исполнилось четырнадцать, - Генрихом II. решил, что лучше выдать свою дочь замуж за короля. Таким образом, брак Изабеллы с Филиппом был согласован в двадцать седьмой статье, а секретная статья в предварительных документах не упоминалась.

Свадьба была отпразднована в Толедо 2 февраля 1560 года. Затем состоялись генеральные кортесы королевства: 22 числа того же месяца их члены принесли присягу на верность дону Карлосу и признали его преемником короны. Молодая королева не смогла присутствовать на этой церемонии, так как через несколько дней после замужества на нее напала оспа. Дон Карлос также заболел квартовой лихорадкой, незадолго до прибытия королевы в Испанию. Хотя это расстройство не мешало ему ездить верхом и присутствовать на собраниях кортесов, из свидетельств современных авторов следует, что оно сделало его худым, слабым и бледным. Это обстоятельство делает маловероятным, что он был красив, и делает крайне сомнительным путешествие, которое, по словам Мерсье, он совершил для встречи с королевой в Алькале.

Когда Изабелла выздоравливала, она, несомненно, была ознакомлена с запущенным образованием дона Карлоса, его дурными принципами и невыносимой гордыней. Она не могла не знать, как плохо он обращался со своими слугами; что, когда он сердился, он ломал все, что мог схватить; и она, вероятно, была проинформирована о его поведении с герцогом Альва на собрании кортесов. Герцог полностью распоряжался всем, что касалось церемоний, и был так занят, что забыл присутствовать при доне Карлосе, когда тот должен был принести клятву верности. Его искали и нашли, но молодой принц был в ярости и оскорбил его так грубо, что почти заставил его забыть о должном к нему уважении. Король вынудил дона Карлоса извиниться перед герцогом, но было слишком поздно, они смертельно ненавидели друг друга всю свою жизнь.

Я не нашел в MSS. Я исследовал все, что могло привести к предположению, что дон Карлос был влюблен в королеву; это мнение, должно быть, было основано на статье в "секретных предварительных документах", с которой, есть основания предполагать, принц никогда не был

знаком. Он едва оправился, а королева все еще находилась в состоянии выздоровления, когда король отправил его в Алькала-де-Энарес. Его сопровождали дон Джон Австрийский, его дядя, и Александр Фарнезе, наследный принц Пармский, его двоюродный брат; его губернатор, хозяин и раздаватель милостыни также сопровождали его вместе с другими слугами. Король ожидал, что это путешествие восстановит здоровье его сына, а также пожелал, чтобы он занялся учебой, поскольку он еще не понимал латыни. Дон Онорато Хуанес понимал его нелюбовь к изучению иностранных языков и поэтому давал ему уроки испанского.

9 мая 1552 года дон Карлос, которому тогда было семнадцать лет, упал с лестницы своего дворца и получил несколько ран, главным образом в позвоночник и голову, некоторые из которых оказались смертельными. Как только королю сообщили о несчастном случае, он отправился во дворец, чтобы оказать ему всяческую помощь, и приказал всем архиепископам и другим высшим духовным лицам королевства вознести молитвы о выздоровлении его сына. Король, полагая, что он уже при смерти, послал за телом блаженного Диего, францисканца-мирянина, о котором, как говорили, было совершено много чудес. Это тело было положено поверх тела дона Карлоса, и когда с тех пор он начал поправляться, это было приписано покровительству святого Диего, который вскоре после этого был канонизирован по просьбе Филиппа II. Следует отметить, что принцу оказал помощь знаменитый дон Андреа Басилио, королевский врач, который вскрыл ему череп, освободил его от значительного количества скопившейся воды и таким образом спас ему жизнь; но он так и не оправился полностью и был подвержен болям и слабости в голове, которые мешали ему учиться и, внося беспорядок в его мысли, делали его характер еще более невыносимым.

Дон Карлос вернулся ко двору в 1564 году, освобожденный от своих хозяев: Филипп вознаградил дону Гонорато Хуанеса, сделав его епископом Осмы. Непокколебимое благочестие и дружелюбие этого прелата внушили дону Карлосу привязанность, которую не прервала их разлука: об этом свидетельствуют его письма, которые дают не слишком благоприятное представление о его способностях или сведениях. Он часто оставлял предложения несовершенными, и из них можно было вывести значение, отличное от того, что он хотел выразить. Ниже приводится письмо, адресованное прелату:—

"Моему господину епископу. — Мой господин: Я получил ваше письмо в лесу: со мной все в порядке. Одному богу известно, насколько я был бы рад увидеть вас с королевой^[37]: сообщите мне, как у вас дела, и были ли большие расходы. Я отправился из Аламеда в Буитраго, который показался мне очень удачным. Через два дня я отправился в лес; через два дня я вернулся сюда, где я был со среды по сегодняшний день. У меня все хорошо, я заканчиваю. Из деревни, 2 июня. Мой лучший друг в этом мире. Я сделаю все, что ты пожелаешь: я, принц". Он заканчивает другое письмо, датированное днем святого Иоанна, в тех же выражениях.

Дон Карлос был так сильно привязан к епископу, что получил от папы разрешение прожить полгода в Мадриде, чтобы наслаждаться его обществом; но немощи дону Гонорато помешали ему воспользоваться этим разрешением и вскоре привели к его смерти. Этот прелат воспользовался привязанностью дону Карлоса, чтобы дать ему хороший совет: принц, по-видимому, воспринял его должным образом, но его поведение от этого не улучшилось. Он безраздельно отдался безудержности своих страстей. Некоторые примеры могут ввести в заблуждение тех, кто одобряет помпезный панегирик, воздаваемый талантам и щедрости дону Карлоса Сен-Реалем, Мерсье и другими.

Однажды, когда принц охотился в лесу Асека, он был в такой ярости от своего губернатора, дона Гарсии де Толедо, что поскакал за ним, чтобы избить. Дон Гарсия, опасаясь, что его заставят забыть об уважении, подобающем его принцу, обратился в бегство и не останавливался, пока не достиг Мадрида, где Филипп II оказал ему несколько милостей, чтобы заставить забыть нанесенное ему оскорбление: он, однако, попросил уволить его, и король назначил на его место Руя Гомеса де Сильву, принца Эволи. Этот дворянин также подвергался самым неприятным сценам из-за жестоких приступов ярости, которым поддавался Дон Карлос[38].

Дон Диего Эспиноса (впоследствии кардинал и епископ Сигуэнсы, генеральный инквизитор и член государственного совета) был президентом Совета Кастилии и изгнал из Мадрида комика по имени *Сиснерос* в то время, когда он собирался выступить в комедии в квартире дона Карлоса. Принц попросил президента отложить вынесение приговора до окончания представления; но, получив неблагоприятный ответ, он побежал за ним во дворец с кинжалом в руке. В порыве ярости он публично оскорбил его, сказав ему: "Что, маленький священник, ты смеешь выступать против меня и мешать Сиснеросу делать то, что я хочу? Клянусь жизнью моего отца, я убью тебя!" Он бы так и сделал, если бы некоторые присутствовавшие вельможи не вмешались, и если бы президент не ушел в отставку[39].

Дон Антонио де Кордова, брат маркиза де лас Наваса и камергер принца, спал в его апартаментах. Однажды случилось так, что он проснулся недостаточно быстро, чтобы прийти к принцу, когда тот позвонил в его колокольчик; дон Карлос в ярости вскочил с постели и попытался вышвырнуть его в окно. Дон Альфонсо, опасаясь потерпеть неудачу в сопротивлении принцу, закричал, и немедленно вошли слуги; затем он отправился в апартаменты короля, который, узнав о случившемся, взял его к себе на службу[40].

Он часто бил своих слуг. Его сапожник, к несчастью, принес ему пару сапог, которые оказались слишком малы, он приказал разрезать их на куски и сварить, а затем заставил мужчину съесть их, отчего ему стало так плохо, что он чуть не расстался с жизнью. Вопреки всем советам, он упорно выходил из дворца ночью, и вскоре его поведение стало крайне скандальным и нерегулярным. Едва ли возможно, чтобы королева могла не знать обо всех этих событиях; и если она была знакома с ними, то нельзя разумно предположить, что у нее могла быть какая-либо склонность к Дону Карлосу.

В 1565 году дон Карлос попытался тайно отправиться во Фландрию вопреки воле своего отца; ему помогали в этом предприятии граф де Гельб и маркиз де Табера, его камергер. Принц намеревался взять с собой своего губернатора, принца д'Эволи (не учитывая, что он пользовался доверием короля); он думал, что его присутствие позволит предположить, что он путешествовал с согласия короля. Его льстецы раздобыли для него пятьдесят тысяч крон и четыре привычки маскироваться, когда они покидали Мадрид: они были убеждены, что, если принц д'Эволи отправится в путешествие, он будет вынужден продолжить или что они могут избавиться от него; но этот искусный политик расстроил этот план способом, описанным Кабрерой в его "Жизни Филиппа II".

Епископ Осмы, будучи проинформирован о неподобающем поведении дона Карлоса, а также получив частные приказы от короля, написал ему длинное письмо[41], указывая ему, как вести себя с министрами короля, и демонстрируя неисчислимые беды, которые могли бы возникнуть из-за иной линии поведения. Он приложил особые усилия, чтобы избежать намека на то, что принц нуждался в этих увещеваниях. Дон Карлос принял письмо с уважением, которое он

всегда проявлял к достойному прелату, но он не последовал его совету и предался величайшим излишества, когда узнал, что его отец передал управление Фландрией герцогу Альва. Герцог пошел проститься с принцем, который сказал ему, что правительство больше подходит наследнику короны. Герцог ответил, что, несомненно, король не хотел подвергать его опасностям, которым он подвергся бы в Нидерландах из-за ссор, возникших между главными дворянами. Этот ответ, вместо того чтобы успокоить дон Карлоса, разозлил его еще больше; он выхватил кинжал и попытался заколоть герцога, крича: *Я скоро помешаю тебе отправиться во Фландрию, потому что я вонзу тебе нож в сердце, прежде чем ты уйдешь*. Герцог уклонился от удара, отступив назад; принц продолжил атаку, и у герцога не было иного способа спастись, кроме как схватить дон Карлоса в объятия, и хотя их силы были очень неравны, ему удалось отразить удары этого безумца. Пока Дон Карлос все еще боролся, герцог поднял шум в апартаментах, и вошли камергеры; затем принц сбежал и удалился в свой кабинет, чтобы дожидаться результата этой сцены, которая не могла не быть неприятной, если бы о ней сообщили королю[42].

Пороки дон Карлоса не могли разрушить привязанность императора Германии, его дяди, или императрицы Марии, его тети. Эти монархи хотели женить его на Анне Австрийской, своей дочери: эта принцесса была известна дону Карлосу с самых ранних лет, поскольку она родилась в Сигалесе в Испании в 1549 году. Филипп согласился на этот брак; но, возможно, опасаясь сделать свою племянницу несчастной, если характер и мораль дон Карлоса не изменятся, он приступил к делу со своей обычной медлительностью. Напротив, как только принцу сообщили о задуманном, он пожелал немедленно жениться на своей кузине и с этой целью решил отправиться в Германию без согласия своего отца, надеясь, что его присутствие в Вене побудит императора преодолеть все трудности. Преисполненный этой идеей, он приступил к осуществлению своего замысла, и ему помогали принц Оранский, маркиз де Берг, графы Горн и Эгмонт, а также барон де Монтиньи, руководители заговора во Фландрии. Дон Карлос также должен быть включен в число жертв этого заговора[43].

Маркиз де Берг и барон де Монтиньи были отправлены в Мадрид в качестве депутатов провинций Фландрии с согласия Маргариты Австрийской, тогдашней правительницы Нидерландов, для урегулирования некоторых вопросов, касающихся учреждения инквизиции и других обстоятельств, вызвавших беспорядки. Эти депутаты узнали о намерении принца; они попытались утвердить его в его решении и предложили ему помощь: в этом деле необходимо было использовать посредника, и они обратились к г-ну де Вандому, королевскому камергеру. Они пообещали дону Карлосу объявить его главным губернатором Нидерландов, если он допустит свободу мнений в религии. Грегорио Лети говорит о письме дон Карлоса графу д'Эгмону, которое было найдено среди бумаг герцога Альвы и послужило причиной казни графов Эгмонта и Горна: принц Оранский совершил побег. В то же время правительство готовило (хотя и косвенным путем) наказание депутатов в Испании.

Принц не принял денег, предложенных этими дворянами на его путешествие, и шаги, которые он предпринял, чтобы получить их сам, привели к раскрытию заговора. Он написал почти всем гранд Испании, прося их помощи в предприятии, которое он задумал. Он получил благоприятные ответы, но большинство из них содержали условие, что *предприятие не должно быть направлено против короля*. Адмирал Кастилии не был удовлетворен этой предосторожностью. Тайнственное молчание, в которое был окутан этот план, и его знание о

малой доле понимания, которой обладал дон Карлос, заставили его заподозрить, что предприятие было преступным.

Чтобы предотвратить опасность, адмирал передал письмо принца королю, который уже был проинформирован об этом деле доном Джоном Австрийским, которому дон Карлос передал его. Некоторые подозревали, что убийство короля было частью заговора, но письма доказывают только попытку получить деньги. Дон Карлос посвятил в свои тайны Гарсиа Альвареса Осорио, своего камердинера, и поручил ему объяснить замысел, упомянутый в письмах, которые он имел при себе. Этот доверенное лицо совершил несколько поездок в Вальядолид, Бургос и другие города Кастилии, выполняя план своего хозяина.

Принц не получил столько денег, сколько ему требовалось, и 1 декабря 1567 года написал Осорио из Мадрида; письмо было подписано его секретарем Мартином де Газталу. Он говорит, что получил только шесть тысяч дукатов за все обещания и разменные письма, которые были согласованы в Кастилии, и что он хотел шестьсот тысяч за рассматриваемый план. Чтобы раздобыть эту сумму, он послал ему двенадцать чистых писем, подписанных им самим и с той же датой, чтобы он мог заполнить их именами и фамилиями лиц, которым они были переведены: он также приказал ему отправиться в Севилью и воспользоваться этими письмами^[44].

По мере того как росли надежды на успех его плана, Дон Карлос поддавался все более преступным мыслям, и перед Рождеством того же года у него созрел план убийства своего отца. Он действовал без всякого плана или осмотрительности и теми небольшими усилиями, которые он предпринял, чтобы скрыть свою тайну и обезопасить себя от опасности, доказал, что его решение было решением сумасшедшего, а не злодея и заговорщика.

Филипп II. был в Эскуриале вместе со всей королевской семьей в Мадриде; они должны были исповедаться и принять причастие в воскресенье 28 декабря, в День памяти невинных. Это был обычай, установленный при Мадридском дворе, для получения юбилея, пожалованного королям Испании папами. 27-го дон Карлос исповедовался своему обычному духовнику, фраю Диего де Чавесу (впоследствии духовнику короля). Вскоре после этого принц рассказал нескольким лицам, что, заявив о своем намерении убить человека очень высокого ранга, его духовник отказался дать ему отпущение грехов, потому что он не обещал отказаться от своего намерения. Дон Карлос послал за другими священниками, но получил от всех один и тот же отказ. Затем он попытался добиться обещания от отца Хуана де Тобара, настоятеля монастыря доминиканцев в *Аточе*, дать ему неосвященную облатку при причастии; он хотел создать видимость, что может подойти к алтарю так же, как дон Иоанн Австрийский, Александр Фарнезе и остальные члены королевской семьи. Приор понял, что принц безумец, и, исходя из этого убеждения, спросил, кто был тот человек, которого он хотел убить, добавив, что если бы он был ознакомлен с его званием, это могло бы побудить его не требовать отказа от своего замысла. Это было смелое предложение, но приор всего лишь хотел заставить дон Карлоса назвать личность, и ему это удалось. Несчастный Дон Карлос, не колеблясь, назвал имя короля и впоследствии сделал то же заявление своему дяде, дону Джону. Один из помощников принца, который был свидетелем всего происшедшего, передал правдивую историю. Поскольку она имеет большое значение и никогда не печаталась, ее копия включена в отчет об аресте дон Карлоса, при котором он также присутствовал.

Гарсиа Альварес Осорио вскоре раздобыл в Севилье достаточную сумму денег, и дон Карлос приготовился отправиться в свое путешествие ближе к середине января 1568 года. Он попросил

своего дядю, дона Джона, сопровождать его в соответствии с обещанием, которое он дал, когда ему сообщили о его замысле. Дон Карлос дал много обещаний своему дяде, который ответил, что готов сделать все, что сочтет нужным, но что он опасается, что путешествие не состоится из-за опасности, которой они подвергнутся. Дон Джон сообщил об этом обстоятельстве королю, находившемуся в Эскуриале; Филипп проконсультировался с несколькими теологами и юристами, чтобы выяснить, может ли он добросовестно продолжать притворяться невежественным, чтобы заставить своего сына совершить это путешествие. Мартин д'Пицкуэта (столь известный под титулом Доктора Наварро) был одним из тех, с кем консультировались; он посоветовал королю не позволять дону Карлосу уезжать, настаивая на том, что долгом государя является избегать гражданских войн, которые, вероятно, станут результатом такого путешествия, поскольку верноподданные Фландрии могут начать войну с повстанцами. Кабрера говорит, что с Мельхиором Кано также консультировались по этому делу[45], но Фрай Мельхиор умер в 1560 году.

Принц сообщил о своих намерениях брату Диего де Чавесу, который пытался отговорить его, но безуспешно. Дон Карлос отправился навестить жену дона Диего де Кордовы, королевского мастера верховой езды. Эта дама поняла по некоторым выражениям, оброненным доном Карлосом, что он готов к отъезду, и немедленно сообщила об этом своему мужу, который находился в Эскуриале вместе с королем и который передал письмо его величеству. Наконец, 17 января 1568 года дон Карлос отправил приказ дону Рамону де Тасису, генеральному директору почты, приготовить для него восемь лошадей на следующую ночь. Тасис, опасаясь, что этот приказ скрывает какую-то тайну, и зная характер принца, ответил, что все почтовые лошади заняты, и выиграл достаточно времени, чтобы сообщить об этом королю. Дон Карлос отдал более категорический приказ, и Тасис, опасавшийся его насилия, отослал всех почтовых лошадей из Мадрида и вернулся в Эскуриал. Король отправился в Пардо (замок примерно в двух лье от Мадрида), где к нему присоединился дон Джон. Дон Карлос, который не знал о смещении своего отца, пожелал переговорить со своим дядей и дошел до *Ретамара*[46], откуда он послал за ним, чтобы тот приехал к нему. Принц рассказал обо всех приготовлениях к своему путешествию. Дон Джон ответил, что готов отправиться с ним, но как только он покинул его, он вернулся к королю, чтобы рассказать ему все, что услышал. Король немедленно отправился в Мадрид, куда прибыл через несколько минут после Дона Карлоса[47].

Прибытие короля изменило намерения дона Карлоса и помешало ему настоять на том, чтобы в тот вечер у него были лошади. Луис Кабрера рассказал некоторые подробности об обстоятельствах своего ареста, но я предпочитаю вставить отчет об этом деле, который был написан билетером несколько дней спустя.

"Принц, мой господин, - говорит он, - уже несколько дней не мог ни минуты передохнуть; он постоянно повторял, что хотел бы убить человека, которого ненавидит. Он сообщил дону Джону Австрийскому о своем замысле, но скрыл имя человека. Король отправился в Эскуриал и послал за доном Джоном. Предмет их разговора неизвестен; предполагалось, что он касался зловещих замыслов принца. Дон Джон, несомненно, рассказал все, что знал. Вскоре после этого король послал за доктором Веласко; он рассказал ему о своих планах и работах в Эскуриале, отдал распоряжения и добавил, что ему не следует возвращаться немедленно. В это время наступил юбилейный день, который двор имел обыкновение отмечать на Рождество; принц отправился субботним вечером в монастырь Святого Иеронима[48]. Я присутствовал при его персоне. Его королевское высочество исповедовался в монастыре, но не смог получить отпущения грехов из-

за своих злых намерений. Он обратился к другому духовнику, который также отказался. Принц сказал ему: *"Решай быстрее"*. Монах ответил: *"Позвольте вашему высочеству вынести этот случай на обсуждение ученых мужей"*. Было восемь часов вечера; принц прислал свою карету за богословами монастыря *Аточа*[49]. Пришло четырнадцать, по двое; он послал нас в Мадрид за монахами Альбарадо, одним Августином, другим Матурином; он спорил со всеми и упрямо настаивал на отпущении грехов, всегда повторяя, что ненавидит человека до тех пор, пока не убьет его. Все эти монахи заявили, что выполнить просьбу принца невозможно, и тогда он пожелал, чтобы они дали ему неосвященную облатку, чтобы двор поверил, что он выполнил те же обязанности, что и остальные члены королевской семьи. Это предложение повергло монахов в величайший ужас. На этой конференции обсуждались многие другие деликатные моменты, которые мне не позволено повторять. Все пошло наперекосяк; настоятель монастыря *Аточа* отвел принца в сторону и попытался узнать, что за человек, которого он хотел убить. Он ответил, что он человек очень высокого ранга, и больше ничего не сказал. В конце концов приор обманул его, сказав: *"Милорд, скажите мне, что это за человек; возможно, удастся даровать вам отпущение грехов в соответствии со степенью удовлетворения, которое желает получить ваше высочество."* Затем принц заявил, что это был король, его отец, которого он ненавидел, и что он хотел бы сохранить ему жизнь. Затем приор спокойно спросил: *"Намеревается ли ваше высочество убить короля самостоятельно или нанять кого-то для этого?"* Принц так твердо настаивал на своем решении, что не смог получить отпущения грехов и лишился юбилея. Эта сцена продолжалась до двух часов после полуночи; все монахи удалились, охваченные горем, особенно духовник принца. На следующий день я сопровождал принца по его возвращении во дворец, и королю была отправлена информация обо всем, что произошло.

"Монарх отправился в Мадрид в субботу"[50]; на следующий день он отправился на публичную мессу в сопровождении своего брата и принцев[51]. Дон Джон, которому было плохо от досады, в тот день отправился навестить дона Карлоса, который приказал закрыть двери и спросил его, что было предметом его разговора с королем. Дон Джон ответил, что речь шла о галерах[52]. Принц задал ему много вопросов, чтобы узнать что-то еще, и когда он обнаружил, что его дядя не хочет говорить более откровенно, он обнажил свой меч. Дон Джон отступил к двери; обнаружив, что она закрыта, он встал на защиту и сказал: *"Подождите, ваше высочество"*. Те, кто был снаружи, услышав его, открыли двери, и Дон Джон удалился в свой отель. Принц, почувствовав недомогание, лег в постель, где оставался до шести часов вечера; затем он встал и надел халат. Поскольку в восемь часов он все еще голодал, он послал за вареным каплуном; в половине десятого он снова лег спать. В тот день я тоже был на дежурстве и ужинал во дворце.

"В одиннадцать часов я увидел короля, спускающегося по лестнице; его сопровождал герцог де Фериа, великий приор[53], генерал-лейтенант гвардии, и двенадцать его людей: король носил оружие поверх одежды и был в шлеме; он направился к двери, где находился я; мне было приказано закрыть ее и не открывать никому. Эти люди уже были в покоях принца, когда он крикнул: *"Кто там?"* Офицеры подошли к изголовью его кровати и схватили его шпагу и кинжал. Герцог де Фериа взял аркебузу, заряженную двумя пулями[54]. Принцу, который издавал крики и угрозы, сказали: *"Государственный совет присутствует"*. Он попытался схватить свои руки и пустить их в ход; он уже вскочил с постели, когда вошел король. Тогда его сын сказал ему: *"Чего ваше величество хочет от меня?"* *"Ты скоро узнаешь"*, - ответил король.

Дверь и окна были заперты; король велел дону Карлосу тихо оставаться в этих покоях, пока он не получит дальнейших распоряжений; затем он позвал герцога де Фериа и сказал: *"Я отдаю принца на ваше попечение, чтобы вы могли охранять его и заботиться о нем"*; затем, обращаясь к Луису Кихаде, графу де Лерма и дону Родриго де Мендоса[55] он сказал им: *"Я поручаю вам служить принцу и развлекать его; не делайте ничего из того, что он вам прикажет, предварительно не уведомив меня. Я приказываю вам всем верно охранять его под страхом того, что вас объявят предателями"*. При этих словах принц начал громко кричать и сказал: *"Вам было бы гораздо лучше убить меня, чем держать в плену; это большой позор для королевства: если вы этого не сделаете, я буду знать, как покончить с собой"*. Король ответил: *"что он должен позаботиться о том, чтобы не делать этого, потому что такие действия совершают только безумцы"*. Принц сказал: *"Ваше величество обращается со мной так плохо, что вынудите меня дойти до этой крайности либо от безумия, либо от отчаяния"*. Между ними состоялся еще какой-то разговор, но так ничего и не было решено, потому что ни время, ни место этого не позволяли.

Король удалился; герцог взял ключи от дверей и отослал камердинеров и других слуг принца. Он разместил в кабинете охрану: четырех *Монтеросов д'Эспиноса*, четырех испанских алебардщиков и четырех немцев со своим лейтенантом. После этого он подошел к двери, у которой я находился, и поставил там четырех *Монтерос* и четырех охранников, и велел мне удалиться. Затем ключи от секретеров и сундуков принца были доставлены королю; кровати камердинеров были унесены. Герцог де Фериа, граф де Лерма и дон Родриго находились под присмотром его высочества в ту ночь; впоследствии за ним присматривали два камергера, которые сменялись каждые шесть часов. Лицами, назначенными королем для этой службы, были герцог де Фериа, принц Эволи, приор, дон Антонио де Толедо, Луис Кихада, граф де Лерма, дон Фадрике Энрикес и дон Хуан де Валеско[56]; они не носили оружия для этой службы. Стражники не позволяли нам приближаться ни днем, ни ночью. Два камергера готовили стол; мажордом пришел принести ужин во двор. Ножей не было, мясо брали уже нарезанным. Месса не служилась в апартаментах принца, и он не слышал ее с тех пор, как был заключен в тюрьму[57].

"В понедельник[58] король собрал в своих апартаментах всех советников и их президентов; он представил каждому совету отчет об аресте своего сына; он сказал, что это произошло за то, что касалось служения Богу и королевству. Очевидцы заверили меня, что его величество проливал слезы, произнося это выступление. Во вторник его величество созвал в свои апартаменты членов Государственного совета; они оставались там с часу до девяти вечера. Неизвестно, чем они были заняты. Король провел расследование; Ойос был секретарем[59]. Король присутствовал при показаниях каждого свидетеля; они были записаны и образовали стопку высотой в шесть дюймов. Он передал совету привилегии *майоратов*[60], а также привилегии короля и принца Кастилии, чтобы они могли принять их к сведению.

"Королева и принцесса были в слезах"[61]. Дон Хуан ходил во дворец каждый вечер; однажды он пришел просто одетый и в трауре; король упрекнул его и велел одеться как обычно. В вышеупомянутый понедельник его величество отдал приказ, чтобы все камердинеры принца разошлись по своим домам, пообещав обеспечить их. Он заставил дона Фадрике, брата адмирала, мажордома принца, и дона Хуана де Валеско поступить на службу к королеве. *На этом отношения билетера заканчиваются.*

Филипп II очень ясно понимал, что событие такого рода не может долго оставаться скрытым и не преминет возбудить любопытство публики. Поэтому он счел необходимым уведомить об этом все гражданские и церковные власти, папу Римского, императора Германии, нескольких государей Европы, Екатерину Австрийскую, королеву Португалии, вдову Иоанна III, сестру Карла V. Тетя и теща Филиппа II, бабушка несчастного узника, а также тетя и бабушка Анны Австрийской, на которой он должен был жениться. Эти отношения являются причиной, по которой Филипп называет ее в своем письме *матерью и хозяйкой всей семьи*. Луиза Кабрера говорит, что это письмо было адресовано императрице Германии, его сестре, которой он также писал; но королева Португалии была единственной, к кому можно было применить этот титул.

В письме, адресованном папе римскому и датированном из Мадрида 20 января, король говорит, что, хотя он и огорчен, у него есть утешение в том, что он сделал все возможное, чтобы дать своему сыну хорошее образование, и закрыл глаза на все, что могло возникнуть из-за его физического устройства; но что служение Богу и его долг перед подданными больше не позволяют ему терпеть его поведение. В заключение он обещает подробнее проинформировать его святейшество об этом деле и просит его помолиться о счастливом исходе. В тот же день Филипп написал еще одно письмо королеве Екатерине, своей тете, в котором он делится всем своим отцовским горем. Он напоминает ей, что уже проинформировал ее о некоторых предшествующих обстоятельствах, которые вызвали опасения за будущее, и сообщает ей, что за арестом не последует никакого другого наказания, но что было решено положить конец его проступкам: письмо императрице составлено во многом в тех же выражениях.

В обращении короля к городам он сказал, что, если бы он только был отцом, он никогда бы не решился на такое решение, но как король он не мог поступить иначе, и что только действуя таким образом, он мог предотвратить зло, к которому привело бы его милосердие. Дон Диего Кольменарес включил в свою историю Сеговии письмо, отправленное королем в этот город. Все другие города и различные органы власти получили аналогичные письма, которые были вложены в другие письма коррехидорам. В этом письме коррехидору Мадрида Филипп приказывает ему помешать муниципалитету подавать заявления в пользу его сына, поскольку не было необходимости просить отца о помиловании. Он также приказывает, чтобы в ответе не упоминалось никаких подробностей этого дела. На адресе из Мурсии король (который прочитал их все) написал следующее примечание: *"Это письмо написано осмотрительно и сдержанно"*. Поскольку оно никогда не публиковалось и отражает стиль, одобренный Филиппом по этому случаю, оно помещено здесь.

"Священное, католическое и королевское Величество: Муниципалитет Мурсии получил письмо вашего величества, содержащее ваше решение относительно тюремного заключения нашего принца. Муниципалитет тысячу раз целует ноги вашего величества за исключительную милость, оказанную им при информировании об этом событии; он полностью убежден, что причины и побуждения, которыми руководствовалось ваше величество, были настолько важными и способствовали общественному благу, что вы не могли поступить иначе. Ваше величество так хорошо управляли своим королевством, поддерживали своих подданных в таком состоянии мира и способствовали такому процветанию религии, что естественно заключить, что в деле, которое вас так близко касается, ваше величество решилось на это только для служения Богу и общего благополучия вашего народа. Тем не менее, этот город не может не испытывать непритворной скорби по важным причинам, которые причинили новое горе вашему величеству; он не может без волнения считать, что у него есть государь, достаточно справедливый и

преданный благу своего королевства, чтобы предпочесть его всему и заставить его забыть о своей нежной привязанности к собственному сыну. Столь великое доказательство любви должно заставить подданных вашего величества засвидетельствовать свою благодарность покорностью и верностью. Этот город, который всегда отличался своим рвением, на этот раз даст еще большее доказательство этого, немедленно подчинившись приказам вашего величества. Да хранит Бог королевскую и католическую особу вашего величества! В муниципальном совете Мурсии, 16 февраля 1568 года".

Пий V и все другие лица, которым Филипп писал, в ответ вступились за своего сына. Они сказали, что можно надеяться, что столь поразительное событие послужит сдерживающим фактором для принца и побудит его изменить свое поведение. Никто не ходатайствовал так искренне, как Максимилиан II; это правда, что он был больше заинтересован в браке, предназначенном для его дочери. Он не удовлетворился письмом, но послал эрцгерцога Карла в Мадрид с целью вмешательства. Путешествие, которое эрцгерцог был вынужден совершить во Фландрию и Францию, было очевидным мотивом для поездки в Мадрид. Филипп был непреклонен; он не только содержал принца в качестве пленника, но и следующим указом доказал, что намерен держать его так. Это было подтверждено секретарем Педро дель Ойо, и выполнение этого поручили принцу Эволи, который был назначен его генерал-лейтенантом во всем, что касалось принца. Это было следующее:—

"Принц Эволи является главой всех лиц, занятых на службе принца, в охране, снабжении его пищей, заботе о его здоровье и другими способами. Он должен сделать так, чтобы дверь была заперта на щеколду и не запиралась ни днем, ни ночью, и он не должен позволять принцу выходить. Его величество назначает охранять, обслуживать и составлять компанию принцу графа де Лерма, дон Франсиса Манрике, дон Родриго де Бенавидеса, дон Хуана де Борджиа, дон Хуана де Мендоса и дон Гонсало Чакона. Никому другому (кроме врача, цирюльника и *монтеро*^[62], находящемуся на попечении принца) не разрешается входить в апартаменты без разрешения короля. Граф де Лерма будет спать в комнате дон Карлоса. Если он не сможет этого сделать, один из его коллег должен занять его место; один из них будет дежурить всю ночь: эту обязанность они могут выполнять по очереди. В течение дня они должны стараться быть все вместе в комнате, чтобы дон Карлос мог быть отвлечен и оживлен их обществом; и они не должны отказываться от этой обязанности, если только их не вынудят дела. Эти дворяне должны беседовать с принцем на безразличные темы; они должны стараться избегать разговоров о чем-либо, имеющем отношение к его делу, и, насколько это возможно, обо всем, что касается правительства; они должны подчиняться всем приказам, которые он отдает для своей службы или удовлетворения, но они не должны принимать от него никаких поручений посторонним людям. Если дон Карлос заговорит о своем заточении, они не должны отвечать ему; они должны передать все, что происходит, принцу д'Эволи. Король особенно рекомендует им (если они не откажутся от верности и послушания, в которых поклялись) никогда не сообщать где-либо о том, что было сказано или сделано внутри страны, без предварительного получения его согласия; если кто-либо из них услышит, что об этом говорят в городе или в определенных домах, он или они должны доложить об этом королю. Месса будет отслужена в часовне, и принц услышит ее из своих покоев в присутствии двух дворян, которые о нем заботятся. Ему будут даны требник, часы, четки и любые другие книги, которые он попросит, при условии, что в них не говорится ни о чем, кроме благочестия. Шестеромонтерос, которые охраняют принца и прислуживают ему, должны отнести еду для его стола в первую гостиную, где дворяне подадут ее его высочеству; *монтеро* должен отнести посуду во вторую комнату.

Монтерос должны быть наняты и нести службу днем и ночью в соответствии с правилами Руи Гомеса де Сильвы. Два алебарщика должны быть поставлены на крыльце зала, ведущем во двор; они не должны позволять никому входить без разрешения принца д'Эволи. В его отсутствие они должны попросить об этом графа де Лерма или любого другого, кто назначен исполнять обязанности вождя в их отсутствие. Руи Гомесу де Сильве поручено приказать от имени короля капитан-лейтенантам испанской и немецкой гвардии выставить восемь или десять алебарщиков у крыльца. Эти люди также должны нести охрану у дверей инфантаса; двое должны быть поставлены в покоях Руи Гомеса с того момента, как откроются большие ворота дворца, до полуночи, когда покои принца будут закрыты, и *монтерос* приступят к своей службе. Каждому дворянину разрешается иметь слугу для собственного пользования; он должен выбрать из своего народа того, кому он больше всего доверяет. Все эти лица должны принести клятву перед принцем д'Эволи добросовестно выполнять положения, содержащиеся в настоящем указе. Руи Гомес и дворяне, находящиеся под его командованием, должны информировать короля о любой небрежности в этом отношении. Указанному Руи Гомесу приказано поставлять все, что будет сочтено необходимым на службе, и что не было указано в настоящем указе. Поскольку вся ответственность лежит на нем, его приказы должны выполняться подчиненными ему людьми".

Секретарь Хойо зачитал это постановление всем нанятым лицам и каждому в отдельности; все они принесли требуемую присягу.

Из рассказа пристава было видно, что Филипп отдал приказ о суде над своим сыном. Король приступил к допросу свидетелей с помощью секретаря Хойо и создал специальную комиссию для расследования этого дела. В его состав входили кардинал Эспиноза, генеральный инквизитор, принц Эволи и дон Диего Брибиска де Муньятонес, советник Кастилии; председательствовал король. Муньятонесу было поручено проинструктировать участников процесса. Филипп, желавший придать этому делу вид судебного разбирательства по делу о *оскорблении его величества*, распорядился принести из королевских архивов Барселоны материалы судебного процесса, возбужденного его прапрадедом Иоанном II, королем Арагона и Наварры, против Карла, его старшего сына, принца Бианы и Хироне, который уже был признан наследником престола.

Постановление о заключении дон Карлоса в тюрьму соблюдалось так строго, что королева и принцесса Джейн, желавшие увидеть его и утешить, получили от короля отказ в разрешении сделать это. Филипп относился ко всем с таким подозрением, что жил как бы в плену и не совершал своих обычных экскурсий в Аранхуэс, Пардо и Эскуриал. Он запирался в своей квартире; малейший шум на улице привлекал его к окну, так сильно он боялся какой-нибудь суматохи. Он всегда подозревал, что фламандцы или другие лица были сторонниками принца или, по крайней мере, пытались повлиять на это.

Несчастный Дон Карлос, не привыкший побеждать свои страсти, никогда не мог воспользоваться никакими средствами, чтобы смягчить свое несчастье. Он поддался величайшему нетерпению и отказался признаться, чтобы иметь возможность исполнить долг, который всегда исполняла королевская семья в Вербное воскресенье. Его старый учитель, епископ Осмы, умер в 1566 году. Король приказал доктору Суаресу де Толедо, своему первому раздававшему милостыню, навестить его и попытаться убедить: его усилия были тщетны, хотя дон Карлос всегда относился к нему с большим уважением. В день Пасхи Суарес написал ему

длинное и трогательное письмо, в котором неопровержимыми аргументами доказывал, что его высочество не воспользовался надлежащими средствами для благоприятного завершения дела. Он заявил, что у его высочества больше нет ни друзей, ни приверженцев, и напомнил ему о нескольких скандальных сценах, которые увеличили число его врагов; он заканчивает свое письмо следующими словами: "Ваше высочество, можете легко представить, что будет сказано, когда станет известно, что вы не признаетесь, и когда обнаружатся многие другие ужасные вещи; некоторые настолько серьезны, что, если бы это касалось кого-либо другого, кроме вашего высочества, *святая канцелярия имела бы право поинтересоваться, действительно ли вы христианин*. Я заявляю вашему высочеству со всей правдивостью и преданностью, что вы подвергаете себя риску потерять свое звание и (что еще хуже) свою душу. С горем и горечью в моем сердце я вынужден сказать, что лекарства нет, и единственный совет, который я могу вам дать, - это вернуться к Богу и вашему отцу, который является его представителем на земле. Если ваше высочество последует моему совету, вы обратитесь к президенту и другим добродетельным людям, которые не преминут сказать вам правду и вести вас правильным образом ". Это письмо имело не больше успеха, чем любая другая попытка; принц по-прежнему отказывался признаваться.

Отчаяние, которое вскоре почувствовал Дон Карлос, заставило его пренебречь всякой регулярностью в приеме пищи и отдыхе. Он так разгорячился от охватившей его ярости, что вода со льдом (которую он постоянно употреблял) на него не подействовала. Он велел положить ему в постель большое количество льда, чтобы смягчить сухость его кожи, которая стала невыносимой. Он ходил голый, без башмаков и чулок, по тротуару и оставался в таком состоянии целые ночи. В июне месяце он в течение одиннадцати дней отказывался от всякой пищи, кроме воды со льдом, и так ослаб, что предполагалось, что жить ему осталось недолго. Король, узнав об этом, отправился навестить его и обратился к нему с несколькими словами утешения, результатом которых было то, что принц съел больше, чем полагалось ему в его слабом состоянии, и это излишество вызвало злокачественную лихорадку, сопровождавшуюся опасной дизентерией. Принца сопровождал доктор Оливарес, главный врач короля; он один осмотрел пациента, а когда вернулся, провел консультацию с другими королевскими врачами в присутствии принца д'Эволи.

Предварительное дело, начатое доном Диего Брибиеска де Муньятонесом, было достаточно продвинуто в июле месяце, чтобы можно было вынести окончательный приговор без допроса преступника или назначить королевского прокурора, который в качестве фискала обвинил принца в преступлениях, указанных *вподготовительной инструкции*. Принцу не было направлено никакого судебного уведомления; у них были только заявления свидетелей, письма и другие бумаги.

Эти записи доказывали, что, согласно законам королевства, Дон Карлос должен быть приговорен к смертной казни за государственную измену по двум пунктам обвинения: во-первых, за попытку отцеубийства; и, во-вторых, за разработку плана узурпации суверенитета Фландрии посредством гражданской войны. Муньятонес доложил об этом и о наказаниях, установленных за такие преступления, королю; он добавил, что особые обстоятельства и ранг преступника могут уполномочить его величество объявить, что общие законы не могут влиять на старших сыновей королей, поскольку они подчиняются законам более высокого характера, тем, которые касаются политики и благосостояния государства; наконец, что монарх может для блага своих подданных смягчить наказание.

Кардинал Эспиноса и принц Эволи высказали мнение Муньятонес; Филипп потом говорил, что его сердце склоняется, чтобы он следовал их советам, но, что его совесть не позволяет ему поступить так: что он думал, что это будет далеко не в пользу Испании; что, напротив, он думал, что это будет самое большое несчастье, которое может случиться в царстве его, чтобы ему будут регулироваться король, лишенный знания, таланты, мнение, или добродетель, полный пороков и страстей, и, прежде всего, в ярости, свирепые и кровопролитные; что эти соображения заставили его, несмотря на его привязанность к сыну, и его мучения на столь страшную жертву, страдать законам на самотек; но, учитывая, что здоровье Дон Карлос был в таком состоянии, что не было никакой надежды продлить свою жизнь, он думал, что лучше бы ему удостовериться в его склонностях в еде и питье, поскольку, от разлада своих идей, он бы не преминул совершить некоторый избыток, который приведет его к гробнице: это единственное, что беспокоит его, была необходимость убедить сына, что его смерть была неизбежна, и что в результате он должен признаться самому себе, чтобы обеспечить спасение; что это было величайшее доказательство любви, которое он мог показать своему сыну и испанской нации.

Это решение короля не упоминается в материалах судебного процесса. Приговор не был написан или подписан; но секретарь Хойо в записке говорит, *что в этот период судебного разбирательства принц умер от своей болезни, и это было причиной, по которой приговор не был вынесен.* Доказательство этого факта содержится в других статьях, в которых рассказываются любопытные анекдоты того времени. Хотя эти документы не являются подлинными, они заслуживают внимания, поскольку были написаны лицами, работавшими в королевском дворце, и согласуются с предположениями некоторых авторов. Это правда, что они сочли уместным не говорить прямо на такие деликатные темы, но они сказали достаточно, чтобы подвести к истине.

Кардинал Эспиноза и принц Эволи думали, что они должны выполнить намерения Филиппа и ускорить смерть дона Карлоса; они согласились, что врач должен сообщить принцу о его состоянии, ничего не говоря о недовольстве короля или о судебном процессе, и что он должен подготовить его к принятию увещаний, которые будут сделаны во благо его души: этими средствами они надеялись побудить его признаться и подготовиться к смерти, которая положила бы конец его несчастьям.

Принц Эволи провел совещание с доктором Оливаресом. Он говорил с ним в той таинственной и важной манере, которую так хорошо умеют использовать люди, сведущие в политике двора, когда это необходимо для продвижения взглядов их государя или их собственных замыслов. Руи Гомес де Сильва был совершенен в этом искусстве, по мнению его друга Антонио Переса, первого госсекретаря, который был хорошо знаком со всем, что происходило. В одном из своих писем он говорит, *что после смерти принца Эволи никто, кроме него самого, не будет посвящен в эти мистерии.*

Оливарес прекрасно понимал, что от него ожидали исполнения смертного приговора, вынесенного королем, и что это должно было быть сделано таким образом, чтобы не пострадала честь принца; короче говоря, его смерть должна была выглядеть естественной. Поэтому он попытался выразить свои чувства, чтобы сообщить принцу Эволи, что он понял его и рассматривает это как приказ короля.

20 июля Оливарес заказал лекарство, которое принял Дон Карлос. Луис Кабрера, работавший в то время во дворце и часто видевший Руи Гомеса, говорит в своей "Истории Филиппа II", что

"это лекарство не произвело никакого благотворного эффекта; и поскольку болезнь казалась смертельной, врач сообщил пациенту, что он должен приготовиться умереть как добрый христианин и принять причастия".

Истории, опубликованные Кабрерой, Вандерхаменом, Опмеро и Эстрадой, все согласуются с "тайными воспоминаниями того времени", которые я читал. Поэтому неудивительно, что принц Оранский в своем манифесте против Филиппа II. приписывает ему смерть своего сына[63]; что Джеймс Огастес де Ту, современный французский историк, сделал то же самое, судя по рассказам Луи де Фуа, французского архитектора, работавшего на строительстве Эскуриала, и Педро Джустиниани, венецианца дворянин, проживший некоторое время в Испании; хотя он ошибся, заставив святую канцелярию вмешаться в это дело; предположив, что принц умер через несколько часов от яда; и выдвинув некоторые другие ошибки на основании показаний двух своих информаторов[64]. Неудивительно, что авторы, на которых ссылается Грегорио Лети, излагают вещи, которые, по-видимому, написаны пером романиста или сочинительницы любовных романов, потому что смерть принца была вызвана таинственным лекарством, введенным по частному заказу, никто не сомневался, что она была вызвана насилием, и пытались догадаться, как это было сделано.

Но истина всегда рано или поздно раскрывается, и по прошествии полутора веков мы находим так много разрозненных фактов и описаний этого события, что они вызывают убеждение и показывают, что смерть дон Карлоса внешне выглядела как естественная смерть, и что он сам считал это таковой. Сообщения некоторых иностранных историков о результатах применения лекарства были опровергнуты подлинными документами: те писатели, которые сочиняли романы под названиями исторических произведений, также опровергнуты. Поэтому я продолжу излагать факты так, как они имели место.

Дон Карлос, получив от Оливареса сообщение о приближении смерти, пожелал, чтобы за его духовником послали за отцом Диего де Чавесом: его приказ был выполнен 21 июля. Принц поручил монаху попросить прощения у своего отца от его имени; король послал сказать ему, что он дарует это от всего сердца, а также свое благословение и что он надеется, что его раскаяние принесет прощение от Бога. В тот же день он с великой преданностью принял таинства Евхаристии и Елеосвящения. Он также, с согласия короля, составил завещание, которое написал Мартин де Гатцелу, его секретарь. 22 и 23 числа он был при смерти и спокойно выслушивал увещевания своего духовника и доктора Суареса де Толедо. Министры предложили королю лично повидаться со своим сыном и дать ему свое благословение, поскольку это было бы для него утешением на смертном одре. Филипп поинтересовался мнением двух вышеупомянутых священнослужителей. Они сказали, что дон Карлос был настроен доброжелательно, и можно было опасаться, что вид его отца вызовет некоторое смятение в его уме. Этот мотив пока сдерживал его; но, узнав вечером 23-го, что его сын при смерти, он пошел в свои покои и, протянув руки между принцем Эволи и великим приором, во второй раз благословил его, оставаясь незамеченным. Затем он, рыдая, удалился, а вскоре после этого Дон Карлос скончался, в четыре часа утра 24 июля, за день до праздника Святого Иакова, покровителя Испании.

Смерть дон Карлоса не держалась в секрете. Он был похоронен со всей pompой, подобающей его сану, в церкви монастыря монахинь Святого Доминика *эль-Реаль* в Мадриде, но надгробной речи не было. Филипп II. объявил о смерти дон Карлоса всем властям, которые были

проинформированы о его заключении. 14 августа в Мадриде также прошли торжественные похороны. Проповедь произнес отец Хуан де Тобар, тот самый монах, который обманул принца, чтобы заставить его признаться, кого он хотел убить. В том же году был напечатан длинный отчет о болезни, смерти и похоронах дона Карлоса. Муниципалитет Мадрида распорядился, чтобы его написал Хуан Лопес дель Ойо, профессор латыни в этой столице.

Испания сожалела о смерти дона Карлоса, поскольку у короля не было другого сына. От своей третьей жены, Елизаветы или Изабеллы Французской, у него было всего две дочери, и эта добродетельная принцесса умерла от выкидыша в том же 1568 году. Это несчастье (и дурное мнение всей Европы о Филиппе II, которого считали жестоким и лицемерным принцем) послужило причиной обвинения в смерти королевы. Сначала его обвинил в этом принц Оранский, а затем и многие другие лица. У Франции были доказательства обратного, поскольку Карл IX направил в Мадрид чрезвычайного посла с выражением соболезнования королю, который действительно был безутешен из-за потери своего ожидаемого наследника. Хуан Лопес дель Ойо в 1569 году опубликовал достоверный отчет о болезни и смерти королевы; и некоторые обстоятельства, которые он упоминает, кажутся несовместимыми с применением яда, который, как говорят, стал причиной ее смерти. Очевидно, что принц Оранский позволил ввести себя в заблуждение ненавистью и местью. Невозможно поверить в реальность преступления, когда невозможно понять ни цель, ни мотивы его совершения, а Филипп, безусловно, интересовался жизнью королевы. Некоторые писатели, предположив, что преступление было совершено, попытались выяснить причину, а некоторые авторы романов думали, что они обнаружили ее в мнимой интриге с Доном Карлосом. Если предположить, что это правда, то есть исторические доказательства того, что это могло начаться только после его возвращения из Алькалы, и в то время он страстно желал жениться на своей кузине Анне Австрийской. Эта принцесса стала четвертой женой Филиппа и матерью его преемника Филиппа III.

Филипп II, желая увековечить справедливость своего поведения по отношению к сыну, распорядился собрать и сохранить материалы судебного процесса с оригиналом и переводом с каталонского языка дела дона Чарльза, принца Бианы. Дон Франсис де Мора, маркиз де Кастель Родриго, который стал доверенным лицом короля после смерти Руи Гомеса де Сильвы в 1592 году, поместил эти записи в зеленый сундук, который впоследствии король отправил закрытым и без ключа в королевский архив Симанкаса, где он находится до сих пор, если его не унесли по приказу французского правительства, как сообщалось в Испании.

ГЛАВА XXXII.

СУД НАД АРХИЕПИСКОПОМ ТОЛЕДО.

ОДНОЙ из самых выдающихся жертв святой канцелярии был дон Бартоломью Карранса де Миранда, архиепископ Толедский. Материалы судебного разбирательства составляют двадцать четыре тома, каждый из которых содержит тысячу или тысячу двести страниц. Это огромное собрание сочинений, несомненно, должно содержать множество фактов, неизвестных дону Педро Салазару де Мендосе, автору "Жизни Каррансы". Этот уважаемый писатель не жалел средств, чтобы докопаться до истины, но не мог проникнуть в тайну, окутывающую деятельность инквизиции. Я прочитал этот судебный процесс, который позволяет мне восполнить упущения Салазара де Мендосы и исправить его невольные ошибки.

Бартоломью Карранса родился в 1503 году в *Миранда-де-Арга*, небольшом городке в королевстве Наварра: он был сыном Педро Каррансы и внуком Бартоломью, оба представители дворянства Миранды. Следовательно, его настоящая фамилия была *Карранса*; но хотя он был доминиканским монахом, его звали только Миранда. Когда он был назначен архиепископом Толедо, его называли Карранса де Миранда, чтобы удостоверить личность: он, однако, подписался только именем Фрай Бартоломеус Толетанус, согласно обычаю того времени. Семья Карранса просуществовала до восемнадцатого века по прямой мужской линии от Педро, брата архиепископа. В двенадцать лет Бартоломью, благодаря интересу своего дяди Санчо де Каррансы, доктора университета Алькала-де-Энарес и антагониста Эразма, был принят в колледж Святого Евгения, который находился в зависимости от университета. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, он поступил в колледж Святой Бальбины, чтобы изучать то, что тогда называлось *философией и искусствами*, которые ограничивались некоторыми общими идеями логики, метафизики и физики. В 1520 году он принял монашество доминиканца в монастыре *Веналес* в *Алькарии*, который впоследствии был перенесен в город *Гвадалаксара*. Как только он исповедался, его отправили изучать богословие в колледж святого Стефана Саламанкского, а в 1525 году он был переведен в колледж святого Григория Вальядолидского.

Доказательство быстрого прогресса Варфоломея можно увидеть в судебном процессе над ним. Брат Мишель де Сен-Мартин, доминиканский монах и профессор того же колледжа в Вальядолиде, донес на него святой канцелярии в 1530 году, заявив, что за два или три года до этого у него было несколько бесед с Каррансой на темы, касающиеся его совести; что он заметил, что тот ограничивает власть папы в отношении церковных церемоний; и что он сделал ему выговор за столь ошибочное мнение. В 1530 году отец Хуан де Вильямартин также осудил Каррансу как ярого защитника Эразма, даже в вопросах таинства покаяния и частой исповеди людей, находящихся лишь в состоянии простительного греха; что, противопоставив ему пример святого Иеронима, он утверждал, что этот факт невозможно подтвердить авторитетом какого-либо уважаемого церковного историка; что Карранса также сказал, что не следует презирать Эразма за то, что он сказал, что Апокалипсис не был работой святого Иоанна. евангелист, но другого священника, носившего то же имя.

Эти доносы не использовались до тех пор, пока инструкция по судебному разбирательству над архиепископом не продвинулась далеко вперед, когда были использованы все методы для поиска материалов для обвинений; затем были просмотрены *доносы и приостановленные судебные процессы*, и вышеупомянутые были найдены. Они были отмечены как заявления свидетелей под номерами девяносто четыре и девяносто пять; в то время как, согласно датам, они должны были быть первыми.

Поскольку эти доносы не были известны за пределами святой канцелярии, ректор и советники колледжа Святого Григория де Вальядолида представили Каррансу в 1530 году в качестве профессора философии; в 1534 году он был назначен профессором теологии, а вскоре после этого получил квалификацию в святой канцелярии Вальядолида. В 1539 году его отправили в Рим для участия в общем собрании своего ордена, где он был выбран для защиты тезисов, которые доверялись только лицам, способным хорошо выполнять свои обязанности: таланты, которые он проявил в этих упражнениях, принесли ему звание доктора и магистра богословия; и Павел III разрешил ему читать запрещенные книги.

По возвращении в Испанию он с наибольшим успехом преподавал теологию в своем колледже Святого Григория. В 1540 году в горах Леона и Сантандера полностью провалился сбор урожая, и жители в большом количестве отправились в Вальядолид. Карранса не только содержал сорок таких бедняков в своем колледже, но и продавал свои книги, чтобы помогать другим жителям города, сохранив только свою Библию и *Краткое содержание* Святого Фомы. В течение этого периода он был постоянно занят, либо в священной канцелярии в качестве квалификатора, либо дома, критикуя книги, присланные ему Верховным советом, либо произнося проповеди на *аутодафе*.

В том же 1540 году Карранса был назначен епископом Куско, но он отказался ехать в Южную Америку иначе, как проповедником Евангелия. В 1544 году Карранса был направлен на Тридентский собор в качестве богослова к Карлу V. Он оставался там три года, и именно там кардинал Пачеко (декан испанских прелатов, присутствовавший на соборе) нанял его проповедовать об *оправдании* перед Отцами Церкви. В 1546 году он опубликовал в Риме одну из своих работ под названием "*Краткое изложение соборов*"; и другую в Венеции "*Богословские споры*". В 1547 году он опубликовал трактат *О резиденции епископов*, который создал ему много врагов и на который напал брат Амброз Катерино, а защищал брат Доминик де Сото, оба доминиканцы.

По возвращении в Испанию в 1548 году он отказался от назначения духовником Филиппа II, тогдашнего принца Астурийского, а в 1549 году отказался принять епископство Канарских островов. В том же году он был избран настоятелем доминиканцев Паленсии, с чем согласился. В 1550 году он был назначен провинциалом монастырей Кастилии и посетил свою провинцию.

Трентский собор был вновь созван в 1651 году, император приказал Каррансе присутствовать на нем, а кардинал-архиепископ Толедо наделил его всеми полномочиями; он помогал на различных ассамблеях до 1552 года, когда был отстранен от должности во второй раз. Среди различных поручений, доверенных ему, была работа по подготовке *Указателя*. По возвращении в Испанию срок его провинциального пребывания истек, и он вновь поступил в колледж Святого Григория Вальядолидского.

Союз между Филиппом II и Марией, королевой Англии, был заключен, и отец Бартоломью в 1554 году отправился в Англию, чтобы помочь кардиналу Поулу подготовить королевство к возвращению к католической вере. Карранса провел большую часть своего времени в проповеди и преуспел в обращении большого числа еретиков. Когда король покинул Англию, чтобы отправиться в Брюссель, Карранса остался с королевой, которой он был полезен в поддержке католической доктрины в университетах и улаживании других дел величайшей важности. По приказу кардинала Поула он пересмотрел каноны, принятые национальным советом, и наказал нескольких упрямых еретиков, особенно Томаса Кранмера, архиепископа Кентерберийского, и Мартина Буцера; его рвение часто подвергало его большой опасности.

В 1557 году он отправился во Фландрию, где приказал сжечь все книги, зараженные ересью Лютера. Он сделал то же самое во Франкфурте, а также сообщил королю, что многие из этих книг были завезены в Испанию через Арагон. Филипп, в результате, отдал необходимые приказы генеральному инквизитору перехватить эти работы. Чтобы сделать эту меру более эффективной, Карранса составил список подозреваемых испанцев, бежавших в Германию и Фландрию. Оригинал этого списка был найден среди его бумаг, когда он был арестован.

После смерти кардинала Силичео, архиепископа Толедского, король назначил Каррансу своим преемником; однако он отказался принять сан и назвал дона Гаспара де Суньига-и-Авельянаду, епископа Сеговии, дона Франциска де Наварра, епископа Бадахоса, и дона Альфонсо де Кастро, францисканца, более достойными выбора короля, чем он сам. Он упорствовал в своем отказе до тех пор, пока король не приказал ему присягнуть на верность архиепископству: оригинал этого королевского приказа также был найден среди бумаг Каррансы. Павел IV обошелся без обычных формальностей; он был *предварительно осужден* на полной консистории 16 декабря 1557 года, и его буллы были приняты в ускоренном порядке. Педро де Мерида, каноник Паленсии, управлял городом до прибытия архиепископа. Инквизиция Вальядолида впоследствии привлекла его к ответственности за несколько писем, которые он написал Каррансе и которые были найдены среди его бумаг; он также был обвинен братом Домиником де Роксасом и другими сообщниками доктора Касальи.

Архиепископ Карранса был хиротонисан в Брюсселе 27 февраля того же года кардиналом Гранвилем, впоследствии первым архиепископом Малинса. Он опубликовал в Антверпене свой Катехизис на испанском языке под названием *"Комментарии преподобного брата Бартоломео Карранса де Миранда, архиепископа Толедского, к христианскому катехизису в четырех частях"*^[65].

Впоследствии он вернулся в Испанию и несколько раз помогал на соборах Кастилии и инквизиции. Примерно в середине сентября он отправился в монастырь Сен-Жюст, чтобы доложить Карлу V. о некоторых делах, доверенных ему Филиппом II, и засвидетельствовать свое почтение императору, который в то время был болен и скончался два дня спустя. В восемнадцатой главе был дан отчет о том, что произошло во время этого визита. Затем он отправился в свою архиепископию, где пробыл шесть месяцев, а затем отправился в Алькала-де-Энарес с намерением посетить свою епархию. В течение шести месяцев, которые он провел в столице, его поведение было образцовым: он проводил время в проповедях, раздаче милостыни, посещении заключенных и больных, а также в произнесении молитв за умерших. Он занимался тем же самым во всех местах, через которые проходил, пока не прибыл в Торрелагуну, где 22 августа был арестован инквизицией. Его отвезли обратно в Вальядолид и заключили в тюрьму в доме, принадлежащем старшей ветви семьи дона Педро Гонсалеса де Леона, где охранять его был назначен инквизитор дон Диего Гонсалес.

Карранса нажил врагов нескольким епископам, когда опубликовал свой трактат *О резиденции епископов*: репутация, которую он приобрел благодаря обучению на Тридентском соборе за счет нескольких человек, считавших себя выше него, сделала их также его врагами или, по крайней мере, соперниками. Среди них был Мельхиор Кано, о котором уже упоминалось; их соперничество переросло в открытую ревность с его стороны и со стороны брата Хуана де Регла, когда Карранса был назначен архиепископом Толедо. Эта ненависть стала общей для других, когда, отказавшись от архиепископства, отец Бартоломео рекомендовал королю трех упомянутых выше лиц: среди них были дон Фердинанд Вальдес, генеральный инквизитор; дон Педро де Кастро, епископ Куэнсы, сын графа де Лемоса; и человек гораздо больших заслуг, дон Антонио Августин, архиепископ Таррагоны, который был светилом Испании в области священной литературы. Эти люди пытались скрыть свои чувства, но их слова и поступки выдавали их.

Помимо этого основного мотива заговора против архиепископа, нам может быть позволено предположить и другой. Карранса передал копию своего Катехизиса маркизе д'Альканьис в нескольких отдельных экземплярах; когда он был напечатан, он распространил его в том виде, в каком он вышел из печати.

Маркиза д'Альканьис доверила этот труд нескольким ученикам или сторонникам архиепископа, среди которых были отец Хуан де ла Пенья, отец Франциск де Тордесильяс и отец Луис де ла Крус; его также прочитал Мельхиор Кано, который в разных беседах прямо намекал, что в нем содержатся положения, тяготеющие к лютеранской ереси. Дон Фердинанд Вальдес, будучи проинформирован об этих обстоятельствах, купил несколько экземпляров Катехизиса и разослал их лицам, с мнениями которых он был хорошо знаком, желая, чтобы они внимательно прочитали его и заметили все, что заслуживало богословской критики, но не излагали своего мнения в письменной форме до тех пор, пока они снова не свяжутся с ним. Людьми, которых он выбрал, были отец Мельхиор Кано, отец Доминик Сото, отец Доминик Куэвас, магистр Карлос, и отец Педро Ибарра, провинциал францисканцев.

Эта работа была также отправлена дону Педро де Кастро, епископу Куэнсы; и можно сказать, что его ответ, датированный Парехой 28 апреля 1558 года, лег в основу судебного процесса над Каррансой. Из письма генеральному инквизитору следует, что он просил узнать мнение де Кастро о Катехизисе, и он сообщает ему, что считает это опасной работой, обещает изложить ему свои доводы в пользу этого и добавляет, что статья об *оправдании* тяготеет к лютеранству. Он говорит, что, услышав, как автор высказывался в той же манере на Тридентском соборе, у него сложилось плохое мнение о его доктрине, хотя он и не думал, что Карранса действительно придерживался таких ошибочных взглядов. Дон Педро далее говорит, что его нынешнее мнение подтверждается фактами, которые он уже сообщил доктору Андресу Пересу, члену Верховного совета.

Из документа, подписанного тем же епископом первого сентября 1559 года, следует, что его сообщения советнику ограничивались следующими статьями: что, присутствуя на проповеди, произнесенной Каррансой перед королем в Лондоне, он заметил, что тот говорил об *оправдании людей живой верой в страсти и смерть Иисуса Христа* в терминах, приближающихся к лютеранству; что брат Хуан де Вильягарсия сообщил ему, что дон Бартоломео произнес эту проповедь в предыдущем году в Вальядолиде, и что затем он сказал: "Карранса должен быть спасен". считал это предосудительным. Епископ добавляет, что он говорил с Каррансой на эту тему и объяснил его молчание смирением; что в другой раз, когда он проповедовал перед королем, он сказал, что некоторые грехи недопустимы. Сначала ему показалось, что он его не понял, но впоследствии Карранса несколько раз повторил одно и то же предложение. В заключение епископ заявил, что в другой проповеди, произнесенной перед королем, дон Бартоломео говорил об индульгенциях, дарованных буллой о Крестовом походе, как будто их можно купить за два риала (*десять пенсов*); и что он считает подобные высказывания очень опасными в Англии среди еретиков. Все это согласуется с заявлением брата Анхеля дель Кастильо после ареста архиепископа, который заявил, что де Кастро сказал, что *Карранса проповедовал подобно Филиппу Меланхтону*.

Из этого заявления следует, что дон Педро де Кастро не испытывал никаких угрызений совести до тех пор, пока не прошло три года после его поездки в Лондон, и не считал себя обязанным осудить Каррансу, пока тот не потерял всякую надежду стать архиепископом Толедо; если бы

дон Бартоломью задержался хотя бы на месяц, его никогда бы не обвинили. Генеральный инквизитор отдал письмо, которое он получил от де Кастро, чтобы начать разбирательство, но он не упомянул о том, что написал сам, что показывает, что оно не было официальным. Советник дон Андреа Перес не опроверг и не доказал ни один из фактов, изложенных епископом, так что заявление не было приобщено к делу, когда был издан приказ об аресте; примерно полтора года спустя было сочтено целесообразным заменить его письмом, подписанным епископом. Римский суд был поражен неправильностью судебного разбирательства, когда получил материалы судебного процесса.

Брат Хуан де Вильягарсия, уже находясь в заключении в 1561 году, заявил, что он прекрасно помнит, как де Кастро упоминал проповедь, произнесенную Каррансой в Лондоне, но не то, чтобы он был шокирован этим или что он сказал что-либо, что могло произвести такой эффект. Виллагарсия сказал, что как доверенное лицо архиепископа и нанятый для переписывания его работ, он был более способен защитить чистоту своей веры, чем кто-либо другой; и попытался доказать, что в его работах нет ничего, кроме католических положений.

Очевидно, что судебный процесс возник из-за злого умысла генерального инквизитора, который побудил его передать катехизис врагам Каррансы: когда Кано сообщил ему о существовании положений, послуживших причиной доноса, он официально отправил работу ему и другим *квалификаторам*, Сото и Куэвасу; но этого не произошло до тех пор, пока не произошли некоторые обстоятельства во время судебных процессов над несколькими лютеранами, которые, по-видимому, стали причиной ареста Каррансы, хотя факт был полностью ложным. Генеральный инквизитор, которому сообщили, что Карранса был близок с маркизами д'Альканьис и де Поса, многие из друзей и родственников которых находились в тюрьмах инквизиции, приказал инквизиторам Вальядолида получить от заключенных информацию о вере архиепископа. Также был распространен слух, что несколько человек обнаружили сходство между мнениями Каррансы и Касальи; это удалось настолько успешно, что сторонник Кано имел наглость объявить с кафедры, когда Касалья был арестован, что был отдан приказ арестовать архиепископа Толедо.

25 апреля 1558 года донна Антуиния Мелла заявила, что Кристофер де Падилья передал ей рукопись, содержащую лютеранские доктрины, которая, по его словам, была написана Каррансой. Это заявление не было доведено до сведения архиепископа, поскольку произведение было написано братом Домиником де Роксасом. 17 числа того же месяца Педро де Сотело сделал аналогичное заявление.

29 апреля донна Анна Энрикес д'Альманса заявила, что она спросила брата Доминика де Роксаса, должен ли он обсуждать вопросы доктрины с архиепископом, и он сказал, что не должен, потому что Карранса только что написал книгу против лютеран. Она добавила, что слышала, как Фрэнсис де Виберио сказал, что архиепископ будет гореть в аду, потому что, зная лучше, чем кто-либо другой, что учение Лютера было ортодоксальным, он приговорил к сожжению нескольких человек в Англии за то, что они его исповедовали. Франсис де Виберио на допросе заявил, что не помнит, чтобы употреблял эти слова, и что он считает это сомнительным, поскольку Карранса всегда был католиком.

Донна Катрин де Риос, настоятельница монастыря Святой Екатерины в Вальядолиде, заявила 24 апреля, что слышала, как отец Доминик де Рохас сказал, что дон Бартоломью заявил, что *он не нашел никаких доказательств существования чистилища в Священном Писании*: однако на

следующий день она добавила, что убеждена, что Карранса действительно верит в чистилище, потому что он всегда призывал своих монахов служить мессы по усопшим; она заявила, что, спросив донну Анну де Риос, она заявила, что спросив донну Анну Энрикес, если архиепископ придерживался того же мнения, что и она; она ответила, что, напротив, он написал книгу, опровергающую их; что донна Бернардина де Рохас сказала ей, что она узнала от отца Доминика, что архиепископ посоветовал ему *не позволять своему гению увлечь себя*; что Сабино Астете, каноник Саморы, заверил ее, что слышал, как отец Доминик заявлял, что испытывает величайшее сострадание к Каррансе, потому что тот придерживается иных взглядов. Это заявление не было доведено до сведения архиепископа при публикации показаний свидетелей, поскольку в нем ничего не содержалось против него. Если бы эти заявления были доведены до сведения его защитника, он мог бы извлечь из них большую пользу.

Брат Доминик де Рохас, вызванный по делу, касающемуся чистилища, заявил, что дон Бартоломео всегда высказывался по этому вопросу как добрый католик.

Брат Хуан Мануэлес, доминиканец, низложенный 18 октября 1560 года, за девять или десять лет до этого беседовал с доном Бартоломео по поводу лютеранки, приговоренной к сожжению, но не мог быть уверен, выдвинул ли архиепископ следующее предположение: *Несомненно, что Священное Писание не уверяет нас в существовании чистилища*, — этот свидетель дает показания через год после ареста архиепископа и не уверен в этом факте. Разве он не осудил бы его десять лет назад, если бы услышал, как он говорит в такой манере?

4 мая 1559 года Педро де Касалья заявил, что в 1554 году он слышал, как дон Чарльз де Сесо отрицал существование чистилища и повторил это утверждение перед доном Бартоломео Каррансой, который казался шокированным, но не пытался опровергнуть или осудить его. Обвиняемый также сказал, что отец Доминик де Рохас сказал ему, что он сообщил Каррансе, что не может примирить доктрины оправдания и чистилища, и тот ответил, что *не было бы большим злом, если бы чистилища не было*; что, исходя из решения Церкви, его учитель сказал ему: *Вы еще не способны понять этот вопрос*.

Дон Чарльз де Сесо, допрошенный по этому поводу 27 июня, ответил, что дон Бартоломео сказал ему, что он должен верить в существование чистилища, и что, если он не будет вынужден уехать, он удовлетворительно ответит на его доводы; что Педро Касалья был единственным человеком, которому он сообщил о своем разговоре с Каррансой; что у него есть основания полагать, что его нынешний вызов был вызван заявлением Касальи, который не говорил правды. 20-го и 23-го числа отец Доминик заявил, что Карранса всегда говорил о чистилище как добрый католик. Таким образом, представляется, что заявления Касальи были признаны ложными еще до того, как был издан приказ об аресте.

7 мая 1559 года инквизитор Уильям отправил письмо от Каррансы, в котором тот упоминает дону Чарльза де Сесо и говорит, что он не осуждал его, потому что думал, что тот всего лишь ввел его в заблуждение; что было доказано ответом Сесо, когда тот сделал ему выговор, что он будет верить только тому, что действительно предписано католической религией, и что затем он сказал ему, что не может поступить лучше.

Гарсия Барбон де Бексег, альгвасил инквизиции Калаорры, низложенный 12 мая, заявил, что он арестовал брата Доминика де Рохаса, когда тот пытался бежать из Испании, и что, беседуя с

ним об увеличении числа лютеран, он спросил, принадлежит ли его господин Карранса к этой секте; Роксас ответил отрицательно; что он не собирался искать его во Фландрии по этой причине, а хотел получить от короля милость не подвергаться унижению. Это заявление не было доведено до сведения архиепископа при публикации показаний.

13 мая отец Доминик де Роксас заявил, что отец Франциск де Тордесильяс выразил жалость к нему, когда услышал, как он говорит о *оправдании* и использует в своих выступлениях фразы, окрашенные лютеранством; что это также произошло с Каррансой. Отец Фрэнсис, после допроса, показал, что, скопировав несколько работ архиепископа и переведя другие на латынь для маркизы д'Альканьес и разных лиц, он вставил *предисловие* к одной рукописи, заявив, что способ избежать ошибок при чтении этих работ - понимать в католическом смысле некоторые положения о *оправдании*, которые могут быть истолкованы по-разному; что все, что написал Карранса, было в духе католической религии; что он, обвиняемый, знал свои намерения. быть чистым, потому что он видел, как он совершал добрые дела, а его проповеди, конференции и личная жизнь полностью соответствовали истинным принципам веры.

Донна Фрэнсис де Суньига, низложенная 2 июня, утверждает, что Карранса сказал ей, что при условии, что она не находится в состоянии смертного греха, она может подойти к святому столу без исповеди; что 13 июля она слышала, как отец Доминик де Роксас сказал, что Карранса разделял некоторые мнения Лютера, но не все; что монахини Вифлеемского монастыря не верят в чистилище, потому что Педро Касалья сказал им, что таково мнение Каррансы. Брат Доминик, будучи вызванным, дал показания, касающиеся вышеупомянутого чистилища: 21 марта он добавил, что дон Бартоломью всегда объяснял свои положения в католическом смысле и ненавидел лютеранскую доктрину; и что если бы он, обвиняемый, всегда извлекал пользу из этих объяснений, он не впал бы в ошибку. Педро Касалья, которого допрашивали относительно вифлеемских монахинь, ответил, что он не помнит, чтобы говорил в такой манере, но что он пришел к выводу, что таково было мнение Каррансы, когда он не осуждал дона Чарльза де Сесо.

13 июля инквизиторы изъяли все книги, написанные Каррансой, в доме маркизы д'Альканьес, которая 28 июля заявила, что, прочитав *Комментарии к пророчествам Исайи*, написанные Каррансой, она спросила отца Хуана де Вильягарсия, из какой книги автор почерпнул столько эрудиции? Брат Хуан ответил, что это содержится в труде Лютера и что эта книга не может быть доверена каждому человеку, потому что у этих авторов добро слишком часто смешивалось со злом. Отец Хуан де Вильягарсия, которого допрашивали по этому поводу, ответил, что это работа *Колампадия*, и что архиепископ всегда скрывал ее; что это правда, что он взял из нее материалы для трактата, в котором объяснял пророчества Исайи; но он привык говорить, что авторам-еретикам нельзя доверять; что архиепископ был соблазнен ими, но всегда защищал католическую религию. Уже говорилось, что Павел III разрешил ему читать запрещенные произведения; краткое изложение было найдено среди его бумаг.

3 июля Элизабет Эстрада заявила, что отец Доминик де Роксас сказал ей, что от дона Бартоломью зависит заставить ее сестру маркизу д'Альканьес принять ошибки Лютера, и что он надеется увидеть, как это событие произойдет, потому что тогда король и вся Испания примут эту религию. Обвиняемый также сообщил, что брат Доминик сказал ей, что дон Бартоломью читал труды Лютера. Брат Доминик, будучи допрошенным, ответил, что он часто говорил таким образом с монахинями, которые разделяли его мнение, и с другими членами его общества

лютеран, добавив, что Карранса думал так же, как и он, *обоправдании* и чистилище; что он (Роксас) составил *Объяснение символов веры* в соответствии со своим собственным вероучением и приписал это Каррансе, чтобы придать ему больше значимости; что он всегда говорил, что архиепископ одобрял доктрину Лютера, чтобы убедить этих людей упорствовать в вере, но что он (Роксас) никогда не говорил, что дон Бартоломью читал труды Лютера, потому что он не знал, что тот читал. Обвиняемый заявил, что изменения в его ситуации побудили его исповедать правду; что архиепископ никогда не принимал подобных доктрин и что он всегда придавал католический смысл тем фразам, которые имели бы противоположное толкование.

23 августа отец Бернардин де Монтенегро и отец Хуан де Мечета (оба монахи монастыря Святого Франциска в Вальядолиде) добровольно осудили проповедь, которую архиепископ произнес двумя днями ранее в монастыре Святого Павла и в которой он использовал некоторые выражения, сходные с теми, которые употребляют еретики. Он также сказал, что к обращенным еретикам следует относиться с милосердием, и что людей иногда называют еретиками, иллюминатами или квиетистами просто потому, что их видели стоящими на коленях перед распятием и бьющими себя в грудь камнем: он сослался на авторитет святого Бернарда, чтобы поддержать свое последнее предложение, которое (по словам обвинителей) не согласуется с тем, что он выдвинул. Проповедь, впоследствии обнаруженная среди бумаг архиепископа, была изучена квалификаторами и, по-видимому, не содержала ни одного положения, заслуживающего порицания. И все же инквизиторы осмелились официально потребовать от принцессы Джейн, правительницы королевства, что она думает о проповеди; принцесса любезно ответила, что, насколько она помнит, слышала лишь некоторые предложения, которые показались ей неподобающими.

25-го числа того же месяца Фердинанд де Сотело осудил дону Бартоломью за то, что тот сказал в присутствии Педро де Сотело, его брата, и Кристофера Падиљи, что, если бы рядом с ним был нотариус, когда он умирал, он пожелал бы, чтобы тот составил акт *оботказе от всех своих добрых дел*. Педро и Кристофер заявили, что не помнят, чтобы они повторяли это Фердинанду де Сотело. Но бой Доминик де Рохас свергнут, во время пыток, 10 сентября, 1559, что он думал, он вспомнил, как однажды в деревне Альканьисес, и слыша не Варфоломей сказал, что в момент смерти он должен желать, чтобы у нотариуса, чтобы составить акт отречения в заслугу добрые дела, потому что он полагался исключительно на тех, Иисуса Христа, и что он считает свои грехи, как ничто, потому что Иисус искупил их; Доминик добавил, что Дон Луис де Рохас, его племянник, связанные то же самое, как имевших место при его возвращении из Фландрии в свиты короля, и что все эти выражения не заставить его считать архиепископа, как лютеранин, но, как добрый католик, потому что еретики отрицали, что добрые дела человек может искупить грех, и искупление отнести в заслуги Иисуса Христа, хотя Карранса утверждал только, что искуплении добрые дела грешника было так мало по сравнению с бесконечным заслуг нашего Искупителя, что грешник может рассматривать их как ничто, если он истово молился по применению заслуги нашего Спасителя, умирающего на кресте. Кажется, нет никаких сомнений в том, что отец Доминик был автором опровергнутого предложения; он объяснил это в пользу обвиняемого во время пыток.

8 сентября брат Доминик заявил, что дон Бартоломью сказал, что выражение "*отслужить мессу*" неточно; что правильнее было бы сказать "*отслужить мессу*", от латинского "*facere rem sacram*", и что он использовал это выражение за кафедрой и в своих трудах. Этого обвинения, безусловно, было недостаточно для вынесения постановления об аресте.

23 сентября доктор Касалья заявил, что десять или двенадцать лет назад он слышал, как отец Доминик де Рохас говорил, что дон Бартоломео придерживался доктрин лютеран. Брат Доминик на допросе отрицал этот факт, но впоследствии, под пытками, признался, что он часто заявлял, что дон Бартоломео верит в доктрины лютеран, чтобы придать вес своему собственному мнению, и признавал, что говорил неправду.

Тот же доктор Касалья (будучи обследованным по показаниям донны Фрэнсис де Суньи́га, которая сказала, что он обучал ее доктрине Лютера) заявил, что донна Фрэнсис, и ее брат Хуан, сказали ему, что они были обучены доном Бартоломео. Брат и сестра отрицали этот факт, а Касалья, подвергнутый пыткам, отказался от своих показаний.

9 декабря отец Амброз де Салазар, доминиканец, которого вызвали, чтобы заявить, правда ли то, что он сказал, что некоторые люди говорят на том же языке, что и еретики Германии, ответил, что это правда, и что он ссылался на Доминика де Роксаса, Кристофера Падилью и Хуана Санчеса. Его заставили назвать всех тех, к кому можно было бы применить его намек, и он сказал, что больше никого не помнит. Затем его попросили обратиться к своей памяти и на следующий день вернуться в трибунал инквизиции. Он подчинился, но ничего не добавил к своему прежнему заявлению. Затем ему сказали, что инквизиторам сообщили, что он ссылался на какого-то другого человека, что он должен попытаться вспомнить его, а затем вернуться. 14 числа того же месяца монах отправился в инквизицию и сказал, что, по его мнению, заданные ему вопросы имели отношение к архиепископу, особенно после сообщения о начале судебного процесса над ним; что до этого он был далек от того, чтобы подозревать самого ревностного защитника католической религии в ереси; что его слова согласуются с его писаниями; что он обратил многих еретиков и сжег некоторых других; что если он принимал определенные фразы, используемые еретиками, он всегда объяснял их ортодоксальным образом, и что в этом случае он всего лишь последовал примеру нескольких святых.

Дон Франсис Манрике де Лара, епископ Саламанки, 10 октября заявил, что в Наксере он слышал, как говорили, что архиепископ был арестован из-за его катехизиса, и что отец Амброз заметил: *возможно, дело не только в этом; возможно, что подозревали его веру в чистилище.*

Когда произошла публикация показаний, показания Салазара не упоминались, и защитники обвиняемого так и не узнали, что он их дал. Таким образом, инквизиторы в своих разбирательствах нарушают естественное право, скрывая все, чем может воспользоваться защитник.

9 декабря отец Хуан де Регла добровольно осудил Каррансу за некоторые выражения, употребленные им в адрес Карла V. О прощении грехов. Об этом деле уже упоминалось в тринадцатой главе. 23-го числа Хуан снова осудил дону Бартоломео за то, что тот поддержал аргументы лютеран на второй сессии Тридентского собора относительно святого жертвоприношения во время мессы; и за то, что он осмелился сказать *ego hæro certe*, что шокировало нескольких отцов собора; он признал, что обвиняемый впоследствии объяснил свои слова, но сказал, что это было без энтузиазма. Этот монах был единственным свидетелем, подтвердившим этот факт. Дон Диего де Мендоса, посол Испании в совете, который был пунктуален в посещении заседаний, заявил, что он не помнит этого обстоятельства, которое ранее не было опровергнуто ни одним из многочисленных соперников Каррансы. Отец Хуан был крайне огорчен тем, что не смог получить епископство, и мы можем предположить, что ничто,

кроме ревности, не могло внушить ему таких сомнений спустя шестнадцать лет после этого события. Следует отметить, что он был осужден инквизицией Сарагосы, что он отрекся от восемнадцати положений и преследовался иезуитами, из которых он и Кано показали себя самыми яростными противниками, в то время как дон Бартоломью былих другом. Поэтому Кано и де Регла пытались унизить Каррансу и преследовали его за то, что он был тайно связан с иезуитами.

Лицензиат Хорнуза, апелляционный судья округа Сантьяго, заявляет в письменном виде, приложенном фискалом к судебному разбирательству через шесть недель после ареста архиепископа, что этот прелат, представив Тридентскому собору некоторые аргументы в пользу Лютера, признал, что на них можно дать исчерпывающий ответ; свидетель добавил, что доктор Градос может подтвердить правдивость его показаний. Врач не был осмотрен. Кто, в самом деле, может поверить, что Карранса высказался бы в такой манере на Тридентском соборе? 14 декабря отец Доминик де Роксас представил письмо, содержащее признание своих ошибок и молитву о прощении: он сделал те же заявления относительно архиепископа, что и раньше; добавив, что *он был вынужден признаться, что, по его мнению, если бы прелат и некоторые другие не были приготовлены на сиропе из лютеранских фраз, труды ересиарха не произвели бы такого сильного впечатления на их умы*. Брат Доминик сказал это, чтобы загладить свое собственное преступление и в надежде на примирение; но, получив 7 октября 1559 года сообщение о том, что он должен готовиться к смерти на следующий день, он потребовал аудиенции, чтобы сделать заявление, необходимое для упокоения его души; и получив его, он сказал, "что он никогда не слышал, чтобы дон Бартоломью произносил какие-либо слова, противоречащие доктрине Святой Церкви, что он всегда выступал против лютеран, и объяснил те фразы, которые он (брат Доминик) видел в еретических книгах, и что он никогда не слышал, чтобы дон Бартоломью произносил какие-либо слова, противоречащие доктрине Святой Церкви". слышал от проповедников в Вальядолиде, в ортодоксальном смысле этого слова".

Выше приведены все заявления, содержащиеся в процессе архиепископа Толедского, когда было объявлено о его аресте. Можно даже предположить, что их было не так уж много, поскольку рассмотрение дела было ускорено 7 января 1559 года, и, следовательно, оно должно было быть запрошено самое позднее в начале декабря 1558 года. Осуждение работ Каррансы и мнение епископа Куэнсы также были использованы в качестве мотива для этого требования. В квалификации участвовали Мельхиор Кано, Доминик Куэвас, Доминик Сото, Педро Ибарра и Мастер Карлос. Ниже приведен список трудов архиепископа MS., которые упоминаются в печатном Катехизисе на этой части процесса.

2. Примечания к объяснению стиха *Ауди филия* 44-го псалма, Хуан д'Авила, 83.
3. Объяснение 83-го Псалма.
4. Объяснение Псалма 129.
5. Объяснение Псалма 142.
6. Объяснение пророка Исайи.
7. Объяснение Послания апостола Павла к Римлянам.
8. То же самое и в Послании к Галатам.
9. То же самое и к Ефессянам.
10. То же самое с филиппийцами.

11. То же самое и в Послании к Колоссянам.
12. Объяснение канонического послания святого Иоанна.
13. Трактат о любви Бога к человеку.
14. То же самое о Таинстве Ордена, с примечаниями на ту же тему.
15. То же самое о святом Жертвоприношении во время мессы.
16. То же самое о безбрачии священников.
17. То же самое о таинстве брака.
18. То же самое о полезности и действенности Молитвы.
19. То же самое о Скорби Праведных.
20. То же самое о вдове-христианке.
21. То же самое о христианской свободе.
22. Замечания о заповедях Божьих и грехах смертных.
23. Извинения за *комментарии к Катехизису*.
24. Доказательства взяты из Священного Писания в защиту публикации Катехизиса на испанском языке.
25. Краткое изложение *комментариев к Катехизису*.
26. Проповеди на весь год.
27. То же самое о Любви к Богу.
28. Ditto, *Super flumina Babylonis*.
29. То же самое касается способа прослушивания мессы.
30. То же самое в Страстной четверг.
31. Проповеди, произнесенные перед принцем в Вальядолиде.
32. То же самое об Обрезании нашего Спасителя.
33. То же самое, под названием *Pœnitentiam agite*.
34. Ditto, *Si revertamini et quiescatis salviti eritis*.
35. То же самое о молитве.
36. Ditto, *Hora est jam nos de somno surgere*.
37. Ditto, *Dirigite viam Domine*.
38. Ditto, *Spiritus est Deus*.
39. То же самое на псалом *De profundis clamavi*.
40. Ditto, *Filius quidem hominis vadit*.
41. Краткое изложение двух проповедей, отправленных во Фландрию лиценциату Эррере.

Несколько копий, которые были переданы маркизе д'Альканьис и другим лицам до того, как Катехизис был напечатан, также были приложены к процессу; содержание было тем же, за исключением некоторых исправлений, внесенных впоследствии автором. Маркиза д'Альканьис подарила их дону Диего де Кордове, члену Верховного совета, который вскоре умер. Затем рукописи были переданы святому Франциску де Борджиа, который сообщил Каррансе по возвращении из Фландрии, что они находятся в его распоряжении, но что он хочет, чтобы они

помогли ему в составлении проповеди. Дон Бартоломью был арестован до того, как рукописи были возвращены ему, святой Франциск де Борджиа отправил их великому инквизитору, в доме которого они были потеряны; в процессе указано, что только одна из них была найдена там некоторое время спустя.

Святая канцелярия пыталась приписать Каррансе некоторые другие работы, осужденные на судебном процессе: это были

Объяснение символов веры, написанное братом Домиником де Роксасом.

Мнения Хуана Вальдеса, секретаря Карла V, ставшего лютеранином, о толковании Священного Писания.

Трактат о молитве и медитации, который, по-видимому, был написан каким-то другим лютеранским автором.

Объяснение Книги Иова, к которой Карранса написал только примечания, которые опровергают текст в нескольких местах.

Объяснение стиха *Audi filia*, пояснительные примечания только Каррансы.

Несколько бумаг, которые распространили отец Доминик де Рохас и Кристофер де Падилья, злонамеренно приписав их дону Бартоломью, хотя они принадлежали отцу Доминику и другим лютеранам.

Что касается *изложения Канонического Послания святого Иоанна*, архиепископ заявил, что в том состоянии, в котором оно находилось, он не признает его своим произведением; что он только передал его устно своим ученикам и что, несомненно, один из них написал его по памяти; что, хотя основой этого было то, чему он учил, ошибки, которые оно содержало, не могут быть вменены ему.

Великий инквизитор сначала был знаком только с Катехизисом Каррансы, осуждение которого было доверено Кано и другим. Кано, чье сердце было полно ненависти, не хотел никаких поводов для осуждения этого; о склонностях других мы можем судить по письмам, в которых брат Доминик де Сото говорит о своем смущении из-за того, что был вынужден порицать некоторые положения, которые он считал очень ортодоксальными. Из всех работ Каррансы только те были отмечены богословским порицанием, которые пронумерованы 3, 4, 13, 27, 28, 29, и 30. К этой работе были привлечены мастер Карлос, а затем Кано и Куэвас.

Поскольку среди лютеран было много лиц, близких к архиепископу, и даже некоторые были его учениками, он хотел быть в курсе состояния их дел. Отец Хуан де ла Пенья, отец Франциск де Тордесильяс и отец Луис де ла Крус отправили подробности во Фландрию брату Хуану де Вильягарсия, компаньону архиепископа, и таким образом он узнал, что его Катехизис должен быть осужден по двум причинам: во-первых, под предлогом того, что в нем содержится несколько еретических положений; и, во-вторых, потому, что принцип, из-за которого Библия на вульгарном языке была запрещена в Испании в нынешнем состоянии королевства, не допускал разрешения работы по *оправданию*., и другие спорные моменты с лютеранами, на том же языке. Архиепископ сначала поручил Виллагарсии, а затем иезуиту Хил Гонсалесу перевести

его Катехизис на латынь с примечаниями к непонятным отрывкам: они начали, но так и не закончили работу.

Архиепископ, однако, был далек от того, чтобы подозревать, что на него будут нападать за его личное исповедание веры, когда получил письмо от брата Луиса де ла Круса, датированное Вальядолидом 21 мая 1558 года, в котором он сообщал ему, что лютеране заявили, что он разделяет их мнение. Карранса ответил, что он больше опечален их несчастьем из-за того, что они приняли ересь, чем из-за их ложных показаний против него. Поскольку он был совершенно убежден в чистоте своей веры и полагал, что привел достаточные доказательства этого в борьбе с мнениями еретиков, он убедил себя, что следует игнорировать только смысл его *Комментариев*. Поэтому он вернулся в Испанию, рассчитывая уладить это дело на нескольких встречах с великим инквизитором; и чтобы облегчить достижение своей цели, он получил одобрение своей работы от некоторых из самых известных богословов Испании, — дона Педро Герреро, архиепископа Гранады; дона Франсиса Бланко, архиепископа Сантьяго; дона Франсиса Дельгадо, епископа Луго и Хаэна; дона Андреа Куэсты, епископа Леона; дона Антонио Горрионеро, епископа Альмерии; дона Диего Собаньоса, ректора университета Алькалы; брата Педро де Сото, духовник Карла V.; брат Доминик Сото, профессор Саламанки; Дон Эрнандо де Барриоверо, каноник, магистрат и профессор Толедо; и брат Мансио дель Корпус, профессор Алькалы; помимо многих других врачей Саламанки, Вальядолида и Алькалы.

Когда архиепископ находился в Вальядолиде в 1558 году, он потребовал, чтобы богословские порицания его работ были доведены до его сведения, чтобы он мог ответить на них и дать любое требуемое от него удовлетворение. Он считал, что имеет право на эту уступку по нескольким причинам: во-первых, как автор; во-вторых, как примас Испании; и в-третьих, как человек, который мог ожидать такого акта почтения от святой канцелярии, учитывая его труды на ее благо. Но великий инквизитор Вальдес (который был его врагом, хотя и притворялся его другом) не удовлетворил его просьбу, сославшись на то, что не принято заслушивать автора по поводу квалификации его произведений. Затем Карранса попытался воспользоваться одобрениями, которые он получил от уже упомянутых знаменитых богословов, почти все из которых были отцами Тридентского собора; но они не были получены, и он столкнулся с таким же отказом со стороны Верховного Совета. Тайна, окутывавшая все действия этого органа, была непроницаемой, и он уехал из Вальядолида, не зная причин своего судебного разбирательства.

Однако впоследствии он получил информацию, что некоторые свидетели были допрошены на основании его личной веры, и что критики его работы отметили, что она содержит *интересные, положения, отдающие ересью, разжигающие ересь, склонные к ереси и способные вызвать ее*. Некоторое представление о состоянии его ума можно составить из его обращения к королю и папе, которым он послал отчет обо всем, что произошло между ним и великим инквизитором, и умолял их о защите; протокол этого отчета и письма, которые к нему прилагались, были впоследствии найдены среди его бумаг.

20 сентября он прибыл в Юсте, что в Эстремадуре. Можно предположить, что его несчастье сделало его благоразумным в своих увещеваниях Карлу V. маловероятно, что он использовал фразы, приписываемые ему отцом Хуаном де Реглой, не добавляя выражений, ограничивающих абсолютный смысл, который обвинитель вменял ему. 5 октября он снова написал королю по случаю смерти императора, а также Рую Гомесу де Сильве и дону Антонио де Толедо, великому приору ордена Святого Иоанна, которые пользовались большим расположением его

величества и с которыми он был близок, но особенно с доном Антонио, который всегда старался быть ему полезным. Его письма и письма многих других людей в Риме, которые хотели служить ему, были найдены среди его бумаг. Папский нунций в Испании уже проинформировал свой двор о том, что происходило в Мадриде, и считалось, что великий инквизитор действовал заодно с королем; это обстоятельство помешало Павлу IV. (хотя он уважал Каррансу) воздерживался от вмешательства в это дело, пока он ясно не понял, что об этом следует думать.

Филипп II, который тогда проживал в Брюсселе, был далек от того, чтобы остановить ход судебного процесса, начатого инквизиторами по вопросу веры; он удовлетворился обещанием защищать Каррансу до тех пор, пока это будет совместимо с католической религией. Требование быть заслушанным в его защиту до осуждения его Катехизиса могло бы быть удовлетворено, если бы показания, касающиеся его личной веры, не представляли препятствия. Дон Фердинанд Вальдес представил принцессе Джейн, правительнице королевства, заявления свидетелей, которые, прочитанные человеком без дискриминации и с намерением причинить вред, выставили архиепископа настоящим еретиком. Принцесса сообщила об этом королю, своему брату, который, будучи от природы подозрительным и зная, что Вальдес враждебно относится к Каррансе, решил проявить трусость, оставаясь бездействующим и ожидая, пока дело прояснится. Неправда, что Филипп раскаялся в том, что возвел Каррансу на толедский престол; доказательство этого существует в процедуре: он был благосклонно расположен к архиепископу, пока Вальдес и советники инквизиции не убедили его, что Карранса был лицемерным еретиком. Абсолютная бездеятельность этого принца и огромная и постоянная активность Вальдеса были причиной несчастий Каррансы.

Теперь архиепископ подумал, что было бы лучше подчиниться, чтобы избежать позора, и, не дожидаясь ответов из Брюсселя и Рима, 21 сентября 1558 года он обратился с петицией к дону Санчо Лопесу де Оталоре, советнику инквизиции, в которой он соглашался, чтобы его Катехизис был помещен в Указатель при условии, что его имя не будет упомянуто, и чтобы запрет не распространялся за пределы Испании, поскольку работа была на испанском языке. Он надеялся с помощью этих средств сохранить репутацию католического писателя, единственной славы, к которой он стремился. В ноябре он отправил письма великому инквизитору и другим лицам и направил петиции в Верховный совет, убедительно прося, чтобы для скорейшего устранения всех трудностей его Катехизис был напечатан на испанском языке и передан ему для пересмотра, исправления и перевода на латынь. Его усилия не увенчались успехом; великий инквизитор, отнюдь не желая служить ему, добился от папы заключения, которое завершило его позор. Он понял, что ему следовало последовать совету, который был дан ему во Фландрии, и отправиться в Рим, а не в Испанию. Епископ Оренсский дал ему понять, что в его деле были некоторые вещи, отдающие ересью, когда дал следующий ответ: —*Если только это преступление не было совершено из-за рукава моей рясы, я, слава Богу, невиновен ни в чем подобном. Поэтому я позволю этому делу идти своим чередом.*

7 июня 1558 года Павел IV. заявил в полной консистории, "что, будучи проинформирован о том, что ереси Лютера и некоторых других были распространены в Испании, у него были основания подозревать, что несколько прелатов приняли их; и, как следствие, он уполномочил великого инквизитора *в течение двух лет с того дня* проводить расследования в отношении всех епископов, архиепископов, патриархов и примасов этого королевства: начать их судебные процессы и, в случае подозрения *в попытке к бегству*, арестовать их и поместить в безопасное место, и что инквизитор должен *немедленно* сообщить об этом верховному понтифику и как

можно скорее отправить преступников в Рим с запечатанным процессом ". Архиепископ получил уведомление об отправке этого дела в письме от кардинала Театире 18 января. Вальдес также потребовал от короля его разрешения привести это в исполнение. В письме донна Антонио де Толедо Каррансе, датированном Брюсселем 27 февраля, сообщалось, что его величество приказал великому инквизитору приостановить разбирательство до его прибытия в Испанию; добавлялось, что его величество был вполне убежден в жестокости, с которой обошлись с архиепископом. Вальдес повторил свое требование в марте, сославшись на неудобства, связанные с задержкой, и, наконец, получил разрешение на выполнение задания.

В течение этого периода инквизиторы Вальядолида продолжали получать все возможные показания, неблагоприятные для архиепископа, чтобы оправдать судебное разбирательство против него.

20 февраля 1559 года францисканец брат Гаспар Тамайо добровольно осудил Катехизис: он сказал, что считает неправильным со стороны автора призывать верующих читать Священное Писание, а не обращаться к святым с молитвами, начинающимися с *Pater-Noster* и *Ave-Maria*.

11 апреля дон Хуан де Акунья, граф де Буэндиа, заявил, что архиепископ рекомендовал ему отказаться от этой практики и молиться святым так, как он учил в своей книге; что он, вся его семья и донна Франциска де Кордова следовали его совету, пока епископ Сьюдад-Родриго не убедил их в обратном: обвиняемый добавил, что он знал, что Карранса дал тот же совет нескольким другим лицам, работающим во дворце. За этими показаниями последовали показания графини, его жены, их капеллана и семерых слуг.

В тот же день отец Доминик де Роксас заявил, что маркиз де Роза, его отец, спросил Каррансу, должен ли он отслужить тысячу месс за упокой его души при жизни или после смерти, и что архиепископ ответил: *"Если милорд маркиз мне поверит, он отслужит мессы при жизни"*. Свидетель далее сказал, что архиепископ, отправляясь в Трент для участия во втором созыве собора, был в компании с несколькими лютеранами, которые были с королем Богемии; что он спорил с одним из них в присутствии епископа Сеговии, и хотя казалось, что у него было преимущество в споре, впоследствии он сказал свидетелю наедине: *"Я никогда не был так смущен, как сегодня; хотя я магистр богословия, все же я не так сведущ в Священном Писании, как этот лютеранин, который всего лишь священник"*. непрофессионал." Свидетель также сказал, что архиепископ прочитал и одобрил его *объяснение догматов веры* и что он даже включил часть этого в свой Катехизис. Также было заявлено, что брат Доминик отказался от всех своих показаний перед смертью.

5 мая донна Екатерина де Кастилья, которая была узницей святой канцелярии, заявила, что, по ее мнению, архиепископ был лютеранином; но, раскаявшись, она отказалась от своего заявления и сказала, что ей известно, что Карранса утверждал дону Карлосу де Сесо, ее мужу, что он совершил фатальную ошибку, отрицая существование чистилища. Она настаивала на своем отречении.

Я обращаюсь к моим читателям, если состояние судебного процесса и показания свидетелей были достаточным доказательством: фискал Канино, оставляя за собой право впоследствии предъявить ему обвинение более формально, потребовал, чтобы личность архиепископа была арестована, чтобы он был заключен в тюрьму, а его имущество и доходы конфискованы и поступили в распоряжение великого инквизитора. Вальдес, проконсультировавшись с

Верховным советом, приказал фискалу представить документы, о которых он говорил в своем запросе: это был Катехизис с квалификацией Кано, Куэваса, Сото и Ибарры; две рукописи в переплете, содержащие символы веры отца Доминика де Роксаса, и другие работы Каррансы, упомянутые под номерами 3, 4, 13, 27, 28, 29, и 30, с их оговорками; две проповеди, отправленные Каррансой лиценциату Эррере, судье по делам о контрабанде, который был арестован за лютеранство; показания свидетелей с их кратким изложением, а также для того, чтобы архиепископ был признан виновным в ереси. Вальдес, составив 8 апреля устный протокол о получении полномочий, предоставленных папой, лиценциат Канино, фискал совета инквизиции, 6 мая представил великому инквизитору требование, в котором он требовал исполнения предписания и заявил, что он назначит во времени и месте лицо, по которому оно должно было нанести удар. Вальдес отправил заявление, в котором объявил, что готов вершить правосудие, когда от него потребуются. В тот же день налоговый предъявил еще одно требование, в котором он заявил, что дон Бартоломео Карранса, архиепископ Толедский, проповедовал, намекал, писал и учил на своих конференциях, в своих проповедях и в своем катехизисе, а также в других книгах и сочинениях, несколькими ересям Лютера, согласно показаниям свидетелей, и книгам и сочинениям, которые он представил в поддержку своих обвинений: письма принадлежали епископу Куэнцы, дону Педро де Кастро; письмо архиепископа доктору Касалле, датированное Брюсселем. , 18 февраля 1558 г., в ответ на поздравления по поводу его возведения на престол Толедо; (в этом письме он просит Касалью *"молиться, чтобы у него был свет, необходимый для хорошего управления своей епархией"*, добавляя, *"что просить об этом тогда было более необходимо, чем раньше, для тех, кто составлял часть церкви Божьей;"*) два письма Хуана Санчеса, лютеране, в которых он говорит, что он направлялся во Фландрию, потому что надеялся быть хорошо принятым Каррансой. "

Поскольку все эти формальности были выполнены за один день, не подлежит сомнению, что это был согласованный план между великим инквизиторм, некоторыми членами совета и фискалом: если бы это было не так, на эти церемонии потребовалось бы три дня. 13 мая великий инквизитор и совет решили, что Карранса должен предстать перед судом и ответить на обвинения фискала.

Когда король дал свое согласие на судебное преследование архиепископа, он потребовал, чтобы к нему относились *с уважением, подобающим его достоинству*: это он повторил в письме кардиналу Пачеко, который сообщил ему, что Карранса потребовал, чтобы его дело рассматривалось в Риме. Король также написал Каррансе два письма 30 марта и 4 апреля, в которых обещал защищать его. Письмо кардиналу Пачеко побудило великого инквизитора написать королю 19 мая, когда он сообщил ему о введенной мере, добавив, что, по его мнению, обвинение выглядит более умеренным, менее унижительным и более частным, чем арест альгвасилом. Король, однако, все еще испытывал некоторое уважение к Каррансе, поскольку не одобрял того, что было сделано. В этот период дон Антонио де Толедо, продолжавший переписываться с Каррансой, сообщил ему, что, хотя он и не думает, что дело приняло такой благоприятный оборот, какой можно было бы пожелать, все же ему кажется, что он все еще видит в короле некоторые признаки привязанности к нему, несмотря на дурную молву о нем.

Наконец, 26 июня король отправил ответ генеральному инквизитору, в котором он дает свое согласие с тем, что было решено; добавив, что он надеется, что к исполнению этой меры отнесутся *со всем вниманием, должным заслугам Каррансы и достоинству, которым он был облечен*. Прелат был проинформирован об этом событии в письме, написанном доном Антонио

де Толедо на следующий день. Одобрение короля было получено 10 июля, а 15-го фискал предъявил вторую заявку, в которой настаивал на исполнении требования, содержащегося в первом, о том, что Карранса должен быть арестован, а его имущество конфисковано. Он заявил, что инструкция процесса предоставила доказательства, которые 13 мая должны были считаться достаточными; что, тем не менее, он добавит к ним показания донны Луизы де Мендоса, жены дона Хуана Васкеса де Молины, секретаря короля. Эта дама заявила, что маркиза д'Альканьис сказала ей, что, *согласно указаниям архиепископа, в очах Божьих не подобает лишать себя удовольствий и что нет необходимости носить головную повязку*. Маркиза, которую допросили, заявила, что никогда не говорила ничего подобного, а только то, что все это было менее достойно уважения; что она была близка с архиепископом более двадцати лет и каялась перед ним, но за все это время она ни разу не слышала, чтобы он говорил что-либо против веры.

1 августа великий инквизитор совместно с Верховным советом и несколькими консультантами издал приказ об аресте архиепископа. На данном этапе Филипп II. написал своей сестре, правительнице королевства, сказав, что во избежание скандала и неудобств, связанных с мерами, предписанными святой канцелярией, было бы уместно вызвать архиепископа ко двору под каким-нибудь благовидным предлогом. Дон Антонио де Толедо, услышав некоторые намеки на это, поспешил сообщить об этом Каррансе 19 июля: это было последнее письмо, которое верный друг написал ему. Среди бумаг архиепископа были найдены письма от людей, которые впоследствии, из-за недостатка мужества, присоединились к его врагам. Был также найден протокол представления на латыни, адресованного Папе Римскому от имени толедского капитула, в котором его святейшество умолял не допускать, чтобы дело Каррансы рассматривала святая канцелярия Испании, утверждая, что ее членами руководили человеческие мотивы, а не религиозное рвение: неизвестно, дошла ли эта петиция до Римского суда, но капитул отнесся к прелату с большой щедростью.

Регентша написала письмо архиепископу 3 августа, в котором она говорит, что до прибытия короля, которое вскоре должно было состояться, она хотела бы сообщить ему о некоторых делах и поэтому умоляла его немедленно отправиться в Вальядолид, добавив, что, поскольку малейшая задержка может привести к очень неприятным последствиям, она была бы рада, если бы он приехал как можно скорее, даже если без церемоний и экипажей, и что она послала дону Родриго де Кастро, чтобы он не терял времени и сообщил ей о своем прибытии.

Этот дон Родриго де Кастро был племянником епископа Куэнсы, первого разоблачителя Каррансы: он отбыл из Вальядолида 4 августа; 6 августа он доставил письмо архиепископу, который на следующий день ответил принцессе, что подчинится ее приказам. Он немедленно отправил свой экипаж и часть своих домочадцев в Вальядолид, но следовал медленно, чтобы успеть посетить города и деревни своей епархии, через которые ему предстояло проезжать.

В течение этого промежутка дон Родриго написал Вальдесу несколько писем, одно от 4 августа из Аревало и четыре из Алькала-де-Энарес, датированные 7, 9, 10 и 14-м, из которых генеральный инквизитор заключил, что восьмидневная задержка была слишком долгой и скрывала какой-то недобрый умысел: он притворился, что думает, что Карранса намеревался бежать в Рим, однако дон Родриго де Кастро поселился в том же доме и никогда не терял его из виду. Этот предлог, каким бы тщетным он ни был, дал Вальдесу возможность 17-го издать мандат, назначив дону Родриго и дону Диего Рамиреса де Седенью инквизиторами округов

Толедо и Вальядолида. Он приказал им и главному альгюасилу Вальядолида арестовать архиепископа, наложить арест на его имущество и составить его опись.

Этот приказ был выполнен в Торре-Лагуне 22-го числа, до рассвета, когда архиепископ еще лежал в постели. Когда ему сказали, что он арестован, он потребовал сообщить, по чьему приказу его взяли в плен; ему показали приказ генерального инквизитора и рапорт папы римского. Он ответил, что расследование носит общий характер и что это должна быть специальная комиссия, назначенная со знанием дела, которое находится вне юрисдикции генерального инквизитора; что даже если предположить, что он компетентен, условия, предписанные в расследовании, в его случае не были соблюдены, поскольку ничто, кроме злого умысла, не могло внушить опасения, что он попытается сбежать; что, исходя из всех этих соображений, он протестовал против приказа великого инквизитора и жестокости его мер, и потребовал удовлетворения от папы за нанесенное ему оскорбление. Не имея возможности в тот момент привести свои намерения в исполнение, архиепископ пожелал, чтобы Хуан де Ледесма, нотариус святой канцелярии, присутствовавший при его аресте, записал его ответы инквизиторам и чтобы он подчинился приказу только для того, чтобы избежать жестокого обращения.

Архиепископ просил проявлять особую осторожность к его бумагам, некоторые из которых относились к судебным процессам, связанным с архиепископским престолом, и имели большое значение. Все, о чем он просил, было выполнено по этому вопросу.

23 августа он покинул Торре-Лагуну и прибыл в Вальядолид 28-го; он был заключен в тюрьму в доме дона Педро Гонсалеса де Леона: его портфель и коробка с бумагами были отправлены генеральному инквизитору, который немедленно приказал вскрыть их и провести опись содержимого. 6 сентября он направил королю письмо, в котором в свойственной ему манере изложил суть ареста и назвал мотивом своего притворного страха перед бегством Каррансы. Он добавил, что архиепископ, по-видимому, был проинформирован о его действиях; инсинуация, которая могла нанести ущерб дону Антонио де Толедо, чью переписку он читал.

ГЛАВА XXXIII.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА ДО ТЕХ ПОР, ПОКА АРХИЕПИСКОП НЕ ОТПРАВИТСЯ В РИМ.

Враги Каррансы раздобыли новых свидетелей, чтобы оправдать свое поведение. Вальдес и его помощники опасались, что общественное мнение будет против них, если, когда они вынесут окончательный приговор, перед всей Европой не будет доказано, что архиепископ виновен в ереси.

Для достижения этой цели инквизиторы допросили девяносто шесть свидетелей, большинство из которых, к сожалению, ничего не добавили к тому, что уже было снято; некоторые из них засвидетельствовали чистоту веры Каррансы, а те немногие, кто был против него, показали только то, что они слышали от других лиц, которые либо не подтверждали, либо отрицали факты. Стоит отметить, что наибольшее количество свидетелей, выступавших в пользу архиепископа, находились в застенках инквизиции и давали свои показания во время или после пыток, а также когда они могли возобновить дело и подвергнуться жестокому обращению со стороны

судей, планы которых они расстроили. В то время как эти несчастные люди проявили столько мужества, епископы, архиепископы, и богословов, которые стремились к епископату, подло отказались от своих первых и истинное мнение, и квалифицированных, как *сильно подозреваемого в лютеранстве*, человек, которого они прежде считали чуть ли не как апостол, и что в том же суде и по той же работы.

26 августа великий инквизитор передал свои полномочия советникам Вальтодано и Симанкасу, оставив за собой право вынесения окончательного приговора; в то же время он назначил Бака, Риго и Гонсалеса, инквизиторов Вальядолида, принять надлежащие меры для охраны архиепископа и наложить арест на его имущество.

Когда прелат прибыл в дом, предназначенный для его тюрьмы, его спросили, каких слуг он хотел бы иметь; он назвал шестерых, но только двоим было разрешено сопровождать его. Он умолял Вальтодано и Симанкаса никому не позволять видеть определенные бумаги и письма от папы римского, отца Фердинанда де Сент-Амвросия и лиценциата Сеспедеса, поскольку они касались судебного процесса над лордом Касорлой: он просил о такой же милости пачку писем от короля по некоторым делам, которые было неприлично предавать огласке. Он потребовал оригинал своих консультаций и некоторые апробации своей книги, потому что хотел представить их папе, который был единственным компетентным судьей на его процессе; и, наконец, некоторые другие труды, касающиеся конференций, которые проводились на Тридентском соборе, в Англии и во Фландрии, и которые были столь многочисленными доказательствами его усилий в защиту католической религии.

1 сентября Вальтодано и Симанкас вызвали архиепископа, чтобы принести клятву говорить правду. Прелат ответил, что он сделает это, когда получит приказ от папы или короля; что он протестует против всего, что было сделано, потому что они были некомпетентны; что он не признает великого инквизитора своим судьей, пока тот не будет наделен особыми полномочиями для этой цели; что, предполагая, что у него достаточно полномочий, он не верит, что может делегировать их; что он мог бы гораздо лучше доказать свои утверждения, если бы у него была сводка, копию которой он потребовал. Его просьба была удовлетворена на следующий день; 3-го числа великий инквизитор после консультации с Советом заявил, что он компетентный судья и что он может делегировать свои полномочия; он объявил, что должен присутствовать вместе с Советом на заседаниях трибунала: он присутствовал 4-го числа и потребовал, чтобы Карранса принес присягу говорить правду либо против себя, либо против любого другого лица, сообщив ему, что если он признается во всем, что знал, с ним будут обращаться помилованно, но в противном случае с ним будут обращаться со всей строгостью правосудия: он также сказал ему, что если он не захочет отвечать в присутствии Совета, ему будет разрешено сделать это перед двумя советниками или инквизиторами Вальядолида. Карранса ответил так же, как и накануне, добавив, что он не уверен, что было сказано правду, запрашивая у папы сводку; поскольку в то время не было ни одного испанского прелата, подозреваемого в ереси; что, если они имели его в виду, он в то время находился не в Испании, а во Фландрии, занятый работой по защите католической религии и обращению еретиков; что он приложил все усилия, чтобы уничтожить все ереси, и с этой целью сообщил королю, что еретические книги продаются даже у ворот его дворца, и что правительство король, в результате, отдал необходимые приказы, чтобы предотвратить зло, что будет доказано свидетельствами короля и знати его двора.

Не удовлетворенный этими аргументами, архиепископ бросил вызов великому инквизитору по причинам, которые он объяснил на том же заседании и в его присутствии: 5-го и последующих дней он продолжал излагать мотивы своего отвода в письменном виде; его обвинения против Вальдеса были многочисленными и очень серьезными. Он упоминает людей, времена, темы и причины, которые позволили ему представлять Вальдеса как вероломного, завистливого, мстительного человека; утверждать, что он постоянно злоупотреблял своей властью, чтобы удовлетворить свою месть, что может быть доказано некоторыми зарегистрированными писаниями: он особенно старался показать, что Вальдес скрывал свою ненависть к нему под маской лицемерного религиозного рвения; что эта вражда была вызвана его злобой и завистью после того, как он (Карранса) был возведен в сан толедского епископа и опубликовал свою работу о религии. Резиденция епископов; —короче говоря, он мелким почерком исписал восемь листов фолианта мотивами, побудившими его бросить вызов Вальдесу, и добавил те, что касались советников Переса и Кобоса, пообещав представить доказательства.

Архиепископ выбрал в качестве своих защитников тех людей, которых он считал наиболее способными защитить его; но различные интриги вынудили их отказаться от их помощи: этот план был реализован со всеми остальными, кого он выбрал, на случай их неисполнения, так что он был вынужден обратиться к некоторым защитникам, которые защищали в канцелярии его право на управление некоторыми деревнями, хотя они ничего не знали о делах святой канцелярии. Дон Хуан Сармьенто де Мендоса, советник Индии от имени Вальдеса, и лицензиат Исунза, судья гражданского суда Вальядолида от имени финансового, были назначены арбитрами для принятия решения об обоснованности отвода. 23 февраля 1560 года они объявили, что обвинения были справедливыми, обоснованными и хорошо доказанными. Фискал, не удовлетворившись решением, намеревался подать апелляцию в Рим, но вскоре отказался от этой меры; в самом деле, как мог генеральный инквизитор подумать о том, чтобы направить в Рим судебный процесс, который, если бы был обнародован, покрыл бы его и многих других, впоследствии достигших высших санов церкви, вечным позором? Однако это обращение состоялось позже, после тысячи интриг, но Вальдес в то время не был генеральным инквизитором.

Апартаменты, отведенные архиепископу, не были ни просторными, ни приятными, ни проветриваемыми; ему выделили только две комнаты для него самого, монаха и его пажа. Он пожаловался на неудобства, но фискал представил устный процесс, заявив, что дом большой, удобный и здоровый: это было правдой, поскольку он говорил о нем в общих чертах и не упомянул место, где содержался Карранса. Комнаты были очень удалены от всех коммуникаций; в 1561 году в Вальядолиде произошел сильный пожар, который поглотил четыреста домов в квартале, ближайшем к тюрьме архиепископа, но он не слышал ни криков людей, ни шума, который, должно быть, был вызван таким событием, и узнал только, что это произошло много времени спустя, когда он был в Риме. Недостаток воздуха и физических упражнений вызвал у архиепископа лихорадку, которая значительно ослабила его, но инквизиторам не хватило человечности перевести его в более подходящее место. Они боялись, что он обратится к папе или королю, на которых, однако, это не возымело бы никакого эффекта, поскольку Вальдесу удалось убедить его в нескольких частных беседах, что Карранса на самом деле еретик и что все, что он делал в Англии и Фландрии, было направлено на то, чтобы скрыть свои взгляды.

Хотя Вальдес настаивал на том, что он имел право делегировать свои полномочия для судебного преследования архиепископа, однако, поскольку несколько советников, и в

частности Бако де Кастро, придерживались противоположного мнения, он был вынужден обратиться к папе римскому. Павел IV. был мертв, и ему наследовал Пий IV., который 23 февраля подтвердил Вальдесу полномочия, предоставленные ему его предшественником, и полномочия по делегированию конфиденциальных лиц для участия в судебном процессе над архиепископом Толедо. Этот брифинг был бесполезен, поскольку арбитры в тот же день заявили, что мотивы отвода были справедливыми; его святейшество, как следствие, ускорил подготовку другого специального брифинга, подтвердив все, что было передано, при условии, что разбирательство было законным, и санкционировав Филиппа II. избрать судей от своего имени, которым он дал с этого момента право продолжать судебный процесс до тех пор, пока он не будет в состоянии быть прекращенным, в течение двух лет, начиная с 7 января 1561 года. Это заявление было истолковано в Мадриде как разрешение вынести окончательный приговор. Папа, проинформированный об этом обстоятельстве, 3 июля издал четвертое краткое сообщение, в котором он не одобрял толкование того, что предшествовало ему, и повелел передать судебное разбирательство ему, *проинструктированному*, но не судимому, в течение определенного времени.

Филипп II назначил судьей дона Гаспара де Суньи-и-Авельянаду, архиепископа Сантьяго, с правом делегирования своих полномочий. Этот выбор был приятен Каррансе, потому что этот прелат был одним из тех, кого он предлагал на престол Толедо; фактически, он извлек некоторую выгоду из смены своей охраны и других мер. Но Зуньи-и-Авельянада назначил судьями Вальтодано и Симанкаса, которые начали судебный процесс. Карранса намеревался оспорить их, поскольку они проголосовали за его арест; но, услышав, что король сказал, что ни один человек, отдавший приказ о заключении преступника в тюрьму, впоследствии не может быть его судьей, если этот отвод будет разрешен, он отказался от своего замысла. Право, которым намеревался воспользоваться прелат, теперь признано в качестве принципа среди цивилизованных наций; ему мы обязаны учреждением *суда присяжных*.

Судебный процесс начался более чем через два года после ареста архиепископа, и ему, наконец, было разрешено, согласно приказу короля, выбрать четырех защитников: это были доктор Мартин д'Альпискуэта, известный под именем *доктора* Наварро; дон Антонио Дельгадо, каноник Толедо; доктор Сантандер, архидиакон Вальядолида; и доктор Моралес, адвокат канцелярии. Двум первым из этих адвокатов было разрешено встретиться с архиепископом, но материалы судебного процесса не были доведены до сведения ни одного из них, следовательно, они не смогли продемонстрировать недостаточность доказательств обвинений, выдвинутых против него свидетелями. Это правда, что ответы Каррансы были решительными и убедительными.

Неквалифицированные работы Каррансы и даже некоторые из тех, которые были изучены, были доверены брату Диего де Шабесу, который был духовником дона Карлоса, а затем и короля; брату Хуану д'Ибарре, брату Родриго де Вадильо и брату Хуану де Азолоросу, которые впоследствии стали епископами Кефалонии и Канарских островов. Они квалифицировали как еретические некоторые положения, содержащиеся в работах, написанных не Каррансой, но найденных среди его бумаг; другие были квалифицированы как приближающиеся к ереси и, вероятно, способные вызвать ее; и было объявлено, что автора жестоко подозревают в еретичестве. Эдикты, осуждающие Катехизис, и Объяснение канонического Послания святого Иоанна были уже опубликованы.

Поскольку Тридентский собор созывался в третий раз, Вальдес опасался, что Отцы Церкви могут обратить внимание на дела Каррансы, и он убедил короля, что для защиты прав короны важно помешать им принять участие в судебном процессе. Филипп назначил графа де Луна послом при совете, и 30 октября 1562 года он отправил ему инструкции, в которых, по его словам, ему сообщили, что предполагалось составить *общий указатель* запрещенных книг, содержащихся в *указателе* Павла IV, который вызвал много возражений. Король добавил, что он не может допустить, чтобы эта мера распространила свое влияние на Испанию, у которой был *индекс* особые правила; что это исключение может также применяться к другим христианским странам, поскольку книги, которые были опасны в одних, могли не быть таковыми в других. Король приказал своему послу выступить против такой резолюции в совете, потому что он не мог получить в Испанию книги, одобренные советом, которые были запрещены в этом королевстве, *и некоторые люди подозревали, что за этим проектом скрываются особые взгляды*; что он уже приказал своему послу в Риме и маркизу Пескаре приложить все усилия, соответствующие благоразумию, чтобы сорвать этот план.

Эти инструкции очень ясно показывают, что Мадридский двор опасался, что Собор одобрит Катехизис Каррансы и объяснение Святого Иоанна, которые были запрещены в Испании. Отцы церкви, недовольные тем, что судебное разбирательство так долго находилось в руках инквизиторов, обратились к папе с несколькими протестами против них и короля Испании и даже отказались вскрывать письма, которые этот принц писал им, пока он не искупит оскорбление, совершенное против епископского сана в лице одного из его членов. Наконец отцы церкви заявили, что они не будут собираться, если его Святейшество не распорядится о проведении слушаний и не отправит в Рим личность архиепископа. Папа только что продлил срок, отведенный для судебного разбирательства (который в противном случае истек бы 7 января 1568 года); однако он ответил, что напишет Филиппу с требованием прислать ему архиепископа Толедского и материалы судебного разбирательства; и чтобы доказать, насколько сильно он хотел удовлетворить отцов церкви, он отправил это письмо через Одескальки, которому он присвоил титул чрезвычайного нунция.

15 августа следующего года Филипп ответил с необычной для него энергией, что он очень удивлен тем, что Отцы собора занимаются конкретными делами, а не теми, которые касаются религии в целом; что императивные положения краткого отчета, представленного нунцием, противоречат правам его суверенитета и чести его личности, и что он надеется, что его святейшество не обидится, если он не прикажет опубликовать его и продолжит разбирательство. Папа боялся рассердить Филиппа, который и без того был оскорблен тем, что посол Франции получил преимущество, и поэтому предоставил отсрочку, о которой просил этот принц; в то же время он поручил кардиналу-легату, президенту собора, успокоить отцов церкви, пообещав сделать то, что они пожелают, когда процесс будет *проинструктирован*. Его Святейшество также распорядился, чтобы с архиепископом обращались настолько мягко, насколько это согласуется с процедурой.

Решение папы на время успокоило отцов собора; но вскоре они приступили к обсуждению дела, столь же неприятного королю Испании. Епископы и богословы, которым было поручено изучить книги, объявили доктрину Катехизиса Каррансы католической. Они сообщили о своем решении архиепископу Праги, который был президентом конгрегации *Индекса*, который вместе с богословами, составлявшими его, одобрил Катехизис и решил направить акт их одобрения Каррансе, чтобы он мог использовать его в свою защиту. Постановление об одобрении должно

было быть утверждено генеральной ассамблеей, но для предотвращения этого были применены насильственные меры. Папа разрешил напечатать Катехизис в Риме 26 июня.

Испанский посол граф де Луна яростно протестовал против этой резолюции; он сказал, что, поскольку Катехизис запрещен инквизицией Испании, объявление его ортодоксальным было оскорблением для его хозяина и Верховного совета, и он потребовал отменить постановление конгрегации. Дон Антонио д'Аугустин, епископ Лериды, был членом конгрегации *Индекса* и не присутствовал 2 июня, когда члены церкви утверждали Катехизис. Это обстоятельство побудило его поддержать графа де Луна. Его вражда к Каррансе и желание угодить королю заставили его зайти так далеко, что он заявил, что *конгрегация одобряет ереси, поскольку они содержатся в Катехизисе*. Архиепископ Праги, желая защитить свою честь и честь своих коллег, направил папским легатам официальную жалобу на епископа Лериды, требуя от их имени и от своего собственного публичного возмещения причиненного им вреда и заявляя, что в случае отказа они не будут присутствовать на ассамблеях. Кардиналу удалось примирить две стороны, предложив сохранить указ об утверждении, но запретить выдавать буквальную копию и поручить графу де Луна получить то, что уже было передано агенту Каррансы, при условии, что епископ принесет публичные извинения конгрегации и одно наедине президенту. Епископ подчинился, и графу де Луна, благодаря его мольбам и обещаниям, наконец удалось получить указ, который получил агент; но он уже отправил заверенную копию в Испанию[66].

Филипп II 3 августа написал графу де Луна, горько жалуясь на все произошедшее и поручая ему сообщить папе и Совету, что это постановление было результатом интриги, которая имела тенденцию поддерживать определенные взгляды, *столь же вредные для папы, как и для него самого*, и дать авторам указа понять, что они не могут рассчитывать на успех в переносе судебного процесса в Рим, поскольку король никогда этого не допустит.

26 октября граф де Луна написал своему хозяину, сообщив ему обо всем, что он сделал. Он сказал, что после того, как он получил свои инструкции, он попытался упразднить комиссию по экспертизе книг или признать недействительными их постановления относительно книг, запрещенных в Испании; что кардиналы-легаты заверили его, что удовлетворить его просьбу невозможно, поскольку комиссия является работой совета, а не папы; что поэтому он должен обратиться в генеральную ассамблею, но что он не должен рассчитывать на успех, и единственное, о чем он может попросить, это чтобы комиссия не выходила за рамки своих полномочий.

Граф де Луна также сказал, что, хотя комиссия была сформирована для изучения книги, содержащейся в *Указателе* Павла IV, конкретная справка была получена от Пия IV. распространить проверку на запрещенные книги других указателей христианского мира; что дело, касающееся Катехизиса Каррансы, велось без ведома епископа Леридского и доктора Педро Зумеля, каноника Малаги, комиссара инквизиции; что вследствие этого епископ Леридский и епископ Кабанский обжаловали постановление конгрегации и потребовали его отмены; что он все еще мог сделать замечание в полном составе синода, но что он счел это необходимым отказаться от этого намерения, *поскольку это может вызвать большие неудобства*[67]; и что единственной причиной этого события было то, что кардинал Лотарингский, архиепископ Браги, епископ Модены и несколько других выступили в защиту Каррансы перед папой.

Отцы собора не смогли добиться успеха в своей попытке добиться передачи дела Каррансы им. Когда собрание было распущено, Гранд-инквизитор, который сейчас только папа, чтобы бороться с, поручил Совету инквизиции, чтобы просить Царя, чтобы получить краткая позволяют испытание должно быть прекращено в Испании; представляя ему, что он может сказать, что было бы полезно в тревожные тех испанцев, которые приняли еретические мнения; что король Испании заслуживает такой милости, потому что он был единственный князь, который использовал все возможности, чтобы искоренить ересь; что древние каноны допускаются, что суд должен происходить там, где было совершено преступление; *что если что Карранса был переведен в Рим, имена свидетелей выяснилось бы*, что привело бы к серьезным последствиям; что суд должен быть переведен на латынь или итальянский, который отнимет у вас много времени, и что никто, кроме испанцев мог понять, сила выражения свидетелей; что прокурор-налоговая будет обязана поехать в Рим, где бы умерщвление не слышал и не хорошо, потому что многие люди высокого ранга были ревностными в деле архиепископа; что эти преступления были совершены до его возвели в епископский сан; это не было бы удобно, чтобы разрешить архиепископу идти в Рим, и что суд не может правильно судить, пока он сделал так, что из всех этих соображений было бы лучше для суверенного понтифика назначить лиц, чтобы закончить судебное разбирательство в Испании, в согласии с Верховным Советом.

С другой стороны, дон Мартин Д'Альпискуэта представил королю все жестокое обращение, которому подвергся архиепископ, и потребовал, чтобы его отправили в Рим. Он утверждал, что архиепископ мог бы сбежать в Рим, но не сделал этого, потому что его величество *приказал ему в письме, написанном его собственной рукой, не обращаться ни к кому, кроме него самого, и быть уверенным в его защите*. Альпискуэта, говоря о несправедливости, которой подвергся Карранса, говорит, что решение о его аресте было принято до того, как против него было что-либо доказано, поскольку все беспристрастные люди увидели бы, что вменяемые ему утверждения не были еретическими; что его Катехизис был одобрен Тридентским собором и что его читали во всех странах, кроме Испании, где проживали его враги.

Адвокат заявляет, что подозреваемые судьи были назначены, и что ничто, кроме страха вызвать неудовольствие его величества, не могло помешать его клиенту оспорить их;

Что его враги, пользуясь его пленом, всегда препятствовали ему сообщать королю и папе о тайных интригах;

Что его обвинительный акт был разделен на пятнадцать или двадцать частей, и те же обвинения были умножены на четыреста статей, в то время как он мог и должен был быть сокращен до тридцати пунктов;

Что его обвинили в выдвигании еретических положений, хотя они были совершенно католическими;

Что обвинения были выдвинуты для того, чтобы поставить в неловкое положение его клиента и заставить его противоречить самому себе;

Что копии требований фискала не были переданы ему до тех пор, пока срок, отведенный для ответа, почти не истек; что архиепископ мог продлить свое задержание, потребовав новых задержек, или мог ответить без размышлений;

Что ему были вменены произведения, автором которых он не был;

Что, следовательно, он не ожидал, что его будут судить справедливо, если процесс не будет передан трону;

Что королю не следовало слушать своих льстецов; что вся Испания роптала по поводу обращения с архиепископом и что об этом говорили еще строже, чем в других странах.

Затем он обвиняет судей в пристрастности и говорит, что их смелость предпочесть свое решение Тридентскому собору напоминает смелость лютеран, которых они преследовали.

Адвокат продолжает: "Эти судьи настолько оскорблены этим решением (относительно Катехизиса), что один из них сказал моим двум коллегам и мне, *что весь совет не смог бы защитить два положения, содержащиеся в этой книге*; он процитировал одно, которое, как я немедленно доказал, было католическим, и сказал ему, что если бы у меня был авторитет великих инквизиторов, я, возможно, осудил бы его, поскольку я думал, что в том, чтобы считать католическое утверждение еретическим, было столько же ереси, сколько и в том, чтобы считать еретическое мнение католическим; кроме того, несомненно, что оно является еретично предполагать, что собор может одобрить доктрину как католическую, а это не так".

Что лютеране, когда они обнаружат, что король больше доверяет инквизиции Испании, чем верховному понтифику, воспользуются этим обстоятельством, чтобы упорствовать в своем противостоянии святому престолу, и скажут, что вера его величества подчинена его интересам;

Что он был проинформирован в *признании*, что *истинным замыслом* этих людей было позволить архиепископу умереть в тюрьме, *не завершив процесс над ним*; что такие разбирательства приводят к предположению, *что их авторы растрачивают доходы архиепископства в своих целях, что они и делают на самом деле, без какого-либо лица, которое могло бы призвать их к ответу*; кроме того, что такой план эквивалентен осуждению, поскольку каждый будет считать, что его клиент виновен, если инквизиторы не осудят его; что это даже касалось чести его величества, потому что можно было бы сказать, что он щадил еретиков высокого ранга и наказывал тех, кто не имел значения.

В заключение Альпицкуэта заявляет, что, по его мнению, архиепископ был бы оправдан и принят с величайшими почестями, если бы его отправили в Рим, и умоляет короля дать разрешение на перенос судебного процесса.

Альпицкуэта, несомненно, был очень образованным человеком и сказал королю много правды; но он не понимал характера этого принца, поскольку письмо, которое он написал папе 15 апреля, показывает, что он стал еще более несправедливым, чем судьи. Убеденный в том, что Карранса еретик, он решил показать миру, что если он знает, как вознаграждать за заслуги, то он также знает, как наказывать своих созданий.

Поэтому он решил потребовать разрешения папы Римского завершить судебный процесс в Испании. Он выбрал для этого поручения дона Родриго де Кастро, которому были переданы 24 ноября 1564 года инструкции, изданные советом, и другие от короля, которые были частными и без даты; алфавит шифра, с помощью которого он должен был переписываться с королем, и аккредитивы к Папе и многим кардиналам.

Король, предвидевший события, которые могли произойти в результате этого путешествия, также отправил письма королю и королеве Франции, констеблям этого королевства и своему

послу там, своему послу в Генуе, вице-королю Неаполя, губернатору Милана, великому герцогу Тосканы и принцу Маркантонио Колонна.

Среди инструкций можно отметить следующее: "Хотя и следует надеяться, что Бог повлияет на решение понтифика, все же не следует пренебрегать средствами достижения успеха в столь справедливом предприятии: поэтому *людей, имеющих наибольшее влияние в этом деле, следует привлечь любыми средствами, которые могут показаться наиболее удобными*".

Дону Родриго де Кастро удалось получить требуемое разрешение. 13 июля 1565 года Пий IV. назначены судьями кардинал Буонкомпаньи (впоследствии папа Григорий XIII) с титулом легата; архиепископ Розано (впоследствии папа Урбан VII), аудитор *Роты* Альдобрандини и генерал францисканцев (впоследствии Секст Квинт). Папа проинформировал Филиппа об этих назначениях в кратком послании, датированном 21 августа следующего года.

Папские посланники прибыли в Испанию в ноябре месяце. Филипп отправился в Алкалу, чтобы встретиться с легатом, и принял его самым лестным образом, чтобы побудить его согласиться на то, чтобы советники инквизиции были связаны с папскими судьями; на это легат, который признавал нецелесообразность такой меры, ответил отказом. По приказу короля было задействовано множество могущественных интриг, чтобы добиться его желания, но все они были напрасны; и после смерти папы в ночь на 8 декабря Буонкомпаньи, желавший помочь на конклаве, немедленно отправился в Рим, даже не уведомив короля о своем намерении и оставив архиепископа и суд над ним в точно таком же состоянии, как в 1562 году.

17 января 1566 года был избран Пий V. Буонкомпаньи узнал об этом событии, когда был в дороге, и остановился в Авиньоне. Филипп отправил курьера к новому понтифику, чтобы умолять его подтвердить договоренности своего предшественника, которые были выполнены; его Святейшество в то же время приказал кардиналу возвращаться в Испанию; он ответил, что считает необходимым провести личную встречу с его святейшеством, прежде чем подчиниться его приказам, и поэтому продолжил свое путешествие. Как только он прибыл в Рим, он доказал новому понтифику, что суд над Каррансой никогда не мог быть беспристрастно рассмотрен в Испании, даже судьями, назначенными святым престолом; Пий IV. затем постановил, что архиепископ Толедский и материалы судебного процесса над ним должны быть переданы в Рим и что дон Фердинанд Вальдес должен быть лишен должности генерального инквизитора: это он считал необходимым на случай, если для разбирательства потребуется допросить новых свидетелей в Испании.

Салазар де Мендоса говорит, что Филипп немедленно подчинился, но он не читал историю судебного процесса: несомненно, что последовало великое состязание; что Пий IV. был тверд, и гордыне Филиппа пришлось уступить, когда папа пригрозил отлучить его от церкви и наложить на его королевство интердикт. Протоколы судебного процесса все еще существуют; *я ссылаюсь на эти документы.*

Король назначил дона Диего Эспиносу, епископа Сигуэнсы, генеральным инквизитором; и 9 сентября папа ускорил издание буллы, в которой он говорит, что из-за большого возраста и немощей Вальдеса он счел уместным назначить дона Диего Эспиносу своим коадьютором, уполномочивая его действовать в качестве генерального инквизитора без какой-либо зависимости от Вальдеса. Эта булла была опубликована, чтобы Вальдес не был обещен; но

его святейшество в частном порядке сообщил Эспиносе о своих намерениях в кратком сообщении от 1 октября, приказав ему избегать разговоров с Вальдесом о суде над Каррансой.

Папа отправил Пьетро Камаяни, епископа Аскули, в Испанию с титулом чрезвычайного нунция и с самым решительным приказом не возвращаться в Рим без архиепископа и материалов судебного процесса над ним. 30 июля он обратился к Камаяни с кратким сообщением, которое необходимо сократить, хотя и имеет большое значение. Его Святейшество говорит, что задержка судебного процесса и задержание Каррансы шокировали весь христианский мир. Он приказывает ему, под страхом отлучения от церкви, уведомить архиепископа Севильи, Совет инквизиции и других лиц, замешанных в процессе над Каррансой, с угрозой тех же наказаний, об абсолютном лишении всех вверенных им полномочий; и положительный приказ, под страхом *полного отлучения от церкви*, немедленно освободить Каррансу, без промедления или протеста, и даже не требуя от него какой-либо гарантии; передать все документы судебного процесса в руки нунция, чтобы тот передал их в суд. им передано в Рим; подвергнуть тех, кто хранит бумаги, такому же порицанию, если они не отдадут их немедленно; сообщить архиепископу, когда он будет освобожден, о приказе вернуться в Рим и разрешить ему назначить администратора для своего престола.

Однако ничего не было сделано так, как предписал папа. Архиепископ не был освобожден; царь послал отряд своих гвардейцев сопровождать его в Карфагену, где он должен был сесть на корабль. Он так долго задерживался в Вальядолиде из-за приготовлений к отъезду, что добрался до Рима только 29 мая следующего года.

Нунцию пришлось вновь угрожать отлучением от церкви, прежде чем он смог получить документы, которые задержали архиепископа в Карфагене на четыре месяца. Было использовано неведение нунция относительно этого дела, и ему была передана только часть судебных разбирательств, остальное было востребовано, когда недостаток был обнаружен в Риме, и, таким образом, произошла задержка на целый год; короче говоря, было очевидно, что инквизиторы хотели отложить завершение процесса до смерти Каррансы. Члены Толедского капитула отличались мужественной преданностью своему руководителю; они назначили двоих из своего отряда сопровождать его во время заключения и оказывать ему все услуги, какие в их силах, наказав им никогда не покидать его во время его путешествия и пребывания в Риме.

Карранса покинул свою тюрьму 5 декабря 1566 года, после семи лет, трех месяцев и четырнадцати дней заточения, которые он провел в двух комнатах, откуда не мог видеть ни окрестностей, ни улиц, и не разговаривал ни с кем, кроме двух своих слуг и двух адвокатов. Ему не разрешалось назначать администратора своего архиепископства в соответствии с указаниями папы Римского: причиной этого было то, что его святейшество не знал, что администратор уже был назначен королем и что Павел IV. подтвердил номинацию.

Карранса путешествовал в носилках, и его сопровождали дон Диего Гонсалес, инквизитор Вальядолида, и дон Лопе де Авельянеда, который был назначен его тюремщиком в 1561 году. По прибытии в Картагену Гонсалес и гвардия вернулись в Вальядолид, поскольку за его персону тогда отвечал генерал-капитан провинции.

27 апреля 1567 года он сел на корабль, а 25 мая прибыл в Чивита-Веккья, где его приняли испанский посол и Пауль Вислерсио, племянник папы римского и капитан его гвардии, а 29-го он прибыл в Рим. Помимо его слуг и Авельянеды, его сопровождали два советника инквизиции,

дон Диего де Симанкас и дон Антонио Пазос; дон Педро Фернандес де Теминьо, инквизитор Каллахорры, дон Джером Рамирес, фискал Верховного совета, Себастьян де Ландета и Альфонсо де Кастельон, секретари инквизиции Вальядолида, и несколько *знакомых*, которые путешествовали за счет архиепископа. С ним были также дон Мартин де Альпицкуэта и дон Алонсо Дельгадо, его адвокаты.

ГЛАВА XXXIV.

ОКОНЧАНИЕ ПРОЦЕССА Над КАРРАНСОЙ. — ЕГО СМЕРТЬ.

ПО прибытии Каррансы в Рим папа выделил ему апартаменты, занимаемые верховными понтификами в замке Святого Анджело: размеры этих комнат позволяли ему заниматься физическими упражнениями, и он наслаждался видом на местность. Его здоровье улучшилось, и к нему вернулись силы; ему также разрешили нанять еще троих слуг. Папа запретил кому бы то ни было говорить с ним о его судебном процессе, и пока он длился, ему не разрешалось ни принимать причастие, ни служить мессу. В Испании ему не разрешалось исповедоваться, но в Риме ему разрешалось делать это четыре раза в год.

Пий V. назначил шестнадцать консультантов для участия в судебном процессе: это были кардиналы Ревива, Пачеко, Гамбайя и Кьеза; архиепископ Таррагоны; епископ Сьюдад-Родриго; епископ Пати на Сицилии; епископ Чефалу; дон Педро Фернандес де Теминьо, советник испанской инквизиции; доминиканец Фрей Томас Манрике; архиепископ Святого Северина; епископ Святой Агаты; епископ Ареццо; епископ Фьезоли и доктор Артимом, аудитор причины возникновения апостольского дворца. Папа также назначил на ту же должность фискала Верховного совета; двух секретарей-итальянцев и двух, приехавших из Испании. Остаток 1567 года и часть следующего были потрачены на перевод судебного процесса на итальянский.

Каноники Толедо представили папе письмо, в котором умоляли его принять во внимание заслуги архиепископа и его высокий сан, а также честь и утешение их церкви, которая была лишена своего пастыря в течение восьми лет, и просили его оказать ему столько благосклонности, сколько было совместимо с религией и справедливостью. Его Святейшество пообещал это сделать и выразил большое удовлетворение благородными чувствами, содержащимися в письме, и нежным интересом, который капитул проявил к благополучию своего пастора.

Труды и рукописи архиепископа остались в Испании; они были востребованы и отправлены в Рим в 1570 году: это обстоятельство вызвало новые задержки. Когда перевод был закончен, налоговое управление потребовало, чтобы никаких совещаний консультантов не проводилось без присутствия папы Римского, что чрезмерно затянуло процесс, поскольку его Святейшество часто не мог присутствовать. Фискал также бросил вызов фраю Томасу Манрике, потому что он был другом Каррансы. Затем папа назначил доктора Толедо, иезуита, но ему также был брошен вызов, потому что он был родственником дона Антонио де Толедо, другого друга архиепископа.

Дон Гомес Теллес Хирон, управляющий архиепископством, скончался в это время, и капитул Толедо во второй раз написал папе римскому, выражая крайнюю тревогу по поводу прекращения судебного процесса. Его Святейшество ответил на это письмо с особой

любезностью, извинившись из-за своих многочисленных занятий и характера судебного разбирательства и пообещав ускорить завершение, что, по его словам, он уже пытался сделать.

Когда записи были приведены в порядок, обнаружилось, что не хватает нескольких листов; поэтому Пий V., считая, что будет трудно выразить письменно то, что он думает по этому поводу, отправил Джона де Бедойю, агента Совета инквизиции, в Испанию с кратким письмом на имя короля, в котором просил его выслушать поручение Джона де Бедойи со своей обычной благожелательностью.

Неизвестно, что Бедойя сказал королю, но судебный процесс сообщает нам, что он приказал запросить документы, касающиеся судебного процесса, и что некоторые из них были переданы генеральным инквизитором королю для отправки в Рим: среди них были найдены некоторые уточнения и показания, которые были в пользу архиепископа. Лица, скрывшие эти документы, были настолько ослеплены страстью, что не обратили внимания на то, что они были процитированы в присланных документах. Хотя его Святейшество и Филипп намеревались передать все документы, касающиеся Каррансы, все же все копии Катехизиса, которые были взяты у маркизы д'Альканьис и которые использовались при квалификации работы, а также дубликаты и тройные копии ненапечатанных работ, переданные Альфонсо де Кастро и доктором Астете, остались в Испании. Это упущение было сначала не должен быть вызвано злопыхательства, так как все остальные были посланы; но впоследствии было обнаружено, что документы были сохранены, чтобы использоваться на ряд других возможностей, которые на самом деле происходили, и давать повод для свежих задержек, если они не были востребованы по попе.

Пий V. подготовил окончательный приговор, но он не произносил его до тех пор, пока не узнал о склонностях Филиппа, которого не хотел обидеть. В своем решении он объявил, что обвинение фискала не было доказано, и оправдал прелата. Он повелел, чтобы *Катехизис* был возвращен автору, переведен на латынь, и чтобы он внес необходимые исправления и объяснил порицаемые положения в католическом смысле; во-вторых, чтобы запрет на это произведение считался действительным до тех пор, пока не будут представлены пояснения; чтобы запрет на *объяснение Святого Иоанна* сохранялся, и чтобы ни одно из рукописных произведений Каррансы не было напечатано до тех пор, пока он не внесет необходимые исправления.

Папа римский передал этот приговор королю Испании через своего камергера Алессандро Казали. Он был убежден, что Филиппу было бы приятно узнать, что он признал невиновность Каррансы, и что он был бы удовлетворен мерами, принятыми для предотвращения того, чтобы книги не представляли опасности. Папа не понимал характера Филиппа II, который считал себя таким же обещанным, как и святая канцелярия, оправданием Каррансы. Он написал его Святейшеству, чтобы доказать, что труды прелата не могли содержать так много ошибок Лютера, если бы он не был еретиком. Поэтому он попросил папу отложить вынесение решения до возвращения своего камергера, которому он передаст важные документы, подтверждающие правдивость его заявления.

Король приказал составить *Опровержение "Апологии катехизиса Каррансы"*, опубликованной Альпискуэтой и Дельгадо, а также другой работы аббата Алькала-де-Энареса под названием *"Новое толкование Катехизиса Каррансы и веры его автора"*. Филипп отправил эти два сочинения Казали в Рим в 1572 году. Когда он прибыл, то обнаружил, что его учитель Пий V.

умер, а Григорий XIII, его преемник, получил документы и приобщил их к судебному разбирательству.

Смерть Пия была приписана агентам инквизиции. Такие отчеты не часто заслуживают доверия, но существуют письма на эту тему, которые содержат очень смелые выражения. В одном из них говорится: "Смерть человека, который показал себя так сильно привязанным к монаху-доминиканцу и который своими рассуждениями поставил под угрозу честь испанской инквизиции, не должна иметь большого значения. Ей (инквизиции) была бы выгодна смерть такого папы".

Филипп II поздравил нового понтифика с его восшествием на престол и в то же время попросил его приостановить судебное разбирательство до тех пор, пока он не выслушает мнения четырех испанских богословов, которых он намеревался направить, чтобы пролить новый свет на это дело: этими докторами были дон Фрэнсис Санчо, профессор богословия в Саламанке; отец Диего де Шабес, духовник короля; отец Хуан Очоа и отец Хуан де ла Фуэнте, магистры богословия. Их порицания были приобщены к судебному разбирательству.

Филипп II, видя оборот, который теперь приняло дело, предпринял последнее усилие, и советники инквизиции, чтобы добиться отказа от благоприятных мнений, высказанных уважаемыми теологами перед арестом Каррансы, прибегли к террору и убеждению: первое, заставив их опасаться, что они будут арестованы по подозрению в исповедании ошибок, которые они одобряли; и второе, предложив им почетный предлог для пересмотра их первого суждения, обнаружив неизданные работы Каррансы, в которых содержалось большее количество доказательств. количество положений, допускающих еретическую интерпретацию.

Первым, кто попал в ловушку, был человек, поистине уважаемый своей ученостью, своими добродетелями, своим происхождением и многими выдающимися качествами; но его преклонный возраст и его страх перед застенками инквизиции могут рассматриваться как оправдание его слабости, так же как и слабости достопочтенного Осиуса.

30 марта 1574 года архиепископ квалифицировал как ошибочные семьдесят пять положений того же печатного Катехизиса, который он ранее объявил ортодоксальным; однако он добавил, что ошибки были вызваны кастильским языком, на котором была написана работа, и что, если бы она была опубликована на латыни, было бы необходимо исключить, исправить или объяснить тридцать одно положение. Прелат также заявил, что в рукописи двести девяносто две ошибки, пронумерованные 1, 2, 3, 4, 5, 6, и 7, и шестьдесят шесть в "объяснениях и проповедях" (список которых был приведен в предыдущей части этой работы), и из этого он сделал вывод, что автор был *жестко заподозрен* в ереси.

Серрано, репортер Верховного совета, который передал эти работы архиепископу Гренады, вернулся в Мадрид с триумфом. Верховный совет в письме королю выражает большое удовлетворение по этому поводу и говорит: "Абсолютно необходимо направить это уточнение в Рим, потому что активность, с которой ведется дело, делает вероятным, что оно вскоре будет завершено, и эта мера тем более важна, что мнение архиепископа Гренады будет иметь большое влияние". Это письмо сопровождалось ложной оценкой порицаний, явно демонстрирующей враждебность совета по отношению к Каррансе.

Затем Серрано отправился к дону Фрэнсису Бланко, тогдашнему епископу Малаги. Этот прелат 29 апреля отказался от мнения, данного им в 1558 году. Он осудил шестьдесят восемь

положений Катехизиса, хотя ранее хвалил этот труд. Серрано немедленно сообщил об этом совету и о том, что епископ объявил Каррансу *жестоким заподозренным* в ереси.

Архиепископство Сантьяго в то время было вакантным, и король даровал его этому прелату.

Дон Франсис Дельгадо последовал его примеру и осудил триста пятнадцать предложений. Дон Франсис Дельгадо получил престол Сантьяго после смерти Бланко, но прожил недостаточно долго, чтобы вступить им во владение.

Король не отправил мнения прелатов в Рим, но написал Папе Римскому и сообщил ему, что ему сообщили, что архиепископы Сантьяго и Гренады хотели сообщить много важных вещей, касающихся Каррансы, и что он надеется, что его святейшество прикажет сделать все необходимое по этому случаю.

7 августа того же года Григорий XIII. ускорил составление протокола, в котором поручил генеральному инквизитору дону Гаспару де Кирога получить заявления прелатов в присутствии нотариуса и свидетелей и отправить их подписанными и запечатанными в Рим. Аналогичная записка была отправлена 17 октября епископу Хаэна, магистральному канонику Толедо и профессору Манчо. Генеральный инквизитор назначил уполномоченных, которым он дал письменные инструкции. Им было приказано взять с них клятву говорить правду и соблюдать секретность, побудить прелатов заявить, что изменение их мнения было основано на более тщательном изучении работы и знании других трудов автора; наконец, заставить их изложить в отдельном документе то, что они теперь думают о трудах и вере Каррансы, и не позволять им говорить, что они сделали это в повиновении королю, как они заявили вначале, но заявить, что они действовали в соответствии с инструкцией.

Эти заявления были направлены в Рим в декабре. Дон Фрэнсис Бланко, который при первом рассмотрении осудил только шестьдесят восемь положений Катехизиса, теперь осудил двести семьдесят три пункта в Катехизисе и брошюрах вместе взятых, шестьдесят три из которых он объявил еретическими.

Эту необычайную перемену прелаты приписывали любви к справедливости, совести, религиозному рвению и желанию угодить Богу.

Заявления пяти новых свидетелей, имевшие столь большое значение, полностью изменили вид судебного процесса. Григорий XIII. попал в ловушку, которой действительно было трудно избежать, поскольку интрига, приведшая к этому, велась таким могущественным государем, как Филипп, и таким грозным и умелым органом, как испанская инквизиция. Грегори обнаружил интриги в Мадриде и сообщил святому Пию V., что даже иностранным судьям будет невозможно завершить процесс справедливым образом в Испании; но он был далек от предположения, что враждебность врагов Каррансы будет еще более активной в Риме.

Папа любил справедливость и думал, что подчиняется ее предписаниям, повелев 14 апреля 1576 года архиепископу Толедскому отречься от всех ересей вообще, и в частности от шестнадцати лютеранских положений, в вере в которые его *жестоким* подозревали. Он был отстранен на пять лет от исполнения своих архиепископских обязанностей и приговорен к заточению в течение этого времени в доминиканском монастыре Орвиетта в Тоскане, а также к присутствию в монастыре Минервы в Риме, где также были наложены некоторые епитимьи, одной из которых было посещение за один день семи церквей Святого Петра, Святого Павла,

Святого Иоанна Латеранского, Санта-Кроче Иерусалимского, Святого Себастьяна, Святой Марии Майорской и Святого Лаврентия. Запрет святой канцелярии на Катехизис был сохранен.

Шестнадцать лютеранских положений, отвергнутых Каррансой, были следующими:—

1. Дела, совершенные без участия духа, какой бы природы они ни были, являются грехами и оскорбляют Бога.
2. Вера - это первое и главное средство получения оправдания.
3. Человек формально оправдан справедливостью Иисуса Христа; этим Христос заслужил за нас.
4. Никто не может добиться справедливости Христа, кроме как твердо веря, что он ее добился.
5. Те, кто находится в состоянии смертного греха, не могут понимать Священное Писание или различать вещи, относящиеся к вере.
6. Естественный разум противоречит вере во всем, что относится к религии.
7. *Зародыш* греха присутствует в крещеных людях с качествами греха.
8. Истинная вера не существует в грешнике, когда он потерял благодать из-за греха.
9. Покаяние равно крещению и равно новой жизни.
10. Господь наш Иисус Христос искупил наши грехи настолько действенным и полным образом, что от нас не требуется никакого другого искупления.
11. Для спасения достаточно веры без дел.
12. Иисус Христос не был законодателем, и в его планы не входило издавать законы.
13. Действия и подвиги Святых могут служить только примером, но они никоим образом не могут помочь нам.
14. Использование святых изображений и почитание мощей Святых - обычаи чисто человеческие.
15. Церковь нынешнего века не обладает таким же светом или авторитетом, равным первоначальной Церкви.
16. Состояние апостолов и религиозная жизнь не отличаются от обычного состояния христиан.

Заявления свидетелей не доказывают, что Карранса когда-либо произносил какие-либо из этих положений, и из этих порицаний мы можем понять, что он лишь изложил в письменной форме некоторые из них, которые заставили цензоров предположить, что он исповедовал эти и многие другие, поскольку он не был обязан отречься от нескольких сотен положений, которые были подвергнуты цензуре, или от семидесяти двух, которые были квалифицированы как еретические. Поскольку невозможно было доказать, что он когда-либо произносил или выразил письменно какое-либо из шестнадцати положений, считающихся лютеранскими, я без колебаний заявляю, что это предложение не может быть одобрено честными людьми.

Архиепископ выслушал свой приговор со смирением и получил отпущение грехов *ad cautelam*; он отслужил мессу в первые четыре дня страстной недели, а 23 апреля исполнил епитимью посещения церквей. Он отказался от письма, которое предложил ему папа в качестве публичного свидетельства своего уважения и заинтересованности в его судьбе. Он отслужил мессу в другой день в церкви Святого Иоанна Латеранского, в последний раз в своей жизни; он скончался в три часа утра 2 мая 1576 года в возрасте семидесяти двух лет, восемнадцать из которых провел в тюрьме.

Папа, узнав о его болезни, 30 апреля послал ему папское отпущение грехов и освобождение от наложенной на него епитимьи; святой отец сделал это для утешения Каррансы, который на самом деле выказал большое удовлетворение и принял соборование со спокойствием и даже с некоторыми проявлениями радости.

Он составил свое завещание в присутствии одного из судебных секретарей и назначил душеприказчиками своего верного друга дона Антонио де Толедо; докторов д'Альпискуэту и Дельгадо, которые никогда не покидали его; дона Хуана де Наварра-и-Мендоса, певчего, сановника и каноника Толедского собора (он был сыном графа де Лодоса и происходил по прямой мужской линии от королей Наварры); брата Фердинанда де Сан-Амбросио, своего прокурора, всегда верного своему делу; и Брат Антонио д'Утрилья, образец верности и привязанности, добровольно деливший свой плен в течение восемнадцати лет. Он не получил разрешения, необходимого епископам для составления завещания; но поскольку папы в то время распоряжались доходами попечительств, он одобрил и утвердил благочестивые распоряжения архиепископа.

30 апреля, после того как прелат получил отпущение грехов, и перед тем, как совершить акт веры, он сделал следующее заявление на латыни в присутствии трех секретарей, нескольких испанцев и нескольких итальянцев, говоря медленно и отчетливо, чтобы все присутствующие могли его слышать.

"Учитывая, что меня подозревали в совершении вменяемых мне ошибок, я считаю своим долгом сообщить о своих чувствах по этому поводу; именно с этой целью я попросил о присутствии четырех секретарей, которые были наняты для участия в моем судебном процессе. Итак, я призываю в свидетели небесный суд и в качестве моего судьи суверенного Господа, причастие которого я собираюсь принять, ангелов, сопровождающих его, которых я всегда выбирал в качестве своих ходатаев; Я клянусь этим Всемогущим Богом, моей приближающейся смертью, отчетом, который я вскоре представлю Богу, что, когда я исповедовал теологию в своем ордене, и впоследствии, когда я писал, учил, проповедовал и спорил в Испании и Германии, Италии и Англии, я всегда намеревался торжествовать веру в Господа нашего Иисуса Христа и бороться с еретиками. Его божественное Величество пришел мне на помощь, поскольку в Англии я обратил нескольких еретиков в католическую веру; с разрешения короля я приказал извлечь из земли тела величайших еретиков того времени, и они были сожжены, чтобы обеспечить власть инквизиции. Католики, так же как и еретики, всегда называли меня *Первым Защитником Веры*. Я могу искренне подтвердить, что я всегда был одним из первых, кто трудился в этом святом деле, и многое делал в связи с этим по приказу короля, моего господина. Его величество был свидетелем части того, что я утверждал. Я любил его и до сих пор искренне люблю; ни один сын не мог бы испытывать к нему большей привязанности, чем я.

Я также заявляю, что за всю свою жизнь я никогда не учил, не проповедовал и не поддерживал какую-либо ересь или что-либо противоречащее истинной вере Римской церкви; что я никогда не впадал ни в одну из ошибок, в которых меня подозревали, из-за того, что моим словам приписывали разные значения, которые я придавал им сам; Я клянусь всем, что я уже сказал, тем Богом, к которому я взывал как к своему судье, что ошибки, о которых я упомянул или о которых сообщалось в ходе моего судебного разбирательства, никогда не приходили мне в голову; что у меня никогда не было ни малейших сомнений ни по одному из этих пунктов. доктрины; но, напротив, я исповедовал, писал, учил и проповедовал святую веру с той же твердостью, с какой я сейчас верю и исповедую ее в час моей смерти.

"Тем не менее я признаю свой приговор справедливым, потому что он был вынесен наместником Христа; я принял его и расценил как таковой, потому что к качеству наместника Иисуса Христа человек, произнесший его, присоединяется характер честного и благоразумного судьи. В час моей смерти я прощаю, как делал всегда, все преступления любого характера, которые были совершены против меня; я также прощаю тех, кто выступил против меня на моем судебном процессе; также тех, кто принимал в нем наименьшее участие. Я никогда не испытывал к ним никакого негодования; напротив, я всегда рекомендовал их Богу; я делаю это в этот момент, любя их всем своим сердцем, и я обещаю, что если я попаду в то место, где я надеюсь быть по милости нашего Господа, я ничего не буду просить против них, но молиться Богу за всех".

Тело архиепископа было захоронено 3 мая на хорах монастыря *Минервы* между двумя кардиналами из семьи Медичи. Папа распорядился выгравировать на его могиле надпись, в которой называет его *человеком, прославленным своим учением и проповедями*. Из этого представляется вероятным, что он не считал свои произведения полными ересей; но, возможно, это было вызвано протестом Каррансы перед его смертью. Торжественные похороны были совершены в Риме, а те, что прошли в Толедо некоторое время спустя, были еще более пышными.

Хотя святая канцелярия одержала несправедливую победу, инквизиторы были раздосадованы тем, что Карранса не был лишен своего сана. Отстранение от должности на пять лет показалось им на редкость легким наказанием, и они опасались, что папа освободит его от этого, что он, собственно, и сделал через восемь дней после вынесения приговора.

Их гнев отражен в нескольких письмах, написанных из Рима в первые три дня после вынесения приговора и найденных среди бумаг судебного процесса в Мадриде. Среди многих вещей, которые позорят авторов, - совет, данный королю, не позволять Каррансе возвращаться в Испанию и, прежде всего, не позволять ему управлять своей кафедрой даже по истечении срока временного отстранения; их зависть и враждебность заставляют их предполагать, что было бы позором для епархии Толедо, если бы ею управлял человек, который подвергся судебному преследованию инквизицией: они сказали, что королю было бы лучше попросить папу побудить Каррансу отказаться от своей епархии и принять пенсию, чтобы какой-нибудь человек мог быть помещен в тюрьму. его видение более достойно того, чтобы занять его; но Бог в своей бесконечной мудрости уничтожил смертью архиепископа причину, мотив и повод для новых интриг. В записях процесса я с сожалением увидел, что инквизиторы, отнюдь не отказавшись от своих занятий, подготовили для него новое преследование.

ГЛАВА XXXV.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД АНТОНИО ПЕРЕСОМ, МИНИСТРОМ И ПЕРВЫМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ ФИЛИППА II.

АНТОНИО ПЕРЕС был еще одной выдающейся жертвой инквизиции и злых нравов Филиппа II. Несчастья Переса начались, когда Филипп казнил Хуана Эскобедо, секретаря дон-Джона Австрийского; ему удалось бежать в Арагон, где он надеялся жить в спокойствии при правительстве, которое позволяло суверену иметь обвиняющего фискала в трибуналах. Нет необходимости рассказывать обо всем, что Перес перенес в Мадриде за двенадцать лет до своего побега; эти подробности можно найти в работе, опубликованной этим министром под названием "*Отношения*", в рассказе Антонио Вальядареса де Сотомайора, помещенном в "*Семинарио эрудито*", и в томе in octavo, вышедшем в 1788 году под названием "*Суд над Антонио Пересом*".

Антонио Перес удалился в Арагон в 1590 году, и Филипп издал приказ о его аресте, который состоялся в Калатауде. Перес протестовал против этой меры и потребовал привилегии *манифестадос*, его отвезли в Сарагосу и заключили в тюрьму *королевства*, или *свободы*. Заключенные были там свободны от непосредственной власти короля и зависели только от судьи промежуточного звена, называемого верховным судьей Арагона. Ее также называли тюрьмой *Фуэро* или *Конституционной*, потому что только конституция короля называлась *Фуэро д'Арагон*; иногда ее называли тюрьмой *манифестадос*; в нее не принимали никаких лиц, кроме тех, кто заявлял о себе или заявлял, что пользуется конституцией, чтобы избежать королевской тюрьмы, и заявлял, что подчиняется законам королевства, и ссылался на поддержку его привилегий: привилегии заключенного в случае Переса заключались в том, что он не подвергался пыткам; в том, что он был лишен свободы. освобожден после принесения присяги явиться с повинной, чтобы ответить на обвинения, и ему разрешено, даже если любой другой судья приговорит его к смертной казни, подать апелляцию в трибунал верховного судьи Арагона[68], который проверил, не было ли исполнение приговора противоречащим каким-либо законам *Фуэро* королевства. Этот трибунал напоминает тот, что во Франции называется *Кассационным судом*.

Филипп II после многих серьезных, но бесполезных попыток склонить постоянную делегацию королевства к переводу Переса в Мадрид отправил начало судебного процесса в Арагон и дал необходимые полномочия своему фискалу в Сарагосе обвинить его в том, что он подал королю ложные донесения, которые побудили его казнить Хуана Эскобедо; в подделке писем кабинета министров и разглашении государственных секретов. После многих инцидентов Перес довел короля до необходимости отказаться от судебного преследования публичным актом 18 августа, чтобы избежать позора, связанного с его оправданием.

Его величество, однако, оставил за собой право воспользоваться своими привилегиями; и чтобы помешать Пересу получить свободу, он инициировал еще одно судебное разбирательство в форме *дознания*[69], перед регентом королевской аудиенции Арагона. Чтобы дать повод для этого судебного разбирательства, было решено, что слуги короля были освобождены от привилегий *фуэрос*, и что Антонио Перес был слугой короля в должности государственного секретаря. Перес утверждал, что государственный секретарь был слугой

народа и никогда не смешивался с королевской прислугой; что, если предположить, что он принадлежал к этому классу, законно распространяться только на государственного секретаря Арагона; что конституция касается только тех королевских слуг, которые были уроженцами Арагона; что никто не может быть судим дважды за одно и то же преступление двумя разными судами; что его судили в Мадриде в 1582 году; что тогда он подвергся жестокому обращению, вместо того чтобы оправдать себя разглашением личных писем короля, которые были у него в распоряжении; наконец, что, хотя документы, полезные в его защиту, были получены от его жены мошенническим путем, у него все же было достаточно документов, чтобы полностью оправдать себя.

На самом деле Перес сохранил несколько заметок, написанных рукой самого короля, которых было достаточно, чтобы оправдать его: он отправил их копии маркизу д'Альменаре и другим лицам, приближенным к королю, и сказал им, что, получив информацию о том, что его величество раздосадован тем, что его письма были обнародованы на суде, он хотел бы избавить его от необходимости представлять другие оригиналы документов, которые содержали очень важные секреты, касающиеся разных людей; но если желание преследовать его сохранится, он предъявит их, потому что он больше не способен приносить бесполезные жертвы обществу. предубеждение его жены и семерых детей.

Затем *расследование* было прекращено, и Перес потребовал освободить его условно-досрочно или, по крайней мере, предоставить гарантии; регент отказался: затем он апеллировал к привилегиям королевства против применения силы перед трибуналом верховного судьи, который не проявил к нему большей благосклонности.

Похоже, что затем Перес вместе со своим товарищем по несчастью Хуаном Франсисом Майорини разработали план побега в Беарн. Их замысел был раскрыт в тот момент, когда они собирались его осуществить, но Перес вел себя так тактично, что свел свое участие в сделке к простому подозрению.

Показания свидетелей перед регентом дали инквизиции предлог для судебного преследования Переса; это событие было приемлемо для Суда, поскольку невозможно было изобрести никаких средств для продления *следствия*.

19 февраля 1591 года регент написал инквизитору Молине, что Перес и Майорини намеревались совершить побег из тюрьмы, чтобы отправиться в Беарн и в другие места Франции, куда прибегали еретики, с намерениями, которые будут подтверждены показаниями свидетелей.

Доказательством, упомянутым в этом письме, является свидетельство без даты, данное нотариусом Хуаном Монтаньесом, в которое были скопированы 8-я глава первых дополнений и 5-я часть второго, которые были выдвинуты королевским налоговым управлением в связи с основными обвинениями против Переса, а также показания, полученные от Хуана Луиса де Луна, Антона де ла Альмунья и Диего Бустаменте. В этих главах была предпринята попытка доказать, "что Антонио Перес и Хуан Фрэнсис Майорини намеревались сбежать из заключения, заявив, что они намеревались отправиться в Беарн, к Вандому и его сестре"^[70], и в другие части Франции, где они найдут много еретиков, враждебных его величеству; что он надеялся быть хорошо принятым, потому что Перес знал, что великое множество государственных тайн, которые он мог бы им сообщить; что они добавили к этой речи много выражений, преступных и

оскорбительных для величества короля, и что они были полны решимости причинить ему столько вреда, сколько смогут". Я бы не поверил, что таких показаний было бы достаточно для обвинения Переса инквизицией в ереси, если бы не видел материалы судебного процесса.

Нам может быть позволено предположить, исходя из того, что произошло в Мадриде, и начала *расследования*, которое угрожало Пересу смертной казнью, что обвинение в ереси было политическим ходом агентов короля. Они не осмелились представить полученные ими показания как решающие, но надеялись, что, когда святая канцелярия начнет суд над их жертвой, обвинений будет больше.

Инквизиторами Сарагосы были дон Альфонсо Молина де Медрано и дон Хуан Уртадо де Мендоса: один был двоюродным братом маркиза д'Альменара, а другой интриганом и безнравственным человеком, желавшим получить епископство любой ценой. По этой причине маркиз доверял ему больше, чем своему кузену, который был менее образован и слишком добр, чтобы стать преследователем. Фактически, дон Хуан избегал, насколько это было возможно, принимать какое-либо участие в этой сделке и даже получил разрешение перейти в другой трибунал. Молина получил письмо регента и сопровождавшие его показания; но вместо того, чтобы передать их трибуналу, он отправил их с первым же курьером генеральному инквизитору Кироге. Маркиз д'Альменара сообщил об этом событии графу де Шиншону, который сообщил об этом королю; посоветовавшись с кардиналом, Филипп приказал ему принять надлежащие меры для доказательства ереси Переса и соответственно наказать его. 5 марта Кирога постановил, что показания должен получить только Молина; что инквизиторы должны изучить их без согласия епархии и консулов и немедленно отправить их в Мадрид.

20 марта были допрошены десять свидетелей: Диего Бустаменте, слуга Переса, и Хуан де Басанте, учитель латыни, который часто видел его в тюрьме, процитировали фразы, которые в оригинале ничего не доказывали против него, но которые, будучи отделенными от остальных, имели значение, придававшее примененной мере видимость справедливости.

Трибунал передал информацию Кироге, который отправил ее фразе Диего де Шабесу, который квалифицировал четыре утверждения, вменяемые Пересу, и одно Майорини.

Последнее свелось к нескольким непристойным ругательствам, употребляемым итальянцами, которые вырвались у Майорини при проигрыше в игре, и были квалифицированы как *еретические богохульства*; этого было достаточно, чтобы санкционировать его тюремное заключение.

Первое предложение, взятое из показаний Диего де Бустаменте.—Кто-то посоветовал Пересу не отзываться плохо о доне Иоанне Австрийском: он ответил: "После того, как король обвинил меня в том, что я скрыл смысл моих писем и выдал секреты совета, справедливо, что я должен оправдываться, не считаясь с личностями: *если бы Бог-Отец поставил этому какое-либо препятствие, я бы отрезал ему нос за то, что он позволил королю вести себя по отношению ко мне как неверный рыцарь.*" —УТОЧНЕНИЕ. Это предположение богохульно, скандально, оскорбительно для благочестивых ушей и приближается к ереси водуа, которые полагают, что у Бога-Отца есть тело.

Второе предложение, взятое из показаний Хуана де Басанте. Антонио Перес, размышляя о плохом состоянии своих дел, сказал мне однажды в порыве горя и гнева: "Возможно, я больше не буду верить в Бога. *Можно было бы сказать, что он спит во время моего суда; если он не*

совершит чуда в мою пользу, я потеряю всякую веру." — УТОЧНЕНИЕ. Это утверждение скандально, оскорбительно для благочестивых ушей и подозревается в ереси, поскольку оно предполагает, что Бог спит, и имеет тесную связь с предыдущим утверждением. Два оставшихся обвинения были очень похожи, с аналогичными оговорками. Похоже, что использованные им слова были произнесены в моменты горя и отчаяния. Примечательно, что инквизиция предусмотрела этот случай, поскольку в одном из их постановлений постановлено, что никто не может быть арестован за произнесение богохульства, вызванного нетерпением или яростью. К этому можно добавить, что доказательство было ошибочным, поскольку второе утверждение основывалось исключительно на показаниях Басанте. Что касается трех других, я процитирую третью статью инструкции Толедо 1498 года. "Мы также команды инквизиторов быть осторожными, когда человек должен быть арестован, и не выдавать указа *пока они* были получены достаточные доказательства совершения преступления ереси, вменяемых обвиняемому."

Однако, поскольку религия была лишь кажущимся мотивом этого судебного процесса, Верховный совет, ознакомившись с обвинениями, постановил 21 мая, что Перес и Майорини должны быть арестованы и заключены в секретные тюрьмы инквизиции, что за ними следует строго наблюдать и арестовать так быстро, чтобы ни у кого не возникло никаких подозрений по этому поводу.

24 мая инквизиторы направили приказ великому альгвасилу святой канцелярии арестовать обвиняемых. Тюремщик королевской тюрьмы заявил, что он не может выдать их без приказа верховного судьи или одного из его помощников. В тот же день инквизиторы написали лейтенанту и приказали ему под страхом отлучения от церкви и штрафа в тысячу дукатов выдать заключенных в течение трех часов, *не допуская, чтобы Фуэро манифестации было каким-либо препятствием, поскольку оно не могло быть применено к суду за ересь; и по этой причине инквизиторы отменили любое подобное толкование Фуэро, как препятствующее свободному осуществлению святого трибунала.*

Секретарь вручил эти письма верховному судье дону Хуану де ла Нуса на публичной аудиенции в присутствии пяти судей, составлявших его совет, и всех лиц, работающих в его трибунале. Верховный судья подчинился приказу инквизиторов, и заключенных доставили в инквизицию в отдельных экипажах. Впоследствии стало известно, что курьер, доставивший приказ из Мадрида, также привез письма от графа де Шиншона маркизу д'Альменара, который в частной беседе с верховным судьей убедил его не настаивать на своих привилегиях; и что два письма инквизиторов были написаны в одну ночь, хотя и датированы 24-м, потому что маркиз заранее проинформировал их о том, что произойдет.

Перес, предвидевший опасность, поделился своими опасениями с графом д'Аранда и другими дворянами, которые решили воспротивиться этой мере как посягательству на самую ценную привилегию королевства. Дон Диего Фернандес де Эредиа, барон де Барболес, впоследствии заявил на процессе, который привел его на эшафот, что граф и Перес договорились убить маркиза д'Альменару, потому что, если они избавятся от него, король и граф де Шиншон откажутся от своего плана сделать кастильца вице-королем Арагона, который не преминул бы уничтожить все их привилегии по наследству.

Перес, в своих *Отношениях*, сообщает нам, что отец вышеупомянутого графа д'Аранда и несколько других лиц претендовали на привилегии *Фуэро де Манифестадо* и получили их, когда были арестованы инквизицией.

Когда Переса перевели в тюрьму святой канцелярии, он велел своим слугам сообщить об этом барону де Барболесу и нескольким другим джентльменам. Услышав эту новость, арагонцы подняли народ Сарагосы на восстание криками "Измена! Измена! Да здравствует нация! Да здравствует наша свобода! Да здравствуют Фуэрос! Смерть предателям!" Менее чем через час более тысячи вооруженных людей окружили дом маркиза д'Альменара и обошлись с ним с такой жестокостью, что он был бы убит, если бы его немедленно не отвели в королевскую тюрьму, где он скончался от полученных ран четырнадцать дней спустя. Повстанцы оскорбляли архиепископа и угрожали убить его и сжечь его отель, если он не заставит инквизиторов выдать заключенных: они таким же образом угрожали вице-королю, епископу Теруэля, и, собравшись численностью в три тысячи человек, начали поджигать замок Альхаферия (древний дворец мавританских королей, где проводилась инквизиция), крича, что сожгут инквизиторов, если они не выдадут Переса и Майорини. В городе произошло много других событий, потому что Молина де Медрано упрямо продолжал попытки подавить восстание, вопреки дважды повторенным просьбам архиепископа, вице-короля, графов д'Аранда и Мора и многих первых дворян Арагона. Наконец, обнаружив, что опасность возросла, он, казалось, сдался и объявил, что не отпустит пленников на свободу, а отдаст их в тюрьму святой канцелярии королевства, куда они были переведены в тот же день.

Инквизиторы оказались в критической ситуации и не осмелились никого арестовать; они направили несколько писем комиссарам святой канцелярии, некоторые из них сопровождалось приказом лейтенантам и их декретом, чтобы показать, что они не нарушали тюремный режим королевства, а только получили лиц, выданных им верховным судьей: остальные были отправлены с буллой Пия V. от 1 апреля 1569 г., касающейся тех, кто выступал против осуществления святой канцелярии; они также предложили опубликовать указ, отлучающий от церкви нескольких лиц, уже отмеченных в инквизиция зарегистрировала их как выступавших против исполнения приказов инквизиторов, но архиепископ убедил их отказаться от этого намерения. В этот период некоторые лица, бежавшие в Мадрид, когда произошло восстание, и которые, как было известно, были преданы королю, были допрошены в качестве свидетелей; и из их показаний явствовало, что графы д'Аранда и Мора, бароны де Барболес, де Биескас, де Пуррой, де ла Лагуна и многие другие из первой знати страны подстрекали людей к мятежу и усилили беспорядки, убедив их, что на *Фуэро* было совершено нападение.

Члены постоянной депутации королевства полагали, что, будучи заинтересованными в защите политической конституции, они могут быть обвинены в невыполнении своих обязанностей; поэтому они попытались оправдаться, заявив, что, поскольку они не являются вооруженным формированием или судебной властью, они не могут предотвратить восстание. Они также сочли уместным объявить комиссией юристов, что те, кто выдал заключенных инквизиторам из тюрьмы королевства, нарушили ее привилегии. Однако тайные интриги инквизиторов, архиепископа, вице-короля и верховного судьи велись так искусно, что некоторые члены комиссии заметили, что четырех юристов недостаточно для обсуждения прав короля и святой канцелярии. Это замечание привело к назначению девяти других юристов, и было постановлено, что они должны принимать решения большинством в три голоса. Они заявили, что инквизиторы превысили свои полномочия, когда отменили *манифестацию*, потому что

никакая власть не могла этого сделать, кроме короля и депутатов, собравшихся в кортесах; но что если инквизиторы потребуют, чтобы заключенные были переданы им, *ипривилегия манифестации будет приостановлена* на время их судебного преследования, это не будет противоречить законам королевства. Антонио Перес написал депутации, чтобы заявить, что его дело - это дело всех арагонцев; несколько его друзей взялись доказать, что *временное отстранение* от должности в равной степени противоречит законам, поскольку заключенный может быть подвергнут пыткам, лишен права на свободу под присягой и подвергнут мучениям бесконечного судебного разбирательства; все эти усилия были напрасны. В частном порядке было решено, что инквизиторы должны потребовать пленников во второй раз, без угроз или приказов, а опираясь только на *приостановление действия привилегий*. Королю дали понять, что было бы полезно, если бы он написал герцогу де Вильяэрмосе и графам д'Аранда, де Мора и де Састаго, чтобы привлечь их к оказанию помощи вице-королю, их родственникам и друзьям, а также к оказанию помощи официальным властям, если какое-либо событие сделает это необходимым. Филипп последовал совету, и его письма этим вельможам были столь любезны и лестны, как будто он не знал о той роли, которую они сыграли в недавних беспорядках.

Теперь Перес не видел никакой безопасности, кроме бегства, и был готов ко всему, чтобы вырваться из тюрьмы, когда несколькими часами ранее его предал вероломный Хуан де Басанте, его ложный друг и сообщник.

Смещение Переса должно было состояться 24 сентября; инквизиция, вице-король, архиепископ, депутация королевства, муниципалитет, гражданский и военный губернаторы - все должны были оказать содействие. Инквизиторы вызвали в Сарагосу из соседних городов большое количество *приближенных* святой канцелярии, а военный губернатор имел при себе три тысячи человек, хорошо вооруженных. Предполагалось, что эта экспедиция будет предпринята без ведома жителей, но бароны де Барболес, де Бискас и де Перрой, а также некоторые другие лица были проинформированы об этом. В тот момент, когда заключенные выходили из тюрьмы, в присутствии главных магистратов города, и в то время как проспекты и улицы, по которым они должны были пройти, были оцеплены солдатами, разъяренный отряд повстанцев прорвался сквозь строй, убил большое количество людей, разогнал остальных, обратил магистратов в бегство и, схватив Переса и Майорини, увел их с триумфом, крича: *Да здравствует наша свобода! Да здравствуют Фуэрос Арагона!* Переса и Майорини приняли в доме барона де Барболеса; когда они отдохнули несколько минут, их вывели из города, и, выбрав разные дороги, они поспешили прочь от него.

Перес направился в Тауст с намерением пересечь Пиренеи через долину Ронсаль, но поскольку границы строго охранялись, он вернулся в Сарагосу. Он проник туда переодетым 2 октября и скрывался в доме барона де Биескаса до 10 ноября. Затем он подумал, что оставаться там дольше опасно, потому что дон Альфонсо де Варгас наступал с армией, чтобы взять город и наказать повстанцев. Это событие было очень неверно описано в нескольких исторических источниках.

О присутствии Переса в Сарагосе подозревали благодаря некоторым письмам из Мадрида, которые видел Басанте и о которых он сообщил информацию. Инквизиторы обыскали дома барона де Барболеса и нескольких других лиц. Дон Антонио Морехон, второй инквизитор^[71], подозревал, что де Биескас знал место его укрытия, и настаивал на том, чтобы он обнаружил это, обещая, что с Пересом будут хорошо обращаться, если он явится добровольно. Перес

несколько раз заявлял, что сдастся святой канцелярии, если не будет почти уверен, что его следует выдать правительству, которое немедленно приведет в исполнение смертный приговор, вынесенный ему в 1590 году, не позволив ему быть выслушанным. 11 ноября Перес отправился в Саллен, в Пиренеях, в поместья барона де Биескаса.

18-го он написал принцессе Беарнской, прося убежища в штатах ее брата Генриха IV или разрешения проехать через них в какую-нибудь другую страну. Это письмо передал принцессе Хиль де Меса, арагонский дворянин, старый и верный друг Переса.

Екатерина приняла Переса во владениях своего брата 24 ноября, когда бароны де Конкас и де ла Пинилья прибыли в Саллен с тремя сотнями человек, чтобы схватить его; они предложили выдать его, если будут помилованы: первый был осужден инквизицией за отправку лошадей во Францию, а другой должен был быть казнен за то, что поднял восстание с попыткой того же рода.

Перес отправился в Пау, и пока он был там, инквизитор Морехон снова обратился к барону де Биескасу с просьбой убедить его подчиниться инквизиции; он ответил, что сделает это, если они пообещают судить его в Сарагосе, а не в Мадриде, и что он должен потребовать, чтобы его жена и дети были освобождены, чего они были лишены, хотя и были невиновны. Перес дал тот же ответ на другую заявку.

Чтобы удовлетворить любопытство принцессы Екатерины и ее подданных, Перес сочинил два небольших произведения, первое из которых называлось *"Историческое Морсо"*, *"С момента прибытия в Сарагосу д'Арагон"*, 24 сентября 1591 года; и другое, *"Краткий обзор достижений Антонио Переса"*, *"Начало, премьера задержания во время вылазки в католические владения"*. Эти работы были напечатаны в Рау без указания имени автора; инквизиторы изучили их и выдвинули некоторые дополнительные обвинения.

Филипп II и инквизиторы предлагали жизнь, должности, деньги и почести любому осужденному преступнику, который убьет Переса или доставит его в качестве пленника в Испанию. Я отсылаю читателя ко всему, что относится к этой части истории, к работе под названием *"Отношения"*, в которой Перес берет имя *Рафаэль Перегрино*. Перес получил разрешение от Генриха IV. поехать в Лондон, где его чрезвычайно хорошо приняли королева Елизавета и граф Лестер; затем он отправился в Париж, где провел остаток своей жизни, непрерывно тоскуя по жене и детям.

15 февраля 1592 года инквизиторы объявили Антонио Переса скрывающимся от правосудия; они наложили указ на столичную церковь Сарагосы, требуя, чтобы он явился в течение месяца; эта мера была возмутительно несправедливой, поскольку они хорошо знали, что Перес находился в стране, находившейся в то время в состоянии войны с Испанией, а законы святой канцелярии допускали даже годичный срок, в зависимости от расстояния, которое должен был преодолеть обвиняемый.

Показания свидетелей, допрошенных в Мадриде после первого восстания в Сарагосе в 1591 году, сводились к фактам, которым нельзя было бы придать никакого значения, если бы они относились к другим лицам и событиям. Но Антонио Перес был заинтересован в них, и этого было достаточно, чтобы их осудили как *держких* и *заподозрили в ереси*. Я не буду останавливаться на доказательстве недостаточности этого акта, но приведу третье из предложений в качестве примера остальных. "Говоря о Филиппе II. и о Вандоме, Антонио Перес сказал, что король был тираном, но что Вандом будет великим монархом, потому что он был

превосходным принцем и управлял государством к удовлетворению каждого; что поэтому он радовался, услышав о его победах, и *что не было ересью ухаживать за ним и разговаривать с ним.*" УТОЧНЕНИЕ. "Обвиняемый показывает себя нечестивым по отношению к Богу и святой католической вере, сторонником и жестоко подозреваемым в ереси; и поскольку он сейчас живет среди еретиков, это доказывает, что он сам еретик".

Инквизиторы, желавшие во всяком случае поддержать точку зрения суда, воспользовались туманным сообщением, переданным им одним из их *знакомых*, что Антонио Перес происходил от евреев, поскольку в городке Хариса, недалеко от Монреаля, откуда происходила его семья, жил новый христианин по имени Хуан Перес, который был сожжен инквизицией как иудействующий еретик. Мы немедленно обратились к реестрам святой канцелярии, и оказалось, что некий Хуан Перес де Фариса был сожжен, а Антонио Перес де Фариса умер еретиком.

Паскуаль Жильберте, священник и комиссар святой канцелярии, был назначен 16 апреля 1592 года, чтобы выяснить, существовала ли какая-либо степень родства между осужденными еретиками и отцом Антонио Переса. Было допрошено множество свидетелей как в Монреале, так и в соседних городах, но все они заявили, что эти две семьи были совершенно разными.

Все, что известно о генеалогии Переса, это то, что он был побочным сыном Гонсалеса Переса и донны Джейн д'Эскобар, и что он был узаконен Карлом V. Что его дедом по отцовской линии был Бартоломео Перес, секретарь инквизиции Калахорры, что его бабушкой была донна Луиза Перес дель Йерро из благородной семьи Сеговии; что он был правнуком Хуана Переса, жителя Монреаля, и его жены Марии Тирадо; и что не было никого, кто был бы правнуком. никаких отношений, прямых или косвенных, между его семьей и семьей Хуана и Антонио Перес де Фариса. Впоследствии это было полностью доказано женой и детьми Антонио Переса. Следует отметить, что если бы инквизиторы хотели быть действительно информированными, у них могла бы быть копия брачного контракта между Пересом и донной Джейн Коэлло, в котором говорится, что его отец родился в Сеговии. В том городе, в Калахорре и даже в Верховном Совете они могли бы найти его настоящую генеалогию.

Однако фискал злоупотребил привилегией сохранения тайны в обвинении, которое он выдвинул против Переса 6 июля, предположив, что он происходил от евреев, чтобы усилить подозрение в ереси, согласно обычаю инквизиции. Обвинение состояло из сорока трех статей, каждая из которых была более расплывчатой, чем другие, и основывалась только на словах, произнесенных без размышления, в припадке ярости или при сильной боли, которые не имели никакого отношения к доктрине и относительно которых не было двух свидетелей, согласных во времени, месте или обстоятельствах.

14 августа фискал потребовал опубликовать показания свидетелей; а 16-го отборочные комиссии снова собрались, чтобы осудить уже отмеченные положения и работы, напечатанные в По. Они осудили шестнадцать как *дерзкие* и *ошибочные*; некоторые другие как *богохульные* и *приближающиеся к ереси*, и пришли к выводу, что Антонио Переса *подозревали в ереси в самой жестокой степени*^[72].

18-го фискальный суд потребовал, чтобы Перес был признан виновным в оскорблении чувств и чтобы был вынесен окончательный приговор. 7 сентября были созваны епархиальный, различные консультанты и юрисконсульты (среди которых был первый осведомитель, дон Урбан

Хименес де Арагуэс, регент королевской аудиенции), которые проголосовали за *попущение* наказания в виде чучела. Верховный совет утвердил приговор 13 октября, а 20 октября судьи вынесли окончательный приговор, осудив Переса как *формального еретика, осужденного Гугонота и упрямого нераскаявшегося*, который должен быть *смягчен* лично, когда его можно будет схватить, а пока понести это наказание в виде чучела, с митрой и Сан-Бенито. Его имущество было конфисковано, а его дети и внуки по мужской линии преданы позору, помимо других наказаний. В этом *аутодафе* пострадали многие другие люди, о которых будет рассказано в следующей главе.

Перес был в Англии, когда его приговорили к смертной казни. Там был раскрыт заговор нескольких испанцев против его жизни: он был возобновлен в Париже бароном де ла Пинильей, который заявил, что его послал убить дон Хуан Идиакес, министр Филиппа II.

Смерть этого принца и последовавшая за ней перемена в политике правительства внушили Пересу надежду устроить свои дела в Мадриде; но несчастье, связанное с судебным преследованием инквизицией, сделало его усилия тщетными. Во всем, что касается этой части истории, читателя отсылают к *Отношениям*.

В Париже Перес был близок с отцом Франциском де Соса, генералом францисканцев, в то время епископом Канарских островов и советником инквизиции, который часто советовал ему сдаться святой канцелярии как единственному средству добиться примирения. Перес ответил, что сделал бы это и даже желал этого, но его удерживал страх быть арестованным правительством после того, как инквизиция выпустила его на свободу. Затем Соса попытался убедить его, что он избежит этой опасности, получив подписку о невыезде от генерального инквизитора и Верховного совета, пообещав, что он будет освобожден, когда священная канцелярия прекратит судебное разбирательство по его делу. Соса в то время был мало знаком с инквизицией, членом которой впоследствии стал.

В 1611 году Перес снова написал Сосе по этому делу; епископ ответил, и его письмо заставило Переса сообщить ему, что он готов сдаться инквизиции, как только ему будет выслано охранное удостоверение: в то же время он отправил своей жене петицию, адресованную Верховному совету, в которой возобновил свое обещание. Его жена представила его и добавила к нему письмо от себя, чтобы заинтересовать судей в пользу ее мужа. Попытка оказалась безуспешной, и Перес умер в Париже 3 ноября того же года, приведя множество доказательств своего католицизма, которые впоследствиигодились его детям для отмены приговора, вынесенного в Сарагосе в 1592 году, и для *реабилитации* его памяти.

ГЛАВА XXXVI.

О НЕСКОЛЬКИХ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССАХ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЛОМ АНТОНИО ПЕРЕСА.

Судебный процесс над Антонио Пересом стал причиной большого числа судебных преследований против лиц, принимавших участие в беспорядках и бегстве Переса и его спутницы. К ним были применены порицания и наказания, изложенные в булле Пия V., предназначенной для наказания тех, кто выступал против осуществления служения святой канцелярии.

12 ноября 1591 года дон Альфонсо де Варгас вошел в Сарагосу во главе своей армии; эта экспедиция восстановила инквизиторов, и они тайно доносили на зачинщиков восстания.

8 января 1592 года фискал святой канцелярии подал жалобу на мятежников в целом, как подозреваемых в вопросах веры; и он составил список зачинщиков мятежа и тех, кто подозревался в причастности к нему: он насчитывал триста семьдесят два человека, которые скомпрометировали себя либо своими словами, либо действиями.

Инквизиторы заключили в тюрьму сто семьдесят человек и приняли меры к аресту других, которые были только подозреваемыми, поскольку выдвинутые против них обвинения не были доказаны. Из этого числа были схвачены только сто двадцать три человека, потому что остальные либо уже были доставлены в королевскую тюрьму по приказу Варгаса, чтобы предстать перед судом доктора Ланца, сенатора Милана и специального комиссара короля по этому случаю, либо совершили побег; некоторые, принимавшие лишь косвенное участие в событии, попали под юрисдикцию комиссара и получили разрешение оставаться заключенными в своих собственных домах. Ниже приведены некоторые из наиболее примечательных судебных процессов, проведенных высокопоставленными лицами: —

Дона Хуана де ла Нуса, верховного судью Арагона, не только не возражали против исполнения священной должности, но могли бы упрекнуть в том, что он отказался от большего, чем позволяли привилегии королевства. Однако его постигла участь подданного-мятежника, потому что в последовавшей борьбе он, к сожалению, оказался самым слабым. Клятва, которую король дал соблюдать привилегии королевства, не позволяла ему посылать в него более пятисот солдат. Постоянная депутация, узнав о приготовлениях к вступлению армии Варгаса, возмутилась; Филипп ответил, что они направлялись во Францию: затем депутаты представили опасность, которая могла возникнуть из-за того, что им разрешили пройти через Сарагосу; затем им сообщили, что армия останется в их городе только на период, необходимый для восстановления авторитета правосудия, который был почти полностью разрушен во время последних мятежей.

Депутаты, получив этот последний ответ, проконсультировались с тринадцатью юристами относительно смысла *фуэрос*; они заявили, что их права были нарушены вводом войск в Арагон и что каждый арагонец обязан оказать им сопротивление. Затем во все города и постоянным депутациям Каталонии и Валенсии были разосланы циркуляры с требованием помощи, предусмотренной договорами, в случае вторжения в ту или иную страну. Верховному судье, которого законы королевства призывали к командованию, было приказано немедленно встать во главе войск. Когда кастильцы подошли на расстояние шести миль от Сарагосы, верховный судья обнаружил себя почти покинутым и, следовательно, удалился, предоставив свободный проход войскам, которые вошли в город.

28 ноября дон Франсис де Борджиа, маркиз де Ломбей, прибыл в Сарагосу; ему было поручено обсудить с постоянными депутатами и главными дворянами королевства вопросы, по которым, как утверждалось, были нарушены привилегии. Несколько конференций прошли без какого-либо результата, потому что депутаты заявили, что *Фуэрос* не разрешали им, пока страна была оккупирована иностранными войсками.

Филипп II назначил графа де Морту вице-королем вместо епископа Теруэльского, который удалился на свою кафедру, встревоженный опасностью, которой подвергся. Вице-король

совершил свой публичный въезд в Сарагосу 6 декабря, к великой радости и удовлетворению жителей; но их радость была недолгой. 18-го числа того же месяца прибыл дон Гомес Веласкес с поручением арестовать большое количество людей и с однозначным приказом обезглавить верховного судью Арагона, как только он войдет в город; этот приказ был выполнен с такой поспешностью, что 28-го дон Хуана де ла Нуса уже не существовало. Весь Арагон был охвачен ужасом при известии об этой казни. Невозможно выразить, насколько Ла Нуца пользовался уважением народа из-за своего высокого поста, который более ста пятидесяти лет занимали выдающиеся члены его семьи. После этого события многие джентльмены бежали во Францию и Женеву, а те, кто из-за необоснованной уверенности остался, вскоре получили повод раскаться.

Дон Франсис д'Арагон, герцог де Вильяэрмоса, граф де Рибаторса, не избежал преследований, хотя имел то преимущество, что был королевской крови и происходил от Иоанна II. Король Арагона и Наварры, его сын дон Альфонсо д'Арагон. На суде инквизиции его не обвинили в том, что он выступал против мер трибунала во время восстаний или принимал в них какое-либо участие; но дон Франсис Торральба, помощник верховного судьи (который был лишен своей должности из-за нескольких серьезных жалоб Переса), утверждал, что герцог по роду своей крови был врагом святого трибунала, поскольку он происходил от евреев, которые были сожжены и подвергнуты епитимье Эстенгуа Конехо, еврейкой, которая при крещении взяла имя Мария. Санчес, а впоследствии стала женой или наложницей дон Альфонсо д'Арагона, первого герцога Вильяэрмосы, и деда нынешнего герцога, которого он осудил. Торральба подробно изложил доказательства того, что он утверждал.

Когда жители Сарагосы решили воспротивиться вступлению кастильской армии в их город, герцог, согласно законам королевства, предложил свои услуги верховному судье. Королевский комиссар, недовольный судом над ним в инквизиции, арестовал его 19 декабря и отправил в Кастилию в нарушение другого закона Фуэро. Герцог был обезглавлен в Бургосе как обвиненный в государственной измене; его имущество было конфисковано, и король передал герцогство следующему по очереди.

Граф д'Аранда, дон Луис Хименес де Урреа, также был арестован 19 декабря, но умер в тюрьме Алехоса 4 августа 1592 года. Из процесса над ним инквизиции явствует, что, когда Переса отправили в королевскую тюрьму, он объявил себя его защитником, согласно обещанию, данному им жене Переса в Мадриде; что он был одним из главных зачинщиков народных волнений; что он повлиял на адвокатов, которые объявили акт, в результате которого Перес был вторично предан инквизиции, незаконным; и, наконец, что он помогал в военных приготовлениях к сопротивлению королевским войскам. Уже говорилось, что Диего де Эредиа обвинил графа д'Аранда и Антонио Переса в заговоре против жизни маркиза д'Альменара. Эти показания не были найдены в ходе судебного разбирательства, но дон Диего заявил, что он уже проинформировал сенатора Ланца, когда тот был заключен в тюрьму этим магистратом. Но если обстоятельства, не зависящие от этого заговора, можно рассматривать как преступления, то почему Филипп после первого восстания написал ему письмо с просьбой оказать помощь властям, а затем поблагодарил его за то, что он так хорошо выполнил свою миссию? Это должно вызывать негодование - видеть, как могущественный монарх обманывает своих подданных и наказывает их, застав врасплох.

Граф де Мора, дон Майкл Мартинес де Луна, вице-король Арагона, был выдан инквизиции после восстания в Сарагосе. Похоже, что он обвинил в этом поведении трибунала и гражданских властей по отношению к Пересу. Некоторые свидетели предполагали, что он был одним из главных зачинщиков первого восстания; но впоследствии, узнав, что Филипп назвал Переса неверным министром, он перестал защищать его. Это, безусловно, историческая ошибка, поскольку заявление короля относительно Переса было сделано в августе 1590 года, после акта, которым король отказался от судебного преследования, связанного со смертью Эскобедо, а восстания в Сарагосе произошли в мае 1591 года. Перемена во мнениях Мартинеса де Луны, должно быть, имела какую-то другую причину. Некоторые обстоятельства судебного процесса над ним наводят на мысль, что он был знаком с работой совета, назначенного в Мадриде для рассмотрения дел, и что он предвидел, что последствия будут серьезными, что побудило его изменить свою систему.

Когда он стал вице-королем, инквизитор отменил подготовительную инструкцию к судебному разбирательству и постановление об аресте, которое уже было принято. В 1577 году трибунал получил еще одну информацию против графа, касающуюся некоторых *плохо звучащих* утверждений, но у них не было достаточных доказательств для продолжения.

Хотя инквизиторы были так снисходительны к графу, он не был предан их партии. Его безразличие побудило фискала подать на него жалобу в 1592 году и потребовать, чтобы он был арестован. Он обосновал свое требование следующим утверждением: генеральный инквизитор Кирога опубликовал указ о помиловании в пользу всех преступников, которые не были арестованы, чтобы они могли быть освобождены от всех порицаний; и поскольку этот указ был доведен до сведения графа до публикации, он объявил, что он дерзкий, бесполезный и нелепый. Фискал привел это в качестве примера презрения графа к порицаниям, под которые, по его утверждению, он попал как главный зачинщик первого восстания. Некоторые другие выражения были истолкованы как знак его ненависти к инквизиции.

Несомненно, что граф не избежал бы мести инквизиторов в качестве вице-короля. Когда он покинул свой пост, они были полностью заняты другими судебными процессами, а его дело было слишком незначительным и слишком старым, чтобы привлечь внимание их преемников. Мнение графа о благодатном эдикте было очень справедливым. Эта *милость* не была предоставлена до тех пор, пока инквизиторы не провели торжественное *аутодафе*, во время которого семьдесят девять жителей города были *освобождены* от ответственности, а гораздо большее число почетных людей приговорено к позору под предлогом публичного снятия с них порицания; кроме того, те, кто уже находился в тюрьме, были исключены из сферы помилования.

После казни верховного судьи, герцога де Вильяэрмосы, и графа д'Аранда, 24 декабря 1592 года король даровал всеобщее помилование, за исключением многих лиц, которые возбуждали и направляли мятеж. Этот эдикт спас жизни нескольким тысячам арагонцев; впоследствии смягчающие обстоятельства привели к тому, что смертная казнь была применена ко всем, кто был исключен в рамках общего помилования.

Барон де Барболес, дон Диего Фернандес де Эредиа, брат и предполагаемый наследник графа де Фуэнтеса, гранда Испании, должен был быть арестован инквизицией; но он был схвачен по приказу Варгаса, заявил о своих привилегиях и был доставлен в тюрьму *Манифестадос*, и 9 октября 1592 года ему отрубили голову сзади как виновному в государственной измене. Он дал

несколько показаний перед сенатором Ланцем, и все, что касалось Антонио Переса, было доведено до сведения инквизиторов; его уже дважды допрашивали по этому вопросу в качестве свидетеля фискала, и он подтвердил большое количество фактов, которые доказывали, что он возбуждал народ и поддерживал восстание вместе с графом д'Арандой и другими, и что он был вовлечен в план убийства маркиза д'Альменара, но что он раскаялся и отменил приказы, которые он отдал по этому поводу; тем не менее некоторые свидетели показали, что видели его на дороге. поощряет убийц. Барон де Барболес также заявил, что он был главным автором жалобы, поданной Антонио Пересом обычному судье Сарагосы на секретаря, мажордома и оруженосца маркиза д'Альменара и нескольких других лиц, которых он обвинил в том, что в 1591 году по приказу маркиза он подкупил нескольких свидетелей, чтобы те опровергли против Переса несколько фактов, требуемых инквизиторами; что он руководил и подстрекал усилия, которые были предприняты для поиска свидетелей, которые своими заявлениями подтвердили пункты их жалобы, и что он опроверг в качестве свидетеля несколько фактов, требуемых инквизиторами. от него самого то, что он слышал только от агента Переса.

Инквизиция провела еще одно расследование против дон Диего, в ходе которого его обвинили в использовании некромантии для обнаружения сокровищ и отправки лошадей во Францию. Судья Торральба также подтвердил, что он слышал, как инквизиция Валенсии арестовала дон Диего за то, что он утаил Мореско от алыгвасила; он добавил, что неудивительно, что дон Диего был врагом святой канцелярии, потому что, хотя кровь его предков не была запятнана кровью евреев, у его детей не было такого преимущества, поскольку его жена, баронесса д'Алькарас, была еврейского происхождения.

Филипп II. хотел показать графу де Фуэнтесу, что, хотя он и наказывал виновных, он знал, как вознаградить верного подданного, и назначил его губернатором Нидерландов. Граф ненавидел Переса, которого считал причиной несчастий де Барболеса; поэтому неудивительно, что он принял активное участие в заговоре, организованном в Лондоне против его жизни. Эта попытка не увенчалась успехом, и двое заговорщиков были казнены по требованию английского фискала, которому королева Елизавета приказала привлечь к ответственности авторов заговора.

Барон де Пуррой, дон Хуан де Луна, представитель дворянства в депутации королевства, был казнен в один день с Барболесом; выдвинутые против него обвинения были очень похожи на предыдущие. Его преступления против инквизиции заключались в том, что он был причиной решения, принятого комитетом депутации, защитить независимость тюрьмы *Манифестадос* от притязаний инквизиторов; ограничить их юрисдикцию преступлением ереси и помешать им привлечь внимание к преступлениям, связанным с восстанием, и подобным преступлениям, которые они совершили, потому что они сказали, что некоторые из вовлеченных в это лиц выступали против исполнения ими своих обязанностей; наконец, дон Хуан был замешан в подкупе свидетелей по делу Переса.

Барон де Биескас, дон Мартин де ла Нюса, сеньор Саллена и городов долины Тена, бежал во Францию, но впоследствии вернулся в Испанию; он был арестован в Туделе Наваррской и обезглавлен. В судебном разбирательстве инквизиции говорится, что помимо преступлений, совершенных, как и у других мятежников, барон де Биескас был виновен в том, что принял Антонио Переса в своем доме и прятал его, пока тот не смог бежать во Францию; и в том, что в нескольких местах вторгся на испанскую территорию с корпусом беарнских войск и заявил, что

не сложит оружия, пока не прогонит кастильскую армию из Арагона и не отомстит за смерть своего родственника верховного судьи.

Сенатор Ланц аналогичным образом приговорил к смерти многих других благородных джентльменов, помимо рабочих и ремесленников. Многие бежавшие во Францию или Женеvu были приговорены к смертной казни: эти люди оставались в изгнании до самой смерти Филиппа II. Его преемник Филипп III разрешил им вернуться в свою страну и отменил все статьи приговоров, вынесенных казненным, которые противоречили интересам их семей; *король заявил, что никто из них не был виновен перед государством: и что он признает, что каждый человек считал себя обязанным защищать права своей страны.*

Жестокость инквизиторов не была удовлетворена этими казнями. Они заявили Верховному совету, что не осмеливаются требовать выдачи генерала Варгаса в плен, хотя было бы гораздо лучше, если бы их судила инквизиция; но, тем не менее, они считают, что было бы полезно, если бы барон де Барболес был выдан им, поскольку его казнь в этом случае вселила бы еще больший ужас в виновных. Совет отклонил просьбу инквизиторов; они, однако, оставили в своих тюрьмах многих известных людей, среди которых было несколько женщин.

Когда инквизиторы опубликовали эдикт милосердия, более пятисот человек явились требовать отпущения грехов. Каждый человек признался в преступлении, за которое он должен был получить отпущение грехов; некоторые из них довольно нелепы.

Мэри Рамирес заявляет, что, увидев, как Антонио Переса ведут в тюрьму, она воскликнула — *Бедняга! после столь долгого заключения они до сих пор не признали его еретиком.*

Кристовал де Эредиа признается, что часто желал, чтобы Перес избавился от своих проблем.

Донне Джерониме д'Артеага, что она собрала небольшую подписку в пользу Антонио Переса во время его заключения, потому что он не мог пользоваться своей собственностью.

Луис де Антон, что он был прокурором Переса и что он сделал несколько вещей, чтобы служить ему.

Мартина де Аластуэй, что она готовила еду Пересу в своем доме и что ее сын Антонио Аньос, который был его слугой, приносил ее ему в тюрьму.

Дон Луис де Гурреа требует отпущения грехов только для того, чтобы успокоить свою совесть, хотя она и не ставит его в упрек!

Дон Майкл де Сесе также утверждает это, чтобы успокоить те же угрызения совести!

Доктор Мурильо, что он навещал Переса в тюрьме, когда тот был болен.

Ниже приведены примеры духа, совершенно противоположного предыдущим примерам:—

Врач дон Грегори де Андиа, викарий прихода Святого Павла, узнав, что священник отказал в отпущении грехов более чем двум сотням человек, потому что они не были освобождены от порицаний, навлекаемых буллой Святого Пия V., не мог удержаться от того, чтобы не сказать: *Этот священник - невежественный человек. Пусть все эти люди придут ко мне, а также все те, кто взбунтовался: я с удовольствием отпущу им все их грехи и не буду*

бояться такого поступка. Викарий был арестован за свою смелость и заключен в секретные тюрьмы. Многие разделили его судьбу, среди которых были,—

Хуан де Керио, фамильяр святой канцелярии, который, услышав замечание о том, что арагонцам больше не следует терпеть инквизицию, ответил: "Что касается меня, они могут сжечь дом, газеты, тюрьмы и даже самих инквизиторов: мне нечего будет сказать против этого".

Брат Троицы, который, услышав, что кастильцы хотят унижить арагонцев и уничтожить их привилегии, сказал: *"Если бы Иисус Христос был кастильцем, я бы в него не верил."*

Майкл Уржелъ, прокурор королевской аудиенции, признался, что после того, как он услышал заявление четырех советников о том, что передача Переса инквизиции является нарушением *Фуэрос*, он сказал: "Мы должны относиться к письмам инквизиторов с презрением, и если король поддерживает их, он тиран: давайте избавимся от него и изберем коренного короля Арагона, поскольку у нас есть на это право".

Это несколько примеров мнимых грехов, за которые требовалось отпущение грехов и за которые многие люди были арестованы, но их достаточно, чтобы показать дух народа и инквизиторов.

Донна Хуана де Коэльо, жена Переса, и ее маленькие дети также стали жертвами событий в Сарагосе. Они содержались в замке Пинто, в двух лье от Мадрида, с апреля месяца 1590 года, когда эта героиня способствовала побегу своего мужа ценой собственной свободы. После его второго бегства из Сарагосы их заключение стало еще более строгим. Судебный процесс над Пересом доказал, что, находясь в тюрьме, он часто говорил, что ничто не должно заставить его отказаться от привилегий тюрьмы королевства, кроме уверенности в том, что его жена и дети пользуются своей свободой; но что он был уверен, что если он сдастся инквизиторам, его отправят в Мадрид и казнят.

Эта информация побудила инквизиторов в конце сентября 1591 года потребовать, чтобы донна Хуана и ее дети были заключены в тюрьму более строго, поскольку он мог услышать об этом, и это могло побудить его вернуться в тюрьму королевства. Эта идея была вдохновлена вероломным Басанте. На самом деле Пересу сообщили, что его жену и детей перевели в своего рода бастион или башню замка, которая была гораздо более неудобной, чем бывшая тюрьма; однако донна Хуана попросила своего мужа думать только о своей собственной безопасности, поскольку известия о его побеге было достаточно, чтобы сохранить ее и ее детей в добром здравии. Донна Хуана оставалась в тюрьме при жизни Филиппа II, который после своей смерти посоветовал своему преемнику отпустить ее и ее семью на свободу.

Все вышеупомянутые события были вызваны судебным процессом над Антонио Пересом, но первоначальной причиной была крайняя привязанность арагонцев к привилегиям, которыми пользовался Филипп II. Они хотели уничтожить, потому что это устанавливало границы его деспотизму; они не забыли, что этот принц использовал инквизицию в своих политических планах, с которыми они сталкивались при некоторых попытках, предпринятых двадцать лет назад.

Восстание предоставило Филиппу возможность, которой он так долго желал, стать абсолютным монархом Арагона путем упразднения промежуточной должности верховного судьи и всех *Фуэрос* первоначальной конституции, ограничивавшей пределы его власти. Другой

причиной восстания была политика, которая опозорила и держала в постоянном состоянии беспокойства все первые семьи королевства, большое количество представителей второго сословия и даже народ. Было хорошо известно, что эти несчастья были следствием системы инквизиторов, которые всегда стремились опозорить и унижить тех, кто не унижался перед самыми низкими среди них, и принести в жертву каждого человека, который не признавал их трибунал самым святым из учреждений и единственным оплотом веры, о чем они до сих пор заявляют и публикуют через своих сторонников, хотя в глубине души они убеждены в обратном.

ГЛАВА XXXVII.

ОБ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЯХ ИНКВИЗИЦИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ФИЛИППА III.

ФИЛИПП II умер 13 сентября 1598 года и оставил корону своему сыну Филиппу III, чье образование сделало его более достойным носить рясу святого Доминика, чем управлять королевством: инквизиция была тогда такой же грозной и могущественной, как и до принятия конституции 1561 года. Поскольку новый король хотел иметь генерального инквизитора по своему собственному выбору, он воспользовался буллой, повелевающей всем епископам проживать в своих епархиях, пригласить дону Педро Порто-Карреро удалиться на свою кафедру в Куэнсе, и назначил своим преемником в 1599 году дону Фердинанда Ниньо де Гевару, кардинала Римской церкви, а затем архиепископа Севильи. Этот прелат удалился в свою епархию в 1602 году по приказу короля; его преемником стал дон Хуан де Суньига, епископ Карфагенский, который умер в том же году. Хуан Батист де Асебедо, епископ Вальядолида, занял его место и умер на нем в 1607 году с титулом патриарха Индии. Ему наследовал дон Бернардо де Сандовал Роксас, кардинал-архиепископ Толедо, брат герцога де Лерма. После его смерти дон Фрай Луис Алиага, доминиканский духовник короля, был назначен генеральным инквизитором; Филипп IV, вступив на престол, лишил его должности.

Филипп III в 1607 году собрал кортесы королевства в Мадриде, где они оставались более года. Члены совета сообщили королю, что в 1579 и 1586 годах они требовали реформы злоупотреблений, совершенных в трибунале инквизиции, чтобы положить конец праву, которое узурпировали инквизиторы, привлекать к ответственности за преступления, не связанные с ересью; что Филипп II. он обещал сделать это, но умер прежде, чем смог это выполнить, и, как следствие, они возобновили запрос.

Филипп ответил, что примет надлежащие меры, чтобы удовлетворить требования кортесов. В 1611 году, когда он созвал новые кортесы, они обратились с той же просьбой и получили тот же ответ, но никаких попыток предпринято не было, и инквизиторы с каждым днем становились все более наглыми и наполняли свои тюрьмы жертвами.

Архиепископ Валенсии дон Хуан де Рибера сообщил Филиппу III, что обратить мореско Валенсии невозможно и что их мастерство в сельском хозяйстве и искусствах дает основания опасаться, что однажды они могут нарушить общественное спокойствие с помощью мавров Алжира и других африканских городов, с которыми они поддерживали постоянные сношения; поэтому он посоветовал его величеству изгнать их из королевства.

Господа, вассалами которых были Мореско, жаловались на огромные убытки, которые это повлекло бы за собой, если бы их поместья были таким образом обезлюдели; они также заявили, что заявление архиепископа было постыдно преувеличено, поскольку святая канцелярия никогда не упускала случая наказать каждого Мореско, который возвращался к своей ереси.

Король созвал свой совет, и после долгих обсуждений было решено выслать Мореско из королевства Валенсия 11 сентября 1609 года, а всех остальных - в следующем году.

Эта эмиграция стоила Испании миллиона полезных и трудолюбивых жителей, которые все отправились в Африку: их пригласил Генрих IV. колонизировать *ланды* в Гаскони при условии, что они исповедуют католическую религию, но они опасались, что в будущем подвергнутся таким же преследованиям. Инквизиторы в основном способствовали тому, чтобы побудить Филиппа III. принять это решение, и они отметили всех, кто осудил эту меру, как подозреваемых в ереси: среди них был герцог Оссуна, процесс над которым они начали. Этот судебный процесс не принес особого результата, поскольку обвинения не содержали никаких еретических положений, хотя некоторые из них были квалифицированы как дерзкие, скандальные и оскорбительные для благочестивых ушей. Герцог был назначен вице-королем Неаполя, но несколько лет спустя был лишен этого поста и заключен в тюрьму королем. Инквизиторы воспользовались этой возможностью, чтобы возобновить свои обвинения, но были разочарованы; герцог умер в тюрьме до того, как был вынесен окончательный приговор.

7 и 8 ноября 1610 года инквизиция Логроньо провела *аутодафе*, в ходе которого шесть человек были сожжены вместе с пятью чучелами, двадцать один человек был примирен, а двадцать приговорены к различным наказаниям; среди них были восемнадцать колдунов^[73].

Уже приводилось достаточное количество судебных процессов инквизиции во время правления Филиппа III; следовательно, нужно только упомянуть дело дона Антонио Манрикеса, графа де Мора: в 1603 году он отрекся от некоторых еретических положений, не будучи опозоренным *аутодафе*.

ГЛАВА XXXVIII.

О СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССАХ И АУТОДАФЕ ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ФИЛИППА IV.

ФИЛИПП IV взошел на престол 31 марта 1621 года; и в течение тридцати четырех лет его правления должность генерального инквизитора занимали следующие лица: дон Андрес Пачеко в 1621 году; кардинал Дон Антонио де Сапата Мендоса в 1626 году; в 1632 году дон Фрай Антонио де Сотомайор; и в 1643 году дон Диего де Арсе-и-Рейносо. Дон Диего умер в тот же день, что и король.

Многие обстоятельства свидетельствовали о необходимости реформы инквизиции, но леность Филиппа IV была очевидна. Он помешал ему попытаться это сделать; напротив, он позволил инквизиторам привлечь внимание к преступлению, связанному с вывозом медных денег, и распорядиться четвертой частью того, что попало к ним в руки.

21 июня 1621 года инквизиция отпраздновала восшествие на престол Филиппа IV. *аутодафе* Марии де ла Консепсьон, *Беаты* и известной лицемерки предыдущего правления, которая обманула многих людей своими притворными откровениями и притворной святостью. Она появилась в *аутодафе* с кляпом во рту, с *сан-бенито* митрой.

30 ноября 1630 года в Севилье состоялось еще одно *аутодафе*, когда шесть человек были сожжены в виде чучела и восемь - лично; пятьдесят были примирены, а шестерым отпущены грехи *ad cautelam*.

21 декабря 1627 года в Кордове было проведено всеобщее *аутодафе*, состоявшее из восьмидесяти одного осужденного; пятьдесят восемь были примирены, среди которых были три колдуна.

В 1532 году в Мадриде состоялось грандиозное генеральное *аутодафе*, на котором присутствовали король и вся королевская семья. Семь человек были сожжены вместе с четырьмя чучелами, а сорок два примирены; почти все они были португальцами или имели португальских родителей. Следующее обстоятельство сделало это *аутодафе* очень известным. Мигель Родригес и Изабелла Мартинес Альбарес, его жена, были владельцами дома, который осужденный использовал в качестве синагоги. Их обвинили в том, что они били изображение Иисуса Христа кнутом, а также в том, что они различными способами распинали и оскорбляли его, как бы мстя ему за все зло, которое христиане заставили их претерпеть. Святая канцелярия приказала стереть этот дом с лица земли, и на этом месте была сделана надпись. Впоследствии на этом месте был построен монастырь для капуцинов, названный Монастырем Терпения, в нарек на бесчинства, которые наш Спаситель позволил им совершить над своим изображением: затем был распространен слух, что изображение трижды обращалось к евреям и что они без колебаний сожгли его. В Мадриде и других городах королевства были отслужены торжественные мессы, чтобы искупить совершенное святотатство.

22 июня 1636 года в Вальядолиде состоялось еще одно всеобщее *аутодафе*, в котором приняли участие двадцать восемь человек. Наказание, которому подвергли евреев, кажется совершенно новым: одна рука была прибита гвоздями к деревянному кресту, и в таком состоянии они были вынуждены выслушать отчет о суде над ними и приговор, который приговорил их к вечному заключению за то, что они оскорбили нашего Спасителя и Деву Марию своими богохульствами. *Беата* также участвовала в этом *аутодафе*; она была известна под именем *Лоренца*: ее преступления были такими же, как у других женщин ее круга; она притворялась, что видела явления дьявола, Иисуса Христа и Девы Марии, а также бесконечные откровения, но на самом деле она была всего лишь распутницей.

Другая *Беата*, более знаменитая, предстала перед трибуналом Вальядолида, ее звали *Луиза де Вознесение*. М. Лавелле рассказал об фрагментах креста, принадлежавших этой женщине, в своей "истории инквизиции", опубликованной в Париже в 1809 году. Этот автор (*который только добавил ошибок писателям двух последних столетий*) говорит, что этот крест был одним из тех, которые инквизиторы вешали на шею осужденным. Инквизиция никогда не знала об этой практике; крест принадлежал *Беате*. М. Лавелле неправильно объяснил надпись. Я видел крест целиком; в верхней части расположены буквы I. N. R. I., которые являются инициалами *Иисуса Назарениуса Рекса Иудейского*; на креплении, на руке и ближе к подножию эти слова — *Иисус. La Très Sainte Marie, conçue sans péché originel. Sœur Louise de l'Ascension, esclave indigne de mon très doux Jesus. Господи. Мария сантиссима конкибида грех пекадо*

оригинал. Indigna soror Luisa de la Ascencion, esclava de dulcísimo Jesus. Эта *Беата* раздавала подобные крестики тем, кто, обманутый ее репутацией святости, приходил просить ее молитв. После того, как этот крест был однажды подарен, желание обладать им стало настолько всеобщим, что на нем были выгравированы гравюры, которые стали поводом и предметом судебного разбирательства: инквизиция передала им все, что можно было найти, и, таким образом, несколько из них можно было увидеть в Мадриде и Вальядолиде.

Луизу де Вознесение не следует путать с лицемерками и лжепоклонницами, такими как Мария де ла Консепсьон, Лоренца де Симанкас, Магдалена де ла Круа и некоторые другие, которые были порочными женщинами. Неизменная добродетель Луизы была признана монахинями монастыря Святой Клары де Каррион, а также жителями этого места и всей страны.

23 января 1639 года в Лиме в Перу состоялось всеобщее *аутодафе*, на котором присутствовали семьдесят два человека. Было сожжено одиннадцать человек и одно чучело. В этом *аутодафе* были замечены на возвышениях шесть человек, которые были обвинены лжесвидетелями.

Города Толедо, Куэнса, Гренада и Севилья также праздновали *авто-да-фе* в 1651, 1654 и 1660 годах, когда было сожжено много людей.

Помимо публичных *аутодафе* и судебных процессов, упомянутых в главах 24, 25 и 26, в правление Филиппа IV имело место несколько других, заслуживающих внимания событий. Дон Родриго Кальдерона, маркиз де Сите Инглесиас, секретарь Филиппа III, подвергся судебному преследованию инквизиции, которая не успела осудить его, потому что он был обезглавлен в Мадриде в 1621 году, согласно приговору королевских судей. Инквизиторы обвинили его в том, что он околдовал короля, чтобы снискать его расположение. Это обвинение также было выдвинуто против него фискалом гражданского трибунала Мадрида, но судьи не обратили на это внимания. Несомненно, Кальдерона стал жертвой придворной интриги, и граф герцог де Оливарес нанес непоправимый ущерб его памяти, хладнокровно став свидетелем казни человека, который во времена его расположения оказал ему большие услуги.

Дон Фрай Луис Алиага, архимандрит Сицилии, духовник Филиппа III и генеральный инквизитор, подал в отставку по приказу Филиппа IV; и вскоре после того, как кардинал Сапата сменил его, он был привлечен к ответственности мадридской инквизицией за некоторые утверждения, подозреваемые в лютеранстве и материализме. Алиага умер в 1626 году, когда процесс над ним не продвинулся дальше подготовительной инструкции.

В 1645 году мадридская инквизиция привлекла к ответственности дона Гаспара де Гусмана, графа герцога де Оливареса, фаворита и премьер-министра Филиппа IV. Это происходило при министерстве генерального инквизитора дона Диего де Арсе, которому он даровал епископства Туи, Авилы и Пласенсии. Дон Диего не забыл своего благодетеля, и именно его благоразумию герцог был обязан благоприятным исходом дела, которое в других руках могло бы привести к самым фатальным последствиям.

Этот министр был опозорен в 1643 году: вскоре после этого королю были представлены мемориалы, обвинявшие его в самых отвратительных преступлениях. Трибунал, куда поступали все ложные сообщения, также воспользовался этой возможностью, чтобы привлечь его к ответственности; инквизиция обвинила его в том, что он верил в судебную астрологию; и в качестве доказательства того, что он был врагом церкви, утверждалось, что он пытался отравить Урбана VIII.; были упомянуты аптекарь во Флоренции, который приготовил яд, и итальянский

монах, который должен был его применить; фактически, были представлены доказательства всех совершенных им преступлений. Инквизиторы приступили к подготовительному инструктажу, но их действия были настолько медленными, что граф герцог умер до того, как был отдан приказ о его аресте.

Иезуит, граф Хуан Батист де Поса, некоторое время занимал инквизиции Испании и Рима своими трудами во время правления Филиппа IV, особенно с 1629 по 1636 год. Я говорил в главе 15 о мемориале, представленном университетом Саламанки против иезуитов, чтобы помешать преобразованию Мадридского императорского колледжа, который находился под руководством этих отцов, в университет; Поза написал несколько брошюр в защиту притязаний своего ордена, которые все были осуждены Римской инквизицией в 1632 году. Враги иезуитов надеялись, что испанская инквизиция сделает то же самое, но инквизиторы боялись оскорбить графа герцога де Оливареса, духовником которого был иезуит. В этот период Фрэнсис Руалес, доктор университета Саламанки, раздающий милостыню и член королевского совета, профессор математики и наставник кардинала-инфанта Дона Фердинанда, опубликовал работу, которая произвела большую сенсацию. Автор осуждает труды Позы в адрес Католической церкви в целом и каждого из ее членов в частности как еретические и запятнанные атеизмом, а также осуждает всех иезуитов, защищавших его учение.

Урбан VIII. он объявил бы Позу еретиком, если бы не боялся оскорбить мадридский двор; поэтому он удовлетворился лишением его профессорского звания и приказал отправить его в дом иезуитов в каком-нибудь маленьком городке Кастилии и запретил ему проповедовать, преподавать или писать. Хотя иезуиты в своем четвертом обете обещали безоговорочно повиноваться папе, и они были, вообще говоря, самыми ревностными сторонниками его власти, все же в данном случае они отказались повиноваться, потому что их поддерживал Мадридский двор. В это время работа Альфонсо Варгаса[74] была опубликована за пределами Испании; Варгас разоблачает стратагемы, вероломную политику и плохую доктрину иезуитов. Их генерал утверждал, в качестве оправдания их неповиновения, что король Испании запретил им выполнять приказы его Святейшества: таково было положение дел, когда Оливарес был опозорен. Работы Позы тогда были запрещены в Испании, и он был приговорен отречься от нескольких ересей.

Хуан Николас Диана, другой иезуит, известный очень мягкой моралью своих печатных работ, подвергся судебному преследованию инквизицией Сардинии за некоторые положения, содержащиеся в проповеди, и был приговорен к отречению. Иезуит опубликовал свою защиту и отправился в Испанию, где потребовал, чтобы его судил Верховный совет. Собор, выслушав мнения нескольких квалификаторов, отменил приговор и не только оправдал иезуита, но и назначил его квалификатором.

Али Арраес Феррарес, прозванный *Ренегатом*, предстал перед инквизицией Сицилии в это царствование. Он был тунисским мавром и пользовался большим расположением короля этой страны: попав в плен в Палермо, он был выкуплен и отправлен обратно в Тунис. Некоторые рабы-христиане, находившиеся в этом городе, выразили свое удивление по поводу того, что отступник был выкуплен вместо того, чтобы быть отправленным в застенки инквизиции. Трибунал, будучи проинформирован о мнении этих рабов, опубликовал, что они не знали о том, что Али Арраес Феррарес был христианином и что его прозвали *Ренегатом*. Али был схвачен во второй раз в 1624 году, и хотя никаких других доказательств его вины, кроме вышеупомянутого

отчета, не существовало, он был доставлен в тюрьмы святой канцелярии. Было допрошено множество сицилийцев, генуэзцев и других, знавших его в Тунисе; все они заявили, что его называли *Ренегатом*, а некоторые добавили, что слышали, как он говорил, что был христианином. Али отрицал этот факт, но трибунал признал его виновным и приговорил к сожжению. Верховный совет постановил, что доказательства не были полными, отменил приговор и распорядился подвергнуть заключенного пыткам, чтобы получить дополнительные доказательства, после чего приговор должен быть продлен. Али по-прежнему упорно отрицал, что он был христианином, и нашел способ сообщить королю Туниса о своем положении; мавританский король получил его письмо в тот момент, когда брат Бартоломео Хименес, брат Фердинанд де Рейна, брат Диего де ла Торре и трое других кармелитов были взяты в плен; их взяли при отправлении в Рим. Король приказал им написать инквизиторам Сицилии, чтобы они освободили Али Арраэса и приняли за него выкуп, а в случае их отказа сообщить им, что он заключит в тюрьму и будет пытать всех рабов-христиан, находящихся в его власти. Монахи извинились, заявив, что они не знали инквизиторов, и дело было прекращено. В этот период Верховный совет приказал заключить Али в темницу и заковать в железо. В 1628 году Али нашел способ передать мавританскому королю еще одно письмо, в котором сообщал ему, что он был заключен в темную и зловонную темницу вместе с капитаном-христианином и что они были почти уморены голодом. Когда король получил письмо, испанские монахи вели переговоры о выкупе. Он послал за ними и сказал: "Почему они пытаются превратить этого отступника в христианина своими пытками? Если эта инквизиция не будет подавлена, или если инквизиторы немедленно не отправят ренегата на галеры вместе с другими рабами, я сожгу всех христиан, которые находятся в моей власти: напишите и скажите им об этом". Монахи повиновались и добавили, что если справедливость и религия потребуют казни заключенного, они готовы принять мученическую смерть. Впоследствии король Туниса принял выкуп монахов. После шестнадцатилетнего заключения Али у инквизиторов не было большего доказательства его преступления, и все же они отказались обменять его на христианского священника, утверждая, что родственники священника должны были выкупить его и что освободить его означало бы принять активное участие в ереси и проклятии отступника: было заявлено, что их отказ может иметь самые фатальные последствия для рабов-христиан в Тунисе; но это соображение их не затронуло.

В это время Верховный совет был занят делом, которое произвело большую сенсацию. В приходе Святого Мартина был основан женский монастырь для монахинь-бенедиктинок. Директор и духовник Фрей Фрэнсис Гарсия считался ученым и святым человеком. Донна Тереза де Сильва, родственница которой основала для нее монастырь, была настоятельницей, хотя ей было всего двадцать шесть лет. Община состояла из тридцати монахинь, которые все казались добродетельными и добровольно приняли монашескую жизнь. Хотя новый монастырь пользовался высочайшей репутацией, жесты и слова одной из монахинь указывали на то, что она находилась в сверхъестественном состоянии: отец Гарсия изгнал из нее бесов, и 8 сентября она была объявлена бесноватой. За короткое время аббатиса и двадцать пять монахинь подверглись такому же нападению. По поводу состояния этих женщин было проведено множество консультаций между учеными и добродетельными мужчинами, которые верили, что они действительно были *одержимы*, — их духовник каждый день повторял свои заклинания изгнания бесов и даже проводил дни и ночи в монастыре, чтобы возобновить их. Наконец он принес дарохранительницу со святыми дарами в комнату, где работали монахини, и они произнесли сорокачасовые молитвы. Эта необычная сцена продолжалась три года, когда

инквизиция Толедо положила ей конец в 1631 году, арестовав исповедника, настоятельницу и нескольких монахинь. Отец Фрэнсис Гарсия был объявлен *иллюминатами*, и говорили, что он развратил монахинь, которые притворялись одержимыми. Судебный процесс был прекращен в 1633 году; исповедник и монахини были объявлены подозреваемыми в том, что они впали в ересь *алюмбрадос*. Они были приговорены к нескольким епитимьям и отправлены в разные монастыри; настоятельница была сослана и лишена привилегии совещаться в течение четырех лет и права голоса в течение восьми лет: когда этот срок истек, она вернулась в свой собственный монастырь, и начальство приказало ей потребовать пересмотра судебного процесса над ней. Настоятельница повиновалась, заявив при этом, что сделала это исключительно ради чести своих монахинь и монахинь других домов Святого Бенедикта. Предприятие было трудным, но сила ее родственника, протонотария Арагонского, и графа герцога де Оливареса преодолели все препятствия. В 1642 году Верховный совет признал невиновность монахинь, но не отца Франциска, поскольку он был настолько неосторожен, что вступил в переписку с демонами, чтобы удовлетворить свое любопытство, прежде чем изгнать их из монахинь. Донна Тереза рассказывает о своих собственных чувствах, когда была одержима, и говорит, что она была в состоянии бреда и совершала самые глупые поступки.

Дон Жером де Вильянуэва, протонотарий Арагона, то есть королевский государственный секретарь этого королевства, в молодости был секретарем инквизиции. Он был привлечен к уголовной ответственности трибуналом в связи с позором графа герцога де Оливареса как его креатуры и главного доверенного лица. Ему было вменено несколько еретических высказываний, и он был арестован в 1645 году и приговорен к отречению: этот приговор был вынесен 18 июня 1647 года. Когда он был освобожден для исполнения своей епитимьи, он обратился к папе Иннокентию X., жалуясь на несправедливость, с которой с ним обошлись, лишив его возможности защищаться, и протестуя против того, что он подчинился приговору только для того, чтобы представить свое дело на рассмотрение беспристрастного суда; поэтому он потребовал, чтобы суд над ним был пересмотрен судьями, назначенными его Святейшеством. Дон Педро Наварро, богатый джентльмен, отправился в Рим для переговоров по этому делу из дружбы к Вильянуэве; и хотя Филипп просил через своего посла, чтобы Наварро был вынужден покинуть Рим, его Святейшество отказался и не позволил его арестовать. Папа поручил епископам Калахорры, Сеговии и Куэнсы пересмотреть судебный процесс, но Филипп IV из-за инсинуаций генерального инквизитора запретил им принимать это поручение, поскольку оно противоречило прерогативам короны. Затем папа распорядился перенести процесс в Рим; после некоторого сопротивления ему подчинились, и Вильянуэва был оправдан. Сопротивление и несправедливость, свидетелями которых папа был в этом деле, побудили его ускорить второе судебное разбирательство в 1653 году, в котором он заявил, что он обнаружил серьезные нарушения в судебном процессе над Вильянуэвой, и поручил генеральному инквизитору следить за более строгим соблюдением законов, а судебные процессы проводить с большей справедливостью, серьезностью и осмотрительностью.

Вскоре между судами Мадрида и Рима возникли новые разногласия, и папа направил Фрэнсиса Манчини в качестве своего нунция в Мадрид для урегулирования спора, но он не смог добиться аудиенции у короля и в 1654 году был вынужден обратиться от имени его Святейшества к генеральному инквизитору, который сообщил ему, что папа оскорбил короля вышеупомянутым делом; он утверждал, что судебное преследование Вильянуэвы было проведено должным образом и что папа одобрил его. Если это утверждение было правдой, папа, должно быть, выразил свое одобрение до того, как ознакомился с ходом судебного разбирательства,

поскольку, когда оно было передано в римский трибунал, были обнаружены несправедливость и недостатки.

ГЛАВА XXXIX.

ИНКВИЗИЦИЯ ВО ВРЕМЕНА ПРАВЛЕНИЯ КАРЛА II.

КАРЛ II наследовал своему отцу 17 сентября 1665 года, когда ему было всего четыре года. Великими инквизиторами во время его правления были кардинал Дон Паскуаль д'Арагон, архиепископ Толедо; отец Джон Эверард де Нитардо, немецкий иезуит; Дон Диего де Сармьенто де Вальядарес, епископ Овьедо и Плацентии; дон Хуан Томас Рокаберти, архиепископ Валенсии; кардинал Дон Альфонсо Фернандес де Кордова-и-Агилар; и дон Бальтазар де Мендоса-Сандовал, епископ Сеговии.

Младенчество Карла II, честолюбие его брата дона Джона Австрийского, властный нрав королевы-матери Марии Анны Австрийской и макиавеллизм иезуита Нитардо дали повод для ряда скандальных событий во время этого правления. Слабость правительства была главной причиной дерзкого поведения инквизиторов.

Когда Карл II в 1680 году женился на Марии Луизе де Бурбон, вкус нации был настолько развращен, что грандиозное *аутодафе*, состоявшее из ста восемнадцати жертв, считалось достойным и лестным проявлением уважения к новой королеве; девятнадцать человек были сожжены вместе с тридцатью четырьмя изображениями. Ни один из этих случаев не был примечательным, и поэтому их можно обойти молчанием вместе с другим *аутодафе*, которое было совершено в церкви монастыря монахинь Святого Доминика. Некоторые рукописные заметки указывают на то, что некоторые из осужденных избежали ожидавшей их участи, подкупив нижестоящих офицеров трибунала; я убежден, что это утверждение неверно, потому что младшие офицеры имели очень мало влияния после ареста преступников.

Самым знаменитым процессом инквизиции в это царствование является процесс над фраем Фройланом Диасом, избранным епископом Авилы и духовником короля. Обычная слабость Карла II и отсутствие наследника породили подозрение, что он *былоколдован*. Кардинал Портокарреро и генеральный инквизитор Рокаберти верили в колдовство и, убедив короля в том, что он околдован, умоляли его позволить изгнать бесов в соответствии с церковными канонами. Чарльз согласился, и его духовник изгнал бесов. Новизна этого процесса вызвала много замечаний, и Фройлан сообщили, что другой монах в то время изгонял бесов из монахини в Кангас-де-Тинео, чтобы освободить ее от демонов, которые, по ее словам, мучили ее. Фройлан и генеральный инквизитор поручили экзорцисту *бесноватого* приказать демону, согласно формуле ритуала, объявить Карла II умершим. Был ли он околдован или нет, и если он ответил утвердительно, чтобы заставить его раскрыть природу колдовства; было ли оно постоянным; было ли оно связано с чем-либо, что ел или пил король, с изображениями или другими предметами; в каком месте его можно было найти; и, наконец, были ли какие-либо естественные средства предотвращения его воздействия: исповедник добавил еще несколько вопросов и пожелал, чтобы экзорцист настаивал на них со всем рвением, которого требуют интересы короля и государства.

Монах сначала отказался допрашивать демона, потому что это запрещено церковью; но, получив заверения генерального инквизитора, что в нынешних обстоятельствах это не будет грехом, он добросовестно выполнил все, о чем его просили. Демон объявил устами бесноватого, что человек, названный по имени, наложил на короля заклятие. Согласно частным записям того времени, преступник был агентом Венского двора; но кардинал Портокарреро и духовник Диас были сторонниками Франции в борьбе за наследование Испании.

Диас был очень встревожен этой информацией и удвоил свои заклинания, пока не узнал какой-нибудь способ разрушить чары. Прежде чем эта операция была завершена, Рокаберти умер, и его сменил дон Бальтазар де Мендоса, принадлежавший к австрийской партии; он дал понять королю, что все произошедшее произошло из-за неосторожного рвения его духовника и что он должен быть удален. Король последовал его совету и назначил Фройлана епископом Авилы; но новый генеральный инквизитор, не удовлетворившись предотвращением похода быков, подал на него в суд за то, что он использовал демонов для обнаружения скрытых вещей.

Мендоса руководил этим нападением совместно с Торресом Пальмосой, королевским духовником, который так же страстно желал гибели Фройлана Диаса, как и он сам; этот человек передал Мендосе письма, полученные Диасом от Кангаса, которые были найдены среди его бумаг.

Мендоса допросил свидетелей и, объединив их заявления с содержанием писем, передал их пяти проверяющим, которые были ему преданы, и назначил дону Хуана Арсеменди, советника инквизиции, и дону Доминика де ла Кантоллы, чиновника канцелярии Верховного Совета, их президентом и секретарем. Однако пять экспертов заявили, что в ходе судебного разбирательства не было представлено ни одного факта или утверждения, достойного богословского порицания.

Это решение было очень неприятно Мендосе; но, полагаясь на свое влияние в совете, он предложил арестовать Диаса: советники отказались, потому что мера была несправедливой и противоречила законам святой канцелярии, согласно решению пяти квалификационных судей. Это сопротивление вызвало раздражение генерального инквизитора, который приказал составить указ, подписал его и отправил в совет с приказом зарегистрировать его на обычных бланках. Члены совета ответили, что они не могут провести церемонию, которую считают незаконной, поскольку резолюция не была принята большинством голосов.

Во время этих операций Диасу удалось бежать в Рим: Мендоса, который мог положиться на королевского духовника, убедил его убедить короля, что это нарушение прав короны, и получил от него письмо герцогу де Узедо, его послу в Риме, с приказом схватить Диаса и отправить его под конвоем в Карфагену.

Анонимный автор "Анекдотов Римского двора" говорит, что Диас отправился туда, чтобы показать папе завещание Карла II, по которому Филипп де Бурбон был призван на трон Испании; и что его возвращение в качестве пленника было вызвано придворной интригой; но нет никаких доказательств, подтверждающих это утверждение. Генеральный инквизитор отправил Фройлана Диаса в тюрьму инквизиции Мурсии и приказал инквизиторам начать его суд. Они назначили в качестве квалификаторов девять наиболее ученых богословов епархии, которые единогласно дали тот же ответ, что и члены Верховного совета: следовательно, инквизиторы заявили, что оснований для ареста не было. Затем генеральный инквизитор

распорядился о переводе Диаса в Мадрид. Впоследствии Мендоса обвинил фискала инквизиции в обвинении его как догматизирующего архиеретика за то, что он сказал, что общение с демоном может быть разрешено для того, чтобы научиться искусству исцеления больных.

Карл II. примерно в это же время умер Филипп, и поначалу Филипп был слишком занят войной против эрцгерцога Карла Австрийского, чтобы разгадать интриги и уловки Мендосы. Наконец, 24 декабря 1703 года он передал дело на рассмотрение Совета Кастилии, который постановил, что арест Диаса противоречит общим законам и законам святой канцелярии. Затем Верховный совет постановил, что Диас должен быть освобожден и оправдан.

Следует отметить, что демон утверждал, что Бог допустил наложение заклęcia на короля и что оно не могло быть снято, потому что святое причастие совершалось в церкви без лампад и восковых свечей, общины монахов умирали от голода и по другим причинам того же характера. Два других демона, которых допрашивали, согласились лишь в том, что необходимо оказывать поддержку церквям, монастырям и общинам доминиканских монахов; возможно, потому, что генералы-инквизиторы Рокаберти и Диас принадлежали к этому ордену.

Этот принц созвал *великую хунту*, состоящую из двух государственных советников, по два члена каждого из Советов Кастилии, Арагона, Италии, Индии, военных орденов и финансов, а также одного из секретарей короля. Королевский секретарь проинформировал хунту, что споры между инквизиторами и гражданскими судьями вызвали столько беспорядков, что король решил поручить ассамблее предложить простое и неизменное правило, чтобы обеспечить инквизиции должное уважение к ней и помешать инквизиторам проводить судебные процессы, не входящие в юрисдикцию святой канцелярии. Король приказал шести советам передать хунте все документы, необходимые для рассмотрения этого дела.

21 мая 1696 года великая хунта выступила с докладом, в котором говорилось, что из изученных документов следует, что в различных юрисдикциях долгое время существовал величайший беспорядок, потому что инквизиторы произвольно расширили свою власть, так что обычным судам почти нечего было делать; что они наказывали малейшее преступление против себя или своих слуг с величайшей строгостью, как если бы это было преступление против религии; что, не довольствуясь освобождением своих должностных лиц от налогов, они предоставили своим домам привилегии убежища, чтобы из них нельзя было забрать преступника. , даже по судебному постановлению; и если государственные власти осуществляли свои полномочия, они осмеливались жаловаться на это как на кощунственное нарушение церкви; что в своих официальных письмах и в ведении своих дел они демонстрировали намерение ослабить уважение народа к королевским судьям и даже унижить авторитет высших магистратов; и что они демонстрировали определенный независимый образ мышления в вопросах управления и общественной экономики, что заставляло их забывать о правах короны.

Затем хунта заявила, что эти злоупотребления вызвали жалобы подданных, раскол среди министров, разочарование трибуналов и много хлопот его величеству по урегулированию их разногласий. Что это поведение казалось настолько нетерпимым даже в самом начале, что полномочия инквизиции были приостановлены на десять лет Карлом V, пока они не были восстановлены Филиппом II в отсутствие его отца с некоторыми ограничениями, которые не были должным образом соблюдены; что крайняя умеренность, с которой обращались с инквизиторами, была причиной их дерзости.

Хунта предложила реформировать святую канцелярию; 1. Что инквизиция не должна использовать порицания в гражданских делах. 2. Что в случае, если они их применяют, королевским трибуналам следует поручить противостоять им всеми доступными им средствами. 3. Что привилегии инквизиционной юрисдикции должны быть ограничены в отношении слуг и приближенных инквизиции, а также родственников инквизиторов. 4. Что следует принять меры для обеспечения немедленного урегулирования вопросов, касающихся компетенции и взаимных претензий.

Государственный советник граф де Фригилиана добавил, что инквизиторов следует заставить отчитываться о доходах святой канцелярии. Эти замечания и предложения хунты не возымели никакого эффекта, поскольку генеральному инквизитору Рокаберти и Фройлану Диасу удалось изменить благосклонные настроения короля.

ГЛАВА XL.

ОБ ИНКВИЗИЦИИ В ПРАВЛЕНИЕ ФИЛИППА V.

ФИЛИПП V. наследовал своему дяде Карлу II. 1 ноября 1700 года; он умер 9 июля 1746 года. Великими инквизиторами в этот период были дон Бальтазар Мендоса-и-Сандовал; Дон Видааль Марин, епископ Сеуты; дон Антонио Ибаньес де ла Риба-Эррера, архиепископ Сарагосы; кардинал Дон Фрэнсис Джудис; Дон Джозеф де Молинос; Дон Диего де Асторга Сеспедес, епископ Барселоны; Дон Хуан де Камарго, епископ Пампелуны; Дон Андрес де Орбе Ларреатеги, архиепископ Валенсии; дон Мануэль-Исидор Манрике де Лара, архиепископ Сантьяго; и дон Фрэнсис Перес де Прадо Куэста, епископ Теруэля, который все еще находился на своем посту после смерти Филиппа V.

Суд всегда был настолько благосклонен к инквизиции, что инквизиторы думали, что торжественное *аутодафе* в честь его восшествия на престол будет угодно королю. Это произошло в 1701 году, но Филипп отказался присутствовать при этой варварской сцене. Однако он защищал трибунал святой канцелярии, следуя совету своего деда, Людовика XIV, который сказал ему, что он должен поддерживать инквизицию как самое надежное средство поддержания спокойствия в своем королевстве. Эта система приобрела новое значение в его глазах, когда дон Видааль Марин, генеральный инквизитор, опубликовал указ, отлучающий от церкви всех тех, кто не донес на лиц, которые, как было слышно, говорили, что они считают себя вправе нарушить клятву верности Филиппу V. Этот указ послужил поводом для нескольких судебных процессов, но ни за одним из них не последовал окончательный приговор.

Иудаизм был почти искоренен во время правления Филиппа V. Во второй раз он был тайно распространен удивительным образом после воссоединения Португалии с Испанией. Ежегодное *аутодафе* проводилось всеми трибуналами инквизиции во время правления этого принца; некоторые из них проводили по два, а три были проведены в Севилье и Гренаде. Таким образом, без учета Америки, Сардинии и Сицилии, семьсот восемьдесят два *авто-да-фе* состоялись в Мадриде, Барселоне, на Канарских островах, Кордове, Куэнсе, Гренаде, Хаэне, Льерене, Логроньо, Майорке, Мурсии, Сантьяго, Севилье, Толедо, Валенсии, Вальядолиде и Сарагосе.

В ходе пятидесяти четырех из этих церемоний семьдесят четыре человека были сожжены вместе с шестьюдесятью тремя изображениями и восемьсот восемьдесят один человек был приговорен к епитимье. Исходя из этого утверждения, мы можем подсчитать, что за сорок шесть лет правления Филиппа V. четырнадцать тысяч шестьдесят шесть человек были приговорены инквизицией к различным наказаниям.

Было распространено мнение, что инквизиция стала менее суровой по отношению к еретикам, когда принцы из дома Бурбонов взошли на трон Испании; но другие причины, по-видимому, уменьшили число ее жертв, что будет рассмотрено в следующих главах.

Среди мнимых колдунов, осужденных инквизицией, был Хуан Перес де Эспехо, который был наказан в Мадриде в 1743 году как богохульный лицемер и колдун. Говорят, что этот человек, принявший имя *Хуан де Сент-Эсприт*, был основателем *Конгрегации госпитальеров* или *Божественного Пастыря*, которая существует до сих пор. Он был приговорен к получению двухсот ударов плетью и десяти годам заключения в крепости.

Ряд учеников *Молиноса* также были осуждены. Дон Джозеф Фернандес де Торо, епископ Овьедо, был осужден за эту доктрину в 1721 году. Инквизиция Логроньо сожгла дону Хуана де Каусадоса, пребенду из Туделы, самого близкого друга и ученика *Молиноса*; он проповедовал свои мистические доктрины с большим рвением и энтузиазмом. Его племянник, Хуан де Лонгас, придерживался этой доктрины после его смерти; он до сих пор известен в Наварре, Риоксе, Бургосе и Сории под именем *брата Джона*. Инквизиторы Логроньо приговорили его в 1729 году к получению двухсот ударов плетью и отправили на десять лет на галеры; впоследствии он был заключен в тюрьму пожизненно. К сожалению, некоторые монахи его ордена разделили его чувства и сообщили о них нескольким монахиням монастырей Лерма и Коррелла, что дало повод для нескольких *самовнушений*.

Донна Агуэда де Луна была главной из них: она родилась в семье знатных родителей в Корелле, в Наварре. В 1712 году она поступила в монастырь кармелиток в Лерме, имея столь высокую репутацию добродетельной женщины, что на нее смотрели как на святую. В 1713 году она уже приняла ересь Молиноса; она провела двадцать лет в монастыре, и ее слава постоянно возрастала благодаря рассказам о ее экстазах и чудесах, которые были обнародованы Хуаном де Лонгасом, приором де Лерма, провинциалом и другими монахами первого ранга, которые все были соучастниками обмана Агуэды и были заинтересованы в ее репутации святости.

На месте ее рождения был основан женский монастырь, и она стала настоятельницей; в таком качестве она продолжала вести незаконный образ жизни, ничуть не утратив своей репутации, которая, напротив, стала настолько велика, что жители всех соседних стран обращались к ней с мольбами о заступничестве перед Богом.

После того, как Агеда прожила жизнь, полную беззакония, скрытого под маской святости, она была выдана инквизиции Логроньо; ее поместили в секретную тюрьму, где она умерла от последствий пыток, прежде чем суд над ней был прекращен. Во время допроса она призналась, что ее святость была обманом; казалось, она раскаялась в свои последние минуты и получила отпущение грехов. В показаниях, сделанных во время судебного разбирательства, говорилось, что Агуэда заключила договор с демоном и продала ему свою душу. Ее также обвинили в детоубийстве, и на том месте, где, по слухам, были убиты и похоронены ее дети, было найдено несколько костей.

Брат Хуан де ла Вега, провинциал ордена босоногих кармелиток, также подвергся судебному преследованию как сообщник Агеды; он был ее духовным наставником и, согласно показаниям на суде, участвовал в ее преступлениях и соблазнил нескольких других монахинь. Несколько человек заявили, что отец Хуан также заключил договор с демоном; но он отрицал этот факт и сопротивлялся жестокости пыток, хотя был уже преклонных лет. Он только признался, что получил деньги за одиннадцать тысяч восемьсот месс, о которых не было сказано. Ему было объявлено о серьезном подозрении и отправлено в пустынный монастырь Дуруэло, где он вскоре скончался.

Провинциал, секретарь и два монаха, занимавшие эти должности в течение трех предыдущих лет, были замешаны в предъявленных обвинениях, арестованы, подвергнуты пыткам и отрицали факты; они были заключены в монастыри своего ордена на Майорке, Бильбоа, Вальядолиде и Осме. Летописец ордена признался в своем преступлении и появился на *аутодафе* вместе с *Сан-бенито*. Другие монахини, признанные виновными, были разосланы по разным монастырям.

Судебный процесс над доном Бальтазаром Мендоса-Сандовалем, епископом Сеговии и генеральным инквизитором, был не менее известен, хотя и по другой причине. Поведение этого плохого прелата по отношению к Фройлан Диас было описано в предыдущей главе. Когда Верховный совет отказался санкционировать чудовищное злоупотребление его полномочиями, которое он замышлял, Мендоса приказал арестовать трех советников, которые были наиболее заметны в своей оппозиции; он потребовал от короля, в ложном представлении, увольнения дона Антонио Замбраны, дона Хуана Арземенди и дона Хуана Мигуэлеса, которых он отправил, закованных в цепи, в Сантьяго-де-Гренада, и разработал смелый план лишения совета права вмешательства в судебные процессы, представленные им, а членов совета права голосовать за окончательный приговор.

Этот акт деспотизма вызвал резолюцию Филиппа V. 24 декабря он передал дело на рассмотрение Совета Кастилии. 21 января 1704 года совет предложил восстановить Верховный Совет с теми привилегиями, которыми он пользовался с момента основания инквизиции, и восстановить трех членов в их должностях. Король последовал этому совету и приказал Мендосе подать в отставку и покинуть Мадрид.

Мендоса пожаловался папе римскому, который написал королю письмо с протестом по поводу обращения с одним из его заместителей. Король, однако, твердо придерживался своего решения, и Мендоса был вынужден подчиниться.

Король дал еще одно доказательство своей твердости в защите привилегий короны своим поведением по отношению к генеральному инквизитору юстиции в деле дона Мельхиора Маканаса^[75]. Филипп, однако, перенес оскорбление от инквизиции, за которое удивительно, что он не отомстил. Он жаловался на указ, подписанный кардиналом Джудисом в Марли в 1714 году, запрещающий работы Маканаса. Члены Верховного совета имели смелость ответить, что его величество может *упразднить* святую канцелярию, если сочтет нужным, но *что, согласно апостольским буллам, он не может препятствовать ей выполнять свои обязанности, пока она продолжает существовать*.

Совет Кастилии 3 ноября 1714 года дал королю веские основания для упразднения святой канцелярии. Постановление с этой целью было подготовлено, и удар был бы нанесен, если бы

не интриги королевы Изабеллы Фарнезе, иезуита Добентона, ее духовника, и кардинала Альберони, которые выставили верное и ревностное поведение Маканаса в преступном свете. Они напомнили королю о совете Людовика XIV и добились еще одного указа, отменяющего первый. В этом указе король признает, что он уделял слишком много внимания злым советам вероломных министров, и одобряет запрет работ Маканаса как благоприятных для прав короны, восстанавливает уволенных советников и восхваляет поведение кардинала Джудиса.

Инквизиция запретила работы *Баркляя* и *Талона* тем же эдиктом, что и работы Маканаса, потому что они защищали права короны от притязаний Римского двора, а Филипп имел слабость санкционировать акт, столь наносящий ущерб его собственной власти. Именно во время этого правления были запрещены работы *Николаса Беландо* и *Дона Джозефа Кироса*^[76].

Среди судебных процессов, которые я изучал в Сарагосе, был один, очень похожий на процесс на Корелле, но преступники не совершали детоубийства и не заключали соглашения с демоном.

ГЛАВА XLI.

ОБ ИНКВИЗИЦИИ ВО ВРЕМЕНА ПРАВЛЕНИЯ ФЕРДИНАНДА VI.

ФИЛИПП V. оставил свою корону Фердинанду VI, своему старшему сыну от первой жены, Габриэллы Савойской. Этот принц правил с 9 июля 1746 года по 10 августа 1759 года; он умер бездетным. Ему наследовал его брат Карл III. из Неаполя, сын Филиппа V. и Изабеллы Фарнезе, его второй жены. Дон Франсис Перес дель Прадо, епископ Теруэля, занимал должность генерального инквизитора при восшествии на престол Фердинанда. Его сменил дон Мануэль Кинтано Бонифас, архиепископ Фарсалы, который все еще находился на своем посту после смерти этого принца.

Расцвет хорошего литературного вкуса в Испании, восстановление которого было подготовлено при Филиппе V. Датируется правлением Фердинанда VI. На этом обстоятельстве основано мнение, что восшествие на престол бурбонов вызвало изменение в системе инквизиции; однако эти князья никогда не вводили никаких новых законов для этого учреждения и не отменяли ничего из древнего кодекса и, следовательно, не препятствовали ни одному из многочисленных *самовластий*, которые отмечались в их правление. Но Филипп основал в Мадриде две королевские академии истории и испанского языка по образцу парижской и способствовал дружескому общению между *литераторами* двух наций.

Соглашение, заключенное в 1737 году с Римским судом относительно взносов, налагаемых на духовенство, и некоторых других вопросов дисциплины, сделало обращения к папе более редкими; и многие мнения были признаны обоснованными, которые долгое время представлялись как неблагоприятные для религии и благочестия из-за невежества и суеверий одной стороны и недоброжелательности другой. Издание еженедельных газет знакомило людей с произведениями, о которых они никогда прежде не слышали, и информировало их о решениях католических князей, касающихся духовенства, которые незадолго до этого они сочли бы оскорблением религии и ее служителей. *Литературный дневник* (Journal de Savans) также открыл глаза многим людям, которые до тех пор не могли судить о книгах.

Эти обстоятельства и некоторые другие причины во время правления Филиппа V. подготовили почву для интересной революции в испанской литературе при Фердинанде VI. За этой переменой последовала великая польза для человечества; инквизиторы и даже их низшие офицеры начали понимать, что ревность к чистоте католической религии подвержена допущению ошибочных мнений. Доктрина Маканаса больше не шокировала народ, который спокойно выслушал все, что было написано в воззвании против насилия (*fuerzas*), и не испугался анафем, ежегодно обрушиваемых папами в булле *in cœna dominum*.

Эффект этого изменения общественного мнения был особенно замечен в сокращении числа судебных процессов по обвинению в иудаизме и, следовательно, числа жертв *аутодафе*. Во время правления Фердинанда не было проведено ни одного общего и не более тридцати четырех частных *аутодафе*; лица, участвовавшие в них, были осуждены за богохульство, двоеженство и мнимое колдовство. Только десять человек были освобождены от ответственности, а сто семьдесят подвергнуты епитимьям: те, кто был сожжен, вернулись в иудаизм. Евреи подвергались таким жестоким гонениям в предыдущие царствования, что их почти не осталось.

Янсенизм и масонство особенно занимали инквизицию при Фердинанде VI. Иезуиты называли янсенистами тех людей, которые не разделяли взглядов Молины на благодать и свободу воли: их противники называли их пелагианами. Эти партии взаимно обвиняли друг друга в пособничестве ереси. Но фракция иезуитов преобладала во время правления Филиппа V и его преемника, потому что их исповедники принадлежали к этому ордену.

Масонство было совершенно новым объектом для инквизиции. Климент XII. 28 апреля 1738 года он издал буллу *in Eminenti*, в которой он отлучает масонов от церкви. В 1740 году Филипп издал королевский указ против них, и многие были арестованы и отправлены на галеры. Инквизиторы воспользовались этим примером и очень сурово обошлись с членами ложи, обнаруженной в Мадриде. Смертная казнь была объявлена масонам в 1739 году кардиналом-викарием Рима от имени первосвященника Бога мира и милосердия! Бенедикт XIV. возобновил буллу Климента в 1751 году. Брат Джозеф Торрубиа, ревизор книг святой канцелярии, осудил существование масонов, и в том же году Фердинанд опубликовал указ против них, в котором говорилось, что все, кто не будет соответствовать содержащимся в нем правилам, будут наказаны как государственные преступники, виновные в *государственной измене*. Карл III, тогдашний король Неаполя, в тот же день запретил масонские собрания. Следующие страницы содержат уведомление о судебном процессе такого рода, который состоялся в Мадриде в 1757 году.

Француз г-н Турнон был приглашен в Испанию и получил пенсию от правительства, чтобы основать фабрику латунных пряжек и обучать испанских рабочих. 30 апреля 1757 года один из его учеников, действовавший, повинаясь указаниям своего духовника, донес на него в святую канцелярию по подозрению в ереси.

Обвинения были: 1-е. Что г-н Турнон просил своих учеников стать масонами, обещая, что *Великий Восток* Парижа пришлет комиссию для принятия их в орден, если они пройдут испытания, которые он предложит, чтобы убедиться в их мужестве и стойкости; и что их титулы приема должны быть ускорены из Парижа. 2. Что некоторые из этих молодых рабочих, по-видимому, были склонны подчиниться, если г-н Турнон проинформирует их о цели этого учреждения. Чтобы удовлетворить их, он рассказал им несколько необычных вещей и показал что-то вроде картины, на которой были изображены инструменты архитектуры и астрономии.

Они думали, что эти представления связаны с колдовством, и утвердились в этой идее, услышав проклятия, которые, по словам М. Турнон, должны были сопровождать клятву хранить тайну.

Из показаний трех свидетелей следует, что месье Турнон был масоном. Он был арестован и заключен в тюрьму 20 мая. Следующий разговор, состоявшийся в первой аудитории *конференции*, может быть интересен некоторым читателям. Спросив его имя, место рождения и причину приезда в Испанию и заставив его поклясться говорить правду, инквизитор продолжил: -

Вопрос. Знаете ли вы или предполагаете, почему вы были арестованы святой канцелярией?

Ответ. Я полагаю, это за то, что вы сказали, что я был масоном.

В. Почему вы так думаете?

А. Потому что я сообщил своим ученикам, что принадлежу к этому ордену, и я боюсь, что они осудили меня; ибо в последнее время я заметил, что они говорят со мной с таинственным видом, и их вопросы наводят меня на мысль, что они считают меня еретиком.

В. Вы сказали им правду?

А. Да.

В. Значит, вы масон?

А. Да.

В. Как давно ты такой?

А. В течение двадцати лет.

Вопрос: Посещали ли вы собрания масонов?

А. Да, в Париже.

Вопрос: Вы посещали их в Испании?

А. Нет; я не знаю, есть ли какие-нибудь ложи в Испании.

Вопрос: Если бы они были, вы бы присутствовали на них?

А. Да.

Вопрос Вы христианин, католик?

А. Да; я был крещен в приходе Святого Павла в Париже.

В. Как вы, как христианин, можете осмеливаться посещать масонские собрания, когда вы знаете или должны знать, что они противоречат религии?

А. Я этого не знал; в настоящее время я ничего не знаю об этом, потому что я никогда не видел и не слышал там ничего, что противоречило бы религии.

В. Как вы можете так говорить, когда знаете, что масоны исповедуют *безразличие* к вопросам религии, что противоречит символу веры, который учит нас, что ни один человек не может быть спасен, если не исповедует католическую, апостольскую и римскую религию?

А. Масоны не исповедуют этого *безразличия*. Но *безразлично*, является ли человек, принятый в орден, католиком или нет.

В. Тогда масоны являются *антирелигиозной* организацией?

А. Этого не может быть; ибо целью учреждения является не борьба с необходимостью или полезностью какой-либо религии или отрицание ее, а проявление милосердия к несчастным из любой секты, особенно если они являются членами общества.

В. Одним из доказательств того, что *безразличие* является религиозным характером масонов, является то, что они не признают Святую Троицу, поскольку исповедуют только одного Бога, которого называют *Великим Архитектором Вселенной*, что согласуется с доктриной философов-еретиков, которые говорят, что нет истинной религии, кроме *естественной религии*, в которой допускается существование только Бога-Творца, а все остальное рассматривается как человеческое изобретение. И поскольку месье Турнон объявил себя католиком, от него требуется уважение, которым он обязан нашему Спасителю Иисусу Христу, истинному Богу и человеку, и его пресвятой матери, Деве Марии, Богоматери нашей, объявить правду в соответствии со своей клятвой; потому что в этом случае он оправдает свою совесть, и будет позволено обращаться с ним с той милостью и состраданием, которые святая канцелярия всегда проявляла к исповедующимся грешникам; и если, напротив, он что-либо скроет, он будет наказан со всей строгостью правосудия, согласно святому уставу. каноны и законы королевства?

А. Тайна Святой Троицы в масонских ложах не поддерживается и не оспаривается; религиозная система натурфилософов также не одобряется и не отвергается; Бог обозначается как Великий архитектор Вселенной, согласно аллегориям масонов, относящимся к архитектуре. Чтобы выполнить свое обещание говорить правду, я должен повторить, что в масонских ложах не происходит ничего, что касалось бы какой-либо религиозной системы, и что рассматриваемые темы чужды религии под аллегориями архитектурных произведений.

В. Верите ли вы, как католик, что смешивать святое и религиозное с мирским - греховное суеверие?

А. Я недостаточно знаком с конкретными вещами, которые запрещены как противоречащие чистоте христианской религии; но до сих пор я верил, что те, кто путает одно с другим либо по ошибке, либо из-за напрасной веры, виновны в грехе суеверия.

В. Правда ли, что в церемониях, сопровождающих прием масонов, используются распятое изображение нашего Спасителя, труп человека, череп и другие предметы мирского характера?

А. Общие уставы масонства не предписывают этих вещей: если они используются, это, должно быть, вытекает из особого обычая или из произвольных постановлений членов организации, которым поручено готовиться к приему кандидатов; поскольку у каждой ложи свои особые обычаи и церемонии.

Вопрос Не в этом вопрос; скажите, правда ли, что эти церемонии соблюдаются в масонских ложах?

А. Да или нет, согласно предписаниям тех, кому поручено проведение церемоний посвящения.,,

В. Наблюдались ли они, когда вы проходили инициацию?

А. №

В. Какую клятву необходимо принести, чтобы стать масоном?

А. Мы клянемся соблюдать тайну.

Вопрос: От чего?

А. О вещах, публиковать которые может быть неудобно.

Вопрос Сопровождается ли эта клятва проклятиями?

А. Да.

В. Что это такое?

А. Мы соглашаемся претерпеть все беды, которые могут обрушиться на тело и душу, если мы нарушим клятву.

В. Какое значение имеет эта клятва, поскольку считается, что такие грозные ругательства можно использовать без непристойностей?

А. Это поддержание хорошего порядка в обществе.

В. Что проходит в этих ложах такого, что было бы неудобно публиковать?

А. Ничто, если на это смотреть без предубеждения; но поскольку люди обычно ошибаются в этом вопросе, необходимо избегать дающих повод для злонамеренных толкований; и это имело бы место, если бы то, что происходит во время собрания братьев, было обнаружено.

В. Какая польза от распятия, если принятие в масоны не рассматривается как религиозный акт?

А. Оно преподносится для того, чтобы проникнуть в душу с самым глубоким уважением в тот момент, когда послушник приносит клятву. Он используется не в каждой ложе и только при присвоении определенных степеней.

В. Для чего используется череп?

А. Что мысль о смерти может внушать ужас перед лжесвидетельством.

В. Для чего нужен труп?

А. Чтобы завершить аллегория Хирама, архитектора иерусалимского храма, который, как говорят, был убит предателями, и вызвать еще большее отвращение к убийствам и другим преступлениям против наших соседей, к которым мы должны относиться как доброжелательные братья.

В. Правда ли, что в ложах отмечается праздник святого Иоанна и что масоны выбрали его своим покровителем?

А. Да.

В. Какое поклонение оказывается ему при праздновании его праздника?

А. Нет; чтобы это не смешивалось с мирскими вещами. Это празднование ограничивается братской трапезой, после которой читается речь, призывающая гостей к милосердию по отношению к своим ближним в честь Бога, великого архитектора, создателя и хранителя вселенной.

В. Правда ли, что солнце, луна и звезды почитаются в ложах?

А. №

В. Это правда, что их изображения или символы выставлены напоказ?

А. Да.

В. Почему они такие?

А. Для того, чтобы разъяснить аллегории великого, непрерывного и истинного света, который ложи получают от великого архитектора мира, а эти изображения принадлежат братьям, и привлечь их к благотворительности.

Q. M. Tournon will observe that all the explanations he has given of the facts and ceremonies which take place in the lodges, are false and different from those which he voluntarily communicated to other persons worthy of belief; he is therefore again invited, by the respect he owes to God and the Holy Virgin, to declare and confess the heresies of *indifferentism*, the errors of *superstition*, which mingle holy and profane things, and the errors of *idolatry*, which led, его к поклонению звездам: это признание необходимо для оправдания его совести и блага его души; потому что, если он с сожалением признается в совершении этих преступлений, ненавидя их и смиренно прося прощения (до того, как налоговый орган обвинит его в этих отвратительных грехах), святому трибуналу будет разрешено проявить к нему то сострадание и милосердие, которые он всегда проявляет к раскаявшимся грешникам; и потому что, если он будет обвинен в судебном порядке, с ним должны обращаться со всей строгостью, предписанной против еретиков святыми канонами, апостольскими буллами и законами королевства.

А. Я заявил правду, и если какие-либо свидетели утверждают обратное, они ошибочно истолковали смысл моих слов; ибо я никогда не говорил на эту тему ни с кем, кроме рабочих на моей мануфактуре, да и то только в том смысле, который передается в моих ответах.

В. Не довольствуясь тем, что вы масон, вы убедили других людей быть принятыми в орден и принять еретические суеверия и языческие заблуждения, в которые вы впали.

А. Это правда, что я попросил этих людей стать масонами, потому что я думал, что для них было бы полезно, если бы они отправились в зарубежные страны, где они могли бы встретить братьев своего ордена, которые могли бы помочь им в любой трудности; но это неправда, что я побуждал их принять какие-либо ошибки, противоречащие католической вере, поскольку таких ошибок нет в масонстве, которое не касается никаких пунктов доктрины.

В. Уже было доказано, что эти ошибки не являются химерическими; поэтому пусть месье Турнон считает, что он был еретиком-догматиком, и что необходимо, чтобы он признал это со смирением и попросил прощения за порицания, которые он навлек на себя; поскольку, если он будет упорствовать в своем упрямстве, он погубит и свое тело, и душу; и поскольку это первая аудитория *мониторинга*, ему рекомендуется подумать о своем состоянии и подготовиться к двум другим аудиенциям, которые предоставляются милосердием. и милосердие, которое святой трибунал всегда испытывает к обвиняемым.

Месье Турнона отвезли обратно в тюрьму; он настаивал на том, чтобы давать одни и те же ответы на первой и второй аудиенциях. Фискал представил свой обвинительный акт, который, согласно обычаю, был разделен на статьи, аналогичные обвинениям свидетелей. Обвиняемый признал факты, но объяснил их так, как он делал это раньше. Ему предложили выбрать адвоката, но он отказался от этого, заявив, что испанские юристы не были знакомы с масонскими ложами и относились к ним с таким же предубеждением, как и общественность. Поэтому он счел, что для него лучше признать, что он был неправ и, возможно, был введен в заблуждение из-за незнания определенных доктрин; он потребовал отпущения грехов и предложил исполнить любую наложенную на него епитимью, добавив, что надеется, что наказание будет умеренным из-за добросовестности, которую он проявил и которую всегда сохранял, не видя ничего, кроме благотворительности, практикуемой и рекомендуемой в масонских ложах, без отрицания или борьбы с каким-либо догматом католической веры.

Фискал согласился на это соглашение, и г-н Турнон был приговорен к тюремному заключению сроком на один год, после чего его должны были препроводить под конвоем до границ Франции; он был навсегда изгнан из Испании, если только не получит разрешения вернуться от короля или священной канцелярии. В течение первого месяца его заключения ему было предписано выполнять духовные упражнения и общую исповедь; проводить каждое утро по полчаса в чтении размышлений над книгой *духовных упражнений* св. Игнатий де Лойола, а вечером полчаса на чтение рассуждений отца Иоанна Евсевия Ниремберга в его работе о *разнице между временным и вечным*; читать каждый день часть Розария Богоматери и часто повторять акты веры, надежды, милосердия и раскаяния; выучить наизусть катехизис отца Астете и подготовиться к получению отпущения грехов на Рождество, Пасху и Пятидесятницу.

В зале трибунала было проведено частное *аутодафе*, на котором М. Турнон появился без *сан-бенито* и подписал свое отречение с обещанием никогда больше не посещать собрания вольных каменщиков.

Месье Турнон уехал во Францию и, похоже, никогда не возвращался в Испанию.

Общество вольных каменщиков занимало ученых мужей с середины семнадцатого века, и количество басен, которые были опубликованы о нем, запутало предмет и нанесло ему большой вред. Таинственные посвящения в этот орден впервые стали привлекать внимание в Англии во время правления Карла I. Который погиб на эшафоте в 1649 году. Затем враги Кромвеля и республиканской системы учредили звание *великого магистра* английских лож, чтобы подготовить умы масонов к восстановлению монархии. Вильгельм III. был масоном, и хотя династия сменилась с восшествием на престол Георга I. Не похоже, что в Англии подозревали масонство. Оно было введено во Франции в 1723 году, а шотландец Рамзи основал ложу в Лондоне в 1728 году, сообщив, что общество было основано в 1099 году Годфри де Бульоном, королем Иерусалима; сохранено рыцарями-тамплиерами и перенесено в Эдинбург, где оно

было учреждено королем Робертом Брюсом в 1314 году. В 1729 году орден был введен в Ирландии. Голландия получила его в 1731 году, и в том же году были открыты первые ложи в России: в 1733 году он появился в Бостоне в Америке и в нескольких других городах Нового Света, подвластных Англии. В том же году он был основан и в Италии, через два года после того, как масоны были обнаружены в Лиссабоне.

Я полагаю, что первой суровой мерой против масонов в Европе была та, которая была принята 14 декабря 1733 года полицейской палатой Шатле в Париже: она запретила масонам собираться и приговорила месье Шапело к штрафу в шесть тысяч ливров за то, что он позволил им собираться в его доме. Людовик XV. повелел, чтобы те пэры Франции и другие джентльмены, которые имели привилегию *въезда*, были лишены этой чести, если они были членами масонской ложи. Великий магистр парижских лож, будучи вынужден покинуть Францию, созвал собрание вольных каменщиков, чтобы назначить своего преемника. Людовик XV, узнав об этом, заявил, что, если будет избран француз, он отправит его в Бастилию. Однако был выбран герцог д'Антен, и после его смерти ему наследовал Луи де Бурбон, принц Конти. Луи де Бурбон, герцог де Шартр, еще один принц крови, стал великим магистром.

В 1737 году голландцы запретили собрания масонов в качестве меры предосторожности, не обвиняя их в каких-либо преступлениях; члены ложи собрались, их арестовали и привлекли к ответственности, но они защищались с такой энергией, что были оправданы, а запрет отменен.

Рейнский курфюрст Палатинский также запретил орден в своих землях и арестовал нескольких членов в Мангейме вследствие их неповиновения.

Джон Гастон, великий герцог Тосканский, в том же году издал указ о запрете деятельности лож. Этот принц вскоре умер, и масоны снова собрались: на них донесли папе Клименту XII. Этот понтифик послал инквизитора во Флоренцию, который заключил в тюрьму нескольких членов общества, но Франциск Лотарингский, когда стал великим герцогом, освободил их. Он объявил себя защитником этого института и основал несколько лож во Флоренции и других городах своих штатов.

Если бы я был членом общества, я бы сделал все, что в моих силах, чтобы отменить те вещи, которые дали инквизиторам и другим священнослужителям повод говорить, что священные и мирские вещи смешиваются в масонских церемониях; особенно следующие, которые уже появились в печатных работах.

В шестой степени, или ранге, который является рангом *особого секретаря (секретаря во времени)*, история Хирама, царя Тирского, взята из девятой главы третьей книги Царств для масонских аллегорий; и *Иеговы*, невыразимого имени Бога, для *священного слова* масонства; этот обычай также соблюдается с некоторыми небольшими отличиями в нескольких других степенях.

В восемнадцатой, называемой *Розенкрейцерской из Харадома* из Килвиниуга, представлены колонны с надписями; самая высокая из них следующая: *Во имя Святой и нераздельной Троицы: ниже, Да будет наше спасение вечным в Боге; еще ниже, Мы имеем счастье пребывать в мирном единстве священных чисел*. Использована история второй главы первой и девятнадцатой второй книги Ездры; слово порядка между двумя масонами одного ранга - INRI, которым, как предполагают некоторые, является *Иисус Назарянин, Царь Иудейский*: добавлено слово *passee*, что означает *Эммануил, или Бог с нами*.

Ранг розенкрейцеров в шотландских ложах является совершенством ордена; значение этого термина раскрывается в пятнадцати разделах. В пятой аллегории представлены горы спасения, горы *Мория* и *Голгофа*, первая для жертвоприношений Авраама, Давида и Соломона, вторая для жертвоприношений Иисуса из Назарета: другие аллегории относятся к Святому Духу, обозначаемому как *Величие Бога*, которое сошло на скинию и храм в момент его посвящения. В двенадцатом разделе видна *святая гора*, на которой находится большая церковь в форме креста с востока на запад, по соседству с городом, являющаяся образом *небесного Иерусалима*; в тринадцатом - три великих света, символы естественного закона, законов Моисея и Иисуса Христа, и кабинет мудрости, обозначенный как *стойло для волов*, в котором находятся верный кавалерист и его святая жена, и священные имена *Иосифа*, *Марии* и *Иисуса*; четырнадцатое - это намек на сошествие нашего Спасителя в *Лимбос* после его смерти, его воскресения и вознесения; наконец, в пятнадцатом есть слова *consummatum est*, которые Иисус произнес на кресте.

В двадцать седьмой степени *великого командора храма* на лбу брата большим пальцем правой руки делается крест; священное слово "ИНРИ"; на платке четыре креста, *диск* - золотой треугольник с еврейскими буквами невыразимого имени *Иегова*.

Гербовая печать ордена имеет между гербовыми знаками поперек, арку союза, по зажженной свече в подсвечнике с каждой стороны, а над надписью "Слава Богу". (Laus Deo).

Все эти и многие другие факты, относящиеся к священной истории Иерусалимского храма, построенного Соломоном, восстановленного Ездрой, восстановленного христианами и защищаемого рыцарями-тамплиерами, представляют собой смесь, поддающуюся интерпретации, аналогичной той, что содержится в сообщении свидетелей во Флоренции, которое было первым апостольским осуждением; оно было возобновлено при Пии VII эдиктом кардинала Гонсалви в 1814 году.

Не меньшее неудобство представляла клятва во исполнение знаменитой масонской тайны, для которой не было обнаружено подходящего объекта, если только это не был тот, которого больше не существует.

Джон Марк Ларменио (который тайно сменил великого магистра тамплиеров, несчастного Джеймса де Моле, который просил его принять сан) изобрел, совместно с некоторыми рыцарями, избежавшими проскрипции, различные знаки слов и действий, чтобы узнавать и принимать рыцарей в орден тайно и посредством послушничества, во время которого их должны были держать в неведении о цели объединения (которая заключалась в сохранении ордена, восстановлении его в былой славе и мести за смерть великого магистра и других членов ордена). рыцари, погибшие вместе с ним); когда качества нового члена были прекрасно известны, великая тайна должна была быть доверена ему после самой грозной клятвы.

Тайные знаки были предназначены как мера предосторожности против принятия в орден тех тамплиеров, которые образовали раскол во время гонений; они удалились в Шотландию и отказались признать Джона Ларменио великим магистром и сделали вид, что восстановили орден; это утверждение было опровергнуто орденом законных рыцарей: после этого новый глава выдал свой диплом в 1324 году, и его преемники последовали его примеру, достигнув достоинства тайного великого магистра ордена тамплиеров во Франции. Опубликован списокгроссмейстеров до 1776 года. Филипп де Бурбон, герцог Орлеанский, был назначен в

1705 году, Луи Огюст де Бурбон, герцог Мэн, в 1724 году, Луи Анри де Бурбон Конде в 1737 году, Луи Франсис де Бурбон Конти в 1745 году, Луи Анри Тимолеон де Коссе Бриссак в 1776 году и Бернар Раймон Фабр в 1814 году.

Рыцари-тамплиеры, удалившиеся в Шотландию, основали учреждение в 1314 году под покровительством Роберта Брюса; их цели и меры были теми же, и они скрывались под титулом *архитекторов*; таково было происхождение *масонства*. Вскоре, однако, они забыли самую преступную часть клятвы казни: поскольку смерть Климента V и Филиппа Красивого, преследователей рыцарей, лишила их возможности отомстить за казни Джеймса де Моле и его товарищей, и у них не было другой цели, кроме восстановления ордена; это намерение разделило судьбу первого, после смерти его авторов и их первых учеников. Из этих фактов следует, что в современных масонских ложах исполнительная клятва не имеет мотива или цели.

ГЛАВА XLII.

ОБ ИНКВИЗИЦИИ При КАРЛЕ III.

КАРЛ III. наследовал своему брату Фердинанду 10 августа 1759 года и умер 17 ноября 1788 года. Генеральными инквизиторами во время этого правления были дон Мануэль Кинтано Бонифас, архиепископ Фарсалы; дон Филипп Бертран, епископ Саламанки, и дон Августин Рубин де Севальос, епископ Хаэна. Характеры этих людей были гуманными, сострадательными и склонными к доброжелательности; качества, которые привели к заметному сокращению числа публичных *авто-да-фе*. Если сравнить правление Карла III. с правлением Филиппа V., его отца, то кажется, что их разделяло несколько столетий. Прогресс знаний был очень быстрым при этом князе; даже провинциальные инквизиторы, хотя законы инквизиции не были изменены, приняли принципы умеренности, которые были неизвестны при австрийских князьях. Это правда, что время от времени к незначительным преступлениям проявлялась большая суровость; но среди судебных процессов этого правления я видел несколько, которые были приостановлены, хотя доказательства были гораздо более убедительными, чем многие, которых было достаточно, чтобы приговорить преступника к *послаблению* при Филиппе II.

Тем не менее, хотя система была сравнительно умеренной, количество судебных процессов по-прежнему было огромным, потому что были получены все доносы. Свидетели подготовительного инструктажа были немедленно допрошены, чтобы выявить какое-нибудь обвинение, которое предрассудки того времени придавали серьезности. Если бы из ста судебных процессов, которые были начаты, десять были завершены, число лиц, подвергнутых *епитимьям*, было бы больше, чем при Фердинанде V.; но трибунал был уже не тот. Почти все судебные процессы были приостановлены до вынесения постановления об аресте. Осужденного иногда заставляли явиться в трибунал под предлогом дела, а затем сообщали о выдвинутых против него обвинениях; он отвечал на них и возвращался домой, пообещав вернуться во второй раз, когда его вызовут. Иногда судебное разбирательство затягивалось, и преступник приговаривался лишь к частной епитимье, которая могла быть исполнена без ведома кого бы то ни было, кроме комиссара трибунала.

Несколько судебных процессов, начатых против высокопоставленных лиц, не были продолжены после предварительной инструкции; таковы были дела маркиза де Рода, государственного секретаря милосердия и юстиции; графа де Аранда, президента Совета Кастилии и генерал-капитана Новой Кастилии, который впоследствии был послом в Париже и, наконец, премьер-министром; графа де Флорида Бланки, в то время фискала Совета Кастилии по гражданским делам, впоследствии преемника маркиза де Рода и премьер-министра; графа де Кампоманеса, фискала по уголовным делам, а впоследствии председатель того же совета; архиепископов Бургоса и Сарагосы, а также епископов Таразоны, Альбаррасина и Ориуэлы, которые в 1767 году составили чрезвычайный совет для изгнания иезуитов. Судебные процессы над всеми этими выдающимися людьми имели одно и то же происхождение.

Епископ Куэнсы дон Исидро де Карбахаль-и-Ланкастер, весьма уважаемый по происхождению из семьи герцогов Абрантесских, а также по своему достоинству, безупречному поведению и милосердию к бедным, был менее знаком с истинными принципами канонического права, чем ревностно относился к сохранению церковных привилегий. Находясь под влиянием этого мотива, он был настолько нескромен, что сообщил королю, что *Церковь подвергалась преследованиям в отношении своих прав, собственности и служителей*, и нарисовал картину правления Карла III., которая была бы более применима к правлению императора Юлиана. Король поручил Совету Кастилии рассмотреть, была ли жалоба справедливой, и предложить меры по возмещению ущерба, если таковой имел место. Оба фискала совета дали ученые ответы, в которых разоблачалось невежество епископа и последствия его неосторожного рвения. Эти ответы и другие документы, относящиеся к слушаниям, были напечатаны по приказу короля, и, хотя они были в целом одобрены, некоторые священники и монахи, сожалеющие о чрезмерной власти, которой когда-то обладала Церковь, осудили некоторые содержащиеся в них положения как лютеранские, кальвинистские или защищаемые другими партиями, враждебными Римской церкви.

Уже упомянутые два архиепископа и три епископа, проголосовавшие за обращение к папе с требованием изгнать иезуитов, также были осуждены по подозрению в исповедании нечестивых философских доктрин, которые, как утверждалось, они приняли только для того, чтобы угодить двору. Им было поручено разобраться в нескольких делах, связанных с иезуитами, и они лишь случайно заговорили об инквизиции и высказали мнения, противоречащие ее системе. Все инквизиторы были креатурами иезуитов, даже за исключением генерального инквизитора: поэтому неудивительно, что на них поступало так много доносов. Исключительное право Римского суда судить епископов никогда не мешало инквизиторам тайно допрашивать свидетелей против них, потому что это давало им повод написать Папе Римскому и попросить разрешения продолжить разбирательство; и хотя у святого престола было принято переносить суды над епископами в Рим, *Верховный совет* Испании всегда выдвигал свои финансовые требования, чтобы оправдать свое поведение при судебном преследовании епископов: так было в деле Каррансы.

Обвинения не возымели того эффекта, которого ожидали враги прелатов, поскольку не было доказано, что было выдвинуто ни *одноединственное* и независимое положение, противоречащее истинной доктрине. В менее просвещенный век эти прелаты были бы сильно огорчены этим нападением; но в то время инквизиция сочла опасным проявлять излишнюю суровость, потому что суд принял систему решительного противодействия всем древним доктринам, которые поддерживали притязания церковников в ущерб королевским

прерогативам; и по случаю публикации некоторых заключений о каноническом праве, которые были полностью благоприятны папе и церковной юрисдикции, в каждый университет был назначен королевский цензор, без чьего участия он не был бы признан. апробация ни одно заключение не может быть опубликовано или поддержано в силе.

Упорство правительства в новой системе помешало инквизиторам осмелиться вынести приговор прелатам чрезвычайного собора: они, однако, сочли нужным попытаться предотвратить бурю и обратились к дону фраю Иоахиму де Элета, королевскому духовнику. Этот человек был невежественным *Воспоминателями* известен своей слепой привязанностью к Римскому двору. Прелаты заявили, что они осудили несколько предложений, выдвинутых двумя фискалами в их работе под названием "*Беспристрастное решение Пармского суда*", которая была написана по приказу короля, поскольку, по их мнению, они имели тенденцию к нарушению привилегий церкви. После этого заявления прелаты использовали все средства, чтобы заставить исповедника убедить Карла III в том, что печатные экземпляры не должны публиковаться и что произведение должно быть перепечатано после исключения нескольких положений. Генеральный инквизитор и Верховный совет были проинформированы об этом обстоятельстве, дело приняло другой оборот, и фракция иезуитов стала более спокойной.

Эти события подвергли большой опасности человека, который участвовал в них, не подозревая об этом. Месье Клеман, французский священник, казначей кафедрального собора Осера, а впоследствии епископ Версаля, прибыл в Мадрид в 1768 году, в то время, когда вышеупомянутое событие занимало умы всех. Он провел несколько бесед на эту тему с маркизом де Рода, фискалами собора и епископами Таразона и Альбаррасина[77]. Рвение этого богослова к чистоте доктрины по всем вопросам дисциплины побудило его сказать, что следует воспользоваться благосклонностью Мадридского двора, и предложить три меры. Первое состояло в том, чтобы подчинить инквизицию каждому епископу, который должен был быть главой, с правом совещательного голоса, с добавлением двух инквизиторов с правом совещательного голоса; второе - обязать монахов и монахини признавать епископа своим главой и повиноваться ему как таковому после отказа от всех привилегий, противоречащих этому порядку; третье - упразднить отдельные школы теологии под названиями томистов, скотистов, суаристов или других, и ввести только одну систему теологии для школ и университетов, основанную на принципах из Св. Августина и святой Фомы.

Достаточно быть знакомым с Испанией и положением монахов в тот период, чтобы предвидеть преследования, которым подвергся бы автор такого плана. Духовник короля и генеральный инквизитор были проинформированы об этом своими политическими шпионами, и несколько монахов донесли на М. Клемента в святую канцелярию как на лютеране, кальвинистском еретике и враге регулярных орденов.

Г-н Клеман заподозрил существование этой интриги по некоторым выражениям, употребленным доминиканцем, с которым он был близок. Инквизиторы, видевшие, что г-н Клеман принял при дворе, не осмелились арестовать его, но они просили своего начальника обязать его покинуть королевство. Казначей Осера поделился своими опасениями с графом де Аранда и маркизом де Рода; которые, благодаря своим связям при дворе, были знакомы со всем, что произошло, посоветовали ему уехать, но не сообщив ему того, что ему было бесполезно знать. Месье Клеман последовал его совету, и хотя он намеревался отправиться в Португалию, он немедленно вернулся во Францию, чтобы избежать *Сбирри* из святой

канцелярии, которые могли арестовать его по возвращении из Лиссабона, если бы система суда была изменена. На самом деле после его отъезда против него было выдвинуто множество обвинений, но они не были обнародованы, и он писал о своих путешествиях, ничего не зная о заговорах против него.

Все, что произошло по случаю апостольского запрета катехизиса Месенгуи, было обнародовано: Карл III. он приказал использовать его в религиозных наставлениях Карла IV; и генеральный инквизитор был открыто и справедливо обвинен в том, что опубликовал сводку о запрете, не дожидаясь получения согласия короля. Это судебное разбирательство стало причиной изгнания генерального инквизитора. Его опала могла бы сделать его более благоразумным, но в своем ответе королю в 1769 году относительно некоторых мер, принятых чрезвычайным советом пяти прелатов, он выдвинул, как достоверные, несколько предположений относительно инквизиции, которые могли бы оказаться ложными, если бы маркиз де Рода сверился с реестрами Верховного Совета. Он сказал, что инквизиция с самого начала не встречала ничего, кроме противодействия; что против нее был устроен заговор самым жестоким образом; что все заседания собора были обнародованы, за исключением судебных процессов по обвинению в ереси, но даже они всегда представлялись его Величеству; и что обвинение против инквизиции в том, что она действовала *сполной независимостью*, не было справедливым, сказал он в заключение, сказав, что его Величество может назначить священнослужителя своим секретарем для посещения собора и информирования его обо всем, что происходило.

Невозможно найти причину, по которой королю было необходимо иметь *священника* в качестве секретаря, поскольку инквизиторы нанимали в своих офисах светских людей, которым было разрешено присутствовать на судебном процессе, хотя и обязанных дать клятву хранить тайну, и два члена Совета Кастилии также присутствовали на заседании Верховного совета. Однако ни священнослужитель, ни мирянин не могли предотвратить мошенничество: то же самое можно сказать и о членах Совета Кастилии, потому что в случае каких-либо интриг, например, в конфликте за юрисдикцию, советники собирались в доме генерального инквизитора, и их глава скреплял их бумаги своей личной печатью.

Самое убедительное доказательство *полной* независимости инквизиции содержится в двух законах Карла III, касающихся двоеженства и запрета книг; их было недостаточно, чтобы ограничить инквизиторов в пределах их юрисдикции.

И все же, хотя эти злоупотребления и многие другие все еще продолжались, я без колебаний заявляю, что инквизиторы времен правления Карла III. и его преемники были людьми, обладавшими чрезвычайным благоразумием и исключительной умеренностью по сравнению с людьми времен Филиппа Пятого и предшествующих царствований. Это подтверждается очень небольшим количеством *аутодафе*, которые проводились при двух королях в течение двадцати девяти лет; только десять человек были осуждены, четверо из которых были сожжены, а пятьдесят шесть человек подвергнуты епитимье. Все остальные судебные процессы завершались *индивидуальным аутодафе*; осужденного приводили в церковь, чтобы услышать оглашение приговора, после того как он утверждался Верховным советом, не дожидаясь, пока другие заключенные устроят особое *аутодафе*. Другие судебные процессы завершаются *меньшим аутодафе* в зале аудиенций трибунала; другой способ, который был наименее

суровым, заключался в праздновании *аутодафе* в присутствии одних только секретарей инквизиции; большего снисхождения, чем это, быть не могло.

Индивидуальное *аутодафе* было назначено в ходе двух знаменитых судебных процессов периода правления Карла III. О первом, Олавиде, рассказывается в главе 26. Вторым был дон Франсиско де Леон-и-Луна, священник и рыцарь военного ордена Святого Яго. Он был жестоко осужден по подозрению в том, что впал в ересь *иллюминатов* и Молиноса, за то, что соблазнил нескольких женщин, за то, что несколько раз пользовался освященной облаткой из суеверных побуждений и за проповедь ложной и самонадеянной мистики нескольким монахиням и другим женщинам, которые были одурачены его ошибкой и собственной слабостью. Леон был заключен на три года в монастырь; затем его на семь лет изгнали из Мадрида и запретили осуществлять духовное служение. Совет орденов обратился к королю с просьбой лишить Леона его креста и рыцарского звания в соответствии с законами, которые предписывают эту меру по отношению ко всем, кто совершает преступление, влекущее за собой позорное наказание. Но совету следовало бы знать, что *подозрения* в ереси было недостаточно, поскольку трибунал всегда заявляет, если осужденные желают этого, что такого рода приговор не мешает им занимать должности и занимать высокие посты.

В Сарагосе маркиз д'Авилес, интендант Арагона, был обвинен святой канцелярией в чтении запрещенных книг; но это обвинение, а также обвинение епископа Барселоны в янсенизме в Мадриде и несколько другого подобного рода были оставлены без дальнейшего уведомления.

ГЛАВА XLIII.

ОБ ИСПАНСКОЙ ИНКВИЗИЦИИ При КАРЛЕ IV.

КАРЛ IV взошел на престол 17 ноября 1788 года; он отрекся от престола 19 марта 1808 года вследствие народных волнений в Аранхуэсе. Генеральные инквизиторы при Карле IV. это были дон Августин Рубин де Севальос, епископ Хаэна; дон Мануэль де Абад-и-ла-Сьерра, архиепископ Селимбры; кардинал-архиепископ Толедо Дон Франсиско Лоренцана; и дон Рамон Джозеф де Арсе, архиепископ Бургоса.

Два препятствия, которые в основном препятствовали прогрессу обучения в течение трех предыдущих царствований, были устранены реформой шести великих колледжей и изгнанием иезуитов. До этой революции все канонические должности и магистратуры были предоставлены членам и стипендиатам колледжей; в то время как огромное влияние иезуитов не позволяло всем, кто не был их учениками или иезуитами в *короткой мантии*, получать какие-либо должности или почести. Маркиз де Рода был автором этой политической меры, из-за которой ученики святого Игнатия возненавидели его. Но этот министр занял почетное место в истории, потому что, даровав всем классам награды, полагающиеся по заслугам, он возбудил всеобщее соперничество, которое усилило влияние знаний и вкус к наукам. Это привело к тому, что было сказано, что восстановление хорошей испанской литературы было работой де Рода, но начало этих изменений правильнее датировать правлением Филиппа V.

В течение двадцати лет, предшествовавших восшествию на престол Карла IV. появилось множество выдающихся людей, которые, несомненно, побудили бы Испанию соперничать с Францией в хорошем вкусе и совершенстве литературных произведений, если бы одно из

самых ужасных событий, зафиксированных в истории, не остановило импульс, который дали эти великие люди. Французская революция привела к написанию большого количества работ о правах человека, граждан и наций; принципы, содержащиеся в них, не могли не встревожить Карла IV. и его министров. Испанцы читали эти книги с жадностью; министр опасался распространения этой политической доктрины, но, пытаясь остановить ее распространение, он заставил человеческий разум отступить назад. Он поручил генеральному инквизитору запретить и конфисковать все книги, брошюры и французские газеты, относящиеся к революции, и рекомендовать своим агентам проявлять величайшую бдительность в предотвращении их тайного ввоза в королевство. Другой мерой, примененной правительством, было упразднение должности преподавателя естественного права в университетах и семинариях.

Граф де Флорида-Бланка был тогда премьер-министром; такое поведение полностью разрушило хорошее мнение о нем нации. Говорили, что он новичок в искусстве управления государством, потому что запрет только возбудил бы еще большее любопытство. Уполномоченные святой канцелярии получили приказ противодействовать распространению работ современных философов как противоречащих суверенной власти, и приказали каждому человеку осудить тех, о ком они знали, что они привержены принципам восстания.

Было бы трудно подсчитать количество доносов, последовавших за этим приказом. Наибольшее число осужденных составили молодые студенты университетов Саламанки и Вальядолида. Те, кто желал читать французские труды, не обращали внимания на запрет и использовали все средства, чтобы заполучить их, так что законы природы и личности изучались лучше, чем до отмены должности учителя. Суровость администрации лишь привела к началу огромного количества судебных процессов, которые так и не были завершены из-за отсутствия доказательств.

Многие испанцы, одни знатного происхождения, другие большой образованности, были объектами секретной информации, поскольку подозревались в нечестии и философствовании. История судебных процессов над ними и над многими выдающимися деятелями янсенизма была изложена в двадцать пятой и двадцать шестой главах.

Дон Бернардо-Мария де Кальсада, полковник пехоты и шурин маркиза де Манка, очень заинтересовал меня, когда он имел несчастье быть арестованным герцогом де Медина-Чели, великим проректором святой канцелярии: я сопровождал его в качестве секретаря, поскольку нотариус секвестра был болен. Дон Бернардо был отцом очень большой семьи, которая была доведена этим событием до нищеты, и мне было очень грустно наблюдать за печальным положением их матери. Я полагаю, что эта леди не забыла моего поведения в ту скорбную ночь и на следующий день, когда я вернулся, чтобы навестить ее. Несчастный Кальсада, назначение которого на должность военного министра было недостаточным для содержания его очень многочисленной семьи, предпринял перевод нескольких французских книг и сочинил сатирическое произведение, которым он нажил врагов некоторым фанатикам и монахам, которые, придерживаясь самых строгих нравов, были нетерпимы ко всем, кто не соглашался с их мнениями. Своими доносами они разрушили эту семью. Кальсада, проведя некоторое время в тюрьмах святой канцелярии, подчинился отречению *де леви*, что почти равносильно отпущению грехов, и был изгнан из Мадрида, отказавшись от своего места и всякой надежды на продвижение.

Инквизиция суда была более снисходительна к маркизу де Нарросу: хотя многие свидетели утверждали, что слышали, как он отстаивал некоторые еретические положения Вольтера и Руссо, работами которых он хвастался, что читал, а также Мирабо, Монтескье, барона д'Ольбака и других философов той же школы, он был избавлен от позора тюремного заключения и общественного порицания. Было сочтено более приличным попросить графа де Флорида-Бланки написать ему с обычным курьером в Гипускоа, где он тогда проживал, и сообщить ему, что король приказал ему отправиться в Мадрид по некоторым правительственным делам. Маркиз поспешил ко двору, льстя себе (как он сообщил своему родственнику герцогу Гренадскому), что его назначат наместником принца Астурийского, ныне Фердинанда VII. На следующий день он получил приказ не покидать Мадрид и явиться на вызов в инквизицию. Некоторое время спустя он признал истинность обвинений и добавил некоторые другие обстоятельства, заявив при этом, что он всегда был добрым католиком и что желание прослыть самым образованным человеком в своей стране побудило его выдвинуть эти предложения. Он отрекся от *де леви*; на него были наложены некоторые частные епитимьи, и об этом деле было известно лишь нескольким лицам.

Инквизиторы Валенсии привлекли к ответственности отца Августина Кабадеса, настоятеля монастыря монахинь ордена Милосердия и профессора теологии в этом городе; он отрекся от престола и затем был освобожден из тюрьмы. Получив свободу, он потребовал пересмотра своего приговора; Верховный совет признал справедливость его апелляции, и приговор был признан недействительным.

Дон Мариано Луис де Уркихо, премьер-министр и государственный секретарь при Карле IV, также был объектом преследований со стороны святой канцелярии. Его огромная сила духа и тщательное образование подняли его над ошибками его эпохи. Он прославился в ранней юности переводом "*Смерти Цезаря*", трагедии Вольтера, которую он опубликовал с предварительным эссе о *происхождении испанского театра и его влиянии на мораль*. Эта постановка, демонстрирующая лишь великодушное желание приобрести известность и пылкий гений ее молодого автора, привлекла внимание инквизиции. Была собрана частная информация о религиозных взглядах шевалье де Уркихо, и трибунал установил, что он проявлял большую независимость в своих взглядах, с явным пристрастием к философии, которую инквизиция назвала доктриной неверующих. Следовательно, все было подготовлено к его аресту, когда граф д'Аранда, тогдашний премьер-министр, который обнаружил его заслуги (и отметил его имя в списке выдающихся молодых людей, предназначенных для службы государству, принадлежавшем его предшественнику графу де Флорида-Бланке), предложил королю посвятить его в государственные дела. Карл IV. назначил его на должность первого государственного секретаря в 1792 году.

Инквизиторы изменили свой способ действий, когда увидели возвышение своей намеченной жертвы. Их политика в то время привела их к проявлению почтения к служению, которого не наблюдалось в предыдущие века. Они преобразовали постановление о тюремном заключении в другое, называемое *аудиенцией для предъявления обвинений*, по которому де Уркихо был обязан лично являться в инквизиционный суд всякий раз, когда его вызывали. Приговор гласил, что его лишь *слегка заподозрили* в том, что он разделяет ошибки неверующих философов. Он был освобожден от ответственности *ad cautelam*, и на него были наложены некоторые духовные епитимьи, которые он мог исполнять наедине. Трибунал потребовал от него согласия на запрет его предварительного очерка и трагедии; но в качестве примечательного свидетельства

рассмотрения его имени в указе не было упомянуто ни как автора, ни как переводчика. Инквизиторы даже в наше время редко проявляли такую умеренность; но страх оскорбить графа д'Аранда (который ненавидел трибунал) был истинным мотивом их поведения.

Уркихо в возрасте тридцати лет стал премьер-министром и в этом качестве приложил все усилия, чтобы искоренить злоупотребления и уничтожить ошибки, которые препятствовали процветанию его партии и прогрессу знаний. Он поощрял промышленность и искусство, и публика обязана ему бессмертным трудом барона де Гумбольдта. Вопреки обычаям Испании, он разрешил ему путешествовать по Америке и поддерживал его с усердием человека, страстно привязанного к искусствам и наукам. С помощью своего друга адмирала Мазарредо он поднял военно-морской флот. Он был первым в Европе, кто задумался об отмене рабства; и в то время заключил с императором Марокко договор об обмене военнопленными, который действует до сих пор. В 1800 году, когда удача, казалось, повсюду сопутствовала французскому оружию, а правительство преследовало августейший дом Бурбонов, ему выпала слава установления трона в Этрурии для принца из этой семьи, который женился на дочери Карла IV и подписал соответствующий договор в Сан-Ильдефонсо с генералом Бертье, впоследствии принцем Ваграмским.

Смерть Пия VI дала ему возможность в определенной степени освободить Испанию от ее зависимости от Ватикана. 5 сентября 1799 года он убедил короля подписать указ, который возвращал епископам полномочия, узурпированные Римским двором, и избавлял народ от ежегодного обмана в несколько миллионов долларов, получаемого от продажи диспенсаций и других булл и сводок.

За этим смелым шагом должна была последовать реформа инквизиции. Министр хотел полностью упразднить трибунал и направить его доходы на создание полезных и благотворительных учреждений. С этой целью он составил эдикт и представил его Карлу IV. на подпись. Хотя Уркихо не преуспел в этой попытке, он убедил короля в необходимости реформирования трибунала.

Среди многих мудрых постановлений, предложенных королю Уркихо, было то, которое было опубликовано в форме указа в 1799 году о свободе и независимости всех книг, бумаг и имущества иностранных консулов, учрежденных в морских портах и в торговых городах, принадлежащих Испании. Это было вызвано бесцеремонными беспорядками, устроенными представителями святой канцелярии в Аликанте, в доме донна Леонарда Стика, консула в Голландии, и в Барселоне, в резиденции французского консула.

Эти счастливые настроения испанского двора исчезли после падения министра, который их вдохновлял. Став жертвой интриги, он разделил судьбу тех великих людей, которым не удается разрушить предрассудки и ошибки, которым они противостоят. Уркихо был заключен в строжайшее уединение во влажных подземельях цитадели Памплуны, где у него не было возможности достать книги, чернила, бумагу, огонь или освещение.

Фердинанд VII, вступив на престол, объявил, что обращение с ним было несправедливым и произвольным; и, забыв о преследованиях, которым он подвергался в течение восьми лет, он благословил в лице Фердинанда суверена, который осуществит необходимые реформы и добровольно положит конец его страданиям. Он отправился в Витторию, когда этот принц останавливался там по пути в Байонну, и использовал все средства, чтобы помешать ему

совершить это роковое путешествие. Письма, которые он писал по этому поводу своему другу, генералу Куэсте, содержат точное предсказание всех бедствий, которые с тех пор обрушились на Испанию[78], и указывают на способы избежать их.

Уркихо отказался возвращаться в Байонну, хотя Наполеон трижды посылал ему приказы сделать это, пока не станет известно об отречении Карла IV, Фердинанда VII и принцев этого дома. После того, как королевская семья покинула это место, он отправился туда и попытался убедить Наполеона отказаться от своих планов.

Он принял назначение секретарем Хунты знати, которая тогда была собрана в Байонне, и вскоре после этого занял должность министра-государственного секретаря. Его благородные намерения не нуждаются в комментариях; они известны всем. Наш энергичный и искренний защитник только что произнес хвалебную речь этому великому человеку; публика прочтет ее с удовольствием и интересом. Во время своего служения он имел счастье быть свидетелем указа, который упразднил грозный трибунал святой канцелярии и объявил его наносящим ущерб суверенитету.

Уркихо умер в Париже после шестидневной болезни в возрасте сорока девяти лет. Он умер таким, каким жил, — полным того мужества, безмятежности, той философии и любви к добродетели, которые присущи только добродетельным и мудрым. Он был похоронен 4 мая 1817 года на кладбище Пер-ла-Шез, где в память о нем установлен великолепный памятник из белого каррарского мрамора.

В 1792 году инквизиторы Сарагосы получили донос, и допросили свидетелей против дон-Августина Абад-и-ла-Сьерра, епископа Барбастро, который обвинялся в янсенизме и в одобрении принципов, которые были основой гражданского устройства французского духовенства в рамках конституционной ассамблеи. В ходе расследования этого дела дон Мануэль Абад-и-ла-Сьерра, брат дон-Августина, был назначен генеральным инквизитором, и инквизиторы побоялись продолжать расследование. Когда дон Мануэль был уволен со своего поста, его также обвинили в янсенизме, но он не был привлечен к ответственности.

Епископ Мурсии и Карфагена Викторiano Лопес Гонсало был осужден в 1800 году по подозрению в янсенизме и других ересь, а также за то, что позволил поддерживать определенные положения по некоторым пунктам доктрины в своей семинарии. Суд над епископом не продвинулся дальше краткой инструкции; потому что, получив информацию о заговорах некоторых врачей-схоластов, которые были сторонниками иезуитов, он так умело защищался перед генеральным инквизитором, что члены совета не стали возбуждать против него дело; но они продолжили преследование тезисов, когда поняли, что они благоприятствуют некоторым выводам о чудесах, которые были осуждены квалификаторами.

Тема янсенизма произвела большую сенсацию в Испании. Иезуиты, которым было разрешено вернуться в это королевство в 1798 году, вскоре сколотили многочисленную партию и обвиняли в янсенизме всех, кто не разделял их взглядов. Их поведение было настолько невежливым, что они во второй раз были изгнаны из королевства. Они были авторами доносов на графиню де Монтихо и многих других выдающихся личностей, о которых рассказывалось в предыдущей главе.

Обвинение в янсенизме против дона Антонио и дона Херома де ла Куэста стало причиной судебного процесса над доном Рафаэлем Мускисом, архиепископом Сантьяго, который был духовником королевы Луизы, жены Карла IV.

Энергичная защита дона Херома де ла Куэста вынудила Мускиса защищаться от обвинения в клевете: он сделал заявления, которые повредили его делу, поскольку он очернил инквизиторов Вальядолида и даже генерального инквизитора и обвинил их в пристрастии и сговоре с Куэстой: его звание защищало его от опасности ареста, которой он подвергся из-за своей безрассудности, но он был приговорен к выплате штрафа в размере восьми тысяч дукатов, а епископ Вальядолида - четырех тысяч. Мускис был бы более сурово наказан, если бы его не защитил человек, который добился от Князя Мира, чтобы дело не заходило дальше.

Та же претензия на янсенизм стала причиной судебного процесса над доном Джозефом Эспигой, раздававшим милостыню королю и членом трибунала нунциатуры в 1799 году. Его обвинители представляли его как автора королевского указа от 5 сентября того же года, после смерти Пия VI, запрещающего любому лицу обращаться в Рим за разрешением брака. Эспига был тогда самым близким другом министра Уркихо, но он никогда никому не позволял влиять на него в официальных делах. Нунций Кассони сделал много бесполезных заявлений королю по этому поводу; однако частично он добился своего политическими интригами, поскольку, хотя епископы обещали соблюдать постановление, все же большинство из них уклонились от предоставления разрешения на брак, а те, кто это сделал, были обвинены в янсенизме. Инквизиторы, хотя все они были проданы нунцию и иезуитам, побоялись продолжать дело, и суд над Эспигой был приостановлен. Когда его друг Уркихо был лишен своего поста, он был вынужден удалиться в кафедральный собор Лериды, сановником которого он был.

1796 год знаменателен судебным преследованием, начатым против принца Мира, двоюродного брата короля, из-за его брака с донной Марией Терезой де Бурбон, дочерью малолетнего дона Луи. Можно легко предположить, что для проведения атаки против человека, пользующегося столь высоким авторитетом, требовалось много внимания. В святую канцелярию поступило три доноса, обвинявших его в атеизме, потому что он сам не исповедовался и не принимал причастие паскаля в течение восьми лет, а также потому, что он был женат на двух женщинах одновременно, и жизнь, которую он вел со многими другими, была источником большого скандала для общественности. Трое доносчиков были монахами, и есть некоторые основания предполагать, что ими руководили авторы придворной интриги, чтобы опозорить принца.

Главой инквизиции в то время был кардинал Лоренцана, который был прост и легко поддавался обману, но слишком робок, чтобы не остерегаться всего, что могло вызвать недовольство короля и королевы. Хотя ему были представлены доносы, он не осмелился допросить свидетелей или даже обвинителей. Дон Антонио Деспуиг, архиепископ Севильи, и дон Рафаэль Мускис, стоявшие во главе этой интриги, приложили все усилия, чтобы побудить Лоренцану отдать частное распоряжение арестовать принца совместно с Верховным советом и получить одобрение короля, в чем они были уверены, если бы смогли доказать, что его фаворит был атеистом. Эта попытка была настолько противна настроению Лоренцаны, что оба заговорщика согласились, что Деспиг должен надавить на своего друга кардинала Винченти, известного своими интригами, чтобы убедить Пия VI. написать Лоренцане и упрекнуть его за равнодушие, с которым он взирал на скандал, столь пагубный для чистоты религии, исповедуемой испанской нацией. Винченти получил письмо от папы римского; Лоренцана пообещал, что, если папа

решил, что эта мера необходима, он сделает то, что они пожелают. Наполеон Бонапарт, который в то время был генералом Французской Республики, перехватил курьера из Италии в Генуе. Письмо кардинала Винченти к Деспуигу, приложенное к письму папы к Лоренцане, было найдено среди его депеш: Бонапарт счел необходимым для продолжения хороших разведывательных отношений, которые тогда установились между Францией и Испанией, проинформировать принца Мира об интриге, и он поручил генералу Периньону, послу в Мадриде, переслать переписку Годю. Фаворит противопоставил своим врагам еще одну интригу и сумел освободиться от них, отправив Лоренцану, Деспига и Мускиза в Рим, чтобы передать соболезнования короля папе римскому по случаю вступления французской армии в его владения. Их поручение было датировано 14 марта 1797 года.

В этот период инквизиции грозила неминуемая опасность быть лишенной права арестовывать отдельных лиц без согласия короля. Это обстоятельство возникло в результате судебного процесса над доном Рамоном де Саласом, о котором рассказывается в двадцать пятой главе. Дело Ховельяноса также происходило в это время.

В 1799 году инквизиторы Вальядолида с одобрения совета приговорили дону Мариано и дону Раймонда де Сантандер, книготорговцев этого города, к двухмесячному заточению в монастыре, приостановке торговли на два года и изгнанию; им также было запрещено приближаться к Вальядолиду, Мадриду и другим королевским резиденциям ближе, чем на восемь лиг. Они были вынуждены заплатить штраф, и после длительного пребывания в секретных тюрьмах дон Мариано не мог получить разрешения на переезд в другое место, хотя и был подвержен приступам эпилепсии. Их единственным преступлением было получение и продажа запрещенных книг; ибо, хотя некоторые фанатики обвинили их в ереси, никаких доказательств получено не было. 10 ноября дон Мариано обратился к генеральному инквизитору с просьбой разрешить им проживать в Вальядолиде, заявив, что в случае отказа в этой услуге их семьям придется умереть в нищете, и они предложили выкупить разрешение, заплатив еще один штраф.

История с Беатой в Куэнсе произвела большую сенсацию. Она была женой рабочего из Вильяр-д'Агвилар. Среди других выдумок, которые она придумала, чтобы заставить людей считать ее святой, она сказала, что Иисус Христос открыл ей, что он превратил ее плоть и кровь в ту же субстанцию, что и свое собственное тело. Это самозванство вызвало большую богословскую дискуссию среди священников и монахов. Одни утверждали, что это невозможно, другие - что это не невозможно, если учитывать бесконечную силу Бога; третьи верили всему и были поражены, что какой-либо человек может быть таким недоверчивым, поскольку они думали, что Беата не могла быть заинтересована в том, чтобы обманывать их; наконец, были некоторые, кто были свидетелями жизни этой *Беаты* были ее сообщниками с самого начала ее самозванства, или кто был одурачен их доверчивостью и кто продолжал верить или делал вид, что верит в ее сверхъестественное состояние. В своем безумии они дошли до того, что боготворили эту женщину; они проводили ее процессией по улицам и церквям с зажженными свечами; они воскуривали перед ней благовония, как перед освященным воинством; наконец, они пали ниц перед ней и совершили множество других святотатств. Инквизиция не могла не заметить этих сцен. Мнимая святая и некоторые из ее сообщников были доставлены в секретные тюрьмы, где *Беата* закончила свои дни. Одна из статей приговора предписывала доставить ее изображение на *аутодафе* на поезде и сжечь; викарий из Виллара и два монаха, которые были ее сообщниками, были приговорены следовать за изображением босиком, одетыми в короткие

туники и с веревкой на шее; они были унижены и пожизненно сосланы на Филиппинские острова. Викарий Касазимарро был отстранен от должности на шесть лет, а двое мужчин из низшего сословия получили по двести ударов и были заключены в тюрьму пожизненно; один из ее слуг был отправлен в дом *Recogidas* на десять лет. Я не знаю более справедливого решения инквизиции, чем это.

Еще одна *Беата* из Мадрида, по имени Клара, не воспользовалась этим примером. Она не заходила в своем безумии так далеко, как другая, но ее чудеса и ее святость наделали много шума; она притворилась парализованной и не могла встать с постели. Услышав этот отчет, все пошли повидаться с ней. Самые знатные дамы Мадрида обращались к ней и считали себя счастливыми, что их допустили к ней; ее умоляли быть посредницей перед Богом в излечении от различных болезней, просвещать судей накануне важного судебного процесса, а также просили милости и помощи от многих других несчастий. Клара отвечала им всем в выразительном стиле, как вдохновенный человек, заглянувший в будущее. Она объявила, что по особому призванию Святого Духа ей суждено стать монахиней-капуцинкой, и она была чрезвычайно опечалена тем, что у нее нет сил и здоровья, необходимых для жизни в общине и монастыре. Она так хорошо влияла на людей, которые ее окружали, что Пий VII разрешил ей в специальной записке исповедоваться перед доном Афанасиусом де Пуялем, епископом-коадьютором архиепископа Толедского в Мадриде, и даровал ей освобождение от затворнической жизни и общественных занятий. С этого момента в обществе не говорили ни о чем, кроме чудес и героических добродетелей сестры Клары. Епископ, принявший ее обеты, получил разрешение от папы римского и архиепископа Толедского воздвигнуть алтарь в ее комнате напротив ее кровати; там каждый день служилось несколько месс, и даже святое причастие помещалось там в дарохранительнице. Клара общалась с ними каждый день и убеждала тех, кто приходил к ней, что она не принимает никакой пищи, кроме хлеба евхаристии. Это заблуждение длилось несколько лет, но в 1802 году Клару поместили в тюрьму святой канцелярии; ее мать также была арестована, как и монах, которого она приняла за своего наставника. Их обвинили в том, что они помогали монахине в ее обмане с целью получения значительных сумм денег, которые мадридские дамы и другие набожные люди передавали ей в руки для раздачи в качестве милостыни. Когда ее обман, притворная болезнь и другие обстоятельства ее жизни были доказаны, Клара, ее мать и директор были приговорены к уединению и другим наказаниям, гораздо менее суровым, чем они того заслуживали.

После них появилась еще одна *Беата*, но обстоятельства ее самозванства не столь интересны.

Инквизиторы больше не думали о том, чтобы предавать преступников огню. Доказательство этого похвального изменения в их системе можно увидеть в судебном процессе над доном Мигелем Солано, викарием Esco в Арагоне[79]. Показаниями свидетелей было доказано, что он выдвинул несколько положений, осужденных церковью.

Он был проведен в секретные тюрьмы Сарагосы, где он дал признательные показания по всем, утверждая, что медитировал в течение длительного времени с искренним желанием найти истину христианской религии, и что, без помощи какого-либо книги, кроме Библии, он убедил себя, что нет истины ни в чем, но который содержится в Священном Писании, что все остальное может быть ошибочным, потому что хотя некоторые отцы Церкви по-прежнему придерживаются этого мнения, но они были мужчинами, и, следовательно, ответственность ошибаться; что он считал все, что было создано в Римской Церкви, в противовес надлежащего и буквального

смысла библейского текста, как ложные, и что можно было впасть в ошибку, в том, чтобы признать, что что не привело ни прямо, ни косвенно из текста; что он считал то, что идеи чистилища и limbos было изобретение человека, так как Иисус говорил лишь из двух емкостей для души, рай и ад; что это грех, чтобы получать деньги за выполнение массы, хотя и называлась милостыню, и за поддержку celebrator; и что священники и другие служители культа должны получать заработную плату от государства, как на судей и других должностных лиц. Он считал, что введение и установление десятины было мошенничеством священников, а способ объяснения заповеди церкви, которая предписывала, что они должны выплачиваться без каких-либо вычетов за семена или расходы на сбор урожая, был постыдным грабежом; что не следует обращать внимания на повеления папы, потому что в Риме не почитают Бога, кроме скупости, и все меры этого правительства направлены только на то, чтобы отнимать деньги у людей под религиозным предлогом.

Солано составил полное учение об этих статьях и составил об этом книгу, которую он доверил своему епископу и другим богословам, как будто ему ничего не угрожало в результате подобных действий.

Инквизиторы Сарагосы взялись убедить Солано отказаться от своих взглядов и наняли для этой цели нескольких уважаемых богословов; они призывали его признать свои ошибки и покаяться, а также угрожали ему *смягчением* наказания. Дон Мишель ответил, что он сознает грозящую ему опасность, но если его вынудят отречься, он будет осужден перед судом Божьим, а если он ошибется, Бог просветит его или простит. Ему были представлены непогрешимость церкви и мнения святых и ученых мужей, принявших решение о значении неясных текстов; он ответил, что во все их обсуждения вмешивался Римский суд и не давал результатов их благим намерениям.

Заставить Солано отречься было невозможно, и инквизиторы вынесли приговор о *смягчении наказания*; следует признать, что они не могли поступить иначе, согласно кодексу инквизиции. Но Верховный совет, желая избавить испанскую нацию от зрелища *аутодафе*, прибегнул к экстраординарной мере допроса некоторых лиц, которые упоминались свидетелями, но были проигнорированы, в то же время приказав инквизиторам приложить все усилия, чтобы заставить Солано взять свои слова обратно. Это было напрасно, и инквизиторы, хотя они хорошо знали мотивы, побудившие совет проголосовать против их приговора, не посмели ослушаться закона. Они во второй раз вынесли приговор *осмягчению наказания*, и совет воспользовался заявлением, сделанным одним из свидетелей, чтобы распорядиться провести расследование среди всех викариев, священников и врачей Эско и окрестностей, чтобы выяснить, страдал ли Солано когда-либо болезнью, которая ослабляла его рассудок. Результат этого расследования должен был быть доведен до сведения совета, а тем временем судебный процесс был приостановлен. Врач, который подозревал, что они хотели от него услышать, заявил, что Солано несколько лет страдал тяжелой болезнью, прежде чем его арестовали, и что неудивительно, что она ослабила его умственные способности; он сказал, что с того времени он стал чаще высказывать свои религиозные взгляды, которые не совпадали с взглядами католиков в Испании. Получив эти показания, совет постановил, что, не вынося окончательного решения по этому вопросу, следует использовать все средства для обращения обвиняемого в свою веру. В этот момент Солано опасно заболел; инквизиторы поручили самым способным богословам Сарагосы попытаться вернуть его к вере и даже умоляли епископа-коадьютора архиепископа Сарагосы дона Фрая Мигеля Суареса де Сантандера увещевать его с той

нежностью и добротой, которые были характерны для этого достойного прелата. Священник, казалось, был сильно тронут всем, что было сделано для него, но он сказал, что не может отказаться от своего мнения, не опасаясь, что оскорбил Бога, предав истину. На двадцатый день его болезни врач сказал ему, что он умирает, и пожелал, чтобы он воспользовался теми немногими минутами, которые ему остались. "Я нахожусь, - сказал Солано, - в руках Божьих; мне больше нечего делать". Так умер викарий Эско в 1805 году; ему было отказано в церковном погребении, и он был частным образом похоронен в стенах трибунала. Инквизиторы доложили обо всем произошедшем Верховному совету, который запретил им продолжать судебный процесс, чтобы Солано не был сожжен как чучело.

Через два года после интриги, имевшей целью погубить Принца Мира, другого события, произошедшего в Аликанте, должно было быть достаточно, чтобы суд был реформирован или даже упразднен. После смерти дона Леонарда Стика, консула Батавской республики в этом городе, его душеприказчик, вице-консул Франции, наложил свои печати на имущество покойного до тех пор, пока не будут выполнены предусмотренные законом формальности. Комиссар инквизиции потребовал, чтобы губернатор города снял печати и передал ему ключи от дома, чтобы он мог зарегистрировать книги и гравюры, поскольку некоторые из них были запрещены. Губернатор потребовал времени, чтобы проконсультироваться с министром его величества. Комиссар, которого смутила эта задержка, отправился ночью со своими альгуазилами, сломал печати, открыл дверь и составил опись; а когда он закончил, заменил печати, насколько мог, и ушел. Посол Батавской республики пожаловался правительству на это нарушение международного права, и король написал генеральному инквизитору через своего министра Уркихо, сообщив ему, что инквизиция должна избегать подобных нарушений в будущем, и ограничив свои полномочия заботой о том, чтобы после смерти министров иностранных дел никакие запрещенные книги не продавались испанцам или натурализованным иностранцам. Почти то же самое произошло с французским консулом в Барселоне.

Из предыдущих глав, возможно, было видно, что инквизиция несколько раз подвергалась опасности быть подавленной или подчиненной общим формам закона. Такие случаи были более частыми во время правления Карла IV.

Графы д'Аранда, де Флорида-Бланка и Кампоманес, а также чрезвычайный совет представляли Карлу III постоянные злоупотребления, совершаемые *святой канцелярией*, но он удовлетворился принятием некоторых постановлений, ограничивающих его власть.

В 1794 году дон Мануэль Абад-и-ла-Сьерра, генеральный инквизитор при Карле IV, пожелал реформировать процедуру трибунала и приказал мне написать работу, озаглавленную "*Рассуждение о процедурах Святой канцелярии*", в которой я представил пороки реальной практики и средства их устранения, даже несмотря на то, что судебное разбирательство по делам о ереси все еще должно оставаться тайным. Но путем различных интриг от Карла IV был получен приказ, который вынудил генерального инквизитора покинуть Мадрид и сложить свои полномочия.

Была предпринята еще одна попытка, когда принц Мира раскрыл заговор против него; королевский указ о подавлении был составлен, но так и не представлен на подпись королю, потому что Годой оказался жертвой контринтриги. В следующем году Ховельянос пожелал воспользоваться сочинением, которое я сочинил для дона Мануэля Абад-и-ла-Сьерра, копию

которого я дал ему, но ему не удалось осуществить свой замысел; и Карл IV, который был плохо информирован и обманут интриганами, приказал этому министру удалиться в свой дом в Хихоне в Астурии. Попытка Уркихо уже упоминалась.

В 1808 году Наполеон Бонапарт издал указ о подавлении инквизиции в Шамастине, недалеко от Мадрида; он утверждал, что трибунал был посягательством на королевскую власть.

В 1813 году генеральные кортесы королевства приняли те же меры, заявив, что существование привилегированного трибунала святой канцелярии несовместимо с политической конституцией, которая была принята, опубликована и принята нацией.

Несмотря на эти два последних запрета, трибунал все еще существует; потому что наибольшее число людей, окружающих трон, были и всегда будут сторонниками невежества, ультрамонтанских мнений и тех, кто влиял на мир до изобретения книгопечатания. Эти мнения энергично поддерживаются иезуитами, которые недавно были отозваны в Испанию Фердинандом VII.

ГЛАВА XLIV.

ОБ ИНКВИЗИЦИИ ВО ВРЕМЕНА ПРАВЛЕНИЯ ФЕРДИНАНДА VII.

КАРЛ IV отрекся от короны в пользу своего старшего сына Фердинанда, который начал править в тот же день, прежде чем какой-либо публичный акт подтвердил законность отречения. Королевский и верховный совет Кастилии сочли необходимым соблюсти национальный обычай в этом случае и поручили королевским фискалам изучить законность отречения, чтобы народ мог быть проинформирован о том, что они были освобождены от присяги на верность Карлу. Но совету был немедленно направлен строгий приказ отказаться от этой меры, провозгласить законность отречения и признать Фердинанда королем. Чарльз протестовал против своего отречения; он сказал, что это не было добровольным, поскольку он сделал это только для того, чтобы спасти свою собственную жизнь и жизнь королевы во время мятежа в Аранхуэсе. Фердинанд не обратил внимания на этот протест; император Наполеон воспользовался этим событием, и бурбоны перестали править в Испании. При Карле IV. был в Марселе, а Фердинанд в Валансе, Жозеф Наполеон, король Неаполя, был провозглашен королем Испании; Фердинанд написал Жозефу, поздравляя его и прося его дружбы, и приказал всем испанцам признать его, чтобы предотвратить разорение их страны.

Когда Иосиф был признан королем Испании, архивы Верховного совета и Придворной инквизиции были переданы мне по приказу его величества. С его одобрения я сжег все уголовные процессы, за исключением тех, которые относились к истории, из-за их важности и ранга обвиняемых; но я сохранил все реестры постановлений собора, королевские указы, папские буллы и сводки, документы трибунала и всю информацию, касающуюся генеалогий лиц, занятых в святой канцелярии, из-за их полезности для доказательства родства в судебных процессах, когда это необходимо.

Я прочитал в работе, озаглавленной *Acta Latomorum*, что в октябре месяце 1809 года великая национальная ложа испанских масонов была основана даже в зданиях мадридской инквизиции. Это утверждение я считаю полностью ложным, потому что в то время ключи от здания находились у подчиненного по моему приказу, который никогда бы не согласился отдать

их для такой цели. Я предполагаю, что авторы этой статьи хотели удивить разительным контрастом между различными направлениями одного и того же здания.

Мое знакомство с уже упомянутыми архивами позволило мне написать для Королевской исторической академии (членом которой я имею честь быть) диссертацию под названием *"Мемориал", в которой рассматривается мнение испанцев об инквизиции*. Академия опубликовала мою работу.

Вышеупомянутые материалы, некоторые другие, которые я собирал с 1789 года, и некоторые, которые были присланы мне из Вальядолида и других городов, позволили мне опубликовать в 1812 и 1813 годах два тома *Анналов инквизиции*, которые охватывали все события, происходившие в трибуналах с 1477 по 1530 год. Я не смог закончить эту работу, поскольку был вынужден отправиться во Францию в 1813 году.

22 февраля того же года испанское собрание в Кадисе, которое называло себя *Генеральными кортесами*, упразднило инквизицию, вернув епископам и светским судьям их юрисдикцию, чтобы они могли преследовать еретиков таким же образом, как и до существования инквизиции.

Эта мера вызвала долгие дискуссии на трибуне, и многие ораторы произносили речи большого красноречия. Существовавшая тогда свобода печати позволяла публиковать множество работ как за святую канцелярию, так и против нее. Ее сторонники ничем не пренебрегали в ее защиту; короче говоря, все, что только можно было выдвинуть в пользу такого трибунала, как инквизиция, было опубликовано в Кадисе во время этой знаменитой дискуссии. Но разум возобладал; не потому, что большинство избирателей были нерелигиозными людьми или якобинцами (как впоследствии было несправедливо сказано), а потому, что кортесы нашли непреодолимую силу в аргументации, которая осудила трибунал, который был столь фатальным для процветания нации в течение трех столетий. Представители Испании получили бесконечное количество писем и обращений с благодарностями за благо, оказанное нации: некоторые из этих писем были подписаны лицами, работавшими в инквизиции. Я имею удовольствие заявить, что этот триумф разума и человечности произошел главным образом благодаря документам, которые я предоставил и которые стали известны общественности в 1812 году благодаря *Мемориалу о мнении испанцев относительно инквизиции*, и первому тому *Анналов инквизиции*. Это подтверждается манифестом, адресованным кортесами испанскому народу; в котором представители говорят, что они видели апостольские буллы, адресованные инквизиции, а также жалобы и апелляции заключенных: эти подробности могли быть получены только из вышеупомянутых работ, но они не были приведены, потому что я тогда был государственным советником короля Иосифа.

Однако эти меры кортесов оказались бесполезными. Буонапарте вернул корону Испании Фердинанду по мирному договору в Валансэ в 1813 году, а в марте 1814 года король вернулся в Испанию; по прибытии в Валенсию он сразу же был окружен людьми, проникнутыми готическими предрассудками эпохи рыцарства, и одной из первых мер его администрации было восстановление святой канцелярии 21 июля 1814 года.

В преамбуле к королевскому указу Фердинанд проинформировал народ, что целью восстановления инквизиции было устранение зла, причиненного религии государства иностранными войсками, которые не были католиками; предотвратить то, что могло быть

вызвано впоследствии еретическими взглядами, усвоенными большим количеством испанцев, и сохранить спокойствие в королевстве; что этой меры желали ученые и добродетельные прелаты, а также различные организации и корпорации, которые напомнили ему, что в шестнадцатом веке Испания спасла себя от насилия. распространение ереси и заблуждений, опустошивших другие страны; в то время как искусства и науки процветали под руководством многих людей, которые славились своей ученостью и святостью; что это счастливое влияние инквизиции было причиной, по которой Бонапарт уничтожил трибунал, и что впоследствии та же резолюция была принята хунтой, ложно называющей себя *Генеральными кортесами* королевства, под предлогом того, что инквизиция выступала против конституции Кадиса, и что она была издана только в разгар беспорядков и против пожелания нации. В указе также говорится, что, поскольку было признано необходимым разработать новые законы для исправления определенных злоупотреблений и ограничения привилегий, его величество намеревался обеспечить их соблюдение и назначить двух членов Совета Кастилии и двух членов *священной канцелярии*, чтобы предложить необходимые реформы и изменения в процедурном порядке, касающемся личных дел, и запрета книг.

Похоже, что этими уполномоченными были дон Мануэль де Лардисабаль Урибе и дон Себастьян де Торрес из Совета Кастилии; дон Джозеф Армариля и дон Антонио Галарса, советники инквизиции. Эти люди могли бы предложить реформу, которая устранила бы некоторые пороки или полностью уничтожила бы их. Я не знаю, что эти уполномоченные уже сделали, чтобы оправдать оказанное им доверие, но несомненно, что до сих пор ни одна реформа не была обнародована.

5 мая 1815 года генеральный инквизитор дон Франсис Ксавье де Мир-и-Кампильо опубликовал указ, повелевающий всем, кто считает себя виновным, осудить себя до конца года, и объявляющий, что *Испания заражена новыми и опасными доктринами, которые разрушили большую часть Европы*. Генеральный инквизитор осудил *новые и опасные доктрины*, появившиеся после вступления французской армии, и не упомянул системы, которые были распространены и применены на практике испанскими партизанами во время войны, хотя они действительно находились под его юрисдикцией, потому что раньше они противоречили букве и духу Евангелия. Это обстоятельство побуждает меня предложить его моим читателям, чтобы доказать, что *восстановленная* инквизиция мало чем отличается от той, которая была *подавлена*, поскольку, если последняя допускала распространение произведений, проповедующих цареубийство, и осуждала книги, поддерживающие королевскую власть, то первая начала с осуждения доктрины, которая учила нас, что люди не являются рабами или животными, которых можно покупать и продавать, и в то же время позволяла действовать в соответствии со следующими принципами:

1. Что во время вторжения было допустимо убивать любого француза в Испании, независимо от того, был он солдатом или нет, без различия обстоятельств или средств, потому что все они были врагами страны, защита которой должна была быть в первую очередь.
2. Согласно тому же принципу, было законно убивать любого испанца, который был сторонником высшей власти, обозначенного как *францисканец*.
3. Что у любого испанца из той же партии могут быть отобраны деньги, товары или продукция их поместий, а также что их дома, виноградники, оливковые рощи и другие плантации могут быть сожжены.

4. Что клятва верности, данная при причастии, может быть нарушена, даже если не было сделано никаких мысленных оговорок, потому что человек был убежден, что это единственное средство избежать опасности, угрожающей высшей силой, которая может привести свои угрозы в исполнение в соответствии с общими законами войны.

5. Что священникам и монахам было разрешено отказаться от своей спокойной жизни и заняться военной карьерой, при условии, что это было направлено против французов и францисканцев. Эта доктрина возобладала даже тогда, когда стало ясно, что священнослужители и монахи стали главарями бандразбойников и имели в своих свит позорных наложниц, и что они произвольно взымали взносы с разных городов.

6. Что война против Франции была войной религиозной, и, следовательно, что погибших следует считать мучениками.

7. Что допустимо и даже похвально отказывать в сакраментальном отпущении грехов кающемуся, подчинившемуся высшей силе, если только он не пообещает отказаться от нее и всеми средствами способствовать ее уничтожению.

8. Что предпочтительнее есть мясо по пятницам и в другие дни поста без разрешения, чем получать его от генерального апостольского комиссара Святого Крестового похода Испании, проживающего в Мадриде, которому папа поручил это поручение.

9. Что было позволено сохранять вечную ненависть и возбуждать других к непримиримой войне против испанцев, которые подчинились превосходящим силам.

В мои намерения не входит обвинять епископа Алмейры или нынешних инквизиторов в злоупотреблении своими полномочиями. Эдикт, в целом, выражает намерение применять мягкие меры, и до сих пор не похоже, что они были неверны этому правилу; поскольку я не могу поверить некоторым сообщениям, распространенным в Париже, или тому, что было сказано в 1815 году в *Acta Latomorum*. Автор, объявив о восстановлении инквизиции Фердинандом VII, добавляет, что он запретил масонские ложи под страхом наказания за государственную измену. В другой статье того же труда, посвященной событиям 1814 года, говорится:

"25 сентября двадцать пять человек были арестованы по подозрению в том, что они были членами масонской ложи и сторонниками Кортесов: среди них были маркиз Толоса; каноник Марина, ученый и выдающийся член Академии; доктор Луке, придворный врач; и несколько французов, итальянцев и немцев, которые поселились в Испании. Храбрый генерал Алава, который был выбран генералом Веллингтоном своим адъютантом из-за его заслуг, был заключен в тюрьму святой канцелярией как масон". Я считаю последнее утверждение полностью ложным, потому что в заслуживающих доверия письмах и "Газетах Испании" говорилось только о том, что король отправил генералу приказ покинуть Мадрид, но он был отменен, поскольку его величество обнаружил, что его обманули; несомненно, что Фердинанд некоторое время спустя отправил его своим послом в Нидерланды.

Отчет, приведенный в "Мадридской газете" 14 мая 1816 года *о аутодафе*, устроенном мексиканской инквизицией 27 декабря 1815 года, заслуживает большего доверия. Дон Джозеф-Мария Морельос, священник, встал во главе своих соотечественников с намерением освободить свою страну от владычества короля Испании. Святая канцелярия преследовала его за ересь, в то время как вице-король арестовал его за мятеж. Тюрьмы святой канцелярии были

предпочтительнее государственных, и было найдено несколько свидетелей, которые подтвердили определенные факты, которые мексиканские компетентные органы сочли достаточными, чтобы дать им право объявить Морельоса подозреваемым в атеизме, материализме и других заблуждениях. Одним из доказательств его вины было то, что у него было двое детей. Обвиняемый отрекся от престола и получил отпущение грехов в ходе *аутодафе*, которое праздновалось с таким же размахом, как и во времена правления Филиппа II. Когда инквизиторы относились к Мореллосу с такой умеренностью, они знали, что вице-король повесит его; перед казнью епископ Антекеры в Америке лишил его сана.

Я не знаю, проводила ли испанская инквизиция *аутодафе* с момента своего восстановления. Я только скажу, что если его члены хотят следовать заповедям Евангелия более верно, чем их предшественники, они должны следовать примеру своего главы, Пия VII. В письме из Рима, датированном 31 марта 1816 года, сообщается, что его Святейшество отменил применение пыток во всех трибуналах святой канцелярии и что резолюция была доведена до сведения послов Испании и Португалии[80]. Во втором письме из того же города от 17 апреля следующего года говорится, что процедура инквизиции должна была быть аналогична процедуре других трибуналов и быть обнародована[81].

В третьем письме от 9 мая говорится, что римская инквизиция отменила приговор, вынесенный равеннской инквизицией Соломону Мозесу Вивiani, который вернулся в иудаизм после того, как отрекся от него, чтобы стать христианином. Подтверждая отмену, Папа сказал: "Божественный закон не имеет той же природы, что и человеческий, это закон убеждения и мягкости; преследования, изгнания и тюремное заключение подходят только лжепророкам и апостолам лжеучений. Давайте пожалеем человека, который не видит истинного света или даже отказывается видеть его; причина его слепоты может иметь тенденцию к осуществлению глубоких замыслов провидения и т.д. " Его Святейшество, с тех пор председательствующий в конгрегации святой канцелярии, постановил, что "во всех судебных процессах по делам о ереси обвинитель должен предстать перед обвиняемым в присутствии судей, и выразил намерение, чтобы судебные процессы проводились таким образом, чтобы избежать смертной казни"[82]."

Другое письмо из Рима от 17 января 1817 года содержит следующую статью: "Сообщается, что святая канцелярия будет реформирована в этом году. Похоже, что ему будет разрешено действовать только в том же порядке, что и другим судам. Правительство считает опасным допускать существование органа, который бесполезен и всегда вооружен против прогресса разума. Вы можете полагать, что Инквизиция уже прекратила свое существование[83]."

В марте 1816 года португальский посол направил дипломатическую ноту кардиналу-государственному секретарю его Святейшества, в которой он информирует его от имени своего двора об осуждении работы, напечатанной инквизитором Луи де Парамо, о формальном и судебном подавлении святой канцелярии и о восстановлении епископам их прежних привилегий[84].

Эти справедливые и умеренные меры должны были бы стать правилом и руководством для испанских инквизиторов; если бы они сделали процесс публичным и освободили заключенных под залог, я признаюсь, что не побоялся бы предстать перед этим трибуналом.

С тех пор, как была напечатана эта статья, мне сообщили, что генеральный инквизитор Миер Кампильо мертв, и что Фердинанд назначил его преемником монсеньора Жерома Кастийона де

Саласа, епископа Тарагонского. Дай Бог, чтобы он лучше, чем его предшественник, понимал дух Евангелия и необходимость реформирования инквизиции!

ЧИСЛО ЖЕРТВ ИНКВИЗИЦИИ

Невозможно определить точное количество людей, погибших в первые годы после учреждения святой канцелярии. Люди были сожжены в 1481 году, а Верховный совет был создан только в 1483 году. Реестры в его архивах и в архивах нижестоящих трибуналов относятся к еще более позднему времени; и поскольку генеральный инквизитор сопровождал суд, у которого не было постоянного места жительства до правления Филиппа II., многие судебные процессы, должно быть, были проиграны во время этих поездок. Эти обстоятельства обязывают меня основывать свои расчеты на сочетании определенных данных, которые я нашел в реестрах и писаниях святой канцелярии.

Мариана в своей "Истории Испании" сообщает нам, что в 1481 году инквизиторы Севильи приговорили две тысячи человек к *послаблению*, то есть к сожжению, и что было столько же чучел; число примиренных составило тысячу семьсот человек. Последние всегда подвергались суровым наказаниям.

The *аутодафе* того периода, которые я исследовал в Сарагосе и Толедо, наводят меня на мысль, что каждый трибунал инквизиции ежегодно отмечал по меньшей мере четыре *аутодафе*. Были последовательно организованы провинциальные трибуналы. Я не говорю о тех, кто жил в Мексике, Лиме, Карфагене в Америке, на Сицилии или Сардинии, хотя они и подчинялись генеральным инквизиторам и Верховному совету, потому что я могу произвести расчеты только для тех, кто жил на полуострове и соседних островах.

Андрес Бернальдес, современный историк, очень привязанный к новому учреждению, в котором он занимал должность раздающего милостыню второму инквизитору, утверждает в своей неизданной "Истории католических королей", что с 1482 по 1489 год в Севилье было сожжено более семисот человек и более пяти тысяч подвергнуто епитимье: он не упоминает изображения.

В 1481 году это число сравнивалось с числом сожженных. Я, однако, предположу, что это была лишь половина от того числа, чтобы избежать всякого преувеличения, хотя в целом оно было гораздо более значительным; поэтому я могу сказать, что в каждый год этого периода в Севилье было сожжено 88 человек, 44 чучела и 600 осужденных на различные епитимьи; всего 757. Тот же метод расчета может быть применен и к другим судам провинции, которые были тогда основаны.

В замке Триана в Севилье, где заседал инквизиционный трибунал, есть надпись, сделанная там в 1524 году, из которой следует, что за период времени с 1492 по тот год было сожжено около 1000 человек и 20 000 приговорены к епитимьям; — Я предположу, что было сожжено 1000 человек и 500 изображений, что даст за каждый год 32 сожженных, 16 изображений и 625 подвергнутых епитимье. Я мог бы допустить аналогичный результат для всех судов королевства, но я предпочитаю взять половину, исходя из предположения, что торговля, ведущаяся в Севильском королевстве, привлекала туда много еврейских семей.

Что касается 1490, 91 и 92 годов, прошедших между годами, упомянутыми Бернальдесом, и периодом Трианской надписи, я предпочитаю рассчитывать в соответствии с тридцатью двумя годами после надписи.

Таковы основы моих расчетов за первые восемнадцать лет существования инквизиции. С того времени я буду рассматривать его как полностью принадлежащее правительству Торквемады, первого генерального инквизитора; ибо, хотя его должность была создана только в 1483 году, два предыдущих года могут быть объединены с его администрацией, потому что в то время он был одним из инквизиторов, назначенных папой. Я, однако, тщательно выделяю время, когда суды низшей инстанции начали действовать, поскольку в первый год погибло большее число людей из-за того, что они недостаточно следили за своими словами и действиями.

1481. Севилья, единственный трибунал. Сожжен, 2000. Изображения, 2000. Епитимьи, 1700. Итого, 21 000.

Я не упоминаю Арагон, где старая инквизиция была в полном разгаре.

1482. Севилья. Сожжено - 88. Чучела - 44. Покаяния - 625. Всего - 757.

Трибуналы Арагона, Каталонии, Валенсии и Майорки принадлежали старой инквизиции.

1483. Севилья. То же самое.

В этом году были учреждены трибуналы в Кордове, Хаэне и Толедо; вероятно, в этих местах было осуждено столько же человек, сколько в первый год в Севилье, но я возьму десятую часть этого числа.

Кордова. Сожжено 200. Чучела, 200. Покаяния, 17. Итого, 2100. Хаэн, то же самое. Толедо, то же самое. Всего 7057.

1484. Севилья. Сожжено - 88. Чучела - 44. Покаяния - 625. Всего - 757.

Я подсчитал половину этого числа для каждого из трех дополнительных трибуналов. Итого, 1892 год.

1485. Севилья, то же самое. Кордова, то же самое. Хаэн, то же самое. Толедо, то же самое.

Вальядолид, Эстремадура, Мурсия, Калаорра, Сарагоса и Валенсия; сожжено по 200 человек в каждой. Изображения - 200. Епитимьи - 1700. Всего - 2100.

Для десяти трибуналов. Всего 12 930.

1486. Севилья, как и прежде.

Кордова, Хаэн и Толедо, то же самое.

Вальядолид, Льерена, Мурсия, Логроньо, Сарагоса и Валенсия; столько же, сколько Кордова.

Для десяти трибуналов. Всего 4149.

1487. Севилья и другие трибуналы; столько же, сколько и в предыдущем году.

Барселона и Майорка, сожженные, 200. Изображения, 200. Епитимьи, 1700.

Всего по двенадцати трибуналам - 8359.

1488. Севилья, то же самое.

Одиннадцать других трибуналов, столько же, сколько и раньше. Всего 4915.

1489. То же, что и в предыдущем году. Здесь завершаются расчеты, основанные на заявлениях Марианы и Бернальдеса.

1490. Севилья. Сожжено - 32. Чучела - 16. Наложено покаяние - 625. Всего - 663. Согласно расчету из надписи Трианы.

Можно считать, что одиннадцать других трибуналов наказали половину этого числа. Итого по двенадцати - 4369.

С 1491 по 1498 год. Согласно моей системе сокращения, общее число жертв за восемь последних лет правления Торквемады составило 34 952 человека.

Всего за восемнадцать лет его правления - 105 294.

С 1499 по 1507 год. *Второй генеральный инквизитор.* Дон Фрай Диего Деза. Для двенадцати трибуналов за восемь лет его правления. Сожжен, 1664. Изображения, 832. Епитимьи, 32 456. Итого, 34 952.

С 1507 по 1518 год. *Третий генеральный инквизитор.* Кардинал Хименес де Сиснерос. В 1513 году он отделил трибунал Куэнсы от трибунала Мурсии.

Число лиц, осужденных за одиннадцать лет его правления. Сожжено - 2536. Изображения - 1368. Епитимьи - 47 263. Итого, 51 163.

С 1518 по 1524 год. *Четвертый генеральный инквизитор.* Кардинал Адриан. Количество трибуналов на полуострове такое же, как и при его предшественнике. Сожжено - 1344. Чучела - 662. Епитимьи - 26 214. Итого, 28 230.

С 1524 по 1539 год. *Пятый генеральный инквизитор.* Кардинал Манрике. По моим подсчетам, за каждый год правления этой администрации в каждом из трибуналов было сожжено 10 человек, из них 5 чучел и 50 подвергнуты епитимьям; всего 65. На полуострове было тринадцать трибуналов и два на соседних островах. Согласно предыдущим подсчетам, мы находим, что за пятнадцать лет правления Манрике было сожжено 2250 человек. Изображения, 1120. Покаяния, 11 250. Всего, 14 625.

С 1539 по 1545 год. *Шестой генеральный инквизитор.* Кардинал Табера. Можно считать, что его правление длилось семь лет. По моим подсчетам, за этот период было сожжено 840 судов из пятнадцати. Изображения - 420. Епитимьи - 4200. Итого, 5460.

Седьмой генеральный инквизитор. Кардинал Лоайза был назначен в 1546 году и умер в том же году; время его правления, можно сказать, составило двенадцать месяцев. В "Пятнадцати трибуналах", Сожжено, 120. Изображения, 60. Епитимьи - 600. Всего - 780.

Восьмой генеральный инквизитор. Дон Фердинанд Вальдес, архиепископ Севильи. Двадцать лет в пятнадцати трибуналах, сожжен, 2400. Изображения - 1200. Епитимьи - 12 000. Всего - 19 600.

Генеральный инквизитор девятого ранга. Кардинал Эспиноза, шесть лет. Сожжен, 720. Изображения, 360. Епитимьи - 3600. Всего - 4680.

Генеральный инквизитор десятого ранга. Дон Педро де Кордова, Понсе де Леон, унаследовал престол в 1572 году и умер в январе 1573 года, не успев вступить в должность.

Одиннадцатый генеральный инквизитор. Кардинал Кирога, двадцать два года. Еще один трибунал был учрежден в Галисии. В шестнадцати трибуналах было сожжено 2816. Чучела - 1408. Епитимьи - 14 080. Всего - 18 304.

Двенадцатый генеральный инквизитор. Дон Жером Манрике де Лара, епископ Карфагенский и Авильский, один год. Всего за шестнадцать инквизиций сожжено 180. Чучел - 64. Епитимий - 640. Всего 832.

Тринадцатый генеральный инквизитор. Дон Педро де Порто-Карреро, епископ Куэнсы, три года. Сожжен, 184. Изображения, 92. Епитимьи, 1920. Итого, 2196.

Четырнадцатый генеральный инквизитор. Кардинал Гевара - три года. Сожжено - 240. Изображения - 96. Покаяния, 1728. Всего, 2064.

Пятнадцатый генеральный инквизитор. Дон Хуан де Суньига, епископ Карфагенский, один год. Сожжено - 84. Чучела - 32. Епитимьи - 576. Всего - 688.

Шестнадцатый генеральный инквизитор. Дон Хуан Баутиста де Асебедо, архиепископ из части неверных, пять лет. Сожжен, 400. Изображения, 116. Покаяния, 2880. Всего, 3440.

Семнадцатый генеральный инквизитор. Кардинал Сандовал-и-Роксас, одиннадцать лет. Сожжен в 880 году. Изображения - 352. Покаяния - 6336. Всего - 7568.

Восемнадцатый генеральный инквизитор. Дон Фрай Луис де Алиага, два года. Сожжен, 240. Изображения, 96. Покаяния, 1728. Всего, 2064.

Девятнадцатый генеральный инквизитор. Дон Андрес Пачеко - четыре года. Сожжено - 200. Чучела - 128. Епитимий, 1280. Всего, 1664.

Двадцатый генеральный инквизитор. Кардинал Мендоса, шесть лет. Сожжен, 384. Изображения, 192. Епитимьи, 1920. Всего 2496.

Двадцатьпервый генеральный инквизитор. Дон Фрай Антонио де Сотомайор, архиепископ *in partibus infidelium*, одиннадцать лет. Сожжен, 704. Изображения, 352. Покаяния, 3520. Всего, 4576.

Двадцать второй генеральный инквизитор. Дон Диего де Арсе-и-Рейноса, епископ Пласенсии, двадцать три года. Сожжено - 1472. Чучела - 736. Покаяния - 7360. Всего - 9568.

Двадцать третий генеральный инквизитор. Кардинал д'Арагон. Уволен до того, как он вошел в свой кабинет.

Двадцать четвертый генеральный инквизитор. Дон Хуан Эверард Нитардо, три года. Сожжен, 144. Изображения, 48. Епитимьи - 576. Всего - 768.

Двадцать пятый генеральный инквизитор. Дон Диего Сармьенто де Вальядарес, двадцати шести лет. Сожжен в 1248 году. Изображения, 416. Покаяния, 4992. Всего, 6656.

Двадцать шестой генеральный инквизитор. Дон Хуан Томас Рокаберти, архиепископ Валенсии, пять лет. Сожжен, 240. Изображений - 80. Покаяний - 960. Всего - 1280.

Двадцать седьмой генеральный инквизитор. Кардинал Агилар. Умер до вступления в должность.

Двадцать восьмой генеральный инквизитор. Дон Бальтазар Мендоса-и-Сандовал, епископ Сеговии, пять лет. Сожжено - 240. Изображения - 80. Покаяния - 960. Всего - 1280.

Двадцать девятый генеральный инквизитор. Дон Видаль Марин, епископ Сеуты, четыре года. Семнадцать трибуналов. Сожжено - 136. Изображения - 68. Покаяния - 816. Всего - 1020.

Тридцатый генеральный инквизитор. Дон Антонио Ибаньес де ла Рива Эррера, архиепископ Сарагосы, два года. Сожжено - 68. Чучела - 34. Покаяния - 408. Всего - 510.

Тридцать первый генеральный инквизитор. Кардинал Джудис, шесть лет. Сожжен, 204. Изображения, 102. Епитимий - 1224. Всего - 1530.

Тридцать второй генеральный инквизитор. Дон Джозеф Молинес, аудитор Роте в Риме, два года. Сожжен, 68. Чучела, 34. Наказания, 408. Всего, 510.

Тридцать третий генеральный инквизитор. Don Juan de Arzamendi. Умер до того, как заступил на должность.

Тридцать четвертый генеральный инквизитор. Дон Диего де Асторга-и-Сеспедес, епископ Барселоны, два года. Сожжен, 68. Чучела, 34. Наказания, 408. Всего, 510.

Тридцать пятый генеральный инквизитор. Дон Хуан де Камарго, епископ Памплуны, тринадцать лет. Сожжен, 442. Изображения, 221. Покаяния - 2652. Всего - 3315.

Тридцать шестой генеральный инквизитор. Дон Андрес де Орбе-и-Ларреатеги, архиепископ Валенсии, семь лет. Сожжен, 238. Изображения, 119. Покаяния, 1428. Всего, 1785.

Тридцать седьмой генеральный инквизитор. Дон Мануэль Исидро Манрике де Лара, архиепископ Сантьяго, четыре года. Сожжен, 336. Изображения, 68. Покаяния, 816. Всего, 1020.

Тридцать восьмой генеральный инквизитор. Дон Франсиско Перес де Прадо-и-Куэста, епископ Теруэльский. Он был утвержден папой в 1746 году; я не знаю точного срока его правления, но я установил его в 1757 году, перед смертью Фердинанда VI, который назначил своего преемника. Сожжено, 10. Изображения, 5. Епитимьи, 107. Всего, 122.

Тридцать девятый генеральный инквизитор. Дон Мануэль Кинтано Бонифас, архиепископ Фарсалы, семнадцать лет. Сожжение, 2. Епитимьи, 10 публично, большее количество наедине.

Сороковой генеральный инквизитор. Дон Филипп Бертран, епископ Саламанки, девять лет. Двое были сожжены за каждый год правления этой администрации, шестеро приговорены к публичным и большое количество к частным карам[85].

Сорок первый генеральный инквизитор. Дон Августин Рубин де Севальос, епископ Хаэна, девять лет. Четырнадцать человек приговорены к публичной епитимье, и значительное число осуждено внутри страны.

Сорок второй генеральный инквизитор. Дон Мануэль Абад-и-ла-Сьерра, архиепископ Селимбрии, два года. Шестнадцать человек были приговорены к публичному наказанию, еще большее число - к частному покаянию.

Сорок третий генеральный инквизитор. Кардинал Лоренцана, три года. Публичные епитимьи, 14. Очень большое число осужденных на частные епитимьи. Одно чучело было сожжено в Куэнсе.

Сорок четвертый генеральный инквизитор. Дон Рамон Джозеф де Арсе, архиепископ Сарагосы, одиннадцать лет. Двадцать человек были приговорены к публичным и очень значительное число - к частным карам. Священник из Эско был приговорен к сожжению, но великий инквизитор и Верховный совет не позволили привести приговор в исполнение.

Количество лиц , которые были осуждены и погибли в огне	31,912
Сожженные чучела	17,659
Приговорен к суровым карам	291,450
	341,021

КОНЕЦ.

ЛОНДОН:

Напечатано УИЛЬЯМОМ КЛАУЗОМ,
Стэмфорд-стрит.

Следующие типографские ошибки были исправлены переводчиком etext:

те, кто уже находился в тюрьме, были исключены из процесса помилования => те, кто уже
находился в тюрьме, были исключены из процесса помилования

Джон Гутьеррес де Шабес=> Джон Гутьеррес де Шабес

Дон Диего Деза, доминиканец=> Дон Диего Деза, доминиканец

полностью составлено авторами-католиками=> полностью составлено авторами-католиками

он вышел и был убит=> он вышел и был убит

более благосклонно встречен, чем в Вальядолиде=> более благосклонно принят, чем в
Вальядолиде

расходы на проезд и содержание=> расходы на проезд и содержание

разум был так сильно расстроен => разум был так сильно расстроен
из-за тайны их производства=> из-за тайны их производства
секретность и два члена Совета Кастилии=> секретность и два члена Совета Кастилии
ординарный инквизитор епархии=>ординарный инквизитор епархии
он признает свою вину=> он признает свою вину
Николас Антонио говорит, что он умер с репутацией святого=> Николас Антонио говорит, что он
умер с репутацией святого
Есть повод сказать=> Есть повод сказать
похоже, из cotemporary=>похоже, из contemporary
совершил несколько поездок в Вальядолид=> совершил несколько поездок в Вальядолид
Королева и принцы были в слезах=> Королева и принцесса были в слезах
его смерть была напрашивающейся=> его смерть была неизбежной
впоследствии переведен в город из=> впоследствии переведен в город из
когда Казелла был арестован=>когда Казелла был арестован
постановление конгрегации должно быть отменено.=> постановление конгрегации должно быть
отменено.
Майорка, Бильбоа, Вальядолид, ауд-Осма=>Майорка, Бильбоа, Вальядолид и Осма
кладбище Пер-ла-Шез=>кладбище Пер-ла-Шез
был третий по имени Гугенаос=> был третий по имени Гугенаос

СНОСКИ:

[1] Следующий факт показывает, что инквизиторы наших дней не опускаются ниже уровня тех, кто следовал за фанатиком Торквемадой. * * * * присутствовал при открытии инквизиции в 1820 году по приказу мадридских кортесов. В нем был найден двадцать один заключенный, ни один из которых не знал названия города, в котором он находился: некоторые провели в заключении три года, некоторые дольше, и ни один в совершенстве не знал характера преступления, в котором его обвиняли.

Один из этих заключенных был осужден и должен был пострадать на следующий день. Его наказанием должна была стать смерть от *маятника*. Метод такого уничтожения жертвы заключается в следующем: Осужденного привязывают в углублении, на столе, на спине; над ним подвешивают маятник с острым краем, сконструированный таким образом, что с каждым движением он становится длиннее. Несчастный видит, как это орудие разрушения раскачивается взад и вперед над ним, и с каждым мгновением острое лезвие приближается все ближе и ближе: наконец оно разрезает кожу его носа и постепенно продолжает резать, пока жизнь не угасает. Можно усомниться в том, что святая канцелярия в своем милосердии когда-либо изобрела более гуманный и быстрый метод искоренения ереси или обеспечения конфискации. Да будет вам известно, что это было наказание Тайного трибунала в 1820 году нашей эры!!!

[2] *Отпущение грехов ad cautelam* - это отпущение грехов инквизиторами лицам, подозреваемым в ереси.

- [3] С момента публикации этой работы Автору сообщили, что осужденные были только привязаны к статуям *Четырех пророков*, а не заключены в них. Эндрю Бернальдес, современный писатель и очевидец казней, у которого был взят этот факт, недостаточно ясен, чтобы устранить все сомнения.
- [4] Erasmus, письма 884, 907, 910.
- [5] Сандовал. История. Чарльз против Б. 24, § 23.
- [6] Салазар де Мендоса, Жизнь дона Бартоломью Каррансы, глава vii.
- [7] "Жизнь Джона Луи Вивеса" майя во введении к новому изданию его работ.
- [8] Вирусы: *Филиппики против Меланхтона*, в посвящении Антверпенского издания 1541 года.
- [9] Реджинальдус Гонсалвиус Монтанус, *Святая инквизиция Испании, аликовота обнаружена*. Эта работа сейчас чрезвычайно редка; она была опубликована в 8 в. в Гейдельберге в 1567 году.
- [10] Карл V. - герой этого стихотворения.
- [11] Дон Антонио Каэтан де Соуза включил эту буллу в свою генеалогическую историю королевского дома Португалии; Том II.
- [12] Продолжение от Гонсалеса де Монтеса.
- [13] "История Карла V" Сандовала, том ii.
- [14] "История Карла V" Сандовала, том ii.
- [15] Кабрера, Hist. Филипп II, Книга 2. Глава vi.
- [16] Кабрера, там же, Б. I. глава. viii. и ix.
- [17] Лэти, Жизнь Филиппа II. Книга 17.—Рейнальди, "Летописи Церкви". Ап. 1563, № 146.—Палавичини, История. Тридентский собор, книга 22, глава. viii.—Сарпи, История. Тридентский собор, Книга 8. № 42.
- [18] См. Главу XVI.
- [19] Пеллесир, Энсаго Библиотеки традиций Испании. Статьи, *Рейна, Перес и Валера*.
- [20] Regnialdus Gonzalirus Montanus, *Святая инквизиция Испании, обнаруженная аликовотами*, в рубрике *Publicato testium*, стр. 50.
- [21] Флери, История. Школы, лив. 154, энн. 1559, № 14.
- [22] Уллоа, *Жизнеописание Карлоса V.*, издание Венеции; 1589, стр. 237.
- [23] *Информатор* допускается в качестве свидетеля в нарушение верховенства права, и наказание за лжесвидетельство не назначается, если выясняется, что он таковым является.
- [24] Они так и не сочли эту меру необходимой. Старые буллы и кортесы предусматривали, что предварительный акт об аресте должен быть одобрен и подписан обычным инквизитором

епархии. Причина продиктовала эту меру, поскольку постановление об аресте не допускает повестки в суд.

[25] Эта форма наносит большой ущерб заключенному, когда разговор ведется с одним человеком, потому что способ изложения факта предполагает троих: обвиняемого, собеседника и человека, который видел или слышал.

[26] Это неудобство заключалось в опасности, которой подвергалась тайна святой канцелярии в результате деятельности этих прокураторов.

[27] Это ложь; преимущества, напротив, были очень важны, потому что прокуроры, которые знали лиц, способных доказать отвод предполагаемых свидетелей, проинформировали их об этом, чтобы поддержать обвиняемого.

[28] Новым христианам, родственникам, слугам, злоумышленникам, печально известным личностям, фактически каждому мужчине, жене, ребенку разрешается давать показания против обвиняемого, и он не может вызвать в качестве свидетеля никого, кто является родственником или слугой!

[29] Это несправедливо. Если бы обвиняемый видел доказанные материалы экспертизы в свою защиту или если бы они были доведены до сведения его адвоката, он часто извлек бы из них убедительные аргументы против показаний обвинения.

[30] Оно использовалось нечасто, потому что инквизиторы не желали раскрывать тайну своих незаконных разбирательств; они считали его *опасным*, потому что оно было выгодно обвиняемым в тех немногих случаях, когда оно использовалось; они хотели, чтобы оно использовалось с большой осторожностью, потому что они чувствовали, что те, кто не являются инквизиторами, действуют как судьи. Каноническое доказательство происходит в присутствии двенадцати человек, которые под присягой заявляют, считают ли они обвиняемого невиновным или виновным. Они были своего рода присяжными, которым инквизиторы были обязаны показать первоначальный процесс, и, таким образом, обвиняемый больше зависел от присяжных, чем от инквизиторов.

[31] Я не читал ни одного процесса, доказывающего, что более одного инквизитора помогали при этой казни; Я никогда не видел ни ординарцев, ни консультантов, присутствовавших при ней; вопрос задавался только в присутствии инквизитора, нотариуса и палачей.

[32] Впоследствии было установлено, что это должно быть сделано во всех окончательных предложениях.

[33] Судебный процесс начался в 1558 году; он длился уже более пятнадцати лет, но совет сказал, что все прошло быстро!

[34] Отец Кирхер вставил это письмо в свою работу под названием *Principis Christiani Archetipon Politicum*.

[35] Кирхер полностью вставил это письмо в упомянутую выше работу.

[36] Эстрада: десятилетия войны за Фландрию. Десятилетие i. до н. э. 7.

- [37] Это относится к поездке королевы в Байонну, чтобы посоветоваться со своей матерью по политическим вопросам Лиги. Это произошло в 1565 году.
- [38] Кабрера: История Филиппа II., глава 28.
- [39] Вандер-Хамер: История Филиппа II., стр. 115. Кабрера: Благоразумие Филиппа II., род. vii. парень. 22.
- [40] Кабрера. Там же. глава 28.
- [41] Кирхер: *Посмотрите* упомянутую ранее работу, b. ii. глава. 2.
- [42] Эстрада: Войны во Фландрии, 7-е десятилетие I в. до н. э.
- [43] Кабрера: История. Филипп II, род. vii. глава 28.
- [44] Вандер-Хамен: Жизнь дона Джона Австрийского, книга первая.
- [45] Кабрера: История. Филипп II, книга vii. глава II. 22.
- [46] Ретамар - это место, расположенное на полпути между Мадридом и Пардо.
- [47] Кабрера, книга vii. глава. 22.—Странствующий Хамен: Жизнь дона Джона Австрийского, книга i.
- [48] Святой Иероним - монастырь ордена иеронимитов, основанный Генрихом IV. Рядом с этим монастырем находится старый королевский дворец под названием *Буэн Ретиро*.
- [49] *Аточа* - монастырь доминиканцев недалеко от *Буэн-Ретиро*, на восточной стороне.
- [50] Это было не в следующую субботу, то есть 3 января 1568 года, а 17 января, за день до ареста Дона Карлоса.
- [51] Принцы Богемии и Венгрии, затем в Мадриде, также дон Иоанн Австрийский и Александр Фарнезе.
- [52] Некоторые галеры, которые тогда готовились под командованием дона Джона.
- [53] Великий приор ордена Святого Иоанна Иерусалимского: его звали дон Антонио де Толедо, брат герцога Альвы и член государственного совета.
- [54] Герцог де Ферия был генерал-капитаном королевской гвардии и членом государственного совета.
- [55] Луи Кихада был лордом Вильягасии, сыном того, кто был мажордомом Карла V. в отставке. Граф де Лерма впоследствии стал первым герцогом и фаворитом Филиппа III. Дон Родриго де Мендоса был старшим сыном принца д'Эволи.
- [56] Сын дона Габриэля, графа де Сируэла.
- [57] Впоследствии в апартаментах принца была отслужена месса; это показывает, что отчет был написан до 2 марта, когда был отдан приказ о ее исполнении.
- [58] 19 января 1568 года.

[59] Привет. Его звали Педро дель Ойо.

[60] Речь идет о старших сыновьях, имеющих право наследования короны, которая является *майорато* или бессрочной заменой в порядке первородства.

[61] Джейн, сестра короля, которая воспитывала Дона Карлоса до того, как у него появились хозяева.

[62] *монтеросы* - телохранители короля на ночь. Всех членов этой гвардии зовут *Монтерос де Эспиноса*, потому что они должны были родиться в районе под названием *Эспиноса де ла Монтерос*; это привилегия, которая была дарована им суверенным графом Кастилии Фердинандом Гонсалесом в награду за выдающийся акт верности.

[63] Ватсон: История правления Филиппа II., на английском и французском языках, приложение.

[64] Де Ты: История его времени, на латыни, том ii. б. 43.

[65] Comentarios del Reverendissimo señor Fray Barthome Carranza de Miranda, Arzobispo de Toledo, sobre el cathecismo christiano, divididos en quatro partes, les quales contienen todo lo que profesamos en el santo bautismo, como se vera en la plana siguiente, dirigida al serenissimo señor rey de Espana, &c., nuestro señor. En Anveres, en casa de Martin Nucio, Anno M. D. LVIII., con privilegio real.

[66] Рейнальдо: Церковные анналы за 1563 год, № 137. Пол Сарпи: История Тридентского собора, род. viii. стр. 32.

[67] Эти выражения показывают, что граф предвидел, что резолюция собора будет благоприятной для Катехизиса; и в этом случае святая канцелярия Испании была бы обещана.

[68] Верховный судья Арагона был судьей-посредником между королем и его подданными и не зависел от него как от судебного исполнителя, перед которым король был только стороной, выступающей в суде. Эта магистратура была учреждена конституцией королевства; лицо, наделенное ею, было уполномочено заявить по требованию любого жителя, что король, его судьи или магистратские чиновники злоупотребили своей властью и действовали против закона, нарушая конституцию и привилегии королевства; в этом случае главный судья мог защищать угнетенных силой оружия против короля и, конечно, против его агентов или помощников.

[69] Это выражение является древним в арагонском диалекте и заимствовано из французского, который произошел от латинского *inquisitio*. Это название, данное в кодексе *Фуэрос* приговору, вынесенному магистратам или другим государственным служащим, виновным в супружеской неверности, злоупотреблении властью или других преступлениях.

[70] Генрих IV Французский, тогда называвшийся герцогом Вандомским, и Екатерина де Бурбон, впоследствии суверенная герцогиня Барская.

[71] Молина в то время находился в Мадриде, где был награжден местом в совете военных орденов. В Сарагосе его сменил дон Педро де Самора.

[72] Смотрите *Отношения* Переса.

[73] Смотрите главу XV.

[74] Смотрите главу 15.

[75] Смотрите главу 26.

[76] Смотрите главу 25.

[77] В 1802 году в Париже была напечатана работа М. Клемента под названием *Журнал переписки и путешествий во имя мира Церкви*.

[78] Эти письма можно найти во втором томе *Воспоминаний о службе в истории революции Испании*, Дона Хуана Неллерто, № 34, 59, 67.

[79] Дон Мигель Хуан Антонио Солано родился в Веролине в Арагоне. Природа наделила его изобретательным, проницательным гением, склонным к математическим приложениям; он выучился ремеслу столяра ради собственного развлечения. Он изобрел плуг, который мог бы работать без волов или лошадей, и представил его правительству, но на него не обратили особого внимания. Желая быть полезным своим прихожанам, он взялся удобрять землю в ущелье, расположенном между двумя горами, и полностью преуспел в этом. Он спустил в ущелье воду из фонтана, который находился примерно в четверти испанской лиги от этого места. Долгая и тяжелая болезнь сделала его хромым, и во время выздоровления он изобрел кресло, в котором мог выходить в свой сад. Когда возраст склонил его к размышлениям иного характера, поскольку книг у него было немного, он особенно занялся изучением Библии и на основе нее сформировал свою религиозную систему, которая мало отличалась от системы реформированных протестантов, которые больше всего привержены дисциплине первых веков церкви; он был убежден, что все, что не выражено в Новом Завете или противоречит буквальному смыслу текста, было изобретено человеком. Он изложил свои чувства в письменном виде и отправил работу своему епископу с просьбой проинструктировать его и высказать свое мнение. Епископ Лопес Хиль пообещал прислать ему ответ; но поскольку он не пришел, Солано сообщил о своем мнении некоторым профессорам теологии в Университете Сарагосы и нескольким викариям по соседству: он был в результате донесен инквизиции Сарагосы, которая приступила к сбору информации и аресту преступника. Священник, называвший себя его другом, получил приказ арестовать несчастного Солано, при этом ему была предоставлена полная свобода, чтобы дать ему возможность выздороветь. Солано, однако, нашел способ переправиться в Олерон, ближайший город на границе с Францией; но вскоре после этого, в зависимости от благости своих намерений, надеясь, что инквизиторы уважат его невиновность и укажут ему на его ошибки, если он в них впал, он вернулся в Испанию и написал им, что подчинится чему угодно, лишь бы его просветили и убедили. Его поведение доказывало, что он был мало знаком с трибуналом инквизиции.

[80] См. *"Газетт де Франс"*, за 14 апреля 1816 г., № 103.

[81] *"Газетт де Франс"*, *"Журналь дю Суар"*, за 1 мая 1816 года.

[82] *"Газетт де Франс"*, 22 мая 1816 г., № 41.

[83] *"Газетт де Франс"*, 21 января 1817 г., № 31.

[84] *"Газетт де Франс"*, 3 апреля 1816 г., № 94.

[85] Последним человеком, сожженным инквизицией, была Беата за то, что заключила договор с дьяволом. Она пострадала 7 ноября 1781 года.